ИНСТИТУТ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

Г. В. ПЛЕХАНОВ

СОЧИНЕНИЯ

ТОМ
XIX

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

РФ 87,3
3К9 335
П-38

ИНСТИТУТ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БИБЛИОТЕКА НАУЧНОГО СОЦИАЛИЗМА
ПОД РЕДАКЦИЕЙ Д. РЯЗАНОВА

Г. В. ПЛЕХАНОВ

СОЧИНЕНИЯ

г. Комсомольск н/А
им. А. Н. Островского
КНИГОХРАНЕНИЕ
ЧИТ. ЗАЛ
Центр Гор. Библиотека им. А. Н. Островского г. Комсомольск

ТОМ XIX

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Д. РЯЗАНОВА

ПРОВЕРЕНО-69

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ★ 1927 ★ ЛЕНИНГРАД

Главлит 60330
Изд 16160. Тираж 20.000

БОРЬБА ПРОТИВ ЛИКВИДАТОРСТВА

1909 — 1914 г.г.

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

Настоящий том хронологически составляет продолжение пятнадцатого, в котором помещены были статьи Плеханова по вопросам тактики, написанные им от декабря 1905 до 1908 г. В нем собраны, главным образом, статьи Плеханова против ликвидаторства за время от августа 1909 г., когда вышел девятый номер «Дневника социал-демократа», до августа 1914 г., т.-е. до начала мировой войны.

Но разрыв с меньшевиками произошел раньше августа 1909 г. Мы уже писали в предисловии к пятнадцатому тому, что в начале 1908 г. Плеханов сделал еще раз попытку собрать «рассыпавшуюся храмину меньшевизма». Необходимым предварительным условием для этого он считал борьбу с ликвидаторскими тенденциями, ясно намечавшимися среди меньшевиков уже в 1907 г., во время Лондонского с'езда партии. В конце января 1908 г. состоялась конференция меньшевиков в Женеве, на которую Плеханов, по состоянию своего здоровья, — он жил тогда в Нерви, — приехать не мог. Именно к этому времени относится письмо, в котором он пишет Аксельроду о необходимости борьбы с «большевистским бакунизмом». На конференции боролись два течения: одно, требовавшее выхода из партии, и другое, настаивавшее на необходимости оставаться в партии, чтобы «завоевать» партийные учреждения. Во главе первого стоял Мартов, руководившийся «безусловно отрицательным отношением к попыткам воскресить нелегальные формы деятельности». Аксельрод, солидарный по существу с Мартовым и поддерживавший последнего против Дана и Мартынова, считал, однако, необходимым пока официально не порывать со старой партией. «Я ему (Мартынову) заявил, — пишет он Плеханову 2 февраля 1908 г., — что положение дел в нашей партийной организации таково, что нам, в интересах социал-демократии и всего рабочего движения, уже никоим образом нельзя всецело, неразрывно связывать судьбу той и другого с партией, как таковой, что, не выходя из нее пока и не провозглашая ее обреченной на гибель, мы должны, однако, считаться с такой перспекти-

вой и не солидаризировать нашего дальнейшего движения с ее судьбой. Быть может, она так дискредитирует себя, *что действительным социал-демократам придется организоваться под названием партии коммунистов.* Но пока наше направление еще очень слабо представлено в движении и пока шансы на оздоровление партии еще не совсем безнадежны, мы должны использовать их и своей последовательной критикой ее отрицательных сторон дискредитировать «большевизм» и шаткие или беспринципные элементы «меньшевизма», чтобы настоящими наследниками и хозяевами «старой формы» могли явиться действительно марксисты и наиболее сознательные элементы пролетариата».

Конференция помирилась на компромиссе, и Плеханов согласился войти в редакцию нового меньшевистского органа «Голос социал-демократа». Оказалось, однако, что редакция, охотно помещавшая статьи Плеханова против Богданова («Materialismus militans», 1908 г., №№ 6—7 и 8—9), потому что это должно было дискредитировать большевиков [1]), упорно закрывала глаза на все ошибки «шатких или беспринципных элементов» среди меньшевиков.

Ленин резко подчеркнул это противоречие в статье «Как Плеханов и К° защищают ревизионизм» («Пролетарий», № 39, 13 ноября 1908 г.). В русской и заграничной литературе меньшевики — Маслов, Потресов, Череванин, Валентинов, Юшкевич и др. — занимались пересмотром (ревизией) марксизма, а редакция «Голоса социал-демократа», заявляя, что все члены ее являются «самыми решительными и совершенно непримиримыми противниками ревизионизма», продолжала говорить о «частных» вопросах, о мелких «разногласиях» или «расхождениях», поскольку речь шла о различных теоретических подвигах меньшевистских литераторов.

А тем временем назревало событие, которое должно было привести к новому расколу среди меньшевиков. Это были разногласия внутри редакции известного пятитомника, в котором меньшевики давали свою оценку причин и следствий первой русской революции [2]). Поводом по-

---

[1]) «Войдите же в мое положение, — пишет Плеханов 5 октября 1908 г. Аксельроду и Мартынову: — меня просили, — прямо настаивали, — начать полемику с Богдановым. Я долго отказывался. Дан — свидетель. Наконец, я берусь за перо, уничтожаю эту бестию, и теперь мне говорят: «надо сократить или отложить». Видали ли вы кота с мышью во рту? Попробуйте посоветовать ему «сократить» или «отложить» его добычу: он только зарычит».

[2]) Общественное движение в России в начале XX века. Под редакцией Мартынова, Маслова и Потресова. Петербург 1909.

служила статья Потресова, которая вызвала самый решительный протест со стороны Плеханова. Перипетии этой борьбы подробно описаны Плехановым в брошюре «О моем секрете». Уже в ноябре он вышел из редакции «Истории общественного движения в России». А в декабре он послал редакционной коллегии «Голоса социал-демократа» заявление о выходе. Попытки добиться соглашения с Плехановым кончились неудачей. «Что же мне делать? — писал он Аксельроду. — Ведь я совершенно искренне считаю творение Потресова *изменой марксизму*. Я готов иначе мотивировать свой выход, но не знаю *как*, а оставаться в редакции не могу, потому что вижу серьезные разногласия между нами по вопросам практической политики».

Плеханов согласился только взять обратно свое мотивированное заявление, и в мае 1909 г. в № 14 «Голоса социал-демократа» появилось его краткое письмо в редакцию с извещением о выходе из нее.

Плеханов все резче высказывается за «генеральное межевание» среди меньшевиков. Происходит сближение с большевиками: «можно итти только по одному пути: по пути укрепления и расширения нашей *нелегальной* партийной организации и борьбы за идейное влияние в ней».

Энергичная борьба, которую Ленин с начала 1909 г. повел против Богданова и Луначарского, против философского ревизионизма и отзовизма, не могла не импонировать Плеханову.

Статья за подписью С., появившаяся в № 15 «Голоса социал-демократа», показала, как далеко простирали «голосовцы» свою терпимость по отношению к своим «ревизионистам». Плеханов решил выступить открыто против ликвидаторства. В августе 1909 г. он возобновил свой «Дневник социал-демократа».

На попытки меньшевиков затушевать сущность спора личными выпадами против Плеханова он ответил брошюрой «О моем секрете».

Январский об'единенный пленум ЦК (1910 г.) принял ряд резолюций по «текущему моменту». Оценка их в № 11 «Дневника» еще более сблизила Плеханова с большевиками. В апреле 1910 г. Плеханов начал свое сотрудничество в «Социал-демократе» статьей «В защиту подполья». А параллельно с этим продолжал выходить его «Дневник», вокруг редакции которого он пытался организовать меньшевиков-партийцев.

Дальнейший ход борьбы показал даже примиренчески настроенным группам, что надвигается окончательный раскол. Плеханов пытался задержать этот процесс. В «Дневнике» (№ 15) он воздает «всем

сестрам по серьгам». В пражской конференции (январь 1912 г.) Плеханов не принял участия, но продолжал свою страстную борьбу против ликвидаторства и подверг на страницах газеты меньшевиков-партийцев «За партию» самой решительной критике так называемый «августовский блок», попытку об'единить партию без большевиков. Усиление ликвидаторской кампании в меньшевистской легальной прессе привело к новому сближению с большевиками. Плеханов принимает участие в «Звезде», где поместил ряд статей о Толстом (войдут в двадцать четвертый том). В мае 1912 г. он прекращает свое сотрудничество в «Правде», чтобы возобновить его в марте 1913 г. К этому времени относятся его статьи против ликвидаторов — «Под градом пуль».

Новое сближение было недолговременным. После раскола социал-демократической думской фракции Плеханов, вместе с Бурьяновым, создает, при помощи питерских межрайонцев, в начале 1914 г. новый орган «Единство», в котором продолжает вести свою безуспешную борьбу за об'единение партии.

В сентябре 1911 г. Плеханов и Ленин были представителями России на чрезвычайном с'езде Международного Социалистического Бюро. В статье об этом с'езде Плеханов приводит заключительные слова резолюции международного штуттгартского конгресса по поводу войны: «В случае же, если бы все-таки вспыхнула война, рабочий класс и его парламентские представители обязаны настаивать на ее скорейшем окончании и всеми силами стремиться к тому, чтобы использовать вызванный ею хозяйственный и политический кризис для агитации в народе и для более быстрого устранения капиталистического классового господства». Плеханов прибавляет: «Эти важные строки связывают практическую задачу военного времени с конечною целью социальной демократии, светом которой освещается вся деятельность этой партии».

Разразившаяся в августе 1914 г. война толкнула, однако, Плеханова в лагерь самых крайних социал-патриотов. Он расходится даже с меньшевиками-оборонцами и теряет почти всякую связь с рабочим движением.

Д. Рязанов.

Декабрь 1926 г

«ДНЕВНИК СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТА» № 9

АВГУСТ 1909 г.

О возобновлении моего «Дневника»

Мы переживаем кризис, грозящий самому существованию нашей партии. В такие эпохи молчать невозможно. Поэтому я возобновляю свой «Дневник социал-демократа». Я считаю, что мне удобнее будет высказываться со своей собственной трибуны. С этим, вероятно, согласится всякий внимательный читатель, не ослепленный фракционно-дипломатическими соображениями.

Смею надеяться, что мои взгляды достаточно известны моим товарищам. Поэтому излишне распространяться о направлении моего «Дневника». Скажу только, — как я уже говорил, выпуская № 1 этого издания, — что я буду как нельзя более рад войти в живое общение с читателем. Всякие письменные и устные сообщения, поправки и указания будут встречены мною с величайшей благодарностью.

Всю корреспонденцию (из-за границы) прошу адресовать так: *Madame Ph. Pernoud, rue de Candolle, Genève, Suisse.*

Письма и посылки из России должны, ввиду некоторых самобытных черт нашего «самодержавно-конституционного» режима, направляться через «верных людей» и по адресам, которых нельзя указывать печатно.

Оппортюнизм, раскол или борьба за влияние в партии?

Брось свои иносказанья
И гипотезы пустые,
На проклятые вопросы
Дай ответы нам прямые!

В № 15 «Голоса социал-демократа» напечатано письмо с Кавказа, подписанное С. Оно заслуживает весьма серьезного внимания со стороны всех тех, которых хоть немного интересуют судьбы российской социал-демократии. Это своего рода «знамение времени» и, притом, — далеко не из отрадных.

Товарищ С. утверждает, что полное расстройство нашей партийной организации есть факт, не подлежащий сомнению, и что, ввиду этого, в среде российских социал-демократов обсуждается теперь вопрос о том, «как выйти из данного положения, какие пути ведут к сильной, истинно-пролетарской социал-демократической партии в России». По его словам, между социал-демократами, обсуждающими этот вопрос, есть консерваторы, думающие, что «ничего особенного не произошло». Он следующим образом формулирует взгляд этих консерваторов:

«Была революция — организация расширялась и укреплялась. Настал период реакции — организация суживается и ослабевает. Нужно укрепить существующую нелегальную партийную организацию. Когда же реакции наступит конец, в нашу организацию широкой волной войдут рабочие массы, и мы станем сильной организацией. Таков урок российского революционного движения: — в 1904 — 1906 гг. организация росла не по дням, а по часам. Итак, устраивайте хотя бы узкие партийные ячейки, организуйте местные комитеты, хотя бы сверху при посредстве областных центров, создайте сильный, «устойчивый» и дееспособный ЦК, — высшую партийную власть, — остальное со временем приложится само собой».

Товарищу С. очень не нравится это мнение наших консерваторов. Я тоже не во всем разделяю его. Но речь идет теперь не обо мне. Почему восстает против этого мнения тов. С.? Он находит, что консерваторы хотели бы повторить историю последнего десятилетия, «вернуться к периоду «Искры» с ее строительством партии вокруг тайных кружков, которым лишь в моменты всеобщего возбуждения удавалось приходить в соприкосновение с рабочими массами». Он указывает консерваторам на только что пережитую нами революцию, «которая, несмотря на сменившую ее реакцию, оставила нам *крупные* завоевания». С другой стороны, наше рабочее движение имеет теперь, — по его словам, — совсем другой вид: «стихийное движение девятисотых годов сменилось медленной, но зато более прочной работой над созданием разнообразных рабочих организаций — этого оплота классовой борьбы». Мысль о том, что нужно укреплять старую партийную организацию, кажется тов. С. громкой, но ничего не значащей фразой. «Как же, — спрашивает он, — старыми путями укрепить ее, если она, несмотря на наши усилия, пришла в упадок?»

Этот вопрос дает повод думать, что тов. С. не так уже расходится с нашими партийными консерваторами, как это может показаться на первый взгляд: он вызывает в читателе то предположение, что наш автор сомневается не в том, что нужно укрепить нашу партийную организацию, а в том, что к ее укреплению можно прийти старыми путями. Однако это предположение неосновательно. «Нам приходится думать не о старых, уже изведанных путях, — продолжает тов. С., — даже не о починке старого, а о полной перестройке всего партийного здания».

Итак, речь идет не об укреплении старого партийного здания, а о полной его перестройке. В этом и состоит «основной вопрос». Как же разрешает его тов. С.? Как думает он *перестроить партию?*

Он говорит: «Рабочая жизнь ушла из партийной ячейки. Но исчезла ли она? Ничуть. Рабочие не хотят слушать дискуссий о «текущем» моменте, но посещают клубы и всякого рода лекции по общественно-политическим вопросам. Нет революционных выступлений, но есть экономическое (по большей части оборонительного характера), и рабочие цепляются за легальные профессиональные союзы и полулегальные фабрично-заводские комиссии. Не обсуждают вопроса о временном революционном правительстве или исполнительном комитете левых фракций Государственной Думы, но, оправившись от удара реакции, начинают интересоваться судьбами третьей Государственной Думы

и деятельностью в ней социал-демократической фракции: посылают ей запросы, петиции, пожелания и пр.».

Всем этим в достаточной мере определяется, по мнению нашего автора, задача российской социал-демократии.

«Задача с.-д. — читаем мы в его письме, — познав тенденцию, способствовать тому, чтобы расцвет рабочего движения на новой базе совершился с наименьшими муками. Вот почему, когда рабочая жизнь из нашей старой партийной ячейки уходит в открытые и полуоткрытые рабочие организации, — профессиональные союзы, культурно-просветительные общества, кооперативы, кассы взаимопомощи и пр., — куда направляются живые слои рабочего класса, мы говорим: вместе с живыми слоями пролетариата туда должна направить свои силы социал-демократическая партия».

В этом очень много справедливого. Не трудно понять, что российская социал-демократия изменила бы самой себе, если бы вздумала игнорировать все эти профессиональные союзы, культурно-просветительные общества, кооперативы, кассы взаимопомощи и т. д. Я вполне понимаю и очень ценю негодование тов. С. против тех наших партийных стародумов, которые пренебрегают указанными организациями, а иногда даже и прямо восстают против них. Это — близорукие люди, недоросшие до понимания великих задач социал-демократии. Мне самому не раз приходилось ломать копья с людьми этого закала; я давно уже констатировал удивительное сходство их с тем советником Ивановым (у Щедрина), который был так мал ростом, что не мог вместить ни одной пространной идеи. Но признание чрезвычайно важного значения указанных организаций еще не равносильно решению поставленного тов. С. вопроса о «новой партийной работе». Далеко нет!

В самом деле. Новая партийная работа предполагает, как мы видим это из рассуждений самого тов. С., наличность двух условий: во-первых, указанных рабочих организаций; во-вторых, социал-демократической *партии,* которая должна направить свои силы туда же, «куда направляются живые слои рабочего класса». Социал-демократическая партия способствует созданию открытых и полуоткрытых организаций. Это очень хорошо. Но способствовать чему-нибудь она будет в состоянии только в том случае, если она сама не перестанет существовать. Стало быть, для того, чтобы решить ту задачу, которую ставит перед ней тов. С., партия наша должна прежде всего обеспечить свое существование. А если она должна обеспечить свое существование, то почему же наш автор не согласен с теми товарищами, которые говорят, что

«нужно укрепить существующую нелегальную партийную организацию»? Ведь кто хочет существовать, тот, естественно, стремится «*укрепить*» свое существование. Неужели тов. С. этого не понимает?

Он очень хорошо понимает это. Но в том-то и дело, что он употребляет выражение: «социал-демократическая партия», совсем не в том смысле, в каком оно употребляется мною здесь, да, конечно, не только здесь и не одним мною. Когда я говорю: «Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия», я имею в виду ту нашу партию, которая существует в настоящее время. И когда я ставлю перед Российской Социал-Демократической Партией известные задачи, я опять-таки ставлю их перед той организацией, которая существует ныне. А когда о социал-демократической партии говорит тов. С., то он имеет в виду не ту нашу партию, которая существует теперь, а ту, которая возникнет со временем, — ту, которая явится результатом рекомендуемой им «новой партийной работы». Это весьма существенная разница.

Характеризуя эту разницу, я позволю себе заметить, что, по здравому рассуждению, партийной работой может быть названа только такая работа, которая совершается партией. А если данная работа только еще поведет к созданию партии в более или менее отдаленном будущем, то она, при известных обстоятельствах, может быть признана весьма плодотворной, но *партийной* работой можно будет назвать ее только вопреки самым элементарным требованиям логики. В тот промежуток времени, в течение которого будет совершаться работа, долженствующая привести к созданию партии, мы будем иметь дело не с партией, а с чем-то другим. С чем же именно? Понятно с чем: во-первых, перед нами будут указанные выше рабочие организации: кассы взаимопомощи, кооперативы, культурно-просветительные общества, профессиональные союзы и проч., а, во-вторых, — те люди, которые поставили себе целью направить свои силы в эти организации для того, чтобы создать со временем Российскую Социал-Демократическую Рабочую Партию. Я пока не говорю: нравится это мне или нет. Я только утверждаю, что будет именно так, потому что иначе быть не может по условиям задачи (чтобы выразиться языком математиков). А если иначе быть не может по условиям задачи, то к чему же мы приходим? Ясно, что мы приходим *к ликвидации партии*. Опять замечу: я пока не говорю, нравится мне или нет то обстоятельство, что мы к этому приходим. Я только утверждаю, что мы неизбежно приходим к этому, следуя логике тех «условий задачи», которые даны нам не кем иным, как нашим тов. С. Почему же этот товарищ так обижается, когда его по-

дозревают в «ликвидаторстве»? Почему же он с таким негодованием восклицает: «Мы ликвидируем партию!» Ведь он в самом деле ликвидирует ее... по крайней мере, на бумаге; «медведь корову дерет, да сам же и ревет».

Нечто подобное совершается и с тов. С. И тут уж я перестану быть об'ективным и скажу, что как медведь, так и тов. С. поступают неправильно: зачем реветь, когда дерешь корову? Зачем обижаться на упрек в «ликвидаторстве», когда в самом деле очень сильно грешишь этим грехом?

Раз заговорив о неуместной обидчивости тов. С., я хочу сделать еще следующее замечание.

Он восклицает: «Мы ликвидируем партию! Мы изменяем партийному знамени! Нам не впервые слышать эти грозные речи. Когда в 1902 г. началось крестьянское движение в Гурии, и мы направили туда свои силы, некоторые строгие «марксисты» говорили: вы идете по эсэровскому пути, в крестьянстве нам нечего делать! Когда был об'явлен избирательный закон в булыгинскую Думу, и мы решили принять в ней участие, о нас говорили: кавказская социал-демократия изменяет пролетарском делу! Так говорили они, а мы оказались правы и в том, и в другом случае; в целях укрепления социал-демократии мы стремились создать ей новую базу. И в настоящее время, следуя опыту заграничных товарищей (см. резолюцию нашей делегации) и испытанному в наших боях принципу, мы идем в открытые и полуоткрытые рабочие организации, — центры притяжения рабочих масс, — стремясь сделать социал-демократию вождем рабочего движения во всех его формах, организовать под знаменем РСДРП широкие рабочие массы».

Товарищ С. и тут не очень внимательно относится к самым законным требованиям логики и этим запутывает то, что прежде всего требует ясности.

Во-первых, речь идет не о том, следует или не следует итти «в открытые или полуоткрытые рабочие организации», и не о том, хорошо или дурно стремление «сделать социал-демократию вождем рабочего движения во всех его формах, организовать под знаменем РСДРП широкие рабочие массы». Речь идет о том, кто должен взяться за эту «новую» работу: нынешняя наша партия или же люди, по той или иной причине покинувшие ее ряды, повернувшиеся к ней спиной и задавшиеся целью создать со временем новую партию, более соответствующую их идеалу? Вопрос в том, правы ли товарищи, упрекающие этих людей в «ликвидаторстве», и может ли какая бы то ни было пар-

тия терпеть в своей среде «товарищей», стремящихся к ее ликвидации? А на этот вопрос примеры, приводимые тов. С., не дают ровно никакого ответа, хотя бы уже по одному тому, что они взяты, как говорится, совсем из другой оперы: в 1902 и в 1905 гг. нашим кавказским товарищам приходилось спорить о вопросах *программы и тактики*, между тем как нынешние споры о «ликвидаторстве» касаются вопроса *организационного*. Как бы ни решали в 1902 и в 1905 гг. наши кавказские товарищи интересовавшие их программные и тактические вопросы, — вопросы эти были ими решены очень хорошо, но дело теперь не в этом, — они, во всяком случае, не сомневались в одном: в том, что им нужно сохранить и укрепить нашу старую партийную организацию. Они были меньшевиками, но это не мешало им отстаивать свои позиции внутри партии. А у тов. С. выходит нечто совсем другое. Мы уже знаем, что партия, под знаменем которой должны, согласно его плану, об'единиться широкие рабочие массы, есть своего рода «музыка будущего»: это не та партия, которая так или иначе, дурно или хорошо, существует *теперь,* а та, которая возникнет *со временем,* в результате рекомендуемой им, тов. С., «партийной» (гм!) работы. Ни в 1902, ни в 1905 гг. никому не приходило и не могло прийти в голову обвинить наших кавказских товарищей в «ликвидаторстве». А тов. С. не только можно, но и должно обвинить в нем, потому что план, излагаемый и защищаемый им в своем письме, действительно не что иное, как план «ликвидации» нашей партии. И если наши кавказские товарищи были правы в 1902—1905 гг., то из этого еще вовсе не следует, что прав тов. С., выступивший с этим планом в настоящее время.

«Ликвидаторская» тенденция, к сожалению, не новость в среде меньшевиков. Мне пришлось встретиться с нею уже на нашем партийном Лондонском с'езде 1907 года. Но тогда она была еще очень слаба. На одном из самых последних заседаний меньшевистской фракции тов. Фридрих высказался как самый несомненный «ликвидатор». Но он был едва ли не один. (Я не считаю Хрусталева, который по недоразумению тоже заседал тогда с нами.) Я с жаром возражал ему. Если не ошибаюсь, это мое возражение встречено было сочувственно огромным большинством товарищей; но особенно горячо рукоплескала ему кавказская делегация. Один из ее членов, тов. Петр, тут же на собрании выразил мне благодарность от ее имени, с насмешкой отозвавшись в то же время о тех из наших «вождей», которые, по его мнению, не твердо стоят на точке зрения партии. Я только потом узнал, в кого именно метил тов. Петр, но я тогда же с величайшим удовольствием

убедился в том, что кавказские товарищи чужды всякого «ликвидаторства». А теперь тов. С. дает нам понять, что «ликвидаторство» проникло, между прочим, и на Кавказ. Мне хорошо известно, что tempora mutantur; но я отказываюсь верить тому, что времена изменились до такой степени. Свидетельство тов. С. для меня недостаточно убедительно. Я жду, что скажет тов. Петр; я хочу знать, что думают другие кавказцы. Ведь вот восстал же против «ликвидаторства» кавказский товарищ, подписавшийся Géorgien и поместивший в том же № 15 «Голоса социал-демократа» статью: «Два слова на злободневную тему». Géorgien по-русски значит грузин. Стало быть, не все же кавказцы — ликвидаторы!

Впрочем, для Кавказа сам тов. С. готов сделать исключение. Он признает, что в некоторых местах, — и, между прочим, на Кавказе, — рекомендуемая им «новая» работа может с самого начала вестись под знаменем нынешней нашей партии. Это значит, что, по его мнению, Кавказ может обойтись и без «ликвидаторства». Если это так и если остальные кавказские товарищи разделяют взгляд нашего автора, то нам, — что касается Кавказа, — не о чем спорить между собою: я по-прежнему согласен с ними. Но тут опять пред'являет свои законные права элементарная логика. Нельзя в одно и то же время высказываться *против* «ликвидаторства» на Кавказе (и в некоторых других местностях) и *за* «ликвидаторство» в России. Само собою понятно, что ликвидация партии в остальной России не могла бы быть безразличным или даже отрадным явлением для кавказских товарищей, желающих действовать под ее знаменем. Тут нужно выбирать: *или* «ликвидаторство», *или* борьба с ним. Tertium non datur (третьего нет). Говоря это, я имею в виду, разумеется, товарищей, руководящихся не своими личными интересами, а интересами нашего общего дела. Для тех, которые руководствуются своими личными интересами, для тех, которые думают только о своей революционной карьере, — есть ведь и такая карьера! — для них существует, конечно, третий выход. Великие и малые люди этого калибра могут и даже должны в настоящее время лавировать между «ликвидаторским» и анти-«ликвидаторским» течениями; они должны при настоящих условиях всеми силами отговариваться от прямого ответа на вопрос о том, нужно ли бороться с ликвидаторством; они должны отделываться от такого ответа «иносказаньями и гипотезами пустыми», потому что ведь еще не известно, какое течение возьмет верх, — «ликвидаторское» или анти-«ликвидаторское», — а этим мудрым дипломатам хочется, во всяком случае, быть у праздника: они,

во что бы то ни стало, желают быть на стороне победителей. Повторяю, для таких людей есть и третий выход. Но тов. С., вероятно, согласится со мною, если я скажу, что это не настоящие люди, а только «игрушечного дела людишки». О них толковать не стоит: они — прирожденные оппортюнисты; их девиз — «чего изволите?»

Чем больше развивает свой «новый» план тов. С., тем яснее обнаруживается его «ликвидаторство».

Так как не добро быть человеку едину, то те люди, которые, согласно проекту этого товарища, отправятся в открытые и полуоткрытые рабочие организации, об'единятся в *группы*. Эти группы, — заметьте! — не будут партийными группами. «Эти группы, — говорит наш автор, — по самому характеру своей деятельности, не могут, на первых порах во всяком случае, быть оформленными организациями. В этом их существенное отличие от партийных ячеек».

Товарищ С. решил, что нам нужно заново перестроить старое здание нашей партийной организации. Сказано — сделано. Придя к решению перестроить *старое* здание, он немедленно принимается возводить *новую* постройку. Это неожиданное происшествие опять наводит на ту мысль, что он не всегда склонен подчиняться требованиям элементарной логики. Однако здесь, в защиту тов. С., надо сказать, что он не совсем отказывается использовать для своей цели и старое партийное здание. Так, заявив, что лучшей формой согласованной деятельности с.-д. групп может служить их конференция или совещание, он прибавляет: «Само собою ясно: где сохранились партийные организации или где они не успели реформироваться на новых началах, они должны принимать участие в этих совещаниях для согласования своей деятельности с с.-д. группами и выработки общего плана работы». Оказывается, что новое здание, возводимое тов. С., будет соединено особым коридором со старой организацией. Хорошо хоть это! Но, во-первых, если уже соединять новое здание со старым, то, очевидно, надо помириться со столь неприятной тов. С. мыслью об «*укреплении*» старого здания: что же за охота соединять новую постройку с такою, которая грозит развалиться не сегодня, так завтра? А, во-вторых, нельзя же соединить новую постройку со старою без согласия тех людей, которые являются хозяевами в этой последней. Но кто же в ней хозяева? Известно — кто: члены «старой» партии. Выходит, стало быть, что «новая» работа, рекомендуемая тов. С., предполагает, по крайней мере, соглашение с членами нашей старой партии. А раз мы признали необходимость *соглашения*, то у нас неизбежно возникает

мысль об его *условиях*. Условия же эти будут тем благоприятнее для нашего «нового» дела, чем сильнее будет наше влияние на старую партию. Чтобы влиять на нее, нам всего удобнее оставаться ее членами или вновь сделаться таковыми, если мы уже ушли из нее. Другими словами: нам всего удобнее отказаться от того «ликвидаторства», стремление к которому так ясно выразилось в письме тов. С.

Тов. С. нелогичен. Это — только полбеды. Беда в том, что нелогичность не составляет его личной особенности. Она, к сожалению, свойственна многим из тех товарищей-меньшевиков, которые теперь толкуют о «перестройке» нашей партийной организации. Чтобы перестроить какое бы то ни было здание, нужно *войти* в него и, всего лучше, войти *на правах хозяина*. Но такой способ действий кажется нашим товарищам слишком «*устарелым*». Они предполагают нечто «новое». И это новое состоит в том, что, вознамерившись взяться за перестройку здания, они совсем покидают его и даже отказываются от всяких прав на него. Вследствие этого в нем остаются хозяевами такие люди, которые ни о какой перестройке не думают. Это — поистине странная логика, и, когда я наблюдаю поступки, совершаемые в силу этой странной логики, — а такие поступки теперь не редкость, — мне вспоминается зловещая латинская поговорка: Quos Jupiter perdere vult, dementat [1]).

И пусть товарищи не обвиняют меня в излишней резкости! Тактика, которой придерживаются в данном случае меньшевики, есть в полном смысле слова самоубийственная тактика: она грозит свести их влияние в партии к нулю и сделать всемогущим влияние их партийных антагонистов. Это ли не безумие?

Товарищи-меньшевики, практикующие эту изумительно успешную (в смысле самоубийства) тактику, утешают себя обыкновенно тем соображением, что если падает и будет падать их влияние в партии, то растет и будет расти их влияние в широких рабочих организациях. Но это не так.

Чем сознательнее будут становиться широкие рабочие организации, тем внимательнее будут они прислушиваться к голосу социал-демократической партии. Поэтому, если меньшевики не будут влиятельны в партии, то они не будут влиятельны и в широких рабочих организациях.

---

[1]) Кого Юпитер захочет погубить, того он делает безумным.

Таково общее правило. Правда, оно допускает много исключений. И эти исключения об'ясняются другим правилом, которое можно формулировать так: влияние влиянию рознь — иное хоть брось.

Читатель не забыл, конечно, письма товарищей-меньшевиков Выборгского района, опубликованного сначала в № 44 «Пролетария», а вслед затем в № 14 «Голоса социал-демократа». Письмо это показывает нам, как влияют подчас на широкие рабочие организации люди, покинувшие нашу партию под предлогом «новой» работы.

«Если раньше в нашей организации витал боевой дух и высшим мерилом были интересы всего пролетариата в целом, его освободительной борьбы, — говорят авторы письма, — если раньше в целях этой борьбы социал-демократы были тесно организационно сплочены, то теперь мы видим полный организационный разброд и идейное разложение. Вместо былого об'единения всей социал-демократической работы, мы видим, как кучка социал-демократов, а то и просто одиночки, на свой страх и риск, ничем между собой не связанные, копошатся в том или другом рабочем обществе. Вместо подчинения всей работы общим задачам теперь развивается приходская политика, узкий местный эгоизм. Вместо прежней теоретической ясности, теперь у каждого в запасе его собственная «теория», совсем особенная и приноровленная специально для своего маленького общества».

Последствия понятны. Они очень хорошо указаны в том же письме. «Мудрено ли, — читаем мы в нем, — что теперь социал-демократы не только сталкиваются между собой, но и работают вразрез с общими нуждами рабочего класса? Мудрено ли, что при этих условиях руководитель одного просветительного общества может и смеет говорить о подрыве другого, тоже рабочего, общества образования, как конкурента? Что удивительного, если в отгородившихся от общей рабочей борьбы обществах образуются безответственные камарильи, по-своему всрочающие всеми делами? При создавшихся условиях вполне естественно, что в обществах образования есть «социал-демократы», препятствующие чтению лекций по общественным наукам и докладов по таким важным для рабочих вопросам, как о страховании пролетариата, о женском с'езде и рабочей группе на нем, о бюджете, о земельном вопросе и т. д. Наоборот, всюду слышна проповедь обучения арифметике, грамматике, устройства чайных, биллиардных, шашечных, «своего хлеба» и прочих «малых дел». Все это, конечно, вещи хорошие,

но неужели у социал-демократов нет более важных, более неотложных работ?»

Вот какое прекрасное влияние на рабочих приобретают, — или, по крайней мере, стремятся приобрести, — «социал-демократы», повернувшиеся спиною к партии! Такому влиянию могли бы радоваться разве только блаженной памяти «экономисты». Но нет, я несправедлив к ним. *Такое* влияние показалось бы нежелательным даже и тем крайним, — и, к слову сказать, весьма не умным, — представителям «экономизма», которые группировались когда-то вокруг «Рабочей Мысли». *Такое* влияние отнюдь не есть социал-демократическое влияние; это влияние — по духу своему *совершенно враждебное социал-демократии.*

Наши товарищи, покидающие партийные позиции ради социал-демократической работы в широких рабочих организациях, на самом деле распространяют и упрочивают в этих организациях анти-социал-демократическую тенденцию. Что скажет об этом тов. С.?

Он скажет, вероятно, что печальные последствия, указываемые мною со слов товарищей Выборгского района, неизбежны только в том случае, если деятели, покинувшие партийные позиции в поисках «новой» работы, не об'единяются между собой никакой организационной связью. Он, может быть, считает свои социал-демократические «группы», противопоставляемые им партийным «ячейкам», необходимой и достаточной гарантией от зла, констатированного в письме товарищей Выборгского района. Если это так, то он бесспорно прав в том общем смысле, что в нашем деле *какая-нибудь* организация лучше полной дезорганизации, т.-е. полной атомизации наших сил. Но недостаточно быть правым в этом *общем* смысле: нужно спросить себя, к чему приведет та организация, которая возникнет, — если возникнет, — вне нашей партийной организации и независимо от нее? А она, в лучшем случае, может привести лишь к тому, что у нас окажутся две социал-демократические организации: одна из них будет состоять из неприятных тов. С. партийных «ячеек», а другая из приятных ему социал-демократических «групп». Но это, другими словами, значит, что, идя по пути, указанному тов. С., мы в лучшем случае *придем к расколу.* Того ли желает тов. С.? Пусть он выскажется прямо.

Брось свои иносказанья
И гипотезы пустые,
На проклятые вопросы
Дай ответы нам прямые!

Я думаю, что тов. С. не желает раскола. Я вообще верю в его добрые намерения. Но во всяком положении есть своя об'ективная логика, сохраняющая свои права независимо от того, сознают или не сознают ее люди, в него попавшие.

Известно, что весь ад вымощен добрыми намерениями, и я сильно опасаюсь, что добрые намерения тов. С. послужат лишь камнями для адской мостовой. Я вполне понимаю, что нашему брату-революционеру не следует бояться даже и «ада». Чернышевский очень хорошо сказал, что исторический путь — не тротуар Невского проспекта и что на него лучше не выступать тем, которые боятся запачкать свои ботинки. Но надо уметь отдавать себе отчет в своих намерениях. На путь, который, в лучшем случае, ведет к расколу, могут сознательно выступать только те, которые хотят раскола или, по крайней мере, не боятся его. И вот я спрашиваю: хотим ли мы, меньшевики, раскола, или можем ли мы, по крайней мере, не бояться его? Каждому из нас достаточно задать себе этот вопрос, чтобы немедленно и без малейшего колебания ответить на него отрицательно: нет, мы не хотим раскола; нет, мы не можем не бояться его. Каждый из нас понимает, что стремиться к расколу в настоящее время значит стремиться погубить себя как во мнении сознательного пролетариата России, так и во мнении сознательных рабочих всех других стран. А если это так, то зачем же самому уходить и других толкать на такую дорогу, которая, как это очевидно, ведет к расколу, да и к нему-то ведет только в лучшем случае, потому что, разминувшись с этим лучшим случаем, мы можем прийти по этой дороге только к болоту самого позорного оппортюнизма! Да что я говорю: оппортюнизма. В болоте, к которому ведет нас эта дорога, не находит себе места даже социал-демократический оппортюнизм; в нем ничего не растет, кроме анти-социал-демократических злаков.

Нет, тов. С., я придаю огромное значение широким рабочим организациям и я вполне признаю, что та новая работа, о которой вы говорите в вашем письме, необходима в настоящее время. Но за нее, как и за всякую другую, — партийную и непартийную, — работу надо браться умеючи. А вы, подходя к ней, в вашем письме обнаруживаете, — извините меня, — ловкость медведя, гнувшего дуги. Вы хотите, чтобы рекомендуемая вами новая работа совершалась новыми, независимыми от партии, организациями, и тем самым вы грозите превратить даже эту новую, необходимую и плодотворную работу в источник новых бед для нашей социал-демократии. И тут мы, — социал-демократы, чуждаю-

щиеся «ликвидаторства», оставшиеся верными партийному знамени, — не согласимся с вами; тут мы не можем согласиться с вами, не изменяя самим себе. Тут мы скажем вам: для того, чтобы делать «новое дело», нет надобности создавать новую организацию, покидая кадры старой; нужно только поддержать, укрепить, расширить и видоизменить сообразно новым требованиям нового времени нашу старую партийную организацию. Иисус советовал когда-то не вливать вино новое в мехи старые. Это, вообще говоря, хороший совет. Но нет правила без исключения. Мы, русские социал-демократы, находимся теперь в таком положении, в котором нам совершенно невозможно отказаться от старых мехов. Ирония этого исключительного положения такова, что те из наших товарищей, которые, отказавшись от употребления этих старых мехов, берутся за изготовление новых, сами с грустным удивлением констатируют (см. цитированное выше письмо товарищей Выборгского района), что новое вино превращается у них в кислятину, годную разве только на приготовление мелко-буржуазного уксуса. Это исключительное положение надо понять, и с ним нельзя не считаться.

Товарищ С. предлагает нам выкройку, по которой мы должны сшить новые мехи. Он рекомендует создание новых социал-демократических групп, отличных от партийных ячеек. Чем же, собственно, огорчили его ячейки? А вот чем.

По его словам, они с самого начала своего существования не имели самостоятельной задачи и питались только революционными лозунгами. «Вокруг этих «лозунгов», — говорит он, — и происходит дискуссия о «текущем» моменте. Пока революционное движение шло в гору, ячейка, в лице ее членов, аккуратно посещала организационные собрания. С упадком революции пробил ее последний час, а вместе с ней и старой партийной организации с ее постановкой работы. Ведь вся ее деятельность была приурочена к подготовке и проведению революционных выступлений».

Странный довод! Ведь партийная ячейка — не цель, а средство. Положим, что прежняя партийная ячейка, в самом деле, вся приурочивалась к той цели, о которой говорит тов. С. Что же мешает приурочить ее теперь к новой цели? Товарищ С. скажет, может быть, что этому мешает самое строение партийных ячеек. Я спорить и пререкаться не стану: ведь я уже согласился с ним в том, что наше партийное здание должно перестраиваться сообразно требованиям времени. Но когда тов. С., под предлогом перестройки нашего старого здания, приглашает нас покинуть его и начинает строить нечто другое и совер-

шенно новое, тогда я протестую, напоминая ему как об элементарных требованиях логики, так и о насущных интересах российской социал-демократии.

Как раз в то время, когда я писал эту статью, я получил от одного товарища письмо, где говорится, между прочим, и об интересующем меня здесь предмете, т.-е. о «ликвидаторстве». Мой уважаемый корреспондент находит, что стремление к «ликвидаторству», — существования которого он, не будучи фракционным дипломатом, совсем не отрицает, — во многих случаях отнюдь не об'ясняется какими-нибудь теоретическими соображениями. «Просто, — говорит он, — люди психологически идут по линии наименьшего сопротивления: когда-то они стихийно были «вовлечены» в революционную борьбу и примкнули к партии, теперь они, незаметно для себя, ее покинули и больше в нее уже не вернутся. Поэтому теория, упраздняющая партию в настоящем и отодвигающая активную работу в неопределенное будущее, самым приятным образом оправдывает абсолютное ничегонеделание».

Это справедливо в применении ко многим, но не ко всем. И это вовсе несправедливо, с чем, конечно, согласится и мой уважаемый корреспондент, в применении к тем нашим товарищам, — т.-е., вернее, к *бывшим* товарищам, — которые, покинув «партийные ячейки», не бездельничают, а работают в широких пролетарских организациях. Между ними немало серьезных людей и вполне убежденных социал-демократов. И тем более тяжелое впечатление производит их нынешний способ действий. Эти вполне убежденные социал-демократы не понимают того, что в действительности их усилия направляются *против* социал-демократии, облегчая вторжение в пролетарскую среду мелкобуржуазных тенденций. Поговорите с любым из *этих* бывших товарищей, и он скажет вам: «я хочу работать; но мне надоело тратить свою энергию на борьбу с большевиками». И в этом — истинная причина их ухода из партии. Я совершенно оставляю теперь в стороне вопрос о том, в какой мере падает на большевиков нравственная ответственность за уход из нашей партии таких сил, которые могли бы очень и очень пригодиться ей (потому что, повторяю, силы эти часто весьма ценны). Так как я говорю здесь о меньшевиках, то я взгляну на дело с его, — если можно так выразиться, — меньшевистской стороны. Я спрошу товарищей-меньшевиков, уходящих из партии под влиянием разочарований, причиненных стычками с большевиками: неужели в душе убежденного социал-демократа может найтись место для такого разочарования, которое позволило бы ему со спокойной совестью покинуть

занимаемую им партийную позицию и отдать все партийное дело в руки противников, придерживающихся совершенно ошибочной, с меньшевистской точки зрения, тактики? Поддаться такому разочарованию значит признать себя побежденным, скажу больше: разбитым на-голову. Но с какой же стати меньшевикам признавать себя побежденными? Разве события последних лет не показали, что правы были, — когда не боялись логики своей собственной тактики, — именно они, а не их «друзья-враги» большевики? Неужели сознания этой правоты не достаточно для того, чтобы дать нравственную силу, необходимую для перенесения неприятностей, вызываемых фракционными раздорами? Пусть товарищи-меньшевики не забывают французской поговорки: les absents ont toujours tort (отсутствующие всегда виноваты).

Уходя *из партии,* они тем самым дают повод думать, что они кругом виноваты *перед партией.*

Таково будет мнение всего нынешнего пролетарского интернационала.

Спешу оговориться. Я уже заметил несколько лет тому назад в одном из своих «новых писем о тактике и бестактности», что я был убежденным марксистом уже тогда, когда папеньки многих из наших меньшевиков только начинали ухаживать за их маменьками. Я совсем не заражен фракционным фанатизмом. Но фракция меньшевиков держалась (когда не делала ошибок вроде комического *полубойкота* первой Думы) тех тактических взглядов, которые казались мне правильными с тех самых пор, как сложились мои социал-демократические убеждения. Я начал думать, что именно в деятельности этой фракции лежит залог правильного развития нашей партии. Я не скрывал от себя ее недостатков. Я не раз принимался доказывать влиятельным товарищам-меньшевикам, что они делают большую ошибку, обнаруживая подчас готовность итти рука об руку с господами, от которых в большей или меньшей степени отдает оппортюнизмом. Наличность «ликвидаторского» стремления в меньшевистской фракции была для меня очевидна уже со времени Лондонского с'езда. Но я думал, что эта страшная болезнь унесет из наших рядов лишь немногих, наиболее усталых и разочарованных, товарищей. Теперь выходит как будто не так: страшная болезнь не ограничивается несколькими жертвами, она делает настоящие опустошения между нами, и я считаю себя обязанным громко предостеречь всех товарищей-меньшевиков от грозящей им опасности. На этом основании начинают говорить даже печатно о сделанном мною «повороте». Но я никакого поворота не делал и делать

не хочу; я, напротив, *восстаю* против «поворотов» (недаром г. Луначарский называет меня марксистом, застывшим в своей идейной неподвижности), а в особенности против поворота в сторону «ликвидаторства». Мое нынешнее положение несколько напоминает положение французского крестьянина XVIII века, который, говорят, не раз кричал: «Vive le roi sans gabelle!» (Да здравствует король без соляного налога!) Так и я от всей души готов кричать: Да здравствует меньшевизм без ликвидаторства, т.-е. революционный меньшевизм! Но при всем том я не забываю, — и не забываю именно потому, что я не заражен фракционным фанатизмом, так легко переходящим во фракционный кретинизм, — что меньшевизм не цель, а средство. Целью было и остается для меня теоретическое и практическое торжество в России *марксизма*. И если бы меньшевизм перестал, по моему мнению, способствовать этой великой цели, то я, конечно, сумел бы расстаться с ним. Торжество «ликвидаторства» было бы именно тем поворотом, благодаря которому меньшевизм сделался бы из революционного течения оппортюнистическим или даже вообще враждебным социал-демократии. И тогда я не защищал бы его, а боролся бы с ним, как говорится, до последнего издыхания. Но дело еще далеко не дошло до этого. Как ни сильно распространяется теперь «ликвидаторство» среди меньшевиков, оно еще не стало господствующим среди них течением. С ним еще можно бороться. С ним должно бороться. И с ним будут бороться все те меньшевики, которые не желают раскола в нашей партии и питают отвращение к оппортюнизму. Эти товарищи поймут, — т.-е., лучше сказать, они, конечно, уже понимают, — что, не желая раскола в партии и питая отвращение к оппортюнизму, можно итти только по одному пути: по пути укрепления и расширения нашей *нелегальной* партийной организации и борьбы за идейное влияние в ней.

Вот к этим товарищам я и обращаюсь теперь. Они должны сплотиться для того, чтобы дать дружный отпор «ликвидаторству». Надо спешить, пока еще не поздно, пока «ликвидаторство» не сделалось у нас господствующим течением; мы уже знаем, что это течение по прямой линии направляется в невылазное болото оппортюнизма и враждебных социал-демократии мелко-буржуазных стремлений. Cavcant consules!

Нечто о выгодах «генерального межевания»

Говорят, что реакционные эпохи вызывают расколы между революционерами. Это — в самом деле так. Новым примером, подтверждающим правильность этого наблюдения, является, можно сказать, совершенно свежий раскол в лагере большевиков. Раскол, вообще, неприятная вещь. И сопровождается эта неприятная вещь множеством других, гораздо более мелких, но все-таки весьма досадных вещей. В отчете о свежем расколе между большевиками («Отчет товарищам-большевикам устраненных членов расширенной редакции «Пролетария»), между прочим, сказано: «Мы изложили, в общих чертах, основы того раскола, который в настоящее время об'явлен в большевистской фракции. Мы избавляем вас, товарищи, от описания того, каким образом этот раскол более года подготовлялся и проводился в нашей заграничной коллегии. Вы легко можете себе представить, что это — довольно неприглядная картина мелкой борьбы, выживания, дрязг и т. п.». Зная «жестоковыйность» наших товарищей-большевиков, я легко представляю себе, что дело это шло не совсем гладко и оставило много горечи в сердцах тех, которые им занимались. И все-таки я думаю, что дело это — хорошее дело. Раскол, вообще, неприятная вещь. Но иногда он необходим, и тогда нужно мириться со всеми его неприятными сторонами. Кроме того, бывает так, что одно зло предупреждает другое — большее. Раскол в большевистской *фракции* может, — не говорю: непременно будет, — способствовать упрочению нашего *партийного* единства. А это очень полезно. Поэтому я приветствую раскол между большевиками.

Да, скажут мне, вы приветствуете его, потому что он ослабляет силы ваших противников-большевиков. Отвечаю: нет, я приветствую его, *несмотря на то, что он увеличивает силы моих противников-большевиков.*

Читатель помнит, конечно, ту сцену в «Ревизоре», где Осип с увлечением кричит:

«Давай сюда головы и кулек! подавай все! все пойдет в прок. Что там? веревочка? Давай и веревочку, — и веревочка в дороге пригодится: тележка обломается или что другое — подвязать можно». Говоря по правде, т. Ленин в последние годы сильно напоминал мне Осипа. Выступая на путь борьбы с меньшевиками, он, как видно было, решил, что ему на этом пути все пригодится. «Давай сюда Минского с его мистицизмом и Богданова с его эмпириокритицизмом! Подавай все! Все пойдет в прок. Что там? Блаженный Анатолий с новой религией? Давай и блаженного Анатолия — и блаженный Анатолий в дороге пригодится: меньшевиков упрекнуть в «кадетизме» или написать статейку о подчинении профессиональных союзов партии». И мало-по-малу вокруг т. Ленина набралось такое множество всех этих веревочек, рогожных кульков и сахарных голов, что из-за их вороха уже не видно было его собственной головы с ее, более или менее узко и дубовато понятым, марксизмом. Он думал, что этот огромный ворох послужит источником его силы, а на самом деле он явился источником слабости его как марксиста. Мало того. Ворох этот грозил большой опасностью всей нашей партии. Все эти мистики и эмпириомонисты, богостроители и сверхчеловеки грозили вытравить из нее, поскольку она поддалась бы их влиянию, всякий след марксизма. Как этого и надо было ожидать, нелепым теориям скоро стала соответствовать и нелепая практика. На теоретической почве эмпириомонизма и богостроительства (мистицизм в лице г. Минского уже гораздо ранее оставил место, любезно отведенное ему т. Лениным в анти-меньшевистском ворохе) скоро выросли анархо-синдикализм, «отзовизм», «ультиматизм» и другие, им подобные, измы. Урожай на них был так хорош, что заставил одуматься нашего большевистского Осипа, который, как мы это видим из цитированного выше отчета, стал распространять вокруг себя пространство, по выражению одного из героев Успенского. Я от всего сердца сочувствую ему в этом занятии. Вышепоименованные измы не могут принести нашей социал-демократии ничего, кроме вреда, и с ними уже давно следовало поступить по пословице: худая трава из поля вон. Но лучше поздно, чем никогда.

Я надеюсь, что в деле искоренения вредных измов т. Ленину помог Богданов. Лично я никогда не считал этого господина марксистом. Но вот Вл. Ильин в недавно вышедшей книге «Материализм и эмпириокритицизм» высказал, сколько я помню, ту мысль, что Богданова можно признать хорошим марксистом..., если позабыть об его эмпириомонизме. Что же, может быть, я и ошибался! Буду же верить теперь, что условно-

хороший марксист (нечто вроде гоголевской дамы, приятной не во всех отношениях) оказал т. Ленину большую поддержку в деле оздоровления фракции большевиков, и буду надеяться, что факты не поколеблют этой моей веры.

Шутка шуткой, а т. Ленин и его ближайшие единомышленники в самом деле очень хорошо поступили, «отмежевавшись» от Н. Максимовых, Николаевых (см. подписи под вышеуказанным отчетом) и прочих социал-демократических *минусов*. Известно, что если из алгебраической суммы удалить отрицательные величины, то ее положительное значение возрастет. Вот в этом смысле я и сказал, что раскол среди большевиков увеличит силы большевистской фракции. Благоприятный результат предпринятого т. Лениным «отмежевания» должен был бы заставить и товарищей-меньшевиков задуматься о том, до чего полезны бывают подчас межевые операции. Как большевикам грозили опасностью различные элементы, которые лучше всего будет обозначить общим термином анархо-социализма, так и меньшевикам угрожают элементы, точнее всего характеризуемые словами: «ликвидаторы». Большевики отмежевались от анархо-социалистов; нам пора отмежеваться от «ликвидаторов». Таким образом произойдет «генеральное межевание», которое облегчит сближение между большевиками и меньшевиками на почве общей партийной работы. Я говорю именно о *взаимном сближении,* а не о переходе меньшевиков на точку зрения большевиков и не о передвижении большевиков на меньшевистские позиции, о котором подняли теперь свой гусиный крик «устраненные» анархо-социалисты. Такой переход есть вздор, способный ввести в заблуждение разве только самых наивных. «Генеральное межевание» не только не уничтожит ни большевизма, ни меньшевизма, но, наоборот, придаст, как я уже сказал, каждому из этих направлений новую силу, освободив каждое из них от ненужных ему и неудобных для него отрицательных элементов. Открывая наш партийный Лондонский с'езд, я сказал, что в российской социал-демократии возможно единство, потому что в ней нет «ревизионизма». Это было верно и это остается верным в применении к нашей партии, рассматриваемой независимо от чуждых ей паразитических элементов анархо-социализма, приютившегося в большевизме, и «ликвидаторства», притаившегося между меньшевиками. Каждый из этих паразитических элементов представляет собою разновидность «ревизионизма». Покончив с ними обоими, наша партия обеими ногами встанет на твердую почву учения Маркса. И это будет для нее необходимым залогом единства. Разногласия и тогда совсем не

исчезнут, споры и тогда не прекратятся. Что за беда? — «Спор есть отец всех вещей», — говорил великий эфесский мыслитель. Мы будем спорить между собою; но, ведя свои споры, мы будем стремиться к одной великой цели: к укреплению нашей партии и к упрочению ее влияния на широкую рабочую массу. А пока среди большевиков были, как дома, анархо-социалисты, между тем как между нами имели — и, увы, к сожалению, продолжают иметь! — права гражданства «ликвидаторы», до тех пор нельзя было говорить без лицемерия о партийной цели, общей обеим фракциям. В самом деле, какая цель могла быть общей у анархо-социалиста, умеющего только «отзывать» и «бойкотировать» ради наибольшей славы нелегальной организации, и у ликвидатора, готового примириться со всем, кроме «подполья»? Между ними ничего не могло быть, кроме войны на жизнь и смерть, — и притом такой войны, которая грозила бы самому существованию российской социал-демократии совершенно независимо от того, кто одержал бы, в конце концов, победу: «ликвидаторы» или анархо-социалисты. Социал-демократия, внимая их взаимным спорам, могла бы только сказать, как говорит в одной французской комедии отец, прочитав написанный его дочерью проект ее брачного контракта: «Mais dans tout cela il ne s'agit que de ma mort!» (Здесь везде говорится только о моей смерти!)

«Отмежевание», совершившееся в лагере большевиков, отворяет одну дверь для выхода из этого поистине трагикомического положения; мы, меньшевики, должны отворить другую, «отмежевавшись» от наших «ликвидаторов».

Да здравствует «генеральное межевание»!

Необходимая поправка

Первому тому издания «Общественное движение в России в начале XX века» предшествует следующее заявление: «Редакция считает своим долгом довести до сведения подписчиков и читателей, что Г. В. Плеханов вышел из ее состава. В первом томе нашего издания Г. В. Плехановым проредактированы все статьи, за исключением статьи «Эволюция общественно-политической мысли».

Это неточно. Я в самом деле был *условным* редактором этого тома; но, в качестве его условного редактора, я проредактировал все статьи, входящие в его состав, *не исключая* и статьи А. Потресова «Эволюция общественно-политической мысли». Редактирование этой последней привело меня к тому убеждению, что ее автор, — который, встретившись со мною в 1907 году на Маннгеймском с'езде немецкой партии, высказался как убежденный «ликвидатор» [1]), — окончательно покинул революционную точку зрения. Поэтому я сложил с себя звание редактора. Поясню теперь, почему это свое звание я называю условным. Уже при первом чтении первой части статьи А. Потресова (летом прошлого года) я увидел, что «ликвидаторская» мысль, высказанная Потресовым в Маннгейме, прочно утвердилась в его уме и что он совершенно потерял способность смотреть на общественную жизнь, в ее настоящем и прошлом, глазами революционера. Вследствие этого я тогда же хотел отказаться от всякого участия в названном издании, но Ф. И. Дан и Л. Мартов убедили меня оставаться в редакции до тех пор, пока А. Потресов не предстанет своей статьи в оконченном и исправленном виде. «Вы успеете выйти из редакции, если статья и тогда не удовлетворит вас, — сказали они мне, — но мы надеемся, что вы останетесь довольны ею». В своем переработанном виде статья присы-

---

[1]) Он не употреблял этого варварского термина, который, впрочем, и придуман-то был впоследствии, но высказывал именно «ликвидаторскую» мысль о ненужности нашей партии в настоящее время.

лалась мне частями, но чем больше я знакомился с нею, тем больше убеждался в том, что я А. Потресову не товарищ. Поздней осенью прошлого года я совсем вышел из редакции, написав Л. Мартову, что мне с Потресовым не по дороге.

Прибавлю два слова о том, при каких условиях я редактировал остальные статьи. Когда я указывал на их неудовлетворительность, — а это случалось нередко, — мне отвечали, что теперь, за недостатком времени, нельзя уже заменить их другими, а можно только кое в чем исправить. Мне оставалось лишь беспомощно разводить руками. И чем дальше вперед шло это дело, тем яснее мне становилось, что оно плохо организовано. Это, с своей стороны, располагало меня к выходу из редакции. Когда осенью прошлого года я вполне убедился в том, что статья Потресова неисправима, и подал в отставку, у меня с плеч свалилась огромная тяжесть. A quelque chose malheur est bon!

«ДНЕВНИК СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТА» № 10

ФЕВРАЛЬ 1910 г.

От редакции

Приступая к изданию моего «Дневника», я полагал, что мне придется быть в нем единственным писателем: иначе я и не назвал бы его своим «Дневником». Но обстоятельства сложились так, что он изменяет свой первоначальный вид. Мне приходится давать в нем место статьям других товарищей. Я делаю это с величайшим удовольствием и только прошу читателя не смущаться формальным несоответствием названия («Дневник *социал-демократа*») с его содержанием, делающим его органом *нескольких* единомышленников из лагеря меньшевиков-революционеров. Вообще я прошу товарищей иметь в виду, что страницы моего издания открыты всем тем, которые захотели бы воспользоваться им для борьбы с разрушителями нашей партии. В этом номере я охотно уступаю первое место статье т. П: «Самоубийство или борьба?»

Шила в мешке не утаишь!

Нам, социал-демократам, восстающим против так называемых ликвидаторских стремлений в нашей партии, возражают обыкновенно, что стремления эти представляют собою не более как плод нашей фантазии.

«Никаких ликвидаторов нет и не было», — говорят люди, желающие убедить себя и других, — а может быть *только* других? — в том, что с этой стороны у нас все обстоит благополучно. И то же говорят нам немалочисленные теперь официальные печатные «раз'яснения», идущие от... заинтересованной стороны. Их появилось уже немало.

В одном из романов покойного Шеллера (А. Михайлова) фигурирует эконом не помню уже теперь какого учебного заведения. Этот господин кормил воспитанников всякой дрянью, уверяя их при этом, что они всегда получают от него самую доброкачественную пищу. Однажды воспитанники в печеном хлебе нашли таракана и с торжеством показали его экономy, думая, что теперь-то он не увернется. Однако эконом не смутился: он немедленно вытащил из хлеба таракана, проглотил его и сказал: «эфто изюминка!»

Когда я читаю наши официальные раз'яснения насчет ликвидаторства, мне вспоминается этот находчивый эконом. Я не знаю, почему это происходит. Должно быть, потому, что в этих раз'яснениях тоже совершается превращение тараканов в изюминки.

Но странное дело! Чем усерднее пытаются уверить нас в том, что ликвидаторства не существует, тем несомненнее становится его существование. Оно подтверждается с самых различных сторон и иногда самым неожиданным образом. Странность эту надо об'яснить, вероятно, тем, что в официальных раз'яснениях до сведения читателя доводится только официальная правда, которая, — мы, россияне, очень хорошо знаем это! — нередко представляет собой прямую противоположность истине. Но когда официальная правда противоречит истине, эта последняя не теряет своего значения и нередко очень больно напоминает

о себе самим официальным «раз'яснителям» [1]). Шила в мешке не утаишь!

Одним из самых поучительных, — и, конечно, одним из самых неприятных для кое-кого, — свидетельских показаний насчет ликвидаторства является письмо товарища Алексея Московского, появившееся в № 10 центрального органа нашей партии. Письмо это не было, впрочем, новым для меня. Я получил его еще в декабре прошлого года от товарища, подписавшегося: «искренно уважающий вас не-ликвидатор» (как видно, этот товарищ, вопреки официальной правде, тоже не сомневается в существовании ликвидаторства) и просившего меня дать т. А. Московскому возможность ответить на те обвинения, которые выдвигаются против него с разных сторон. Товарищ, подписавшийся «не-ликвидатором», находил, что взгляды, высказанные мною в № 9 моего «Дневника», «всецело отвечают той тактике, какую он (т.-е. т. А. М — ский. — *Г. П.*) проводил в Москве». «О нем вы, вероятно, слыхали», — прибавлял мой неизвестный корреспондент.

Я не только слышал о т. А. Московском, но имел удовольствие лично познакомиться с ним на нашем последнем, Лондонском, с'езде. Когда я разрывал с ликвидаторами, воскрешающими традиции блаженной памяти «экономизма», я был твердо уверен в том, что меньшевики-революционеры, подобные т. А. Московскому, одобрят мой шаг. И мне было очень приятно узнать, что т. Алексей держался в Москве той тактики, за которую я высказался в своем «Дневнике». Но если бы т. А. Московский и не был согласен со мной, то я все-таки охотно напечатал бы его письмо: я во всяком случае считал бы себя обязанным широко отворить перед ним дверь социал-демократической печати [2]). Поэтому письмо его было немедленно присоединено мною к материалам для № 10 «Дневника».

Теперь, когда письмо это появилось в «Социал-демократе», бесполезно воспроизводить его в «Дневнике». Замечу только, что имеющийся

---

[1]) Напомню читателю, что «экономисты» в своих официальных «раз'яснениях» тоже отрицали существование экономизма. Das ist eine alte Geschichte, doch...

[2]) «Тартюфы революционной морали», вероятно, осудят тон его письма. Они будут правы в том смысле, что, конечно, письмо могло бы быть написано другим тоном. Но тон, — притом же достаточно об'ясняющийся положением тов. Алексея Московского, — зависел не от меня, между тем как от меня зависела, казалось мне, возможность зажать или не зажать рот справедливо негодующему товарищу. Само собою разумеется, что я ни одной секунды не поколебался в выборе.

у меня список этого чрезвычайно интересного документа несколько отличается от напечатанного в ЦО. Укажу некоторые варианты, при чем для краткости я назову *первым* списком тот, который напечатан в ЦО, а *вторым* — тот, который был прислан мне.

В первом списке говорится: «Направление «Голоса социал-демократа» мне не достаточно знакомо, я даже не знаю, на самом ли деле это голос *социал-демократа* без кавычек». Во втором списке упоминаемый здесь орган назван «реформированным «Голосом». Далее автор говорит, что прошло то время, когда каждый партийный журналист с большим или меньшим успехом разыгрывал генерала, но вместе с тем выражает опасение, что так как он не принадлежит к числу партийной аристократии, то двери типографии откроются перед ним «не так легко». Читатель видит, что это опасение было напрасно.

В первом списке стоит: «Провидение, напрасно ты взяло мою благодарность... И оно вернуло ее мне, само смутившись, увидев вместе со мной типичного ликвидатора». Во втором списке говорится, что провидение, подобно автору, увидело «вместо Колумба жалкого инвалида русской революции и вместо Америки — черные берега российской государственности».

В первом списке т. Алексей говорит: «Если для некоторых большевиков, — я говорю: некоторых, потому что, благодаря работе большевиков-ленинцев, таких ископаемых можно встретить крайне редко»— и т. д. Во втором списке т. А. выражается иначе: «я говорю — некоторых потому, что большевистские мамонты исчезают бесследно; я знаю города, где, благодаря хищнической эксплоатации сил природы ленинцами, этих благородных представителей русской фауны можно изучать только по ископаемым» — и т. д.

Первый список:... «*Товарищи! партия умерла, разрушайте остатки!* вот перлы их красноречия. А вы» — и т. д. Второй список: «Товарищи! партия и пр. — вот перлы их красноречия и, скажу вам, читатели, на ухо, только никому не говорите, и *прекраснейший способ погашения старых долгов перед самодержавным кредитором!* А вы» и проч.

Во втором списке есть место, которого я совсем не нахожу в первом. Вот оно: «Что касается до партийных учреждений, до подрайонных, районных, общегородских, областных и т. д. и т. д. конференций, сообразно внешним условиям жизни они могут менять форму и стиль строения, но уничтожить их, как думают гг. прогрессисты, это значит отрубить голову рабочего класса, как класса für sich, уничтожить самые главные пункты, на которых сходится социал-демократия с рабочим

движением. Но что действительно у нас устарело и выродилось — это наша партийная работа. Ни агитация, ни пропаганда, ни наша организационная работа не выдерживают ни малейшей критики с точки зрения достигнутой пролетариатом ступени классового развития. Мы часто обвиняем своих и чужих оппортюнистов в парламентском кретинизме, но ни одна парламентская фракция в мире не страдает таким кретинизмом, как мы в своих собственных парламентах. Наши партийные учреждения в большинстве случаев *вместо того, чтобы заняться живым практическим делом, вместо того, чтобы быть, с одной стороны, строителями разнообразных форм рабочего движения, а с другой — революционной школой для воспитания вождей этих форм, предаются беспардонному политиканству и революционной браваде*. Если партийные учреждения нуждаются в реформации, то партийная работа — в революции».

Я потому отмечаю эти варианты, что, по моему мнению, мысль т. Алексея ярче выражается в приводимых мною строках второго списка, нежели в соответствующем тексте первого. А мысль эта заслуживает очень серьезного внимания.

Она представляет собой протест против всяких посягательств на существование нашей партии и, что всего замечательнее, она обнаруживает поистине редкую зрелость и широту. У нас обыкновенно так бывает, что если человек, почему-либо недовольный «меньшевиками», начинает склоняться к «большевизму», то он уже совершенно закрывает глаза на слабые стороны этого последнего. И, наоборот: «разочарованные» сторонники «большевизма», — таких очень много среди «меньшевиков», — очень часто обеими ногами становились на точку зрения «меньшевистской» фракции, забывая взглянуть на наши спорные вопросы с высоты интересов партии в ее целом. Другими словами: клин выбивался клином, данная односторонность исчезала только для того, чтобы замениться другой, ей противоположной, но в то же время похожей на нее, как похожа левая перчатка на правую. Тов. А. Московский совсем чужд вредного духа *фракционной* исключительности. Он прежде всего человек социал-демократической *партии*, не упускающий из виду ни одной из ее многочисленных и многообразных задач. Он говорит: [1])

«В то время как одна часть большевиков, исходя из положения «*боже упаси тронуть исконные начала*», держится политики вооружен-

[1]) Цитирую по моему списку письма, более полному в этом месте.

ной охраны всего старого в партии — 50% интеллигентской части меньшевиков занято кропотливой работой сооружения креста над могилой усопшей партии. Партия уже умерла, остатки подлежат auto-da-fe, чтобы они не заразили рабочих трупным ядом. Словом, одни, страдая светобоязнью, ратуют за то, чтобы похоронить все и вся в подполье; другие же, исходя из *безграничного приспособления,* предлагают зажить полной жизнью, вздохнуть полной грудью в эльдорадо русской легальности! Мы считаем тех и других могильщиками партии, с той только разницей, что большевистские могильщики, видя одно количественное сокращение партии *и не замечая ее качественного ослабления, обусловленного сохранением старой работы,* являются ее внутренними врагами и, несомненно, более опасными; меньшевистские же могильщики, у которых умерла партийность и которые ратуют за разрушение партии, являются ее внешними врагами. С нашей скромной точки зрения стыдно революционному марксисту быть патриотом подполья или надполья: революционность определяется не местом работы, а содержанием и характером работы. Мы, — «реакционеры» и «консерваторы», — патриоты не той или иной территории, а пролетариата, и где возможна организация его в целях классовой борьбы и воспитания, там мы ищем точку приложения своей революционной энергии».

Это поистине классическое место. Его должны хорошо запомнить все те из нас, которые больше дорожат партией, как выразительницей интересов пролетариата, нежели фракционными курятниками, приютившими под своею сенью так много больших и маленьких самолюбий [1]).

Не менее прав т. Алексей Московский и тогда, когда он пишет следующие строки:

«Задача пролетариата не в том, чтобы купаться во фракционных дрязгах, а в том, чтобы совершить синтез, отбросив старую фракционную шелуху. Разумеется, старые разногласия не исчерпаны, но нужно быть слепым, чтобы не видеть, что внутри каждой фракции существуют не менее глубокие разногласия, чем между самими прежними фракциями».

Задача пролетариата действительно заключается не в том, чтобы купаться в фракционных дрязгах и молотить гнилую фракционную шелуху. Люди, стремящиеся уверить нас в том, что наша партия отжила

[1]) О том, как вредили нам эти курятники, см. мою статью «Враждующие между собой братья» в № 2 моего «Дневника», вышедшего в августе 1905 г. [Сочинения, т. XIII.]

свой век, никак не могут понять, что отжила свой век не партия, а наша фракционная батрахомиомахия, которая именно приводит к тому, что некоторые из нас, утратив надежду доставить своей фракции торжество в пределах партии, провозглашают необходимость разрушения этой последней. Т. Алексей как нельзя более прав!

Наконец, прав, — к величайшему сожалению, *опять прав!* — тов. Алексей и в том месте своего письма, где речь идет о «хищнической эксплоатации сил природы «ленинцами». Эта эксплоатация, — один из самых ярких признаков нашей политической незрелости, — очень сильно способствовала возникновению «ликвидаторства». С этим согласится всякий тот, кто хоть немного знает психологию «ликвидаторов». Я хорошо понимаю, что пока «ленинцы» придерживаются своей кружковщины, их не испугаешь бегством меньшевиков из партии. Наоборот, они будут радоваться ему: во-первых, по той причине, что оно все более и более делает их господами положения, а во-вторых, — и это, может быть, самое главное, — потому, что, убегая из партии, меньшевики-ликвидаторы стараются оправдать свое бегство с помощью «принципов» и тут незаметно для себя впадают в оппортюнизм, воскрешая доводы покойников «экономистов». Этот ложный и опасный шаг делается ими с тем большей легкостью, что в их среде немало покаявшихся «экономистов». Пример: их крупнейший теоретик т. Мартынов. «Хищническая эксплоатация сил природы «ленинцами» приводит в действие «старые дрожжи» и вызывает у покаявшихся «экономистов» ту мысль, что им и каяться-то было решительно не в чем. Но эта мысль не менее вредна, чем «хищническая эксплоатация сил природы «ленинцами». Она представляет собою ее дополнительную ошибку. Она ей противоположна; но, в своей противоположности ей, она обнаруживает свое кровное родство с нею. Она происходит из того же источника: из непонимания практических задач революционного марксизма.

Духом указанных мной прекрасных мест пропитано все письмо т. Алексея. И потому, что все это письмо проникнуто этим духом, оно принадлежит к немногочисленным отрадным знамениям нашего печального времени. Оно показывает, что между нашими «практиками» есть люди, способные и желающие взять на себя почетный труд восстановления политической организации нашего революционного пролетариата — той политической организации, которая, по условиям нашей современной действительности, может быть только *тайной*. И все-таки письмо т. Алексея производит тяжелое впечатление: очень уж велики те тараканы, которых он находит в некотором печеном хлебе.

Со слов московских рабочих *(тоже товарищей)* он говорит, что роль коммивояжера ликвидации «принял на себя в 1908 г. один из самых видных меньшевиков, близко стоящих к редакции «Голоса социал-демократа». В моем списке письма названо даже имя этого меньшевика, в самом деле принадлежащего к числу наиболее видных. Я не привожу здесь его имени, так как нас с т. Алексеем могли бы, пожалуй, обвинить в нарушении требований «конспирации», хотя мне и кажется, что за разрушение *социал-демократической партии* грозит не столько каторга, сколько орден в петлицу, на шею или куда там следует [1]). Но как бы там ни было, а дело принимает весьма серьезный оборот. Получается «изюминка» величиною, по крайней мере, с добрый арбуз. Проглотить ее весьма трудно. И необходимо все хитроумие Улиса, чтобы удачно написать новое «раз'яснение».

Мне очень хотелось бы думать, что ошиблись московские товарищи-рабочие, сообщившие автору письма о ликвидаторской деятельности лица, близкого к редакции «Голоса социал-демократа». Во всяком случае, дела этого так оставить нельзя. В интересах истины нужно было бы раз'яснение без кавычек и... без «изюминок». Дождемся ли мы его? Поживем — увидим. А пока я опять скажу всем, кому ведать надлежит: «шила в мешке не утаишь!»

Тов. А. Московский пишет, что стыд и позор будет нашему сознательному пролетариату, если он станет спокойно смотреть на работу людей, составивших заговор против его собственной партии. Этих его слов тоже не должны забывать те из нас, которые партией дорожат более, нежели фракционными курятниками. Т. Алексей и тут говорит неоспоримую истину.

---

[1]) *Примечание для «Тартюфов революционной морали».* Во избежание жалких слов считаю нужным оговориться: я отнюдь не хочу намекнуть, что «коммивояжеры ликвидации» действуют *по соглашению* с правительством. Нет! Они действуют *только в его интересах.* И это происходит совершенно бескорыстно, единственно по неразумию. Но ведь это, *пожалуй,* еще хуже и, *уж наверно,* гораздо смешнее...

Комедия ошибок

(Ответ и совет тов. М. А. Мартынову.)

Правда — не пуховик.

Гр. Растопчин.

Любезный товарищ!

В № 18 «Голоса социал-демократа» Вы начали ряд статей, озаглавленных «Кто ликвидировал идейное наследство?» и направленных против фельетониста «Пролетария». Хотя мне пока известна только первая, напечатанная в указанном №, статья этого ряда, но я, как граф Л. Толстой, «не могу молчать»; я уже вижу себя вынужденным возражать Вам в интересах исторической истины вообще и в интересах самозащиты в частности.

Вы говорите: «Фельетоны «Пролетария» есть фальсификация истории, сознательно сбивающая с толку рабочих. Возможность такой фальсификации об'ясняется тем, что термин «гегемония пролетариата», который стал у нас ходячим только с искровского периода, стал постепенно так истолковываться большевиками, что человеку, воспитавшемуся только на новейшей большевистской литературе, даже при добром желании трудно понять, какой первоначальный смысл вкладывался в этот термин группою «Освобождение Труда». А, между тем, понять это очень важно всякому, кто не желает участвовать в движении в качестве Ивана, не помнящего родства. — Поэтому мы считаем весьма полезным восстановить теперь действительную историю возникновения этой идеи у группы «Освобождение Труда» и тот комплекс понятий, который связывался с этой идеей у группы «Освобождение Труда», разобрать, кто именно, большевики или меньшевики, ликвидировали наше общее идейное наследство».

Вы совершенно правы, осуждая тех людей, которые участвуют в движении, играя роль Иванов, не помнящих родства. В этой роли

очень много смешного и вредного. Но, отнюдь не желая защищать фельетониста «Пролетария», я позволю себе заметить Вам, любезный товарищ, что в своей статье Вы сами обнаружили несомненное сходство с теми Иванами, которых Вы так решительно осуждаете. Я сейчас покажу Вам это.

Принимаясь за восстановление «действительной истории», Вы пишете: «Группа «Освобождение Труда» с первого же шага своего, с 1883 г., выступила во всеоружии марксистского метода мышления, но именно поэтому она за все время своего существования, исходя из общих руководящих принципов, в вопросах тактики сообразовывалась с меняющимся соотношением сил в революционном движении. Политические принципы, из которых исходил Г. Плеханов в 1883 и 1884 гг. в своих произведениях, были следующие: во-первых, «рабочий класс очень важен для революции»; без него революция не победит; во-вторых, «социалисту нужно подумать прежде всего о том, чтобы революция была полезна для трудящегося населения страны»; в-третьих, «для него не должно остаться потерянным то обстоятельство, что социализм зародился в России в то время, когда капитализм был еще в зародыше»... Это были основные предпосылки, которых группа «Освобождение Труда» никогда не упускала из виду. Но из этих предпосылок *принципиально новое* вносила в революционную мысль только первая. Поэтому всесторонней разработкой именно этого вопроса Г. Плеханов в 80-х гг. заложил прочный *фундамент* для русской социал демократии».

В качестве одного из членов бывшей группы «Освобождение Труда» я благодарю Вас за комплимент, который Вы делаете ей по части ее методологического «всеоружия», и, конечно, не стану отрицать, что в вопросах тактики группа эта всегда «сообразовывалась с меняющимся соотношением сил в революционном движении». Это в самом деле было так. Да иначе и не могут поступать люди, хотя бы отчасти искусившиеся в *диалектическом* мышлении. Ученик Фейербаха, прошедшего школу великого диалектика Гегеля, наш Н. Г. Чернышевский давно уже сказал, что в общественных вопросах все зависит от обстоятельств времени и места. В свою очередь один из основателей научного социализма, Фридрих Энгельс, писал одному юноше из Техаса («Jüngling aus Texas»): «Nach meiner Ansicht ist in jedem Lande die Taktik die beste, die am kürzesten und sichersten zum Ziel führt». (По моему мнению, в каждой стране самая лучшая тактика та, которая

вернее и скорее всего ведет к цели) [1]). Восторженные ученики Маркса и Энгельса, мы, члены группы «Освобождение Труда», хорошо понимали эту истину, раз навсегда положив ее в основу всех своих тактических соображений. Именно потому, что мы в этих соображениях твердо держались этой истины, мы производили подчас впечатление «оппортюнистов» и даже «изменников» на тех из наших товарищей, которые рассуждали по метафизической формуле: «да — да, нет — нет, что сверх того, то от лукавого». Упреки в «оппортюнизме» и в «измене», — так часто выдвигавшиеся против нас нашими же товарищами [2]), — разумеется, были неприятны, однако они совсем не смущали нас, во-первых, потому, что мы слишком ясно видели их нелепость, а во-вторых, потому, что, когда нам приходилось встречаться с Энгельсом, мы лично от него получали предостережение по части тактического догматизма. Осенью 1894 г. я, живя в Лондоне, имел удовольствие часто встречаться с Энгельсом, который находился тогда далеко не в дружественных отношениях с некоторыми марксистами одной западно-европейской страны, не умевшими, по его мнению, понять ту основную истину марксистской тактики, что хорошо все то, что целесообразно. Деятельность этих марксистов служила для Энгельса образчиком того, как не должны вести себя последователи Маркса. И я смею уверить читателя, что я не забыл относившихся к этому вопросу суждений Энгельса. Если впоследствии некоторые мои товарищи разных направлений с искренностью старушки, поразившей Гуса своей святой простотою, величали меня «оппортюнистом», «кадетским подголоском» и т. п., то это произошло, должно быть, потому, что слова моего учителя не пропали для меня даром.

Но дело сейчас не в этом. Оно в том, что Вы, т. Мартынов, посмеиваясь над большевиками по поводу их недавних нападок на меня, изображаете меня таким человеком, который заслужил бы эти нападки, если бы сделанное Вами изображение мое сходно было с подлинником. К счастию, оно совсем на него не похоже.

Между теми тремя принципами, из которых я, по Вашим словам, исходил в начале 80-х гг., Вы считаете самым важным принцип, поставленный Вами на первое место и гласящий, что «рабочий класс

---

[1]) См. «Briefe und Auszüge aus Briefen von Becker, Dietzgen, Engels, Marx und And. an Sorge und And.», p. 395.

[2]) Большевики отнюдь не были в этом отношении первыми. Упрек в оппортюнистическом отношении к буржуазии выставлен был против нас еще «экономистами». Вы должны хорошо помнить это, тов. Мартынов.

очень важен для революции». Вы утверждаете, что именно этот принцип внес нечто «*принципиально новое*» (курсив Ваш) в русскую революционную мысль. Но это не только не верно; это смешно. Написать это мог, — извините меня, — только человек, изучавший историю нашей революционной мысли преимущественно по глубоким творениям г. Потресова.

В своей книге «Наши разногласия» я, указав на то, что важнейшей задачей русского революционера является деятельность в рабочей среде, писал:

«И пусть не говорят нам, что современные русские бланкисты не отрицают значения подготовительной деятельности в среде рабочего класса. Никакое сомнение невозможно на этот счет после того, как «Календарь Народной Воли» об'явил, что городское рабочее население имеет «особенно важное значение для революции» (стр. 130). Но есть ли на свете хоть одна партия, которая не признавала бы, что рабочий класс может оказать ей важную помощь в достижении ее целей? Современная политика железного канцлера ясно показывает, что такого сознания не лишено даже прусское юнкерство. Теперь все обращаются к рабочим, но не все говорят с ними одинаковым голосом, не все отводят им одинаковую роль в своих политических программах. Это различие заметно даже на социалистах. Для демократа Якоби основание одного рабочего союза имело более важное культурно-историческое значение, чем битва при Садовой. Бланкист, конечно, вполне согласится с этим мнением. Но согласится — единственно потому, что не битвы, а революционные заговоры являются в его глазах главными двигателями прогресса. Если же вы предложите ему выбирать между рабочим союзом и «кающимся дворянином» в лице какого-нибудь начальника дивизии, то он едва ли задумается предпочесть второго первому. Да оно и понятно. Как ни важны «для революции» рабочие, но высокопоставленные заговорщики еще того важнее; без них нельзя ступить шагу, и часто весь исход заговора может зависеть от поведения того или другого «превосходительства». С точки зрения социал-демократа истинно революционное движение настоящего времени возможно только в среде рабочего класса; с точки зрения бланкиста революция только частью опирается на рабочих, имеющих для нее «важное», но не главное значение. Первый полагает, что *революция* имеет «особенно важное значение» *для рабочих;* по мнению второго, *рабочие* имеют, как мы знаем, особенно важное значение *для революции.* Социал-демократ хочет, чтобы рабочий *сам сделал* свою революцию;

бланкист требует, чтобы рабочий *поддержал* революцию, начатую и руководимую за него и от его имени другими, положим хоть гг. офицерами, если вообразить нечто вроде заговора декабристов. Сообразно с этим изменяется и характер деятельности, и распределение сил. Один обращается, главным образом, к рабочей среде, другой имеет с ней дело только между прочим и когда этому не мешают многочисленные, сложные, непредвидимые и все более и более возрастающие нужды начатого вне ее заговора. Это — различие огромной практической важности; именно им-то и об'ясняется враждебное отношение социал-демократов к заговорщицким фантазиям бланкистов» [1]).

Выписка длинна; однако она была необходима и, как Вы сами видите, т. Мартынов, она поучительна. Она показывает, что Вы, желая «восстановить теперь действительную историю» моей мысли о возможной у нас роли пролетариата, совершенно исказили эту мысль: Вы приписали мне такой взгляд, которого я не только не высказывал, но против которого я восставал с раздражением и насмешкой, взгляд, который, по моему тогдашнему, да, конечно, и нынешнему мнению, мог возникнуть только в головах некоторых утопистов, да разве еще у некоторых буржуазных писателей, стремящихся эксплоатировать пролетариат для целей своего класса. Вы отнесли на мой счет то, что говорили Тихомиров и другие теоретики «Народной Воли», и Вы об'явили, что это отнесенное Вами на мой счет чужое мнение и составляет то «*принципиально новое*», что было внесено в русскую революционную мысль мною и моими тогдашними единомышленниками. Согласитесь, любезнейший товарищ, что Ваша попытка «восстановить теперь действительную историю» оказывается крайне неудачной: я не мог в 80-х, и ни в каких других, годах «заложить прочный фундамент для русской социал-демократии», разрабатывая мысль, принадлежавшую публицистам партии «Народной Воли» и осмеянную мною в моем первом же серьезном столкновении с одним из этих публицистов, т.-е. с г. Л. Тихомировым.

Первый блин вышел у Вас комом. Но мало того, что моя мысль искажена Вами; она искажена Вами при молчаливом одобрении редакции «Голоса социал-демократа», к которой принадлежит П. Б. Аксельрод, один из основателей группы «Освобождение Труда», казалось бы знакомый с идеями этой группы. Выходит как будто искажение истины

---

[1]) См. «Сочинения Г. Плеханова», т. I, стр. 467 — 468. Женева 1905. [Сочинения, т. II, стр. 300 — 301.]

с заранее обдуманным намерением, и мне представляется превосходный случай уподобиться главе Вашей исторической школы, г. Потресову, т.-е. заговорить языком Цицерона (см. его письмо против меня, напечатанное в № 16 — 17 «Голоса социал-демократа», между прочим, и с Вашего согласия, т. Мартынов): доколе Вы будете злоупотреблять терпением нашим и т. п. Но я не охотник до жалких слов, а подражание г. Потресова Цицерону я считаю комичным. Поэтому я поступлю совсем иначе. Я взгляну на Ваш промах не как на Вашу вину, а как на Вашу беду. Я постараюсь выяснить себе и Вам, почему Вы так плохо печете блины, т.-е. по какой причине Вы так неудачно восстановляете действительную историю наших революционных идей. При этом я буду исходить из того предположения, что Вы вполне искренни и что если Вы грешите, то грешите бессознательно. Вы должны признать, что это самое лойяльное изо всех возможных предположений. Разумеется, мне придется здесь сказать Вам кое-что неприятное. Но что же делать? «Правда — не пуховик», сказал граф Растопчин.

Вас сбили с толку мои же слова, встреченные Вами значительно ниже цитированного мною места «Наших разногласий». Вот эти слова: «Предыдущее изложение лишний раз подтвердило нам ту истину, что рабочий класс очень важен «для революции» [1]). Прочитав эти слова, — возможно, что Вы, перелистывая «Наши разногласия», прочитали если не одни эти слова, то одну ту страницу или одну ту часть страницы, на которой эти слова находятся, — Вы вообразили, что в них-то и состоит то *«принципиально новое»*, что было внесено мною и моими единомышленниками в нашу революционную мысль. Вы не догадались спросить себя, почему же у меня поставлены во вносные знаки слова: «для революции». Если бы у Вас возник этот вопрос и если бы Вы, ища ответа на него, посвятили несколько лишних минут на перелистывание «Наших разногласий» [2]), то Вы нашли бы цитированное мною место

[1]) Там же, стр. 522. [Сочинения, т. II, стр. 346.]

[2]) Я не предполагаю, что Вы *читали* эту книгу. Когда Вы «разносили» меня в качестве «экономического публициста» и референта, Вы обнаруживали трогательное незнакомство с моими взглядами. Когда Вы перестали быть «экономистом», Вы решили, должно быть, что, так как Вы теперь согласны со мной, то Вам тем меньше нужно читать мои произведения. Поэтому, взявшись за «восстановление действительной истории» моих взглядов, Вы ограничились тем, что бегло перелистали «Наши разногласия» и, приняв за меня г. Тихомирова, стали, указывая на этого последнего, защищать *его* «идейное наследство» и, ссылаясь на это наследство, поучать

и увидели бы, что слова, поставленные мною во вносные знаки, принадлежат Тихомирову и осмеиваются мною, как выражение мысли, недостойной социалиста нашего времени, т.-е. марксиста, социал-демократа. Вы поняли бы тогда и то, почему я, повторив с ироническими кавычками, что рабочий класс очень важен для революции, снова и снова спешил противопоставить этой точке зрения свой социал-демократический взгляд. Я писал: «Но социалисту нужно подумать прежде всего о том, чтобы революция была полезна для трудящегося населения его страны. Оставляя пока в стороне крестьянство, мы заметим, что рабочий класс извлечет тем бо́льшую пользу из своей политической борьбы, чем яснее будет для него связь между его экономическими нуждами и политическими правами» [1]). Эта мысль, *противопоставленная* мною мысли Тихомирова, была сопоставлена Вами с нею, как ее логическое дополнение и как второй принцип группы «Освобождение Труда». Вы не догадались, что этот будто бы второй принцип есть то же самое положение, — только выраженное в другой связи и потому освещенное с другой стороны, — которое я высказал в том месте, где осмеивается мною народовольское признание важности рабочих для революции. Указав на то, как противоположны между собой в интересующем нас здесь отношении взгляды социал-демократов, с одной стороны, и взгляды бланкистов — с другой, я продолжаю: «Сообразно с этим изменяется и характер деятельности, и распределение сил» и т. д. Но все это осталось вне поля Вашего зрения, вследствие чего Вы и пред'язили притязание «наследника» на одну из тех идей, которые составляли законную собственность г. Тихомирова. Думал ли когда-нибудь бывший редактор «Вестника Народной Воли», что могут явиться историографы, так бесцеремонно обращающиеся с его «идейным наследством»?! Вот она, «игра судьбы»!

В длинной выписке, — смею повторить: поучительной для Вас, т. Мартынов, как для человека, принадлежащего к исторической школе г. Потресова и не читавшего «Наших разногласий», — я говорю, что «с точки зрения социал-демократа истинно революционное движение настоящего времени возможно только в среде рабочего класса». Это значит, что пролетариат является важнейшим двигателем революционного развития нашего времени. Кто признает пролетариат важнейшим двигателем революционного развития нашего времени, тот тем

социал-демократических «Иванов, не помнящих родства». Вот до чего дошло дело! И право же стоит подумать о том, почему оно дошло до этого.

[1]) Там же, та же стр.

самым признает, разумеется, что пролетариат очень важен для революции — совершенно так же, как тот, кто признает, что железнодорожный поезд движется силой пара, признает, что сила пара важна для движения поезда. Это простая тавтология. В смысле этой тавтологии я, конечно, тоже признавал важность пролетариата для революции. И не только признавал, но неутомимо доказывал ее в спорах с нашими противниками из народнического и народовольского лагеря. В этом Вы, т. Мартынов, пожалуй, увидите обстоятельство, уменьшающее важность Вашей ошибки. А может быть, — «враг»-то силен! — Вы скажете, что и ошибки-то никакой не было, так как признавал же я, в самом деле, важное революционное значение пролетариата в нашем общественном развитии. Но, будучи искренне расположен к Вам, я не советую Вам прятаться за этот софизм по той причине, что им только усилится комизм Вашего положения. Он покажет, что Вы и до сих пор не замечаете слона, т.-е. разницы между мною, утверждающим, что пролетариат есть важнейший революционный двигатель нашего времени, и г. Тихомировым, высказавшим ту, приписанную Вами мне, как «принципиально новую», мысль, что рабочий класс имеет «особенно важное значение для революции». Поверьте, т. Мартынов, что это не одно и то же. А если не хотите поверить мне, то обратитесь к П. Б. Аксельроду: он когда-то хорошо понимал это.

В свою очередь я поясню Вам мое отношение к вопросу о «важном значении» рабочего класса «для революции» примером. Буржуазные экономисты всегда признавали, что рабочие «очень важны» для производства. Социалисты, почти с самого своего появления вступившие в полемику с буржуазными экономистами, осмеивали этот взгляд. Они утверждали, что хотя рабочий, без сомнения, «важен» для производства, даже гораздо больше, чем это думают экономисты, но что эти последние, тем не менее, ставят настоящий вопрос вверх ногами: не производитель должен существовать ради продукта, а, наоборот, продукт ради производителя (как это, между прочим, очень хорошо доказывал наш Чернышевский). Теперь скажите, т. Мартынов: как отозвались бы Вы о таком историке социализма, который стал бы уверять нас, что, выступив против буржуазных экономистов, социалисты провозгласили «принципиально новую мысль», заключавшуюся в признании «важности» рабочих *для производства?* Согласитесь, что Ваш отзыв о нем не мог бы быть лестным. Но именно по той же причине не может быть лестным мой отзыв

о Вас, как о восстановителе «действительной истории» нашей революционной мысли.

При всем своем тогдашнем народолюбии г. Тихомиров все-таки отводил пролетариату лишь служебную роль: рабочий класс все-таки был в его глазах не более как средством для достижения цели. Цель, которой задавался г. Тихомиров тогда вместе с своими единомышленниками, — революция, — была весьма серьезна и достойна сочувствия. Но это не мешало ему интересоваться рабочими лишь в той мере, в какой они могли служить средством для достижения этой возможной цели. Группа «Освобождение Труда» восстала против этого, об'явив, что дело не в том, важны ли рабочие для революции, а в том, важна ли революция для рабочих. В этом и заключалось, по ее мнению, главное, — не понятое Вами, т. Мартынов, — отличие социал-демократа от бланкиста. Потому-то я и писал (см. сделанную выше выписку из «Наших разногласий»): «Первый, т.-е. социал-демократ, полагает, что *революция* имеет особенно важное значение *для рабочих;* по мнению второго, *рабочие* имеют особенно важное значение *для революции*». Словом, мы, действительно, относились к г. Тихомирову и его единомышленникам так, как относились, в вопросе о производстве, социалисты к буржуазным экономистам. Мы поставили на ноги тот вопрос, который у них стоял вниз головою. И не легко *понять,* каким образом Вы, т. Мартынов, этого *не поняли,* приписав мне тихомировскую «формулу прогресса».

Поставить вопрос о том, важна ли революция *для рабочих,* значило целиком перейти на точку зрения пролетариата, т.-е. рассматривать с точки зрения его интересов все экономические и политические вопросы. Нас обвиняли в крайней узости; нам доказывали, что рабочие далеко еще не составляют большинства населения нашей страны. Мы не смущались такими упреками; мы были твердо убеждены в том, что, каково бы ни было численное отношение пролетариата к другим классам российских обывателей, только он представляет у нас собою революционный класс в настоящем смысле этого слова. В своей полемике с г. Тихомировым я выразил это (см. опять сделанную выше выписку) словами: «С точки зрения социал-демократа истинно революционное движение настоящего времени возможно только в среде рабочего класса». Это наше убеждение выразилось, между прочим, и в моей речи на социалистическом международном с'езде в Париже в июле 1889 г. «Революционное движение в России, — сказал я, заканчивая эту речь, — может восторжествовать только как революционное

движение рабочих. Другого выхода у нас нет и быть не может» [1]).

Фельетонист «Пролетария» находит, что этой моей речью впервые возвещена была идея гегемонии пролетариата в русской революции; Вы оспариваете это, применяя к нему насмешливое выражение Чернышевского: «проницательный читатель». Однако Вы и тут ошибаетесь: однако Вы сами оказываетесь «проницательным читателем». Излишне было бы доказывать, что идея, о которой идет речь, «возвещена» была впервые вовсе не на Парижском с'езде. Читатель сам может убедиться в этом, перечитав сделанную выше выписку из «Наших разногласий». Тем не менее идея эта *была именно идеей гегемонии пролетариата в нашем революционном движении*. Фельетонист «Пролетария» впал в заблуждение, приняв ее за ту, которую защищали впоследствии большевики. Ниже я покажу, в чем тут разница; но, повторяю, Вы, т. Мартынов, опять неправы. Вы говорите:

«Г. Плеханов сказал на Парижском конгрессе следующее: «Она, наша революционная интеллигенция, должна усвоить взгляды научного социализма, распространить их в рабочей среде и с помощью рабочих приступом взять твердыню самодержавия. Революционное движение в России может восторжествовать только как революционное движение рабочих. Другого выхода у нас нет и быть не может». Но «социалистическая интеллигенция с помощью рабочих брала приступом твердыню» старого режима и на Западе в 30-х и 40-х гг., когда там даже еще не существовало самостоятельного рабочего движения. Очевидно, что Г. В. Плеханов в этой речи в ярких выражениях повторил лишь то, что он всегда говорил, начиная с 1883 г., а именно, что, пока не выступит на сцену революционный пролетариат, оппозиционные и революционные элементы России останутся политически бессильными, что повалить царизм может только восстание рабочих. Но он здесь совершенно не касался вопроса о гегемонии пролетариата накануне и во время революции, т.-е. о сознательном руководстве рабочей партии в эту эпоху другими классами или партиями. Вложить в эти слова идею гегемонии пролетариата можно было бы только на основании двух предположений: во-первых, если допустить, что Г. Плеханов отождествляет понятие восстания (приступ) с более общим понятием — революция, во-вторых, если допустить, что по мнению Г. Плеханова нашу

[1]) Речь моя напечатана в «Социал-демократе», кн. I (февраль 1890 г.), отд. 2, стр. 28 — 29. [Сочинения, т. IV, стр. 53 — 54.]

буржуазную революцию может совершить один пролетариат без союзников из других классов. Но на такое наивное упрощение вопроса способны нынешние большевики или польские социал-демократы. Г. Плеханов же никогда, ни до, ни после 1889 г., в таком понимании хода революции не был повинен».

Эта выписка тоже длинна, но тоже поучительна, на этот раз, впрочем, не для Вас, а для Ваших читателей.

Во-первых, она показывает, что Вы чересчур благосклонны ко мне. Вы приписываете мне такие сведения, каких у меня никогда не было и пока еще нет. Ставя в кавычки некоторые мои слова, Вы утверждаете, что «социалистическая интеллигенция с помощью рабочих брала приступом твердыню» старого режима и на Западе в 30-х и 40-х гг., выражая твердую уверенность в том, что мне было хорошо известно это обстоятельство в эпоху Парижского с'езда 1889 г. Но я отказываюсь от незаслуженных мною похвал: мне неизвестно, в какой именно стране социалистическая интеллигенция 30-х гг. брала приступом твердыню старого режима. Мне всегда казалось, что социалисты того времени чуждались политики, благодаря своей утопической точке зрения. То же думал я и о большинстве западных социалистов 40-х гг. Я буду очень благодарен Вам, если Вы просветите меня, доказав, что я ошибался. Но пока это будет, я останусь при своей старой ошибке, в силу которой я считал научный социализм способным составить эпоху в нашем социалистическом движении, между прочим, и потому, что им внесен был бы в него «принципиально новый» взгляд на политику. Поэтому-то первой брошюрой, написанной мною *в качестве марксиста*, и была брошюра «Социализм и политическая борьба».

Далее. Если «очевидно», что я в своей парижской речи в «ярких выражениях» (благодарю за комплимент) «повторил лишь то», что я «всегда говорил, начиная с 1883 г.», — а это в самом деле очевидно, — то совсем не «очевидно», что Вы правильно формулируете главную мысль моей парижской речи в своих словах: «Пока не выступит на сцену революционный пролетариат, оппозиционные и революционные элементы России останутся политически бессильными... повалить царизм может только восстание рабочих». В моей парижской речи было, конечно, и это, — как было в моей полемике с Тихомировым, между прочим, и признание того, что пролетариат важен для той революции, в которой он является главной движущей силой, — но в том-то и дело, что в ней было *не только это;* в том-то и дело, что Вы не заметили главного, «*принципиально нового*», заключавшегося в моем указании

на то, что революционное движение может восторжествовать у нас только «как революционное движение рабочих». Вы не догадались, что идея, заключающаяся в этих словах, есть идея «гегемонии пролетариата накануне и во время революции».

Любезный товарищ! Я чрезвычайно благодарен Вам за то, что Вы защищаете меня от подозрения «в наивном упрощении вопроса». Но правда выше всего: в ее интересах я должен признать, что Вы запутались, — страшно, смешно запутались!

Вы говорите, что вложить в мои слова идею гегемонии пролетариата можно было бы только при двух предположениях, кажущихся Вам совершенно невозможными. Разберем оба эти предположения.

Первое состоит в том, «что Г. Плеханов отождествляет понятие восстания (приступ) с более общим понятием — революция». По его поводу я замечу Вам вот что.

На Парижском с'езде моя речь произнесена была по-французски. Русское слово приступ равнозначительно французскому assaut. Насколько я знаю, никому из моих слушателей не пришло в голову отождествить слово assaut (приступ) с словом insurrection (восстание). Вы первый сочли возможным подобное отождествление. Единственным *достаточным* основанием для этого может служить *недостаточное* знание Вами французского языка. Поговорите с любым членом французской социалистической партии, и он скажет Вам, что партия эта хочет научить пролетариат взять приступом твердыню капитализма. Но Вы очень опростоволоситесь, если подумаете, слыша это, что наши французские товарищи подготовляют восстание. Для них слово assaut именно равнозначительно «с более общим понятием»: революция. Стало быть, и тут Вы, что называется, попали пальцем в небо.

Согласно второму из двух предположений, об'явленных Вами невозможными, Плеханов мог бы говорить в Париже о гегемонии пролетариата только в том случае, если бы он считал, что «нашу буржуазную революцию может совершить один пролетариат без союзников из других классов». Но я не понимаю, почему это так. Я думаю, что вполне позволительно было высказывать и отстаивать идею гегемонии пролетариата, не считая в то же время, что он может обойтись без союзников из, — вернее: без поддержки со стороны, — других классов населения. Вдумайтесь только в самую идею гегемонии, т. Мартынов; — припомните, например, время гегемонии Афин в древней Греции. Обходились ли в то время Афины без поддержки греческих государств, признававших афинское руководительство (гегемонию)? Конечно, нет,

не обходились; совсем наоборот: гегемония предполагала поддержку Афин, по крайней мере, некоторыми другими государствами. Это понятно всякому; а если понятно, то ясно, что и второе из тех предположений, которые Вы об'явили невозможными, не только возможно, но прямо обязательно для всякого логически мыслящего человека. Вы опять путаете. Что же это с Вами, любезнейший товарищ? Как Ваше здоровье? Каково самочувствие редакции, одобрившей Вашу статью к напечатанию?

Я скажу Вам, что с Вами. В одной из комедий Плавта фигурирует персонаж, который, очутившись в затруднительном положении, решает, что теперь ему необходимо путать, так как только путаница может его спасти. Не думайте, т. Мартынов, что я хочу «отождествить» Вас с этим весьма несимпатичным персонажем. Я первый восстал бы против подобного отождествления. Но, как человек, не лишенный некоторых сведений в геометрии, Вы знаете, что подобие не есть тождество. Вы «*не тождественны*» с этим персонажем; однако Вы, к крайнему моему сожалению, *подобны* ему в том смысле, что Вам теперь нельзя не путать. При этом то обстоятельство, что плавтовский персонаж путал умышленно, между тем как Вы путаете без умысла, совсем не устраняет сходства положений.

Ваша статья, разбором которой я вынужден был здесь заняться, до последней степени неудачна. Она гораздо неудачнее тех, — тоже, к сожалению, очень неудачных, — статей, которые Вы писали против меня и моих тогдашних товарищей, будучи «экономистом». Почему же так случилось, что Вы написали столь неудачную статью именно после того, как Вы вместе со всей редакцией «Голоса социал-демократа» разошлись со мной из-за неудачной статьи г. Потресова: «Эволюция нашей общественно-политической мысли»? Да именно потому, что, став на сторону г. Потресова, Вы очутились в таком положении, в котором Вам уже нельзя не путать: путаницы требует само положение, как говорит плавтовский персонаж [1]).

Настроение, выразившееся в статье г. Потресова, может быть охарактеризовано одним словом: *легализм*. Именно в силу этого настроения г. Потресов оказался таким плохим историографом нашей общественной мысли. Оно лишило его всякой способности понять роль револю-

[1]) У меня нет под руками цитируемой мной комедии Плавта. Если я не вполне точно привожу слова интересующего меня здесь персонажа, то я надеюсь, что меня поправит т. Мартов, так удачно поправивший мою цитату из Гейне. Однако за смысл моей цитаты я и тут ручаюсь.

ционного «фактора» в истории этой мысли. Под его влиянием он сделался ретроспективным ликвидатором. Но ретроспективное ликвидаторство предполагает, как свое естественное дополнение, склонность к ликвидаторству в настоящем. Вы сами более или менее смутно сознавали это, когда Вам пришлось выбирать между мной и г. Потресовым. Вы чувствовали, что нелепично и нерасчетливо было бы восставать против ретроспективного ликвидаторства тем людям, которые, подобно Вам и Вашим товарищам по редакции «Голоса социал-демократа», более или менее, — и, конечно, скорее более, чем менее, — сочувствуют ликвидаторству в настоящем. И Вы не захотели отвернуться от ретроспективного ликвидаторства. Но тем самым Вы принуждены были увеличить и умножить уступки, делаемые Вами ликвидаторам настоящего времени. Wer A sagt, muss auch B sagen. (Кто говорит А, должен сказать также Б.) Во всяком положении есть своя логика. Логика Вашего положения есть логика легализма. Логика легализма ведет к отрицанию всех революционных идей. Идея гегемонии пролетариата принадлежит к их числу. Поэтому Вы стали ретроспективно ликвидировать эту идею в изданиях группы «Освобождение Труда», с которой Вам, по выражению Фамусова, хотелось бы «роднею счесться». Попробуйте поговорить о гегемонии пролетариата с нашими бернштейнианцами, «без лести преданными» легализму. Они, разумеется, станут всячески чураться этой идеи. Положение, в котором очутились Вы теперь, сближает Вас с нашими бернштейнианцами, хотя Вы, может быть, не сознаете этого и, уж разумеется, не захотите в этом сознаться. Поэтому и отношение Ваше к гегемонии пролетариата становится похожим на отношение к ней русских бернштейнианцев. В этом и заключается секрет или, — чтобы уподобить выражение Фейербаха, — тайна Вашей попытки «восстановить теперь действительную историю» революционных идей группы «Освобождение Труда», — попытки, которая привела Вас к тому, что Вы приняли за меня моего противника, г. Тихомирова.

Для людей, не принадлежащих к исторической школе г. Потресова и потому в самом деле интересующихся историей общественной мысли, я прибавлю здесь мимоходом следующее. Когда человек покидает точку зрения революционного марксизма и пятится на точку зрения легального филистерства, он начинает мыслить утопически, подобно тому как старик, впадающий в детство, начинает мыслить ребячески. Самыми заметными утопистами нашего времени являются именно социал-демократические оппортунисты. Сближаясь с ними, Вы, т. Мартынов, стали рассуждать как утопист и потому приняли за нечто «*принципи-*

ально новое» мысль, защищавшуюся утопистом г. Тихомировым. Вот оно, «преступление и наказание»!

Этим еще не кончаются Ваши злоключения, т. Мартынов. «Наказание», — роковое, неизбежное, коренящееся в логике Вашего собственного поступка, — продолжается. Вернее, Вы продолжаете наказывать себя, согласно пословице: сама себя раба бьет, что не чисто жнет.

Я уже сказал Вам, что, осмеяв мысль г. Тихомирова, как недостойную социалиста нашего времени, и противопоставив ей то положение, что революция очень важна для рабочих, русские революционеры в лице нашей группы обеими ногами перешли на точку зрения пролетариата. Что же делаете Вы своей смеха и слез достойной попыткой восстановления действительной истории и проч.? Зачем стараетесь Вы перевести нас на теоретическую позицию г. Тихомирова, т.-е. заставить нас покинуть точку зрению пролетариата? Затем, чтобы под предлогом отстаивания «идейного наследства» отбояриться от идеи гегемонии пролетариата? А почему Вы почувствовали потребность отбояриться от нее? Опять-таки потому, что Вы на всех парусах несетесь к населенному бернштейнианцами и прочими оппортунистами берегу легализма. Легалисту нечего делать с идеей гегемонии пролетариата: она только стесняла бы его во всех его практических выступлениях. Вот почему наши бернштейнианцы всегда были против нее. Они предпочитали ей идею гегемонии... «Союза Освобождения».

Все это логично; все это понятно; все это неизбежно. Но все это крайне печально, т. Мартынов!

Вы не забыли, может быть, разговора, происходившего между нами в декабре 1908 г., вечером того дня, в который я письменно сообщил редакционной коллегии «Голоса социал-демократа» о своем выходе из нее. Мы долго спорили между собой о причине и о возможных последствиях нашего разрыва, и когда Вы уже собрались уходить, я напомнил Вам восклицание Дантона по адресу жирондистов: «Vous êtes opiniâtres et vous périrez!.. (Вы упрямы и вы погибнете!) Этими словами я хотел предупредить Вас против опасности того крайне ложного положения, в которое упрямо становились Вы с Вашими товарищами по редакции. Разумеется, Вы не обратили внимания на это предупреждение, а теперь выходит, что оно было предсказанием. Разве же не гибнет во всех смыслах социал-демократ, покидающий точку зрения пролетариата? Ввиду этого я к моему, кое-где, может быть, резкому, ответу Вам позволю себе присоединить благой совет.

Поймите же, наконец, что положение плавтовского персонажа, то положение, которое роковым образом ведет к вольной или невольной путанице понятий, недостойно Вас, как человека, искренне стремившегося усвоить себе принципы революционного марксизма.

Вы сделали ошибку, помирившись, — частью по недоразумению, частью по тяготению, а частью в силу трижды проклятой кружковой дипломатии, — с ретроспективным и всяким другим ликвидаторством. Это была огромная ошибка. Вы наказаны за нее тем, что совершили другую ошибку, выдав точку зрения Тихомирова за точку зрения группы «Освобождение Труда». И выходит так, что вторая ошибка горше первой, ибо от нее ближе к гибели. Спешите же остановиться, покинув ту наклонную плоскость, по которой Вы теперь катитесь! Я думаю, что Вам пока еще можно не докатиться до самого низа! Торопитесь покинуть занятую Вами из рук вон плохую позицию! Я хорошо понимаю, что если Вы опять пожелали бы теперь вернуться на позицию революционера и потому об'явили бы войну ликвидаторству во всех его видах, — так как нельзя быть революционером, мирясь с ликвидаторством, — то Вам и тут пришлось бы путать, пришлось бы противоречить тому, что Вы писали раньше, доказывая теперь, что в сущности Вы всегда были против ликвидаторства. И это, разумеется, нехорошо. Таково уже Ваше теперешнее положение, что, находясь в нем, нельзя не путать. Но из разных видов путаницы надо выбрать наименее вредный. И таким наименее вредным видом путаницы явились бы те паралогизмы и те софизмы, с помощью которых Вы стали бы прикрывать свое отступление с Вашей теперешней, до крайности ложной, позиции на правильную позицию революционного марксизма. И я от души советую Вам выбрать этот, наименее вредный, вид путаницы. Наш читатель, по большей части, невнимателен: он не заметит Ваших софизмов и паралогизмов. К тому же он забывчив: мало-по-малу с того представления, которое составилось у него о Вас, сотрется пятно потресовщины, — я чуть было не написал: передоновщины, — как уже постепенно почти совсем стерлось пятно Вашего бывшего «экономизма». Право же, т. Мартынов, последуйте моему доброму совету. Хорошее дело сделать никогда не поздно.

Но, написав эти строки, я опять невольно вспоминаю пророческие слова Дантона: «Vous êtes opiniâtres et vous périrez!» Я боюсь что Вы будете продолжать упрямиться и тем окончательно сделаете невозможным для себя возврат на революционную позицию. Впрочем, это, в конце концов, Ваше дело.

Теперь вот что. Не подумайте, пожалуйста, что, ополчаясь на Вас за Вашу попытку «восстановить теперь действительную историю», я хочу показать свою солидарность с фельетонистом «Пролетария». Нет, я с ним совсем не солидарен. И те, которые говорят, что тактика большевиков была лишь «конкретизированием» идеи гегемонии пролетариата в нашем революционном движении, впервые выдвинутой нами, т.-е. группой «Освобождение Труда», говорят нечто несообразное. Тактика большевиков была не осуществлением идеи гегемонии пролетариата, но ее практическим отрицанием, столь же решительным и (nota bene!) столь же непростительным, как и ее отрицание Вашими, т. Мартынов, нынешними друзьями — ликвидаторами. Ваши нынешние друзья ликвидаторы уходят от нее, — увлекая Вас за собою, — *направо*. О большевиках нельзя сказать, что они ушли от нее налево: они удалились от нее в ту область тактического утопизма, в которой нет ни пространства, ни времени, ни правой, ни левой стороны, а есть только революционная фразеология ins Blaue hinein [1]). На нашем партийном с'езде в Стокгольме я говорил, возражая Ленину в прениях об аграрном вопросе: «Ленин смотрит на национализацию (земли) глазами эс-эров. Он начинает усваивать даже их терминологию, — так, например, он распространяется о пресловутом народном творчестве. Приятно встретить старых знакомых, но неприятно видеть, что социал-демократы становятся на народническую точку зрения» [2]). То же самое я не раз говорил и по поводу тактики Ленина, с той, впрочем, разницей, что она напоминала мне не столько тактику нынешних эс-эров, сколько тактику бланкистов народовольческого типа. Кто, подобно Ленину, мог серьезно спрашивать себя, на какой месяц должны мы назначить вооруженное восстание, тот по своим тактическим понятиям, конечно, был гораздо ближе к г. Тихомирову и к Ткачеву, нежели к группе «Освобождение Труда». И неудивительно, что Ленин коренным образом разошелся с этой группой в таком важном вопросе, как вопрос о захвате власти революционерами. В той самой книге «Наши разногласия», в которой я выдвигал против Тихомирова идею гегемонии пролетариата, я отвергал, как вредную утопию, идею захвата власти. Отве-

[1]) Этой тактике соответствует «философия» г. Богданова, согласно которой время и пространство представляют собой *продукт* социального опыта, очевидно, совершающегося вне времени и вне пространства. Этот «опыт» и есть «опыт» большевистского «конкретизирования» идеи гегемонии пролетариата.

[2]) «Протоколы», стр. 44.

чая на вопрос, что произошло бы, если бы «русским социалистам» удалось захватить власть в свои руки, я писал: «Что будет тогда? О, тогда произойдет позорнейшее фиаско русской социалистической партии! Она вынуждена будет взяться за дело такой «организации», для которой у нее не хватит ни сил, ни понимания. Все соединится для того, чтобы нанести ей поражение: собственная неподготовленность, вражда высших сословий и сельской буржуазии, равнодушие народа к ее *организаторским* планам, общая неразвитость наших экономических отношений» [1]). И я ссылался на Энгельса, по мнению которого «самым худшим из всего, что может предстоять вождю крайней партии, является вынужденная необходимость овладеть властью в то время, когда движение еще недостаточно созрело для господства представляемого им класса и для проведения мер, обеспечивающих это господство» [2]). Между тем Ленин приурочивал все свои тактические соображения именно к захвату власти. На Стокгольмском с'езде я сказал, что «проект Ленина тесно связан с захватом власти революционерами» и что поэтому «против него должны высказаться все те, которые не имеют вкуса к этой утопии». Ленин тогда же сам признал наличность указанной мной связи, но он доказывал, что в захвате власти нет ничего утопического. События решили наш спор, и я не вижу надобности возвращаться к нему [3]). Замечу только, что симпатии социалистов-ре-

[1]) [Сочинения, т. II, стр. 329.]

[2]) [Там же, та же стр.]

[3]) Отмечу для памяти лишь следующее. На Стокгольмском с'езде (весной 1906 г.) я в прениях, вызванных различными проектами резолюции о вооруженном восстании, говорил: «По нашему мнению, положение дел таково: только силой народ может вырвать права у тупых сторонников реакции, но эта сила пока еще не достигла надлежащих размеров, ее надо увеличивать путем агитации; поэтому наша резолюция обращает главное внимание на необходимость революционной агитации; с другой стороны, наши противники полагают, что момент для решительного столкновения уже наступил, поэтому в их резолюции главное место отводится технической подготовке к восстанию; в этом и заключается различие наших взглядов. Резолюция так называемых «большевиков» прямо говорит, что вооруженное восстание является в настоящее время не только необходимым средством для борьбы за свободу, но уже фактически достигнутой ступенью движения; я решительно отрицаю это». («Протоколы», стр. 321.) Возражая мне, т. П. Орловский говорил: «Плеханов отрицал близость восстания и доказывал необходимость органической подготовительной работы. Для нас же восстание — вопрос месяцев. Поэтому мы стараемся дать конкретный ответ на вопрос: что́ делать теперь в виду надвигающейся стихии?» И далее: «Тов. Плеханов указал, что мы должны подражать примеру пруссаков после иенского поражения: под-

волюционеров к «большевикам» возрастали в той самой мере, в какой эти последние «конкретизировали», — т.-е. на самом деле искажали или даже прямо отрицали, — нашу идею гегемонии пролетариата в борьбе с абсолютизмом. Это происходило потому, что, как я сказал тому же Ленину на том же с'езде, «в новизнах его старина слышалась»[1]), т.-е. воскресали народовольческие традиции. Сообразно с этим и в практике «конспирации», собственно так называемой, воскресали худшие традиции заговорщицкой деятельности. Довольно многие из наших товарищей, «конкретизировавших» нашу идею гегемонии пролетариата в духе Ленина, в своей «конспиративной» практике держались того мнения, что, раз дело касается их фракционных выгод, то им «стыдно чего-нибудь стыдиться», как княгине Халдиной у Фонвизина. Этим «практическим разумом» княгини Халдиной в значительной степени об'ясняется бегство меньшевиков из революционного подполья. Нечего говорить о том, что бегство это никакой чести меньшевикам не приносит, несмотря на обнаруживаемое беглецами благородное негодование. Понятно и то, что удаление из подполья негодующих Гам-

---

нимать и организовывать массы. Он выразился буквально: «нужно, чтобы через наши полки прошло возможно более народа». Совершенно согласен. Чем больше рабочих пройдет через наши полки, — партийные организации и, в частности, боевые дружины, — тем лучше. Это совершенно большевистская постановка вопроса, и, если тов. Плеханов внесет ее в свою резолюцию, я думаю, мы скоро столкуемся. Если же мы попрежнему будем толковать о восстании, как о социальном явлении, то предлагаю вовсе не принимать никакой резолюции». (Там же, стр. 323.) Тов. П. Орловский правильно указал основное разногласие между мною и большевиками: они верили в непосредственную близость вооруженного восстания; я не мог в нее верить. На этом основании они решили, что я «уже не тот» и что я отказался от своих прежних революционных взглядов. Но замечательно, что сам тов. П. Орловский признал мою постановку вопроса «совершенно большевистской», что на его языке значило: вполне революционной. Оратор большевиков разошелся со мной лишь во взгляде на «конкретизирование» моей вполне революционной, «совершенно большевистской» идеи. Как только дело касалось «конкретизирования», мы с ним, как и с другими большевиками, начинали говорить на разных языках: я говорил о массовом движении, а он о «боевых дружинах». И так как я утверждал, что не боевыми дружинами вызываются революции, то товарищи-большевики решили, что я перестал быть революционером. Поневоле воскликнешь:

И вот судьба твоих сынов,
О Русь, о громкая держава!

[1]) Известные слова, сказанные раскольниками Александру II

летов меньшевистской фракции могло только увеличить значение большевизма в нашей партии. Таким образом выходило, что как бесцеремонные княгини Халдины, так и полные благородного негодования Гамлеты одинаково работали на пользу Ленина. Но польза Ленина не есть польза партии. «Практический разум» княгини Халдиной принес и, может быть, принесет еще страшно много вреда нашей партийной организации. Наблюдая деятельность наших Халдиных, я вспоминал Энгельса, не раз говорившего мне, что первым условием успеха нашего социал-демократического движения является безусловное отрицание всякой «нечаевщины».

При политической неразвитости нашего крестьянства, гегемония пролетариата, как ее «конкретизировал» Ленин, в действительности сводилась к изолированию *рабочего класса* в борьбе за политические условия дальнейшего развития *капиталистического общества*. С этой формулировкой задачи, страдавшей неизлечимым внутренним противоречием, могли помириться только социал-демократы, не успевшие вполне отделаться от народовольческих преданий. В этом и заключалась «тайна» эс-эровских симпатий к нашим большевикам, а также и «тайна» того, что по нашему адресу, по адресу членов бывшей группы «Освобождение Труда», впервые выдвинувшей идею гегемонии пролетариата, большевики, будто бы «конкретизировавшие» эту идею, посылали, к величайшему удовольствию эс-эров, «брань велию и слова многие бранные».

Эта «брань велия» и эти «слова многие бранные» иногда досадовали меня, а чаще всего смешили. На одном из наших партийных с'ездов я ответил на них горьким восклицанием Гуса: «святая простота!» И само собою разумеется, что «простота» товарищей, «конкретизировавших» нашу идею гегемонии пролетариата, при всей своей «святости», не могла заставить меня согласиться с ними. По вопросу о гегемонии пролетариата я и теперь стою на том же, на чем я стоял, когда писал «Наши разногласия». Но именно поэтому я не мог не заметить, что Вы, товарищ Мартынов, жестоко исказили нашу мысль под предлогом ее восстановления.

И знаете ли что? В своем понимании моих тактических принципов и соображений, Вы, любезный товарищ, несравненно ближе к большевикам, чем Вы думаете. В своей статье Вы, иронически перечисляя те мои поступки, которые должны были представляться оппортунистическими с точки зрения большевиков, говорите, что я «в довершение всего изобрел алгебраическую формулу: «полновластная Дума»,

способную, дескать, на время об'единить оппозицию». Излишне, может быть, прибавлять, что Ваша ирония направляется здесь именно против большевиков, почему-то позабывших теперь мои грехи, а не против меня, недавнего предмета «большевистских» нападок. В иронически перечисленных Вами мнимых моих прегрешениях сами-то Вы не видите ничего греховного. Но Вы плохо понимаете меня, и потому формулированная Вами мысль моя была бы действительно греховной, т.-е. ошибочной, если бы оказалось удовлетворительной ее, сделанная Вами, формулировка.

Когда я предлагал «формулу»: «полновластная Дума», я, конечно, хотел посредством ее «об'единить оппозицию». Но, во-первых, это не было моей единственной целью, а во-вторых, — и это главное *с точки зрения тактики,* — мое желание об'единить оппозицию обладало некоторой своеобразностью, не замеченной ни большевиками, упрекавшими меня за него, ни Вами, готовым видеть в нем признак моей политической зрелости. Кадеты тогда же с испугом закричали, что «полновластная Дума» есть псевдоним учредительного собрания. И это было правильно в том смысле, что представительное собрание, имеющее *полную власть,* имеет право *учредить* все, что оно захочет. Но самое выражение: «псевдоним» тут было неуместно. Я искал не псевдонима, а такого термина, с помощью которого моя мысль легче проникла бы в сознание народной массы, не изучавшей истории Великой французской революции и потому не знавшей, что такое учредительное собрание. Большевики не поняли этого, — они обнаружили в этом случае гораздо меньше чуткости, нежели кадеты, — и обвинили меня в измене принципу за ту самую «формулу», которая должна была содействовать и действительно содействовала бы торжеству этого принципа, поскольку оно зависело от наших усилий.

Далее. Я хотел об'единить оппозицию, *разоблачая половинчатость кадетской партии, боровшейся с нами на выборах за влияние на демократическую оппозицию.* Ее половинчатость была бы разоблачена не нашими упреками, которые могли бы показаться избирателям пристрастными, неосновательными и голословными, а ее собственными действиями, ее собственным отказом требовать полновластия для народного представительства. Я писал, возражая кадетским публицистам, ополчившимся против моего «псевдонима»: «значит, вы напрасно называете себя партией народной свободы; вы — партия народной полу-свободы». Заставляя таким образом кадетскую партию своими собственными действиями разоблачать свою половинчатость, я именно «конкре-

тизировал» идею гегемонии пролетариата, как самого последовательного и крайнего носителя демократических стремлений нашей эпохи.

Большевики, гремевшие против меня за мой «псевдоним», обнаружили сообразительность крыловского посетителя кунсткамеры: они слона-то и не заметили. И это, конечно, жаль. Но ведь Вы, т. Мартынов, иронически перечисляя мои прегрешения, тоже не упомянули о слоне. Это опять жаль, и это, вдобавок, весьма характерно. Вы скажете, может быть, что упоминание о слоне было бы здесь неуместно, а мне дело представляется иначе. Я думаю, что упоминание о слоне только значительно увеличило бы едкость Вашей иронии и что если Вы все-таки о нем не упомянули, то произошло это потому, что Вы сами его не заметили или, — что, пожалуй, вероятнее в настоящее время, — не захотели заметить. Почему не захотели? Да потому же, почему Вы принялись «восстановлять» нашу идею гегемонии пролетариата, в конец извращая тот смысл, который она имела, а вернее, совершенно лишив ее всякого смысла. Ваши симпатии к ликвидаторам, Ваша благосклонность к легализму сближают Вас с нашими профессиональными оппортюнистами, с нашими социал-демократами *«без заглавия»*, видящими в ликвидаторстве верх политической мудрости. Ну, а ведь известно, как редко и неохотно распространяются о кадетской непоследовательности «беззаглавные» социал-демократы. Они предпочитают упрощенный способ «об'единения оппозиции». Я боюсь, т. Мартынов, что и Вы, склонившись на сторону легализма, предпочтете этот способ. Такое предпочтение тоже подсказывалось бы логикой Вашей нынешней, до крайности ложной, позиции.

Еще несколько замечаний — и я кончаю. Противопоставление меня П. Б. Аксельроду, разумеется, совершенно неосновательно. Теперь мы разошлись с ним. Но до декабря 1908 г. между нами не было политических разногласий, хотя их пытались придумать еще раньше, чем большевики, сначала «экономисты», а после них неудачный историограф нашей общественно-политической мысли, г. Потресов. Может быть, последующие события покажут мне, что, когда, в доброе старое время, мы с Аксельродом говорили одно и то же, мы думали не совсем одно и то же. Это бывает. Однако для меня не подлежит никакому сомнению то, что я-то сам не замечал никаких разногласий между нами. Я был убежден, что мы вполне солидарны, и так как я считал, что П. Б. Аксельрод обладает редким политическим тактом, то я всегда

смотрел на его согласие со мной, как на одно из самых важных для меня ручательств за верность моих тактических соображений. Так *было*. И что бы ни происходило теперь, что бы ни произошло со временем, не нужно искажать прошлое.

Вы видели, т. Мартынов, что я вовсе не намерен затушевывать разногласия, существовавшие или существующие между мной и большевиками. Но каковы бы ни были эти разногласия, между мной и большевиками есть то общее, что мы стоим на точке зрения партии. Говоря это, я имею в виду большевиков ленинского толка, так как большевики толка Максимова представляют собой анархо-синдикалистов, а не социал-демократов. Ленин сделал много ошибок. И Вы часто бывали правы в то время, как он ошибался. Но справедливость прежде всего. Как бы я ни расходился с Лениным, я считаю себя обязанным во всеуслышание признать, что случалось и Ленину быть правым в то время, когда Вы ошибались. Пример: Ленин был прав, когда нападал и нападает на «ликвидаторов», с которыми Вы братались и братаетесь. Другой пример: в то время, когда Ленин занимался опровержением реакционной философии, одним из представителей которой является г. П. Юшкевич, автор недавно вышедшей брошюры «Столпы философской ортодоксии», Ваша «непримиримая группа» стремилась примириться с тем же г. Юшкевичем, тогда уже вполне достаточно обнаружившим свое реакционное теоретическое направление, и если не сделала этого, то единственно потому, что уступила моим настояниям [1]). Согласитесь же, любезный товарищ, что Ленин обнаружил здесь непримиримость гораздо более высокой пробы, нежели непримиримость Вашей группы, та «непримиримость», о которой можно говорить, только ставя ее во вносные знаки, ибо ее отличительная черта заключается в том, что она толкала Вас на примирение со всеми теми, с кем «мириться» ни в каком случае не следовало.

Белинский восклицает в одном из своих писем: «Я жид по натуре и за одним столом с филистимлянами сидеть не могу». Ополчившись против реакционной философии, Ленин показал, — к сожалению, гораздо позже, чем следовало, но лучше поздно, чем никогда, — что ему тоже невмоготу сидеть за одним столом с «филистимлянами», а Ваша «непримиримая группа», составившая тесный круг с ликвидаторами революционных идей и нашей партийной организации, показала, что Вас тянет к столу «филистимлян» с такою же

[1]) Смотри Приложение к этому номеру «Дневника».

настоятельностью физиологической потребности, с какой утят тянет в воду [1]).

Но в том-то и заключается трагизм Вашего нынешнего положения, что Вам нельзя не сидеть за одним столом с филистерами. Повинуясь требованиям несчастной кружковой дипломатии, Вы так изумительно умно вели себя в эти последние годы, что филистеры составляют теперь Вашу главную силу, между тем как непримиримые «жиды» русской социал-демократии отворачиваются от Вас один за другим. Я не знаю ничего тяжелее такого положения. Из него нет прямого выхода иначе, как в болото самого жалкого оппортюнизма.

Я знаю: Вы не хотите этого выхода, и когда Вам указывают на него, Вы с искренним негодованием кричите о клевете. Ваши намерения лучше Вашего положения. Но известно, что весь ад вымощен добрыми намерениями. Не сознание определяет собою бытие, а бытие определяет собою сознание. Логика Вашего положения подскажет Вам такие действия, самое предположение о которых кажется Вам обидным при Ваших нынешних намерениях. Говоря это, я имею в виду не только Вас, тов. Мартынов, а всю редакцию «Голоса социал-демократа». Вы и теперь уже не можете отстаивать Ваши хорошие намерения иначе, как с помощью паралогизмов, доводящих Вас до фальсификации, — конечно, бессознательной, но все-таки фальсификации, и притом небывалой, неслыханной фальсификации! — истории нашей революционной мысли. Это крайне плохой знак. Берегитесь!

Вы и тут скажете, что я возвожу на Вас напраслину. Однако я говорю правду, хотя и тяжелую для меня самого.

Приведу и тут пример. Отвечая тов. Géorgien'у на упрек в стремлении к легализму, Ваша редакция писала: «Мы не знаем, кто собственно хочет легализации нашей партии в настоящий момент. Что касается нас, то мы, и после окрика женевского товарища, стоим на необходимости пропагандировать и организовывать «борьбу за открытое существование рабочей партии в России».

« — При Столыпине? — с негодованием спрашивает наш товарищ-меньшевик.

---

[1]) Не подумайте, тов. Мартынов, что у меня есть какое-нибудь личное основание быть пристрастным к философскому выступлению Ленина. Если бы я был способен руководиться личными мотивами в суждениях такого рода, то я был бы в этом случае настроен против Ленина, который, воюя с идеалистами, пытался оцарапать и меня.

« — А почему Вы думаете, — ответим мы вопросом, — что мы желали бы оставить у власти г. П. Столыпина?

« — Но при военном положении и чрезвычайной охране? — с растущим негодованием вопрошает товарищ.

« — А почему бы нам не поставить себе целью *свалить* все виды исключительных положений?

« — При «конституции» 3-го июня и при третьей Думе? — продолжает изумляться тов. Géorgien, быть может, уже жалеющий, что затеял весь этот разговор, и оглядывающийся, не слушают ли большевики эту беседу, так безнадежно компрометирующую меньшевистскую редакцию.

« — А не думаете ли Вы, женевский товарищ, что в борьбе за возможность открытого существования своей партии русский рабочий класс свалит и Столыпина, и военные положения, вместе с конституцией 3-го июня, вместе с третьей Думой и классовой диктатурой поместного дворянства?

«Мы это думаем и, доверяя политической зрелости и революционному упорству российского пролетариата, призываем всех социал-демократов готовить свои и его силы для организации этой борьбы. Нас не смущает при этом то соображение, что, пока что, Столыпин держится у власти, военные положения остаются в силе и режим 3-го июня довольно прочен. Ибо мы доверяем революционному упорству рабочего класса России» [1]).

Вдумайтесь в этот отрывок, тов. Мартынов, позабыв на минуту о продиктовавшей его кружковой дипломатии, и Вы сами поразитесь его нелогичности: Вы человек все-таки неглупый. Редакция приглашает русский рабочий класс свалить и Столыпина, и военные положения, и конституцию 3-го июня, и диктатуру поместного дворянства. Короче: она приглашает его сделать революцию. Но наступлению революции должны содействовать сознательные усилия социал-демократов. Эти усилия должны быть организованы. Как? В этом весь вопрос. Одни говорят, что организация социал-демократических усилий *прежде всего* предполагает существование социал-демократической партии, которая при нынешних наших политических условиях может быть только нелегальной, «подпольной»; другие *прежде всего* бегут из «подполья», оправдывая свой побег необходимо-

[1]) «По поводу статьи женевского товарища». («Голос социал-демократа» № 45, стр. 14, 2-я колонна.)

стью, — которой, надо заметить, никто не отрицает, — использовать легальные возможности, «обеспеченные» нам конституцией 3-го июня. Вас спрашивают: почему Вы мирволите этим беглецам? Почему Вы не считаете нужным восстать против легалистов, цинично издевающихся над революционным подпольем? Почему Вы не скажете им: «не плюй в колодец»? Почему Вы не напомните им о том, что использовать в социал-демократическом духе легальные возможности способна только социал-демократическая (по печальной необходимости «подпольная») партия? И Вы на эти, вполне «законные» вопросы отвечаете длинной-длинной революционной фразой, обещаясь свалить и классовую диктатуру поместного дворянства, и Думу 3-го июня, и конституцию того же числа, и проч., и проч., и проч. Разве же это не паралогизм? Или, может быть, я должен назвать это софизмом, который подсказывается желанием отговориться от названных вопросов, отболтать их, по немецкому выражению, прочь (wegschwatzen)?

Ваша редакция продолжает: «Нам вспоминается, как в 1897 г. петербургский фабричный инспектор убеждал ткачей отказаться от требования законодательного сокращения рабочего дня, ибо «нельзя же все сразу». «Вовсе не сразу, — отвечал один ткач, — мы, ваше благородие, за год, почитай, семь бунтов устроили, а не то, чтобы сразу». Рабочий класс России устроит не семь бунтов, а еще семьдесять семь «бунтов», чтобы добиться признания за ним права свободной классовой борьбы, права иметь свои союзы и свою социал-демократическую партию. Мы это знаем и вот почему мы считаем вполне своевременным, призывая всех, и «подпольных» и «надпольных», деятелей рабочего движения к об'единению их разрозненных сил, выставлять очередным лозунгом этого об'единения — *борьбу за открытое существование рабочего движения вообще и социал-демократической рабочей партии — в частности*».

Это опять длинная-длинная, но пустая внутри, революционная фраза. Бороться за открытое существование рабочего движения вообще и социал-демократической рабочей партии — в частности, значит бороться за политическую свободу. К этой борьбе социал-демократы стали звать пролетариат с тех самых пор, как они появились на русской земле [1]). Особенность Вашего нынешнего положения заключается вовсе не в том, что Вы признаете политическую борьбу. Она заклю-

---

[1]) См. первую русскую социал-демократическую брошюру: «Социализм и политическая борьба». [Сочинения, т. II.]

чается в непонимании, — или в преступно-дипломатическом замалчивании, — того, что сознательные элементы пролетариата должны в целях политической борьбы сорганизоваться в социал-демократическую (еще раз: по необходимости «подпольную») партию, бегство из которой есть измена делу политической борьбы в частности и пролетариата — вообще. А Вы делаете вид, что не понимаете того, в чем Вас упрекают, и... обещаете нам «семьдесят семь бунтов». Согласитесь, тов. Мартынов, что, как говаривал Чацкий, надо же знать меру: поймите, что если наш пролетариат и сделает «семьдесят семь бунтов», то это произойдет помимо участия «легальных» Гамлетов, издевающихся над революционным подпольем. Когда пролетарские «бунты» в самом деле обеспечат населению России политическую свободу; когда русским социал-демократам не будет уже надобности итти в подполье, столь ненавистное легалистам, тогда эти последние, вероятно, примкнут к социал-демократической партии, составив ее правое крыло. Но когда это будет, мы еще не знаем. А пока этого нет, ликвидаторы, отворачивающиеся от подполья и иногда даже сознательно разрушающие его, прямо-таки не существуют у нас как революционная сила.

Сознательный пролетариат, которого реакция лишает огня и воды, отбирая у него одну легальную возможность за другой [1]), пролетариат, передовые представители которого *должны* действовать нелегально, если не хотят отказаться от всякой революционной деятельности, очень ошибся бы, если бы стал рассчитывать на покрываемых, т.-е., *следовательно,* поддерживаемых Вами (ради кружковой дипломатии) ликвидаторов. Ему остается только, — если он захочет оказать внимание этим господам за прошлые революционные заслуги некоторых из них, — предать их честному погребению на политическом кладбище и соорудить на их братской могиле монумент с надписью: «Покойся, милый прах, до радостного утра!» Вы не замечаете этого, тов. Мартынов, а не замечаете потому, что, как я уже не раз говорил Вам, в Вашем положении неизбежна вольная или невольная, но во вся-

---

[1]) «Петербургские газеты дают на своих столбцах отчеты о ликвидационном собрании закрытого кооператива «Трудовой Союз»; московские газеты сообщают о последнем общем ликвидационном собрании общества приказчиков; из Варшавы телеграфируют о закрытии общества рабочих по обработке волокнистых веществ «Единство»; наконец, вчера у нас была напечатана телеграмма из Москвы, в которой сообщается об аресте всего состава правления общества печатников в связи с происходящей сейчас забастовкой в типографии Саблина». («Киевская Мысль» № 16, 1910 г.).

ком случае огромная, путаница понятий [1]). И вот почему я еще раз советую Вам: спешите оставить Вашу позицию. Паралогизмы и софизмы, которыми Вам придется прикрывать свое отступление — несомненное зло; но это несомненное зло все-таки есть наименьшее изо всех зол, грозящих Вам в Вашем нынешнем положении.

До свидания, т.-е. до новой встречи на поприще «восстановления действительной истории» нашей революционной мысли.

Готовый к услугам
Г. Плеханов

[1]) Ваша редакция приглашает «подпольных» деятелей об'единиться с «надпольными». Но ведь она знает, что между «надпольными» есть много принципиальных врагов «подполья». Почему она не выступает против них? *Потому, что она их сообщница!*

Два слова к читателю

Заканчивая этот номер, я еще раз хочу обратить внимание читателя на изменение характера моего «Дневника». Оно произошло не по моему почину, а подсказано было положением дел, которое кратко может быть характеризовано так.

Было время, когда два течения, господствовавшие в нашей партии и до сих пор обозначаемые нелепыми терминами: «большевизм» и «меньшевизм», относились одно к другому приблизительно так, как относились в Германии лассальянцы к эйзенахцам (т.-е. марксистам). Мало-по-малу, особенно под влиянием событий 1905 — 1907 гг., отношение это стало осложняться (а следовательно, и изменяться) вследствие осложнения и изменения внутреннего состава каждой из боровшихся между собой фракций. В лагере «большевиков» оказалось очень много анархо-синдикалистов, принявшихся за энергичную пропаганду анархизма, синдикализма и отчасти даже нового религиозного откровения. Этим теоретическим шалостям соответствовали, как того и нужно было ожидать, такие практические подвиги, которые в действительности стали быстро сближать «большевиков» с анархистами. В то же время в «меньшевистский» лагерь стали со всех сторон стекаться такие господа, которые были несравненно ближе к нашим «экономистам» доброго старого времени и к нынешним немецким ревизионистам, нежели к революционным марксистам. Вследствие этого в обеих фракциях произошел кризис: «лассальянцы» нашего большевизма восстали против анархо-синдикалистов, предводимых г. Максимовым с товарищи; среди наших «эйзенахцев» обнаружилось непримиримое разногласие между революционными марксистами, с одной стороны, и «ликвидаторами» — с другой. Чем закончится этот кризис, проникший до самых глубоких слоев нашей партии? Я не решаюсь ответить на этот вопрос: тут есть несколько различных *возможностей*. Для меня всего желательней был бы переход в *действительность* той из них, которая состоит в тесном и искреннем сближении, под знаменем научного со-

циализма, всех истинных социал-демократических элементов для дружной работы над организацией, — не забудем этого: по необходимости «подпольной» в значительной и, можно сказать, руководящей своей части, — сил революционного российского пролетариата. Такое сближение возродило бы нашу партию и сделало бы ее способной с честью выполнить свою ближайшую историческую миссию: руководительство («гегемония»!) всеми живыми общественными силами в их более или менее близком, но неизбежном столкновении с торжествующей теперь реакцией. Думаю, что в лагере «меньшевиков», — в России и за границей, — найдется не мало таких товарищей, которым, как и мне, подобный исход был бы наиболее желателен. Я думаю так потому, что многие товарищи-«меньшевики» письменно и словесно выражали сочувствие моей борьбе с ликвидаторами. Но «меньшевики», желающие подобного исхода, ничем не об'единены между собой, а благодаря этому не знают ни своих сил, ни того, что они могли бы сделать, пользуясь этими силами, для обновления Российской Социал-Демократической Рабочей Партии. Им необходимо сплотиться. Чтобы сплотиться, нужно иметь свой орган. В ожидании его возникновения я предоставляю свой «Дневник» в распоряжение «меньшевиков» — анти-ликвидаторов. Если они поддержат его средствами, статьями и корреспонденциями, а также, разумеется, и его распространением за границей и в России, то они тем самым хотя отчасти восполнят недостаток собственного органа. А без органа, или хотя бы без суррогата органа, теперь уже нельзя обходиться. Ввиду кризиса, переживаемого нашей партией, должны возвысить свой голос даже самые молчаливые из нас. Вдобавок, одни слепые не замечают, что общественное настроение уже миновало самую низшую свою точку и теперь начинает, правда, пока еще очень медленно, подниматься вверх. Теперь, может быть, более, чем когда бы то ни было, нужно издание, способное ободрить унывающих, показав им, что их уныние лишено всякого разумного основания, так как реакция нанесла смертельный удар только *иллюзиям* революционеров, но не устранила, — да, конечно, и не могла устранить, — тех общественных отношений, которыми обусловливается возможность и неизбежность революционного действия.

Несколько времени тому назад одно петербургское периодическое издание указало, как на интересный парадокс русской общественной жизни, на то явление, что у нас существует «подпольный» орган, главная цель которого заключается в доказательстве того, что в революционном «подполье» нет никакой надобности. Петербургской газете

парадокс этот был весьма приятен. Полагаю, что очень многие «меньшевики» не разделяют ее вкуса. Я принадлежу к их числу. Революционное «подполье» оказало огромные услуги делу общественного развития России, и не мы станем разрушать его на радость реакции. Наша задача заключается, наоборот, в том, чтобы сохранить и упрочить его существование *вопреки усилиям опричников,* перестроив его сообразно требованиям переживаемого нами времени, да, пожалуй, еще очистив от элементов, «наводящих уныние на фронт». Поэтому революционное меньшевистское издание должно поставить себе целью не рассуждения на ту тему, что партии у нас нет, никакой партийной работы не ведется, наши партийные организации разрушены и т. п., и т. п., а доказательство того, что партия наша необходима (Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия ослаблена — да растет и крепнет Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия!), и выяснение тех условий, при которых ее работа станет наиболее плодотворной. Я скажу прямо, что, по-моему, «Голос социал-демократа» несравненно больше сделал в первом направлении, чем во втором. Он так много и усердно распространялся на тему о нынешнем бессилии нашей партии, что к нему много больше подходит название «Плоды меланхолии», нежели его нынешнее имя. Пора заговорить другим языком! Я готов сделать для этого все, что находится в моих силах. Пусть остальные меньшевики-революционеры сделают то же!

Post-scriptum

Все статьи, предшествующие этому post-scriptum'у, были написаны, а отчасти набраны и даже напечатаны, когда до меня дошли решения последнего собрания plenum'а нашего ЦК. Я выпускаю их в свет потому, что они касаются таких вопросов, которых не мог, или не захотел, коснуться наш ЦК. С этими вопросами нам еще придется считаться. Что касается решения plenum'а, то я не знаю, — да, разумеется, и никто не знает, — к чему именно приведут эти решения на практике. Но несомненно, что они представляют собой в высшей степени важную попытку разрушения тех фракционных курятников, против которых я говорю в статье «Шила в мешке не утаишь!» Удача этой попытки значительно улучшила бы условия нашей борьбы с «ликвидаторами» за принципы революционного марксизма. Поэтому она заслуживает величайшего внимания всех членов партии. Я подробно рассмотрю ее сильные и слабые стороны в ближайшем (одиннадцатом) номере моего «Дневника», к составлению и печатанию которого я немедленно приступаю. Прошу читателей-друзей помнить, что в этом номере найдется место и для их суждений о решении plenum'а ЦК. Только надо спешить, потому что время не ждет.

О МОЕМ «СЕКРЕТЕ»

(ПРИЛОЖЕНИЕ К № 10 «ДНЕВНИКА СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТА»)

О моем «секрете»

«Keine Bewegung gibt so viel fruchtlose Arbeit, als die noch auf der Stufe der Sekte steht».

(«Никакое движение не задает столько бесплодной работы, как то, которое находится на степени секты).

Фридрих Энгельс, Письмо к Зорге от 4 июня 1887 г.

В № 16 — 17 «Голоса социал-демократа» г. Потресов обвиняет меня в «неуместной конспирации» на том основании, что я будто бы скрываю от читателя те недостатки его статьи «Эволюция общественно-политической мысли в предреволюционную эпоху» (напечатанной в первом томе издания «Общественное движение в России в начале XX века»), которые заставили меня разойтись как с ним, так и с редакцией «Голоса социал-демократа». Он пишет: «Неужели «конспирация» продолжается? Неужели Плеханов, находящий своевременным и уместным urbi et orbi заявлять, что он мне не товарищ, находит несвоевременным и неуместным расстаться со своим «секретом», чтобы порассказать читателю, что же именно в статье обратило его в моего бывшего товарища?»

Как видит читатель, это настоящий вызов, притом вызов, осложненный намеком на какой-то секрет, почему-то (вероятно, для язвительности) заключенный во вносные знаки. Волей-неволей, я должен отвечать, тем более, что вызов, сделанный мне г. Потресовым, приобретает вид основательности благодаря следующим словам Л. Мартова: «Несмотря на то, что все переговоры относительно статьи Потресова в «Общественном движении» велись тов. Плехановым со мной, я не знаю до сих пор, какие *мысли,* выраженные Потресовым в данной статье, послужили первопричиной разрыва Плеханова с «Голосом».

Тов. Плеханов пишет, что дело «Общественного движения» было «плохо организовано». Возможно, что и так. Но читатель поверит мне, что не организация этого дела, хотя бы из рук вон плохая, могла бы помешать мне узнать эту первопричину».

Выходит, что Л. Мартов поддерживает обвинение в конспирации и тоже недоумевает по поводу моего, придуманного тов. Потресовым, секрета.

Повторяю, я принужден отвечать, хотя, любя принципиальную полемику, я терпеть не могу полемики, переходящей на личную почву.

Начну тем замечанием, что все переговоры относительно статьи г. Потресова, в самом деле, велись мною через посредство Л. Мартова. Таким образом, я мог бы предположить, что недоумение г. Потресова насчет моего «секрета» об'ясняется тем простым обстоятельством, что Л. Мартов не доводил до его сведения того, что я говорил или писал ему о статье en question. Но это естественное предположение опровергается следующим письмом ко мне (помеченным: 20/X) того же Л. Мартова. Я приведу это письмо целиком, за исключением тех строк его, которые не относятся к г. Потресову. Воспроизводя это письмо, я должен буду сделать к нему комментарии, которые, надеюсь, рассеют недоумение г. Потресова по части моего «секрета».

«Дорогой Г. В.! Прочел внимательно статью А. Н. и должен по совести сказать, что далеко не во всем согласен с Вашей оценкой ее».

Итак, была оценка, не оставшаяся «секретом» для Л. Мартова. Что же? Может быть, эта оценка не затрогивала «мыслей», выраженных в статье г. Потресова? Посмотрим!

«Мне кажется, — продолжает автор письма, — что Вы не там видите ее основной дефект или, быть может, Вы видите все ее дефекты, но сейчас остановили свое внимание не на том, который мне представляется окрашивающим всю статью в определенный цвет. Дело в том, что уже первая половина статьи выяснила, что А. Н. не может выйти из роли *историка журнальной публицистики*. Как таковой, он не дает достаточно полной картины умственного развития эпохи, какую надо было дать в нашей истории. В этом только смысле я готов видеть в нем «взбунтовавшегося легального марксиста», как в Меринге, например, очень часто можно заметить только «взбунтовавшегося буржуазного демократа»: у него в иных статьях тоже целые эпохи рассматриваются под углом перипетий журнальной борьбы. Этот — основной, на мой взгляд, дефект ярко сказался в первой части статьи. Тут мы могли помочь только одним: побудив А. Н. внести некоторые коррективы,

которые лишили статью некоторой цельности, но устранили главные неудобства, проистекающие от этой манеры специалиста».

Выходит, что я указывал Л. Мартову на «основной дефект» статьи г. Потресова. Л. Мартов «далеко не во всем» согласился с мной. Это было его право. Но ясно, тем не менее, что я не скрывал от него своего мнения о недостатках статьи. Словом, я отнюдь не «конспирировал».

Далее я должен пояснить, почему Л. Мартов нашел нужным уверять меня в том, что г. Потресов «не может выйти из роли историка журнальной публицистики». «Секрет» тут вот в чем.

Первую половину, — в интересах точности выражусь иначе, скажу: первую *часть,* — своей статьи г. Потресов сам привез за границу и сам же прочел ее в заседании предполагавшейся редакции «Общественого движения». Выслушав его, я невольно воскликнул: «Вы стоите на точке зрения того, что у нас называлось когда-то легальным марксизмом!» И я твердо убежден, что я был прав. Читатель согласится с этим, если я скажу, что человек, взявший на себя трудную, но весьма благодарную задачу изобразить «эволюцию общественно-политической жизни в предреволюционную эпоху», не нашел нужным коснуться развития нашей *революционной* мысли. Наша революционная литература привлекла к себе его внимание лишь постольку, поскольку в ней принял участие... г. П. Струве. Это невероятно, но это так. В качестве материала, заимствованного г. Потресовым из нелегальных изданий, у него фигурировала только выписка, сделанная им из корреспонденции г. П. Струве, напечатанной в женевском «Работнике». Весь остальной материал, на который опирался наш изумительный историк, был набран из внутренних обозрений наших легальных журналов. Это опять невероятно, но это опять так. И именно потому, что это так, снисходительный Л. Мартов, в присутствии которого я указал на этот «основной дефект» статьи и которому я не раз напоминал о нем, старался в своем письме успокоить меня тем соображением, что г. Потресов «не может выйти из роли историка журнальной публицистики», вследствие чего он будто бы делается похожим на историка германской социал-демократии Меринга. Я не стану рассматривать здесь, точно ли существует это сходство, но отмечу, что, приводя в кавычках мои слова: «взбунтовавшийся марксист», Л. Мартов тем самым разоблачает тот «секрет», что я не скрывал своего мнения о статье г. Потресова от него, Л. Мартова, ведшего переговоры с г. Потресовым. Мое мнение было принято во внимание Л. Мартовым и другими редакторами («мы»),

побудившими автора «внести некоторые коррективы». Читатель видит, что я не склонен был «секретничать».

Наконец. «Некоторые коррективы» меня не удовлетворили[1]). Да оно и понятно: они состояли в том, что г. Потресов надергал цитат из сочинений членов группы «Освобождение Труда», не умея ни понять мысли, заключающиеся в этих цитатах, ни расположить их в надлежащей исторической перспективе. Но я еще не считал возможным разорвать на этом основании; я ждал второй части статьи. Пришла она — и я опять получил то же безотрадное впечатление «легального марксизма», чуждого самомалейшего понимания революционной постановки вопроса. Не считая возможной какую бы то ни было «конспирацию» на этот счет, я поспешил сообщить о своем впечатлении Мартову, который, со свойственной ему снисходительностью, пытался успокоить меня следующим образом:

«То же можно и надо будет делать теперь: он должен принять меры к тому, чтобы при чтении его статьи не получилось впечатление, что борьба ортодоксов была в истории развития общественной мысли явлением об'ективно менее важным, чем борьба критиков против ортодоксии. Для этого, на мой взгляд, он должен более подробно воспроизвести то, что мы противопоставили «критическому» походу бернштейнианцев и идеалистов. Это изменение потребует от него не слишком много работы, не поведет к большим промедлениям, а, главное, оно для него возможно, тогда как Вы, в сущности, требуете от него, чтобы он заново написал всю статью и дал именно цельную картину эволюции идей вместо того очерка смены программ и публицистических платформ, который он нам дает. Я лично нахожу, что в этих тесных рамках он с своей задачей в этой части статьи хорошо справился (не говорю о деталях вроде тех, которые Вы отметили); но, повторяю, для меня ясно, что человек, взявшийся описывать эволюцию идей за период 90-х гг. в целом, расположил бы весь материал в иной перспективе».

В пояснение этих строк прибавлю еще следующее. В той части своей статьи, о которой здесь идет речь, г. Потресов, взявший на себя, повторяю, задачу написать эволюцию общественной мысли в предреволюционную эпоху, — очень подробно излагал те, будто бы критические соображения, которые выдвигались против «ортодоксального» марксизма г. Струве и К°, что же касается ответов ортодоксаль-

[1]) Ниже читатель увидит, что они не удовлетворили также и П. Б. Аксельрода, который, впрочем, теперь принял совершенно удовлетворенный вид («все течет — все изменяется», сказал греческий мыслитель.)

ных марксистов на эти соображения, то наш невероятный историк ограничился тем лаконическим замечанием, что Плеханов с цифрами в руках опроверг это [1]). Я нашел, что этого недостаточно. В письме к Мартову я сказал, что эта часть статьи напоминает мне, как в доброе старое время опровергались некоторые ереси богословами, им сочувствовавшими, но в то же время боявшимися католической ортодоксии. Богословы этого рода подробно излагали мнения еретиков, но становились лаконичными и невразумительными, как только принимались за опровержение этих мнений. По весьма понятной причине мне больше всего не нравилась ссылка на Плеханова, с цифрами в руках опровергнувшего наших критиков. Еще будучи студентом, я читал, не помню теперь чье именно, сочинение, излагавшее философию Огюста Конта вообще и его учение о трех фазисах в частности. Осторожный автор (или издатель) этого сочинения говорил в предисловии, что учением о трех фазисах, — как известно, относящим теологическую точку зрения к периоду детства человеческого разума, — смущаться не надо, так как оно заранее опровергнуто псалмопевцем, воскликнувшим: «Рече безумец в сердце своем: несть бог!» Эта краткая ссылка на псалмопевца, заранее опровергнувшего отца позитивной философии, так же мало убедительна, как не менее краткая ссылка г. Потресова на Плеханова, с цифрами в руках опровергнувшего критиков Маркса. Я говорил, что надо дать возможность читателю самому судить о том, в самом ли деле царь Давид опроверг позитивистов... — виноват, в самом ли деле Плеханов удачно возразил своими «цифрами» названным «критикам». И я прибавлял, что с этими господами спорил не один Плеханов. Им возражали Л. И. Аксельрод (Ортодокс) и В. И. Засулич. Обо всем этом обязан был, по моему мнению, упомянуть г. Потресов, осмелившийся писать об эволюции нашей общественной мысли. И ничего этого я тоже не скрыл от Л. Мартова. Вот почему этот снисходительный человек и писал мне, что «Потресов должен более подробно воспроизвести то, что мы противопоставили критическому походу бернштейнианцев и идеалистов». И вот почему он это свое снисходительное требование противопоставлял в своем письме моему требованию, которое, по его правильному замечанию, сводилось к тому, чтобы наш, с позволения сказать, историк «заново написал всю статью и дал именно цельную картину эволюции идей вместо того очерка смены

[1]) Так как я читал эту часть статьи месяцев 15 тому назад, то я, конечно, не могу поручиться за *выражения*, но за *мысль* (смысл) и, главное, за смеха достойный лаконизм я ручаюсь.

программ и публицистических *(легальных! — Г. П.)* платформ, которые он нам дает». Для того, чтобы читатель мог судить о том, до чего доходила тут снисходительность Мартова, я прошу его припомнить, как называется статья Потресова. Она озаглавлена: «Эволюция общественно-политической мысли в предреволюционную эпоху». Как же мне было не требовать именно «цельной картины эволюции идей»?

У Крылова в «Совете мышей» старая мышь возражает мышенку:

Молчи, все это знаю я сама;
Да эта крыса мне кума

Вот чем об'ясняется иногда излишняя снисходительность!

Снисходительный Мартов соглашался, однако, со мною, как видит читатель, в том, что весь идейный материал следовало расположить «в иной перспективе». Он только забыл спросить себя, не зависит ли «перспектива» от точки зрения автора. Мне казалось, что *легалист* г. Потресов не может изобразить ход идей *«в революционной перспективе»*. С этим по существу дела соглашался и снисходительный Мартов, наивно писавший мне (см. выше), что «А. Н. не может выйти из роли *историка журнальной публицистики»*, т.-е. из роли историка идей, высказывавшихся нашими (nota bene!) *легальными* публицистами. Но как бы там ни было, а и тут странно было бы упрекать меня в «секрете».

...«Секрет» ли это, полно?

Последний отрывок письма. «Все это лишь доказывает, — пишет снисходительный Мартов, — что весь план работы с отделением в особую главу «развития политических партий», в другую — «развития литературы» и в третью — «развития идеологий» — был неудачен. Дальше: ни в коем случае пропаганды ересей из данного А. Н. изложения, по мне, произойти не может: у него отмечается не только теоретическая слабость позиции «критиков», но и их политическая дряблость. Наконец, у нас имеются еще два корректива, которые мы можем пустить в ход, чтобы не дать сложиться у читателя нежелательному впечатлению: во-первых, в Ваших итогах Вы можете, с своей стороны, подвести итоги походу и народников, и критиков на нашу «ортодоксию»; во-вторых, мы можем в предисловии указать, что, дескать, недостаток места и прочие технические соображения побудили нас перенести на второй том более подробное изложение эволюции революционного марксизма, сыгравшего громадную роль в умственном развитии предреволюционной эпохи; в связи с этим можно будет отметить, что статья

Старовера более детально излагает эволюцию того легального марксизма, который перешел в бернштейнианство и идеализм, чем того, который перешел в социал-демократическое рабочее движение. Этим мы, во всяком случае, с себя снимем ответственность за те индивидуальные особенности статьи А. Н., о которых Вы пишете. Ваше мнение о статье я А. Н. пересылаю, указывая ему, как, по-моему, можно практически улучшить статью, вставив более подробное изложение теоретических позиций, отстаивавшихся ортодоксами».

Я не убедился и этими доводами. Во-первых, мне казалось (и до сих пор кажется), что как бы ни был неудачен план издания, но раз в нем была глава: «развитие идеологий», то надо было изложить это развитие с точки зрения революционера, а не с точки зрения легалиста. Во-вторых, я именно считал, что Потресов слишком недостаточно обнаружил слабость позиции наших критиков. В-третьих, «коррективы», которые предлагал Мартов, могли многое испортить, но вряд ли могли что-нибудь поправить. Мы обещали дать читателю несколько томов, содержащих в себе наши взгляды на известную эпоху русского общественного развития, и с первого же тома «меньшевики» вступили бы между собой в полемику, при чем первый из тех «итогов», которые должен был подвести я, свелся бы к тому, что статья г. Потресова никуда не годится, будучи вся пропитана духом ретроспективного ликвидаторства. Нечего сказать, прекрасный «итог»![1])

Но этого еще мало. Полемика, которая завязалась бы между нами, показала бы всем, имеющим очи, что в среде «меньшевиков» существует такая тенденция, которая давала бы читателю полное основание спросить себя: «да в самом ли деле меньшевики представляют собой левое крыло российской социал-демократической партии, как это еще не так давно утверждал Плеханов?» Я не мог помириться с этим; я не мог смотреть на тяготение г. Потресова к легализму, как на терпимую в нашей среде тенденцию. Я утверждал, что терпимое

[1]) Указание же на то, что во втором томе дано будет «более подробное изложение эволюции революционного марксизма, сыгравшего громадную роль в умственном развитии предреволюционной эпохи», могло иметь смысл лишь в качестве признания всей редакцией, что г. Потресов, — взявшийся писать об «эволюции общественно-политической мысли в предреволюционную эпоху», — оказался не на высоте призвания и не сумел понять или указать «громадную роль» названного марксизма. Но в таком случае следовало забыть, что «эта крыса мне кума», и вернуть г. Потресову статью с соответствующей, общеупотребительной в редакциях, надписью. Но об этом и слышать не хотели мои товарищи по редакции.

отношение к этому легализму было бы с моей стороны политическим самоубийством, отречением от всего того, чему я служил в течение всей моей сознательной жизни. Но я чувствовал в то же время, что ребром поставить вопрос об удалении г. Потресова значило получить отказ. Я увидел себя вынужденным выйти из редакции и я написал Мартову, что отныне мне с г. Потресовым не по дороге.

Прав ли я был? Об этом каждый пусть судит по-своему. Но из всех тех, которые станут судить об этом деле, едва ли найдется хоть один, способный упрекнуть меня в «конспирации». Всякий уже теперь видит, что я не скрывал своего мнения о статье г. Потресова. Дальше я приведу новые и еще более убедительные доказательства этого.

Но заметьте, читатель, меня упрекают в «конспирации» насчет тех *мыслей* г. Потресова, которые побудили меня к разрыву с ним. Эта форма упрека придает ему тот смысл, что г. Потресов не отстаивал ни одного из положений, более или менее общепризнанных между гг. критиками Маркса и идущих вразрез с нашей «ортодоксией» Таких положений он, действительно, не отстаивал. Но одно это обстоятельство отнюдь не могло примирить меня с ним.

Во-первых, г. Потресов всегда мало интересовался теорией: пусть мне укажут, где защищал он ее в то время, когда шел вместе с нами, ортодоксами. У людей такого склада ума, как он, перевороты, ими переживаемые, выражаются не в усвоении или отрицании тех или иных *теоретических положений,* а в склонности к той или иной тактике. Другими словами: имея дело с такими людьми, приходится считаться не с их мыслями, — которых у них нет, — а только с их полумыслями или, вернее, с их настроениями. Доказательство: полемика г. Потресова с нашими критиками Маркса, его статья «Что случилось?» Я всегда говорил, что по прочтении этой статьи все-таки остаешься в полном недоумении относительно того, что же именно случилось. Г-н Потресов ухитрился написать ее, не затронув ни одной из основных «мыслей» ревизионизма. Мартов сам, как видно, знает этот «дефект» ума г. Потресова. Потому-то он и пред'явил мне коварное требование указать его еретические «мысли». Он понимал, что это невозможно. А г. Потресов, должно быть, обрадовался этой поддержке. Наивный человек!

Но что же обозначал непреоборимый легализм г. Потресова? Именно то, что он покинул точку зрения революционного марксизма и возвратился в лоно тех «легальных марксистов», под влиянием которых сложилось все его мировоззрение и которые, подобно их родоначальнику г. Струве, всегда обнаруживали органическую неспособ-

ность усвоить эту точку зрения. Я обращаюсь к марксистам-революционерам, к какой бы фракции нашей партии они ни принадлежали, и спрашиваю их: можем ли мы допустить, чтобы эти легальные кисляи прогуливались под руку с нами? Не будет ли это изменой нашим взглядам?

Во-вторых, то обстоятельство, что умственный кругозор г. Потресова роковым образом ограничивался пределами внутренних обозрений наших *(легальных!)* журналов, стояло, по моему мнению, в самой тесной связи с его взглядом на значение нашей партии.

Заседание редакции, в котором г. Потресов прочел первый, — так сильно поразивший меня, — очерк первой части своей статьи, происходило у меня в кабинете. Г-н Потресов пришел ко мне часа за полтора до заседания и в разговоре со мной высказал, что не видит смысла в существовании нашей партии, как нелегальной организации. Мог ли я не связать в своем уме этого его мнения с тем фактом, признанным самим Л. Мартовым, что «А. Н. не может выйти из роли историка журнальной (т.-е. *легальной! — Г. П.)* публицистики»? На этот вопрос я опять предоставляю ответить марксистам-революционерам обеих фракций нашей партии и... опять не сомневаюсь в их ответе.

Их ответ тем менее сомнителен для меня, что, как свидетельствует тов. Алексей Московский, едва ли не в то самое время, когда г. Потресов фигурировал передо мной в роли «историка журнальной (легальной!) публицистики», облыжно выдавая историю этой публицистики за историю нашей общественно-политической мысли, одно лицо, близкое к редакции «Голоса социал-демократа», внушало московским рабочим, что «надо распустить все». Если я почуял, что с органической неспособностью г. Потресова «выйти из роли историка журнальной (легальной! — *Г. П.)* публицистики» дело обстоит не так просто, как уверяли меня Мартов и его друзья, то ведь этим доказывается лишь то, что я обладаю недурным чутьем революционера. Не так ли? [1])

Г-н Потресов пишет: «Кажется, достаточно известно, что «намеки тонкие на то, чего не ведает никто», занимают в литературе совершенно определенную квалификацию» [2]).

---

[1]) Само собою разумеется, что я, имевший в то время неосторожность принадлежать к редакции «Голоса социал-демократа», ровно ничего не знал о деликатной миссии «лица», к ней близкого. Должно быть, это произошло потому, что я по духу своему к ней близок не был. Благодарю богов за эту их ко мне милость.

[2]) В письме к Л. Мартову. «Голос социал-демократа» № 16 — 17.

Это написано им по поводу моей ссылки на мой разговор с ним в Маннгейме.

Я утверждал, что в этом разговоре г. Потресов высказался как чистокровный ликвидатор... avant le mot

Этому моему указанию г. Потресов противопоставляет свою насмешку над намеками, которых не ведает никто. Это странно.

Разве же г. Потресов не «ведает» своего разговора со мной? А если «ведет», то пусть скажет прямо: да или нет; высказывался или не высказывался он в Маннгейме как ликвидатор? Никакие «намеки» тут недопустимы: я именно требую, чтобы вместо них г. Потресов дал прямой ответ на вопрос, который я ставлю ему совершенно прямо.

Чтобы облегчить работу его памяти, я напомню ему, как было дело.

После Маннгеймского с'езда местная русская колония пригласила меня и г. Потресова высказать наш взгляд на значение рабочего с'езда. В течение целого вечера я доказывал, что идея рабочего с'езда отнюдь не исключает собою идеи существования нашей партии, как таковой. Когда мы с г. Потресовым вышли на улицу, он, высказывавшийся на собрании мало и неопределенно, упрекнул меня в непоследовательности, которая заключалась, по его словам, в том, что, признавая необходимым рабочий с'езд, я в то же время признавал необходимой и нашу партию. Сам же он, отстаивая идею с'езда, отрицал идею партии. Этого «не ведает никто» в том смысле, что при нашем разговоре никто не присутствовал. У меня нет свидетелей. Но я, тем не менее, не боюсь прямо спросить нашего «историка журнальной (*легальной*!) публицистики»: правду ли я говорю? Пусть он скажет, что нет. Отрекшись от своих слов, он тем самым будет достаточно наказан...

Так как г. Потресову и его покровителям остается теперь лишь прикрываться жалкими словами, то они закричат, пожалуй, что разговоры, подобные моему разговору с Потресовым в Маннгейме, должны оставаться в тайне. Но я заранее довожу до сведения всех моих возможных собеседников, что я прошу не доверять мне тайн, содержащих в себе какой-нибудь замысел *против существования нашей партии*. Я не берусь хранить подобные тайны. А кроме того, мне и в голову никогда не приходило, что, разговаривая со мной в Маннгейме, г. Потресов высказывал одну из таких мыслей, которые он желал бы утаить до поры до времени: я был слишком хорошего мнения о нем для того, чтобы у меня могло хоть на минуту возникнуть подобное предположение. Что же касается вообще частных разговоров между товарищами на политические темы, то на них сплошь и рядом ссылаются в своих прениях

французские и немецкие социалисты. И никто на Западе не видит ничего неприличного в подобных ссылках.

Вместо того, чтобы прямо сказать нам, правильна или неправильна моя ссылка на маннгеймский разговор, г. Потресов начинает вертеться; он иронизирует по поводу «тонких намеков» и даже прячется за мою описку.

Я написал, что Маннгеймский с'езд имел место в 1907 г. На самом деле он происходил годом раньше. По этому случаю г. Потресов говорит в примечании: «ошибка для Плеханова не из приятных, ввиду некоторых обстоятельств, о которых я, к сожалению, не могу распространяться».

Вот они «намеки тонкие на то, чего не ведает никто». Как жаль, что г. Потресов не может «распространяться о некоторых обстоятельствах»! Я не только прошу, но настоятельно приглашаю его сделать это. Для его об'яснений ему непременно должно отвести место то редакционное «кумпанство», которое не расхохоталось, прочитав его будто бы ехидное примечание.

Один меньшевик, защищавший в разговоре со мной это почтенное «кумпанство», очень тонко об'яснил мне «тонкий» намек г. Потресова. Открывая Лондонский с'езд 1907 г. (замечайте хронологию, читатель), я сказал, что в нашей партии «почти совсем нет ревизионистов» [1]). А так как, по моему мнению, ликвидаторство есть лишь одна из разновидностей ревизионизма, то я не имел права утверждать, что у нас «почти совсем нет ревизионистов», если г. Потресов в самом деле высказался в Маннгейме (т.-е. в 1906 г.) как ликвидатор. Это так «тонко», что сейчас же и рвется. Открывая с'езд, я, признаюсь, совершенно забыл о г. Потресове и о моем маннгеймском разговоре с ним в частности, точно так же, как я позабыл на ту минуту о теоретическом ревизионизме гг. Богданова и Луначарского с братией. На этом основании можно, пожалуй, сказать, что моя указанная речь неверно изображала положение дел в нашей партии. Но и это будет неосновательно: я имел в виду элементы партии, более важные, нежели те, которые представляли собою г. Потресов, с одной стороны, и Богданов — с другой. Вообще, моя речь en question никакого ручательства за г. Потресова в себе не содержала. Притом же для него с г. Богдановым вполне достаточно словечка: «почти».

Но возвратимся к моему «секрету».

---

[1]) См. «Протоколы Лондонского с'езда», стр. 19.

Когда я, убедившись в полной неисправимости г. Потресова, как историка нашей общественной мысли, окончательно решил выйти из редакции сборника «Общественное движение», я прекрасно понимал, что его ретроспективное ликвидаторство находилось в самой тесной логической связи с его ликвидаторством настоящего времени, т.-е. с его убеждением в ненужности существования нашей партии. Поэтому я написал Мартову, что отныне мне с г. Потресовым не по пути. На это Мартов ответил мне следующим письмом.

12/XII [1]).

«Дорогой Г. В.! Я совершенно подавлен тем, что Вы пишете в последнем Вашем письме. Руки опускаются при мысли, что нам абсолютно не дано образовать какой-либо прочный литературный коллектив.

«Само собой разумеется, что для меня и Ф. И. не может быть и речи о том, чтобы Вашим решением руководил «каприз» или ложно-предвзятое отношение к Староверу. И все-таки... выводы, к которым Вы приходите, мне кажутся слишком не соответствующими Вашим же посылкам, чтобы я мог признать неизбежным то решение, к которому Вы приходите, чтобы я мог примириться с тем новым ударом, который обрушивается на наше дело.

«Вы пришли к убеждению, что Старовер радикально разошелся с Вами в оценке значения идеологии вообще и в оценке роли, сыгранной социализмом в умственной жизни России. Последнее во всяком случае — вопрос факта. Я допускаю возможность расхождения по этому пункту между Вами и Старовером, хотя до сих пор не вполне уяснил себе, что́ в его оценке роли различных умственных течений представляется Вам ложным. Но, повторяю, это — вопрос факта, о котором можно держаться разных взглядов, даже исходя из одной и той же точки зрения и оперируя одним и тем же методом. Более или менее глубокое проникновение в исследуемый материал, бо́льшая или меньшая способность осмыслить этот материал, бо́льшая или меньшая способность абстрагироваться от личных симпатий и предубеждений, — этим, в конце концов, может предопределяться различие оценок в таком вопросе. Я готов предположить, что все эти данные у Ст. отсутствовали и что он оказался неудовлетворительным исследователем, недостаточно тонким и глубоким историком умственного развития (на деле я такого мнения о нем не держусь), но прибавлять к этому предположение об ошибочности его теоретических предпосылок (взгляд на

[1]) Пометка письма неразборчива.

значение идеологии вообще) я не могу, пока передо мной нет фактов, которые свидетельствовали бы о том, что он вздумал «ревидировать» марксизм в этом пункте. А таких фактов нет. Худо ли, хорошо ли, он эволюцию идеологий старается об'яснить эволюцией социальной. И крайне печальным недоразумением звучит для меня Ваш вывод о том, что отныне Ваши с ним дороги разошлись.

«Вы говорите о бернштейнианском пренебрежении к теории. До сих пор я не замечал за Старовером этого греха. Меньше всего производил он впечатление эмпирика. Но об этом не стоит спорить: ведь этим пренебрежением Вы об'ясняете его грехопадение, его уход от марксизма, и на этом об'яснении не приходится останавливаться, если самый уход более, чем проблематичен.

«Проклятое ремесло человека, которому всю жизнь приходится заботиться о склеивании расклеивающихся коллективов, конечно, не могло не выработать во мне склонности недооценивать роковое значение тех или других «оттенков», проявившихся в мышлении того или иного товарища. Возможно даже, что «естественный отбор» несколько парализовал мою восприимчивость по этому пункту. Вы бы, например, могли напомнить, что когда Вы в свое время забили тревогу о ** [1]) и, не определяя конкретно — не имея данных для этого — опасных свойств его mentalitè, предсказывали, что он от нас уйдет, то я яростно спорил против этого предположения. Тогда Вы оказались правы, и я в принципе готов допустить, что в столь сложном вопросе, как эволюция умственного склада идеолога, часто приходится полагаться на некоторую интуицию наблюдателя. Во всяком случае, настойчивость, с которой Вы уже несколько месяцев обращаете внимание наше на «настроение» [2]) Старовера, менее всего располагает меня к оптимистической уверенности в том, что он абсолютно гарантирован от какой-нибудь эволюции в сторону. И, тем не менее, я не могу не считать глубоко ошибочными Ваши выводы. Отказываясь участвовать в одних и тех же предприятиях с А. Н. [3]), Вы применяете начало, полное проведение которого ведет к отказу от всякой попытки восстановить наше существование, как коллективной группы. Пока передо мной, как факт, стоит только неудовлетворительное (с Вашей точки зрения) выполнение Старовером порученной ему работы, я не могу переварить вывода о необходимости

[1]) Nomina sunt odiosa. — *Г. П.*

[2]) Напоминаю читателю о том, что выше сказано мной о решительном преобладании у Старовера настроений над мыслями.

[3]) Т.-е. с г. Потресовым. — *Г. П.*

порвать с ним литературные отношения. Ни я, ни кто другой из нас не гарантирован от того, что ему не придется согрешить плохой работой. А с Ст., помимо всего прочего, нас связывает и очень долгая совместная борьба, при которой особый «оттенок» его не портил дела, и то,... что он проявил самую серьезную готовность завоевать для нас, как непримиримой марксистской группы, потерянные нами позиции в легальной литературе. Порывать с ним значит порывать практически и с О., К. и другими...

«Вы скажете, что такого вопроса Вы и не ставили, что решали вопрос для себя лично. Конечно. Но принятое Вами лично для себя решение об'ективно уничтожает возможность продолжать только что начатую работу восстановления меньшевистской литературной коллективности.

«Неудобства», о которых Вы пишете, как о следствии Вашего решения, очень велики. Вероятно, расстроится все дело с пятитомником. Еще хуже обстоит дело с сборником. Издателя заставили согласиться, чтобы в нем не было статей ни Юшкевича, ни Х. [1]). Теперь, за две недели до установленного срока, ему придется заявить, что не будет и Вашей статьи, ради которой он соглашался отказаться от этих сотрудников. Другим сотрудникам придется сообщить о Вашем решении и о том, что оно подсказано не характером той статьи, которую А. Н. даст в этот сборник, а той, которую он написал совсем для другого предприятия. То-есть: придется ставить перед сотрудниками вопрос о необходимости «бойкотировать» Старовера, как об условии возможности пользоваться Вашим сотрудничеством для дальнейших коллективных предприятий. Не говорю уже о положении, в которое попадает сам А. Н.: он добивался от издателя, чтобы сборник был строго ортодоксальный, он передавал наши желания о том, чтобы не было Y., он устранял Юшкевича (посредника, который связал его с издателем), он добился приглашения Д., согласно нашему желанию; теперь он должен узнать, что на пути к осуществлению сборника в намеченном виде (т.-е. прежде всего с Вашей статьей во главе) стоит его собственное участие.

«Лично я складываю руки после этого фиаско и отказываюсь от борьбы за самостоятельное существование меньшевиков-марксистов в нынешней литературе. Очевидно, стихия сильнее нас, и мы обречены «проникать» в печать разрозненными усилиями, оставаясь под феру-

[1]) Ницшеанец. — *Г. П.*

лой..., еще находящих для себя полезным предоставлять нам (или некоторым из нас... [1]) время от времени столбцы своих изданий. Думаю, что наше дело не выиграет от этого, повидимому фатального, оборота.

«В заключение еще раз скажу, что личного осадка у меня не остается: я вижу, что Вам не легко далось Ваше решение, и понимаю, что Вам было трудно не прийти к нему. Поэтому я и не прошу Вас подумать о перерешении вопроса: я знаю, что если последнее хоть сколько-нибудь возможно для Вас, Вы сами возьмете на себя инициативу.

Крепко жму руку...»

Этот во многих отношениях интересный документ показывает, что было время, когда Мартов понимал, что мне не легко далось мое решение и что мне «было трудно не прийти к нему». Теперь он перестал понимать это. Жаль!

Ни о какой конспирации тут, как видите, нет и речи. Мартов говорит лишь о том, что он «не вполне уяснил себе» мое отрицательное отношение к г. Потресову. И он пытается защитить этого последнего, но неудачно. Он говорит: «Худо ли, хорошо ли он эволюцию идей старается об'яснить эволюцией социальной». Из этого, по Мартову, следует, что г. Потресов — марксист. Но еще Токвиль в своем известном сочинении «Демократия в Америке», первое издание которого вышло в 1836 году, «худо ли, хорошо ли» пытался «об'яснить эволюцию идеологий» в Соединенных Штатах «эволюцией социальной». Значит ли это, что Токвиль был ортодоксальным марксистом и что Мартов мог бы пойти под руку с Токвилем?

Л. Мартов говорит о «непримиримой марксистской группе». Но из его же письма ясно видно, что сия «непримиримая» группа готова была примириться и с идеалистом Юшкевичем, и с ницшеанцем Х. и что если она не притянула их к себе, то это произошло единственно по моему настоянию. Мартов даже считает, что это мое настояние наложило на меня известное нравственное обязательство. Как же это, мол, так? Из-за вас же мы отклонили участие в сборнике Юшкевича и Х., а теперь и сами вы отказываетесь писать в нем. Выходит, что «непримиримая марксистская группа» как нельзя более тяготела к прими-

[1]) Выпускаю 2—3 строки чисто личного характера, но, разумеется, готов восстановить их в моем «Дневнике», если будет угодно моим противникам.

рению и что моя непримиримость причинила ей значительные «неудобства» [1]).

Мартов проклинает свое ремесло человека, заботящегося о «склеивании расклеивающихся коллективов». Я готов был вместе с ним проклинать такое ремесло, тем более, что оно привело, как мы только что видели, Мартова и его ближайших единомышленников к готовности работать с ницшеанцем Х. и с философствующим шутом Юшкевичем. И в этой-то их готовности заключается весь «секрет» их расхождения со мною. Они сами хорошо знали это, потому что из этого «секрета» я не делал... «конспирации». В доказательство этого я приведу копию одного из моих ответов к одному из ближайших друзей Мартова [2]):

Женева [3]).

«Дорогой Ф. И.! Вы напрасно извиняетесь в том, что приглашаете меня пересмотреть мое решение насчет А. Н. Мне очень *интересно* и, скажу прямо, *важно* знать Ваше мнение. Стало быть, с этой стороны мне остается только поблагодарить Вас за то, что Вы дали себе труд подробно высказать и обосновать его. Но согласиться я с Вами не могу И вот почему.

«I. Вы говорите о крушении наших легальных литературных предприятий и находите, что оно повредит марксизму. В этом состоит, дорогой Ф. И., ваша первая ошибка. Вы принимаете А. Н. за марксиста, а он показал своей статьей, что он так же далек от марксизма, как, например, NN [4]), и по той же причине: потому что не умеет ценить *значение революционной теории и не хочет потрудиться понять эту теорию.* Его статья есть признание исключительной важности легальной литературы, признание, которое в России, при русской цензуре и при несомненных заслугах нашей нелегальной литературы, само уже есть lèse-révolution; мимоходом скажу: оттого-то Потресов и не писал в «Голосе социал-демократа», что он смотрит на подпольную литературу с великолепным презрением легального филистера.

---

[1]) Вот почему группа эта благополучно помирилась с ницшеанцем, удаленным ради меня.

[2]) Готов назвать его имя по первому требованию моих противников.

[3]) В копии нет даты. Письмо писано в начале 20-х чисел ноября 1908 г.

[4]) Тут названо лицо, известное своими бернштейнианскими взглядами и в свое время имевшее большое влияние на наших «экономистов». О нем была речь в моем «Vademecum'e» для редакции «Рабочего Дела».

«II. По-вашему плохо то, что пятитомник рушится. А я вам скажу, что если в нем будет печататься статья А. Н., то не печалиться надо о его крушении, а *радоваться ему:* он станет органом распространения бернштейнианства [1]).

«Я не только не могу поддерживать этот орган, но считаю своей обязанностью резко и решительно выступить против него и разоблачить жалкое филистерство Потресова, делающее его невольным Гомером, — впрочем, достаточно и Виргилия, — струвизма. Вы говорите, что мой разрыв с А. Н. восстановит против меня даже О. Я в О. уверен; мне кажется, что не О. станет поддерживать струвизм, но если бы и О. перешел на сторону *струвизма,* то это не помешало бы мне остаться *марксистом.* Помните, как святой Бернар говорил когда-то: «У меня есть Евангелие, и если бы ангел спустился с неба и стал противоречить ему, — анафема самому ангелу!» Я нахожу, что это хорошие слова; и нахожу также, что А. Н. именно выступил в роли агела, — довольно, впрочем, тяжеловесного, — и стал противоречить Евангелию.

---

[1]) В другом своем письме (от 26 ноября 1908 г.) я говорил, обращаясь к тому же лицу.

«В последнем своем письме Вы писали мне о необходимости литературных *блоков.* Я их не понимаю и считаю крайне вредными. Я никогда не предполагал, что, выступая крайне непримиримыми в «Голосе социал-демократа», мы можем в легальной печати итти под руку с Юшкевичем, Z.*) и прочей полумарксистской...**) (Не поставьте мне в вину, что я раньше не выражался о них так резко: думал-то о них я всегда так.) Участие в легальных журналах, не имеющих претензий на определенность идей, — другое дело, о нем я не говорю: пишите, где хотите, но *предварительно размежуйтесь с людьми, вносящими в марксизм элементы ереси.* На очереди, по моему мнению, размежевание именно с *полу*-марксистами». В конце того же письма я говорю: «Все, чего я хочу, сводится к нелицеприятно строгому отношению к ересям; я не считаю позволительным быть строже к Богданову, нежели к Y., на том основании, что первый большевик, а второй — меньшевик. Это было бы вопиющей несправедливостью, насмешкой над нашей ортодоксальностью... *Гетеродокс из лагеря большевиков для меня ничем не хуже гетеродокса из лагеря меньшевиков.* L'un vaut l'autre, и я сторонюсь обоих».

---

*) Другой идеалист.

**) Опускаю резкое выражение: письмо не предназначалось для печати. Однако опущенное выражение не принадлежит к числу непечатных, поэтому я могу восстановить его (если этого пожелают мои противники), не очень оскорбляя вкус читателя.

«III. Вы оправдываете его тем, что он говорит не о *лекторах*, а об *аудитории* [1]). Это фактическая неточность, дорогой Ф. И.; А. Н. говорит о Струве, — об его внутренних обозрениях, из которых он черпал, как видно, всю свою марксистскую премудрость. Он говорит о сборнике «Проблемы идеализма» и... [2]) передает буржуазное содержание его буржуазных статей. Что же? Это все публика, а не лекторы? Нет, это тоже лекторы, но бернштейнианские, а не марксистские, и потому он поет о них соловьем, ограничиваясь двумя сухими словами, когда речь заходит о наших возражениях им. Еще раз, Вы ошибаетесь, принимая А. Н. за марксиста: он бернштейнианец, правда, непоследовательный, но ведь это еще хуже. Удобно ли мне вести полемику с А. Н. и рядом с ним выступать в московском сборнике, — судите сами. Теперь я позволю, в свою очередь, дать Вам совет: не поддерживайте бернштейнианства, лучше ополчитесь против него, пока еще не поздно, пока ** не подняли своего крика: *в этом случае они были бы правы*. Не надеюсь убедить Вас, но сказать все-таки считаю нужным.

«*P. S.* А propos. От *меня* Вы требуете отказа от того, чему я служу вот уже 25 лет, а Потресову Вы не хотели предложить отказаться от его гадкой статьи. Вы щадите его литературное самолюбие. Вы несправедливы по отношению ко мне».

Опускаю не относящееся сюда окончание письма и еще раз спрашиваю читателя: похож ли я, писавший все это, на «конспиратора», оставлявшего в «секрете» те побуждения, которые заставили меня отвернуться от г. Потресова? Думаю, что непохож. Наоборот. Иной читатель скажет, пожалуй, что я, осуждающий сектантство, сам обнаружил сектантскую нетерпимость по отношению к «гетеродоксам». Но тут надо иметь в виду вот что. Речь шла не о выбрасывании кого-нибудь из партии, а о группировке в пределах партии. Такая группировка могла

---

[1]) Ввиду возможных здесь недоразумений поясню, в чем дело. Когда мои теперешние противники убедились, что статья г. Потресова вовсе не заключает в себе истории развития нашей социально-политической мысли, они стали уверять меня, что он излагал, собственно, не эту историю, а историю того, как наша марксистская социально-политическая мысль отражалась в головах публики, которую Ф. И. и называет «аудиторией» в отличие от «лекторов». В этом софизме сказалось смутное сознание того, что история нашей революционной мысли очень уродливо отразилась в голове самого г. Потресова.

[2]) Здесь в моей копии неразборчивое слово. Делаю эту оговорку для моих противников, которые способны спрятаться в «бест» за каждую мелочь (1907 г. вместо 1906.)

совершаться только на идейной основе и требовала как верности своей идее, так и «нетерпимости» по отношению к другим идеям, ее исключающим. Это понятно, хотя это часто остается непонятым [1]).

«Не находите ли Вы, дорогой друг, — гремит г. Потресов в своем письме к Мартову, — что, вообще, Плеханов уже достаточно злоупотребляет нашим терпением и что мы в праве, наконец, его потребовать к ответу».

Это весьма удачное подражание Цицерону (quousque tandem, Catilina!) произвело на меня столь сильное впечатление, что я дал длинный ответ. Не знаю только, понравится ли он г. Потресову. Чем богаты, тем и рады!

Мой разгневанный Цицерон говорит с гордым сознанием своего достоинства, что в своих предыдущих работах он «достаточно подробно развертывал свою точку зрения на партийное строительство, на наше организационное наследство». Я уже сказал, как я смотрю на предыдущие работы г. Потресова. Они всегда неприятно поражали меня печальной слабостью идейного элемента. Что касается его «точки зрения» на ход развития нашей партии, то я считаю не лишним прибавить здесь следующее. В «Искре» г. Потресов дописался до того, что я собирался полемизировать с ним и предлагал П. Б. Аксельроду подписать вместе со мной протест против искажения г. Потресовым идей группы «Освобождение Труда». П. Б. Аксельрод соглашался на это, но события,—дело было в 1905 году,—отвлекли наше внимание в другую сторону. Однако г. Потресов знает, что я не был согласен с ним [2]).

---

[1]) Этим я, однако, не хочу сказать, что двери партии должны быть открыты для людей всех мнений. Есть мнения, совершенно не согласные с социализмом. *Выбрасывать* из партии я никого не хочу, но я полагаю, что давно пора было «вежливенько» дать понять, например, гг. Богданову и Луначарскому, что они всегда останутся крайне плохими социал-демократами, но зато будут превосходными анархо-синдикалистами, и потому должны перейти в соответствующий лагерь.

[2]) Я не скрыл от него своего несогласия с ним. Он возражал. Его возражение можно формулировать так. Коренная ошибка группы «Освобождение Труда» заключалась в том, что она согласилась признать существование нашей партии, как таковой, т.-е., — говоря на нынешнем жаргоне, — в том, что она не была ликвидаторской. Подобными разговорами и об'ясняется то упорство, с которым я, по признанию Мартова, в течение нескольких месяцев обращал внимание своих товарищей по редакции «Голоса» на «настроение» г. Потресова. Но, как говорят французы, самые глухие изо всех глухих, это — те, которые не хотят слышать.

Когда П. П. Маслов обратился ко мне из Петербурга с предложением войти в редакцию задуманного пятитомника и указал на лиц (т.-е. прежде всего на г. Потресова), которые должны были войти в нее, я возразил ему, что, насколько я знаю, между мной и этими лицами существуют серьезные разногласия. П. П. Маслов ответил мне, что это лучше всего выяснится при личном свидании — и замолчал. Личное свидание с главным членом названной редакции, г. Потресовым, состоялось, как сказано выше, в Женеве и привело к тому, что я, выслушав новые рассуждения о ненужности нашей партии и ознакомившись с содержанием первой части его статьи, в глаза и, конечно, не для комплимента, назвал его «легальным марксистом». Вот все, что я могу сообщить теперь о моем отношении к его «работам» [1]).

Отношение это, как видит читатель, не вполне восторженное. Но так относился к ним не один я. Вот что писал моей жене П. Б. Аксельрод по поводу моего разрыва с Потресовым.

«Очень жаль, что Вы статьи А. Н. не читали. Я выражал Ж. [2]) устно, и еще раньше письменно, свое неудовольствие ею. Вероятно, Вы моего последнего письма не читали или не получили, ибо я в нем говорю как раз то, что Вы пишете, а именно, что такую тему следовало поручить Мартову и что организация всего предприятия была verfehlt. Но я считаю своим долгом сказать, что дух и направление статьи Потресова те же, что проявлялись и прежде в его работах, особенно в «Заре», что *поворота* к струвизму с его стороны я не вижу. Как раз те главы, которые мне особенно не понравились, пропущены, хотя и скрепя сердце, Ж. Он, между прочим, особенно недоволен был фразой, которая могла бы быть истолкована как указание на разногласие между мной и им; но после моего письма к Потресову он выбросил ее. Быть может, те главы или страницы, которых я не читал, содержат в себе нечто такое, что прямо грешит оппортюнизмом. Вы, например, приводите такую фразу: «Плеханов и Аксельрод опровергли...» (Очевидно, речь идет о Л. И., ибо я литературно не выступал против ревизионистов). В моих и Март. [3]) руках не было той части статьи, в которой эта фраза находится. В тех же главах, которые я прочел, я нахожу старые, давно знакомые мне недостатки, столь определенно проявившиеся в статье «Что случилось?»

---

[1]) Кстати. После всего, рассказанного мной, люди, хотя немного знакомые с техникой редакционного дела, легко могут судить о том, была ли «редактирована» мной несчастная статья г. Потресова.

[2]) Т.-е. мне. — *Г. П.*

[3]) Мартынова. — *Г. П.*

Не намеренно, не сознательно тенденциозно, а в силу склада своего ума, литературного воспитания и т. д., он дал неудовлетворительную картину внутренней идейной эволюции нашего движения. Но если он не справился со своей задачей, то ведь это его беда, и помещение его статьи в сборнике так же неравносильно согласию Ж. на свое политическое и литературное самоубийство, как появление плохих или даже анти-марксистских статей в «Volksstaat'e» (не) означало такое самоубийство для Маркса. Разумеется, лучше было бы, если бы статья А. Н., — без значительной переделки, — не появилась в сборнике. Но я утверждаю, что недостатки его статьи нетрудно было предвидеть на основании его предыдущей литературной деятельности». Далее Аксельрод, сказав, что несправедливо было бы подозревать его в пристрастии к Потресову, продолжает: «Я считаю только своим долгом высказать, что если статья Потресова заслуживает строгой критики, то—*поскольку я и М. ее читали — сама по себе* она не должна стать casus belli, ибо, без сомнения, в сборнике окажется еще не одна статья гораздо более сомнительного, в принципиальном смысле, свойства, чем статья А. Н.».

Что скажете вы об этом, мой красноречивый Цицерон? Как видите, ваши предыдущие «работы» давно уже обратили на себя внимание тех, кто серьезно интересовался судьбами нашей общественно-политической мысли. Но только делаемая Аксельродом *оценка* этих «работ» вряд ли может быть признана лестной для вас. П. Б. Аксельрод говорит, что *поворота* к струвизму в вашей, возмутившей меня, статье нет, и доказывает это ссылкой на то, что вы и раньше, — уже начиная со статьи «Что случилось?» — вследствие своего литературного воспитания и т. д., были струвистом. Вот уж можно сказать: не поздоровится от этаких похвал! Но как ни горьки эти похвалы, они справедливы.

Меня могут спросить: «Но если это так, то почему же вы с Аксельродом соглашались на напечатание предыдущих работ г. Потресова?»

П. Б. Аксельрод пусть отвечает сам за себя.

А я и в статьях г. Струве видел «струвизм» и все-таки до поры до времени шел с ним рядом. Почему? Так как надеялся, что г. Струве разовьется в марксиста и по тому самому перестанет быть «струвистом». А потом увидел, что эта моя надежда неосновательна, и убедился, что итти вместе нам больше нельзя. Об этом я сообщил летом 1900 г. г. Потресову и т. Ленину, которые хотели привлечь г. Струве к «Заре». Я сказал им, что надо выбирать между мной и г. Струве. Им было

очень неприятно это, и т. Ленин даже давал мне понять, что партия могла бы меня заставить изменить мое решение. Я отвечал, что я не изменил бы его даже в том случае, если бы от меня потребовали этого все жители земли и все обитатели Марса. Время показало, что я поступил правильно.

Видел я «струвизм» и в г. Потресове. И тоже до поры до времени льстил себя той надеждой, что г. Потресов разовьется в марксиста и по тому самому перестанет быть «струвистом». А потом я увидел, что и эта надежда неосновательна, и тогда я сказал себе и другим: баста, я Потресову не товарищ. Эти другие сердятся на меня за это решение, но я опять скажу: я не изменю его, если бы даже против него восстали все обитатели Марса и все жители земли. И факты уже начинают доказывать, что я прав. Одного письма т. Алексея, напечатанного в № 10 «Социал-демократа», достаточно, чтобы видеть, как тесно связано было ретроспективное ликвидаторство, обнаружившееся в статьях г. Потресова, с тем ликвидаторством нынешнего дня, которое составляет теперь язву нашей партии и вызывает такое сильное ликование в рядах наших официальных ревизионистов.

Читатель не забыл тех строк письма П. Б. Аксельрода, где сказано: «Разумеется, лучше было бы, если бы статья А. Н. — без значительной переделки — не появилась в сборнике». Я просил, чтобы мои товарищи по редакции «Голоса социал-демократа» написали в этом смысле письмо г. Потресову. К этому сводилось все мое требование. Кажется, это не много. Они отказались. Отказался даже П. Б. Аксельрод, который написал только что повторенные мною строки. Написал он их 1 декабря 1908 г., а отказался написать их еще раз в письме к Потресову в половине того же декабря. Как не вспомнить опять крыловскую мышь с ее окриком:

Молчи, все это вижу я сама;
Да эта крыса мне кума.

Мой выход из редакции «Голоса социал-демократа» был, так сказать, длительным процессом. У меня нет охоты становиться историографом этого процесса, как не было охоты подробно рассказывать историю моего редактирования статьи Потресова: у меня есть более важное дело. Мне было бы очень неприятно, если бы какой-нибудь новый Цицерон вынудил меня взяться за это неприятное мне занятие. Однако я в состоянии документально доказать, что и с этой стороны за мной не числится никакого неприятного для меня «секрета».

Мой ответ Цицерону, наверно, не понравится кое-кому. Что делать?

25 лет тому назад, возражая на нападки г. Тихомирова, я писал, что мы останемся верны девизу своего великого учителя и пойдем своей дорогой, предоставив людям говорить, что им вздумается.

Этому девизу я верен до сих пор *вопреки нападкам и несмотря на похвалы.*

Я от души желал бы, чтобы каждый из моих бывших товарищей по группе «Освобождение Труда» имел нравственное право сказать о себе то же самое.

«ДНЕВНИК СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТА» № 11

МАРТ 1910 г.

Последнее пленарное собрание нашего Центрального Комитета

Заканчивая № 10 «Дневника», я сказал, что следующий будет посвящен решениям, принятым на последнем пленарном заседании нашего ЦК. Исполняя теперь свое обещание, я прежде всего воспроизведу эти решения. Вот они.

Положение дел в партии

В развитие основных положений резолюций партийной конференции 1908 г., ЦК постановляет:

1. Тактика социал-демократии всегда едина в своей принципиальной основе, идет ли речь об эпохе открытой гражданской войны и общественных потрясений или о периоде общественного застоя; она всегда рассчитана на то, чтобы дать максимум результатов, как в случае быстрой ломки условий сегодняшнего момента, так и в случае сравнительной неподвижности данной политической обстановки.

Для сознательного российского пролетариата, выходящего из состояния придавленности, в которое он был временно повергнут торжеством контр-революции, впервые открывается возможность, организуясь в массовую социал-демократическую партию, применять сознательно, планомерно и последовательно этот тактический метод международной социал-демократии, выработать тактику, рассчитанную не на данную лишь конкретную обстановку ближайшего момента, а на различные пути, которыми может пойти совершающееся после поражения революции 1905 г. приспособление поколебленного абсолютизма к условиям существования капиталистического общества. Его тактика должна способствовать накоплению его сил и развитию энергии его классовой борьбы, в какую бы форму ни вылился неизбежный крах контр-революционной политики пытающегося приспособиться к потребностям буржуазного развития абсолютизма и какую бы ни принял форму неизбежный общественный кризис. Тактика эта делает пролетариат готовым к новой открытой революционной борьбе и в то же время дает ему возможность использовать для себя все противоречия неустойчивого режима контр-революции.

2. Рабочее движение в России переживает период крупнейшего исторического перелома. С одной стороны, упадок массовой борьбы, крайнее усиление репрессий, об'единение капитала и наступление его, развал организаций и бегство интеллигенции из партии, — все это порождает острый кризис социал-демократической партии. С другой стороны, несомненно наблюдается повсюду, что пробивает себе дорогу новое поколение социал-демократических рабочих, прошедших под руководством социал-демократии политическую школу в событиях революции и контр-революции, стремящихся отстоять задачи революции и методы ее, найти соответствующие новым условиям исторического момента формы борьбы и обновить партийную социал-демократическую организацию.

3. На основе такого состояния рабочего движения наблюдается повсюду у сознательных представителей его тяга к концентрации партийных социал-демократических сил, к укреплению партийного единства.

Широкое контр-революционное течение в либеральных и мелкобуржуазно-демократических слоях народа усиливает в сознательном пролетариате стремление отстоять свою классовую партию, ее революционные цели и методы действия, сплотить всех социал-демократов против укрепившихся и наступающих врагов.

Открытые выступления пролетариата как на думской трибуне (через социал-демократических депутатов 3-й Думы), так и на легальных с'ездах и во всякого рода легальных учреждениях, ведут к сплочению его сил, усиливают стремление противопоставить себя всем остальным классам, оказать организованное влияние на общественную жизнь и таким образом отстоять революционно-социал-демократические цели и классовый характер своего движения.

Все сильнее сознается необходимость об'единить разрозненные нелегальные группы социал-демократов в открытых и полуоткрытых учреждениях в партийные рабочие ячейки, использовать все легальные учреждения для возрождения массового движения и превратить все эти учреждения в опорные пункты социал-демократической работы; все сильнее становится стремление положить конец кустарничеству и помочь созданию работоспособного и действительно руководящего работой на местах Центрального Комитета.

У передовых рабочих, на-ряду с стремлением углубить свое социалистическое мировоззрение и понимание марксизма, крепнет сознание необходимости усилить экономическую борьбу и профессиональное единение, а также развить политическую агитацию в массах.

4. В области идейно-политических задач социал-демократического движения в свою очередь выдвинулись такие, которые властно требуют партийного единства и создают его через все препятствия:

а) историческая обстановка социал-демократического движения в эпоху буржуазной контр-революции неизбежно порождает, как проявление буржуазного влияния на пролетариат, с одной стороны, отрицание нелегальной социал-демократической партии, принижение ее роли и значения, попытки укоротить программные и тактические задачи и лозунги революционной социал-демократии и т. д.; с другой стороны, отрицание думской работы

социал-демократии и использования легальных возможностей, непонимание важности того и другого, неумение приспособить революционно-социал-демократическую тактику к своеобразным историческим условиям современного момента и т. д.

б) Неот'емлемым элементом социал-демократической тактики при этих условиях является преодоление обоих уклонений, путем расширения и углубления социал-демократической работы во всех областях классовой борьбы пролетариата и раз'яснения опасности этих уклонений.

в) Сознание опасности обоих указанных уклонений и задача их преодоления делают еще более необходимым восстановление организационного единства РСДРП, и это обстоятельство в связи с очерченными выше об'ективными условиями усиливает необходимость уничтожения фракционности, уничтожения всех более или менее организованных фракций и превращения их в течения, не нарушающие единства партийного действия.

(В общем принято единогласно.)

О созыве очередной общепартийной конференции

Ввиду того, что областные организации в настоящее время в большинстве областей разрушены и созыв обширных областных конференций до крайности затруднен политическими препятствиями, ЦК рекомендует произвести выборы областных делегаций на следующих началах:

а) По совещании с местными организациями ЦК намечает в каждой области соответствующее число важнейших пунктов социал-демократического движения. Общее число делегатов от области распределяется между этими пунктами.

б) Организации менее значительных пунктов социал-демократической работы присоединяются для выбора делегата к ближайшим крупным пунктам.

Примечание 1-е: Это не исключает областных конференций, если созвать таковые окажется возможным.

Примечание 2-е: При этом ЦК настоятельно приглашает товарищей избирать делегатов на конференцию обязательно из числа партийных работников, действующих на местах.

ЦК признает необходимость предварительной разработки вопросов порядка дня на местах и рекомендует перенести обсуждение этих вопросов не только в районные, заводские и т. п. партийные ячейки, но и в среду социал-демократических участников легального движения, готовых восстановить организационную связь с партией. При организации выборов *партийные* группы в легальном рабочем движении должны быть привлечены к выборам на общих со всеми партийными ячейками основаниях.

Считаясь с тем обстоятельством, что полное установление прочной организационной связи между различными формами социал-демократической

деятельности на местах представляет огромные трудности, для преодоления которых неизбежно потребуется долгая и упорная работа, и признавая, что участие в ближайшей же общепартийной конференции возможно большего числа партийных деятелей открытого рабочего движения могло бы сильно двинуть вперед осуществление этой задачи, — ЦК признает необходимым дополнительное представительство от социал-демократических групп в легальном движении, готовых установить прочную организационную связь с местными партийными центрами. Предоставляя этим дополнительным делегатам совещательный голос, ЦК передает окончательное решение вопроса о совещательных или решающих голосах самой конференции.

Для успешной подготовки ближайшей общерусской конференции и в интересах дальнейшего сплочения социал-демократов, действующих в различных областях рабочего движения, в единую партийную организацию, ЦК рекомендует областным и местным партийным центрам взять на себя инициативу созыва совещаний — местных и областных — из работников основных партийных ячеек фабрично-заводских, районных и т. д. комитетов, с одной стороны, и партийных социал-демократических групп, а также отдельных деятелей в рабочем движении, — с другой стороны.

Задачей подобных совещаний должно быть обсуждение вопросов порядка дня общепартийной конференции, а также всех вообще вопросов текущей социал-демократической деятельности на местах.

ЦК наметил следующий *предварительный* порядок дня конференции:

1. Экономическая борьба (профессиональные союзы, легальные и нелегальные, профессиональная пресса, смешанные комиссии, институт старост и т. д.).

2. Работа партии в связи с думской деятельностью (в том числе вопросы рабочего законодательства, страхования рабочих и проч.).

3. Организованное участие в общественных с'ездах и во всех государственных и общественных учреждениях, затрагивающих интересы рабочего класса (городские думы, земства, общества обывателей и избирателей...).

4. Кооперативы.

5. Пропагандистская и организационная деятельность в различных легальных обществах (просветительные общества, клубы, общества трезвости, упрочение существующих и учреждение новых обществ).

6. Вопросы пропаганды и агитации (ЦО, рабочая газета, листки и прокламации, брошюрная литература, легальная пресса, кружки самообразования, партийная школа).

7. Бюджет партии (постановка партийной организации в финансовом отношении на пролетарской основе, правильные членские взносы сборы, оплата нелегальной прессы).

8. Организационные вопросы (политический руководящий центр в России, об'единение деятельности на местах, восстановление связи между местными организациями).

(Принято всеми при одном воздержавшемся.)

Устав ЦК

1. Действующая в России коллегия членов ЦК пользуется всеми правами ЦК.

2. Все члены ЦК обязаны исполнять ту или другую часть работы ЦК.

3. Действующий ЦК состоит из членов его и кандидатов, выбранных на Лондонском с'езде.

4. ...(конспиративно).

5. В случае выбытия кого-либо из... членов коллегии, выбывший замещается выразившим желание работать в России кандидатом Лондонского с'езда; в случае отсутствия таковых — одним из кандидатов, заранее намеченных коллегией не из состава кандидатов Лондонского с'езда.

6. Новые кандидаты кооптируются большинством русской коллегии при отсутствии хотя бы одного голоса против и считаются исполняющими должность членов ЦК впредь до утверждения их общепартийной конференцией.

7. Кандидаты, выбранные Лондонским с'ездом, замещают выбывающих членов ЦК в порядке, установленном уставом.

Вновь кооптированные кандидаты замещают выбывших по течениям или по принадлежности к национальным организациям.

Порядок замещения выбывших членов ЦК устанавливается в деталях русской коллегией.

8. ... (конспиративно).

9. За границей действует назначенное ЦК Заграничное Бюро ЦК, состоящее из 5 членов ЦК. В состав Бюро входят три представителя «национальных» ЦК.

ЦК национальных организаций имеют право назначать в Заграничное Бюро и не членов Ц. К. Последние не могут участвовать в пленуме ЦК.

ЗБЦК заведует имуществом партии, издательскими и техническими делами, представляет партию за границей, об'единяет заграничные группы содействия партии и служит посредствующим звеном между ними и действующим в России ЦК.

Большинство членов ЗБЦК должно жить в одном городе.

10. Пленум из 15 человек ЦК созывается: 1) по постановлению русской коллегии (большинством $^2/_3$ гол., но не менее 5); 2) по единогласному постановлению ЗБЦК; 3) в случае провала более половины русской части ЦК, если арестованные не могут сейчас же быть заменены наличными кандидатами.

11. В пленум (из 15 человек) привлекаются: 1) члены действующей в России коллегии; 2) члены ЗБЦК, за исключением тех его членов, которые не состоят членами ЦК; 3) если те и другие не дают числа 15, то привлекаются к работам пленума и остальные кандидаты в следующем порядке:

а) кандидаты Лондонского с'езда, выполняющие какую-либо партийную работу в России;

б) члены ЦК и их кандидаты, живущие за границей и занятые на работе, порученной им ЦК.

При замещении кандидатур соблюдается пропорциональность течений. Вопрос о том, кто именно из кандидатов имеет право присутствовать на пленуме, решается имеющимися налицо действительными членами ЦК данного течения. (Принято единогласно.)

О Центральном Органе

ЦО рекомендуется: стремясь к тому, чтобы большинство статей было неподписанных (т.-е. редакционных), — помещать за подписью авторов такие статьи отдельных товарищей, с которыми редакция согласна в общем и целом, не соглашаясь с частностями, — чтобы таким образом облегчить участие в ЦО представителей различных течений в партии.

Редакция ЦО составлена из 2 большевиков, 2 меньшевиков и одного представителя ПСД.

О дискуссионном сборнике

Создается непериодический дискуссионный сборник.

Его редакция составляется из представителей (по одному) всех существующих в партии течений и по одному от «национальных» организаций.

Для гарантии прав меньшинства, трем членам редакции обеспечивается право помещать статьи по одному их требованию.

О партийной школе

ЦК постановляет: сделать подготовительные шаги к организации партийной школы за границей.

ЦК назначает для этого комитет из 9 лиц: 2 большевика, 2 меньшевика, 2 из группы «Вперед», 1 бундист, 1 польский социал-демократ, 1 латышский социал-демократ.

За границей и в России немедленно открывается подписка в пользу школы.

Заграничному Бюро ЦК ставится на вид, что оно должно исчерпать все меры к тому, чтобы тт. Максимов и др. отказались от организации сепаратной школы и вошли в организацию школы при ЦК, в которой им должна быть обеспечена полная возможность полностью применить свои педагогические и лекторские силы.

Копенгагенский международный конгресс

Приняты меры к организации делегации на конгресс и к составлению отчета партии; местным организациям партии предлагается с своей стороны озаботиться посылкой своих представителей на конгресс.

Если общепартийная конференция состоится до конгресса, делегация будет намечена ею.

Представителями партии в Международное Бюро единогласно выбраны тт. Г. В. Плеханов и Н. Ленин.

О газете «Правда»

ЦК постановляет: оказывать субсидию газете «Правда» и делегировать в редакцию ее своего представителя в качестве третьего редактора.

Всякие изменения в составе редакции «Правды» производятся путем соглашения между редакцией и ЦК.

Вопрос о превращении «Правды» в орган ЦК отложить до ближайшей конференции.

О группе «Вперед»

ЦК регистрирует литературную группу «Вперед» как партийную издательскую группу.

ЦК предлагает комиссии по организационным вопросам выработать проект мер к тому, чтобы литературно-издательские предприятия группы «Вперед» были включены в общую систему партийной литературной деятельности за границей и существование обособленной группы стало излишним.

О фракционных центрах

Ввиду принятия ряда резолюций, направленных к созданию в партии *фактического* единства, и декларации товарищей большевиков, распускающих свой организационный центр и закрывающих «Пролетарий»,—

Центральный Комитет выражает полную уверенность, что редакция ЦО, проводя резолюции, единогласно принятые ЦК, будет способствовать сплочению всех литературных сил без различия направлений, и высказывает убеждение, что интересы партии и партийного единства требуют закрытия в ближайшем будущем газеты *«Голос социал-демократа»*.

Согласно с этим ЦК обращается к тт. меньшевикам, членам ЦК и ЦО, с предложением приложить все усилия для достижения этой цели посредством воздействия на своих ближайших единомышленников. (Единогласно.)

Об устранении раскола за границей

ЦК считает ближайшей задачей ЗБЦК устранение раскола между группами за границей и об'единение их с национальными с.-д. группами. (Единогласно.)

О членских взносах

ЦК считает одной из в высшей степени важных задач постановку партийного бюджета на более прочную основу и рекомендует товарищам сделать все усилия, чтобы добиться в возможно скором будущем правильной постановки членских взносов.

Об отступлениях от партийной дисциплины

Констатируя, что за время от Лондонского с'езда в связи с делами... в партии имели место факты, противоречащие партийным резолюциям, что некоторые товарищи совершили поступки, нарушающие партийную дисциплину, но имея вместе с тем в виду, что:

1) в намерения указанных товарищей не входило вредить интересам партии,

2) что товарищами, против которых выдвинуты обвинения, руководили лишь неправильно понятые интересы партии,

3) что это неправильное понимание об'ясняется к тому же по отношению к некоторым делам атмосферой, присущей моменту, непосредственно следовавшему за периодом боевых выступлений масс,

4) что организационные правонарушения и отступления от партийной дисциплины в некоторых из вышеупомянутых дел тесно связаны с существованием фракций и их борьбой внутри партии, —

ЦК решительно осуждает подобные отступления от партийных резолюций и нарушения партийной дисциплины и считает необходимым принять все меры к тому, чтобы такие явления впредь в партии не имели места.

Резолюции эти заслуживают величайшего внимания. Они *могут* составить эпоху в жизни партии; но *только — могут:* нельзя сказать с полной уверенностью, что они в самом деле составят ее. И это потому, что эти резолюции обнаруживают неопределенность и даже робость мысли там, где определенность и смелость нужнее всего.

Важнейшей из них следует признать резолюцию, выражающую взгляд ЦК на «положение дел в партии». На ней следует прежде всего остановиться.

Растянутость, бесконечные периоды, короче: неуклюжий, почти варварский слог, — вот отличительная черта этой резолюции с ее *внешней стороны.* Эту ее черту можно было бы считать маловажной, если бы внешность не находилась здесь в связи с *внутренним содержанием.* К сожалению, она связана с ним самым тесным образом.

Своей внешностью наша резолюция напоминает резолюцию, принятую, по настоянию Жореса, на Тулузском с'езде французской социалистической партии, а также те резолюции, которые принимались недавно на с'ездах итальянской партии под влиянием «интегралиста» Ферри. Эти резолюции, — т.-е. тулузская и «интегралистские» резолюции Ферри, — отличались болезненной пухлостью, потому что страдали недостаточной определенностью содержания. А недостаточная определенность их содержания обусловливалась тем, что авторы их боялись,

как выражается Крылов, «раздразнить гусей». Известно, например, что авторы и сторонники тулузской резолюции (к числу их, к сожалению, принадлежит даже заслуженный Вальян!) довели свой страх перед гусями, можно сказать, до последней крайности: они отказались внести в нее упоминание о резолюции против *анархистов,* принятой на Лондонском международном с'езде 1896 г. Согласитесь, что дальше этого миролюбие в *социалистическом* лагере итти не может. И, конечно, миролюбие — прекрасное чувство; но продиктованная Жоресом пухлая тулузская резолюция, избегавшая называть вещи их собственными именами, упрочила во французской партии не мир, а лишь путаницу понятий, мешающую ей приобрести надлежащее влияние на французский пролетариат. Я очень боюсь, что такова же будет и судьба пухлой резолюции «о положении дел в партии», «единогласно принятой» нашим ЦК.

Резолюция эта говорит, что тактика социал-демократии «всегда рассчитана на то, чтобы дать максимум результатов». Это может быть понято или как указание на *факт* (так есть и было), или как *благое пожелание* (так должно быть).

В первом случае приведенные мною слова представляют собой комплимент, едва ли вполне заслуженный нашей партией: всякому, кто знает ее историю, известно, что ее тактика далеко не всегда была «рассчитана на то, чтобы дать максимум результатов». Для примера укажу на тот период, когда у нас господствовали «экономисты». Можно было бы указать и другие примеры, но я не сделаю этого, «чтобы гусей не раздразнить» (Как видите, и я не избежал влияния пухлых и широковещательных резолюций). Зачем же мы будем делать себе незаслуженные комплименты? Мы настолько верим в свое будущее, что смело можем позволить себе роскошь прямой и откровенной самокритики.

Если же цитированное мною место резолюции нужно понимать, как благое пожелание, т.-е. в том смысле, что тактика социал-демократии всегда *должна быть* рассчитана на максимум результатов, то его надо признать одним из самых бессодержательных *общих мест.* На свете нет ни одной партии, которая не должна была бы стремиться к тому, чтобы ее тактика принесла максимум результатов. Неужели же наши patres conscripti собирались на пленарное заседание для того, чтобы открывать подобные истины, старые, как мир, и худые, как тощие коровы, приснившиеся египетскому фараону?

Итак, в обоих случаях цитированное мною место пухлой резолюции лишено всякого серьезного значения.

Далее следует бесконечный период, возвещающий о том, что для сознательного российского пролетариата «впервые открывается возможность, организуясь в массовую социал-демократическую партию, применять сознательно, планомерно и последовательно этот тактический метод международной социал-демократии». Отсюда следует прежде всего тот вывод, что общее место насчет максимума результатов надо понимать именно в смысле благого пожелания. ЦК хочет, чтоб наша партия применила, наконец, тот метод, который принимается им за «тактический метод международной социал-демократии», но который на самом деле есть тактический (и всякий другой) метод всякой партии, стремящейся к какой бы то ни было цели [1]). ЦК думает, что наш пролетариат впервые получил теперь возможность сознательно, планомерно и последовательно практиковать этот метод. Не совсем ясно, почему именно он думает так. Но это и не важно. Весь вопрос в том, *каковы те условия, при которых сознательным пролетариатом может быть достигнут максимум результатов.* Что же говорит об этих условиях наша пухлая резолюция? Она говорит, что «его (т.-е. пролетариата. — *Г. П.*) тактика должна способствовать накоплению его сил и развитию энергии его классовой борьбы, в какую бы форму ни вылился неизбежный крах контр-революционной политики» и т. д. Это опять такие истины, которые по своей новизне могут поспорить с тою истиной, что Волга впадает в Каспийское, а Северная Двина в Белое море. И такими истинами переполнен весь первый параграф пухлой резолюции. Если он «рассчитан» на то, «чтоб гусей не раздразнить», то, можно надеяться, он «даст максимум результатов», ибо его бесконечные периоды способны усыпить самого обидчивого гуся.

Второй параграф пухлой резолюции говорит, что рабочее движение в России переживает момент крупнейшего исторического перелома, а наша социал-демократическая партия—острый кризис. Это—истина, не принадлежащая к числу избитых мест. Это та истина, которую мы должны признать не потому, что она всегда и везде разумеется сама собою, а потому, что мы знакомы с *нынешним состоянием рабочего движения и с нынешним положением социал-демократической партии в России.* «Перелом» и «кризис» в самом деле находятся налицо. Но

[1]) И не только *партии.* Итальянская школа так называемой «чистой экономики» (economica pura) всю свою «научную» мудрость основывает на том бесспорном, но совершенно бессодержательном, соображении, что всякий «экономический агент» стремится к тому, чтобы его деятельность дала «максимум результатов»

именно потому, что они находятся налицо, мы, обсуждая «положение дел», должны мыслить и говорить ясно и определенно, не боясь никаких гусей и не прибегая к дорогой «интегралистам» и жоресистам дипломатической туманности. Но на это-то, как видно, и не могли решиться наши patres conscripti.

«Интегралист» Ферри стремился в своих длиннейших резолюциях высказаться так, чтобы не обидеть ни реформистов, ни анархо-синдикалистов. Наша пухлая резолюция стремится к тому же.

Она говорит: «Историческая обстановка социал-демократического движения в эпоху буржуазной контр-революции неизбежно порождает, как проявление буржуазного влияния на пролетариат, с одной стороны, отрицание нелегальной социал-демократической партии, принижение ее роли и значения, попытки укоротить программные и тактические задачи и лозунги революционной социал-демократии и т. д.; с другой стороны, отрицание думской работы социал-демократии и использование легальных возможностей, непонимание важности того и другого, неумение приспособить революционно-социал-демократическую тактику к своеобразным историческим условиям современного момента» и т. д.

В переводе на простой, — свободный от дипломатической туманности, — язык это значит, что реакция, усилившая влияние буржуазных идеологий на российский пролетариат, породила с одной стороны «ликвидаторов», а с другой — «отзовистов», «ультиматистов» и прочих анархо-синдикалистов. Почему же авторы резолюции не предпочли этого простого языка? Почему они не назвали течений, вызванных к жизни нынешней реакцией, теми именами, которые давно уже присвоены им в нашем партийном обиходе? Потому ли, что имена эти (например, хотя бы «отзовизм») в этимологическом отношении составляют великий грех против русского языка? [1]) Потому ли, что наши patres conscripti руководствовались соображениями о красоте слога? Вовсе нет! Они, как я сказал выше, боялись раздразнить гусей, т.-е. сочли нужным сделать уступку ликвидаторам «с одной стороны» и анархо-синдикалистам — «с другой». А почему они сочли нужным сделать эту уступку? Очевидно, по той же причине, по которой делаются вообще всякие уступки: уступают только тем, с которыми находят нужным считаться, а находят

[1]) В одном из своих писем к Герцену Тургенев «на коленях» умоляет своего корреспондента не употреблять, не помню уж теперь какого, слова, которое, по его уверению, оскорбляет его, как пощечина. Воображаю, как оскорбили бы великого русского стилиста наши «хвостизмы», «отзовизмы», «ультиматизмы» и прочие варваризмы!

нужным считаться только с теми, которые сильны. Выходит, стало быть, что авторы резолюции не захотели назвать двоякое зло, существующее в нашей партии и знаменующее собою усиление буржуазного влияния на наш пролетариат, именно потому, что это двоякое зло сильно. Но мне кажется, что с сильным злом надо было бороться, а не входить в сделку. Так, по крайней мере, — выскажу и я благое пожелание! — должны поступать люди, в самом деле желающие «сознательно, планомерно и последовательно» служить рабочему классу и революционной социал-демократии.

Пухлая резолюция выражается так неопределенно, что читатель не знает, где же собственно замечается «проявление буржуазного влияния на пролетариат»: внутри нашей партии или же за ее пределами. Так как резолюция озаглавлена: «Положение дел в партии», то следует предположить, что буржуазное влияние обнаружилось именно в партии. Но как ни естественно это предположение, оно все-таки остается простым предположением. Пухлая резолюция не хочет поставить точку над i. Неопределенность ее выражений принимает, можно сказать, эпический характер. Один из наших летописцев, повествуя о битве суздальцев с новгородцами, говорит: «сразишася суздальци и ноутородцы и побегоша». Кто «побегоша», неизвестно. Так и в пухлой резолюции: историческая обстановка породила буржуазное влияние, а где именно породила, — внутри социал-демократической партии или вне ее, — об этом умалчивается. Но если летописец позабыл прибавить, кто «побегоша», просто по неумению владеть пером, то пухлая резолюция не упоминает о том, где обнаружилось буржуазное влияние, вследствие того, что она насквозь пропитана духом кружковой дипломатии. Но неужели авторы резолюции не понимают, что нельзя с дипломатической мягкостью относиться к тому (двоякому) злу, которое, по их же собственным словам, свидетельствует о росте буржуазного влияния на пролетариат? Против такого зла нужно громко, прямо и резко кричать на всех крышах!

Мне скажут, пожалуй, что если бы пухлая резолюция не отличалась дипломатической мягкостью выражений, то она не была бы принята единогласно. Это возможно. Выражусь сильнее: я в этом уверен. Но если это возражение основательно, то ведь оно означает, что указанное пухлой резолюцией двоякое «буржуазное влияние», — которое на самом деле называется ликвидаторством и анархо-синдикализмом, — проникло не только в пределы нашей партии, но даже в ее сердце, т.-е. в ее ЦК. А если оно, это двоякое *буржуазное влияние,* стало до такой степени сильно, то могут ли быть надежны меры, принимаемые для борьбы

с ним тем ЦК, который сам, по крайней мере отчасти, подчинился ему? Воля ваша, читатель, а я опасаюсь за дальнейшую судьбу этих мер.

Раз заговорив о двояком зле, констатированном, хотя, к сожалению, не названном, в разбираемой резолюции, я позволю себе спросить ее авторов:

Известно ли им, что между петербургскими рабочими насчитывает не мало последователей тот самый анархо-синдикализм («отзовизм», «ультиматизм» и проч.), который, несомненно, порожден усилением буржуазного влияния на рабочий класс и который они, наши авторы, не решились прямо назвать в своей резолюции?

Известно ли им, кроме того, что в Одессе ликвидаторы (на которых намекает, но которых опять-таки не решается назвать их резолюция), соединившись с «отзовистами», составили «Учредительный Комитет», об'явивший в особой прокламации, что нашей партии не существует, и приглашающий рабочих к созданию на ее развалинах новой пролетарской организации?

Если им известно все это, — а я думаю, что это им хорошо известно, — то спрашивается, считают ли они подобные явления вредными для нашей социал-демократии, как для партии сознательного пролетариата?

Резолюция как будто предвидит этот вопрос. Она говорит: «Неот'емлемым элементом социал-демократической тактики при этих условиях является преодоление обоих уклонений путем расширения и углубления социал-демократической работы во всех областях классовой борьбы пролетариата и раз'яснение опасности этих уклонений». И тут она права. Но ее авторы позабыли свою собственную, так торжественно возвещенную, мысль о том, что тактика социал-демократии всегда должна быть рассчитана на то, чтобы дать максимум результатов. Может ли дать такой максимум та «тактика», которая, с одной стороны, приглашает бороться с вредными «уклонениями», а с другой — боится назвать эти самые «уклонения» их настоящим именем?

Что касается меня, то я убежден, что подобная «тактика» способна дать не максимум, а минимум результатов. Некоторые наши товарищи в разговоре со мной доказывали, что в настоящее время борьба с ликвидаторством должна быть доведена до *минимума*. Этим своеобразным «минималистам», наверно, очень понравится пухлая резолюция. Но она ни в каком случае не может понравиться тем, которые признают и понимают, что раз данное явление признано злом, то для всякого по-

следовательного человека обязателен в борьбе с ним не минимум, а максимум усилий.

Пухлая резолюция признает, что передовые рабочие стремятся теперь «углубить свое социалистическое мировоззрение и понимание марксизма». Поэтому я спрошу ее авторов: думают ли они, что пропаганда анархо-синдикализма не идет вразрез с этим, достойным всякой похвалы, стремлением передовых рабочих? А если они думают, что она идет вразрез с ним, то почему они не сочли нужным предупредить на этот счет наш сознательный пролетариат? Разве им не известно, что наши анархо-синдикалисты много сделали для печатной пропаганды в России идей итальянских и французских синдикалистов (А. Лабриолы, Сореля, Лагарделя и др.)?

Наши авторы и тут видно боялись раздразнить гусей. И это опять очень жаль, потому что и тут нужно было высказаться ясно и решительно. Вызванное реакцией усиление буржуазного влияния на рабочий класс сказалось, между прочим, в том, что рабочим стали преподносить под видом самых передовых идей нашего времени такие теории, которые имеют очень мало общего с социалистическим мировоззрением (например, тот же анархо-синдикализм). Мы обязаны бороться со всякими попытками теоретической фальсификации социализма. Но для того, чтобы борьба с ними дала «максимум результатов», мы обязаны не прикрывать их дипломатическим многословием, а, напротив, разоблачать их перед пролетариатом во всей их смешной и жалкой наготе.

Талейрану приписывают известное изречение: «язык дан нам для того, чтобы мы могли скрывать свои мысли». Авторы «единогласно принятой» пухлой резолюции, очевидно, не согласны с Талейраном. Но в качестве тонких дипломатов они нашли нужным сделать уступку самому Талейрану: они решили пользоваться языком для того, чтобы высказать свою мысль *только наполовину*. Это была ненужная и вредная уступка. «Положение дел в партии» теперь таково, что кружковая дипломатия вредна ей больше, чем когда бы то ни было прежде.

О других резолюциях

Если резолюция о положении дел в партии не отличается надлежащей определенностью, то резолюция о группе «Вперед» поражает своей загадочностью. «ЦК регистрирует литературную группу «Вперед» как партийную издательскую группу». Это очень любезно. Но группа «Вперед» есть группа «ультиматистов». А что такое «ультиматизм»? Разо-

бранная выше пухлая и сырая, — как купчихи в комедиях Островского, — резолюция не дает откровенного ответа на этот вопрос. Но за ее мягкотелыми дипломатическими периодами все-таки можно найти ту неоспоримую мысль, что «ультиматизм», «отзовизм» и т. п. суть не более, как *проявление буржуазного влияния на пролетариат* [1]). (Смотри § 4, пункт а). Литературная деятельность этого «проявления буржуазного влияния» «регистрируется», однако, как деятельность партии. Кому может быть полезно такое решение? По-моему, только буржуазии. Что же это такое? Известно что: это кружковая дипломатия.

Но ЦК, повидимому, сам находит, что зашел слишком далеко по пути кружковой дипломатии. Поэтому он предполагает составить комиссию, которая выработает проект мер, долженствующих привести к тому, чтобы издательские предприятия группы «Вперед» были включены в общую систему партийной литературной деятельности за границей и существование названной группы стало излишним. Тут мы входим в область загадочного. В качестве человека, не искусившегося в кружковой дипломатии, я утверждаю, что комиссии придется ломиться в открытую дверь, и с недоумением спрашиваю себя: как же не догадались наши patres conscripti, что деятельность группы «Вперед» *уже теперь излишня,* и притом излишня не вследствие хитроумных усилий какой бы то ни было дипломатической комиссии, а в силу того простого обстоятельства, что анархо-синдикализм всегда и совершенно излишен с точки зрения... марксистов?

А что patres conscripti обнаружили в этом случае большую недогадливость, это как будто следует также и из резолюции о партийной школе. В комитет из 9-ти лиц, назначенный для организации такой школы за границей, выбраны: 1 латыш, 1 поляк, 1 бундист, 2 меньшевика, 2 большевика и 2 представителя из группы «Вперед», т.-е. из той группы, которая, — согласно крайне дурно выраженному, но все-таки правильному мнению пухлой резолюции, — есть не более, как «проявление буржуазного влияния на пролетариат». Зачем понадобилось это «влияние»? Неужели для беспристрастия? Воля ваша, читатель, а я подобного беспристрастия одобрить не могу. По-моему, социал-демократ должен бороться с буржуазным влиянием, а не отворять ему дверь в наши партийные комитеты.

Известно, что Пушкин дал, можно сказать, анатомический ответ на вопрос о том, почему в Академии Наук заседал князь Дундук. Но мы

[1]) Курсив мой. — *Г. П.*

не можем признать себя удовлетворенными, когда нам скажут, что представители группы «Вперед» заседают в названном комитете единственно потому, что имеют анатомическую возможность сесть. Мы хотели бы знать, какую пользу принесут *анархо-синдикалисты* в комитете, организующем дело преподавания в *социал-демократической* школе? Да что там «хотели бы знать»! Скажу прямо: в деле организации социал-демократической школы анархо-синдикалисты просто-напросто вредны. Я отнюдь не проповедую какого бы то ни было стеснения свободы мысли и слова. По-моему, каждый имеет право думать то, что он хочет, и говорить то, что он думает. Пользуясь этим правом, я думаю, что нам с анархо-синдикалистами не по дороге, и я прямо высказываю то, что я думаю. А что касается нашего ЦК, то он, как видно, думает иначе: он полагает, что социал-демократы должны итти вместе с анархо-синдикалистами. Или, по крайней мере, он дает понять это своими поступками. Но разве же не ясно, что это огромная ошибка?

Или, может быть, ЦК собирается назначить особую комиссию, которая примет меры для того, чтобы обезвредить пребывание анархо-синдикалистов в комитете, заведующем школой? Невозможного тут нет. Но посмотрите, что у нас выйдет: сосчитайте, сколько комиссий придется назначить нашему ЦК: 1) комиссия для обезврежения ликвидаторов, которые так сильны и влиятельны, что их побоялись даже назвать в резолюции, обозначившей их деятельность как «проявление буржуазного влияния»; 2) комиссия для сведения на нет вредного влияния литературно-издательского предприятия группы «Вперед»; 3) комиссия для обезврежения деятельности представителей той же группы в школьном комитете. И в каждую из этих комиссий войдут «для беспристрастия» представители ликвидаторов и анархо-синдикалистов. А вследствие этого для обезврежения деятельности этих комиссий придется назначить новые комиссии и т. д. и т. д. Получится нечто гораздо более сложное, чем администрация, учрежденная в своем имении полковником Кошкаревым (см. II часть «Мертвых душ»): тот, как известно, мог ограничиться назначением «комиссии наблюдений над комиссией наблюдений». Наши patres conscripti так дешево не отделаются. Сами виноваты: слишком увлеклись кружковой дипломатией и упустили прекрасный случай поставить партийное об'единение на прочную основу, т.-е. на фундамент идейного единства.

Теперь нам более, чем когда-либо, нужна ясность. Отсутствие ясности в разобранной выше пухлой резолюции, боязнь назвать существующее в нашей партии двоякое зло его настоящим двойным именем по-

ведет только к новой путанице понятий, которая на этот раз будет процветать под знаком партийного об'единения. Чтобы пояснить это, я сделаю маленькое отступление.

В № 1 только что появившейся рабочей газеты «Пролетарское Знамя» помещен «Ответ тов. Марье», подписанный: «Редакция». Там говорится, что тов. Марье, «как и большинству рабочих и работниц, непонятно: почему с таким ожесточением, например, тов. Плеханов «порет кошек» и каких именно кошек? и, наконец, что же это за странное занятие изволил себе избрать такой почтенный и стоящий всякого уважения товарищ?»... Все это не для тов. Марьи».

Оставляя в стороне тов. Марью, я замечу, что редакция неправильно передала мое выражение, поставленное ею, однако, как будто для точности, во вносные знаки. На вопрос, — впервые выдвинутый тоже, если память мне не изменяет, одним рабочим и повторенный г. Богдановым в открытом письме ко мне, — на вопрос о том, почему я не занимался до сих пор разбором философии Маха, я отвечал французским выражением: «j'avais d'autres chats à fouetter». В буквальном переводе это значит (и я пояснил это): «должен был сечь других кошек», а на самом деле это значит, что у меня были другие, неприятные для меня, занятия. Затем, обращаясь к г. Богданову, я сказал, что он и сам знает, как много других кошек приходилось мне сечь в последнее время. Но на всякий случай, имея в виду читателей, несколько беззаботных насчет литературы, я прибавил, что мне пришлось выступать, между прочим, против единомышленника г. Богданова, А. Луначарского, вздумавшего рекомендовать русским читателям сочинения итальянского анархо-синдикалиста Артуро Лабриолы, которого он выдавал за марксиста. Я допускаю, что моя полемика с анархо-синдикалистами, равно как и с идеалистами разных оттенков, была не для тов. Марьи. И мне очень жаль, что полемика эта оказалась также и не для редакции «Пролетарского Знамени» [1]). Как знать? Полемика эта, может быть, выяснила бы этой редакции, что нельзя впрячь в одну телегу марксизм и анархо-синдикализм. Людям, берущимся за перо, очень не мешает знать это, особенно, когда они говорят в интересах пролетариата и даже от его имени. Если бы редакция «Пролетарского Знамени» знала, до какой степени марксизм не совместим с анархо-синдикализмом, то

[1]) Т.-е., собственно, не для того ее члена, которым был написан «Ответ т. Марье».

она не увидела бы ничего «странного» в том моем занятии, которое состояло в полемике с анархо-синдикалистами. Что же касается выражения: «d'autres chats à fouetter», то смею уверить читателя, что по-французски оно отнюдь не имеет того грубого вида, который оно получило в русском переводе, сделанном названной редакцией и напечатанном отчасти курсивом. Как видите, возможное недоумение тов. Марьи и несомненное недоумение редакции «Пролетарского Знамени» об'ясняется весьма просто: это недоумение, — впрочем, как и всякое другое, — есть плод непонимания. Но когда непонимание простирается до того, что для непонимающего исчезает всякая граница между марксизмом и анархо-синдикализмом, тогда оно становится слишком уже вредным. Наш Центральный Комитет, говоря о положении дел в партии, *обязан* был обратить внимание товарищей на опасность, выходящую из такой путаницы понятий. А он не только не *обратил* на нее внимания, но, напротив, *отвратил* их внимание от нее, об'явив литературную деятельность анархо-синдикалистов одним из проявлений литературной деятельности нашей партии. После этого нельзя будет удивляться, если редакция «Пролетарского Знамени» и впредь будет утверждать, что группа «Вперед», это — «*опальные большевики и только*» [1]). Формально она будет права.

Кружковая дипломатия никогда к добру не приводила. И мне даже странно представить себе ее на службе партийного единства.

Раз заговорив о кружковой дипломатии, я не могу не упомянуть об одном из самых неожиданных (для очень многих кружковых дипломатов) ее последствий. Когда я приглашал товарищей-«меньшевиков», осуждавших вредную деятельность ликвидаторов, размежеваться с этими последними, мне очень часто возражали, что с этим не нужно торопиться и что это, во всяком случае, должно быть сделано как можно мягче и без всякого шума. Люди, рассуждавшие так, руководились соображениями кружковой дипломатии: они боялись, что споры с ликвидаторами ослабят значение «меньшевизма». Что же вышло? В комитет для заведывания партийной школой выбрано, — кроме представителей национальных организаций, — 2 меньшевика, 2 большевика и 2 представителя группы «Вперед». А так как группа эта тоже вышла из среды большевиков, то, значит, «большевизм» в широком смысле этого слова дал четырех представителей, между тем как «меньшевизм»

---

[1]) См. в указанном № «Пролетарского Знамени» ст. «Из партийной жизни», подписанную «С. Г.». Курсив автора этой статьи.

должен был ограничиться двумя. Как же не воскликнуть: «да здравствует кружковая дипломатия!»

Подводя итог всему сказанному выше, я повторяю, что резолюции, принятые ЦК, не принесут той пользы, которую они могли бы принести, если бы он обнаружил больше последовательности мысли и решительности действий. Но очень ошибся бы тот, кто, ввиду его непоследовательности и нерешительности, подумал бы, что вообще не нужно придавать значения резолюциям, принятым на последнем пленарном заседании нашего ЦК. Нет! Значение их все-таки очень велико, хотя оно и остается только *возможным* значением, т.-е., хотя оно пока еще и не стало *действительным*. Значение это определяется двумя словами: *уничтожение фракций*. Я не знаю, будут ли фракции уничтожены на самом деле: потому-то я и говорю, что резолюции, принятые ЦК, имеют большое значение лишь в возможности. Но если бы я был уверен, что они в самом деле уничтожены, то я сказал бы: отныне начинается новая эпоха в жизни нашей партии. И я посоветовал бы не только поскорее оттащить на политическое кладбище обеих покойниц, но и вбить каждой из них осиновый кол в спину, — так, чтобы она больше не вставала.

В современном социализме везде наблюдаются разные идейные оттенки. Главнейшими из них надо признать революционный марксизм, с одной стороны, и ревизионизм — с другой. Эти два оттенка вели и ведут между собой упорную идейную борьбу, — до такой степени упорную, что редакция «Пролетарского Знамени» прочитала бы спорящим сторонам самую строгую нотацию, если бы следила за иностранной социалистической литературой. Но ни в одной стране ни одно из спорящих между собой идейных течений социализма не складывалось в особую организацию, не составляло партии внутри партии. Ни в одной — кроме России. У нас идейные разногласия вызвали к жизни две фракционные организации, которые, позабыв о своей принадлежности к одной и той же партии, «подсиживали» одна другую с изумительной настойчивостью и неутомимо возводили одна на другую, — увы! нередко тоже в интересах кружковой дипломатии, — обвинения более или менее уголовного свойства. В результате, естественно, получилось то, что Маркс назвал бы фракционным кретинизмом. Сталкиваясь с известным явлением партийной жизни, человек спрашивал себя не о том, как подействует это явление на дальнейшее развитие нашей социал-демократии, а о том, какую пользу или вред принесет оно *его* фракции. Каждый правоверный член каждой из двух фракций имел двойную мерку: с помощью одной

он судил о поступках членов своей фракции; с помощью другой — о действиях «товарищей», принадлежавших к противному лагерю. Не подлежит никакому сомнению, что даже наше пресловутое ликвидаторство явилось плодом фракционного кретинизма. Обстоятельства сложились так, что значительная часть «меньшевиков» оказалась за пределами партии. Это произошло не в силу какого-нибудь предвзятого *мнения*, а в силу более или менее определенного *настроения:* усталости, отвращения к фракционным дрязгам и т. п. Сами «меньшевики» в течение некоторого времени характеризовали это бегство из партии как продукт свойственного многим из них гамлетизма. Но как бы там ни было, а факт тот, что соотношение сил *внутри партии* грозило стать надолго, а может быть, и навсегда совершенно неблагоприятным для меньшевиков. Поэтому то, что первоначально вызывалось настроением, стало возводиться в принцип. Не имея ни малейшей склонности оставаться «всегда в меньшинстве», кружковые дипломаты «меньшевизма» быстро сообразили, что в большинстве они могли бы оказаться только в том случае, если бы были разрушены рамки нашей партийной организации. Отсюда тенденция к их разрушению. Но так как неловко же открыто проповедывать разрушение своей собственной партии, то *желаемое* стали изображать, как *уже совершившееся,* и притом совершившееся не по нашей вине, а вследствие неотвратимого хода исторического развития. Этим об'ясняется обилие появившихся в «Плодах меланхолии»... виноват, в «Голосе социал-демократа» корреспонденций, в которых постоянно и монотонно возвещалось о том, что партийных организаций нет, партийной работы нигде не ведется, сознательные рабочие относятся отрицательно к партии и т. п. Интерес части пришел в столкновение с интересом целого и подчинил его себе. Это уж очень хороший образец фракционного кретинизма. Но, — невероятно, а факт! — дело на этом не остановилось. Многие «меньшевики», восставшие против ликвидаторства, боялись громко возвысить против него голос ввиду того, что этою секретною болезнью страдала именно их, «меньшевистская», фракция. Это Геркулесовы столбы, в виду которых нельзя не обрадоваться принятому ЦК решению о разрушении фракций, как великому освободительному действию... по крайней мере, в возможности. И позволительно надеяться, что в данном случае возможность скоро перейдет в действительность. Единогласно принятая всеми членами ЦК резолюция свидетельствует о большой искренности враждовавших между собой братьев. Она сообщает о закрытии «Пролетария» и обещает закрытие «Голоса социал-демо-

крата». Так как членами ЦК являются также представители «меньшевиков», принадлежащих к оттенку «Голоса», то выходит, что и эти товарищи проникнуты теперь сознанием вреда, приносимого нашей социал-демократии фракционным кретинизмом. Ведь что такое «Голос социал-демократа» для «меньшевиков» известного направления? Это их фактический фракционный, — и притом безответственный, — центр. Подав голос за резолюцию, в которой обещается закрытие «Голоса» (извините, читатель, невольный каламбур), наши «меньшевики» — члены ЦК — принесли на партийный алтарь, можно сказать, сердце своей фракции. Скептик скажет, что не всякое обещание исполняется. Но, повторяю, мы не имеем права думать, что товарищи, давшие это обещание, были неискренни [1]).

Наша социал-демократия росла, крепла и одержала много блестящих побед в такое время, когда *еще не было* ни «большевиков», ни «меньшевиков». Она будет расти, крепнуть и одержит много блестящих побед, когда *уже не будет* ни тех, ни других. «Меньшевизм» и «большевизм» были жестокими болезнями ее юности. Теперь эти болезни как-будто проходят. Тем лучше! Это значит, что мы приближаемся к зрелости.

Стащив на политическое кладбище наши фракции, мы вместе с ними закопаем в могилу и те, поистине преступные, кружковые соображения, благодаря которым мы не решались энергично восставать против зла, когда оно выходило из среды нашей фракции. Поэтому тогда начнется эпоха новой группировки сил в пределах единой Российской Социал-Демократической Рабочей Партии: не стесняемые нелепыми фракционными предрассудками, революционные марксисты станут лицом к лицу с оппортюнистами всех видов и разновидностей, и от этого, конечно, не поздоровится именно оппортюнистам.

Уничтожение фракций далеко не означает собою примирения между революционным марксизмом, с одной стороны, и оппортюнизмом — с другой. Совершенно напротив. Оно в огромной степени углубит эту

---

[1]) Влияние фракционного кретинизма приведет, может быть, к тому, что самоотверженный шаг «голосистов», голосовавших за закрытие «Голоса», встретит осуждение в среде сторонников этого органа. Из одного швейцарского города мне пишут, что там уже начинается агитация *против* закрытия «Голоса», т.-е. против уничтожения фракции, т.-е. *за* сведение к нулю самого главного из возможных результатов пленарного заседания ЦК. Сама редакция «Голоса», конечно, постарается положить конец этой вредной агитации.

борьбу. То генеральное межевание, к которому я приглашал своих товарищей, только теперь получает полную и всестороннюю возможность совершиться на практике в своем истинном, т.-е. не в фракционном, не в кружковом, не в кумовском, а в широком идейном, смысле. Только теперь многие из наших товарищей получают психологическую возможность усвоить ту несомненную истину, что ревизионист (теоретический или практический), приютившийся в лагере меньшевиков, ничем не лучше ревизиониста, путающего понятия большевиков. Против них обоих должны соединить свои усилия «ортодоксы», принадлежавшие к каждой из двух уничтоженных теперь фракций. В этом только и может заключаться великая выгода уничтожения фракционных курятников. Это надо помнить вообще. Это надо помнить, в частности, готовясь к предстоящей партийной конференции. Выборы представителей на нее должны произойти под знаком теснейшего взаимного сближения всех «ортодоксов», к какому бы лагерю они ни принадлежали прежде, для борьбы с российскими ревизионистами, которые слишком хорошо воспользовались нашим партийным разладом для того, чтобы укрепить как свои теоретические позиции (усиленная пропаганда идеализма, синдикализма и нового религиозного откровения, с одной стороны, а с другой — ретроспективное ликвидаторство, доходящее до фальсификации истории нашей революционной мысли [1]), так и свое влияние в области практического действия. Нужно, чтобы конференция громко и решительно крикнула этим господам свое «Quos ego!»; нужно, чтобы она, говоря о них, отбросила, как недостойный революционеров, тот робкий, неясно-дипломатический язык, которым написана разобранная выше резолюция о положении дел в партии.

Переходя к другим резолюциям, обращаю внимание товарищей на то место резолюции о созыве очередной общепартийной конференции, где сказано: «ЦК признает необходимым дополнительное представительство от социал-демократических групп в легальном движении, готовых установить прочную организационную связь с местными партийными центрами». В практическом отношении это самое важное место резолюции. Надлежащее осуществление выраженной здесь мысли может нанести жестокий удар оппортюнистическому «ликвидаторству». И наоборот: при невнимательном отношении к нему с нашей стороны «ликвидаторы» могут сделать тут для себя удобную лазейку.

---

[1]) Об этом смотри ст. «Комедия ошибок» в № 10 «Дневника» и приложение к тому же номеру. [См. выше, стр. 38.]

Девятый пункт резолюции, озаглавленный «Устав ЦК», вызывает у меня вопрос, на который я, впрочем, решительно не могу ответить: Будут ли им довольны заграничные группы? Предупредит ли он возобновление той батрахомиомахии, которая еще так недавно и так ожесточенно велась именно вокруг этого пункта? Будем надеяться, что — да.

В резолюции о Копенгагенском международном с'езде есть место, касающееся лично меня. Она говорит: «Представителями партии в Международное Бюро единогласно выбраны тт. Г. В. Плеханов и Н. Ленин». По этому поводу я считаю нужным заметить следующее.

Я был представителем нашей партии в Международном Социалистическом Бюро до нашего Лондонского с'езда 1907 года. На этом с'езде я подал в отставку, так как ввиду некоторых его решений я считал, что я уже не могу представлять нашу партию перед лицом международного пролетариата. Не вижу надобности скрывать теперь, что меня больше всего смущало тогда недостаточно решительное осуждение с'ездом так называемых экспроприаций. Теперь причина, побудившая меня к отставке, упразднена, можно сказать, самой жизнью. Но я все-таки не вижу надобности воспользоваться честью, оказанной мне нашим ЦК. Дело представительства в Международном Бюро, в сущности, так несложно, что для него достаточно и одного человека.

Этим я пока заканчиваю свои замечания о резолюциях, принятых на пленарном заседании ЦК.

Август Бебель

22 февраля весь сознательный международный пролетариат праздновал семидесятилетие Августа Бебеля. О значении деятельности этого замечательного человека писано было на разных языках так много, что я не вижу надобности распространяться о ней. Скажу кратко: Бебель велик преимущественно как тактик. А в этой области его величие заключается в том, что он, всегда оставаясь революционером до конца ногтей, никогда не подчинялся влиянию революционной фразы. Он был вполне достойным учеником Маркса и Энгельса.

На предстоящей теперь партийной конференции будет рассматриваться, между прочим, вопрос о профессиональных союзах. Я напомню товарищам, с какой осторожностью относится к этому вопросу гениальный тактик Бебель. Ему он посвятил особую брошюру, которую я усиленно рекомендую читателям.

Запутанное об'яснение

(К истории нашего ликвидаторства)

Есть речи — значенье
Темно иль ничтожно,
Но им без волненья
Внимать невозможно.

М. Лермонтов.

Новое официальное «раз'яснение»! Как и все прочие, оно не только ничего не раз'ясняет, но, напротив, еще более запутывает вопрос, подлежащий раз'яснению. И на этот раз туман, выдаваемый «раз'яснением» за об'яснение, достигает лондонской густоты.

В № 11 ЦО нашей партии напечатано чрезвычайно поучительное письмо члена Центрального Комитета И., опровергающего одно из весьма серьезных показаний тов. Алексея Московского. (См. письмо последнего в № 10 «Социал-демократа».)

Эпистола члена Центрального Комитета И. наводит на многие размышления.

Во-первых, странно вот что. Он говорит о подлинном тексте письма тов. Алексея Московского. Какой же это подлинный текст? Тот ли, который был напечатан в № 10 «Социал-демократа»? Очевидно, нет. А если нет, то на каком же основании редакция ЦО напечатала неподлинный текст? Допустим, что это было сделано по «конспиративным» соображениям. Но в таком случае редакция должна была оговориться, указав, какие именно места подлинного письма были изменены ею в силу необходимости. Она предпочла промолчать, вследствие чего мы остаемся в полной неизвестности насчет того, сколько именно переделок «подлинного» письма совершено было ею. Это очень неудобно вообще и это особенно неудобно в деле такой важности, как обвинение

одного из членов нашего ЦК в том, что член этот «предлагал распустить все». Говорят, слово есть серебро, а молчание золото. В данном случае это, очевидно, не так. Но как бы там ни было, а несомненно, что в «подлинном письме» назван был именно тов. И. Почему редакция ЦО, совершившая указанную переделку этого письма, тогда же не довела до сведения тов. И. о выдвинутом против него тяжелом обвинении? А если она сделала это, то почему он не напечатал своего письма в том же № нашего ЦО, в котором появилось письмо тов. А. Московского? Может быть, он надеялся на то, что «подлинное» письмо не «обратит на себя внимания многих партийных товарищей»?

Если — да, то его надежда была довольно основательна. В самом деле, ведь интересующее нас место «подлинного письма» не было напечатано. Поэтому вполне позволительно было надеяться, что оно останется неизвестным «многим партийным товарищам». Я и до сих пор не могу с уверенностью сказать, каким образом «многие партийные товарищи» узнали то, чего им знать, очевидно, не полагалось. Евангелие говорит, что все тайное станет явным. Это, может быть, и так. Но все-таки мне интересно было бы выяснить себе, каким именно образом тайное сделалось явным в этом случае. У меня есть на этот счет одна гипотеза, кажущаяся мне весьма вероятной, но я не буду торопиться с нею: слово принадлежит начальству [1]).

Вся остальная часть письма представляет собою чрезвычайно ценный материал для истории нашего ликвидаторства. В марте 1908 г., — т.-е. в то самое время, когда г. Потресов уже заготовлял бумагу и перья для того, чтобы писать свое ретроспективно-ликвидаторское «*сочинение*» по истории нашей общественно-политической мысли, — в марте этого года, все, кроме тов. И., «члены ЦК-меньшевики ушли, кто без мотивов, кто с мотивированным заявлением». Не знаю, как вы, читатель, а я нахожу, что те члены ЦК, которые «ушли без мотивов», как две капли воды похожи на «ликвидаторов». По правде сказать, не лишен был сходства с «ликвидаторами» и последний из могикан «меньшевизма» в ЦК, товарищ И. Он находит, что его тогдашнее положение

[1]) Гипотеза моя основана вот на чем. В том списке письма т. А. Московского, который есть у меня (уж не этот ли список признан «подлинным»?), т. И. называется по имени. Об этом я довел до сведения одного из членов ЦК, прибавив, что по этому поводу я готовлю запрос нашему ЦК. Пока довольно. Sapienti sat

«было чрезвычайно ложным и даже прямо нелепым». Я прибавлю, что оно напоминает ложное и даже прямо нелепое положение Буриданова осла, не знавшего, к какой вязанке сена следует ему обратиться для утоления своего голода. Одной из двух вязанок сена представлялось тов. И. решение, которое «побудило бы и других меньшевиков-кандидатов войти в ЦК», а другая состояла в отказе «на время от участия в ЦК». Товарищ И. как будто не догадывается, что «отказаться на время от участия в ЦК» значило... стать на время ликвидаторами. Он напирает на то, что с целью найти выход из своего «чрезвычайно ложного и даже прямо нелепого положения» он имел свидание с четырьмя меньшевиками из *партийной* организации (курсив его). И этим четырем меньшевикам он предложил одну из двух известных нам вязанок сена. Стало быть, правду говорят, что нет дыма без огня; стало быть, не все же лишено основания в письме т. А. Московского. Товарищ И. «заявляет категорически, что сообщение Алексея Московского не соответствует истине». Но из его же собственных слов выходит, что сообщение названного товарища, наоборот, *очень близко к ней*. Ведь если одна из двух вязанок сена состояла в предложении отказаться от участия в ЦК, то это значило, что т. И. считал возможным «распустить все»: кто разрушает сердце, тот разрушает весь организм. Положим, что это была только одна из двух возможностей, но достаточно и того, что она была. Притом же мы не знаем, какая из этих двух возможностей более привлекала к себе т. И. Он молчит об этом, находя роль Буриданова осла самой удобной. Но его молчание ровно ничего не доказывает.

А что ответили т. И. виденные им четыре меньшевика из *партийной* организации?

«После моего доклада и обмена мнений, — продолжает т. И., — мне было заявлено, что вопрос об участии или неучастии меньшевиков в ЦК не настолько важен, чтоб для его решения стоило посылать человека и тратить деньги».

Видите ли: не настолько важен! Опять скажу: не знаю, как думаете вы, читатель, а, по-моему, меньшевики, рассуждавшие таким образом, были, как две капли воды, похожи на ликвидаторов.

Что обвиняемый виновным себя не признает, это случается сплошь да рядом. Но очень редко случается, чтоб обвиняемый своими собственными показаниями топил себя так, как топит т. И.

Он продолжает состоять членом нашего ЦК. Если в этом почтенном учреждении много единомышленников этого товарища, то совсем

не удивительно, что в хорошо известной теперь читателям резолюции о положении дел в партии ликвидаторство не заклеймено тем именем, которое уже принадлежит ему в нашем словесном обиходе. Гоголь говорит правду: «начальство имеет свои виды».

P. S. С нетерпением жду нового письма т. А. Московского: оно, наверно, многое раз'яснило бы нам в «раз'яснении» т. И. Впрочем, по здравому рассуждению выходит, что дело это и теперь довольно ясно, хотя и не по вине т. «раз'яснителя».

СТАТЬИ ИЗ ГАЗЕТЫ «СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТ»

В защиту «подполья»

Революционное подполье всегда было ненавистно реакционному надполью. Это вполне понятно. Ненавидя революционное подполье, реакционеры из надполья повиновались инстинкту самосохранения. Люди более или менее либерального образа мыслей некогда имели обыкновение любезно улыбаться при встречах с героями подполья; однако искренней любви они никогда к ним не питали. Скорее наоборот: они всегда недолюбливали их, испытывая по отношению к ним то чувство, которое Базаров в «Отцах и детях» Тургенева внушал дядюшке Кирсанову. Когда *борьба поколений* («отцов и детей») сменилась у нас более или менее ясно выраженной и более или менее сознательной *борьбой классов,* либеральные Кирсановы довольно быстро повернулись спиной к революционерам Базаровым и перестали скрывать свою нелюбовь к «подпольным» нравам этих последних. К ним тотчас же присоединились в этом случае всевозможные полу-социалисты, дорожащие легальностью больше всего на свете. В этом тоже нет ничего удивительного. Ни либеральные Кирсановы, ни полу-социалисты органически неспособны проникнуться тем революционным настроением, которое необходимо для того, чтобы пойти в подполье и вынести свойственные ему иногда поистине ужасные условия жизни и деятельности. Революционное настроение всегда казалось и кажется им признаком политической неразвитости. Дипломатические переговоры с каким-нибудь Треповым или обмен «парламентских» тостов с каким-нибудь д'Эстурнель-де-Констаном всегда представлялись и представляются им несравненно более надежным залогом торжества политической свободы, нежели «подпольная» деятельность революционеров. Но вот что странно: в последнее время у нас начинают глумиться над «подпольем» даже те, которые сами принадлежат или, по крайней мере, еще недавно принадлежали к числу его граждан. Один из органов «беззаглавных» политиков заметил однажды, что у нас существует теперь «подпольное» издание, поставившее себе целью доказать, что не нужно никакого

«подполья». Больше того: та мысль, что даже революционеры могут и должны смеяться над революционным «подпольем», начинает приобретать у нас прочность предрассудка. Выражаясь так, я хочу сказать, что мысль эта распространяет теперь свое влияние даже на таких людей, которые усвоили ее, повидимому, без всякой критики и никогда не задумывались над ее огромным отрицательным значением. Приведу маленький, но, по-моему, весьма характерный пример.

Несколько времени тому назад я получил «альманах», озаглавленный «Бывшие люди». Он составлен с несомненным знанием внутренних отношений нашего «подпольного» мира. Альманах осмеивает все идейные оттенки, все фракции и полу-фракции нашей партии. И не только нашей. От него достается также социалистам-революционерам. И в этом нет ровно ничего дурного. Плохо рекомендуют себя те, которые не любят смеха. Недаром Фейербах говорил, что смехом человек отличается от животного. Эразм Роттердамский, Вольтер и наши «свистуны» 60-х годов оказали своим смехом незабвенные услуги делу прогресса. И все-таки надо помнить, что смех смеху рознь. Вольтер, защищавший веротерпимость, едко смеялся над поповским фанатизмом; но ему в голову не приходило смеяться над веротерпимостью. А если бы он прибавил насмешки над нею к своим насмешкам над диким поповским фанатизмом, он превратился бы из прогрессивного деятеля в простого зубоскала. То же, конечно, и с нашими «свистунами». Герцен очень ошибся, вообразив, будто они склонны насмехаться надо всем на свете. На самом деле они насмехались только над тем, что отжило свой век и загораживало дорогу прогрессивным стремлениям времени. Человек, способный насмехаться надо всем, лишен всякого положительного содержания и потому сам заслуживает злой насмешки. Достоин уважения только тот смех, который служит человеку оружием в борьбе за дорогие для него убеждения.

Дорожат ли какими-нибудь убеждениями издатели альманаха «Бывшие люди»? Мне это не известно, так как я лишен удовольствия знать этих издателей. Но мне очень жаль, что они имеют весьма ошибочный взгляд на революционное подполье. У них напечатана «Колыбельная песнь», автор которой, убаюкивая «подрастающего пролетарца» говорит, что этот последний с возрастом скоро сам поймет подпольный мир. А мир этот характеризуется в песне, например, таким образом:

Как обставишь от Урала
С'ездовский мандат —
На тебя все генералы
Взоры обратят.

Твердокамен, как овечка,
И крепонек лбом,
К редакцьонному местечку
Доползешь ужом.

и т. д.

Стихи, как видите, из рук вон плохие. Усечение вроде «редакцьонного» свидетельствует о том, что автор песни очень слаб в версификации, а неуклюжий эпитет «твердокамен» в применении к овечке показывает, что слабый версификатор не весьма силен и по части логики: с каких же это пор овечки стали «твердокаменны»? Но дело не в том, что стихи эти из рук вон плохи, а в том, что эти плохие стихи заключают в себе до последней степени искаженное изображение «подпольного» мира. Что в этом мире есть экземпляры, «доползающие ужом» к редакционным местечкам, это, к сожалению, неоспоримая истина. Справедливо и то, что там встречаются персонажи, о которых с полным правом можно сказать, что они крепоньки лбом. Но где же не встречаются такие персонажи? Ведь и в греческой армии, осаждавшей Трою, вместе с божественным Ахиллом и «великим Патроклом» участвовал также и «презрительный Терсит». Весь вопрос в том, только ли Терситы встречаются в революционном «подполье». И они ли характеризуют собою «подпольный» мир?

К тому же надо иметь в виду еще и вот что. Если человек старается «проползти ужом», скажем, к местечку частного пристава, то он, очевидно, руководствуется инстинктом хищничества. А если он «проползает» к месту редактора «подпольного» издания, то инстинкт хищничества в нем, очевидно, очень слаб: на этом местечке не разживешься. Чем же руководствуется человек, который, допустим, в самом деле «проползет ужом» к такому местечку? Ясно, что преимущественно тщеславием. Тщеславие, — нечего и говорить, — огромный недостаток. Но чем же тщеславится в данном случае такой человек? Тем, что он занимает видное место в деле служения революционной идее. Выходит, что и Терситы бывают очень разные: *надпольные* — стремятся к наживе; *подпольные* — тщеславятся пользой, приносимой ими великому движению. Терсит, да не тот, — как бывает Федот, да не тот. Маркс, воевавший когда-то с недостатками деятелей германского революционного мира, справедливо замечает, однако, что мир этот все-таки стоит несравненно выше так называемого общества. Об этом забывают у нас многие из тех, которые любят называть себя марксистами.

В одной из своих басен Крылов очень резко отзывается о критике, «который лишь имеет дар одно худое видеть». Я невольно вспомнил об этом критике, прочитав «Колыбельную песнь». Автор ее как будто и не подозревает того, что наше революционное «подполье» имеет чрезвычайно светлые стороны.

Наша мачеха-история издавна загоняет в «подполье» огромное большинство тех благородных людей, которые не желают, по энергичному выражению Рылеева, «позорить гражданина сан». И именно потому, что она загоняет в него огромное большинство таких людей, оно издавна играет чрезвычайно благотворную роль в истории умственного развития России. А в последнюю четверть века его благотворное влияние очень явственно сказалось также и в нашей практической жизни.

Возьмем хотя бы эпоху 60-х годов. В революционном «подполье» и тогда встречались, разумеется, весьма некрасивые представители человеческой породы: где есть люди, там дело никогда не обходится и без человеческих слабостей. Но в революционное «подполье» спускался по временам М. И. Михайлов; из революционного «подполья» раздавался могучий звук герценовского «Колокола». Кто не вспомнит об этом, говоря о революционном «подполье» 60-х годов, того по всей справедливости нужно будет признать критиком, имеющим «дар одно худое видеть».

Но «подпольной» печати 60-х годов все-таки свойственна та особенность, что она, говоря вообще, еще не опередила левого крыла легальной печати и даже отчасти отставала от него. При всем уважении к огромному таланту и блестящей публицистической деятельности издателя «Колокола», нельзя не признать, что Чернышевский и Добролюбов ушли дальше его в своем *легальном* «Современнике». В 70-х годах дело приобретает другой оборот: нелегальная печать опережает легальную. Если вы хотите убедиться в этом, то сравните легальное народничество того времени с нелегальным: вы без труда увидите, насколько первое уступало второму в смелости, последовательности и ясности мысли. Когда критика жизни свела к нулю наше нелегальное народничество, тогда наши легальные народники стали путаться в самых жалких и плоских противоречиях, а некоторые из них, — например, уже покойный теперь, хотя все еще, слава богу, здравствующий г. В. В., — сделались настоящими, правда непоследовательными, реакционерами. Это также должен помнить всякий критик, не желающий уподобиться крыловскому.

А 80-е и 90-е годы? В первой половине 80-х годов только что появившиеся тогда русские социал-демократы ведут с народовольцами жаркий спор по вопросу о том, может или не может Россия миновать капитализм. Спор этот ведется в «*подпольной*» печати. В легальную печать он проникает лишь 10 лет спустя. Это означает, что легальная печать отстала тогда от нелегальной на целое десятилетие. Другими словами, это показывает, что «подпольный мир» пролагал тогда дорогу русской общественно-политической мысли. Тому, кто претендует на знание этого мира, непременно должно быть известно это обстоятельство.

Вспомните, наконец, о десятилетии, непосредственно предшествовавшем взрыву 1905—1906 годов. В идейном отношении десятилетие это можно назвать эпохой все более и более сильного расслоения марксизма, окончательно восторжествовавшего тогда над народничеством. В марксизме появляются два течения: одно «критикует» Маркса; другое отстаивает «ортодоксию». Первое склоняется к легализму, хотя и не имеет возможности вполне избегнуть «нелегальщины» (газета П. Струве «Освобождение» и союз «Освобождение»); второе скоро оказывается вынужденным почти всецело уйти в «подполье». Какое же из этих двух направлений выражало более передовые общественные стремления? Ответить не трудно. Достаточно сказать, что склонные к легализму «критики» Маркса не замедлили превратиться в идеологов более или менее, — *и скорее менее, чем более,* — передовой буржуазии, между тем как нелегальные «ортодоксы» явились идеологами революционного пролетариата.

Во всей Европе нет, кроме Польши, другой страны, в которой революционное «подполье» сыграло бы такую же важную *идейную* роль, какая выпала ему на долю в России. И мы позабудем об этом, мы станем изображать подполье чем-то вроде новой разновидности темного царства, средой ограниченности и карьеризма, не способной привлечь к себе никого, кроме «крепоньких лбом» овечек и «ужей», ползущих к «редакционным» местам? Нет, это не достойно революционеров! Пусть поступают так критики, имеющие «дар лишь одно худое видеть».

Белинский спрашивал когда-то, обращаясь к неразумным хулителям философии: «Почтеннейшие, за что такая ненависть к философии? Или хорош виноград, да зелен — набьешь оскомину? Перестаньте подрывать у дуба корни, поднимите ваши глазки вверх, если только вы можете поднимать их вверх, и узнайте, что на этом-то дубе растут ваши жолуди»...

Подобно этому можно спросить теперь: «За что такая ненависть к революционному «подполью»? Или хорош виноград, да зелен — набьешь оскомину?» И это в самом деле так. На революционное «подполье» очень не редко нападают теперь именно те, которые просто-напросто не способны к революционной деятельности: они устали, им хочется отдохнуть, им уже не по силам тяжелое и беспрерывное подвижничество самоотверженных деятелей «подполья», они спешат превратиться в мирных обывателей, и вот они подрывают корни того дуба, жолудями которого они сами некогда питались; и вот они бегут из «подполья», стараясь уверить себя и других, что их бегство из него есть не измена делу, а лишь постановка его на более широкую основу. Но, смеясь над революционным «подпольем», эти несчастные на самом деле смеются лишь над самими собой.

Прошу заметить, что я отнюдь не причисляю к этим несчастным автора вышеназванной «Колыбельной песни». Кажется, он виноват только тем, что без собственного ведома поддался очень распространенному теперь настроению. Притом же его «Колыбельная песнь» до такой степени слаба, что о ней решительно не стоило бы говорить, если бы характерное для нее отношение к подполью не было печальным знамением «текущего момента». В некоторых кругах нападки на «подполье» считаются теперь признаком хорошего политического тона. Вот почему пора восстать против этого настроения, пора показать, что в этом тоне нет ровно ничего хорошего, пора крикнуть господам, осмеивающим нынешние попытки революционеров воскресить «подпольные» организации:

Над чем смеяться вздумали, глупцы!
Опошлить чувство вздумали какое!

В только что полученном мною № 53 «Речи» я прочел заметку: «Сенат о народно-социалистической партии», показывающую, что, — как этого и следовало, впрочем, ожидать, — даже эта кроткая из кротких партия не может добиться своей легализации при нынешнем режиме. Тем менее шансов на это у социал-демократии, т.-е. у партии революционного пролетариата. Чхеидзе прекрасно сказал в Государственной Думе (заседание 20 февраля), что мы переживаем время, когда сильнее, чем когда бы то ни было, организуются и мобилизуются темные силы реакции. Эти темные силы лишают пролетариат огня и воды, и если сознательные элементы нашего рабочего

класса хотят дать им хоть некоторый отпор, они *должны* итти в «подполье».

Говорят, что область подпольной деятельности до последней степени узка, что в ней негде развернуться, нельзя найти простор для большого политического таланта. И я, разумеется, прекрасно понимаю, что удобнее заниматься социал-демократической агитацией во Франции, Англии, Бельгии и даже Германии и Австрии, нежели в России. Но и тут точно так же, как в вопросе об историческом развитии нашей *общественной мысли,* необходимо помнить, что те же политические условия, которые до крайности стеснили *практическую деятельность* российского социал-демократа, придали ей огромное значение, чрезвычайно увеличив ее удельный вес. И тут никогда не следует забывать, что ни в одной стране цивилизованного мира революционное «подполье» не играло такой колоссальной практической роли (даже в чисто культурной области), какую оно сыграло в России. Опираясь на теорию научного социализма, наше социал-демократическое «подполье» сумело произнести «магические слова, открывшие перед ним образ будущего»; оно вывело трудящуюся массу из ее вековой спячки [1]); оно разбудило классовое сознание пролетариата, и если, — чтобы употребить здесь пророческое выражение Петра Алексеева, — мускулистая рука рабочего нанесла уже не один страшный удар существующему у нас порядку вещей, то и это нужно в значительной степени записать в актив того же «подполья». Ведь недаром же рабочие чуть не при каждом своем столкновении с предпринимателями старались войти в сношения с «подпольными» деятелями. И недаром даже крестьяне, собираясь воевать с помещиками, разыскивали революционных «ораторов» (т.-е. ораторов).

Гегель говорит на своем языке идеалиста, что всемирный дух в своем историческом движении часто опускается под землю (вот оно историческое «подполье» всемирного духа!), где совершает мелкую и незаметную работу, результаты которой бывают, однако, колоссальные. И при виде этих результатов можно крикнуть всемирному духу, как крикнул Гамлет тени своего отца: «Крот! ты хорошо роешь!» Поймите же вы, наконец, господа хорошие, что наш подпольный человек тоже заслуживает, чтобы мы ему громко крикнули: «Крот! ты хорошо роешь!»

[1]) Солдаты и даже городовые произносили в торжественные для них минуты знаменитое слово «товарищ»; из этого видно, что и до них дошло, правда, часто очень отдаленное, влияние того же «подполья».

По русской пословице, суженого конем не об'едешь. При современных условиях нашей практической деятельности «подполья» конем не об'едет ни один социал-демократ, не желающий увязнуть в трясине самого гнилого оппортюнизма.

Да здравствует наш «подпольный крот»! Да растут и крепнут наши «подпольные» организации! Докажем, что ошибаются господа Гучковы, злорадно возвещающие в Государственной Думе «о том внутреннем разложении, которое охватило наши революционные партии»!

Новое письмо к товарищу Мартынову

И кого они этими благоглупостями благоудивить хотят?

Щедрин.

Любезный товарищ!

В № 19 — 20 «Голоса социал-демократа» напечатано следующее заявление от его редакции:

«Наш номер был почти уже весь набран, когда мы получили № 10 «Дневника» т. Плеханова с обширным приложением под названием: «Мой секрет». И «Дневник», и приложение к нему представляют собою новые нападения т. Плеханова на часть меньшевиков вообще и на «Голос социал-демократа» в особенности. Но все эти нападения, не давая ответа ни на один из вопросов, поставленных в упор Г. В. Плеханову в № 16—17 «Голоса» после его пресловутого прошлогоднего выступления, представляют собой типичный образчик чисто-литераторской и личной полемики, лишенной принципиального содержания. Ответу на такого рода полемику мы не считаем возможным, при настоящих условиях, уделить место на столбцах нашего органа. Поскольку же имя т. Плеханова вынуждает нас показать сомневающимся, что таков именно характер его полемики и поскольку необходимо восстановить «односторонне» излагаемую им фактическую сторону конфликта т. Плеханова с меньшевиками, — нам придется заняться этим в особом листке, который мы выпустим в ближайшем будущем».

По этому поводу я позволю себе заметить Вам следующее. Что скажет о моей «односторонности» редакция «Голоса», — а, следовательно, и Вы, так как Вы к ней принадлежите, — это мы увидим в «ближайшем будущем», когда выйдет «обещанный» ею листок. Тогда мы разберем, был ли я в самом деле односторонен. Но уже теперь не подлежит ни малейшему сомнению, что моя полемика с редакцией «Голоса» далеко не «лишена принципиального содержания». Я обвинил эту редакцию в том, что она в Вашем лице:

1) Исказила историю нашей социал-демократической мысли, приписав мне тот будто бы «принципиально новый» взгляд, который был высказан Тихомировым и который даже под его пером вовсе не был новостью;

2) В том, что это вольное или невольное искажение истории нашей революционной мысли было совершено Вами под влиянием того ложного положения, в котором Вы теперь находитесь.

Кажется, что это достаточно принципиальное обвинение, и что человек, считающий его неосновательным, восстал бы против него страстно и решительно. А вы уклоняетесь от спора под тем предлогом, что я не ответил на Ваши вопросы. Вы не хотите понять, — или, вернее, как будто не хотите понять, — что при рассмотрении нашего ликвидаторства важнейшим из всех вопросов является именно вопрос о том, точно ли редакция «Голоса социал-демократа» фальсифицирует историю нашей социал-демократической мысли и почему она это делает. Раз мы решим эти вопросы, все прочее «приложится».

Ваша статья, вызвавшая мою полемику, не окончена. Вы обещали ее продолжение. Этого продолжения нет. И, вообще, о Вас в № 19—20 «Голоса» совсем не слышно. Вы, говоря словами летописца, исчезли, «аки обр». Неужели и это произошло вследствие того, что моя полемика «лишена принципиального содержания»?

Нет, любезный товарищ, так нельзя. Ваше молчание доказывает как раз обратное тому, что Вам хотелось бы доказать. Другими словами, из факта этого молчания следует, что «принципиальное содержание» моей полемики было достаточно значительно для того, чтобы вынудить Вас приложить к своим устам палец молчания в такое время, когда Вы *обязаны* были ответить.

Впрочем, лучше поздно, чем никогда: Вы еще можете ответить в ближайшем будущем. Но только советую Вам ответить именно в «Голосе социал-демократа», а не в каком-нибудь отдельном листке. И поверьте, что я даю Вам этот совет в интересах Вашего же достоинства как писателя.

Мужайся, стой и дай ответ!

Всегда готовый к Вашим услугам

Г. Плеханов.

О пустяках и особенно о г-не Потресове

Ой, не ходи, Грицю,
Та на вечерницю!

(Народная песня.)

I

С начала нынешнего года в Петербурге выходит журналец «Наша Заря». Этот журналец отнюдь не блещет положительными качествами. Он мало содержателен и, — что главное, — от каждой его книжки несет смертоносной скукой по крайней мере на 10 верст в окружности. В нем хорошо только название. И не то хорошо, что он называется «*Зарею*», а то хорошо, что он называется «*Нашей Зарею*». Эпитет «наша» устраняет всякую возможность хоть на минуту принять новый петербургский журналец за продолжение той «Зари», которая выходила некогда в Штуттгарте и которая вела непримиримую борьбу с ликвидаторами того времени: «экономистами» и ревизионистами. А это очень важно, потому что всякое заблуждение на этот счет могло бы вызвать не малую путаницу в умах читателей. «*Наша* Заря», — «Заря» М. Хейсина, Ст. Ивановича, М. Лукомского, Б. Фромметта, А. Орлова, А. Потресова, В. Майского, Н. Череванина, Л. Мартова и Е. Смирнова,— совсем не похожа на *нашу* «Зарю», — «Зарю» Ортодокса, П. Аксельрода, В. Засулич, Парвуса, Н. Ленина, Л. Мартова, А. Потресова и пишущего эти строки. *Наша* «Заря» была *утренней* зарею; она возвещала предстоявший широкий размах русского общественного движения, в ней била горячим ключом живая мысль русского марксизма, она вызывала своей революционной резкостью неудовольствие многих читателей, но она будила даже своих врагов. Наоборот, «*Наша* Заря» есть заря *вечерняя*, заря революционного декаданса, т.-е., вернее, декаданса некоторых революционеров: раздражить она никого не может уже в силу своей полной бесталанности, но зато должна усыпительно действовать даже на своих друзей. Снотворная сила этого журнальца

так велика, что в конце его тощей книжонки невольно ищешь молитвы «на сон грядущий». Редакция сама чувствует это и прибегает к искусственным средствам для возбуждения внимания своих читателей.

Во второй книжке «Нашей Зари» роль искусственного возбудительного средства играет статья г. Потресова: «Критические наброски.— О том, почему пустяки одолели». Статье этой суждено, вероятно, иметь успех скандала, и потому на ней не мешает остановиться.

Г-н Изгоев отозвался когда-то с большой похвалой о книге г. Потресова: «Этюды о русской интеллигенции». И это принесло непоправимый вред г. Потресову: он вообразил себя публицистом, призванным пролить критический свет на ход развития нашей общественной мысли, и, с глубоким сознанием огромной важности своей новой литературной миссии, пустился «писать» такие теоретические «мыслете», от которых волосы дыбом становятся на голове у всякого читателя, хоть немного понимающего действительный ход этого развития.

Уж сколько раз твердили миру,
Что лесть гнусна, вредна; но только все не впрок,
И в сердце льстец всегда отыщет уголок.

Большой грех на душу взял г. Изгоев! Ему — игрушки, а читателям г. Потресова слезки, — и, пожалуй, даже особенно тем, которые ex professo обязаны хвалить нашего новоявленного, глубокомысленного публициста, принадлежа к одному с ним направлению. Для примера укажу на выше отмеченную статью «О том, почему пустяки одолели». Если за ней, как я сказал, вероятно, обеспечен успех скандала, то это не мешает ей на каждой странице по нескольку раз грешить против самых неоспоримых прав логики.

Так как, испорченный дурным глазом г. Изгоева, г. Потресов старается теперь проникать «в корень вещей», то он даже в своих беглых критических набросках пускается в глубокомысленные рассуждения о нынешнем состоянии: во-первых, нашей литературы, во-вторых, нашего либерализма, в-третьих, нашего народничества, в-четвертых, нашего марксизма. Удивительно содержательная статья! Беда лишь в том, что содержание содержанию рознь.

«Оглядываясь на пережитое», г. Потресов видит в нем явственный разрыв между бытием и сознанием, между жизнью и литературой. «Это была полоса, — говорит он, — когда сознание не охватывало жизни, и, наоборот, жизнь охватывала сознание всеми бедами контр-

революционной расправы, всей тяготой депрессии после неудавшейся революции». («Наша Заря», № 2, стр. 50 — 51.)

Итак, сознание не охватывало жизни. Это обстоятельство означало собой разрыв между бытием и сознанием. Но где же *«разрыв»*, если жизнь *охватила* сознание? Это неизвестно. Но пойдем дальше.

Г-н Потресов продолжает: «И сознание, не выдерживая, уходило от жизни. Но чем оно дальше уходило от жизни, тем полнее идейная атмосфера попадала во власть иррационального, тем гуще наполнялась она призраками, мнимыми величинами, той, я бы сказал, литературщиной, которой отдает от всего творчества этой полосы: от ее поэзии и прозы, от ее религии, философии, публицистики.

«Здесь все поверхностно и преходяще, здесь нет корней, уходящих в глубь жизни, здесь безраздельное хозяйничанье психологической кон'юнктуры момента и только одни бледные тени тех коренных перемен, которые за это время совершались в действительности. Здесь царство словесного»... (Там же, стр. 51.)

Отнюдь не желая быть строгим к г. Потресову, я все-таки должен признать, что эта выписка бесповоротно вводит нас в «царство словесного», населенное «мнимыми величинами» и отличающееся той «литературщиной» дурного тона, благодаря которой публицистическая мысль нашего публициста сама является даже не «бледной тенью», а какой-то неудачной карикатурой коренных перемен, совершившихся в ходе нашей общественной жизни. В самом деле, главная отличительная черта только что пережитой нами литературной эпохи состоит в *буржуазной* реакции против *социалистических* стремлений, наложивших глубокую печать на нашу общественную мысль в продолжение предыдущего, «дореволюционного», периода. Реакция эта началась, правда, еще до 1905 года: она выразилась в тех рукоплесканиях, которые выпали на долю Бернштейна со стороны передовых (тогда еще радикальствовавших) идеологов нашей буржуазии. Ее литературным памятником того времени является пресловутый сборник «Проблемы идеализма», в высшей степени характерный именно как начало буржуазной реакции против социалистических теорий. Но и он принадлежал к числу «цветочков»: «ягодки» созрели,—да, конечно, и могли созреть,—только в ту эпоху, о которой идет речь в статье г. Потресова. Эпоха эта, можно сказать, насквозь пропитана буржуазностью, которой «отдает» и от ее поэзии, и от ее прозы, и от ее религии, и от ее философии, и от ее публицистики, и от ее «взвинченного эстетизма», и от того, что г. Потресов, на своем декадентски-«взвинченном» языке, называет безраздельным

хозяйничаньем психологической кон'юнктуры момента. И во всем этом нет ничего удивительного: так непременно должно было быть, и к тому же так было, не только у нас. Так было, например, во Франции в реставрационную эпоху [1]). И никакого «разрыва между жизнью и литературой» тут нет. Совершенно наоборот: тут обнаруживается *глубокая причинная связь* между той и другою, между бытием и сознанием. А если г. Потресов этого не понимает; если он не видит главной отличительной черты только что пережитой нами эпохи литературного развития, проникновения в литературу буржуазного духа, — принимающего подчас дико романтические и даже просто-напросто уродливые формы, но всем этим нимало не изменяющего своей истинной природы, — если г. Потресов вполне уподобляется крыловскому персонажу, который именно слона-то и не заметил, то это показывает, что его собственное «сознание не охватило жизни» и что он совсем не умеет справиться с теми вопросами, за рассмотрение которых он стал так охотно браться под влиянием «дурного глаза» г. Изгоева. Ой, не ходи, Грицю, та на вечерницю!

II

Мы знаем теперь, как слаб, поверхностен и нелогичен г. Потресов в своих суждениях о литературе последнего времени; мы видели, как плохо разбирается он в вопросе об отношении бытия к мышлению. И нас не удивит то, что мы услышим от него дальше.

Начнем с либерализма. Г-н Потресов уверяет нас, что «либерализм, как идейное течение, являет собою картину величайшего разложения и величайшей беспомощности. Взять хотя бы эту углубляющуюся трещину, которая залегла между либерализмом практическим и либерализмом теоретизирующим». Под либерализмом практическим наш автор понимает либерализм г. Милюкова и «Речи», а под либерализмом теоретизирующим — либерализм г. Струве и всей прочей «веховской» братии. «На одном полюсе, — говорит он, — эмпирика, пуще огня боящаяся всяких обобщений, а на другом — обобщения, уже приведшие к отказу от демократизма и грозящие тем же и последним

[1]) С тою, конечно, разницей, что там реакция направлялась не против социализма, очень слабого в XVIII столетии, а против демократических и революционных стремлений литературы предшествующего периода. Едва ли не лучше всего заметна эта реакция в философской литературе. Я очень прошу читателя запомнить это в интересах наилучшего выяснения публицистического глубокомыслия г. Потресова.

остаткам самого скромного свободолюбия». И эта антитеза, эта полярная противоположность между г. Милюковым и г. Струве доказывает, по мнению г. Потресова, что русский либерализм «только до тех пор и живет, пока, не мудрствуя лукаво, сосредоточивает свое внимание на частностях, поглощен злобами текущего дня, деталями парламентской работы, комбинациями повседневной дипломатии, пока он из своего раздробления не пытается возвыситься до цельности идейного течения, подвести под свою практику теоретический фундамент и стать тоже в своем роде «миросозерцанием» наподобие стародавних властителей дум российской интеллигенции — марксизма и народничества».

Всмотримся в эти соображения. Г-ну Потресову нужно было доказать, что либерализм, как *идейное течение,* обнаруживает теперь величайшее разложение и величайшую беспомощность. Доказать это можно было только анализом *идей,* которые выдвинуты были этим *«идейным течением»*. Но анализ идей не дело г. Потресова, который сам никогда не имел ясных *идей,* а возвышался только до *настроений.* Что же он сделал? Он противопоставил либерализм, как *идейное течение,* — либерализм г. Струве и всей прочей «веховской» братии, — *практическому либерализму,* или «либерализму официально кадетскому». Но такое противопоставление совсем неубедительно. Если бы и в самом деле существовала открытая г. Потресовым полярная противоположность между этими двумя видами либерализма, то отсюда еще не следовало бы, что либерализм, как идейное течение (т.-е., очевидно, «либерализм теоретизирующий»), разлагается и страдает величайшей беспомощностью. Но этот первый логический грех, это первое логическое «мыслете», гармонически дополняется новой логической ошибкой, которая состоит в признании полярной противоположностью того, что на самом деле далеко от противоположности, как небо от земли.

Почему г. Потресов думает, что «эмпирика, пуще огня боящаяся всяких обобщений», должна быть противоположна «обобщениям, уже приведшим к отказу от демократизма» и сулящим отказ от «самого скромного свободолюбия»? Тайна сия велика есть. Что такое «демократизм», как не «обобщение»? Что такое свободолюбие, как не любовь к подобным «обобщениям»? А если это так, то ясно, как божий день, что «эмпирика, пуще огня боящаяся всяких обобщений», совсем не идет вразрез с такими «обобщениями», главный смысл которых состоит в отказе от всяких сколько-нибудь широких «обобщений». Другими словами: не ясно ли, как божий день, что либерализм г. Милюкова прекрасно дополняется либерализмом г. Струве? Еще иначе: не ясно ли,

как божий день, что и здесь мысль нашего публициста представляет собою даже не «бледную тень» действительности, а ее коренное искажение?

Г-на Потресова смущает разногласие между г. Струве, с одной стороны, и г. Милюковым — с другой. Он указывает на лекцию г. Милюкова о «Вехах» и замечает: «Прокурорским речам гг. Струве и К° против интеллигенции он (т.-е. Милюков. — *Г. П.*) противопоставляет ее адвокатскую защиту и поет гимны — «носителю живой национальной традиции», центральной фигуре российского прогресса. Как будто бы и всерьез идет речь об интеллигенции, как будто бы для «веховцев» дело именно в ней, а не в борьбе с социализмом и революцией под видом борьбы с интеллигенцией, а не в отказе от демократии и от традиционных элементов ее идеологии»!

Постойте, г. Потресов! Если для «веховцев» дело не в интеллигенции, а именно в борьбе с социализмом и революцией, то ведь для г. Милюкова дело заключается как раз в той же борьбе и как раз в том же «отказе от демократии и от традиционных элементов ее идеологии». Неужели Вы не догадываетесь об этом? А если догадываетесь, — то где же тут сочиненная Вами полярная противоположность между г. Струве и г. Милюковым?

Нужно быть до последней степени наивным, чтобы увидеть доказательство этой противоположности в том факте, что г. Милюков прочитал лекцию против «Вех». Отношение между указанными двумя видами нашего либерализма есть как раз то отношение, которое очень часто существует между теоретиками и практиками, стоящими под одним и тем же социально-политическим знаменем. Если г. Милюков возражает г. Струве и К°, то это происходит потому, что он в своем качестве кадетского практика побаивается даже тех «обобщений», главный смысл которых состоит в отказе от всяких сколько-нибудь широких «обобщений». Он опасается, что «обобщения», сводящиеся к отказу от «обобщений», отпугнут от «партии народной свободы» ту часть нашей интеллигенции, которая, всецело тяготея к буржуазному образу мыслей, в то же время дорожит «обобщениями» в силу своего «интеллигентского» прошлого и хочет уверить себя и других в том, что она осталась верна этому прошлому. И это совсем не удивительно со стороны практика: практик всегда «дипломатичнее» теоретика. Но из того, что практик всегда «дипломатичнее» теоретика совсем не следует, что практик всегда противоположен теоретику. Далеко нет. Такое же отношение существует между практиками и теоретиками

и в среде наших ликвидаторов, где тоже есть свои гг. Милюковы и свои гг. Струве.

Г-н Потресов утверждает, что в «общественно-политическом уклоне» авторов «Вех» «проступает как раз та самая facies Hippocratica—смертные черты—русского либерального развития, которую Струве недавно пытался разглядеть в европейской социал-демократии» (стр. 53).

На самом деле, «уклон» «Вех» есть прямое продолжение того «уклона», который мы имели удовольствие наблюдать уже в «Проблемах идеализма». И это продолжение знаменует собою пока еще не смерть либерализма, а только одну из неизбежных фаз его развития, которая характеризуется отказом от широких стремлений и обобщений [1]).

Комичнее всего то, что сам г. Потресов подтверждает справедливость сказанного мною, т.-е. опровергает самого себя. Он пишет: «Ведь «веховцы» только продолжают многолетнюю традицию русского либерализма, ту, по крайней мере, десятилетнюю, чтобы не уходить в глубь прошлого, тягу известной части демократической интеллигенции от народных низов к имущим верхам, которая в свое время легла в основание «освобожденского» периода русского либерализма» (стр. 53).

Если это так, если «веховцы» только верны многолетней традиции русского либерализма, если они продолжают дело «освобожденцев», то по какому же случаю «шумит» г. Потресов? На какой же предмет сочиняет он полярную противоположность между г. Милюковым и г. Струве; на каком же основании утверждает он, что «сознание не охватывает жизни», что «идеи, унаследованные от прошлого, не учитывают, претворяя в себе, происшедших за истекшие годы перемен»? (Стр. 52.) Да ведь совершенно же напротив: буржуазное сознание превосходно охватывает буржуазную жизнь; идеи, унаследованные от прошлого и пропитанные буржуазным духом, наилучшим образом «учитывают, претворяя в себе», все перемены в положении нашей буржуазии, совершившиеся в продолжение истекших лет. В процессе этого учитывания и состоит та пресловутая «переоценка ценностей», которой так усердно занимаются теперь идеологи нашей буржуазии и

[1]) Надо, впрочем, заметить, что «Вехи» не могут уже считаться теперь наиболее ярким выражением интересующей нас здесь тенденции. Такие произведения, как «Исторические записки» г. М. Гершензона (Москва 1910), в которых автор советует нашим либералам отступить на теоретические позиции славянофилов, много характернее, нежели даже «Вехи».

которая, — я еще раз прошу читателя заметить это, — совершается под знаком идеалистической философии.

Но г. Потресов этого не понимает; *его* сознание не охватывает жизни, *его* идеи «не учитывают, претворяя в себе, происшедших за последние годы перемен». Потому-то он и пишет теоретические «мыслете». Ой, не ходи, Грицю, та на вечерницю!

III

Небольшая глава, посвященная г. Потресовым «критическому» обозрению современного народничества, выгодно отличается от глав, ей предшествовавших, справедливостью мысли, лежащей в ее основании. Мысль эта состоит в том, что народничество не исчезнет окончательно до тех пор, «пока жизнь не сломает, наконец, до основания традиционное взаимоотношение между слабо дифференцированным крестьянством и демократической интеллигенцией»... (Стр. 57.) Будучи выражена в форме отвлеченного логического положения, мысль эта означает, что никакое явление не прекратится до тех пор, пока не исчезнет, наконец, «до основания» вызывающая его причина. Это до такой степени справедливо, что надо удивляться, как не дошел до этого знаменитый Козьма Прутков [1]). Жаль только, что «критические» соображения г. Потресова прекращаются тотчас же вслед за высказыванием этой мысли, т.-е. именно тогда, когда они должны были бы получить свое начало. Говоря без комплиментов, все мы прекрасно знаем, что cessante causa cesset effectus, но, — опять-таки, если говорить без комплиментов, — из рук вон плох тот исследователь, который, анализируя данное явление, ограничивается повторением этой аксиомы. А г. Потресов, к сожалению, и взял на себя роль такого исследователя. И взял ее именно тогда, когда, можно сказать, вплотную подошел к задаче серьезного анализа одного из самых серьезных явлений нашей общественной жизни. Так, например, он утверждает, что перед возможными последствиями закона 9 ноября «стоит в оцепенении народническая мысль всех толков». И это верно, уже без всяких шуток. Но если это верно, то г. Потресову надо было изложить перед нами возможные последствия названного закона. Поступив так, он показал бы нам, исчезает ли и в какой мере та причина, которая в по-

[1]) Впрочем, у меня нет под руками книги этого мыслителя. Я допускаю, что мне изменила память и что, может быть, на самом деле Козьма Прутков предупредил г. Потресова, но в таком случае за этим последним все-таки останется заслуга повторения этой, как нельзя более справедливой, мысли.

следнем счете и порождала народнические иллюзии. Но именно этого-то и не делает г. Потресов. Его «критическая» мысль напоминает тех ночных сторожей, не помню уже в какой французской оперетке, которые при виде разбоя говорят: «C'est le moment de nous montrer, cachons nous (нам пора показаться, спрячемся)!» И она прячется так хорошо, что ее, как говорится, не разыщешь днем с огнем. Можно ли после этого удивляться, что г. Потресова «пустяки одолели»?

Наш автор патетически вопрошает: «Как идет экономическое развитие России, какие перемещения сил производит оно под сурдинку реакции, что творится в деревне и в городе, какие изменения несет это развитие в социальный состав рабочего класса России и пр. и пр.? Где ответы или приступ к ответу на эти вопросы, где экономическая школа русского марксизма?» (Стр. 59.)

В самом деле, где эти ответы или хотя бы приступ к ответам? Я надеялся найти их в том месте статьи г. Потресова, где речь идет о народничестве. Они были там не только уместны, а прямо обязательны. Но их там не оказалось. Очевидно, наш автор не захотел положить основание «экономической школе русского марксизма». Жаль, очень жаль, но на нет и суда и нет!

IV

Русский марксизм, — опять, «как идейное течение», — тоже не радует нашего автора. Вот что говорится о нем в разбираемой мною статье: «Вместо работы и движения мысли перед нашими глазами расстилается бесплодная пустыня, оживляемая исключительно тем, что на ней, как фата-моргана на горизонте, появляется то там, то здесь дутый интерес, фантом, пустяк, приобретающий вдруг размеры первостепенного события» (стр. 60).

Это так мрачно, что невольно возникает еще более мрачное предположение о том, что с русским марксизмом дело обстоит хуже, чем даже с «литературой», либерализмом и народничеством, вместе взятыми. Одни «пустяки»! Как же тут не завопить: «пустяки одолели»!

Как на пример пустяков, наш автор указывает на два эпизода, один из которых называется у него философским, а другой — организационно-политическим.

Философский эпизод есть не что иное, как «полемическая схватка между Плехановым и Лениным, с одной стороны, и Богдановым, Базаровым, Юшкевичем и иными — с другой». Характеризуя эту схватку, г. Потресов оговаривается: «Я не касаюсь сейчас ни богостроитель-

ства Луначарского и Горького, ни тех общественных моментов, которыми отмечена последняя брошюра Юшкевича, об отрицательном значении которой мне придется еще говорить: я ограничиваюсь рамками специально философского спора между материалистами и эмпириокритиками» (стр. 60). Признаюсь, эта «оговорка» причинила мне порядочное огорчение: я очень хотел бы знать, что думает г. Потресов о богостроительстве и пр., ибо я люблю послушать умного человека даже и тогда, — а, пожалуй, особенно тогда, — когда я с ним не согласен. Но делать нечего! Приходится мириться не только с этим лишением, но и с тем, которое возвещается нам следующими строками: «Да и в этом споре, в котором мои теоретические симпатии находятся не на стороне противников материализма, меня занимает не существо философского спора во всем его об'еме, а его, так сказать, удельный общественно-политический вес, его роль и значение в идейном течении, среди которого он всплыл на поверхность, волнуя умы и став в центре внимания вчерашних политиков, до такой степени в центре, что они готовы сегодня принимать резолюции и раскалываться по вопросу о «вещи в себе», как недавно еще раскалывались по основным тактическим вопросам» (там же).

Эта новая оговорка огорчает меня собственно потому, что я решительно не понимаю, каким образом можно пытаться определить «удельный общественно-политический вес» данного философского спора, не выяснив себе предварительно его «существа во всем его об'еме». Фихте очень хорошо сказал когда-то: «Каков человек, такова и та философия, которую он себе выбирает». Это с еще бо́льшим правом можно сказать о всяком данном общественном классе или слое, обнаруживающем интерес к философским вопросам: каков этот класс или слой, такова и та философия, которую он себе выбирает. Сознание определяется бытием. Но именно потому, что оно *определяется* им, оно, в свою очередь, *характеризует* его собою. Вот почему ни один исследователь, желающий определить «удельный общественно-политический вес» данного класса или слоя, не имеет права игнорировать свойственную ему идеологию. А кто хочет изучить эту идеологию, тот по необходимости должен вдуматься в «существо», — и притом в «существо во всем его об'еме», — тех вопросов, которыми она занимается. Не достаточно сказать: эта философия выражает собою стремления такого-то класса; нужно обнаружить, почему и каким образом данная философская система соответствует в данное время психике данного класса. А этого, разумеется, нельзя сделать, не рассмотрев «по существу» этой системы,

Ввиду этого понятно, что наш автор, которого «не занимает существо философского спора между нынешними нашими материалистами и нынешними нашими идеалистами», оказывается особенно «беспомощным», касаясь философии. Если в других местах своей статьи он поверхностен и нелогичен, то, принимаясь за обличение нашей «вакханалии философствования», он становится просто-напросто забавным.

По его словам, я полагаю, «очевидно, что правильное отношение к «вещи в себе» есть необходимое и предварительное условие для принадлежности к одному общественно-политическому целому». И когда он видит, что я это полагаю, то он невольно спрашивает себя: «Что это такое?»

Постараюсь ответить на его вопрос. Это, прежде всего, недоразумение, причиненное беззаботностью г. Потресова насчет «существа» философского спора «во всем его об'еме». Вопрос о правильном отношении к вещи в себе был кардинальным вопросом в моем споре с кантианцами вообще и отчасти с бывшим другом нашего автора, г. П. Струве [1]). Но этот спор есть дело давно минувших дней, и он не относится к тому «пережитому», о котором идет речь в статье г. Потресова. Почему же вообразил себе этот последний, что я теперь готов предлагать резолюции насчет отношения к вещи в себе? Да именно потому, что его не занимает существо философского спора. Но это не все. Кроме того,

Умысел другой тут был:
Наш автор музыку любил.

Почему сей автор, наперекор хронологии, стал попрекать меня вещью в себе? Вот почему.

На всех филистеров всей подлунной нападает страшная тоска всякий раз, когда их приглашают вникнуть в существо какого-нибудь философского спора «во всем его об'еме». Но больше всего скучают они тогда, когда заходит речь о вещи в себе. На это есть своя, весьма серьезная причина, но я не могу рассматривать ее здесь. Скажу только, что г. Потресов, на себе испытавший, как велика тоска, нагоняемая

[1]) Кстати. В то, теперь уже довольно отдаленное, время, я не раз говорил своим друзьям, напр., Вере Ивановне Засулич, что «неправильное отношение» г. Струве к вещи в себе сулит в будущем неправильное отношение его к важнейшим общественно-политическим вопросам. События показали, что я не ошибся и что, стало быть, не «пустяки» беспокоили меня и в то время.

на филистера вопросом о вещи в себе, перепутал хронологию для того, чтобы вызвать презрение ко мне со стороны всех тех филистеров, которым случится прочесть его статью. И несомненно, что каждый филистер, на долю которого выпадет это удовольствие, с убеждением воскликнет: «Плеханов готов принимать резолюции насчет правильного отношения к вещи в себе?! Ну, «очевидно», что Потресов прав, «очевидно», что Плеханова пустяки одолели». И когда г. Потресов услышит подобные презрительные восклицания, он с удовольствием скажет себе: «Моя captatio benevolentiae принесла желанный плод. Все филистеры на моей стороне».

Но умысел другой тут был:
Наш автор музыку любил.

И заметьте. В тот период времени, который у г. Потресова обозначается словом «пережитое», я не столько писал о философии, сколько о синдикализме, о мещанском индивидуализме в литературе, о религиозных исканиях и проч. Почему же г. Потресов не касается всего этого, а попрекает меня единственно вещью в себе? Да опять же только потому, что этот упрек наиболее способен обеспечить ему симпатии филистеров. Тут опять captatio benevolentiae.

Но умысел другой тут был:
Наш автор музыку любил.

Если бы г. Потресов не до такой степени любил жалкую филистерскую музыку, то он, конечно, не стал бы пожимать плечами по поводу наших споров с идеалистами. Хотя в основе нынешнего нашего идеализма лежит, разумеется, тоже неправильное отношение к вещи в себе, но это отношение развилось в нем в целое миросозерцание, все разновидности которого отличаются тем, что, — хотя бы и помимо воли того или другого любомудра или даже целой группы любомудров, — пролагают дорогу для «практического разума» более или менее сознательной, более или менее последовательной и даже более или менее сверхчеловеческой буржуазии. Оттого-то мы и спорим теперь уже не о вещи в себе, как спорили некогда с кантианцами, а о том, быть или не быть идеализму, или, что то же самое, быть или не быть материализму. И, конечно, вовсе не случайно то обстоятельство, что решительно все идеологи буржуазии стоят у нас теперь на стороне идеализма. Материализм непримирим с религией, а нынешний наш буржуа дорожит ею, потому что, опираясь на нее, он приобре-

тает кажущееся логическое право сказать пролетарию, как, в сущности, и говорит г. Струве (см. «Вехи»): «Устремляй свой радикализм на небо, а на земле довольствуйся маленькими реформами». И вот почему борьба материализма с идеализмом в нынешней России, эта смертельная борьба двух миросозерцаний, является лишь отражением в области идеологии отношений между стремлениями сознательного пролетариата, с одной стороны, и сознательной буржуазии — с другой. И вот почему презрительно пожимать плечами по поводу этого спора, считать его надоедливыми пустяками может только тот, чье «сознание» совсем не «охватывает» нынешней нашей общественной «жизни», и тот, чьи «идеи не учитывают происшедших за истекшие годы перемен», кто совершенно «беспомощен» перед серьезнейшими умственными вопросами современности.

Но еще Стародум очень хорошо сказал Простаковой: «О, конечно, сударыня, в человеческом невежестве весьма утешительно считать все то за вздор, чего не знаешь».

Читатель подумает, пожалуй, что я и г. Потресов говорим не об одном и том же: у этого последнего речь идет о моем (и Ленина) споре с эмпириомонистами, а у меня — о споре материалистов с идеалистами. Но в том-то и дело, что эмпириомонизм есть лишь одна из разновидностей идеализма, — едва ли не самая жалкая изо всех. Эмпириомонизм ненавистен мне (да, я думаю, и всем другим нашим материалистам) не теми своими чертами, которые отличают его от других разновидностей идеализма, а теми, которые его сближают с ними. Кроме того, мы спорили не с одними эмпириомонистами. Мне и некоторым другим материалистам приходилось оспаривать Маха, Авенариуса, Петцольда и других; они не эмпириомонисты, хотя они, т.-е. собственно Мах и Авенариус, ввели в искушение наших эмпириомонистов. Мы оспаривали их именно как писателей, стремящихся воскресить идеалистическое миросозерцание. Потресов упускает это из виду вследствие своей нелюбви ко всяким «обобщениям» философии, за исключением того филистерского обобщения, которым подсказывается презрительное пожимание плечами по поводу вопроса о вещи в себе.

Г-н Потресов хочет спрятаться за Каутского, который, мол, тоже не считает нужным ссориться из-за философских вопросов. Человеку, хоть немного искусившемуся в диалектике, не трудно было бы понять, что одни и те же теоретические вопросы могут в одно и то же время иметь очень малую практическую важность в одной стране (например, в Германии) и очень большую — в другой, находящейся на совершенно

иной стадии общественного развития (например, в России). Было время, когда философские вопросы играли и в Германии огромную практическую роль: недаром же Маркс и Энгельс, решительные сторонники материализма и горячие противники идеализма, интересовались философией гораздо больше, чем интересуются ею Каутский и другие немецкие товарищи [1]). Да ведь и Каутский категорически утверждает, что материалистическое понимание истории — одно из теоретических оснований марксизма — совершенно непримиримо с идеалистической философией. А это имеет уже не один теоретический интерес. Если бы г. Потресов вспомнил об этом, то он не стал бы удивляться, что мы, русские марксисты, восстаем против эмпириомонизма. Или, может быть, он отказывается признать эмпириомонизм за одну из разновидностей идеализма? Если — да, то пусть он прямо скажет это. Только я советую ему, прежде чем высказаться, хорошенько вдуматься в «существо» философского спора «во всем его об'еме».

Выходит, что на Каутского наш автор сослался не в добрый час. Еще того хуже: выходит, что, об'явив наш спор с «эмпириомонистами» «фантомом, пустяком, приобретающим вдруг размеры первостепенного события» (стр. 60), г. Потресов тем самым доказал с полнейшей «очевидностью», что он сам есть не более, как некий двуногий «пустяк».

V.

Перехожу к другому эпизоду — организационно-политическому. Касаясь этого эпизода, г. Потресов заявляет, что он имеет в виду спор о ликвидаторстве. Спор этот лишен, по его словам, всякого реального основания. Он пишет: «Мне кажется, что открытие ликвидаторства в России в лето 1909-ое будет в свое время отмечено в альманахе истории рядом с открытием северного полюса Куком. Разница только та, — северный полюс будет же когда-нибудь открыт, а ликвидаторство что дальше, то труднее поддается «выявлению», ибо, может ли существовать, спрошу я у читателя, в то же лето 1909-е, не как фантом в больном воображении, а как подлинная реальность, течение ликвидационное, течение, ликвидирующее то, что уже не подлежит ликвидации, чего на самом деле уже нет, как организованного целого?» (Стр. 61.)

---

[1]) За исключением, впрочем, Меринга и Бебеля. С удовольствием вспоминаю, что этот последний печатно заявил по поводу моего спора о материализме с Бернштейном, что он целиком стоит на моей стороне.

Обстоятельства времени и места лишили нас удовольствия видеть, как Александр Македонский смелым взмахом руки разрубил гордиев узел. Утешимся. Александр Потресов повторяет смелый жест Александра Македонского: он разрубает новый гордиев узел. И как все выходит просто! Ликвидаторства нет, потому что нечего ликвидировать: наша партия на самом деле уже не существует как организованное целое.

Огромное большинство великих открытий поражает именно такой гениальной простотой. Одно меня смущает: я боюсь, что тов. Мартынов докажет, что наш новый Александр Македонский очень ошибся, приняв Российскую Социал-Демократическую Рабочую Партию за нечто, не существующее как организованное целое.

В самом деле, не без участия тов. Мартынова произошла знаменитая отныне попытка, в результате которой явилась, между прочим, резолюция о положении дел в партии. И эта резолюция не только признает существование этой партии, как организованного целого, но и утверждает, что ее отрицание есть не более, как «проявление буржуазного влияния на пролетариат». Страшно и подумать, что останется от нашего Александра Македонского, если Александр Мартынов захочет показать, что сам он, наш Александр Потресов, со своим героическим решением вопроса о ликвидаторстве есть не более, как одно из проявлений отмеченного резолюцией буржуазного влияния. А ведь Александру Мартынову очень легко будет сделать это. Ему понадобится только немного доброй воли.

Но опять скажу: утешимся. Как бы сильно ни «разнес» тов. Мартынов г. Потресова, на стороне этого последнего все-таки останутся симпатии всех филистеров. Филистеры подкуплены дважды: во-первых, в области теоретического разума, великолепнейшим потресовским презрением к вещи в себе, во-вторых — в области практического разума, смелой негацией существования Российской Социал-Демократической Рабочей Партии. Филистеры выручат г. Потресова; они провозгласят его великим человеком, что бы ни сказал о нем тов. Мартынов.

Несомненно, однако, то, что *человек, для которого не существует наша партия, сам не существует для нашей партии.* Теперь все ее члены должны будут сказать, что г. Потресов им не товарищ [1]), а некоторые

[1]) Так как в легальной литературе многие считают г. Потресова представителем «меньшевизма», т.-е. одного из течений нашей партии, то наш ЦК хорошо сделал бы, если бы об'явил в этой печати о новом отношении к ней г. Потресова. Может быть, ему следовало бы прежде всего обратиться для этого к «Нашей Заре». Орган этот изменил бы всем традициям нашей пере-

из них, может быть, перестанут обвинять меня в том, что я уже давно не считал его таковым.

Все это было бы смешно, если бы... не вызывало некоторых опасений. Выше я сказал, что в нашем ликвидаторстве есть свои гг. Струве и свои гг. Милюковы. Роль г. Струве играет, «очевидно», г. Потресов. Он не страшен нашей партии, — по той причине, что он не боится никаких «обобщений». Опасны гг. Милюковы нашего ликвидаторства, те люди, которые, не имея мужества дойти до потресовских «обобщений», будут попрежнему твердить, что ликвидаторов у нас нет не потому, что нашей партии не существует, а, наоборот, потому, что никто не сомневается в ее существовании, как организованного целого, и потому, что никто не посягает на это существование. Как знать, может быть, и теперь найдутся простачки, которые поверят этим людям! И на эту опасность надо обратить серьезное внимание. Пора считаться с человеческой наивностью, как с огромной исторической силой!

P. S. В списке сотрудников «Нашей Зари» я заметил несколько имен, которым там не место. Не называю их по весьма понятной причине...

довой печати, если бы отказался поместить на своих столбцах об'яснение Центрального Комитета. В названной печати до сих пор господствовало правило не нападать на тех, которым цензурные условия мешают защищаться.

О том, что полезно уметь связывать свои мысли

В № 22 «Голоса социал-демократа» напечатана статья тов. С. Лидова, озаглавленная «Кое-что о партийной работе» и направленная против меня. Автор этой статьи недоволен мной, так как моя «крупная фигура» стоит, по его выражению, во главе партийных раздоров (стр. 22).

Это, конечно, тяжкое обвинение. Но меня утешает его полная и явная неосновательность.

Возьмем пример. В том доме, в котором живет тов. С. Лидов, происходит пожар. Наш товарищ употребляет все усилия для того, чтобы потушить его. И вот, увидев это, один из жильцов горящего дома кричит, что он-то, Соломон Лидов из «Голоса», и стоит «во главе» пожара. Справедливо ли это? Умно ли это?

И не умно, и не справедливо. Это, надеюсь, ясно и без доказательств. Но ведь тов. С. Лидов поступает со мной именно так, как поступает с ним, в моем примере, неумный и несправедливый обитатель горящего дома.

В самом деле, в чем заключается главный источник нынешних наших, — без малейшего сомнения, крайне вредных и печальных, — партийных раздоров?

В ликвидаторстве.

Как же я отношусь к ликвидаторству?

Я борюсь против него всеми зависящими от меня средствами. Это известно всем и каждому.

Зачем же валить с больной головы на здоровую? Зачем выдавать меня за самого главного виновника партийных междоусобий?

Тов. С. Лидов вообще рассуждает очень странно и тем заставляет вспомнить ту неоспоримую и старую, как мир, истину, что весьма полезно уметь связывать свои мысли.

Вот один из образчиков его странных рассуждений.

«Нашей партии, как и всякой другой политической организации, не чужд оппортюнизм. И мы имеем в миниатюре своих Бернштейнов и Фольмаров, своих Жоресов и Турати. И все равно, как наши товарищи Каутский и Бебель, Гэд и Ферри (последний когда-то), мы будем с ними вести, насколько это будет в наших силах, последовательную и упорную борьбу. Но, спрашивается, что̀ это имеет общего с ликвидацией партии, с заговором против партии, как выражается наш ЦО, чувствуя за своей спиной авторитет Г. В. Плеханова?» (стр. 13).

Нашей партии не чужд оппортюнизм. Хорошо или, точнее, плохо, да ничего не поделаешь: оппортюнизм не чужд и всякой другой политической организации. Но уже несомненно хорошо то, что тов. С. Лидов обещает вести с нашим оппортюнизмом «последовательную и упорную борьбу». Однако в чьих же рядах ютится оппортюнизм? В рядах большевиков? Спора нет, те «большевики», которые собрались теперь вокруг группы «Вперед», очень склонны к *теоретическому* оппортюнизму, выражающемуся в их горячей симпатии к предпринятой Богдановым и компанией пропаганде философского идеализма. Но на оппортюнистов *этого разряда* совсем даже и не намекает тов. С. Лидов. Он как будто совсем позабыл об их существовании. Ну, так, может быть, этот товарищ открыл оппортюнизм в среде тех, которые, к его насмешливому удивлению, называют себя меньшевиками-революционерами? Нет, мы ничего не слышим от него и на этот счет. Остается предположить, что оппортюнизм свил себе гнездо в лагере «меньшевиков», сочувствующих «Голосу социал-демократа». Это единственно возможное предположение как нельзя лучше подтверждается словами самого тов. С. Лидова, который говорит, что статья тов. С., — появившаяся (заметьте это, читатель) в «Голосе социал-демократа»,—была «знамением времени и далеко не отрадным» (стр. 13). Ясно, стало быть, что оппортюнисты тяготеют именно к этому почтенному изданию. После этого надо было ожидать, что тов. С. Лидов, собирающийся «вести последовательную и упорную борьбу» с оппортюнистами, ополчится на сторонников «Голоса». А он поступил наоборот: он ополчился на меня, который, подобно ему, увидел в статье тов. С. «далеко не отрадное явление» и выступил против нее в печати (см. № 9 моего «Дневника»). Что же это за странность?

Странность сия об'ясняется тем, что тов. С. Лидову, как видно, совсем не ясна связь между оппортюнизмом, с одной стороны, и «ликвида-

торством» — с другой. И вот тут-то, в непонимании этой неоспоримой связи, и обнаруживается во всем своем, «далеко не отрадном», величии его удивительная неспособность связывать свои собственные мысли.

Что хотят «ликвидировать» наши «ликвидаторы»? Так называемое *подполье* [1]). *Какое* подполье? *Революционное*. Кто же может, кто *должен* стремиться к упразднению *революционного* подполья? К этому должны и могут стремиться очень и очень многие: реакционеры, включительно до пьяных горилл черной сотни, консерваторы, либералы и даже буржуазные демократы. Но здесь бесполезно говорить о них; здесь у нас речь идет только о тех, которые причисляют себя к социал-демократии. А что касается их, то очевидно, что указанное стремление могут и должны иметь *только* оппортюнисты, не в меру соблазнившиеся удобствами «легальной деятельности» [2]). Социал-демократы революционного направления, хотя и знающие цену «легальных возможностей», но видящие в то же время, как они малы и шатки при нынешнем режиме, хорошо понимают, что без революционного «подполья» теперь обойтись невозможно. И если тов. С. Лидов в самом деле враг оппортюнизма, то его инстинкт вражды должен был бы подсказать ему, каким близким родством связаны наши «ликвидаторы» с нашими оппортюнистами Но — увы! — революционный инстинкт тов. С. Лидова так же плохо служит ему, как и рассудок.

Люди, нападающие теперь на революционное «подполье», очень охотно выдают себя за *новаторов,* уверяя всех и каждого, что их склонность к упразднению этого «подполья» является продуктом *новых условий,* созданных революционным взрывом 1905 — 1906 годов. Но это одна «словесность». На самом деле о необходимости упразднить «революционное подполье» много распространялись лет десять-двенадцать тому назад авторы так сильно нашумевшего в то время «Credo», этого

---

[1]) Этот презрительный термин заимствован, прямо или косвенно, у постыдной памяти *«публицистов Страстного бульвара»*. И нельзя не сознаться, что подобное заимствование в высшей степени характерно. Но такими «частностями» нынче у нас не смущаются.

[2]) В том же № 22 «Голоса», в статье: «О московских ликвидаторах», т. Антонов сообщает, что когда в Москве зашла речь «о восстановлении меньшевистской фракции», то «все рушилось», так как «группа 11-ти» (которую собственно и воспевает в своей статье т. Антонов) «в предложенном плане такого восстановления усмотрела попытку реставрации подполья» (стр. 15). Не очевидно ли, что «группа 11-ти» была одновременно и группой «ликвидаторов», и группой оппортюнистов.

символа веры последовательного и откровенного «экономизма» [1]). К доводам этих авторов нынешние наши упразднители «подполья» ничего не прибавили, кроме непоследовательности и, пожалуй, неоткровенности. А ведь лица, написавшие «Credo», были чистокровными оппортюнистами и верными последователями Бернштейнов, Жоресов и т. д. Это, я думаю, известно тов. С. Лидову. Как же не понимает он после этого, что «достойное всяких хвал» стремление упразднить «подполье» теснейшим образом связано с оппортюнизмом? Как не видит он, что тут одно порождается другим и, в свою очередь, поддерживает другое? Как не заметил он, что у каждого из наших псевдо-новаторов болтается за спиною более или менее длинная и оппортюнистическая коса? Это удивительно!

В то время, когда появилось «Credo», даже «экономисты», сознательно сочувствовавшие Бернштейнам и Жоресам (например, Теплов и Кричевский), не решились до конца итти за его авторами в *их* «борьбе за легальность». Теперь главная мысль этих авторов разделяется и громко защищается даже теми нашими экономистами, которые наивно считают себя безупречными «ортодоксами». Времена меняются! Тогда волна освободительного движения поднималась вверх; теперь она упала. Ее падение отразилось в литературе разными эротизмами, мистицизмами, религиозными исканиями и т. д. и т. д., а в социал-демократической среде оно повело к возрождению экономизма в его самой яркой и законченной форме. Тов. С. Лидов является одной из довольно многочисленных жертв этого возрождения.

Однако будем справедливы к тов. Лидову. Не следует думать, будто стремление упразднить революционное «подполье» встречает хоть некоторое сочувствие с его стороны. В том-то и дело что *не встречает*. В том-то и заключается вся закавыка».

Упразднению революционного подполья он совсем не сочувствует, а рассуждает так, как будто бы сочувствовал ему от всего сердца. И потому на каждом шагу противоречит сам себе. И потому на каждом шагу обнаруживает свое печальное неуменье связывать свои мысли. Он уверяет нас, — и мы верим, — что он сам «шел» и «пойдет» в «подполье». Он знает, что в наше время революционер «подполья» не минует. Но он строго запрещает восклицать: «да здравствует подпольный крот!» Этот возглас грешит, по его твердому убеждению, непроститель-

---

[1]) А еще раньше их говорили об этом «культурники» восьмидесятых годов, характерный плод тогдашней реакции.

ным в серьезном человеке романтизмом. Вот что мы слышим от него на этот счет.

«Мне, правда, в жизни приходилось встречать восторженных 18-летних девушек, которые, размахивая руками, с раскрасневшимися щеками и горящими глазами говорили о пережитом романтизме этого подполья. Но эти девушки были не политические деятели, а люди чувства, настроения. И я никак не могу представить себе в этой позе нашего маститого вождя Г. В. Плеханова».

Вы видите: тов. С. Лидов никак не может вообразить меня «в этой позе». А я все-таки принял ее к его огорчению и раздражению. Ведь это я воскликнул: «да здравствует подпольный крот!» в конце статьи, написанной мной *«в защиту революционного подполья»* (см. № 12 «Социал-демократа»). Знай я, что огорчу и раздражу тов. С. Лидова, я, разумеется, никогда не позволил бы себе этого восклицания. Но слово не воробей, вылетит — не поймаешь. Теперь мне остается лишь оправдываться перед моим строгим обвинителем.

Тов. С. Лидов пойдет в подполье, — он сам обещает поступить так. Для чего? Для «подпольной» революционной работы. Поскольку он будет заниматься такой работой, постольку он сам, своей собственной персоной, превратится в «подпольного крота». Спрашивается, неужели я не имею права пожелать ему успеха? Думается, что — имею. А если имею, то нельзя осуждать меня, если я выражу это свое пожелание словами: «да здравствует подпольный крот!» Это ясно. Но, разумеется, это ясно только для тех, которые умеют связывать свои мысли.

Далее. Пока тов. С. Лидов будет заниматься своей работой «подпольного крота», его не перестанет преследовать полиция. Она употребит все усилия для того, чтобы изловить его. И чем скорее она достигнет этой своей цели, т.-е. чем скорее она положит конец «подпольной» деятельности моего строгого товарища С. Лидова, тем больше пострадает дело пролетариата, в интересах которого он «пойдет» в подполье. И вот я, сочувствующий работе нашего Соломона, опять спрашиваю: неужели же я не имею права пожелать, чтобы строгий Соломон как можно дольше избегал полицейских сетей? И опять всякий человек, умеющий связывать свои мысли, ответит: «Ну, конечно, имеете». А раз имею, то будет весьма естественно, если я выражу и это свое пожелание теми же словами: «да здравствует подпольный крот!» Чем же смущается Соломон из «Голоса социал-демократа»? Почему он не может представить себе меня «в этой позе»?

У Мольера («Le médecin malgré lui») Сганарэль бьет свою жену, и когда Робэр пытается защитить ее, она с досадой говорит: «Je veux qu'il me batte, moi!» (Я хочу, чтобы он меня бил!) Робэр отвечает: Ah! j'y consens de tout mon coeur!» (А! так я от всего сердца соглашаюсь на это!)

Наш бывший («шел») и будущий («пойду») «подпольный крот», должно быть, хочет, чтобы полиция преследовала его не безуспешно. Он сильно смахивает на жену Сганарэля. Это его дело. Но что касается меня, то я решительно не могу последовать примеру Робэра и сказать ему: Ah! j'y consens de tout mon coeur! Я совсем не «соглашаюсь»: мне вовсе не желательно видеть бедного «крота» в полицейском участке. По-моему, он заслуживает гораздо лучшей участи. И я остаюсь «в этой позе», я упрямо повторяю: «да здравствует подпольный крот!»

Соломон из «Голоса» продолжает:

«До сих пор я понимал подполье как необходимость, как продукт русской тяжелой действительности. Я шел и пойду в подполье только потому, что меня туда загоняет русский царизм, штыки, жандармы. Но я до последнего издыхания буду бороться, чтобы свергнуть с себя царизм и жандармов, чтобы осуществить предсказание апостола-рабочего и разбить железный штык».

Все это очень хорошо, но кто же это уверил нашего Соломона, что в *моих* глазах «подполье» является не «продуктом русской тяжелой действительности», а чем-то таким, что я желал бы сохранить даже и тогда, когда действительность эта перестанет быть «тяжелой»? Я не знаю — кто. Но я не сомневаюсь, что этот незнакомец любит зло подшутить над своим ближним, как только заметит в нем некоторую долю простоватости.

Конечно, этот же злой шутник убедил нашего Соломона и в том, что я не советую российскому пролетариату бороться за политическую свободу. Наконец, он же, все тот же насмешник, подсказал ему и ссылку на «апостола» рабочего, т.-е. на Петра Алексеева, как известно, выразившего на суде уверенность в наступлении того времени, когда поднимется мускулистая рука рабочего и разлетится в прах окруженное солдатскими штыками ярмо деспотизма. Злому шутнику было, как видно, очень хорошо известно, что я же и напомнил о Петре Алексееве нашей интеллигенции, когда она, мечтая о политической свободе, обнаруживала полное непонимание революционной миссии российского пролетариата; но он видел, что это неизвестно Соломону из «Голоса», и не устоял перед искушением поставить этого товарища в смешную

«позу» человека, который мне бьет челом моим же добром. Поистине можно сказать, что таинственный незнакомец, подшутивший над Соломоном из «Голоса», зол, как Мефистофель!

Послушаем еще.

«Борьба за легальность,—вещает тов. С. Лидов,—это лозунг, который должен во всей своей ясности и определенности встать перед нашей партией». Превосходно. Однако, что же такое эта «борьба за легальность»? Не что иное, как борьба за такие политические права, которые избавят российский пролетариат от тяготеющего над ним теперь полицейского произвола и дадут ему возможность открыто бороться и организовать свои силы. Когда будут завоеваны эти права, тогда и тов. С. Лидову не будет надобности итти в «подполье», а я лишусь всякого повода восклицать: «да здравствует подпольный крот!» Это понятно. Но пусть тов. С. Лидов потрудится перечитать программу нашей партии: в той ее части, где перечислены ближайшие требования РСДРП, он найдет дорогой ему «лозунг» во всей его «ясности и определенности». Чего же еще хочет тов. С. Лидов? По какому же случаю он шумит? Он скажет, может быть, — теперь часто приходится слышать это, — что *старый* «лозунг», давно уже выдвинутый в нашей социал-демократической литературе и в нашей партийной программе, приобрел *новый* смысл с тех пор, как за его истолкование взялись те пророки, в приятном обществе которых он собирается «перешагнуть» через меня. Но какой же смысл придают ему *их* толкования? Тот самый, какой он получил еще под пером публицистов «Рабочей Мысли» и «Рабочего Дела». И это в лучшем случае. А еще бывает и так, что *новые* истолкователи *старого* «лозунга», в своем усердии не по разуму, делают его совершенно бессмысленным . Тов. С. Лидов не поверит этому; но это действительно так.

Вот что читаем мы в статье Ф. Дана, специально посвященной вопросу о «борьбе» за легальность («Голос социал-демократа», № 19 — 20, стр. 3, левая колонна):

«Борьба за легальность, или, иначе, борьба за *полноправие рабочего класса во всех сферах организации и борьбы* экономической, культурной и политической, выдвигается всей исторической обстановкой, как одна из основных задач борьбы рабочего класса в современной России. Мы говорим, не колеблясь,— одна из основных революционных задач, ибо в свете ее, во имя ее только и возможна в настоящее время такая борьба пролетариата, которая ставит себе одновременно целью и низвержение все еще продолжающего существовать самодержавия, и борьбу против дворянско-плутократических классов, нашедших в политических

привилегиях, данных им «обновленным строем», новое могучее оружие для терзания рабочего класса».

Борьба во всех сферах борьбы, в свете которой только и возможна борьба... воля ваша, тов. С. Лидов, а ведь это совершенная бессмыслица [1]). И так как я не тороплюсь почтительно снимать шляпу перед этим «новым» евангелием Ф. Дана и братии его, вы грозите «перешагнуть» через меня «с тов. Мартыновым». Что ж, шагайте! Только смотрите, как бы вам не опрокинуться при этом на спину.

В том же № «Голоса» напечатана статья Стивы Новича «Вокруг ликвидаторства». Стива Нович не походит на Ф. Дана: он не говорит широковещательных бессмыслиц, он знает, чего хочет. Но чем последовательнее мыслит он, тем яснее и несомненнее становится кровное родство его с «экономистами». Он целиком переходит на их точку зрения [2]). «Подпольному кроту» в его схеме вообще не отводится никакого места. И если тов. Лидов в самом деле «пойдет в подполье», то не избежать ему столкновения с такими якобы новаторами, как Стива Нович. А им имя легион. Тов. С. Лидов, может быть, читал последние книжки «Нашей Зари» и «Возрождения». В таком случае он должен знать, что журналы эти «*возрождают*» именно ту мысль авторов «Gredo», что необходимо упразднить «революционное подполье» — то самое подполье, в которое «шел» и «пойдет» он, товарищ С. Лидов.

Если бы наш Соломон умел связывать свои мысли, то он и без посторонней помощи сообразил бы, что ему, *признающему необходимость «подпольной» работы,* нечего делать между людьми, *эту работу «ликвидирующими»* или хотя бы *только поддерживающими «ликвидаторов» по тем или другим кружковым соображениям.* А он, бедняга, не соображает...

Не будучи в состоянии уяснить себе неизбежную связь между «ликвидаторством» и оппортюнизмом, Соломон из «Голоса», естественно, не одобряет предложенного мною «межевания». Он гремит:

---

[1]) Ф. Дан напоминает того «пиро-гидро-техника» Капитона Иванова, — в очерке Г. Успенского «Нужда песенки поет», — который обещал в своей афише «попури из мира чудес, кабалистику и чревоувещевание по весьма сходным ценам; также индийское оскомотирование... обезглавление головы, носа и других частей тела и проч., и проч...» Расчет Капитона Иванова не уступал в правильности «тактике» Ф. Дана: обезглавление головы, носа и других частей тела должно было производить сильнейшее впечатление на безграмотных зевак обоего пола.

[2]) Ср. № 12 моего «Дневника», стр. 16 и след. [См. ниже стр. 188.]

«Спрашивается, стоит ли из-за этого (т.-е. из-за того, что у нас есть оппортюнизм. — *Г. П.*) восклицать: «да здравствует генеральное межевание!»?

Почему же не стоит, тов. Лидов? Отчего не размежеваться нам с оппортюнистами, существование которых вы сами же признаете? Чему и кому повредит наше межевание с ними? Отчего нам не размежеваться также и с «новаторами», воскресившими старую мысль об упразднении революционного «подполья», в которое вы же сами «шли» и «пойдете»? Кому и чему повредит такое межевание?

Тов. С. Лидов «не внемлет». Он вооружается Бебелем, Каутским, Гэдом и кричит:

«Почему, я спрашиваю дальше, «гениальный тактик» и «вполне достойный ученик Маркса и Энгельса», Август Бебель [1]), *до сих пор не отмежевался,* понятно в том смысле, как нам предлагает Г. В. Плеханов, от Бернштейна и ему подобных? Почему не менее достойные ученики Маркса и Энгельса — Каутский и Гэд — не проделывают подобных операций над немецкой и французской партиями? Почему... но довольно!»

Этого и в самом деле «довольно», как говорится, за глаза. И Бебель, и Гэд, и Каутский давно уже и весьма основательно размежевались с оппортюнистами, действующими во Франции и Германии. И размежевались именно «в том смысле, как нам предлагает Г. В. Плеханов». Если они не предприняли ничего для размежевания с «ликвидаторами», то это произошло единственно по той весьма простой и вполне понятной причине, что в западных социал-демократических *партиях* о ликвидаторах ничего не слышно. До «ликвидаторства» не доходил ни Бернштейн, ни Турати. До него доходили только синдикалисты (да и то не все). Но с синдикалистами нет ничего общего ни у Гэда, ни у Каутского, ни у Бебеля. Значит, нет надобности и «межеваться» с ними.

Как же не соображает это тов. С. Лидов? Еще раз скажу: удивительно!

Тов. С. Лидов непоколебимо убежден в том, что генеральное межевание «значит» новый и еще новый раскол. Почему «значит»? Отчего забывает или умалчивает он о том, что я, наоборот, считаю «межевание» лучшим средством против «расколов», равно как и против фракционного кретинизма?

---

[1]) Тов. С. Лидов повторяет здесь мои отзывы о Бебеле. О, этот товарищ не прочь и поехидничать!

Ему некогда отвечать на эти неизбежные, но скучные для него вопросы. Он не доказывает своей мысли, а просто-напросто декретирует ее.

«Только так я хочу (sic!), — категорически заявляет он, — понимать новый лозунг Г. В. Плеханова, на произведениях которого воспитывалось все живое и мыслящее в рядах партии (этот строгий и решительный человек умеет, однако, иногда позолотить пилюлю. — *Г. П.*). А хочу (sic!) я этого оттого, что такое у меня сложилось убеждение после чтения № 9 «Дневника». Сначала статья «Оппортюнизм, раскол или борьба за влияние в партии», которую можно формулировать коротко: «Вот вам следственный материал и обвинительный акт», а затем идет «Генеральное межевание», иначе говоря: «Вот вам и приговор» (там же).

Итак, я сею расколы и выношу «приговоры», так как предлагаю размежевание. А что размежевание и «приговор», сопровождаемый «расколом», одно и то же, это доказывается тем, что тов. С. Лидов «только так хочет понимать» меня.

Дело принимает такой строгий оборот, что я, по-военному, беру под козырек и говорю, стараясь, опять-таки по-военному, «есть глазами» тов. С. Лидова:

— Слушаю, ваше благородие!

Казалось бы, что тов. С. Лидов уже дошел до последних пределов комизма. Но нет, он раздвигает их. Заканчивая свою бесподобную статью, он впадает в новое и еще более забавное противоречие со здравым смыслом.

Заканчивая свою бесподобную статью, он еще раз, — и, конечно, опять с полной искренностью, — заявляет о своем сочувствии к «подпольной» работе. Он настаивает на том, что лозунг «борьба за легальность» не должен быть заменен лозунгом: «подлаживание под легальность». Он совершенно справедливо говорит: «Русская действительность не дает нам возможности ввести в широком смысле нашу работу в легальные формы». Советуя занимать все позиции, уступленные нам «конституционным царизмом», он прибавляет: «Это одна сторона нашей борьбы за легальность. Другая — пока еще довольно сложная, ответственная и целесообразная подпольная работа и подпольная борьба за легальность». Это опять совершенно справедливо. Но ведь мы, меньшевики-«партийцы», именно так и формулируем наши задачи. И именно опираясь на такую формулировку, мы говорим (вопреки всем небылицам, которые возводит на нас Соломон из «Голоса»):

Не надо ни оппортюнизма, ни раскола, а нужна борьба за влияние в партии. Только приобретя влияние в ней, мы можем быть уверены в том, что партийная работа примет желательное для нас направление.

Почему же нападает на нас тов. С. Лидов? Слушайте!

«Но мы заранее заявляем, что как только эта возможность (т.-е. возможность «ввести в широком смысле нашу работу в легальные формы»—*Г. П.*) наступит, мы не последуем за нашими анархо-социалистическими большевиками, а пойдем по пути всеми нами признанной германской социал-демократии».

Тэ-экс! Выходит, что если тов. С. Лидов «хочет» через меня «перешагнуть», то единственно, — или, пожалуй, главным образом, — ввиду моей склонности следовать за «анархо-социалистическими большевиками», которые, с своей стороны, ни за что не желают следовать по пути германской социал-демократии. Теперь все ясно и понятно...

Соломон, сын Давидов, царь израильский, говорит в знаменитых «Притчах»: «Мудрость разумного — знание пути своего, глупость же безрассудных — заблуждение».

Соломон из «Голоса» совсем лишен «мудрости разумного» и даже совсем не подозревает, в чем она состоит: он *не знает пути своего*. Соломон Соломону рознь. И, несмотря на мои республиканские убеждения, я предпочитаю Соломона, царя израильского. Надеюсь, что за это никто не обвинит меня ни в оппортюнизме, ни в склонности к «раздорам» и «расколам».

Путаница понятий, благополучно царствующая в голове тов. Соломона Лидова, водворилась там при благосклонном содействии «Голоса социал-демократа» [1]). Будущий историк нашей партии непременно должен будет отметить, как сильно способствовал этот замечательный орган «новаторов» развитию классового самосознания русских рабочих.

[1]) Статья тов. С. Лидова напечатана без всяких оговорок со стороны редакции, значит, эта последняя одобряет заключающиеся в ней рассуждения.

Несколько слов в ответ тов. С. Лидову

Тов. С. Лидов жалуется на то, что я «произвольно вырвал» несколько слов из «контекста» его статьи. У него выходит так, что я ограничился этим «выражением», дополнив его несколькими полемическими красотами. Это значит, что я совсем невнимательно отнесся к его статье, между тем тот же товарищ, в начале своей заметки, иронизирует по тому поводу, что я посвятил ему «целый фельетон». Эта ирония, пожалуй что, и заслужена мною: тов. С. Лидов, в самом деле, не такой писатель, чтобы им стоило много заниматься. Но как бы там ни было, а «целый фельетон» свидетельствует не о том, что я без внимания отнесся к этому «писателю». Или, может быть, тов. С. Лидов прав, характеризуя мой ответ ему, как набор «полемических красот», расположенных вокруг одной передержки? Это я предоставляю решить тем, которые прочли мою статью: я не судья в своем собственном деле. Но не судья в своем деле и тов. С. Лидов. Если моя статья так слаба, то почему же он не потрудился доказать это? Что значит под его пером слова: «полемические красоты»? У Чернышевского, — у которого они взяты, — они имели уничтожающий смысл именно потому, что он беспощадно обнаружил слабую сторону аргументации своих противников и тем показал, что в действительности полемические упражнения этих господ чужды всякой красоты. А мой противник ровно ничего не разбирает в моих «полемических красотах». Он хочет справиться с ними посредством одного пренебрежительного отзыва. Если бы такой прием был целесообразен, то трудно было бы найти хоть одного литературного неудачника, хоть одного бездарного писаку, который не умел бы поразить самых сильных своих противников. Каждому такому неудачнику стоило бы только утверждать, что направленные против него насмешки представляют собою простые «полемические красоты», которыми он, конечно, — ну еще бы! — заниматься не хочет. Только очень наивный человек может вообразить, что полемический прием, отличающийся *подобной* «красотой», на что-нибудь годится.

А передержка?

Я произвольно вырвал «слова тов. С. Лидова» из «контекста». Так ли это?

Тов. С. Лидов сам показывает, что это не так. И это очень, с его стороны, любезно. Это поистине редкая «полемическая красота».

Чем показывает? Да просто тем, что приводит те строки, которые, по его словам, я вырвал из «контекста». Читатель видит, — или, по крайней мере, увидит сейчас,—что строки эти представляют собой такой период, смысл которого целиком заключается в нем самом и потому нимало не изменяется от «контекста».

Смысл этот, — если есть тут какой-нибудь смысл, — состоит в противопоставлении того, что осталось незаметным для близорукого Плеханова, тому, что есть в действительности и что не ускользнуло от зорких глаз тов. С. Лидова. Это противопоставление начинается словами: «*по мнению же* Г. В. Плеханова» на Шипке все спокойно и т. д. [1]). А как обстоит дело *не* «по мнению Г. В. Плеханова»? Об этом, очевидно, следует судить на основании того, что предшествует словам: «по мнению же» и проч., начинающим собою противоположение. Что же именно предшествует этим словам? Фраза: «Ликвидаторов оказалось много. Статья тов. С. явилась знамением времени и далеко не отрадным». Ясно, что этой фразой обозначается то, что существует, по мнению тов. С. Лидова, в действительности. Я так и понял ее. Чего же хочет этот товарищ?

Он хочет теперь приписать этой фразе «иронический оттенок». Хорошо. Я согласен. Давайте припишем ей иронический оттенок и посмотрим, что у нас получится.

Над чем «*иронизировал*», над чем *мог* «*иронизировать*» тов. С. Лидов? Очевидно, только надо мною. Очевидно, фраза «ликвидаторов оказалось много» и т. д. передает у него мое суждение о наших партийных делах, суждение, кажущееся ему достойным иронии, насмешки. *Если это так,* — а иначе и быть не может, согласно тому предположению, принять которое *заставляет* меня *теперь* тов. С. Лидов,—то какой же смысл имеет противопоставление, начинающееся словами: «по мнению же Г. В. Плеханова» и проч.? Ровно никакого! А если ровно никакого, то что же мне думать об авторе статьи, в которой находится это, лишенное всякого смысла, место?

Одно из двух.

---

[1]) Подчеркнуто мною.

Или он нарушал самые законные требования *логики* в то время, когда писал свою статью.

Или же он нарушает самые законные требования *правдивости* теперь, в своей заметке, направленной к тому, чтобы уличить меня в искажении его мысли.

Не знаю, на каком из двух предположений я должен остановиться.

Тов. С. Лидов говорит, что слова: «знамением времени, далеко не отрадным», взяты им у меня же, — именно из № 9 моего «Дневника». Пусть так. Но что же из этого? Я помню, конечно, смысл своих статей, но не помню, да и не могу помнить, каждое отдельное их выражение. А если бы, в данном случае, и помнил, то ведь факт принадлежности мне указанных слов,—которые, действительно, были здесь неожиданно «вырваны из контекста» тов. С. Лидовым,—ровнехонько ничего не изменяет *в логическом построении спорного места статьи тов. С. Лидова.* Логика этого места все-таки указывает на то, что словами: «по мнению же Г. В. Плеханова» начинается ироническое изложение моего взгляда, а предшествующая фраза подкрепляет и оправдывает иронию изображением того, что есть на самом деле. И я не только имел бы право, но должен был бы, не желая навлечь на себя упрек в педантизме, оставить в стороне вопрос о том, не были ли заимствованы у меня тов. С. Лидовым те или другие отдельные выражения, *несомненно, вставленные им в совершенно другой контекст.* Дело не в отдельных словах, а в содержании, полученном ими в этом новом контексте. Что же касается их содержания, оно вполне ясно. Не может подлежать сомнению, что у человека, умеющего связывать свои собственные мысли, в указанном месте «контекст» не имел иронического «оттенка».

Правда, я с своей стороны в том и упрекал тов. С. Лидова, что уменьем связывать свои мысли он не обладает. *Если* признать этот упрек основательным, то все об'ясняется, насколько позволительно говорить об ясности, разбирая доводы такого человека, о котором приходится сказать, что он превзошел даже знаменитых пошехонцев: те заблудились в *трех* соснах, при чем сосны-то, наверно, были чужие, а он запутался в *двух* суждениях, ему же самому принадлежащих.

Тов. С. Лидов утверждает, что если бы он сказал то, что я приписал ему, — и что я, как видит читатель, *должен был приписать* ему по законам логики, — то его статья явилась бы бессмыслицей. Что же это за довод? Ведь я никогда и не утверждал, что в его статье много смысла. Совершенно наоборот!

Будучи склонен к «иронии», тов. С. Лидов дает мне «иронический» урок правописания. Где я пишу: «оппортюнизм», там он на место буквы *ю* ставит букву у — дескать, пиши *оппортунизм*. Спасибо за науку. Но слово это заимствовано другими народами из *французского* политического словаря, а по-французски оно произносится именно так, как я его написал. Не везет и с этой «иронией» тов. С. Лидову.

Эх, зло подшутил над ним тот человек, который посоветовал ему взяться за перо! Ничего, кроме «стыдобушки», из этого не выйдет.

Само собой понятно, что я не буду входить с тов. С. Лидовым ни в какие рассуждения о том, какой бывает оппортюнизм и оппортюнист ли я.

P. S. Тов. С. Лидов называет меня своим *учителем*. Тут уже несомненная ирония. Всякий видит, что на самом-то деле его учителем был не я, а тов. А. Мартынов.

«ДНЕВНИК СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТА» № 12

ИЮНЬ 1910 г.

Легальные рабочие организации и Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия

I

Не так давно т. Киселев, передавая в письме ко мне содержание прений, происходивших на одном собрании русских социал-демократов в Цюрихе, сообщил, между прочим, что один из товарищей-«большевиков» (!) упрекнул меня в отрицательном отношении к легальным рабочим организациям. Я не принадлежу к тем людям, которые волнуются по поводу каждого направленного против них упрека. В течение моей революционной деятельности мне пришлось выслушать так много упреков и испытать так много нападок, что я уже давным-давно усвоил себе мудрое правило: на всякое чиханье не наздравствуешься. Я отвечаю только на такие нападки и упреки, на которые стоит обратить внимание в интересах дела. Но упрек, о котором говорит т. Киселев в своем письме, как раз принадлежит к их числу, потому что затрагивает один из самых важных для нас, — членов Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, — практических вопросов. И я хочу им заняться.

При этом оговариваюсь. Я не знаю даже имени товарища-«большевика», сделавшего мне указанный упрек. Так же мало известны мне частности его взглядов. Возможно, что он не совсем точно выразился или что т. Киселев не совсем точно понял его слова: нет ничего естественнее подобных недоразумений. Вот почему я буду говорить *предположительно*. Я буду развивать свою мысль, *предполагая,* что упрек, направленный по моему адресу товарищем-большевиком, был вполне правильно понят т. Киселевым. Если это было не совсем так, то тем лучше: в таком случае товарищу-большевику, может быть, не так трудно будет признать меня правым.

Если в указанной т. Киселевым точке земного шара, в самом деле, имеется товарищ-большевик, упрекающий меня в непризнании важности легальных рабочих организаций, то он представляет собою, в моих гла-

зах, до последней степени отрадное явление. Его существование доказывает, что большевики начинают расставаться с одним из самых важных практических своих заблуждений, т.-е., что они начинают понимать великое значение самодеятельности рабочего класса. Правда, одна ласточка еще не делает весны, но правда и то, что, увидя *одну* ласточку, мы еще не имеем права об'явить ее без дальнейших околичностей осужденной на одиночество. Как знать? Может быть, она — одна не потому, что ей суждено остаться единственной, а только потому, что она первая. А если это так, то весь вопрос состоит лишь в том, скоро ли за первой ласточкой прилетит вторая, за второй — третья и т. д. Я от всей души желаю, чтобы это совершилось как можно скорее.

Надо говорить прямо: *возрождение нашей партии будет очень затруднено, если товарищи-большевики не откажутся от своих угрюмбурчеевских привычек по отношению к рабочим организациям, не входящим в ее состав.*

Тут мне приходится вспомнить, как я спорил с ними, в 1907 г. в Лондоне, о рабочем с'езде. Я доказывал им, что наша партия изменила бы самой себе, если бы стала мешать росту самодеятельности пролетариата, и что они позабыли об этом, выступив против идеи рабочего с'езда.

«Ваша резолюция говорит, — заметил я, — что идею рабочего с'езда можно обсуждать в органах партийной печати, но нельзя агитировать за нее в широких массах. Я прекрасно знаю, что так называемые опасные идеи «опасны» именно тогда, когда они распространяются в широких массах. Но социал-демократия не должна бояться широких масс. Манифест Коммунистической Партии говорит, что пролетариат не может выпрямиться, не может пошевелиться без того, чтобы не затрещала по всем швам вся возвышающаяся над ним общественная надстройка. Неужели же наш пролетариат не может двинуться, не может пошевелиться без того, чтобы не перепугалась, не пришла в замешательство Российская Социал-Демократическая *Рабочая* Партия?!

Это было бы слишком печально!..» [1])

Дело это прошлое, и о нем, кажется, можно вспоминать теперь хладнокровно. Пора же догадаться, что товарищи, боявшиеся агитации в массах хотя бы и за идею рабочего с'езда, еще не поняли, до какой степени необходимо для пролетариата умение ходить на собственных

[1]) «Протоколы Лондонского с'езда», стр. 493.

ногах [1]). Странны были те защитники нашей партии, которые приходили в замешательство при мысли о рабочем с'езде. Они не понимали, что наша партия, партия сознательного пролетариата, должна расти и крепнуть не *вопреки* самодеятельности рабочего класса, но *опираясь* на нее.

А еще более странны те товарищи-большевики, — если есть такие большевики, — которые не понимают, что возрождение нашей партии целиком зависит от того, чем явятся ее «подпольные» группы и ячейки: проявлением самодеятельности наиболее сознательных рабочих или же, наоборот, создаваемым «интеллигентами» препятствием для такого проявления. В первом случае, — т.-е. если наши «подпольные» организации станут плодом и выражением рабочей самодеятельности, — новый расцвет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии так же неизбежен, как неминуем новый под'ем рабочего движения после нынешнего его упадка, наступившего за бурными событиями 1905—1906 гг. Во втором случае, — т.-е., если они будут мешать самодеятельности массы, — можно быть уверенным, что нашей партии предстоит не расцвет, а бесславная гибель, способная лишь наполнить самой искренней и большой радостью сердца ликвидаторов всех цветов и оттенков, от Мартынова и Дана до Стивы Новича и Потресова, и даже далее — вплоть до людей, которые так и родились с ликвидаторскими ушами, вроде Брукэра [2]) и Акимова.

Говоря, что наша партия не должна быть создаваемым «интеллигентами» препятствием для проявления рабочей самодеятельности, я имею в виду тот наш недавний обычай, в силу которого руководящие органы нашей партии находились почти всецело в руках интеллигенции. Несправедливо было бы заносить этот, весьма непохвальный, обычай в пассив одних только большевиков. Весною 1905 г. мне приходилось беседовать о нем с «практиками», присутствовавшими на меньшевистской конференции (во время созванного большевиками так называемого III с'езда партии), и они доказывали мне, что от этого печального обычая еще невозможно отказаться, так как рабочие пока недостаточно раз-

---

[1]) Написав эти строки, я перечитал письмо Маркса к Швейцеру от 13 октября 1868 г. и с величайшим удовольствием встретил там следующее, относящееся к Германии, место: «Здесь, где рабочий с детства притесняется бюрократией и где он верит во власть, в подлежащее начальство, важнее всего научить его самостоятельно ходить» (gilt es vor allem ihn selbständig gehen zu lernen). Едва ли не излишне прибавлять, что к нынешней России слова эти применимы не меньше, чем к тогдашней Германии.

[2]) Не смешивать с бельгийским тов. де-Брукэром.

виты [1]). Теперь этот печальный обычай отменяется, можно сказать, жизнью. Теперь сама интеллигенция все более и более становится недостаточно «развитой» для того, чтобы принимать участие в социал-демократическом движении. Поэтому не далеко то время, когда руководящие органы нашей партии будут, главным образом, в руках рабочих. И уже теперь между нашими сознательными пролетариями замечается стремление отбросить далеко в сторону (даже предварительно переломив ее с досады) указку «интеллигентов». Но не надо обманываться на этот счет. Дело не в лицах, а в приемах. Мне сильно сдается, что если бы во многих наших партийных комитетах «интеллигенты» были заменены рабочими, то комитетская практика изменилась бы очень мало. Рабочие, как и все другие смертные, способны ошибаться. А ошибаясь, они, подобно «интеллигентам», способны стать на сектантскую точку зрения. От сектантства спасает не звание рабочего (часто — бывшего рабочего) или студента (часто — бывшего студента), а известная широта взгляда. Но наши недовольные указкою «интеллигентов» товарищи рабочие не всегда смотрят шире этих последних. Наоборот. Иногда они,—это очень жаль, но это неоспоримо так,—грешат еще большей узостью взгляда. Нетрудно доказать это. Достаточно вспомнить, как презрительно смотрят многие из них на спорные тактические и организационные вопросы, раздирающие нашу партию. Они полагают, что вопросы эти придуманы «интеллигенцией» и что они сами собою сошли бы с очереди, как только руководящие органы нашей партии оказались бы, преимущественно, в руках рабочих. Но вопросы эти вовсе не придуманы «интеллигенцией», а поставлены историей; отвернуться от них не значит их разрешить. И если бы в руках тех рабочих, которые от них отворачиваются, оказались руководящие органы нашей партии, то вопросы эти и тогда продолжали бы стоять перед нами подобно грозному сфинксу. Вся разница была бы только в том, что так как ломать голову над грозной загадкой сфинкса пришлось бы теперь людям, прежде никогда не искавшим ее решения и даже не признававшим ее существования, то она еще больше рисковала бы остаться неразрешенной [2]).

---

[1]) Нет ничего невероятного в том, что месяцев 7—8 спустя некоторые из моих собеседников признали наш пролетариат способным к «перманентной революции», от которой уже рукой подать до социализма. Так скачем мы от одной крайности в другую, пролагая себе дорогу ко всякого рода «разочарованиям».

[2]) В письме к Зорге от 19 октября 1877 г. Маркс говорит: «Что касается самих рабочих, то если они бросают свою работу и становятся профессио-

Спорные вопросы, раздирающие теперь нашу партию, выдвигаются тем чрезвычайно важным обстоятельством, что она возникла и действует при таких политических условиях, которые несравненно более благоприятствуют процветанию разных социалистических *сект,* чем социал-демократической *партии как таковой.*

Чем характеризуется сектантство? В цитированном выше письме своем к Швейцеру Маркс отвечает на этот вопрос кратко, но в то же время удивительно глубоко. По его словам, секта выдвигает на первый план, как вопрос своей чести, «point d'honneur», не то, что имеется у нее *общего* с классовым движением, а то, что *отличает* ее от него. И она, *отдельная секта,* стремится подчинить себе движение *целого класса.* Это поистине золотые слова, которые должна была бы всегда помнить наша партия в своих сношениях с рабочими организациями, находящимися за ее пределами. К сожалению, эти золотые слова нередко забывались некоторыми руководящими органами нашей партии, а, может быть, были им и вовсе неизвестны.

Тов. Киселев пишет мне: «Ужасно запутан вопрос: *что такое* ликвидаторы, с кем именно борется г. Плеханов? «Голосовцами» же энергично, *усиленно* в ликвидаторы зачисляются *все* деятели легального рабочего движения: и группа рабочих, выступавших на с'езде фабрично-заводских врачей, на женском с'езде, на «пьяном», и *вперед* зачисляется группа рабочих, если она образуется, на предстоящем с'езде «по борьбе с проституцией». Все эти рабочие — ликвидаторы». (Подчеркнуто везде автором письма.)

Тут я уже нимало не сомневаюсь в том, что т. Киселев правильно смотрит на предмет. «Голосовцы» в самом деле энергично и усиленно зачисляют по ликвидаторскому ведомству всех «деятелей легального рабочего движения». Спрашивается только, имеют ли они для этого какое-нибудь логическое основание? А на это приходится ответить утвердительно, хотя и с весьма серьезной оговоркой: да, логическое основание для этого у них есть, хотя оно гораздо более узко, нежели то заключение, которое ими на нем воздвигается.

нальными литераторами, подобно господину Мосту с товарищами, то они всегда творят не мало бед в «теории» и всегда готовы примкнуть к сумбурным головам из мнимой «ученой» касты». («Письма Маркса, Энгельса и др. к Зорге и др.», перевод Г. Котляра и М. Панина под ред. и с пред. П. Аксельрода, стр. 166—167). Маркс выражается здесь слишком категорично. Известно не мало блестящих исключений из указанного им правила; но все-таки об этом правиле следовало бы почаще задумываться т. Степану Голубю, издающему «Пролетарское Знамя».

То, что предпринималось «деятелями легального рабочего движения» в случаях, подобных указанным в письме т. Киселева, вызывало иногда совершенно незаслуженное порицание со стороны более или менее влиятельных деятелей «подпольного» движения или даже целых органов нашей партии. Эти последние видели подчас в намерениях и планах деятелей легального движения нечто несогласимое с планами и и намерениями «ортодоксальной» социал-демократии. А когда доходило до этого: когда планы и намерения партии, будучи интерпретированы большевиками, враждебно сталкивались с планами и намерениями «деятелей легального движения», вытекавшими из нужд этого движения, тогда этим деятелям не оставалось ничего другого, как искать сочувствия и поддержки у «ликвидаторов». На этом основании ликвидаторы и стали зачислять по своему ведомству всех «деятелей легального рабочего движения». И на этом же основании многие наивные люди вообразили, будто интересы легального рабочего движения требуют ликвидации Российской Социал-Демократической Рабочей Партии. Но вообразить это могли именно *только* наивные люди, потому что, как сказано выше, этот широкий вывод не соответствует тому узкому основанию, к которому его приурочивают.

В чем состоит *вывод?* В том, что «подпольная» партия не может не приходить в противоречие с естественными и неизбежными требованиями массового рабочего движения. А *основание?* Оно сводится к тому, что *некоторые большевики неправильно поняли свою обязанность по отношению к легальным выступлениям пролетариата.*

Но разве мы не можем отделаться от подобной ошибки? Разве мы не можем, наконец, понять, — ведь это, право же, не так трудно! — что мы должны не препятствовать многоразличным выступлениям наших легальных рабочих организаций, а лишь способствовать тому, чтобы каждое выступление каждой из них оказалось наиболее плодотворным в смысле развития классового самосознания пролетариата?

Конечно, можем. Нужно только отрешиться от сектантства, выдвигающего на первый план не то, что об'единяет нашу *партию* с движением рабочего *класса,* а то, что отличает ее от него. И вот почему я так обрадовался сообщению т. Киселева о цюрихском большевике, осуждавшем меня за невнимание к легальному рабочему движению. Разумеется, он не прав по отношению лично ко мне. Но это не важно. Важно то, что большевики начинают осуждать сектантский взгляд на широкое рабочее движение. Я был бы счастлив, если бы все большевики дружно подхватили упрек, сделанный мне их цюрихским товарищем.

Я не стал бы тратить слова на самозащиту, а сказал бы им: «Теперь, когда вы, к величайшему моему удовольствию, сознали вред сектантства и когда, вследствие этого, вы уже не станете делать таких ошибок, которые толкали «деятелей легального рабочего движения» в об'ятия ликвидаторов, я уже не сомневаюсь в поражении этих последних и в победе «партийцев».

Когда-то спросили у лорда Биконсфильда, долго ли, по его мнению, останется у власти его партия. Он отвечал: «До тех пор, пока вождь противной партии, Гладстон, будет продолжать делать свои ошибки». Приблизительно так ответил бы я на вопрос, долго ли будут доставаться на долю ликвидаторов те успехи, которые теперь, несомненно, достаются им. Я сказал бы: «До тех пор, пока наши товарищи-большевики не расстанутся с несбыточной надеждой подчинить движение *класса* указаниям *секты* [1]).

Успехи ликвидаторов из лагеря меньшевиков прямо пропорциональны ошибкам сектантов из большевистского лагеря. Это едва ли не самая важная из тех тактических теорем, вдуматься в которые необходимо борющимся с ликвидаторами «партийцам» всевозможных оттенков.

II

«Партийцы» обязаны теперь возможно лучше выяснить себе, как должны они относиться к легальным рабочим организациям. Ввиду этого полезно будет напомнить им следующие слова «Манифеста Коммунистической Партии»:

«Коммунисты не составляют какой-либо особой партии, противостоящей другим рабочим партиям.

«У них нет таких интересов, которые не совпадали бы с интересами всего пролетариата.

«Они не выставляют никаких особых принципов, сообразно которым они хотели бы формировать движение пролетариев.

---

[1]) В письме к Зорге от 29 апреля 1886 г. Энгельс говорит: «Из секты французский социализм внезапно превратился в партию, и лишь теперь, и только благодаря этому, стало возможно массовое присоединение рабочих, ибо последние по горло сыты сектантством, и в этом секрет того, почему они шли за крайней левой буржуазной партией, за радикалами». (Там же, стр. 227). Сознательные русские рабочие тоже по горло сыты теперь сектантством, и в этом секрет того, почему многие из них сочувствуют ликвидаторам. Предостережение для товарищей-большевиков!

«Коммунисты отличаются от других рабочих партий только тем, что, с одной стороны, в движении пролетариев различных наций они выделяют и отстаивают общие, независимые от национальности, интересы всего пролетариата; с другой стороны — тем, что на различных стадиях развития, через которые проходит борьба пролетариев против буржуазии, они всегда защищают общие интересы движения в его целом.

«Таким образом, коммунисты на практике представляют собою самую решительную, всегда вперед стремящуюся часть рабочих партий всех стран, а в теоретическом отношении они имеют перед остальной массой пролетариата то преимущество, что понимают условия, ход и общие результаты рабочего движения».

Mutatis mutandis, мы, социал-демократы, представляем теперь собою то, чем были коммунисты лет 60 тому назад. Мы — передовой отряд рабочей армии. Правда, теперь рядом с социал-демократической партией почти нигде нет других рабочих партий. Но если рядом с ней почти нигде нет других рабочих партий, как политических организаций, то одновременно с нею везде существует очень много других рабочих организаций, не задающихся политическими целями: профессиональные союзы, потребительные и другие товарищества, общества самообразования и т. д.

И социал-демократия ни в каком случае не должна играть роль рабочей партии, *противостоящей* другим рабочим организациям. Это было бы ее смертным приговором, так как означало бы ее превращение в секту.

Как мы уже хорошо знаем, секта выдвигает на первый план не то, что имеется у нее общего с классовым движением, а то, что отличает ее от него. Так как социал-демократическая партия представляет собою организацию наиболее сознательных рабочих, то ее программа, выражающая взгляд этих рабочих на общую цель движения и на его будущность, тоже является одной из черт, отличающих эту партию от менее сознательных слоев рабочего класса. И вот почему даже из социал-демократической программы, — как бы ни была она верна сама по себе, — можно сделать сектантское употребление. Кто не знает теперь, как энергично восставал Энгельс против сектантского употребления социал-демократической программы?

В письме к т. Вишневецкой от 27 января 1887 г. он писал: «Если бы мы (т.-е. Маркс и Энгельс. — *Г. П.*) от 1864 до 1873 г. настаивали на том, чтобы итти вместе только с теми, которые

открыто признавали нашу программу, — где были бы мы теперь?» [1])

В письме от 9 февраля того же года он говорил о немецких социал-демократах, переселившихся в Америку, что если они не сумеют поддержать начинающееся там местное рабочее движение и отвернутся от него на том основании, что его участники еще не дошли до социалистических принципов, «то они выродятся в маленькую верующую секту и будут отодвинуты в сторону, как люди, не понимающие своих собственных принципов» [2]).

В таком же духе высказывался он о некоторых западно-европейских социал-демократических организациях, делавших из своей программы не орудие сближения своего с пролетарской массой, а средство отпугивания этой массы от социализма. Чтобы искупить свои старые ошибки, наши товарищи-большевики должны проникнуться этим духом непреодолимого отвращения к сектантству.

Что это значит — делать из своей программы не орудие сближения своего с пролетарской массой, а средство отпугивания этой массы от социализма? Это значит — отказываться от поддержки всякого данного выступления рабочих, если оно не сопровождается немедленным провозглашением всех принципов нашей программы и даже тактики. Но, как великолепно говорит тот же Энгельс, «не следует заставлять людей проглатывать вещи, которых они сейчас не в состоянии понять, но которым они скоро научатся» [3]).

Товарищи-большевики подчас не догадывались об этом в случаях, подобных тем, о которых говорит т. Киселев в своем письме ко мне (с'езды женский, «пьяный», фабрично-заводских врачей и проч.). Они пред'являли деятелям легального движения свои принципы и грозно кричали: «глотай!» Если те колебались, их предавали социал-демократической анафеме. Я уже сказал, что выигрывали от этого только ликвидаторы. Мы, марксисты, так охотно ссылающиеся на об'ективный ход вещей, должны же научиться верить в об'ективную логику рабочего движения. «Наша теория — не догма, а изображение эволюционного процесса, и этот процесс обнаруживает явления, следующие одно за другим (различные фазы)» [4]). Если данное рабочее выступление соответствует лишь первой фазе этого эволюционного процесса, на котором

[1]) См. «Письма», стр. 251.
[2]) Там же, стр. 252.
[3]) Там же, стр. 248.
[4]) Там же, стр. 248.

основываются наши надежды, то это еще далеко не дает нам права отказывать ему в нашей сочувственной поддержке. За первой фазой следует вторая, за данным выступлением, соответствующим первой фазе, последует второе, соответствующее второй. Тут есть своя диалектика, на которую нам следует опираться. Мы имеем право ополчиться против данного выступления рабочих только тогда, когда оно вызывает те или другие явления, так или иначе нейтрализующие силу об'ективной логики «эволюционного процесса». И не только имеем право: мы обязаны ополчиться против подобных выступлений. А все остальные, все те, которые облегчают действие указанной силы, должны быть поддержаны нами, хотя бы в головах их участников и оставалось еще много неясного и незрелого. Когда рабочие выступления направляются в надлежащую сторону, тогда нельзя сомневаться в том, что их участники скоро «проглотят» все наши принципы и научатся, как выражается Энгельс, тому, чего они сейчас не в состоянии понять. В этом смысле, — *и, разумеется, только в этом,* — Маркс сказал когда-то, что один шаг действительного рабочего движения важнее целой дюжины программ (конечно, хороших). И в этом же смысле, — и опять-таки только в этом, — Энгельс, говоря об американском движении, писал: «Гораздо важнее, чтобы движение расширялось, развивалось гармонически, пускало корни и обняло, по возможности, весь американский пролетариат, чем чтобы оно с самого начала двигалось вперед по теоретически совершенно правильному пути. Учиться на собственных ошибках, «умудряться благодаря потерям» — вот лучший путь к теоретической ясности понимания» [1]).

После всех этих об'яснений цюрихский товарищ-большевик, надеюсь, перестанет валить с больной головы на здоровую, т.-е. обвинять меня в том, в чем я не повинен ни делом, ни словом, ни помышлением. Но я прибавлю еще вот что.

Если я настаивал и настаиваю на нейтральности российских профессиональных союзов, то и это происходит потому, что я очень дорожу широким рабочим движением. Подчинить профессиональные союзы нашим революционным организациям, — ведь ни для кого не тайна, что рядом с нашей партией в России существуют другие революционные организации, — значило бы разрезать каждый из таких союзов на несколько отдельных, одна от другой не зависимых и лишенных жизнеспособности частей. Это нанесло бы тяжелый и вряд ли скоро попра-

---

[1]) Там же, стр. 247.

вимый удар профессиональному движению. А кроме того, это ослабило бы возможное влияние на это движение нашей партии.

Взаимное соперничество тех, лишенных жизнеспособности, отрезков профессиональных союзов, которые подчинились бы различным революционным организациям, создало бы рабочим такую массу затруднений в их борьбе с капиталистами, что среди них нашли бы себе скорое и легкое распространение теории синдикалистов, отрицающих всякую «политику» и потому враждебно относящихся ко всяким политическим партиям. Но это еще не все.

Логика нашей программы лучше всего выражает собою об'ективную логику нашего общественного развития. Поэтому наша партия имеет гораздо больше шансов, чем, например, партия социалистов-революционеров, приобрести влияние на профессиональные союзы. И пока союзы эти останутся нейтральными в моем смысле этого слова, т.-е. пока их не разрежут на части по числу политических революционных организаций, до тех пор мы можем быть уверены в том, что недалеко то время, когда социалисты-революционеры окончательно перестанут влиять на них. А если бы нам удалось разрезать профессиональные союзы, то мы тем самым надолго упрочили бы за партией социалистов-революционеров влияние хотя бы на некоторую часть организованных (может быть, тогда следовало бы сказать: дезорганизованных) рабочих. Ясно, что это совсем не в нашем интересе.

Как читатель видит отсюда, я отнюдь не равнодушен к вопросу о том, под чьим влиянием находится профессиональная организация пролетариата. Нейтральность, понимаемая в моем смысле, сводится к отсутствию организационного подчинения профессиональных союзов социал-демократической партии. Некоторые товарищи думают, что западно-европейские марксисты отвергают *подобную* нейтральность. Но это ошибка. Уже не говоря о Бебеле, написавшем целую брошюру в защиту нейтральности профессиональных союзов, я напомню категорическое заявление Каутского о том, что ему и в голову никогда не приходило настаивать на указанном подчинении союзов партии. Каутский находит, что необходимо только распространение социал-демократических идей среди членов профессиональных союзов и что этим распространением обязаны заниматься входящие в союзы члены социал-демократической партии [1]). Но этого, разумеется, не отрицает никто из сторонников нейтральности в указанном смысле.

[1]) См. его статью «Zum Parteitag», — «Vorwärts» (от 12 сент. 1900 г., № 213), I. Beilage.

Социал-демократическая партия, это — союз пролетариев, дошедших до социалистического образа мыслей. Профессиональный союз, это—организация пролетариев, об'единившихся для того, чтобы бороться с предпринимателями за лучшие условия продажи им своей рабочей силы. В настоящее время самосознание пролетариата уже достигло такой высокой степени, что и члены профессиональных союзов в большинстве своем так или иначе разделяют названный образ мыслей. Но для того, чтобы сделаться членом профессионального союза, вовсе нет необходимости быть социалистом: достаточно сознавать пользу и важность борьбы с предпринимателями за лучшие условия труда. И, конечно, ни одна серьезная профессиональная организация не откажет в приеме такому рабочему, который уже хочет и может принять участие в этой борьбе, но еще не дошел до социалистических идей или не находит нужным систематически бороться за них. Затворить перед ним дверь могли бы разве только французские «революционные» синдикалисты, еще не покинувшие сектантской точки зрения. Поэтому в каждой передовой стране число членов профессиональных союзов значительно превышает число членов социал-демократической партии. И по той же причине социал-демократическая партия везде остается и еще долго будет оставаться передовым отрядом рабочей армии. Вопрос об отношении профессиональных союзов к партии есть, собственно, вопрос о том, каково то взаимное отношение между ними, которое позволяет армии и ее передовому отряду совершить maximum действия в борьбе с неприятелем. Но этот вопрос решается далеко не так просто, как это думают (или думали) некоторые большевики.

Я сказал, что попытка подчинить профессиональные союзы революционным организациям вызвала бы у нас, в виде естественной реакции, распространение синдикализма. И то же самое совершилось бы, хотя иным путем, в любой из западных стран. Но на Западе едва ли какой-нибудь толковый социалист станет добиваться теперь *подчинения* профессиональных союзов партии. Профессиональные союзы никогда не согласятся на подчинение. Поэтому, вместо подчинения, можно было бы говорить с надеждой на успех только о тесной организационной связи. Но к чему привела бы такая связь?

Вспомним Амстердам, где нашел свое решение, — по крайней мере временное, — великий исторический спор между Гэдом и Жоресом, между марксизмом и оппортюнизмом. С'езд представителей социал-демократических партий высказался в пользу Гэда. А что произошло бы, если бы этот спор решался на международном с'езде представителей

профессиональных союзов? Если бы они не отказались решать его, ссылаясь на чисто экономический характер своих организаций, то они приняли бы сторону Жореса. И во всяком случае, факт тот, что, например, Дания, в которой профессиональные союзы составляют главнейшую основу партии, была в Амстердаме против Гэда. В этом нет ровно ничего удивительного. Так как профессиональные союзы, по необходимости, должны открывать свои двери даже таким пролетариям, которые еще не дошли до социализма, то странно было бы требовать от них непримиримости по отношению к оппортюнистическим тенденциям в социализме [1]). А отсюда следует, что тесная организационная связь профессиональных союзов с партией была бы теперь гораздо выгоднее для оппортюнизма, чем для марксизма.

При тесной организационной связи профессиональных союзов с партией, Жоресы побеждали бы Гэдов не только в вопросах тактики, но также и вопросах программы. «Пересмотр» («ревизия») марксистских основ социалистической программы встречал бы тогда сочувствие как на международных с'ездах организованного пролетариата, так и на с'ездах отдельных стран. Это значительно замедлило бы развитие самосознания рабочего класса. И этого совершенно достаточно для того, чтобы не очень увлекаться идеей тесной организационной связи между профессиональными союзами и партией. Пусть же судит читатель, как основательно поступили люди, об'явившие оппортюнизмом мою склонность к нейтральности профессиональных союзов в определенном, — указанном выше, — смысле.

III

Еще одна выписка из Энгельса. В его письме к т. Вишневецкой мы читаем: «Когда Маркс основал Интернационал, он набросал его организационный статут таким образом, что все социалисты рабочего

[1]) В потребительные товарищества входят также и не-пролетарии. В Бельгии, где товарищества эти служат фундаментом партийной организации, они об'являют себя социалистическими. Но само собою понятно, что они пошли бы против своих материальных интересов, если бы стали пред'являть своим членам сколько-нибудь серьезные требования по части социалистических взглядов. В Амстердаме Бельгия была, подобно Дании, на стороне Жореса. Что касается датской партии, то в ту самую минуту, когда я пишу эти строки, она практически отменяет своей тактикой на выборах амстердамскую резолюцию.

класса того времени могли в него вступить — прудонисты, пьер-леруссисты и даже более передовая часть английских тред-юнионов; и только благодаря этой широте понимания Интернационал мог стать тем, чем он был в действительности: средством растворить и претворить все эти маленькие секты, за исключением анархистов, внезапное выступление которых в отдельных странах было лишь следствием насильнической буржуазной реакции после Коммуны и поэтому нами могли быть предоставлены собственной участи—погибнуть, что и случилось» [1]).

Читая эти интересные, — к сожалению, слишком неуклюжие в русском переводе, — строки, можно спросить себя, не ими ли наведен был Ю. Ларин на мысль о создании у нас «широкой рабочей партии», в которую вошли бы как социал-демократы, так и социалисты-революционеры [2]). Здесь не место критиковать эту мысль. В свое время я показал, в чем состояла главная ошибка Ю. Ларина [3]). А теперь прибавлю, что в том же самом письме Энгельса, из которого я заимствовал строки, напомнившие мне об Ю. Ларине, есть место, ясно показывающее, что иное дело этот последний, а иное — Ф. Энгельс. Вот оно: «Вся наша практика доказала, я думаю, что мы вполне можем итти вместе с общим движением рабочего класса в каждой точке его пути, не покидая и не утаивая нашей собственной, особенной постановки вопросов или даже организации («ohne unsere eigene besondere Stellung oder gar die Organisation aufzugeben oder zu verbergen»[4]). Это очень важно, и это ясно показывает, чем отличается Ф. Энгельс от Ю. Ларина. Ю. Ларин рассуждает так: необходимо поддерживать широкое рабочее движение, *поэтому* мы должны раствориться в нем. У Ф. Энгельса это рас-

[1]) См. «Письма», стр. 251.

[2]) Известно, что в основе знаменитой в свое время брошюры «Об агитации», этого тактического учебника «экономизма», лежали некоторые мысли «Манифеста Коммунистической Партии», совершенно правильные сами по себе, но крайне односторонне понятые авторами названной брошюры.

[3]) «Пусть Ю. Ларин укажет мне хоть одного западно-европейского оппортюниста, который был бы в принципе против капиталистического развития своей страны. Я такого не знаю. А наши эс-эры были, — и, повидимому, остались до сих пор, — принципиальными противниками капитализма. И с этой стороны они были не оппортюнистами, а прямо-таки *экономическими реакционерами*... С оппортюнизмом можно ужиться в одной партии, с экономическим реакционером — никогда, ни за что и ни под каким видом». — «Заметки публициста. Новые письма о тактике и бестактности», стр. 104. [Сочинения, т. XV, стр. 278.]

[4]) Briefe» etc., стр. 249—250. Я цитирую немецкий подлинник, потому что русский перевод здесь совсем неудовлетворителен.

суждение имеет совсем другой вид: необходимо поддерживать широкое рабочее движение, не растворяясь в нем, т.-е. не только не скрывая своих особых взглядов, но и не уничтожая своей особой организации. Ю. Ларин — сторонник «широкой рабочей партии»; Ф. Энгельс — сторонник партии социал-демократической [1]). Кто не примет в соображение этого различия, тот не поймет, в чем состоит сущность спора между меньшевиками-ликвидаторами, с одной стороны, и меньшевиками-партийцами — с другой.

Первые идут за Ю. Лариным; вторые — за Ф. Энгельсом. Я помню, и думаю, что этого не забыли также некоторые другие, как Ю. Ларин говорил меньшевикам три года тому назад: «Я уже теперь нахожусь там, где со временем будете вы все». Тогда эти его слова, произнесенные с гордой уверенностью, показались большинству присутствовавших смешным бахвальством. А вышло, что он был не совсем неправ. Часть, — и притом весьма значительная часть, — меньшевиков пришла теперь туда, где находился в начале 1907 года Ю. Ларин.

Впрочем, нет, я несправедлив к Ю. Ларину. Он, как-никак, все-таки стремился к созданию политической партии рабочего класса, хотя, создавая партию согласно его «широкому» плану, мы на деле растворились бы в массовом движении. Нынешние наши ликвидаторы попятились назад значительно дальше Ю. Ларина.

Три года тому назад еще можно было толковать об организации «широкой рабочей партии». Теперь подобные толки потеряли всякий практический смысл, так как стало ясно, что наше «конституционное» правительство образования такой партии ни за что не допустит. Поэтому людям, родственным по духу Ю. Ларину, остается теперь лишь раствориться sans phrases в *«широком»* рабочем движении... так страшно *суженном* нашим полицейским режимом. Существование нашей *политической* (социал-демократической) организации представляется таким людям не только бесцельным, а потому и ненужным, но прямо вредным. У них не может быть другой перспективы, кроме *экономической* борьбы — по крайней мере, до поры до времени, до того лучшего будущего, когда из самой этой борьбы вырастут как политические стремления пролетариата, так и обслуживающие их организации. Но именно так понимали свою задачу «экономисты» чистейшей воды, т.-е. типа «Рабочей Мысли».

---

[1]) Есть, конечно, и другие черты различия между Энгельсом и Лариным, но здесь они для нас не важны.

IV

В нашем ликвидаторстве, как и везде, есть люди, хорошо сознающие то, что они делают, и есть люди, сознающие это только отчасти, а может быть, и совсем не сознающие. Между сознательными ликвидаторами есть тоже люди разного темперамента: одни не торопятся высказать свою мысль до конца, между тем как другие высказывают ее прямо и решительно. К числу этих последних по всей справедливости надо отнести Стиву Новича. Ему должны быть благодарны «по гроб жизни» все те из наших меньшевиков-партийцев, которым неясно было до сих пор, — таких «партийцев», увы, очень и очень не мало! — какой вид имеет ликвидаторское і, украшенное точкой, принадлежащей ему в силу непререкаемых требований логики. Стива Нович — мыслитель последовательный. Он настоящий лидер ликвидаторства. Он смело прокладывает «новый путь» там, где лидеры-дипломаты ограничиваются осторожным подготовлением своей паствы ко «благовременному» выступлению на этот путь.

В статье «Вокруг ликвидаторства» [1]) Стива Нович говорит. «У *конспиративной* партии теперь нет политических задач. Ей, нелегально-конспиративной, нечего делать как организации массовой пролетарской секции политического характера, нечего делать в условиях огромного экономического застоя и свирепой политической реакции».

На основании этих слов можно подумать, пожалуй, что, по его мнению, у конспиративной партии нет политических задач *только теперь,* только до тех пор, пока продолжается как политическая реакция, так и экономический кризис. Однако в дальнейшем своем изложении он дает ясно понять, что песенка конспиративной партии спета окончательно.

Это видно из следующих его слов: «Но ведь экономический кризис и политическая реакция могут пройти! Да, могут, и тогда нужно определить, с какой стороны пролетарские массы раньше всего начнут эксплоатировать новую улучшившуюся социально-политическую ситуацию. Мы думаем на основании не только обще-теоретических соображений, но конкретной действительности прошлого, что началом оживления классового движения рабочих может явиться только широкое развитие экономической борьбы. Это тем более вероятно, что длящийся кризис до крайности ухудшил экономическое положение рабочих. Но

[1]) В «Голосе социал-демократа», № 19—20.

если это так, то в интересах этого будущего сдвига с мертвой точки нужно особенно усилить внимание к вопросам экономической концентрации пролетариата. Только широкое экономическое движение, опирающееся на прочный организационный скелет профессионального об'единения, послужит базисом для развития разного рода политических движений и регулирующей их и направляющей политической организации. Тогда и будет учтена в деле создания открытой политической организации пролетариата вся работа по концентрации его в разного рода открытых организациях, произведенная в эпоху реакции при содействии групп партийных инструкторов и саперов».

Политическая организация, поддерживаемая «скелетом» широкого профессионального движения, не может быть, конечно, конспиративной. Мало того. Она не походила бы даже на организацию французской или немецкой социал-демократической партии. Больше всего сходства было бы у нее с датской партией, тоже опирающейся на профессиональные союзы. Поэтому напрасно Стива Нович думает, что, мечтая о такой организации, он говорит по-немецки: его язык в этом случае ближе всего к датскому. На этом же самом, близком к датскому, языке мечтали когда-то и наши «экономисты».

Прочитав статью Стивы Новича, я раскрыл вышедшее в сентябре 1899 г. отдельное приложение к «Рабочей Мысли» и нашел там следующую диссертацию о политической борьбе русского рабочего класса.

«Самыми ближайшими задачами движения, по нашему мнению, является развитие среди рабочих организаций (путем удержания и на мирное время зарождающихся во время борьбы организаций по сбору денег (стачечная касса), собраний и советов наиболее деятельных рабочих представителей) и превращение этих организаций из временных в постоянные; необходимо также дальнейшее развитие существующих как разрешенных, так и неразрешенных рабочих организаций, а также и кружков передовых рабочих. Ибо, как ясно из предыдущего, только при наличности *постоянных* организаций возможна успешная как частная, так и общая борьба и действительно прочно как частное, так и общее улучшение положения рабочих в настоящем и дальнейшее улучшение в будущем. Самыми ближайшими частными требованиями рабочих являются дальнейшие частные повышения заработной платы, сокращения рабочего дня, уничтожения штрафов, грубости и притеснений администрации, права иметь выборных представителей во всех случаях столкновений с хозяевами, с их администрацией и полицией... и др. частные требования в зависимости от местных, частных условий

жизни и труда данных рабочих. Ближайшими общими политическими требованиями рабочих все еще пока остается законодательное сокращение рабочего дня (до 10 часов) и восстановление праздников, уничтоженных законом 2 июня 1897 г.» [1]).

Я сделал эту длинную выписку потому, что уже немногие помнят, вероятно, пресловутое в свое время сентябрьское прибавление к «Рабочей Мысли». Сущность выраженного здесь взгляда состоит в том, что политическая борьба должна вестись профессиональными («цеховыми») [2]) организациями рабочих и что ей должна предшествовать чисто экономическая борьба за «ближайшие частные требования». Можно подумать, что взгляд этот был выработан старшим братом Стивы Новича. Правда, нынешний Стива Нович (Стива Нович junior), наверно, значительно шире смотрит на задачи и возможности экономической организации пролетариата и вряд ли удовлетворится такими скромными «политическими требованиями», как законодательное сокращение рабочего дня до 10 часов. Но tempora mutantur et Stivae in illis. «Экономисты» издавна держались правила: итти на один шаг впереди массы. Наша масса так развилась со времен «Рабочей Мысли», что теперь даже самый осторожный «экономист» может значительно расширить свои «политические требования». С другой стороны, нужно заметить, что политические рассуждения Стивы Новича старшего относились не к будущему, а к настоящему, а настоящее было тогда эпохой реакции. Стало быть, Стива Нович старший не отказывался от «политической» борьбы даже в реакционную эпоху. Что же касается Стивы Новича младшего, то он ни слова не говорит о такой борьбе в переживаемый нами период реакции. Его политическая диссертация приурочивается к будущему, к тому счастливому времени, когда реакция «пройдет». Он, как видно, проникнут тем убеждением, что сознательный пролетариат ничем не может способствовать теперь скорейшему «прохождению» реакции. С этой стороны нельзя не отдать преимущества Стиве Новичу старшему. Но ни тот, ни другой Стива Нович не видит надобности в сохранении нашей политической (социал-демократической) организации. Оба они хотели бы растворить нас, социал-демократов, в «широком» рабочем движении. И вот тут-то мы, меньшевики-партийцы, особенно резко расходимся с ними. Мы предпочитаем Ф. Энгельса Ю. Ларину. Мы убеждены, что *необходимо поддерживать*

---

[1]) Стр. 5, ст. 2.

[2]) Так выражается автор статьи в другом месте.

«широкое» рабочее движение, не растворяясь в нем, т.-е. не скрывая своих особых взглядов и не уничтожая своей особой организации.

За это ликвидаторы провозглашают нас отсталыми людьми, «ревнителями древлего кружкового благочестия», «хранителями старых заветов», «певцами подполья» и проч., и проч., и проч. Нашим противникам хочется уверить своих читателей в том, что мы отстали от рабочего движения и сделались неспособны понимать его нужды. Это было бы обидно, если бы не было старо. Те упреки, которыми осыпают нас нынешние наши ликвидаторы, представляют собою лишь новое издание упреков, выдвигавшихся против нас «экономистами» [1]). Последующие события скоро показали, как неосновательно нападали на нас экономисты. Но нельзя не пожалеть о том, что в борьбе с нами ликвидаторы обнаруживают так мало оригинальности.

Стива Нович junior любит немецкий язык. Это хорошо, хотя его собственное наречие, как мы видели, и ближе к датскому языку, нежели к немецкому. Но ведь и в немецком языке есть свои оттенки. Так, например, язык Бернштейна и Давида не похож на язык Маркса и Энгельса. И я не могу не видеть, что симпатии Стивы Новича младшего склоняются, преимущественно, к немецкой прозе Давида и Бернштейна.

Мы уже знаем, что, по мнению Энгельса, социал-демократы, поддерживая всеми силами широкое рабочее движение, должны были сохранять свою особую организацию. Но эта мысль была высказана Энгельсом по поводу северо-американских отношений. В Северной Америке организация социал-демократов имела полную возможность существовать в виде легальной партии. Можно сказать, пожалуй, — сказать все можно, — что Энгельс выразился бы иначе, если бы речь шла у него о *подпольной* организации. Ввиду этого сделаем небольшую историческую справку. Как относился он к такой несомненно подпольной организации, какою являлся «Союз Коммунистов»? Он принимал в этом союзе деятельнейшее участие вместе с Марксом. И когда контрреволюция победила в 1849 году, он, опять-таки вместе с Марксом, способствовал его восстановлению. И что оба они не могли тогда по-

---

[1]) Историку русской революционной мысли (я имею в виду историка, не принадлежащего к школе г. Потресова) интересно будет отметить, до какой степени наши ликвидаторы похожи на «экономистов» в тех упреках, которые посылаются ими по нашему адресу. Для этого ему нужно будет сравнить нынешние произведения редакторов «Голоса социал-демократа», с одной стороны, и «Рабочую Мысль» — с другой (особенно цитированное выше приложение к ней а в этом приложении стр. 15).

ступить иначе, лучше всего доказывается следующими соображениями Маркса.

«Со времени поражения революции 1848—1849 гг. пролетарская партия на материке потеряла то, чем она пользовалась в течение той короткой эпохи: свободу речи и печати, право союзов и другие легальные средства партийной организации. Либерально-буржуазная, равно как и мелко-буржуазно-демократическая партия находила в самом социальном положении того класса, который она представляла, возможность сплачиваться вопреки реакции и так или иначе отстаивать свои общие интересы. Перед пролетарской партией после 1849 г., точно так же, как до 1848 г., лежал только один путь — *путь тайного об'единения* [1]). Поэтому после 1849 г. на материке возник целый ряд тайных пролетарских союзов (Verbindungen), которые открывались полицией, осуждались судами, разбивались тюрьмами и постоянно вновь восстановлялись положением дел» [2]).

В подлиннике это место написано *по-немецки*. Но это не тот немецкий язык, который пользуется симпатиями Стивы Новича. Это — язык революционеров. Мы восхищаемся этим языком и не любим языка Бернштейна и Давида. Мы в свою очередь думаем, что перед русской пролетарской партией в настоящее время, как и до 1905 года, лежит только один путь — *путь тайного об'единения*. Это не значит, конечно, что пролетарская партия должна игнорировать те или другие, — пока еще весьма немногочисленные, — *легальные* возможности сплочения пролетарской массы и воздействия на ее классовое сознание. Этого не думал и Маркс. Но это значит, что, если наша партия не склонна к самоубийству, то она должна возродиться в виде тайной организации.

И пусть не говорят нам, что партия, выступающая в виде тайного союза сознательных пролетариев, выродится в общество заговорщиков. Невозможного в этом, разумеется, нет. Я сам доказывал выше, что рабочие могут, подобно «интеллигентам», грешить сектантством, и я сам охотно ставлю на вид читателю, что тайный союз сектантов очень сильно рискует превратиться в тайное общество конспираторов. Но, — и это непременно следует заметить, — в таком превращении нет ничего необходимого до тех пор, пока члены тайного союза чуждаются сектантства. Маркс прекрасно понимал разницу между обществом заговорщиков и тайным союзом пролетариев, поставивших себе целью

[1]) Подчеркнуто Марксом.

[2]) «Enthüllungen über den Kommunisten-Prozess zu Köln», von *Karl Marx*, p. 55.

содействие политическому развитию своего класса. «Союз Коммунистов, — писал он, — был вовсе не конспиративным обществом (keine konspiratorische Gesellschaft), а обществом, тайно организовавшим пролетарскую партию, потому что немецкий пролетариат был лишен igni et aqua, свободы слова, печати и ассоциаций» [1]).

Спрашивается, как должны поступать мы теперь, находясь в подобном же положении, если хотим быть марксистами не на словах, а на деле? Мы должны стать обществом, тайно организующим пролетарскую партию, потому что российский пролетариат лишен igni et aqua, свободы слова, печати и ассоциаций. Но так как, будучи марксистами, мы понимаем вред сектантства, которое могло бы превратить нашу тайную организацию в общество заговорщиков, мы приглашаем своих товарищей-меньшевиков не покидать партии, а бороться за влияние внутри ее, для того, чтобы изгнать из нее всякий дух сектанства. Ликвидаторам очень не нравится наша пропаганда, но мы имеем смелость думать и во всеуслышание утверждать, что ее успехи явятся мерой будущих успехов российской социал-демократии.

Таков тот *«немецкий» язык,* которым говорим мы, меньшевики-партийцы. Его поймет всякий сознательный пролетарий *России.* Это язык революции.

V

Излагая свой взгляд на желательное отношение нашей партии к широкому рабочему движению, я не льщу себя той надеждой, что он удовлетворит хотя бы моего цюрихского порицателя. Но иначе я думать не могу. Горбатого исправит могила. Совершенно так я смотрел на этот вопрос с тех самых пор, как сделался социал-демократом [2]). Теперь ликвидаторы распространяют басню о том, будто бы я проникся этим взглядом просто вследствие недовольства статьей Потресова «Об эволюции русской общественной мысли», напечатанной в известном «пятитомнике». Эта смешная басня не делает чести своим авторам. Не потому указанный взгляд сделался моим, что Потресов написал статью, которая мне не понравилась, а потому его статья не понравилась мне, что в ней выражались стремления, не согласимые, между прочим, с ука-

[1]) Там же, стр. 55 и 56

[2]) А что касается до значения массового движения вообще, то я умел высоко ценить его и прежде, когда был народником. (См. мои статьи, перепечатанные из «Земли и Воли» в I томе собрания моих сочинений. Женева, 1905 г.) [Сочинения, т. I.]

занным взглядом. И тут я опять сошлюсь на мою речь в Лондоне о рабочем с'езде.

Возражая большевикам, приходившим в раздражение при одной мысли о таком с'езде, я счел в то же время нужным высказаться против ликвидации нашей партии. «Вы видите в рабочем с'езде попытку разрушить нашу партию, — сказал я. — У нее было много ошибок, но у нее гораздо больше заслуг, и она должна существовать в интересах дальнейшего развития пролетариата» [1]).

Человек, убежденный в том, что наша партия должна существовать в интересах дальнейшего развития пролетариата, не может, если он не лицемер, мирно ужиться с людьми, поднимающими на нее руку. Мне сдается, что это легко понять даже и не очень умным публицистам.

В том же самом смысле я высказывался и на фракционных собраниях присутствовавших на с'езде меньшевиков, как это помнят, вероятно, они все и как об этом свидетельствует Череванин в своей брошюре «Лондонский с'езд Российской Социал-Демократической Рабочей Партии 1907 года».

Критикуя доклад Аксельрода о рабочем с'езде, Череванин говорит: «Если... стать всецело на точку зрения Аксельрода, то было бы вполне последовательно и разумно разорвать сейчас с партией, образовать меньшевистскую организацию, включивши в свои ряды и тех сторонников рабочего с'езда, которые оставили сейчас партию, и затем повести планомерную работу по подготовке рабочего с'езда. Потому что иначе меньшевикам будет угрожать опасность совсем распылиться и, потерявши свои позиции в партии, не суметь подготовить и рабочий с'езд. И некоторые меньшевики на фракционных собраниях совершенно последовательно договаривались до этого. Один, например, прямо предлагал «проститься с партийной организацией, так как там группируются только нежизнеспособные элементы». На другом собрании он снова предлагал «ликвидировать партийную организацию и повести открытую работу в профессиональных союзах и других массовых организациях». Это предложение встретило, между прочим, отпор со стороны Плеханова. Он решительно восстал против того, чтобы «от позиций, которые мы занимаем внутри партии — отступить на позиции беспартийных организаций». К сожалению, я не знаком с отношением Плеханова к рабочему с'езду» [2]).

---

[1]) «Протоколы Лондонского с езда», стр. 393.

[2]) См. названную брошюру, стр. 78—79.

Мне непонятно, почему мое отношение к рабочему с'езду осталось неизвестно Череванину. Оно было ясно выражено в моей речи об этом с'езде и сводилось к тому, что мы должны приветствовать такой с'езд, как одно из проявлений широкого рабочего движения, но в то же время обязаны в интересах пролетариата поддерживать свое существование, как особой социал-демократической партии [1]).

Замечу также, что Череванин вряд ли справедлив к П. Аксельроду. Он делает из его доклада о рабочем с'езде такие выводы, каких сам Аксельрод не делал. Впрочем, верно и то, что идея рабочего с'езда вызывала много недоразумений даже среди меньшевиков: Аксельрод постоянно жаловался на то, что его не понимают. Может быть, он и сам не вполне выяснил себе тогда свое воззрение на этот предмет. Факт тот, что теперь Аксельрод выступает в тесном союзе с теми, которые уже на Лондонском с'езде высказывались, по свидетельству Череванина, как ликвидаторы. Стало быть, он находит теперь, что верно поняли его именно эти люди. А если это так, то выходит, что как будто прав был Череванин, тогда же подсказавший ему ликвидаторские выводы, и неправ был я, отрицавший основательность этих выводов и полагавший, что Аксельрод не обманывался на свой собственный счет, выражая свое согласие со мною.

Но где Череванин прав уже без малейшего сомнения, так это там, где он замечает, что, потерявши свои позиции в партии, меньшевики не сумеют подготовить и рабочий с'езд, т.-е. выполнить свои обязанности по отношению к широкому рабочему движению. Умные речи приятно и слышать.

Череванин продолжает: «Джапаридзе, выслушавши на одном из фракционных собраний небольшой доклад Мартова, резко поставил вопрос: при чем же тут во всем докладе партия? Почему не сказать прямо, что мы ликвидируем партию? Ведь развитая схема сводится к тому, чтобы развивать политическое движение на основе беспартийных организаций и заложить там основы для образования партии. — Сам он думает, что положение партии не безнадежно, что партия может пре-

[1]) Я был нездоров в течение всего Лондонского с'езда и редко мог, по окончании двух дневных заседаний, присутствовать на происходивших по вечерам заседаниях фракции. Ликвидаторские стремления высказывались на этих последних заседаниях почти исключительно в мое отсутствие. Мне только однажды случилось столкнуться с ними. Об этом столкновении и рассказывает Череванин. Но мне ни разу не пришлось слышать слова: ликвидаторство, ликвидировать.

вратиться в массовую партию, и указывает на громадное значение в этом отношении деятельности фракции в первой и второй Думе» [1]).

Джапаридзе, подобно всем кавказцам, «резко» восставал против ликвидаторства. Отсюда возникает интересная психологическая задача для господ мастеров по части чтения в сердцах: открыть, какая именно статья Потресова побудила его и его кавказских товарищей к такому восстанию.

Но слушаем дальше. «В ответ на это, — рассказывает Череванин, — Мартов делает любопытное заявление. Он говорит, что было бы доктринерством отрицать возможность того, что партия обновится и, впитав в себя социалистические элементы рабочего класса, стоящие вне ее, станет действительно массовой партией. Он вспоминает, что во дни свободы мы все стояли на почве этой перспективы и наступившей свободой стремились воспользоваться для преобразования партии. Это заявление Мартова осталось, для меня, по крайней мере, как-то совершенно не связанным с другими его рассуждениями, в которых он становился всецело на точку зрения Аксельрода» [2]).

Я не присутствовал на том заседании, на котором Мартов сделал свое заявление. Но если Череванин правильно передал его содержание, то я в значительной степени согласен с Мартовым. Совершенно справедливо то, «что было бы доктринерством отрицать возможность» обновления нашей партии и ее превращения, при подходящих политических условиях, в широкую рабочую партию. И точно так же было бы доктринерством отрицать, что *превращаться* может только та партия, которая еще не перестала существовать. Поэтому-то я и отстаиваю теперь существование Российской Социал-Демократической Рабочей Партии. Это понятно, а Мартов этого не понимает и пускается читать в моем сердце. Мартов и его единомышленники, помогающие ему распространять легенду о Потресове, как об источнике моего анти-ликвидаторства, забывают одно: всякий имеет право грешить против логики, но не следует злоупотреблять этим правом.

Мне трудно расстаться с Череваниным, и я еще раз предоставлю ему слово.

«А между тем, достаточно признать перспективу, о которой говорит Мартов, чтобы разойтись с той прямолинейной постановкой во-

---

[1]) Там же, стр. 79.

[2]) Там же, стр. 79—80.

проса, которую делает Аксельрод. Для этого нам не нужно вовсе быть безусловно убежденными в том, что массовая рабочая партия разовьется из существующей партии. Достаточно признать только известную вероятность такого превращения. И призыв Плеханова не оставлять позиций, которые мы занимаем в партии, приобретет тогда громадное значение. Мы должны остаться на своих позициях, мы должны бороться внутри партии среди партийных рабочих за наши тактические лозунги. Мы не можем поворачиваться спиной к той партии, для которой существует возможность развиться в массовую партию. Это было бы изменой рабочему движению. Но, оставшись в партии, мы должны на деле, а не на словах только, отправляться от той перспективы, от которой отправляется вся партия» [1]).

Я могу лишь восторгаться тем, что Череванин так хорошо меня понял. В самом деле, «достаточно признать только известную вероятность» превращения нашей партии в массовую (повторяю: при подходящих политических условиях), чтобы всеми силами восстать против ликвидаторства и об'явить «*изменой рабочему движению*» (курсив мой.— *Г. П.)* бегство из наших партийных организаций, а тем более всякие попытки их разрушения. Что правда — то правда.

Но я спрошу Череванина словами Щедрина: «Зачем вы говорите — фост, когда вы так хорошо произносите хвизика?»

Зачем вы обвиняете меня в измене «меньшевизму», если вы так хорошо доказываете, что виноват в измене не я, а тот, кто соглашается с «выводами Аксельрода»?

Известно, что редакция «Голоса социал-демократа» осведомлялась недавно у экспертов, можно ли меня считать правоверным «меньшевиком». Эксперты, мирно «почивающие» теперь в ликвидаторстве, — достаточно сказать, что к их лику причислены благочестивой редакцией и те члены нашего Центрального Комитета, которые находят вредным самое существование этого сердца партийного тела, — эксперты, почесавшись и позевавши спросонок, выругали меня, как беспокойного человека, и решили, что я совсем не правоверный «меньшевик» [2]). Это в порядке вещей. Против меня непременно должны шипеть кислые щи ликвидаторства. Но непостижимо, как мог оказаться в числе осудивших меня экспертов Череванин, так удачно поддержавший меня своей «хвизикой» в брошюре о Лондонском с'езде.

---

[1]) Там же, стр. 89.

[2]) См. их «Открытое письмо» в № 19—20 «Голоса социал-демократа».

Притом же, с его собственным «правоверием», как меньшевика, дело обстоит, вообще, до последней степени загадочно. Еще не так давно, — после того, как появилось в немецком переводе одно из его многочисленных рассуждений о русской революции, — редакция «Голоса социал-демократа» отрекалась от него в центральном органе германской партии, можно сказать, перед «всеми Европами» [1]). А теперь редакция этого органа признала его «сведущим человеком» по части правоверного меньшевизма («подьячий стал судьею Парнасса», по выражению Сумарокова). Что же это такое? Право, не знаю. Но это, несомненно, одно из самых удивительных литературно-политических происшествий, какие мне известны.

Так в ненастные дни
Занимались они
Делом...

Однако, как бы ни судили обо мне мирно почивающие в ликвидаторстве эксперты, я стою на своем и повторяю теперь то, что сказал уже на Лондонском с'езде: *«За нашей партией числится много ошибок, но за нею числится гораздо больше заслуг, и она должна существовать в интересах дальнейшего развития пролетариата»*.

Переживаемое нами время глубокого упадка лучше всего характеризуется тем обстоятельством, что эту аксиому встречают теперь с недоверием даже некоторые из людей, считающих себя социал-демократами. И это недоверие принимает у них такие колоссальные размеры, что им кажется, будто эту мысль может отстаивать только человек, повинующийся дурным побуждениям.

Нападки, посыпавшиеся на меня с самых различных сторон за то, что я, отстаивая партию, позволил себе высказаться против ликвидаторства, напоминают мне время, последовавшее за выходом моего Vademecum'а для редакции «Рабочего Дела». Тогда многие «экономисты», эти несомненные предки нынешних ликвидаторов, были против нас до такой степени, что Вере Ивановне Засулич стало казаться, как она выразилась в одном из своих писем ко мне, будто группа «Освобождение Труда окружена раз'яренными крокодилами. Но бог не выдаст, крокодил не с'ест. Кому импонирует теперь ярость «экономистов»

[1]) Я еще тогда принадлежал к редакции «Голоса социал-демократа» и об'явил необходимым отречение от Череванина, как только узнал, что т. Роланд-Гольст назвал его в своем предисловии к его книге типичным представителем образа мысли меньшевиков.

старой манеры? Мне она не импонировала даже и в то время. До такой степени не импонировала, что я оставил совсем без ответа брошюру, состряпанную против нас соединенными усилиями редакторов «Рабочего Дела». А «экономистам», не вполне походившим на раз'яренных крокодилов, я спокойно говорил: «Теперь вы возмущаетесь мною, и теперь на вашей стороне огромное большинство наших товарищей; но торжество «экономизма» не может быть продолжительным. Скоро начнется против него жестокая реакция, которая тоже дойдет до крайности, и мне придется защищать его сторонников, доказывая, что не все же в их взглядах заслуживало безусловного осуждения».

В настоящее время я тоже окружен «раз'яренными крокодилами», которые, в отличие от крокодилов первой манеры, не только страшно щелкают зубами, но и плачут о моем нравственном падении. Однако я не боюсь их зубов и не смущаюсь их слезами. Правда, я не могу теперь ответить презрительным молчанием на выпущенное против меня произведение редакции «Голоса социал-демократа», как ответил я когда-то на произведение редакции «Рабочего Дела». Опыт показал мне, что такое молчание может смущать некоторых простодушных товарищей. На этот раз я непременно буду отвечать раз'яренным крокодилам и полагаю, что мне удастся воздать «коемуждо по делом его». Но эта полемика оставляет меня совершенно спокойным по той простой причине, что я ни на минуту не сомневаюсь и не могу усомниться в своей правоте [1]).

Марксу, Энгельсу и их единомышленникам не удалось в начале 50-х гг. прошлого века тайно организовать рабочую партию. Реакция оказалась сильнее их. И все-таки они были совершенно правы, так как тайная организация партии, несомненно, принесла бы большую пользу развитию сознания немецкого пролетариата. Разбитый реакцией «Союз Коммунистов» исполнил свой долг до конца. Точно так же и мы

---

[1]) Некоторые товарищи с неудовольствием высказывались по поводу «оскорбительного подмигивания» Мартова и других на мой счет. Я благодарю этих товарищей за сочувствие, но прошу их иметь в виду, что Плеханова *не могут оскорбить* подобные «подмигивания». Энгельс писал когда-то по поводу неблагосклонного отношения к нему английских социалистических сект: «Если они думают, что их булавочные уколы могут пробить мою старую, хорошо выдубленную и толстую кожу, то они ошибаются». («Письма», стр. 296.) Отнюдь не желая ставить себя на один уровень с Энгельсом, я тоже скажу, что и моя старая, хорошо выдубленная и толстая кожа не боится булавочных уколов и что у меня хватит холодного презрения для всяких *личных* нападок.

будем совершенно правы даже в том случае, если нам не удастся возродить Российскую Социал-Демократическую Рабочую Партию. Нельзя сомневаться в том, что интересы российского пролетариата все-таки настойчиво требуют ее возрождения. Поэтому мы, как революционеры, обязаны сделать для него все, что от нас зависит.

Я не скажу с уверенностью, что нам непременно удастся возродить нашу партию. Хотя ее Центральный Комитет, собиравшийся недавно на пленарное заседание, и констатировал в одной из своих резолюций, что «широкое контр-революционное течение в либеральных и мелкобуржуазно-демократических слоях народа усиливает в сознательном пролетариате стремление отстоять свою классовую партию, ее революционные цели и методы действия, сплотить всех социал-демократов против укрепившихся и наступающих врагов», но нет ничего безусловно невозможного в том, что укрепившиеся и наступающие враги окажутся сильнее нас. Однако это не снимает с нас обязанности плыть до конца «против течения». И, переходя от вопроса о *возможности* к вопросу о *вероятности,* мы имеем полное право сказать, что у нас теперь значительно больше шансов успеха, чем было их у Маркса и Энгельса в начале 50-х гг. Влияние нашей партии на российский пролетариат было гораздо сильнее, чем влияние «Союза Коммунистов» на германский рабочий класс. Уже одно это обстоятельство является огромным плюсом в наших расчетах. А, кроме того, надо заметить, что реакция, сопровождавшая поражение революции 1848 — 1849 гг., распространилась на весь материк, между тем как нынешняя наша реакция, последовавшая за нынешними революционными взрывами, ограничивается пределами нашей империи. Движение западно-европейского пролетариата идет не под гору, а в гору. И это является большим минусом для дела ликвидаторов. На Западе положение дел благоприятствует теперь не Бернштейнам и Жоресам, а Каутским и Гэдам. А это не может не отразиться в благоприятном для нас смысле и на русских делах. Если ликвидаторство и восторжествует в ближайшем будущем благодаря успехам реакции и сектантским ошибкам некоторых наших товарищей, то его торжество не может быть продолжительным. Не нужно быть пророком, чтобы предвидеть наступление того момента, когда от него будут отрекаться, как Петр от Иисуса, даже наиболее горячие из его нынешних сторонников и когда нам, «партийцам», придется ставить на вид его ожесточенным порицателям, что и его вина смягчается кое-какими обстоятельствами (вроде сектантства некоторых большевиков).

Ликвидаторство нежизнеспособно. Его нынешние успехи лишь подготовляют его будущее поражение и его будущее бесславие.

А пока что, пусть кричат против нас его защитники, пусть осыпают нас они, поддерживаемые реакцией, своими беззубыми насмешками. Когда-то в письме к Лаврову, служившем предисловием к моей книге «Наши разногласия», я писал:

«Убежденные марксисты, мы останемся верны девизу нашего учителя и пойдем своей дорогой, предоставив людям говорить, что им вздумается!»

Нынешние «партийцы» тоже не изменят девизу Маркса и тоже сумеют пойти своей дорогой, предоставляя ликвидаторам говорить о них все, что угодно!

Об изучении философии

Один товарищ в интересном письме ко мне делает мне лестное предложение, на которое я считаю полезным ответить печатно. Вот что пишет он.

Указав на то, как силен в среде сознательных пролетариев интерес к изящной литературе и философии, он продолжает:

«Мне кажется, не только мрачные политические условия толкают мысль к философским вопросам, но и конкретный материал, клином врезавшийся в сознание масс. Нужно это привести в порядок. Вот почему теперь так жадно берутся за философию, вот почему возможны такие факты. Из Казани мне пишут: «Больше всего интересуют вопросы философские», и добавляют в кавычках — «злоба дня»... В Вене на русское первое мая назначен реферат не по чему другому, как по философии.

«Теперь снова пробуждаются политические интересы, но вопросы философские еще долго будут преобладать и, конечно, в значительной мере останутся и при новых условиях одним из ценнейших завоеваний нашей теперешней мрачной эпохи.

«Интересно сделать все возможное, чтобы дать пищу этим исканиям и перехватить интерес у масс в пользу наиболее реального миросозерцания.

«Недавно один рабочий (из здешних)писал мне: «Я пробую читать по философии, я напрягаюсь, думаю и не понимаю. А времени мало. Его отнимает фабрика. Ужели вы, интеллигенты, не написали чего-нибудь проще, понятнее»...

«Необходимо «введение в философию» на основе научного марксизма и естественных наук, систематически... если не излагающее, то, по крайней мере, ставящее все наиболее существенные вопросы этой дисциплины.

«Никто не мог бы исполнить эту задачу лучше, чем Вы, если Вы уже не заняты этим или подобным. Тогда с марксистского произведения

будут начинать те, кто теперь принужден блуждать по Паульсенам, Вундтам и проч.

«Таково мое предложение и желание моих друзей».

Начну с предложения моего корреспондента, выражающего желание его друзей. Как ни лестно оно для меня, но я, имея множество других обязательств, к сожалению, не могу принять его в настоящее время. Да и нужно ли браться за него именно мне? Вот уже более двух лет у меня лежит «Введение в философию диалектического материализма», написанное одним очень компетентным товарищем. Несмотря на все свои усилия, я не могу найти для него издателя. Почему? Очевидно, потому, что издатели, к которым я обращался, — а я обращался к очень многим, — не надеются на сбыт «Введения», написанного материалистом. Но если бы издатель нашелся, то потребность, правильно отмечаемая моим корреспондентом, была бы в значительной степени удовлетворена. Говорю: в значительной степени, а не всецело, потому что лежащее у меня «Введение», может быть, не обладает всей той популярностью, какая желательна автору письма. Но я ручаюсь за то, что оно все-таки рассеяло бы множество вреднейших предубеждений. Если бы кому-нибудь из товарищей, интересующихся философией, удалось найти издателя для этого сочинения, то у нас было бы гораздо меньше оснований жаловаться на отсутствие подходящего руководства по философии.

Издатели хорошо знают читающую публику. Им известно, что материализм обретается у нее теперь не в «авантаже». Но если издатели, по-своему, правы, то виноваты в этом отчасти мы сами, т.-е. те из нас, социал-демократов, которые приобретают философские книги. Вот интересный пример. Летом 1892 г. я издал за границей со своими примечаниями и с приложением одной главы из знаменитой книги «Святое семейство» русский перевод классического сочинения Энгельса «Людвиг Фейербах». Летом 1905 г. понадобилось другое издание его. Почти в то же время мой перевод вышел (за исключением некоторых примечаний) в Петербурге. Это было время, когда читающая публика жадно расхватывала всякое печатное произведение, носившее имя более или менее известного социалистического писателя. Я был убежден, что «Людвиг Фейербах», выпущенный в Петербурге в довольно ограниченном количестве экземпляров, разойдется в самое короткое время. Оказалось, что его спрашивали очень мало. И я могу это об'яснить себе только тем, что даже читатели-социалисты искали чего-нибудь «поновее», чем философия диалектического материализма. Поэтому, когда товарищи опла-

кивают отсутствие на русском языке руководящих сочинений по философии, я неизменно спрашиваю их: — «А читали ли вы энгельсова «Людвига Фейербаха?» — И чаще всего мне отвечают: — Нет, не читал. — И такой ответ нередко дают даже люди, хорошо знакомые с «философскими» сочинениями какого-нибудь Богданова. И, слушая такие ответы, я теряю всякую охоту толковать о том, что надо читать по философии...

Автор письма говорит святую истину: философские вопросы долго еще будут привлекать к себе едва ли не главное внимание нашей читающей публики. Это понятно. Философия служит у нас теперь наиболее надежным орудием приспособления нашего общественного сознания к нашему общественному бытию. Бытие, как-никак, принимает буржуазный характер; такой же характер должно принять и сознание. И этому деятельно помогает философия.

Но не всякая философия годится для приспособления буржуазного общественного сознания к буржуазному общественному бытию. Для этого в настоящее время годится только *идеалистическая* философия. Оттого и нет спроса на философские сочинения, написанные *материалистами*.

Но ведь в состав читающей публики входят также и *социалисты?* Да, входят. Неужели и они отворачиваются от материалистических сочинений? Как уже сказано, отворачиваются. Почему же? Ясно, почему: потому, что они сами подвергаются буржуазному влиянию.

В этом-то влиянии и заключается разгадка того, что «Людвиг Фейербах» Фридриха Энгельса лежит у издателя в кладовой, а жалкий Богданов печатается во многих изданиях.

Да и не один Энгельс расходится плохо. Вряд-ли расходятся лучше и великолепные «Философские очерки» Л. Аксельрод. И все по той же причине: все по вине читателя-социалиста. И об этом очень стоит подумать. Нам, социалистам, нужно не приспособлять общественное сознание к буржуазному общественному бытию, а подготовлять умы рабочих для борьбы с этим бытием. В деле же такой подготовки Энгельс и Л. Аксельрод много полезнее не только смехотворного и архи-туманного Багданова, но и любого из самых видных философских представителей буржуазного миросозерцания.

Стыдно сказать, а грех утаить: мы сами очень много делаем для крайнего затруднения себе выработки правильных философских понятий. Как изучают философию наши товарищи? Они читают, — скажу, пожалуй, из вежливости: «штудируют», — модных теперь философских

писателей. Но эти модные теперь философские писатели насквозь пропитаны идеализмом. Вполне естественно, что и «штудирующие» их товарищи наши заражаются предрассудками идеализма. И те самые социалисты, которые недурно знают Махов, Авенариусов, Виндельбандов и проч. и проч., не имеют ни малейшего понятия о философии Энгельса, Маркса и Фейербаха. В конце концов, дело, естественно, доходит до попыток подведения нового «философского фундамента» под теоретическое здание марксизма.

Другими словами: мы должны приступать к изучению философии совсем не с того конца. Не Мах, не Авенариус, не Виндельбанд, не Вундт, даже не Кант должны вести нас в святилище философской истины, а Энгельс, Маркс, Фейербах и Гегель. Только от этих учителей узнаем мы то, что нам нужно.

Об этом я подробнее поговорю в другой раз. Теперь мне хотелось дать хоть краткий ответ на интересное письмо товарища, почтившего меня вышеуказанным предложением.

P. S. А все-таки я не скрою от этого товарища, что для меня очень и очень привлекательно его предложение. Года два тому назад я долго носился с мыслью написать до последней возможности популярную критику философских сочинений Макса Ферворна. Мне казалось, что такая критика этих произведений проложила бы прямой и не очень трудный путь к пониманию основных истин материалистической философии. Мне хочется думать, что я еще исполню это свое намерение.

Вниманию Центрального Комитета

Товарищ Датико, вынужденный недавно оставить Москву и перебраться за границу, пишет мне следующее.

«Хочу сообщить Вам, насколько точны воспоминания тов. Ал., и насколько тов. Мартов не осведомлен о том, что делают его единомышленники в Москве. Начну с того времени, когда я приехал в Москву. Это было в январе 1909 г. Меньшевики вытребовали А. из Петербурга. Настроение рабочих, по общим причинам, было подавленное; полная апатия. Одни пьянствовали, другие задавали себе карамазовские вопросы. Большевики были заняты собою и варились в собственном своем соку, крепко держась старых традиций. Рабочие избегали большевиков».

Изложив далее, в каком виде меньшевикам-партийцам представлялась работа, тов. Датико продолжает: «Большевики, конечно, не могли этого понять. Меньшевики, как всегда в подобные моменты, бездействовали; растерялись и нападали на большевиков, как официальных представителей партии, во всем их обвиняя. Вину свалить на других легче. Резко выступили... так нами называемые «меньшевики в меньшинстве», вдохновителями которых были Ларин и Череванин. Последний говорит, что он не принимал участия в партийных делах. Это неправда; практически — да, но он был теоретиком ликвидаторства. Меньшевики в меньшинстве выпустили в конце 1908 г. книжонку против партии, доказывая, что она вредна, что она—анахронизм и рабочее движение пережило узкие рамки партии, и выставили лозунг: долой партию с ее нелегальностью! И принялись исключительно за легальную работу. Большевики, по меткому выражению тов. Ал., ответили вооруженной охраной нелегальности. Мы: тов. А., товарищ, подписавшийся в письме к Вам «Не ликвидатор», и несколько других меньшевиков считали необходимыми оба вида работы, смотря по теме. Завязалась борьба. Рабочие чутко прислушивались. Собрания, устраиваемые тов. А., переполнялись рабочими. Разнообразие тем и политические вопросы оживили рабочие нелегальные организации; вместо условленного, приходило

большее количество рабочих. Наличных сил нехватало. Таким образом наметилось три течения. Какую позицию заняли «голосисты»? Они примкнули к меньшевикам череванинского толка, укрепили их позиции, бойкотировали партийные организации, рука об руку с ними принялись устраивать клубы общедоступных развлечений на соседских отношениях...

«Мартов, Дан и др., может быть, и не говорят, чтобы «распустить все», но все «голосисты» в Москве поступают и работают так, чтобы «распустить все», — а это важнее. Или, может быть, московские практики-«голосисты» не понимают своих руководителей? Тогда это печальное недоразумение следует выяснить...

«Что скажет на это редакция «Голоса социал-демократа?»

Через посредство того же товарища на днях получено письмо из Москвы, в котором сообщают, что «И. в феврале или марте 1909 г. читал в Москве доклад в заседании меньшевистского коллектива о ликвидации старых партийных учреждений и организаций, считая их существование реакционным явлением, с которым прогрессивная часть должна бороться самым энергичным образом. Доклад этот вызвал бурю негодования, и тов. N. (был такой работник из рабочих) чуть не наградил цекиста тумаками за неслыханную дерзость, как он сам выражался. Тов. ** писала (Вам) об этом подробно...»

К большому сожалению, упомянутое письмо до меня не дошло.

А вот выдержки из большого письма тов. Алексея Московского, помеченного: май 1910.

«До меня дошло только одно пикантное известие, что будто бы я возвел на И. заведомо ложное обвинение. Это известие меня очень поразило. Мне до сих пор казалось, что наши разногласия с ликвидаторами исчерпываются вопросами тактики и организации; оказывается — мы расходимся и в вопросах чести...

«Я не знаю, где проживал И. в 1908 г., но если он пребывал в Питере, то он должен от своих собственных коллег, показавших такую прыть, знать знаменитый питерский аргумент: «теперь в партии умные люди не работают». И мне казалось, что я сказал по адресу И. комплимент; но если мое сообщение принято за обвинение, то очень рад: на мне, как на обвинителе, лежит, само собою разумеется, onus probandi.

«Прямо подойду к источнику, откуда я заимствовал обвинительный материал по адресу И. Мы говорим, что в Москву приезжал какой-то коммивояжер ликвидации, который предлагал распустить «все»... под словом «все» имеется в виду партийная организация...

«Когда мы убедились, — скажем без всякой скромности, — что наша анти-ликвидационная агитация пользуется огромнейшим успехом в рабочей среде, товарищи уполномочили меня выступить официально против ликвидаторства. По поводу этого выступления одна очень уважаемая особа, меньшевичка, близко стоящая к организации и оказывающая ей огромные услуги, стала нас упрекать... Не трудно догадаться, о ком я говорю. В ответ на эти упреки мы, в свою очередь, стали упрекать ее, а в пылу увлечения и старых работников, — которые в это время частью сидели, а частью были высланы, — что они очевидно мирволили ликвидаторам и таким образом компрометировали организацию. Формально на такое обвинение мы имели полное основание. Когда я приехал в Москву, то застал такую картину: партийные меньшевики и ликвидаторы входили в одну интеллигентскую организацию. Подобное сожительство было тем более неестественно, что московские клиенты заграничных «адвокатов» поступили в высшей степени честно.

«Прежде чем выработать платформу, добрая половина которой была посвящена разрушению ненавистного им Карфагена, летом 1908 г. они официально заявили Московскому комитету о своем выходе из партии [1]).

«В ответ на эти обвинения названная особа ответила мне буквально следующее:

«Не беспокойтесь, старые работники не хуже вас оберегали партию. *До вас приезжал в Москву тов. И., который настоятельно предлагал распустить организацию, но мы с ним не согласились* (подчеркнуто тов. Ал.)...

«Надеюсь, что она от своих слов не откажется, каково бы ни было ее отношение к нашему крылу меньшевиков....

«Не было необходимости искать других свидетелей... В Москве некоторые рабочие упорно утверждали, что приезжал, выражаясь их языком, специальный человек, который предлагал *распустить организацию*...

«Правда, из показаний свидетельницы следует, что предложение было сделано не всей организации, а только руководителям меньшевистской части ее, но... меньшевик, да еще цекист, предлагающий меньшевикам выйти из партии, разрушить свою организацию, — камня на камне не оставит от большевистской части партии, если бы это было в его власти...

---

[1]) Т.-е. из партийной организации? — *Г. П*

«Опираясь на (это), я имел полное право сказать, что И. предлагал «распустить все».

В постскриптуме тов. Алексей добавляет:

«Я не знаю, но, повидимому, мое первое письмо поняли, как «Слово о полку Игореве». Я решительно протестую против такого сужения содержания моего письма. Это во-первых. Во-вторых, глубоко заблуждаются те, которые думают, что разногласия между меньшевиками исчерпываются вопросом об отношении к партии. В момент перестройки партии преступно затушевывать разногласия».

«ДНЕВНИК СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТА» № 13

ИЮЛЬ 1910 г.

Полемическая беспомощность, или сердит, да не силен

(Ответ т. Мартынову)

«Много дренажа требуют наши черноземы».

Герцен.

I

Товарищ Мартынов! Свою статью «В поисках за принципиальностью» [1]) Вы начинаете признанием в том, что на этот раз Вы крайне неохотно взялись за перо. Вы думаете, что с Вашей стороны было бы благоразумнее вовсе не отвечать мне, «хотя бы для того, чтобы «прикрыть наготу отца своего», чтобы не дать повода для потехи тем врагам русской социал-демократии, в борьбе с которыми ее отец сломал не одно копье на своем веку». Но, к Вашему сожалению, Вы все-таки видите себя вынужденным ответить мне, так как «среди наших товарищей есть еще не мало людей, которые по «малолетству» принимают всякий плод раздражения «отца» за плод его мысли и готовы при каждом его сердитом окрике ринуться в бой с мнимыми врагами».

Я не касаюсь пока «малолетства» некоторых наших товарищей. Теперь меня интересует другой вопрос, несравненно менее важный, но тоже, как Вы сейчас увидите, не лишенный значения.

Ваше желание «прикрыть наготу отца своего» заставляет вспомнить известный библейский рассказ о Хаме, который не только «не прикрыл наготы» пьяного Ноя, а даже насмеялся над нею. Вы не хотите уподобиться Хаму. Это похвально. Но...

Вспомните, как я спорил с Вами. Я писал: «Я взгляну на Ваш промах не как на Вашу вину, а как на Вашу беду. Я постараюсь выяснить

---

[1]) См. «Необходимое дополнение к «Дневникам» Плеханова». Издание редакции «Голоса социал-демократа».

себе и Вам, почему Вы так плохо печете блины, т.-е. по какой причине Вы так неудачно восстановляете действительную историю наших революционных идей. При этом я буду исходить из того предположения, что вы вполне искренни и что если Вы грешите, то грешите бессознательно. Вы должны признать, что это самое лойяльное изо всех возможных предположений» [1]).

Теперь позвольте Вам напомнить следующие строки, вышедшие из-под Вашего острого пера в споре со мной:

«Все это (т.-е. вся моя аргументация. — *Г. П.)* сплошь, начиная от мелких и мельчайших уколов вплоть до грозных обвинений, как я сейчас докажу, есть, во-первых, заведомый, *для тов. Плеханова заведомый,* вздор, все это, во-вторых, он придумал для того, чтобы *отомстить* мне за якобы нелестную для Плеханова *историческую правду,* которую он не в состоянии *опровергнуть,* что свидетельствует о том, как глубоко принципиальна его теперешняя война против своих недавних товарищей по фракции» [2]).

Что видно из этого сопоставления? Вот что.

В споре с Вами я исходил из того предположения, которое, действительно, должно быть признано самым лойяльным изо всех возможных в данном случае: я предполагал, что ложность Вашего положения мешает Вам видеть истину, несмотря на чистоту Ваших намерений. Наоборот, возражая мне, Вы с уверенностью говорите, что я вижу истину, но скрываю ее от читателя, повинуясь недостойным нравственным побуждениям. *Я опровергал Ваши доводы; Вы читаете в моем сердце.*

Но известно ли Вам, т. Мартынов, что чтение в сердцах — не весьма изящная специальность? Вспомните, как аттестовал ее Щедрин. Правда, в изображении Щедрина специальность эта приобретает не столько литературный, сколько полицейский оттенок. Но наша история сохранила многие имена людей, охотно прибегавших к чтению в сердцах по поводу тех или других литературных споров. Постыдной памяти Фаддей Венедиктович Булгарин неизменно пользовался чтением в сердцах как орудием литературной критики. Если Белинский хвалил сочинения Гоголя, то Булгарин об'яснял это «*приятельством*». А если тот же Белинский пренебрежительно отзывался о произведениях вроде «Выжигиных», то у Булгарина и на это готово было своеобразное об'-

---

[1]) «Дневник социал-демократа», № 10, стр. 25 [См. выше, стр. 43.]

[2]) «Необходимое дополнение», стр. 5.

яснение: «бульдога» Белинского спустили с цепи злые недоброжелатели его, «правдолюбивого» Фаддея Венедиктовича. Так как Вы, т. Мартынов, как видно, любите библейские сравнения, то я доложу вам, что хотя Булгарин и не смеялся над наготой отца своего, но все-таки он был истинным потомком Хама.

К сожалению, не один Булгарин читал в сердцах своих литературных противников. Вы знаете, конечно, что когда Н. Полевой перешел в охранительный лагерь, тогда Белинский, очень высоко ставивший его прежде, начал жестоко нападать на него. В этом не было ничего удивительного; но чем об'ясняли это сторонники Полевого? Дурными намерениями Белинского. Один из них писал: «Страсть мщения до того овладела им (Белинским. — *Г. П.),* что он сделался ожесточенным врагом его (Н. Полевого. — *Г. П.)* и вредил ему, где и как только мог». Больше всего удивляло наивного автора этих строк то обстоятельство, что прежде Белинский «не находил слов для выражения своего уважения» к Н. Полевому. И этот автор, в свою очередь, не находил слов для характеристики «злого ума Белинского» [1]).

В этом последнем примере хуже всего, по моему мнению, то, что он с ясностью показывает, как мало оригинальны Вы, т. Мартынов, в своей полемике со мной. Вспомните свое: «Плеханов придумал для того, чтобы *отомстить* мне» (курсив Ваш). Ведь иной читатель скажет, пожалуй, что Вы сделали плагиат у Ксенофонта Полевого, если не у Фаддея Булгарина. Но это, конечно, не так. Вы никому не подражали, ни у кого ничего не брали; Вы «*своим умом*» дошли до искусства читать в сердце своего противника. А к этому искусству Вас заставила прибегнуть Ваша полемическая неловкость. Тут опять не вина, а беда.

Но эта беда не малая. Знание Библии привело Вас к тому убеждению, что не следует уподобляться Хаму; а Ваша полемическая неловкость сделала то, что Вы уподобились Фаддею Булгарину, Кс. Полевому и им подобным. Хорошо ли это?

Люди, читающие в сердцах своих литературных противников, не пользуются уважением даже в своей собственной среде. Человек, подсказывающий низкие побуждения своему противнику, естественно, наводит на ту мысль, что он судит по себе. Это как нельзя лучше оправдывается на примере бессмертного Фаддея. Его бывший союзник и друг Н. И. Греч рассказывает, что Булгарин руководствовался в своей литера-

---

[1]) «Записки Ксенофонта (брата Николая. — *Г. П.)* Алексеевича Полевого», стр. 458 — 460.

турной деятельности исключительно жадностью, завистью и своекорыстием. Известно, например, что Булгарин весьма неблагосклонно встретил «Юрия Милославского». Греч об'ясняет это так: «Все восхищались «Юрием», прощая его недостатки: досадовал и сердился на него один Булгарин, отпечатывавший последние листы своего «Дмитрия Самозванца». Досада внушена ему была не авторским самолюбием, боявшимся превосходства своего соперника в литературе, а боязнью за коммерческий успех своего нового произведения. Вот он и начал нападать на Загоскина и на его сочинения» [1]).

Литературные привычки Греча были нисколько не лучше привычек Булгарина: один из этих почтенных деятелей литературы вполне стоил другого. Но Вам, т. Мартынов, все-таки следует принять во внимание этот нелестный отзыв Греча о Булгарине. Привычка читать в сердце своего литературного противника никогда к добру не приводит. Смотрите, чтобы кто-нибудь из Ваших нынешних литературных союзников, — которые тоже с отменным искусством читают в моем сердце, — не вычитал со временем, рассорившись с Вами, чего-нибудь непривлекательного и в Вашем собственном сердце. Я с уверенностью говорю, — ибо я всегда готов замолвить слово в Вашу пользу, — что даже самый искусный чтец не вычитает в Вашем сердце «коммерческого расчета»; но довольно и «авторского самолюбия», боящегося превосходства и проч. Вы, без сомнения, знаете знаменитые слова: «ибо какою мерой вы мерите, такою возмерится и вам»...

Вы назвали меня отцом русской социал-демократии. Это имя и вызвало в Вашем уме воспоминание, — оказавшееся, к сожалению, так мало поучительным для Вас, — о поступке Хама. Как ни лестно для меня название, даваемое мне Вами, но я все-таки должен сделать оговорку, может быть, не совсем приятную для Вас.

Дело вот в чем. Я предоставляю историкам разбирать, кто был отцом русской социал-демократии; но если бы они признали, что отцом был я, я поторопился бы сказать им: «Господа ученые, помните, пожалуйста, что иное дело русская *социал-демократия,* а иное дело некоторые русские *социал-демократы* или даже некоторые русские *социал-демократические течения*». Отец русской социал-демократии не обязан признавать себя отцом всех русских социал-демократов и всех русских социал-демократических течений. Пример: никакой историк не убедил бы меня в том, что я был отцом наших «экономистов».

---

[1]) «Записки о моей жизни» *Н. И. Греча,* стр. 448—458.

А так как Вы, т. Мартынов, бывший экономист; так как Вы лишь впоследствии стали склоняться к моему образу мыслей; так как Вы не дошли до него по той весьма достаточной причине, что заразились по пути *ликвидаторством,* то выходит, что мы с Вами в родстве не состоим. Поэтому Вы, вступая в полемику со мной, не имели никакого основания вспоминать о «наготе отца». Вы лучше сделали бы, если бы не забывали, что можно уподобиться одному из сыновей Ноя (тому, от которого произошел Фаддей Булгарин) даже и тогда, когда имеешь дело с совершенно посторонним человеком.

По поводу моих ссылок на Ф. Булгарина и Кс. Полевого Вы, пожалуй, вычитаете в моем сердце, что я уподобляю себя Белинскому. Заранее говорю, что я не только не уподобляю себя Белинскому, но даже и Вас не уподобляю ни Булгарину, ни Кс. Полевому, ни Гречу, а лишь горько сожалею о том, что, сердитый, но не сильный, Вы сами уподобили себя этим джентльменам, благодаря своей полемической беспомощности.

Да и вообще я в суждениях о своих литературных противниках неизменно держусь того убеждения, что

Хотя они немножечко дерут,
Зато уж в рот хмельного не берут,

т.-е. что они превосходнейшие люди, хотя и плохие музыканты [1]). И от этого своего убеждения я не отступаю даже и ввиду Вашей неудачной статьи «В поисках за принципиальностью».

Теперь рассмотрим во всех его назидательных подробностях тот «*заведомый* вздор», который Вы открыли у меня, вооружившись очками системы Булгарина.

---

[1]) Правда, Вы, т. Мартынов, а с Вами и вся нынешняя редакция «Голоса социал-демократа», повидимому, готовы отрицать во мне это похвальное свойство. В № 9 моего «Дневника» я резко отозвался об «игрушечного дела людишках», более думающих о своей карьере, чем об интересах дела. Почтенная коллегия почему-то приняла этот резкий отзыв на свой счет и... comme de raison, очень обиделась. Но это напрасно. Я высказал общее положение: «игрушечного дела людишки» — несимпатичны. В такого рода общих положениях нет ничего обидного для отдельных лиц. Тут не лицо, тут даже не литератор, а именно только общая мысль. И когда какому-нибудь лицу, а пуще того — какому-нибудь литератору, покажется, по обстоятельствам дела, неприятным высказывание такой общей мысли, то этому лицу, а пуще — этому литератору (respect.: этим литераторам) не следует обнару-

II

Вы говорите: «*заведомый* вздор, что я, по незнанию французского языка, неправильно истолковал его (т.-е. мою. — *Г. П.)* речь на Парижском конгрессе. Я в статье ссылался не на французский текст, а на русский перевод его речи, достаточно авторитетный, ибо он был помещен в журнале «Социал-демократ», издавшемся под редакцией самого Г. В. Плеханова, и Г. В. Плеханов *это знает*, ибо я в статье сделал соответственную ссылку на источник» [1]).

Действительно «сделали». Но что же доказала Ваша ссылка? Ровно ничего! *Первоначальным* текстом моей речи все-таки был *французский,* а не *русский* текст, так как говорил-то я на международном с'езде по-французски, а не по-русски. Стало быть, к французскому тексту и нужно было апеллировать, берясь за истолкование истинного смысла моей речи. Я так и сделал. Об'ясняя, как и почему Вы ее не поняли, я сказал:

«Русское слово «приступ» равнозначительно французскому assaut. Насколько я знаю, никому из моих слушателей не пришло в голову отождествить слово: assaut (приступ) со словом: insurrection (восстание). Вы первый сочли возможным подобное отождествление. Единственным *достаточным* основанием для этого может служить *недостаточное* знание Вами французского языка. Поговорите с любым членом французской социалистической партии, и он скажет Вам, что партия эта хочет научить пролетариат взять приступом твердыню капитализма. Но Вы очень опростоволоситесь, если подумаете, слыша это,

---

живать чувство своей обиды. В противном случае он заставит (resp.: они заставят) читателя вспомнить известную эпиграмму Пушкина:

Как сатирой безымянной
Лик зоила я пятнал,—
Признаюсь, на вызов бранный
Возражений я не ждал.
Справедливы ль эти слухи?
Что я слышу? Полно ль, так? И т. д.

Тот же Пушкин написал оду «На выздоровление Лукулла», по поводу которой у него вышло весьма забавное происшествие с сановником, обидевшимся за нее. Происшествие это известно П. Б. Аксельроду, и очень жаль, что он позабыл о нем, когда редакция «Голоса социал-демократа» обиделась за «игрушечного дела людишек».

[1]) «Дополнение», стр. 5.

что наши французские товарищи подготовляют восстание. Для них слово assaut именно равнозначительно «с более общим понятием»: революция. Стало быть, и тут Вы, что называется, «попали пальцем в небо» [1]).

Вы, разумеется, имели полное право опровергать *мое* истолкование истинного смысла моей речи. Но Вы, странным образом, не воспользовались этим своим правом, Вы ограничились ссылкой на то, что речь моя была цитирована Вами по ее русскому переводу, и... кинули в меня «*заведомым вздором*». Но это неубедительно.

Потому-то я и сослался на французский *подлинник* своей речи, что ее русский перевод не с полной точностью передал, — да и не мог передать, — некоторые оттенки заключавшейся в ней мысли. Я счел своею обязанностью раз'яснить Вам, в каком именно значении было употреблено мною и понято моими слушателями то слово «assaut», которое сбило Вас с толку, будучи переведено русским словом «приступ». И я прибавил, почему *мог* сбить Вас с толку русский перевод этого слова. Когда человек, хорошо знающий французский (или любой другой) язык, встречает русский перевод интересующей его французской (или любой другой) фразы, он мысленно восстановляет подлинник и тем приобретает возможность понять ее содержание во всей его точности. Само собой разумеется, что человек, не очень хорошо или плохо знающий данный иностранный язык, не прибегнет к подобному восстановлению подлинника. Судя по тому, как неточно поняли Вы слово «приступ», я решил, что Вы не дали себе труда мысленно перевести это слово французским словом «assaut». А то обстоятельство, что Вы этого труда себе не дали, об'яснялось, в моих глазах, тем, что Вы недостаточно знаете французский язык. Вот только и всего. Где же здесь «заведомый вздор»? Его нет и следа. Однако я, со свойственной мне уступчивостью, допускаю, что мое рассуждение заключает в себе вздор и даже, если Вам угодно, заведомый. Пусть будет так. Но ведь это надо доказать. А Вы что делаете, любезнейший товарищ? Вы с пафосом кричите, что Вы цитировали русский перевод моей речи, как будто в этом я сомневался хоть на минуту. Вот и выходит, что если вздор тут и есть, — а он на самом деле есть! — то он заключается не в моей, а в Вашей аргументации. Но, не желая уподобиться покойному Фаддею Венедиктовичу, я спешу прибавить, что *вздор,* сказанный здесь Вами, наверно, не есть *заведомый* вздор. Вы «немножечко дерете», лю-

[1]) «Дневник», № 10, стр. 31. [См. выше, стр. 49.]

безнейший товарищ, этого я, — увы! — не могу скрыть от Вас. Зато Вы «в рот хмельного не берете»: Вы никому не «мстите», Вы только беспомощно путаетесь, обнаруживая свою поразительную полемическую неловкость.

Вы продолжаете читать в моем сердце:

«*Заведомый* вздор, что я обнаружил в статье незнание истории движения 30-х и 40-х гг. на Западе. Я говорил там: «социалистическая интеллигенция с помощью рабочих брала приступом твердыню» старого режима и на Западе в 30-х и 40-х годах. Плеханов по этому поводу замечает: «*Мне неизвестно, в какой именно стране социалистическая интеллигенция 30-х гг. брала приступом твердыню* (курсив мой. — *М.*) *старого режима*. Мне всегда казалось, что социалисты того времени чуждались политики, благодаря своей утопической точке зрения... Я буду очень благодарен Вам, если Вы просветите меня, доказав, что я ошибался». Я охотно просвещаю т. Плеханова: в 1837 г. Бланки и Барбес основали тайное «Общество времен года», которому они, по словам, например, социалистического историка Héritier, «придали определенно (entschieden) социалистическую окраску». Вот это-то социалистическое тайное общество, с Бланки во главе, 12 мая 1839 г. путем заговора овладело в Париже ратушей и провозгласило «временное правительство». Правда, в тот же день это движение было раздавлено: «твердыня», таким образом, не была «взята»; но это не опровергает факта, что ее «брали». Что касается 40-х гг., то сам т. Плеханов не отрицает, что в то время меньшинство социалистов (бланкисты) занимались политикой, опираясь на рабочих» [1]).

Эта аргументация представляет в своей основе просто жалкую игру слов — ein schlechter Witz, — как сказал бы немец.

Факт тот, что «твердыню брали». Прекрасно. Какую же «твердыню»? Парижскую ратушу. А я о чем спрашивал Вас? Я спрашивал: «в какой именно стране социалистическая интеллигенция 30-х гг. брала приступом «твердыню старого режима»? Но «твердыня» старого режима и «твердыня» Парижской ратуши вовсе не одно и то же. Держась Вашего изумительного метода, можно было бы доказать, что революция 18 марта 1871 г. (Парижская Коммуна) была направлена против старого режима, а не против капиталистического общества: ведь революционеры и тогда брали, а, в конце концов, даже сожгли, «твердыню» Парижской ратуши.

---

1) «Необходимое дополнение», стр. 5.

Революционная попытка Бланки и Барбеса, о которой говорите Вы, имела место при Луи-Филиппе, т.-е. в эпоху *буржуазной* монархии, т.-е. в ту эпоху, когда «твердыня» Парижской ратуши продолжала существовать, — как она существует и теперь при 3-й буржуазной республике, — между тем как «твердыня старого режима» (ancien régime) «была уже дважды, и во второй раз окончательно, разрушена. Ось де заковыка! И сия заковыка показывает, что в Ваших исторических сведениях есть значительный пробел. А Вы взялись «просветить» меня. Нечего сказать, хорош просветитель!

Впрочем, я и здесь готов принять самое выгодное для Вас предположение. Я предполагаю, что Вы *знали,* когда пала во Франции та «твердыня», о которой я говорил, но, увлекшись желанием приписать мне «*заведомый вздор*» (курсив Ваш), позабыли об этом. Вас и здесь поставила в смешное положение Ваша полемическая беспомощность. Конечно, полемическая беспомощность все-таки извинительнее, чем невежество, но и в ней хорошего очень мало. Она ставит Вас в положение особенно смешное тогда, когда Вы, «с ловкостью почти военного человека», принимаетесь играть словами, подменяя одну «твердыню» другою, на нее ни капельки не похожей. Тут Ваше положение становится архи-комичным. И вот почему Вам непременно следует поучиться музыке: на одном отказе от хмельного далеко не уедешь.

Когда принимали новых членов в «Общество времен года», то между принимаемыми и принимающими происходил следующий обмен мыслей.

«*Вопрос.* Из кого состоит теперь аристократия?

«*Ответ.* Родовая аристократия была уничтожена в июле 1830 г.; теперь аристократами являются богачи, которые составляют такую же жадную аристократию, как и старая».

Как видите, члены «Общества времен года» тоже хорошо знали, что их время уже не было временем старого режима. А это лишний раз подтверждает, что Ваш опыт моего «просвещения» вышел весьма неудачным. Вперед будьте осторожнее.

Вы спросите, откуда я заимствовал эту цитату. С удовольствием отвечаю. Из моего предисловия ко второму заграничному изданию моего перевода «Манифеста Коммунистической Партии». А туда она попала из довольно известного сочинения Де-ла-Годда: «Histoire des sociétés secrètes et du parti républicain (Paris, 1850, p. 224). Судите же после этого, какими наивными должны были показаться мне вот эти Ваши соображения:

«Я не допускаю, чтобы Г. В. Плеханов не знал также и про заговор социалистов 1839 г., тем более, что *он сам цитировал* в «Наших разногласиях» одно место из статьи Энгельса, где мельком упоминается про этот заговор».

Вы вообразили, что «Общество времен года» известно мне по одному намеку у Энгельса. Вы ошиблись. Я знал о нем по первоисточнику; но я не забывал хронологии, я помнил, что иное дело каменная твердыня ратуши, а иное дело политическая твердыня старого режима. «Вздор» спять целиком находится на Вашей стороне, т. Мартынов; но я и здесь не называю Вашего вздора «*заведомым*» (курсив *Ваш);* по моему мнению, с Вас достаточно *простодушного* вздора (тут курсив *мой).*

Это не все. Вы говорили, что вложить в слова, сказанные мною на конгрессе 1889 г., идею гегемонии пролетариата «можно было бы только на основании двух предположений: во-первых, если допустить, что Г. Плеханов отождествляет понятие восстания (приступ) с более общим понятием — революция, во-вторых, если допустить, что по мнению Г. Плеханова нашу буржуазную революцию может совершить один пролетариат без союзников из других классов».

Ввиду этого я позволю себе задать Вам новый вопрос: разве же «Общество времен года» собиралось совершить *буржуазную* революцию? На этот вопрос нельзя ответить иначе, как отрицательно: нет, названное тайное общество стремилось свергнуть тот общественный порядок, который был создан двумя предшествовавшими буржуазными революциями. Стало быть, Ваша ссылка на Бланки и Барбеса вдвойне неудачна. Стало быть, вздор, оказывающийся на Вашей стороне, есть двойной вздор.

Я писал, возражая Вам: «Мне всегда казалось, что социалисты того времени (т.-е. 30-х гг.) чуждались политики». Вы неосторожно назвали это «заведомым вздором». Теперь, когда нам уже известно, на чьей стороне находится вздор (повторяю, не «заведомый», а дважды простодушный), я скажу Вам, что если бланкисты 30-х гг. и не чуждались политики, то они не чуждались ее на тот особый лад, на какой она признавалась даже анархистом Бакуниным: в их планах, как и в планах Бакунина, падение данного политического строя совпадало с падением буржуазного порядка. Поэтому можно и должно сказать, что и бланкисты чуждались политики в том смысле, в каком заговорили о ней мы, члены группы «Освобождение Труда», а вслед за нами и Вы, т. Мартынов, в своем опыте восстановления действительной истории

русской революционной мысли. Значит, я был совершенно прав; значит, высказанное мной общее правило: «социалисты-утописты чуждались политики» особенно верно там, где, как в нашем споре, речь идет о политической борьбе с целью совершить буржуазную революцию. В этом случае это правило не допускает даже и того, весьма сомнительного, исключения, наличность которого можно было бы признать ввиду того, что деятельность бланкистов не была чужда своеобразного политического элемента. Значит «вздор», который здесь приходится на Вашу долю, выходит даже не двойным, а тройным. Что ж! «Бог тройцу любит».

Наконец, самый элементарный здравый смысл требует, чтобы мы, говоря об отношении людей известного образа мыслей к политике (да, конечно, и не только к политике), имели в виду общее правило, а не те или другие, более или менее сомнительные, исключения из него. Такое общее правило и было выражено моими словами: «социалисты-утописты чуждались политики». И эти слова только повторяли отзыв, сделанный о социалистах-утопистах еще в «Манифесте Коммунистической Партии».

«Они (эти социалисты. — *Г. П.*) отказывались... от всякой политической и, особенно, от всякой революционной деятельности; они стремились достигнуть своей цели мирным путем и посредством маленьких, естественно неудававшихся, экспериментов; они хотели силою примера проложить путь новому общественному евангелию».

И далее: «Вот почему с таким ожесточением выступают они против всякого политического движения рабочих, вызываемого, по их мнению, лишь слепым неверием в новое евангелие.

«Последователи Оуэна выступают против чартистов в Англии, фурьеристы против избирательной реформы во Франции» [1]).

Мы еще далеко не покончили с открытиями, сделанными Вами (благодаря очкам системы Булгарина-Полевого-Греча) в моем сердце. Но чтобы определить всю силу Вашей зоркости, я должен предварительно разобрать сказанное Вами в защиту своего опыта «восстановления действительной истории» русско-революционной мысли. Тут мне опять придется много цитировать Вашу блестящую прозу

---

[1]) *К. Маркс* и *Фр. Энгельс*, О коммунизме. Одесса 1905. (Изд. «Буревестника»), стр. 27 и 28.

III

Я обвинил Вас в том, что Вы приписали мне мысль Тихомирова, об'явив эту старую мысль «принципиально новым» взносом, сделанным группой «Освобождение Труда» в русскую революционную теорию. Как же Вы защищаетесь?

Читатель уже знает, что Ваша защита в весьма значительной степени посвящена чтению в моем сердце и благородному негодованию по поводу гнездящихся во мне страшных пороков. Но я оставлю здесь без внимания этот лирический элемент Вашей защиты. Я уже достаточно оценил его выше. Обратим внимание на логическую сторону дела.

Вы восстановляете свою позицию, говоря:

«В инкриминируемой статье — «Кто ликвидировал идейное наследство?» — я писал: «Политические принципы, из которых исходил Г. Плеханов в 1883—1884 гг. в своих произведениях, следующие: во-первых: «рабочий класс очень важен для революции»; без него революция не победит; во-вторых: «социалисту нужно подумать прежде всего о том, чтобы революция была полезна для трудящегося населения страны»; в-третьих: «для него не должно остаться потерянным то обстоятельство, что социализм зародился в России в то время, когда капитализм был еще в зародыше»... Это были основные предпосылки, которых группа «Освобождение Труда» никогда не упускала из виду. Но из этих предпосылок *принципиально новое* вносила в русскую революционную мысль только первая». Вот это место Г. В. Плеханов «использовал» для главной атаки против меня» [1]).

Моя «атака» отражается Вами следующим образом:

«Прежде всего обращу внимание читателя, оглушенного «Дневником» т. Плеханова [2]), на одну характерную мелочь. Формулируя три указанные выше принципиальные предпосылки, которых «никогда не упускала из виду группа «Освобождение Труда», я для второй и третьей предпосылки пользуюсь *только* цитатами из сочинений Г. В. Плеханова, для формулировки же первой предпосылки я цитату — «рабочий класс очень важен для революции» — снабжаю пояснением: «без него революция не победит» [3]).

---

[1]) «Необходимое дополнение», стр. 2 и 3

[2]) Я и не знал, что мой «Дневник» «оглушил» кого-нибудь, кроме разве самого т. Мартынова.

[3]) «Необходимое дополнение», стр. 3.

Пояснение пояснению рознь, т. Мартынов.

«Характерная мелочь», на которую Вы ссылаетесь, составляет ключ всей Вашей оборонительной позиции. Утопающий хватается за соломинку; Вы — защищаетесь «мелочью». Но соломинка не спасает утопающего от гибели, и Ваша «мелочь» не спасет Вашей репутации восстановителя действительной истории русской революционной мысли.

«Характерная мелочь» состоит в том, что слова: «рабочий класс очень важен для революции», снабжены у Вас пояснением: «без него революция не победит». Превосходно. А в чем состоит та столь же характерная *не мелочь,* по поводу которой я закричал: «Караул! Тов. Мартынов искажает нашу историю!»? Она состоит в том, что слова: «рабочий класс очень важен для революции», принадлежат не мне, а Тихомирову. И как бы ни были «мелочны» те пояснения, которыми Вы их сопровождаете, они все-таки будут принадлежать Тихомирову, а не мне. Собственность есть собственность, т. Мартынов! И что касается той собственности, о какой я имею удовольствие беседовать с Вами, то ее права останутся непререкаемы даже и в социалистическом обществе. Ибо даже и в нем не похвалят историка, который слова одного публициста приписывает другому. И никакая «мелочь» не спасет подобного историка от насмешки ни теперь, ни в социалистическом обществе, ни в сей жизни, ни в будущей.

Однако присмотримся к характерной «мелочи». Вы, т. Мартынов, пояснили, почему «рабочий класс очень важен для революции»: «без него революция не победит». Это весьма глубокомысленно. Но почему придавали значение рабочему классу Тихомиров и, вообще, народовольцы? Народовольческое издание «Подготовительная работа партии» отвечает на это совсем не двусмысленно. По словам этого издания, городские рабочие имеют особенно важное значение *для революции* как по своему положению, так и по относительно большей развитости, — «успех первого нападения всецело зависит от поведения рабочих и войска». Другими словами: потому что без рабочих революция не победит. Но ведь это как раз то самое, что «поясняете» Вы. Стало быть, этим отнюдь не спасается Ваша репутация «восстановителя действительной истории русской революционной мысли». Совсем напротив! Ваше «пояснение» только усугубляет Вашу ошибку: делая его, Вы лишний раз приписываете мне ту мысль, которая была уже высказана народовольцами. К чему же приводит нас Ваша «характерная мелочь»? Да опять к тому, что нам и без того хорошо известно. «Вздор», по

поводу которого Вы подняли свой смешной крик, надо занести не в мой, а в Ваш пассив.

Пытаясь отбить мою «атаку», Вы стреляете в меня следующим будто бы убийственным вопросом: «Почему же я именно в данном случае, и *только* в этом случае, дополнил цитату своим пояснением?» После той исторической справки, которая сделана мною выше (т.-е. выписки из народовольческой «Подготовительной работы партии») ясно, как дважды два — четыре, что Вы «в данном случае» сделали свое глубокомысленное «пояснение» единственно вследствие незнания того предмета, о котором взялись рассуждать. Но Вам дело это представляется, естественно, в другом свете. Вы «поясняете» его иначе; Вы говорите: «По весьма простой причине: я знал, что цитату эту можно различно толковать, что в ней известная мысль выражена словами Л. Тихомирова, и что Г. Плеханов, поскольку он сам от своего имени и не полемически употреблял эти слова, вкладывал в них иное и *принципиально новое* содержание» [1]).

Вы «знали»! В том-то и дело, любезнейший, что Вы ничего не знали. Если бы Вы знали хоть что-нибудь, то Вы, задавшись целью противопоставить мою *социал-демократическую* мысль мысли *народовольца* Тихомирова, не выразили бы ее словами этого последнего и не придали бы ей того самого оттенка, который она *уже имела* как у него, так и у других народовольцев. Если бы Вы знали хоть что-нибудь, то Вы не об'явили бы, — как Вы сделали это прежде и как Вы продолжаете это делать теперь, вопреки всякой очевидности, — нашим (т.-е. моим и моих товарищей по группе «Освобождение Труда») принципиально новым взносом в сокровищницу русской революционной мысли то положение, до которого доработались уже теоретики «народовольства».

Послушаем еще. «Когда Л. Тихомиров говорил — «рабочие нужны для революции», он ставил ударение не на слове—«рабочие», он не подчеркивал исключительную революционную роль пролетариата по сравнению с крестьянством и интеллигенцией; он ставил ударение на словах «для революции», он подчеркивал вспомогательную, подсобную роль пролетариата, и потому Г. В. Плеханов, полемизируя с Тихомировым в «Наших разногласиях», эти два слова — «для революции» — брал неизменно в кавычки» [2]).

---

[1]) «Необходимое дополнение», стр. 3.

[2]) Там же, та же стр.

Тут у Вас опять выходит не кругло, т. Мартынов.

Если я неизменно брал в кавычки слова «для революции», то это показывает, что я относился к ним иронически и складывал ответственность за них с себя на моего противника Тихомирова. Вы непременно должны были отметить это обстоятельство, излагая мой «принципиально новый взгляд». Вы этого не сделали. Правда, слова «рабочий класс очень важен для революции» поставлены Вами (в статье «Кто ликвидировал идейное наследство») во вносные знаки. Но эти знаки означают у Вас здесь только то, что эти слова принадлежат мне, а не кому-либо другому. Доказательство? Оно состоит в том, что, приводя другие наши «основные предпосылки», Вы ставите в кавычки слова, уже несомненно взятые Вами из моей книги «Наши разногласия». Ясно, стало быть что, когда Вы писали названную статью, Вам и в голову не приходила мысль о возможности отлкования первой «предпосылки» в различных смыслах и что все, глубокомысленно сказанное Вами во второй статье об очистительном значении Ваших кавычек и Ваших «пояснений», не только ничего не спасает и не «поясняет», но еще больше оттеняет забавность Вашего промаха.

Вы хотите уверить своих читателей, будто я внес в историю революционной мысли «принципиально новое»... *ударение*. Это невероятно, но это буквально так. Позвольте же мне для *Вашего* «просвещения» на минуту войти в принципиально новую для меня роль человека, открывшего, во славу русской революции, принципиально новое *ударение*. Я говорю: «*рабочие* нужны для революции». Курсив означает здесь, что ударение стоит именно на слове рабочие. Что же у меня получается? Получается опять то, что не революция служит интересам рабочих, а рабочие служат интересам революции. А что говорил я на самом деле в своем споре с Тихомировым? Как раз обратное: «Первый (т.-е. социал-демократ. — *Г. П.)* полагает, что *революция* имеет «особенно важное значение» *для рабочих;* по мнению второго (т.-е. бланкиста) рабочие имеют, как мы знаем, особенно важное значение *для революции*».

Но все это только цветочки. Ягодкой надо признать последние две строки в последней выписке, сделанной мною из Вашей статьи: «Г. В. Плеханов, полемизируя с Тихомировым в «Наших разногласиях», эти два слова — «для революции» — брал неизменно в кавычки». Трудно придумать что-нибудь более смешное! Я потому и брал эти слова в кавычки, — и притом в *иронические* кавычки, — что мысль, на которую они намекали, казалась мне неудовлетворительной и даже смеш-

ной с моей новой точки зрения[1]). Нужно было в самом деле стать историком школы Потресова, чтобы навязать мне эту неудовлетворительную и смешную в моих глазах мысль как мое принципиально новое открытие.

Хорошо отбиваете Вы, любезнейший товарищ, мою «атаку»! Вы на каждом шагу садитесь в лужу. И я не могу понять, каким образом редакция «Голоса социал-демократа», которая, конечно, прочла Вашу статью, не заметила, что Вы защищаетесь едва ли лучше, чем защищались наши славные адмиралы при Цусиме. Мне странно, что эта почтенная редакция, выступая против меня, можно сказать, целой армией, решилась поставить Вас в авангарде. Это, право, даже обидно!

IV

Теперь я возвращаюсь к тому, что Вам удалось вычитать в моем сердце.

«Заведомый вздор, что я обнаружил в своей статье потребность «отбояриваться от идеи гегемонии пролетариата». Г. В. Плеханов не мог *не заметить,* что я *бо́льшую половину* этой статьи посвятил описанию того, как гегемония пролетариата в середине 90-х годов стала *доминирующей* идеей в произведениях члена группы «Освобождение Труда» — П. Б. Аксельрода» [2]).

Что правда, то правда: я «не мог не заметить». Но я, — как Вы должны были в этом убедиться, — не мог не заметить и того, что после подмены Вами истинных (т.-е. социал-демократических) положений группы «Освобождение Труда» народовольческими (с ее точки зрения совершенно ошибочными) положениями Л. Тихомирова, сама идея гегемонии пролетариата утрачивала в Вашем изложении всякий серьезный смысл. И это совершенно независимо от вопроса о том, кто первый и когда начал излагать названную идею: я или П. Б. Аксельрод, в 80-х или 90-х годах, в начале или в конце того или другого десятилетия. Если то «*принципиально новое*» (напоминаю: курсив Ваш, любезнейший товарищ), что было внесено в революционную мысль группой «Освобождение Труда»,—т.-е. мною, Аксельродом и другими, — сводилось к тому, что «рабочий класс очень важен для революции», и если эта группа

[1]) См. мои Сочинения, т. I, стр. 468. [Сочинения, т. II, стр. 301.] На это место я уже ссылался в статье «Комедия ошибок», но Вы, т. Мартынов, почему-то не вдумались в эту мою ссылку.

[2]) «Необходимое дополнение», стр. 6.

«никогда не упускала из виду» (Ваши слова, тов. Мартынов) этой основной предпосылки, то самая идея гегемонии пролетариата должна была превращаться у нее или в жалкую логическую ошибку, или в жалкое политическое лицемерие. Могла ли она серьезно говорить о гегемонии того класса, который существовал в ее представлении не für sich (не для себя), а für Anderes (для другого), «для революции»? Гегемон, существующий не для себя, не für sich, а für Anderes, есть не гегемон, не руководитель, а, в лучшем случае, союзник, помощник какого-то другого, высшего общественного элемента, для успехов которого он «очень важен». Каким «вздором» должна быть набита голова тех историков, которые этого не понимают!

Положение обязывает; ошибки имеют свою логику. Вследствие подмены Вами нашего «*принципиально нового*» взгляда *принципиально старым* взглядом Тихомирова идея гегемонии пролетариата утрачивала всякое революционное содержание, становясь вполне приемлемой даже... ну, хоть для г. Струве одной из предпоследних манер. Но обставить эту идею такими «предпосылками», благодаря которым она утрачивает свое истинное, т.-е. *революционное,* значение, это и значит от нее «отбояриться». Впрочем, ниже мы еще потолкуем об этом.

«Если же Плеханов думает, что я эту идею считал или считаю беспочвенной или ошибочной, к чему я в статье никакого повода не давал, то он жестоко ошибается, и вот доказательство: в... статье своей «Главнейшие моменты в истории русского марксизма» я останавливался подробно не только на истории возникновения этой идеи, но и на том, как она впоследствии, в начале 90-х гг., *правильно* была воспринята и *целесообразно* применена всей редакцией старой «Искры» и «Зари» [1]).

Белинского спросили однажды, читал ли он статью, напечатанную Грановским в славянофильском «Москвитянине». Он ответил, что не читал и читать не будет, так как не желает встречаться со своими друзьями в неприличных местах. Это прекрасное правило. Я следую ему. Хотя я не имею удовольствия считать Вас в числе моих друзей, но мы с Вами пока еще (не знаю надолго ли) товарищи, и мне кажется что я хорошо поступаю, избегая встреч с товарищами в местах более или менее неприличных. Поэтому я не читал и читать не буду Вашей статьи «Главнейшие моменты в истории русского марксизма», так как она появилась, о чем я узнал от Вас же, в неприличном «пятитомнике»

[1]) Там же, стр. 6.

г. Потресова. Если статья эта в самом деле хороша, то тем лучше для читателей неприличного издания. Надо надеяться, что она хоть немного разрушит те предрассудки, которые создаются у них под влиянием «сочинений» г. Потресова. Но зато тем хуже для Вас, тов. Мартынов. Вы, который могли написать хорошую статью, — *если она в самом деле хороша,* — для пятитомника, написали из рук вон плохую статью для «Голоса социал-демократа». Вы, который могли доработаться до правильного взгляда на историю нашей революционной мысли,—*если взгляд, изложенный вами в пятитомнике, в самом деле правилен,* — высказали в «Голосе социал-домократа» нечто прямо противоположное правильному взгляду на этот предмет. Что скажет о Вас читатель? Он, пожалуй, подумает, что Вы для «Голоса» написали «*заведомый вздор*». Но я, прекрасно знающий, что Вы «в рот хмельного не берете»; я, твердо убежденный в том, что Вы — сама чистота и невинность, спешу к Вам на помощь и опять рекомендую читателю самое выгодное для вас предположение.

Если Вам, в самом деле, удалось написать для пятитомника хорошую статью; *если* Вы там не выдавали Тихомирова за меня, а меня за Тихомирова; словом, *если* перед Вашим (столь проницательным!) умственным оком действительно открывается иногда настоящая история русской революционной мысли, то для об'яснения факта написания Вами для «Голоса» из рук вон плохой статьи можно предложить следующую гипотезу, наименее для Вас обидную из всех возможных.

Вы находитесь в положении человека, колеблющегося между истиной и заблуждением. Ваше проницательное умственное око видит действительный ход развития истории русской революционной мысли, а Ваше ложное положение ликвидатора заставляет Вас подчас забывать об истине, являющейся Вашему умственному оку, и невольно изображать эту историю в совершенно превратном виде. Это опять большая беда. Еще древние хорошо понимали трагизм подобного положения. Вспомните, тов. Мартынов: video meliora proboque, — deteriora sequor!

Но ведь я нисколько не виноват в Вашей беде, — *если* есть беда, *если* правильна гипотеза, наименее для Вас обидная из всех возможных;— напротив, я старался помочь Вам, почтительнейше обращая Ваше внимание на крайнюю ложность того нынешнего положения Вашего, благодаря которому Вы по необходимости пишете, — по крайней мере, по временам, по крайней мере не в пятитомнике, а в «Голосе», — страшный «*вздор*», хотя и не «*заведомый*», а лишь *многократно простодушный.*

V

Вы чрезвычайно ехидный человек, т. Мартынов — но только *в намерении:* Вам хотелось быть ехидным в споре со мной. Но это Вам не удается. И я первый готов от души пожалеть об этой новой Вашей неудаче. Читая Вашу ехидную (в намерении) статью, я вспоминаю того неудачного полемиста, о котором говорит где-то Глеб Успенский: вот-вот за икру укусит, даже страшно делается, а он, глядишь, зевнет и рот перекрестит. Сами Вы не крестите рта и не зеваете, но зато располагаете к зевоте даже тех, кому угрожаете своим ехидством. До такой степени тяжеловесны и нестройны те силлогизмы, которыми оно подпирается, как хромой костылями.

Вот один из образчиков Вашего ехидства, лишенного возможности перейти из мира намерений в наш грешный действительный мир. Вы пишете:

«Вопрос не в том, рассчитывали ли Вы на гегемонию социализма над русским рабочем движением — это, конечно, бесспорно; вопрос в том, рассчитывали ли Вы уже в 80-х гг. на гегемонию социалистической рабочей партии над союзниками пролетариата накануне и во время революции. Я доказывал в своей статье, что Вы на это *не могли* рассчитывать, ибо Вы в брошюре «Социализм и политическая борьба» изображали перспективу, по которой у нас до революции успеют сложиться только *элементы* для будущей рабочей партии, что сама рабочая партия сможет образоваться только «в первый период конституционной жизни России». Ясно, что при таких условиях, при отсутствии настоящей рабочей партии, мечтать о гегемонии пролетариата могли бы только люди, не понимающие значения партии, т.-е. «ликвидаторы», — а Вы, кажется, не из их числа. *Это мое указание Вы благоразумно обошли молчанием*» [1]).

«*Благоразумно обошел молчанием*»! Тут все стремится быть ехидным: и курсив, и признание моего «благоразумия». Но стоит лишь немного вникнуть в дело, чтобы с ясностью увидеть, как детски беспомощны Вы, любезнейший товарищ, в своей попытке с'ехидничать.

Вы делаете большую ошибку и очень странную ошибку в своем определении разделяющего нас вопроса. На самом деле он состоит не в том, в чем Вы его здесь видите, а в том, как и почему приписали Вы

[1]) Там же, стр. 6.

мне ту «принципиально новую» мысль о большой важности рабочих «для революции», которая была высказана еще Л. Тихомировым. Я именно так формулировал его в статье «Комедия ошибок». Но здесь Вы (я позволю себе употребить Ваше собственное выражение) благоразумно обходите молчанием вопрос в этой его, единственно правильной, формулировке и уверяете читателя, что мы с Вами спорим о том, рассчитывал ли я «уже в 80-х гг. на гегемонию социалистической рабочей партии над союзниками пролетариата накануне и во время революции». Эта «благоразумная» подстановка одного вопроса на место другого отнюдь не оправдывается правилами логики. Но я прекословить не буду. Давайте толковать по поводу «благоразумно» придуманного Вами нового вопроса.

Вы отвечаете на него отрицательно: я не мог «рассчитывать». И не мог по той причине, что у нас до революции успели бы сложиться только элементы для будущей рабочей партии. Это опять очень хорошо само по себе (an sich). Но это очень плохо тем, что противоречит Вами же сказанному выше. Как же это так: с одной стороны, я думал, что у нас до революции сложатся только элементы будущей рабочей партии; а с другой я же «рассчитывал», — «это, конечно, бесспорно» — на гегемонию социализма над рабочим движением, т.-е. на такую гегемонию, которая, очевидно, предполагает существование рабочей партии? Ведь это же ни с чем не сообразно! Или, может быть, вы приписываете мне то убеждение, что гегемония социализма над рабочим движением возможна и без наличности рабочей партии? Чего доброго! Ведь Вы принимаете меня за покойника Тихомирова. А Тихомиров верил в стихийный социализм русского народа. Но если это так, то я опять протестую и опять докладываю вам,—снова рискуя навлечь на себя Ваше благородное негодование,—что я не Тихомиров. И я утверждаю, что нет логического выхода из того противоречия, в котором вы беспомощно запутались, вздумав с'ехидничать на мой счет. И это противоречие так плоско, оно свидетельствует о такой безнадежной вялости теоретической мысли, что неизбежно нагоняет ту непобедимую скуку, за которой столь же неизбежно следует судорожная зевота.

Я вижу, мой страшный противник, что Вас надо вывести из затруднения.

Возьмем философию истории Гегеля и сопоставим ее с философией истории Маркса-Энгельса. Что было принципиально нового в этой последней? В ней было много принципиально нового и, между прочим, в ней была принципиально новая (т.-е. совершенно отсутствовавшая

у Гегеля) идея социалистической революции [1]). К этой идее Маркс и Энгельс пришли в первой половине 40-х гг. Что же? Значит ли это, что они считали социалистическую революцию действительностью завтрашнего дня? Нет, не значит. Правда, иногда им казалось, что социалистическая революция совсем близка. Так думал, например, Энгельс, когда писал свою книгу о положении рабочего класса в Англии. А несколько позже, — скажем, в эпоху их борьбы с Виллихом и Шаппером в Союзе Коммунистов, — социалистическая революция стала представляться Марксу и Энгельсу делом уже совсем не столь близкого будущего. Но ослабляет ли это обстоятельство силу положения, гласящего: то «принципиально новое», чем отличалась философия истории Маркса-Энгельса от философии истории Гегеля, состояло, между прочим, в идее социалистической революции? Ясно, что не ослабляет. Почему? Да просто потому, что сила этого положения не зависит от этого обстоятельства.

Маркс и Энгельс пришли к идее социалистической революции. Что это значило? Для них, как для людей, стоявших на точке зрения диалектического материализма, это значило, что об'ективный ход общественного развития роковым образом ведет к замене капиталистических отношений производства социалистическими и что, стало быть, движение общественной экономики в ту сторону, где ей предстоит эта замена, служит мерой экономического прогресса. Подобно этому, для нас, членов группы «Освобождение Труда», твердо державшихся диалектического материализма Маркса-Энгельса, идея гегемонии пролетариата была равносильна тому убеждению, что об'ективный ход экономического развития России роковым образом ведет к выступлению пролетариата в качестве руководителя (гегемона) освободительной борьбы со старым порядком, и что, стало быть, мерой нашего общественного прогресса, приближающего нас к политической свободе, служит подготовка пролетариата к этой роли гегемона (руководителя) в освободительной борьбе. По мнению Маркса и Энгельса, социалистическая революция явится как результат более или менее продолжительного процесса общественного развития. Подобно этому, мы, члены группы «Освобождение Труда», думали, что гегемония пролетариата явится как результат более

[1]) Примечание для проницательных критиков. Я знаю, что идея социалистической революции была свойственна также и некоторым социалистам-утопистам. Но здесь это для меня не имеет значения; здесь с меня достаточно того, что только у Маркса-Энгельса эта идея достигла своей полной зрелости.

или менее продолжительного процесса экономического развития России. Продолжительность процесса, роковым образом ведущего к социалистической революции, Маркс и Энгельс никогда не об'являли равной нулю. Подобно этому, и мы, члены группы «Освобождение Труда», никогда не считали равной нулю продолжительность того процесса, в результате которого пролетариат явится гегемоном в освободительной борьбе. Повторяю, Маркс и Энгельс стояли на диалектической точке зрения; мы, члены группы «Освобождение Труда», тоже держались ее. А Вы, тов. Мартынов, приступаете к нам с элементарной логикой метафизика, говоря мне: «Если в эпоху издания брошюры «Социализм и политическая борьба» и книги «Наши разногласия» вы не были убеждены в том, что пролетариат уже готов к своей роли гегемона, то вам чужда была тогда идея гегемонии пролетариата: Вы доработались до нее только впоследствии». Мне трудно столковаться с Вами. И так как трудность эта имеет почти исключительно логический характер, так как, кроме того, Вы, приписывая мне взгляд Тихомирова, заставляете меня вспоминать об этом последнем, то мне, по ассоциации идей, приходит на память совет, данный ему мною в «Наших разногласиях»:

Mein theurer Freund, ich rath' euch drum
Zuerst Collegium logicum.

VI

Моя речь на Парижском международном с'езде 1889 года как раз выражала то мое непоколебимое убеждение, что об'ективный ход экономического развития России роковым образом ведет к выступлению пролетариата в качестве руководителя освободительной борьбы со старым порядком и что, стало быть, мерой нашего общественного прогресса, приближающего нас к политической свободе, служит подготовка пролетариата к этой роли гегемона в освободительной борьбе. Не больше, но и не меньше. Не понять этого мог только тот, кто вообще очень мало понял как в самой речи, так и во всех предшествовавших ей изданиях группы «Освобождение Труда».

Правда, Вам, тов. Мартынов, кажется, что моя речь выражала меньше того, что я здесь говорю. Вы ехидно, — к ехидству у Вас смертная охота, — напоминаете мне, что в моей речи я говорил о задачах нашей революционной интеллигенции. К сожалению, и тут Вашему ехидству суждена довольно горькая участь: оно свидетельствует лишь о том, что вы далеко не созрели для своей роли (созревание для этой

роли есть тоже длительный процесс) «восстановителя действительной истории нашей революционной мысли».

Уже в 1885 году, — год выхода «Наших разногласий»! — я говорил, обращаясь к петербургским рабочим кружкам: «Наша интеллигенция должна итти с *рабочими,* а наше крестьянство должно итти *за ними*» [1]). Всякий легко поймет, что, когда человек *так* определяет задачу революционной интеллигенции, тогда он может, сколько ему угодно, толковать о ней, нимало не отказываясь от идеи гегемонии пролетариата. Да и что представляет собой эта фраза: «наша революционная интеллигенция должна итти с ними»? Не что иное, как краткую, но, надеюсь, вполне ясную формулировку идеи гегемонии пролетариата.

Два года спустя, в диалоге: «Как добиваться конституции», я писал:

«При агитации в крестьянской среде не только можно, но и вполне естественно было сохранять мелко-буржуазные взгляды на общественные вопросы. Точно так же террористическая борьба, начатая помимо всякой серьезной связи с рабочим классом, при всем своем героизме, не могла способствовать выяснению взглядов русских революционеров. Но лишь только центр тяжести всего движения перенесется в рабочую среду, — интересы пролетариата по необходимости станут главным, или, вернее, единственным, критерием при оценке всяких программ и учений. Тогда впервые начнется настоящее, широкое социалистическое движение на Руси, и тогда, поверьте, недолго продержится русский абсолютизм»! [2])

Если эта мысль о переходе центра тяжести всего революционного движения в рабочую среду не есть идея гегемонии пролетариата, то я ломаю свое перо.

В том же диалоге не мешает заметить еще вот это место.

«Социал-демократ» (ваш покорнейший слуга) возражает в нем «конституционалисту» (т.-е., по вашей терминологии, представителю «союзников пролетариата»):

«Вы не враг социализма, но Вы думаете, что те, которые толкуют о нем в настоящее время, начинают дело с конца. Вы советуете нам на

---

[1]) Это мое обращение напечатано было под заглавием: «Современные задачи русских рабочих», во втором номере журнала «Русский Рабочий», нелегально выходившего в Петербурге в 1885 г. Впоследствии оно было перепечатано в моем сборнике «На два фронта», стр. 84. [Сочинения, т. II, стр. 363.]

[2]) «На два фронта», стр. 123. [Сочинения, т. III, стр. 30.]

время забыть о нем и, так сказать, прикомандироваться к либералам. Мы смотрим на дело совсем иначе, мы думаем, что если бы наши либералы действительно хотели бороться за политическую свободу, то они в конце концов не могли бы придумать ничего лучшего, как пристать к социалистам» [1]).

Разумеется, я не был настолько наивен, чтобы надеяться на переход либералов в социалистический лагерь. Моя цель заключалась лишь в том, чтобы изобразить моему собеседнику логику нашего политического положения во всей ее силе. А эта логика, — как вы, конечно, и сами видите это, мой ехиднейший, — говорила далеко не в пользу гегемонии «союзников пролетариата» в предстоявшей освободительной борьбе.

Сколько раз в наших бесчисленных и бесконечных спорах с народовольцами на собраниях в русских заграничных колониях я уже в середине 80-х гг. повторял, пояснял своим оппонентам, *как* понимаем *мы* роль пролетариата: дайте нам 500 тысяч сознательных рабочих, и от русского абсолютизма не останется и следа! Неужели Вы думаете, т. Мартынов, что человек, неустанно твердивший это, имел в виду гегемонию либералов? Как бы не так! Гегемония, очевидно, должна была достаться той партии, за которой пошли бы сознательные рабочие баталионы, т.-е. партии социал-демократической.

А свой взгляд на то, чем должна быть эта партия, я категорически высказал уже в 1885 году.

Я писал петербургским рабочим кружкам: «Я потому обращаюсь с письмом именно к вам, — к кружкам рабочих, — что у нас, в России, как везде и всюду, социал-демократическая партия должна быть партией по преимуществу рабочей» [2]).

Остается сделать лишь маленькое усилие, как выражалась мисс Домби, чтобы понять, гегемонией какого класса явилась бы гегемония социал-демократической партии. Попробуйте сделать это усилие, т. Мартынов: оно не утомит даже и Вас.

Смысл басни сей таков, что ехидство вещь очень не лишняя и очень не дурная в литературной полемике, но прибегать к нему должен только тот, кто умеет защищать свою позицию убедительными доводами. А кто убедительных доводов выдвинуть не в состоянии, тот сделает лучше, если воздержится от ехидства, ибо оно, в конце концов,

---

[1]) Там же, стр. 99. [Сочинения, т. III, стр. 13.]

[2]) См. в сборнике «На два фронта» стр. 84. [Сочинения, т. II, стр. 361.]

обратится против него самого. Советую Вам запомнить это, любезнейший товарищ.

Что Вы далеко не доросли до роли восстановителя действительной истории русской революционной мысли, это было несомненно для меня с самого начала нашего спора. Но что Вы дойдете до такой невообразимой путаницы понятий, какую мне приходится распутывать теперь, этого я не ожидал, а я, — уверяю Вас, — никогда не был преувеличенного мнения о силе Вашей логики.

Но чего смотрел П. Б. Аксельрод? Как мог он позволить Вам наговорить так много (простодушного) вздора? Ведь ему известны взгляды группы «Освобождение Труда». Зачем же он скрывает их от Вас, т. Мартынов? Тайна сия велика есть!

VII

Как ни скучно мне возиться с Вашими паралогизмами и как ни тяжело, — «по-человечеству» и по-товариществу, — разоблачать Вашу поразительную неосведомленность, но я еще не имею права отдохнуть от Вас. Мне надо продолжать мое приятное собеседование с Вами.

Я начинаю понимать, мне кажется, что́ именно сбило Вас с толку в писаниях группы «Освобождение Труда», или, точнее, в моих писаниях. Я уже намекнул на это: ученики Гегеля и Маркса, мы смотрели на интересовавшие нас вопросы с диалектической точки зрения, а Вы еще не доросли до диалектики. В этом все дело. Вы воображаете, что ловите меня на противоречии там, где я в основу всех своих рассуждений кладу мысль великого диалектика: «Der Widerspruch ist das Fortleitende», т.-е. где я сам мыслю диалектически.

Вот полюбуйтесь сами собой. Вы говорите мне:

«Теперь в доказательство того, что я не только «перелистывал», но внимательно изучал Ваши произведения, я Вам напомню одно весьма интересное место из «Наших разногласий», *которое Вы, вероятно, тоже предпочтете обойти молчанием*. Вот это место: «Само собой понятно, что тайные рабочие общества не составляют еще рабочей партии. В этом смысле совершенно правы те люди, которые говорят, что *наша программа рассчитана более на будущее, чем на настоящее* (курсив мой. — *А. М.*). Но что же из этого следует?» [1]).

[1]) «Необходимое дополнение», стр. 6 и 7.

Дальше Вы выписываете из моей книги целых две с половиной страницы, но выписываете так искусно, что они сжимаются в 15 строк. Как вы это делаете? Очень просто: Вы заменяете в них точками все те места, которые поясняют диалектическое содержание этих страниц и оставляете все те, которые, — будучи взяты отдельно, — делают из меня подобного Вам метафизика, способного заблудиться в трех логических соснах. Нельзя не сказать, что в этом случае Ваша полемическая неловкость доходит до какой-то своеобразной грации (тоже своего рода диалектика человеческих недостатков!).

Скажите, *о какой партии* говорится в цитируемом Вами месте? *О партии в западно-европейском смысле этого слова.* Это у меня так и сказано: «Развитие политического смысла рабочего класса есть один из главных видов борьбы против «главного врага, мешающего сколько-нибудь рациональному приступу» в деле создания у нас рабочей партии на западно-европейский манер» [1]).

Этим обстоятельством, т.-е. тем, что речь идет у меня *о рабочей партии на западно-европейский манер,* разрешается все то противоречие, запнувшись о которое Вы растянулись во весь рост, покрыв стыдом свою «победную головушку». На Западе социал-демократические партии существуют *на законном основании.* Я был бы ликвидатором, — от чего да спасут меня боги Олимпа!—если бы я вообразил, что в деспотической России возможно легальное существование социал-демократической партии. Я прекрасно понимал тогда, как понимаю теперь, что «легализация» российской социал-демократии станет возможной только тогда, когда будет завоевана у нас политическая свобода. Но я опять спрошу, как спрашивал в «Наших разногласиях»: что же из этого следует? А из этого следует то, что мне, как марксисту, нужно было открыть в об'ективной диалектике нашей общественной жизни выход из того противоречия, которым пытались заградить нам дорогу все наши противники: существование рабочей партии предполагает наличность политической свободы — наличность политической свободы предполагает существование рабочей партии. И я говорил, что выход заключается в развитии самосознания нашего пролетариата, которое уже совершается и должно совершаться у нас *вопреки самодержавию.* И я доказывал, что наша революционная интеллигенция могла бы в огромной степени ускорить процесс этого развития, если бы была способна отказаться от своих народнических и народовольческих предрассудков.

---

[1]) Сочинения, т. I, стр. 519. [Сочинения, т. II, стр. 344.]

И я звал наших интеллигентов на эту великую историческую работу, которая одна только и могла превратить их из лишних людей, безнадежно и бесплодно ноющих о разрушении старых экономических устоев, в полезных общественных деятелей. Многие и многие не понимали меня в то время. Это было в порядке вещей. Но что Вы, т. Мартынов, именующий себя марксистом и принадлежащий к Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, — которая ведь не легализована и до сих пор, — не поймете меня теперь, это показалось бы мне совершенно ни на что не похожим, если бы я не вспомнил своевременно, что Вы — ликвидатор. В своем качестве ликвидатора Вы не можете придавать большое значение нелегальной партии. Но что касается группы «Освобождение Труда», то *все* ее члены были *в то время* (доброе старое время!) как нельзя более далеки от ликвидаторства и потому полагали, что *даже нелегальная* социал-демократическая партия может совершить великое историческое дело: встать во главе пролетариата, призываемого историей к руководящей роли в борьбе за политическую свободу. Это не предположение, это не соображение, это, — как выражались славянофилы, — «быль». И об эту быль в мелкие кусочки разбивается вся Ваша аргументация. Правда, Вы подкрепляете эту аргументацию ехидными (читатель уже хорошо знает теперь цену Вашему ехидству) указаниями на мои слова, вроде следующих: «Наше «общество» не может еще рассчитывать на такую поддержку рабочих... отсюда его робость... Но... обеспечьте нашему «обществу» поддержку одних только рабочих предместий — и вы увидите, что оно знает, чего хочет, и умеет говорить с властью языком, достойным гражданина». Или: «*борьба с абсолютизмом войдет тогда в новый и последний фазис* (Слушайте!—*А. М.*): *поддержанные рабочей массой политические требования передовой части нашего «общества» получат, наконец, столь давно ожидаемое удовлетворение* (Курсив мой. — *А. М.*)».

Начиная выписывать эти последние строки, Вы не выдерживаете и с восторгом кричите в скобках: «Слушайте!» Ну, что ж, послушаем! Я сказал, что поддержанные рабочей массой политические требования передовой части нашего общества будут, наконец, удовлетворены. Разве эта мысль не совместима с идеей гегемонии пролетариата? Напротив. Она не только прекрасно уживается с этой идеей, но представляет собою лишь одно из частных ее выражений. Гегемон обязан поддерживать в своих собственных интересах все те общественные течения, которые так или иначе, с той или с другой стороны, в большей или меньшей степени облегчают ему достижение его цели. Если бы он отка-

зался поддерживать их, он перестал бы быть гегемоном. Ведь это азбука! Это поймет всякий школьник.

Итак, что же мы «слышим», т. Мартынов? «Слышим» то, что Вы продолжаете блуждать в трех соснах. Но это нам уже известно.

Та моя мысль, по поводу которой Вы так некстати завопили: «слушайте!», повторялась мною едва ли не во всех моих статьях, посвященных рассмотрению политических задач русских социалистов. Повторялась она, между прочим, и в тех из них, которые были напечатаны в 900-х годах в «Заре» и в «Искре», и на которые Вы, если не ошибаюсь, ссылаетесь теперь, как на писания, отнюдь не чуждые идеи гегемонии пролетариата. Я и в них говорил словами «Манифеста», что сознательный пролетариат должен поддерживать и поддержит «всякое движение против существующих общественных и политических отношений». Скажите, каким же образом эта мысль, будучи высказана в половине 80-х годов, исключала идею гегемонии пролетариата (до такой степени, что Вы, встретив ее в сочинении, относящемся к названной эпохе, злорадно закричали: «слушайте!»), между тем как в 900-х годах она прекрасно уживалась с этой идеей (что видно из Ваших собственных слов)?

VIII

Вы, т. Мартынов, утверждаете, что я не рассчитывал «в 80-х годах на гегемонию социалистической рабочей партии над союзниками пролетариата накануне и во время революции». И Вы спешите сделать отсюда тот, по Вашему мнению неизбежный, вывод, что нам еще чужда была в то время идея гегемонии пролетариата. По своему печальному обыкновению, Вы ошибаетесь. Но надо признать, что на этот раз есть обстоятельство, до известной степени смягчающее Вашу вину. Вам осталось неизвестным, что *мы тогда уже не «рассчитывали» и на революцию, как на дело ближайшего будущего.* Этим решается весь вопрос.

После смерти Александра II я писал Стефановичу из Парижа в Женеву, что партия «Народной Воли» достигла своего апогея, после которого она неизбежно пойдет под гору. В то же время Жюль Гэд писал в парижском «Citoyen»: «Деспот убит, деспотизм продолжает существовать» [1]). Для меня было ясно уже тогда, что партия «Народной Воли» не повалит деспотизма. Это мое мнение разделяли, я думаю,

[1]) Цитирую на память и потому ручаюсь *только* за смысл.

все члены группы «Освобождение Труда», по крайней мере с тех пор, когда появилась за границей супруга Л. Тихомирова (она появилась несколько раньше своего мужа), и мы убедились из разговоров с ней, что сам Тихомиров, бывший тогда несомненным главою народовольческой партии, уже совсем не рассчитывает на победу. Мы все более и более приходили к убеждению, что нам предстоит пережить довольно продолжительный период реакции, в течение которой будут разлагаться старые устои нашего экономического быта, и развивающийся капитализм выдвинет на нашу историческую сцену два новых класса: буржуазию и пролетариат. Что касается буржуазии, то мы не питали преувеличенных надежд насчет ее будущей политической самодеятельности, хотя, по правде сказать, мы не ожидали от нее такой дрянности и ограниченности, какие она обнаружила впоследствии. Наши революционные надежды приурочивались к пролетариату. Но зато к нему они приурочивались до последней степени прочно. Разумеется, мы не могли не видеть, что в то время, когда мы начинали свою пропаганду марксизма, наше рабочее движение находилось еще в состоянии зародыша. Но мы были уверены, что в течение предстоявшего периода реакции зародыш успеет надлежащим образом созреть и окрепнуть. А кроме того, — и это самое главное, — мы были твердо убеждены, что, пока не окрепнет и не созреет пролетариат, нечего и думать о падении нашего абсолютизма. Потому-то я и сказал на международном с'езде в 1889 г.: «Революционное движение в России может восторжествовать только как движение рабочих. Другого выхода у нас нет и быть не может». И замечательно, что это наше убеждение сообщалось подчас, конечно весьма своеобразно, даже самому Тихомирову. В «Искре» было рассказано мною, как он обещал нам придать мало-по-малу социал-демократический характер «Вестнику Народной Воли». Моя заметка о Щапове, появившаяся в первом номере «Вестника Народной Воли», заканчивается тем знаменательным утверждением, что России предстоит пережить новый период, «именно *период социально-демократический*» (курсив этой заметки). С народовольческой точки зрения это была страшная ересь, и Тихомиров мог помириться с нею только потому, что, как уже сказано, он сам утратил всякую веру в победу своей партии.

Но хотя мы считали дело партии «Народной Воли» уже проигранным, мы не могли не видеть и того, что ее борьба еще продолжалась. А борьба продолжалась потому, что в России было еще не мало революционеров, веривших в победу партии «Народной Воли». А пока

было не мало таких революционеров, мы не могли не обращаться, между прочим, и к ним в своих писаниях. А когда мы обращались к ним в своих писаниях, мы, в интересах пропаганды своих идей, становились иногда на их собственную точку зрения, т.-е. исходили из предположения о том, что политическая свобода в самом деле будет завоевана, если не сегодня, так завтра. А когда мы исходили из этого предположения, мы, естественно, должны были допустить, что политический переворот застанет наш рабочий класс в таком неразвитом состоянии, в котором он способен будет играть только роль более или менее деятельного вспомогательного отряда. Но и при этом предположении было ясно, что вспомогательный отряд сыграет тем более серьезную роль, чем лучше будет его организация и чем выше будет его классовое самосознание. А его классовое самосознание было бы тем выше, его организация была бы тем лучше, чем внимательнее относились бы к нему «профессиональные революционеры» в эпоху, предшествующую победе. Стало быть, и при этом предположении было бы не трудно доказать, что «профессиональные революционеры» должны, как тогда говорилось, итти к рабочим. И вот для того, чтобы доказать это революционерам, стоявшим на *принципиально старой* точке зрения, я и апеллировал иногда к тому положению, — *высказанному народовольцами в одном из своих важнейших официальных изданий,* — что «рабочий класс очень важен для революции». И тогда я писал, напр., так:

«Террористическая борьба не расширяет сферы нашего революционного движения: напротив, она сводит его к героическим действиям небольших партизанских кучек. После нескольких блестящих успехов, наша революционная партия, видимо, ослабла от сильного напряжения и не может уже оправиться без притока свежих сил из новых слоев населения. Мы рекомендуем ей обратиться к рабочему классу, как к самому революционному из всех классов современного общества. Значит ли это, что мы советуем ей прекратить на время активную борьбу с правительством? Не только — нет, но, напротив, мы указываем ей возможность сделать эту борьбу более широкой, более разносторонней, а потому и более успешной» [1]).

Я старался привлечь в рабочую среду «профессиональных революционеров», исходя из соображений для них более понятных и убедительных. Я доказывал, что даже с их точки зрения представляется более выгодным такое перераспределение революционных сил. которое отведет

[1]) Сочинения, т. I, стр. 526. [Сочинения, т. II, стр. 349.]

гораздо больше места «занятиям с рабочими» [1]). Но, хорошо зная не только теорию, но и практику народовольцев, я спешил прибавить:

«Но само собой разумеется, что мы не можем смотреть на дело рабочего движения лишь с точки зрения важности рабочих «для революции». Мы хотим обратить самое торжество революции на пользу рабочего населения нашей страны, а потому считаем необходимым содействовать его умственному развитию, его сплочению и организации. Мы вовсе не хотим, чтобы тайные рабочие организации превратились в тайные питомники для разведения террористов из рабочей среды» [2]). Я пояснял: «Есть другие слои населения, которые с гораздо большим удобством могут взять на себя террористическую борьбу с правительством» [3]). Для меня «важно» было то, чтобы профессиональные революционеры «пошли к рабочим» и чтобы они в то же время не помешали *движению рабочих* оставаться *рабочим движением*. Я думал, что логика этого движения мало-по-малу заставила бы действовать в нашем смысле даже самых упорных народовольцев. Я так сильно верил в силу *об'ективной логики*, что готов был до поры до времени воздержаться от тех или других выводов, которые внятно подсказывала мне моя *суб'ективная логика*. Яркий пример. Рекомендуя марксизм просвещенному вниманию народовольцев, крепко державшихся, как известно, за теорию нашей

[1]) Когда я рассуждал так, я говорил, что сама партия «Народной Воли» признает *в теории*, что «городское рабочее население должно обратить на себя серьезное внимание партии». (Соч., т. I, стр. 197. [Сочинения, т. II, стр. 73.]) Я хорошо знал, что народовольческая практика сильно противоречит народовольческой теории. И я не раз это доказывал в других местах. Но мне важно было поймать народовольцев на слове. А ловя их на слове, я рассуждал иногда по другим поводам еще и вот как: «Но уже самая мотивировка необходимости этого дела (рабочего дела. — *Г. П.*) показывает, что, по ее (партии «Народной Воли») понятиям, городские рабочие должны быть лишь одним из элементов нашего революционного движения. Они «имеют особенно важное значение *для революции* как по своему положению, так и по относительно большей развитости, — успех первого нападения всецело зависит от поведения рабочих и войска». (Знакомое уже нам Ваше «пояснение», т. Мартынов, сделанное, как мы знаем, еще в то время, когда Вы никаких «пояснений» не делали.) «Значит, предстоящая революция не будет рабочей революцией в полном смысле этого слова, но рабочие должны принять в ней участие, так как они «имеют *для нее* особенно важное значение». Какие же другие элементы войдут в это движение?» и т. д. (Ibid.) Еще раз, сам я уже не верил в возможность *этой* революции, как не верил в нее и Тихомиров, но в нее продолжали верить многие другие народовольцы.

[2]) Там же, та же стр.

[3]) Сочинения, т. I, стр 527. [Сочинения, т. II, стр. 350.]

экономической самобытности, я писал: «Само собою понятно, что ни автор «Капитала», ни его знаменитый друг и сотрудник не исключают из своего поля зрения экономических особенностей той или другой страны; они только ищут в них об'яснения всех ее общественно-политических и умственных движений. Что они не игнорируют значения нашей поземельной общины, видно уже из того обстоятельства, что не далее, как в январе 1882 г. они не считали возможным сделать решительное предсказание относительно ее будущей судьбы» [1]) и т. д.

Я говорил народовольцам и народникам: «Верьте, пожалуй, в общину, но поймите при этом, что даже и о ней вы будете рассуждать всего правильнее, обратившись к материалистическому об'яснению истории. Лично для меня было уже и тогда совершенно ясно, что правильное рассуждение о *русской* общине обнаружит неизбежность ее разрушения. Но я пока не распространялся об этом, не желая запугивать «инако мыслящих» читателей.

Странно, почему ни Вами, т. Мартынов, ни самим г. Потресовым, этим пресловутым основателем Вашей исторической школы, до сих пор не было открыто, что в эпоху издания брошюры «Социализм и политическая борьба» я еще колебался в своем взгляде на будущую судьбу русской общины. Это открытие само просилось в Ваши исторические исследования.

IX

На основании предыдущей главы кто-нибудь скажет, пожалуй, — может быть, Вы первый скажете, т. Мыртынов, — что я был *слишком* осторожен. Такой упрек будет иметь для меня всю прелесть новизны: обыкновенно меня упрекают в том, что я недостаточно осторожен в обращении с предрассудками своих читателей. Однако, я не заслуживаю ни того, ни другого упрека. Я «осторожен», когда это нужно в интересах дела, и пренебрегаю «осторожностью», когда интересы дела требуют от меня полного и резкого выражения моих мыслей. Как бы там ни было, но я уже в книге «Наши разногласия» не побоялся сказать народовольцам всю истину до самых крайних ее выводов. Я поступил так, когда увидел, что они не только не идут в направлении к ней, но даже поворачиваются к ней спиной. А пока я надеялся, что они способны постепенно приблизиться к ней, я не считал возможным пренебрегать некоторыми требованиями *педагогики*. Притом, даже

---

[1]) Там же, стр 165. [Сочинения, т. II, стр. 47.]

делая указанные выше уступки своим тогдашним читателям, я никогда не упускал из виду той цели, которую я *в таких случаях* себе ставил: толкать нашу революционную интеллигенцию на путь, хотя бы и постепенного, усвоения правильных взглядов на вещи. Даже исходя из того предположения, что партия «Народной Воли» окажется победительницей, я не упускал случая приучать революционную интеллигенцию к той мысли, что, *если* это предположение не осуществится, *то* наш рабочий класс из вспомогательного отряда постепенно превратится в главную силу революционной армии. Так, указывая на то, что революционеры вынуждены были взяться за политическую борьбу *вопреки* своим народническим предрассудкам, я прибавлял:

«Пока у нас нет рабочей партии, «городские» революционеры поневоле обращаются «к обществу», так что фактически они являются его революционными представителями. Народ отодвигается на задний план, а этим не только замедляется установление связи между ним и интеллигенцией, но нарушается и существовавшая прежде связь между «сельскими» и «городскими» революционерами из самой интеллигенции. Отсюда — взаимное непонимание, разногласия, расхождения. *Не то было бы, если бы политическая борьба в городах приняла, главным образом, рабочий характер.* (Подчеркиваю теперь.) Тогда городские и сельские революционеры различались бы между собой лишь *по месту*, а вовсе не *по сущности* своей деятельности, и те, и другие были бы представителями *народного* движения, в различных его видах, и социалистам не было бы необходимости жертвовать своею жизнью в интересах чуждого их взглядам «*общества*» [1]).

Здесь идея гегемонии пролетариата опять выражена, кажется, с достаточной ясностью. Но Вы, т. Мартынов, опять ее не заметили. Таково Ваше похвальное обыкновение.

Только что приведенный отрывок взят из «Наших разногласий». Это полемическое сочинение я писал, уже окончательно потеряв надежду на способность народовольцев к усвоению наших понятий. Но кроме народовольцев в русской революционной интеллигенции было тогда много людей более или менее неопределенного образа мыслей, колебавшихся между «народовольством» и старым народничеством. К ним-то и обращено это мое рассуждение. Всякий видит, что, обра-

[1]) Сочинения, т. I, стр. 529. [Сочинения, т. II, стр. 352.] На следующей странице я писал: «Начните социально-политическое движение в рабочей среде, и вы увидите, что эти (т.-е. работающие в среде крестьянства. — *Г. П.*) демократы мало-по-малу перейдут на точку зрения социал-демократии».

щаясь к ним, я развертывал перед ними весьма определенную социал-демократическую перспективу, хотя и считал нужным принимать в соображение их привычки мысли. Другими словами, всякий видит, — или, по крайней мере, увидит, если даст себе труд подумать, — что о «важности» рабочего класса *«для революции»* я распространялся, приспособляясь к психологии интеллигенции, еще не проникшейся социал-демократическими воззрениями.

Значит, я распространялся об этом не тогда, когда я выдвигал на первый план вносимые нами в движение «принципиально новые» идеи, а тогда, когда я старался предрасположить к их постепенному усвоению таких революционеров, которые продолжали держаться принципиально старых взглядов. Если Вы, т. Мартынов, приняли меня за Тихомирова, то это произошло единственно потому, что мне приходилось иногда *пригибаться* до него, а вернее, — так как *сам-то Тихомиров уже не верил тогда в возможность народовольческой революции,* — до тех, которые шли или, по крайней мере, могли пойти за тем Тихомировым, который печатно утверждал нечто прямо противоположное тому, что он думал на самом деле. Я сказал: «единственно потому», имея в виду, собственно, *формальную логику.* А что касается логики *«психологической»,* т.-е. тех обстоятельств, которые *предрасположили* Вас к совершению указанной логической ошибки, то о них я уже говорил в статье «Комедия ошибок» и еще коснусь их ниже.

Человеку, который не способен представить себе социал-демократическую партию иначе, как в западно-европейском виде, т.-е. в виде легализованной партии, — а Вы доказали эту свою нынешнюю неспособность очень характерным для Вас уродованием упомянутых мною выше 2½ страниц «Наших разногласий», — такому человеку, в самом деле, едва ли возможно правильно понять идею гегемонии пролетариата, как она выдвинута была группой «Освобождение Труда» в ее первых же печатных произведениях. Но крайне интересно вот что. В 1898 или 1899 г. один социалист-революционер (по имени, если не ошибаюсь, Григорович) в полемической брошюре, выпущенной против меня, утверждал, что прежде, — т.-е. в эпоху выхода брошюры «Социализм и политическая борьба» и книги «Наши разногласия», — мои взгляды отличались большей широтой, нежели впоследствии. В подтверждение этого он ссылался на те места этих моих сочинений, где я доказывал некоторые свои взгляды *«от противного»,* т.-е. принимая за точку исхода известные верования и догмы, уже не признаваемые тогда мною, но более или менее общепризнанные в среде тогдашней революционной интеллиген-

ции. Эти *принципиально старые* верования и догмы производили на критиковавшего меня социалиста-революционера впечатление похвальной широты взглядов. Вы, т. Мартынов, получили от них, — и это говорит, несомненно, в Вашу пользу — впечатление некоторой незаконченности. Но Вы, как и мой критик из лагеря социалистов-революционеров, не заметили, — и это уже не делает чести Вашей проницательности, — что тут Вы встречались уже не с моими воззрениями, а с революционными *понятиями старого времени,* с которыми я считался для того, *чтобы тем вернее привести читателя к моему новому образу мыслей.* Так что все Ваши соображения о том, почему я в 1883 и 1884 гг. «еще весьма скромно оценивал возможную *самостоятельную* роль пролетариата *до революции*», были построены «на песце».

X

Не сердитесь на меня, т. Мартынов, если я скажу, что Вы очень смешны, педантически об'ясняя мне и другим своим читателям, почему Вы в своем перечислении наших «основных» предпосылок поставили такое-то положение на первое, а такое-то — на второе место. Вы опять показываете себя метафизиком до конца ногтей. Вы воображаете, что принципиально новая сторона наших взглядов исчерпывалась тою или другою совокупностью отдельных положений или даже «ударений». Вы плохо нас поняли. Мы стояли на диалектической точке зрения. Я хорошо помню, с каким восторгом я показал П. Б. Аксельроду слова Энгельса (в статье «Die Lage Englands» в «Deutsch-Französische jahrbücher»): «Нам не так нужны голые *результаты*, как *изучение*. Результаты без развития, которое ведет к ним — ничто; это мы уже знаем со времен Гегеля. А результаты, которые фиксируются как неизменные и не кладутся в основу дальнейшего развития, хуже чем бесполезны». Смею думать, что в последующей моей литературной деятельности я никогда не позабывал этих замечательных строк. Оттого-то я так и раздражал подчас людей, фиксировавших известные (тактические и другие) результаты, «как неизменные». Во всем, что я и другие члены группы «Освобождение Труда» написали когда бы то ни было, самым «*новым*» и самым важным в принципиальном отношении было именно убеждение в том, что все программные и тактические вопросы русской революции должны рассматриваться с точки зрения развития, т.-е. решаться с помощью диалектического метода. Разумеется, мы не пренебрегали и «результатами». Мы от того же Энгельса (да, ко-

нечно, и от Гегеля) знали, что пренебрегать ими никак не следует и что «развитие должно вывести их из туманной неопределенности и сделать из них ясные мысли». В своем споре с Тихомировым я не мало времени потратил на защиту отдельных результатов, равно как и на опровержение тех, к которым приходил мой противник. Пример, — так плохо понятый Вами, — схватка с ним из-за положения: «рабочий класс очень важен для революции». Но каждый раз, когда я защищал или отвергал известный «результат», я смотрел на него с диалектической точки зрения. Если бы Вы, любезнейший товарищ, следовали этой моей хорошей привычке, то Вы не написали бы этих строк.

«Принципиально новой я считал не вторую, а первую предпосылку вот почему. Дело в том, и т. Плеханов это, конечно, еще хорошо помнит, что вторая предпосылка была аксиомой для *революционного народничества в целом*. Девиз революционного народничества был — «все для народа», а это равносильно второй предпосылке — «социалисту нужно подумать прежде всего о том, чтобы революция была полезна для трудящегося населения страны» [1]).

Несколько ниже та же мысль повторяется Вами почти теми же словами:

«Против последнего (т.-е. против того, «что революция должна прежде всего послужить интересам трудящегося населения») и народовольцы *принципиально,* конечно, не спорили; последнему лишь *практически* противоречила их тактика» (курсив Ваш) [2]).

Это опять «вздор», которого Вы не написали бы, если бы не были метафизиком.

Сказать: «все для народа» это совершенно то же самое, что сказать: «нужно прежде всего подумать о том, чтобы революция была полезна для трудящегося населения страны». Это так. И пока мы рассматриваем эти «результаты» независимо от развития, ведущего к ним, может быть, трудно даже и понять, из-за чего тут было спорить с Тихомировым. Но вопрос немедленно представляется в другом свете, как только мы становимся на точку зрения *развития,* т.-е. диалектики.

Что такое был тот «народ», который имели в виду народники, а за ними и народовольцы, усвоившие почти все их социально-экономические предрассудки? Прежде всего крестьянство. Рабочий класс всегда играл в представлении народников лишь подчиненную роль. Они

---

[1]) «Необходимое дополнение», стр. 4.

[2]) Там же, стр. 5.

тоже не отказывались «заниматься с рабочими», но единственно в силу того, уже так хорошо знакомого нам, соображения, что «рабочий класс очень важен для революции». Предполагалось, что когда «народ» поднимется где-нибудь на Волге или на Днепре, городские рабочие поддержат его, своевременным восстанием ослабив «карательные» действия центральной власти. Отводя рабочему классу подчиненную роль в революционном движении, народники, естественно, не могли переходить на его точку зрения и при решении вопроса о том, как и почему революция может и должна быть полезна для трудящегося населения России. Этот вопрос решался с точки зрения крестьянства. Очень наглядный пример. Логика жизни не раз давала понять народникам, что для рабочего класса имеют не малое значение такие политические права, как право союзов, собраний, свободное устное и печатное слово и т. п. Но так как народники стояли на точке зрения крестьянина, а не рабочего, и так как предполагалось, что крестьянину права эти не нужны, то народническая программа совершенно чуждалась «политики». Народники даже огорчились, когда «Северно-Русский Рабочий Союз» выставил в своей программе требование указанных прав. А члены этого союза совершенно искренне не понимали, как можно пренебрегать этими правами. «Ведь мы не Сысойки», — говорили они [1]). Ввиду этого ясно, что когда мы, покинув метафизические привычки мысли, столь свойственные революционерам предыдущего периода, вооружились диалектическим методом; когда мы взглянули на спорные вопросы программы и тактики с точки зрения «развития», тогда старое положение: «все для народа», равносильное с положением: «революционер должен прежде всего подумать и т. д.», наполнилось совершенно новым содержанием. С ним случилось то, что так часто случается в процессе диалектического развития: оно превратилось в свою собственную противоположность, и, конечно, не в том (метафизическом) смысле, будто оно стало обозначать: «ничего — для народа» или «все — против народа», а в том, что оно заставляло крестьянство поменяться местом с пролетариатом. Если прежде оно гласило: «решайте все программные и тактические вопросы с точки зрения крестьянства», то теперь оно стало гласить: «решайте все программные и тактические вопросы с точки зрения пролетариата». Понимая все великое значение такой перемены, я и приглашал революционную интеллигенцию вспомнить заповедь:

---

[1]) См. мою брошюру: «Русский рабочий в революционном движении». [Сочинения, т. III.]

«социалисту нужно подумать прежде всего о том, чтобы революция была полезна для трудящегося населения страны». Мне было не трудно догадаться, что интеллигенция, пропитанная народническими и народовольческими понятиями, увидит в этой заповеди лишь свое старое положение: «все — для народа» (подобно тому, как и Вы, т. Мартынов, видите в ней именно это). Но я-то, с своей стороны, хорошо знал, что у меня заповедь эта была набита тем диалектическим динамитом, от которого должна была взорваться вся народническая и народовольческая теория и практика, программа и тактика.

Вы, т. Мартынов, до сих пор не понимаете значения этого диалектического динамита. Почему? Отвечаю Вам по секрету: потому, что Вы не выдумаете даже и *пороха*.

XI

Теперь, когда мне так хорошо известны метафизические приемы Вашего мышления, я наперед предвижу, что Вы, со свойственной Вам любезностью, опять упрекнете меня в «заведомом вздоре». Вы закричите: «Плеханов говорит теперь то же самое, что говорю я», и сошлетесь на следующие строки своей новой статьи:

«Принципиально ново в истории русской *революционной мысли* было то, — и автор «Наших разногласий» опять-таки этого наверно не забыл, — что «народ», «нужный» для революции, как ближайшей, так и будущей — социалистической, есть прежде всего пролетариат, а не крестьянство, как думали народники, что именно он, пролетариат, а не крестьянство и не «интеллигенция», является залогом всего будущего революционного развития России» [1]).

Тут как нельзя более уместно вспомнить старую поговорку: «когда двое говорят одно и то же, это — не одно и то же». Особенно, когда двое говорят лишь *повидимому* одно и то же.

Если бы я сказал то самое, что говорится у Вас в этих строках, то я в самом деле сказал бы «вздор». Сейчас об'ясню, почему. Когда я обращался собственно к Тихомирову, противопоставляя его народовольческому взгляду свое социал-демократическое воззрение, я вовсе не ссылался на какую бы то ни было разновидность заповеди: «все — для народа». Я рассуждал совсем иначе. Я говорил: «Социал-демократ хочет, чтобы рабочий *сам сделал* свою революцию; бланкист требует,

[1]) «Необходимое дополнение», стр. 4.

чтобы рабочий *поддержал* революцию, начатую и руководимую за него и от его имени другими» [1]). *Такое* противоположение целиком устраняло вопрос о том, «важен ли рабочий для революции». Само собою разумеется, что — важен для той революции, которую он же и сделает. Совершенно так, как Вы, т. Мартынов, «очень важны» для того обеда, который Вы ежедневно кушаете. Я категорически утверждаю: «Вы очень важны для него»; но я скромен: я отнюдь не думаю, будто, утверждая это, я провозглашаю что-нибудь «*принципиально новое*» [2]). Скажу больше, мне сдается, что нелепо и утверждать это, а надо перевернуть все положение: не Мартынов важен для обеда, а обед важен для Мартынова.

Кто не согласился бы с этим, тот уподобился бы человеку, который, желая сказать «матвеев петух», сказал «петухов Матвей» и тем, как уверяют иные, создал новое, так часто употребляемое теперь всеми нами слово «галиматья».

Переходя от смешного к серьезному, — которое Вы, впрочем, ухитрились сделать тоже смешным, — я замечу, что Вы, пытаясь восстановить действительную историю русской революционной мысли, приписываете мне «петухова Матвея», т.-е. галиматью. Я именно доказывал Тихомирову, что нелепо говорить: «рабочий класс особенно важен для революции», а надо говорить: «революция особенно важна для рабочего класса». У меня именно выходило как раз обратно тому, что Вы приписываете мне: не «петухов Матвей», а матвеев петух»; не «Мартынов обеда», а «обед Мартынова». После этого судите сами, можно ли утверждать, что мы говорим одно и то же. Да совсем же нет! Оказывается, что здесь отсутствует даже внешнее сходство: Вы стоите за «петухова Матвея», и я за «матвеева петуха».

Революционеру, признавшему пролетариат единственным революционным классом своего времени, крайне легко было признать особенную важность революции для пролетариата. И для меня гораздо «важнее» были неизбежно следовавшие отсюда практические выводы. «Сообразно с этим, — писал я, — изменяется и характер деятельности, и распределение сил» [3]). Иначе: я хотел, чтобы не остался без практического употребления тот диалектический динамит, который должен был сослужить нам огромную службу в борьбе со старыми революционными

[1]) Сочинения, т. I, стр. 468. [Сочинения, т. II, стр. 301.]

[2]) Считаю себя обязанным поставить это на вид всем прочим историкам потресовской школы.

[3]) Сочинения, т. I, стр. 468. [Сочинения, т. II, стр. 301.]

предрассудками и который являлся неизбежным теоретическим продуктом нашего перехода на точку зрения развития.

Вы настойчиво распространяетесь о том, что «девять десятых страниц» моих первых произведений посвящены выяснению нового содержания понятия «народ». Это и так, да не так. «Девять десятых страниц» моих первых произведений, — т.-е. преимущественно книга «Наши разногласия», — посвящены выяснению того, в каком направлении совершается *развитие* экономических отношений России. Те «политические принципы», которые я противопоставлял «политическим принципам» Тихомирова, являлись только посредственным «результатом» этого выяснения. И потому, что они являлись только его посредственным «результатом», нелепо рассматривать их независимо от него. А Вы это делаете. Отказываясь рассматривать их вне взаимной связи, Вы забываете, однако, о той связи, которая должна была существовать между всей их совокупностью, с одной стороны, и диалектическим ходом нашего мышления (отразившего в себе ход экономического развития России) — с другой. Потому-то между «политическими принципами», открытыми Вами у меня, и начинается в Вашем изложении самое смешное местничество, вроде того, каким увлекались когда-то московские бояре. А Вы принимаете на себя роль московского царя, головой выдающего одного из соперников другому. Но и в этой роли Вы гораздо более смешны, нежели великолепны. Вы отводите первое место тому «принципу», который на самом деле есть вовсе не знатный боярин, а просто-напросто петухов Матвей (или Мартынов обеда), и этому безродному самозванцу Вы головой выдаете тот чистокровный «принцип», который я противопоставлял тихомировской догме и который, при более подробном рассмотрении, представляет собой даже не какую-нибудь особую политическую теорему, нуждающуюся в каких-нибудь особых доказательствах, а лишь непосредственный и неустранимый результат, уже содержащий an sich в «результате», гласящем: пролетариат выдвигается на первый план исторической нашей сцены по мере того, как разлагаются старые «устои» нашего экономического быта.

XII

Теперь мне остается побеседовать с Вами о некоторых второстепенных или даже третьестепенных частностях.

Вы изволите писать: «Тов. Плеханов не заметил моих следов в № 19 — 20 «Голоса», потому что у него зрение притупилось: поме-

щенная там редакционная статья — «Положение дел в партии (итоги пленума ЦК)» написана мною» [1]).

Написана Вами? Это очень хорошо! Но еще лучше тот упрек в слепоте, который Вы гордо бросаете по адресу человека, не узнавшего Вас в авторе статьи «Положение дел в партии». Упрек вполне заслуженный: не узнал великого мастера! Я посыпаю пеплом свою главу и горестно восклицаю: «mea culpa, mea maxima culpa!» Однако есть некоторые обстоятельства, значительно смягчающие мою тяжкую вину. Вы, положим, великий мастер. Но ведь даже очень большие знатоки, отличающиеся испытанным зрением, не узнают иногда великих мастеров в их произведениях. Недаром же спорят между собой лучшие знатоки живописи эпохи Возрождения хотя бы о том, принадлежит ли Леонардо-да-Винчи превосходный портрет Изабеллы Аррагонской, находящийся теперь в миланской Амвросианской библиотеке. Кроме того, Ваше великое мастерство есть мастерство особого рода: Вы — великий мастер по части нескладицы мышления и тяжеловесности изложения. Но по этой части с Вами не без успеха конкурируют некоторые другие члены редакции «Голоса социал-демократа». Стало быть, мне очень легко было ошибиться.

Откровенно признаюсь — ошибся. Но, даже ошибаясь, я выразился очень осторожно. Я не сказал, что Вас не видно; я допускал, что какой-нибудь более меня искусный и литературный следопыт (см. Фенимора Купера) мог открыть Ваши «следы» в пустыне редакционной статьи 19 — 20 номера «Голоса социал-демократа». Поэтому я сказал, что о Вас совсем не слышно. А не слышно о вас было, во-первых, потому, что Вы выступили без подписи, а во-вторых, потому, что Вы не дали обещанного продолжения статьи: «Кто ликвидировал идейное наследство». Каюсь, я предположил, что под влиянием того, «заведомого вздора» (гм, гм!), который я выставил против первой части Вашего ученого исследования, Вы решились посвятить свое время его исправлению. Вышло не так. Вы остались при той отрадной для Вас мысли, что «основные предпосылки» этого глубокого творения совершенно правильны. Вследствие этого Вы имели досуг для написания «редакционной статьи» в № 19 — 20 «Голоса социал-демократа», но, вместе с тем, Вы, как я это показал, до последней степени неудачно отразили «мою атаку». Лучше было бы Вам, в самом деле, на время исчезнуть «аки обры», т.-е. без всяких «следов», чтобы посвятить свой досуг более

[1]) «Необходимое дополнение», стр. 1.

основательному изучению «действительной истории» русских революционных взглядов.

Дальше. На мой совет Вам защищать свою статью «Кто ликвидировал идейное наследство» там же, где появилось ее начало, — всякий, понимающий литературные приличия человек согласится, что ничего не могло быть естественнее такого совета, — Вы отвечаете: «От любезного совета тов. Плеханова поместить настоящую статью на страницах «Голоса» я, к сожалению, должен отказаться, ибо «принципиальная» полемика со мной тов. Плеханова относится, как читатель убедится, к литературе того сорта, которой мы, при настоящих условиях, не можем уделить места в «Голосе».

Этот Ваш ответ, конечно, совсем не «любезен», но в то же время не только не убедителен, но опять неловок до nec plus ultra.

Разбирая его, я прежде всего сделаю небольшую историческую справку. Известно ли Вам, мой любезнейший, как ответил мне Тихомиров на мою книгу «Наши разногласия»? Он ответил на нее «редакционной» рецензией, в которой говорил, что возражать мне значило бы характеризовать мою личность. Поэтому он предпочитает молчать. Вы, тов. Мартынов, и Ваши присные, — до П. Б. Аксельрода включительно, — не похожи на Тихомирова в том отношении, что Вы очень много теперь занимаетесь моей «личностью». Но у Вас большое сходство с ним в том смысле, что Вы, подобно ему, не видите «принципов» там, где они говорят против Вас [1]). Пусть, кто хочет, решает, не лучше ли было бы для Вас, если бы Вы *вполне* уподобились Тихомирову. А я скажу, что если бы в моей полемике против Вас, действительно, не было ничего принципиального, то Вам и тогда не следовало бы уходить со своим ответом мне из «Голоса социал-демократа»: от Вас зависело придать этому ответу вполне принципиальный характер. Для этого Вам стоило лишь сосредоточить свои усилия на защите Ваших изумительных исторических открытий и не прибегать к чтению в моем сердце. А Вы поступили как раз наоборот. Вы посвятили этому «чтению» бóльшую часть своей статьи, вследствие чего ответ Ваш более, чем на половину, утратил свой принципиальный характер. Вы, как видно, по-

[1]) Кстати, Ваши бывшие товарищи — «экономисты», ополчившись на меня и на П. Б. Аксельрода (tempora mutantur...), тоже не открыли «следов» принципиальности в наших выступлениях против них. Они тоже завопили о «личностях». Ох, слепота — большой порок! Но хорошо хоть то, что теперь на «личность» П. Б. Аксельрода никто не нападает. Даже наоборот, нынешние «экономисты» поют ему громкую хвалу.

чувствовали это и решили, что он не достоин помещения в «Голосе». Тут Вы были, пожалуй, правы: статья вышла почти Булгаринская. Но ведь это уже не по моей вине. И нельзя не пожалеть, что Ваша непохвальная склонность читать в сердцах помешала Вам защищать Ваши ученые выводы там же, где они были напечатаны. А то ведь можно подумать, что Вы перенесли их защиту в другое место просто вследствие нежелания сообщить читателям «Голоса социал-демократа» о существовании скептиков (от них же первый есмь аз), сильно сомневающихся в доброкачественности Ваших исторических трудов.

И странно же Вы выражаетесь! «Как читатель убедится», моя полемика с Вами не принадлежит к той литературе, которой можно уделить место в «Голосе». Откуда же — «убедится»? Очевидно, только из Вашей статьи. Что же получается? Прочтя *мою* статью против Вас, читатель в этом не убедился (прошедшее время). А когда он ознакомится с *Вашим* ответом мне, тогда убедится (будущее время), что эту «литературу» лучше прогнать куда-нибудь на задний двор. Вот так комплимент! Неужели Вы, тов. Мартынов, не догадываетесь, к кому он относится? Эх, Вы... Аника-воин!

Знаете ли, мой дорогой Аника, что́ напомнили Вы мне *этим* своим промахом? Когда Тихомиров «поумнел» и написал брошюру «Почему я перестал быть революционером», тогда между отвечавшими ему народовольческими публицистами нашелся один, который, разобрав названную брошюру, загремел: «Читатель сам видит, что в нашем анализе брошюры Л. Тихомирова нет ни чести, ни совести». Тоже весьма ловкий был полемист! Мне сдается, что между Вами, тов. Мартынов, и этим ловким полемистом есть значительное «фамильное сходство».

Сходство сие не так, чтобы очень лестно. Но это ничего.

Когда я в сборнике «Социал-демократ» отметил указанный промах народовольческого публициста, я тут же пояснил читателям его вероятное происхождение. Наш публицист, сказал я, очевидно, находится в том сильно приподнятом настроении духа, который испытывал гоголевский городничий, распекая явившуюся к нему с повинной купеческую депутацию, и в котором ему на замечание жены «Ах, mon cher, какие слова ты употребляешь!» оставалось воскликнуть: «Не до слов тут, душенька!» Вам, должно быть, тоже «не до слов», тов. Мартынов. И в этом Ваше извинение: когда «не до слов», то мудрено ли описаться?

«Я опасаюсь,— ехидничаете Вы,— что ответ (т.-е. Ваш ответ мне. — *Г. П.*) получит более широкое распространение, чем сам Г. В. Пле-

ханов этого желает». Нечего сказать, хорошо Вы читаете в чужом сердце! Почему бы это мне бояться распространения Вашего ответа? Уж не потому ли, что в нем, по французскому выражению, нет ni rime, ni raison (ни рифмы, ни смысла)? Поверьте, любезнейший, мое расположение к Вам не простирается до такой степени, чтобы я захотел скрывать от читателя Вашу полемическую беспомощность. Я люблю врагов, но только не христианской любовью, как говаривал покойник Печорин

XIII

В своей характеристике «рыцарских способов» моей нынешней «войны» с Вами Вы «указываете, кстати, на одно обстоятельство». Вы повествуете:

«Г. В. Плеханов по поводу лозунга «полновластная Дума» не только упрекает меня в том, что я его карикатурно изображаю; он кроме того пытается вызвать представление, что мы теперь, подобно «беззаглавцам», повидимому «неохотно распространяемся о кадетской непоследовательности». По этому поводу напомню т. Плеханову, что именно мы в свое время, в декабре 1906 г., критиковали его, т. Плеханова, лозунг как раз за то, что он недостаточно учитывал *уже совершенные* кадетами измены, делавшие невозможным даже *между прочим* рассчитывать в тот момент на общую с ними избирательную платформу. Мы писали в журнале «Отклики» по адресу тов. Валентинова, который один лишь (не считая д-ра Васильева) одобрил идею «общей избирательной платформы для всех левых партий»: «В этом пункте, однако, тов. Валентинов ошибся, как ошибся предложивший однородный лозунг («полновластная Дума») Г. В. Плеханов. И тов. Валентинов, и тов. Плеханов не приняли во внимание того несомненного поворота *вправо,* который под влиянием неудачи революции сделали за последнее время руководящие круги кадетов (поворот, за который эти господа будут жестоко наказаны)». Теперь я вижу, что я действительно неправ был, когда я в статье избегал напоминать те оплошности тов. Плеханова, за которые в свое время нас с ним большевики демагогически ругали кадетскими подголосками. Да, т. Плеханов, историческая правда «не пуховик!» [1])

Вы избегали напоминать о моей оплошности... Великодушие, это ты! Теперь Вы видите, что Вам не следовало быть великодушным. Вы

[1]) «Необходимое дополнение», стр. 2.

правы. В нашей грешной земной юдоли добродетель никогда не получает надлежащего признания со стороны порока, вследствие чего она подчас сама ожесточается и тогда признает, что она была неправа. Но ожесточенная добродетель не есть уже добродетель в полном смысле этого слова. Притом ожесточение — плохой советчик. Это, как нельзя лучше, видно на Вас, мой любезный и добродетельный, но, к сожалению, ожесточенный моей порочностью товарищ.

Ожесточение приводит Вас к тому, что Вы и здесь неверно изображаете «действительную историю русской революционной мысли». Во-первых, тогда ли начали большевики демагогически величать Вас «кадетскими подголосками», когда Вы обнаружили великодушие ввиду моей «оплошности»? Мне помнится, что это началось значительно раньше и по другому поводу. Во-вторых, упрек в том, что я «недостаточно учитывал уже совершенные кадетами измены», был и остается,— потому что вы повторяете его теперь,— простым недоразумением, основанным на Вашем тактическом «малолетстве». Предложение кадетам «полновластной Думы» в качестве избирательной платформы было выдвинуто мною как лучшее средство не только «учитывания» их «измен» (поскольку таковые имели место), но также и выяснения результатов этого «учитывания» среднему демократическому избирателю. Когда кадеты отказались от предложенной мною платформы, я печатно сказал им: «Вы напрасно называете себя партией народной свободы; вы—партия народной *полу-свободы,* так как вы не желаете, чтобы в руках народных представителей сосредоточивалась *полная власть*». *И тогда же* я ставил (в «Современной Жизни») на вид моим товарищам, что кадетский отказ от полновластной Думы может быть использован ими для сообщения демократическому избирателю более правильных политических взглядов. И я старался определить, почему кадеты не могли принять мою платформу: я об'яснял это классовым составом их партии. Возражая некоему Solus'у, который, хотя не принадлежал к социал-демократической партии, однако, находя, подобно Вам, т. Мартынов, мою платформу недостаточно радикальной, я писал:

«Народ недаром называется у Гоббса puer robustus, sed malitiosus. Он, конечно, не лишен своих понятий о справедливости; но его справедливость в некоторых отношениях сильно расходится с кадетской. Возьмем аграрный вопрос. Кадеты признали принцип принудительного отчуждения. И это было очень хорошо; и когда реакция ополчилась на них *за это,* народ должен был выразить им свое сочувствие. Но отчуждение отчуждению рознь. На каких условиях должны быть отчуж-

дены помещичьи земли? Кадеты говорят: на условиях справедливого денежного вознаграждения. А puer robustus, sed malitiosus возражает: я нахожу несправедливым платить деньги за то, что всегда было моим. Это именно и есть тот пункт, в котором кадетское понятие о справедливости наиболее расходится с народным понятием о том же предмете. Что будет, если puer robustus, sed malitiosus получит политическую возможность осуществить свое понятие о справедливости? Произойдет то, что кадетское понятие о справедливости останется неосуществленным. В переводе на язык политической экономии это значит: будут нарушены экономические интересы землевладельцев, входящих в кадетскую партию. На это никогда не согласятся эти землевладельцы. Мало того. Они всегда будут относиться с опасением и даже недоброжелательством ко всякому требованию, намекающему им, — а главное, народу, — на возможность такого нарушения их экономических интересов. Они всегда будут против всякого требования, заключающего в себе подобные «арифметические величины». И, — вопреки тому, что думают на этот счет гг. наивные публицисты, — они тем решительнее будут восставать против таких требований, чем яснее, чем определеннее будет выражено заключающееся в них «арифметическое» содержание. Именно поэтому землевладельцы, входящие в состав кадетской партии, *должны* были отвергнуть и мой «знак», т.-е. мою платформу (полновластная Дума. — *Г. П.*). Партии же народной свободы оставалось при этом одно из двух: *или* принять «знак», несмотря на неудовольствие входящих в ее состав землевладельцев, которые в таком случае могли бы выйти из нее и примкнуть к партии мирного обновления; *или* об'явить «знак» продуктом утопической фантазии и тем лишний раз показать своим членам — землевладельцам, что от ее торжества не пострадают их экономические интересы. Она предпочла последнее. Об этом можно жалеть; этому можно радоваться. Но как тот, кто станет жалеть об этом, так и тот, кто этому обрадуется, должен понять, что кадетская партия оттолкнула от себя «утопический» знак вовсе не за его «туманность». А этого-то и не могут понять некоторые наивные публицисты «à la г. Solus» [1]).

Далее у меня говорится, что вожаки партии народной свободы хорошо видят опасность того положения, в которое поставил их отказ от предложенной мною платформы. «Они поняли, — писал я, —

[1]) Статья, из которой я беру эту страницу, впоследствии вошла, как 5-е письмо, в брошюру «Заметки публициста. — Новые письма о тактике и бестактности». (См. стр. 114 и 115). [Сочинения, т. XV, стр. 281.]

что история со «знаком» (т.-е. с той же платформой. — *Г. П.) может* подвинуть влево симпатии избирателя. Этим об'ясняется, во-первых, тот факт, что они с большим раздражением обрушились на «знак»; во-вторых, то обстоятельство, что они нашли нужным показать себя более сговорчивыми во вопросу о соглашениях, в сущности до конца оставшихся нежелательными для них. Они стали опасаться, как бы не наступила теперь *их* очередь выслушивать упреки в узости и наслаждаться удобствами изолированного положения» [1]).

Наконец, я стараюсь *принудить* читателя к пониманию того, что именно предложенная мною тактика «учитывания» была бы наиболее действительной в борьбе с кадетами за влияние на избирателя. Но тут же я признаю, — как будто предвидя Ваше, т. Мартынов, нынешнее беззубое ехидничанье на мой счет, — что принудить кого следовало бы к такому пониманию крайне трудно. И я с сожалением восклицаю: «Такое уж счастье кадетам: им собственно помогают, — и справа и слева, — как раз те, которые воображают себя их самыми непримиримыми врагами. Ошибки правых меня, разумеется, не огорчают. Но что касается левых, то не могу не заметить, что их ошибкам гг. кадеты в значительной степени обязаны своим влиятельным положением... Если бы не левые, то не прошел бы кадетам даром их отказ от соглашений в Петербурге... Неразумие хуже злой воли!» [2])

Изо всего этого видно с ясностью, не оставляющей места даже и для малейших сомнений, кто сделал «оплошность», я ли, предложивший платформу: «полновластная Дума», или же Вы, т. Мартынов, и Ваши присные, не понявшие огромной тактической выгоды этой платформы. Но как бы там ни было, а согласитесь, любезнейший, что ведь вправду не везет Вам с «действительной историей русской революционной мысли». С Вами каждый раз повторяется то же, что случилось с дедом в рассказе Гоголя «Заколдованное место»: не вытанцовывается да и только! Отчего бы это так? Об этом очень стоит подумать [3]).

---

[1]) Там же, стр. 116. [Сочинения, т. XV, стр. 288.]

[2]) Там же, стр. 120. [Сочинения, т. XV, стр. 291—292.]

[3]) Л. Мартов рассказывает (в «Необходимом дополнении»): «Тов. Мартынов упомянул об его известном лозунге: «полновластная Дума». Плеханов старается убедить большевиков, что он этим лозунгом вовсе не намерен был сближать буржуазную оппозицию с социал-демократией, а, напротив, помочь разоблачению первой. Что Плеханов теперь, задним числом, старается прикрасить в глазах большевиков и польских социал-демократов те свои политические действия, за которые он ими был об'явлен оппортюнистом, — это не может удивить и т. д.». Очень удачно это *«заднее число»!*

XIV

Г-н П. Милюков сообщает, что когда в 1749 — 1750 гг. произведен был разбор бумаг бывшей походной канцелярии князя Меншикова, то Сенат определил: те из них, «которые подлежат тайне, отдать в кабинет, а другие, *приличные к сочинению истории* (подчеркнуто у г. Милюкова), в десианс-академию». Таким образом, замечает г. Милюков, далеко не всякий факт считался «приличным к сочинению истории» [1]). Ваша, т. Мартынов, историческая школа, — школа г. Потресова, — тоже отличается непреодолимой склонностью распределять факты по двум категориям: одни считаются ею «приличными», а другие «не приличными» к сочинению истории русской революционной мысли. Только что указанные об'яснения тактического смысла моей платформы, — сделанные, повторяю, тотчас же, как только она была отвергнута партией народной свободы,—очевидно, принадлежат к числу фактов, «не приличных к сочинению» ликвидаторской истории русской революционной мысли. Это очень огорчает меня. Но делать нечего. Уже в статье «Комедия ошибок» я признал, что Вам теперь нельзя не придерживаться «суб'ективного метода» в истории.

Если уже за ту статью Вы в своем ответе постарались изобразить меня человеком, движимым низкими побуждениями, вроде желания отомстить и т. п., то можно представить себе, какая аттестация достанется на мою долю после статьи «Сердит, да не силен»! Теперь я окажусь от'явленным злодеем, на манер того героя одной из наших старинных комедий, которого автор (Херасков; ниже Вы сами увидите, почему мне вспомнился именно Херасков) с редкой находчивостью окрестил именем *Змеяда*. Я решительно ничего не имею против этого: я готов от Вас «претерпеть». Но поймите же Вы, что *гнев* — не довод. Надо же когда-нибудь взяться за *ум* и сообразить, что в нынешнем Вашем положении Вам крайне трудно было бы рассуждать правильно

С Л. Мартовым я еще побеседую особо, равно как и с каждым членом ополчившейся на меня храброй дружины: моим девизом в литературной борьбе с давних пор было «suum cuique». (См. мою книгу против Воронцова. [Сочинения, т. IX.]) А теперь скажу собственно для Вас, т. Мартынов: не верьте Вы Л. Мартову, когда он захочет пополнить запас Ваших сведений по части «действительной истории русской революционной мысли». Вы видите, что он сам ее не знает или делает вид, что не знает. Возможно, впрочем, что в личной беседе с Вами он будет откровеннее.

[1]) «Главные течения русской исторической мысли», т. I, стр. 14.

даже и в том случае, если бы у Вас был большой запас знаний и если бы мать-природа не так щедро наделила Вас склонностью к метафизическому мышлению. *Положение обязывает.* Вы, — шила в мешке не утаишь, т. Мартынов! — Вы ликвидатор. Наше ликвидаторство есть одна из практических разновидностей оппортюнизма. Не горячитесь и не спешите кричать, что я говорю это единственно потому, что мне хочется отомстить такому-то куму и насолить такой-то куме. Покиньте, хоть на минуту, точку зрения кумовства. Я признавал и признаю, что оппортюнизм наших ликвидаторов часто совершенно бессознателен, т.-е., что, всей душой стремясь к оппортюнистической *практике,* они отвергают оппортюнизм в *теории,* т.-е. не считают нужным *пересматривать* учение Маркса-Энгельса. Им тем легче отказаться от подобного пересмотра, что они до сих пор вообще не обнаруживали в своей литературной деятельности сколько-нибудь живого интереса к тем основам этого учения, на которые и посягал международный оппортюнизм [1]). Однако бессознательность ничего не изменяет. Бессознательное ликвидаторство все-таки остается одной из практических разновидностей оппортюнизма. А этот последний приобрел себе, можно сказать, всемирную известность неясностью и непоследовательностью своих рассуждений. Правда, представители этого почтенного течения громко и горько жалуются на то, что мы, упрямые ортодоксы, не понимаем их стремлений. Но его жалобы неосновательны. Парвус превосходно сказал: «С самого появления своего на свет оппортюнизм не перестает жаловаться, что его не понимают». И тот же Парвус столь же хорошо добавил: «Предполагаемая непонятность зависит от самой сущности оппортюнизма. Он прежде всего и больше всего

[1]) Некоторые из публицистов, склоняющихся теперь к ликвидаторству, давно уже подвизаются на литературном поприще, но, насколько я могу припомнить, только один из них и притом только один раз выступил на защиту теории. Да и это случилось, можно сказать, на днях. В № 21 «Голоса социал-демократа» Л. Мартов обрушился на Х. Раппопорта, встретив в его статье ту мысль, что природа скачков не делает. Л. Мартов указывает на Бельтова, оспаривающего эту мысль. Благодарю за лестную ссылку на меня, но ведь я нигде не доказывал, что мысль: «природа скачков не делает», не должна быть повторяема даже при изложении и критике *чужих* взглядов: это было бы уж чересчур. А Х. Раппопорт именно повторяет эту мысль, излагая и критикуя взгляды реформистов. Выступление Л. Мартова в защиту нашей теории оказывается неудачным. Но труден только первый шаг. Будем надеяться, что со временем на долю Мартова выпадет в подобных случаях больше удачи.

сам себя не понимает. Ему нужна посторонняя помощь, чтобы увидеть, к чему ведет его образ действий, долгий опыт, чтобы познать самого себя» [1]).

Вы именно сами себя не понимаете, т. Мартынов! Правда, теперь уже Вы много опытнее, чем были в то время, когда я писал статью «Комедия ошибок». Перед Вами прошло последнее пленарное заседание ЦК; Вы имели возможность полюбоваться доблестным подвигом трех Ваших единомышленников, отказавшихся исполнить свои обязанности по отношению к нашему Центральному Комитету вопреки тому его решению, которое, насколько я знаю, одобрялось и Вами; наконец, Ваш единомышленник г. Потресов во всеуслышание об'явил, что нашей партии, ряды которой украшаются Вашим присутствием, не существует. Это уже довольно богатый опыт. Тому, кто его имеет, довольно легко сообразить, куда ведет нас предпринятая ликвидаторами пресловутая «реформа». Но Вы, как видно, этого еще не сообразили. А не сообразив этого, Вы, естественно, продолжаете не понимать самого себя. И это Ваше непонимание самого себя крайне вредно отражается на Вашей и без того не весьма блестящей литературной деятельности. Вы приписали мне открытие галиматьи (петухова Матвея), и когда я, — отклонив от себя честь этого «принципиально нового» открытия, — попытался об'яснить Вашу смешную ошибку логикой Вашего фальшивого положения, Вы закричали, что я возвожу на Вас напраслину по таким-то и таким-то личным соображениям. Этот Ваш крик вызван был Вашим непониманием самого себя. На самом деле, человеку, находящемуся в Вашем фальшивом положении, просто невозможно не запутаться в рассуждениях о гегемонии пролетариата.

Скажите, т. Мартынов, отказываетесь ли Вы теперь от этой идеи? Я полагаю, что нет, т.-е. что Вы *пока еще* не отказываетесь от нее. Но посмотрите сами, может ли претендовать на гегемонию в освободительном движении та партия пролетариата, которая суживает свою политическую программу до формулы: «борьба за свою собственную легализацию». Эта узкая формула воскрешает «экономизм», как он выражался даже не в журнале «Рабочее Дело», — который Вы редактировали с таким успехом, т. Мартынов, — а в газетке «Рабочая Мысль». Но «экономисты» и не стремились к гегемонии пролетариата [2]). Самые

[1]) См. ст. «Оппортюнизм на практике», «Заря», № 4, отд. 2, стр. 9.

[2]) Не стремится, конечно, к ней и Стива Нович, автор статьи «Вокруг ликвидаторства», помещенной в № 18—19 «Голоса социал-демократа». А ведь он отличается от Вас, т. Мартынов, лишь ясностью и последователь-

крайние и самые последовательные из них, авторы столь нашумевшего когда-то «Credo», выступали сознательными противниками идеи этой гегемонии: они желали, чтобы в политике рабочий класс шел за «обществом». Но само собой разумеется, что это желание нисколько не помешало бы им раз'яснить при случае «обществу», как важен рабочий класс «для революции». Воскрешая «экономизм», Вы далеко не обладаете последовательностью авторов «Credo». Вы до сих пор держитесь,— по крайней мере, я так полагаю, — за идею гегемонии пролетариата. Но Вы существенно исказили то «принципиально новое», что лежало в основе всей политической пропаганды группы «Освобождение Труда» от начала и до конца ее существования. Вместо того, что было новым в действительности, Вы, рассудку вопреки, приписали мне нечто старое, общепризнанное еще в эпоху «народовольства». И, поступая так, Вы опять сближались с «экономистами», т.-е., вернее, возвращались на их точку зрения.

«Экономисты» не любили группы «Освобождение Труда» и мотивировали свою нелюбовь к ней, между прочим, тем соображением, что группа эта измеряла значение рабочего класса его важностью для революции.

Изложив свой взгляд на политическую задачу рабочего класса, «экономист» «Рабочей Мысли» говорил:

«Понимая таким образом настоящую общественную борьбу русских рабочих, мы готовы «не понять» тех наших товарищей, которые считают «облегчение экономического положения пролетариата» лишь попутным делом ниспровержения самодержавия, равно как и тех, которые свою программу «освобождения труда» считают простым ответом на вопрос: «откуда взять силы для борьбы с царизмом?» [1])

Это яснее ясного: автор имеет в виду группу «Освобождение Труда», в проповеди которой он видит то же, что и Вы, т. Мартынов: пропаганду той идеи, что рабочий класс очень важен для революции, так как без него царизм не будет побежден. Стало быть, в той путанице понятий, к которой привело Ваше выступление в роли историографа, нет ровно ничего «принципиально нового». Говоря о группе «Освобождение Труда», Вы лишь повторяете тот «вздор», который писал о ней в «Рабочей Мысли» один из самых крайних и, по-своему, последовательных «экономистов».

ностью мысли; он лишь ставит точки над теми i, которые у Вас остаются, до поры до времени, без точек. Это уже экономист sans phrases.

[1]) Отдельное приложение к «Рабочей Мысли». СПБ. 1899, стр. 15, I.

Но если в *идейном* отношении Вы здесь вполне сходитесь с ним, то Вы очень отличаетесь от него в отношении *чувства*. Вообразив, что группа «Освобождение Труда» измеряет значение пролетариата его важностью для революции, публицист «Рабочей Мысли» возмутился этим. И тут он был прав. Заслуживала бы негодования та социал-демократическая группа, которая в самом деле усвоила бы себе такой критерий. А как *Вы*, т. Мартынов, отнеслись к нашей группе, навязав ей этот критерий в качестве самой важной изо всех ее «основных предпосылок»? Вы отнеслись к ней не только без негодования, но даже с очевидным сочувствием: Вы даже гордились своим «родством» с ней. Что же это показывает? То, что в смысле социал-демократического *чувства*, — не позволяющего смотреть на пролетариат как на орудие для достижения каких-то чужих целей, — Вы значительно уступаете тому публицисту «Рабочей Мысли», у которого Вы заимствовали свой *взгляд* на роль группы «Освобождение Труда» в истории нашей революционной мысли. Так и всегда бывает: разогретое блюдо всегда хуже свеже-приготовленного.

Известно, что оппортюнисты нашего времени охотно и крепко хватаются за то, что оставалось непоследовательным и непродуктивным в учениях социалистов-утопистов. Признавая важность рабочего класса «для революции», русский утопический социализм делал несколько крупных шагов в направлении правильной социалистической *практики*. А теперь эта мысль означала бы, что русская социал-демократия отрекается от своего революционного содержания и переходит на точку зрения авторов «Credo». И вот, когда Вы разогрели эту, некогда плодотворную, а теперь реакционную мысль и выдали ее за самую главную «предпосылку» моей политической пропаганды, я не мог не сказать себе и читателю: т. Мартынов сделал ошибку, подсказанную ему логикой его положения. И всякий беспристрастный читатель видит, что я был прав: кто воскрешает стремления «экономистов», тот начинает смотреть через «экономическую» призму как на нынешнее положение русской социал-демократии, так и на историю ее идей. Это естественно. И для того, чтобы понять это, вовсе не нужно быть одушевленным местью, злобой, завистью или каким-нибудь другим, столь же непохвальным, чувством. Достаточно только не прибегать к употреблению «экономической» призмы.

Я советовал Вам вернуться на покинутую Вами марксистскую позицию. Я признавал, что Ваше возвращение на нее не может совершиться иначе, как с помощью целого ряда паралогизмов. Но я

говорил, что этот ряд будет, все-таки, несравненно короче того, посредством которого Вам придется защищать нынешнюю Вашу позицию ликвидатора. Вы и тут увидели какой-то злой умысел с моей стороны. А между тем я давал Вам этот совет так же, как один из героев «Ревизора» брал взятки: совершенно без всякой злобы. И, если хотите, я сообщу Вам, что к мысли дать Вам мой добрый совет меня привело следующее воспоминание.

В начале 80-х гг. приехала за границу знаменитая М. Н. Полонская, игравшая чрезвычайно выдающуюся роль в партии «Народной Воли» и даже оказавшаяся впоследствии единственным мужчиной в «группе старых народовольцев» (Лавров, Русанов, Рубанович и другие). В то время только что начались переговоры об издании будущего «Вестника Народной Воли». При первом же свидании со мной Марина Никаноровна спросила меня: «Как Вы думаете, можно ли нашу программу согласить с теорией Маркса?» — «Нет, — сказал я: но я все-таки советую Вам об'явить себя марксистами». И на ее удивленное: «как же это так?» я ответил: «Согласить народовольческую программу с теорией Маркса нельзя без натяжек и софизмов. Но для того, чтобы защищать ее против теории Маркса и опираясь на Дюринга [1]), понадобится еще больше софизмов и натяжек. А из двух зол надо предпочесть меньшее». Представьте себе, т. Мартынов, что именно этот разговор с М. Н. Полонской и припомнился мне, когда я, прочитав Вашу статью «Кто ликвидировал идейное наследство», задумался над роковой фальшью нынешнего Вашего положения. И я опять сказал: «Из двух зол надо выбирать меньшее; поставлю это на вид т. Мартынову». Вот почему я и написал не ответ Вам, но «ответ и совет». А теперь я пишу *только* ответ. Я поступаю так по той легко понятной причине, что Вы приняли мой совет в дурную сторону, а еще потому,—и это, пожалуй, главное,— что теперь Вам уже поздно отступать на старую позицию. Теперь Ваши корабли сожжены, и Вам больше нечего делать, как защищать ликвидаторство. А мне остается только пожелать, чтобы Вы в будущих своих полемических схватках с противниками обнаруживали поменьше той беспомощности, которая так ярко проявилась в защите Вами «принципиально нового» петухова Матвея.

Говорят, что первая любовь есть самая сильная. Вы, т. Мартынов, вернулись к своей первой любви — к прекрасной Дульцинее «эконо-

[1]) Некоторые народовольческие публицисты высказывались тогда, как дюрингианцы.

мизма». Теперь, кажется, ясно, что те литературные подвиги, которые Вам предстоит совершить, будут совершены Вами в честь этой дамы Вашего сердца. Конечно, об этой даме можно сказать, как говорит Мефистофель о Марте: «Красотка очень перезрела». Но надо надеяться, что она помолодеет под благотворным влиянием Вашего горячего чувства. Недаром говорит Гёте: «Neue Liebe, neues Leben». Вы снимете с нее ее устарелый костюм, Вы оденете ее по новой (ликвидаторской) моде, и она в глазах многих близоруких товарищей сойдет за молодую. Старайтесь же возродить ее! Благодарные «экономисты», на-голову разбитые некогда сторонниками революционного марксизма, сплетут Вам лавровый венок. И я,— всегда готовый пожелать Вам всего лучшего, — уже предвижу то счастливое время, когда на Вашем портрете будет красоваться, например, такое лестное четверостишие:

Пускай от зависти сердца Зоилов ноют!
Мартынову они вреда не принесут,
Акимов и Брукэр щитом его покроют
И в храм бессмертья проведут [1]).

Пока до свидания, мой страшный Аника-воин. Мне вряд ли скоро придется еще раз побеседовать с Вами, но поверьте, что я всегда буду с интересом следить за Вашими литературными упражнениями.

P. S. Чуть-чуть не позабыл! Вы утверждаете, что Ваш *петухов Матвей* показывал свою забавную «личность» уже в первом номере «Голоса социал-демократа». Вы возводите на себя напраслину. *Петухов Матвей* состоит в том, что Вы об'явили моей «*основной предпосылкой*» мысль: «*рабочий класс очень важен для революции*». В статье «Движущие силы русской революции», напечатанной в № 1 — 2 «Голоса социал-демократа», Вы этого не делаете. «*Основной вопрос русской социал-*

[1]) Славное имя «экономиста» Акимова известно всей социал-демократической России. Менее громкое, но не менее почтенное имя Брукэра (не смешивать с бельгийцем де-Брукэром) читатель найдет в списке делегатов, присутствовавших на нашем втором партийном с'езде. Вам, т. Мартынов, разумеется, хорошо известны эти имена Ваших старых единомышленников (старый друг лучше новых двух!). Что же касается подписи к Вашему портрету, то Вы, как человек, сведущий в истории русской литературы, видите, что она есть не более, как видоизменение известной подписи к портрету Хераскова. Я знаю, что отсутствие оригинальности составляет большой ее недостаток. Но я стихов не пишу, и я первый обрадуюсь, если какой-нибудь «экономический» пиит сочинит к Вашему портрету оригинальную подпись. Для меня здесь важна мысль, а не форма.

демократии [1]), который был поставлен Плехановым в 80-х гг.», формулируется Вами так: «Но мы, социалисты, обязаны заботиться о том, *чтобы грядущая революция полнее всего послужила интересам пролетариата. Как этого достичь?*» Это *не петухов Матвей, а матвеев петух,* правда, петух далеко не самый породистый. Правда и то, что Вы неверно передали там наш *тогдашний взгляд* на возможность победы *тогдашнего* революционного движения. Но когда начиналось издание «Голоса социал-демократа», это были такие частности, из-за которых не стоило бы подымать печатный спор, *если бы* я и заметил их своевременно. А я,—каюсь,—своевременно их не заметил. При составлении № 1—2 «Голоса» меня в Женеве не было, и я, не знаю почему, не получил его корректур. Увидев этот номер в печатном виде, я, не будучи большим охотником до Вашей, т. Мартынов, прозы, не поторопился прочесть Вашу статью (пусть бросают в меня каменьями те читатели, которые *любят* эту прозу). Разумеется, Ваша статья была бы немедленно и с полным вниманием прочитана мной, *если бы я мог заподозрить Вас в каких-нибудь отступлениях от правильного образа мыслей, но тогда я чужд был подобных подозрений.*

[1]) Курсив мой.

О письме тов. В. Ольгина

Я получил от тов. В. Ольгина следующее письмо, которое и воспроизвожу полностью.

Уважаемый товарищ!

В только что выпущенном редакцией «Голоса социал-демократа» листке под названием «Торжество кляузы», посвященном инциденту, происшедшему в нашей редакции из-за статьи т. Залевского, довольно много места уделяется почтенными издателями «моей малости». В интересах истины, относительно которой, к моему удивлению, редакторы «Голоса» проявили большую... беспечность, я решаюсь, с Вашего позволения, занять внимание читателей «Дневника» настоящим моим письмом.

Недостаток места вынуждает меня быть возможно более кратким, и я, оставляя до другого случая подробное изложение всех событий, вызвавших появление в свет вышеупомянутого литературного (с позволения сказать) произведения «голосовцев», сейчас укажу лишь на то, что, по моему мнению, должно помочь товарищам правильно определить свое отношение к выступлению против меня редакции «Голоса социал-демократа».

Оговорюсь, что я далек от мысли защищать тт. большевика и поляка; меньше всего я склонен к этому. Содержание настоящего письма я ограничиваю только тем, что имеет непосредственное отношение ко мне.

Редакция «Голоса», «делая глазки» впередовцам, намекает на то, что я свое качество ленинского «пособника» проявил уже в конфликте с товарищем впередовцем, который пред'явил ультимативное требование, чтобы редакция «Дискуссионного Листка» ввела самостоятельно в свой состав представителя «ультиматистов-отзовистов»; как известно, дело это кончилось выходом впередовца из состава нашей редакции.

Должен прежде всего сказать, что против претензии впередовца высказалась вся редакция, в том числе и «голосовец» Ястребов. Этот последний, после демонстративного ухода впередовца, облегченно вздохнул и сказал: «ну, теперь можно работать!» Что же касается моего «пособничества» ленинской, т.-е. «вышибательной», тактике [1]), то о наличности ее могут дать представление следующие два факта. Первый (цитирую по протоколам,

---

[1]) В данном случае ни о чьей «вышибательной» тактике не может быть и речи. — *Г. П.*

ведшимся т. Ястребовым): «Товарищ впередовец просит занести в протокол заявление партии впередовцев о том, что он ничего не имеет против того, чтобы представитель «ультиматистов-отзовистов» присутствовал здесь. Просит также занести в протокол аналогичное заявление т. Ольгина» И второй: редакция приняла следующее мое дополнение к резолюции, отклоняющей требование т. впередовца: «Само собой понятно, что редакция не имеет ничего против представительства в ней всех течений, существующих в партии». При вотировании этого дополнения голосовец воздержался.

Затем редакция «Голоса» пишет, что я с поляком и большевиком имеем то преимущество перед остальными тремя членами редакции что в наших руках (и моих, как человека, прикосновенного к «братии» Ленина) находится партийная типография и потому я вместе с поляком и большевиком «имею силу» не печатать статьи т. Залевского. Почтенная редакция — несомненная сторонница «материализма»... Она смотрит в глубь вещей. Если Ольгин согласен в чем-нибудь с Зиновьевым, то значит Ольгин получил пай в типографии Зиновьева... В своих психологических анализах вы, господа хорошие, пользуетесь, очевидно, лишь одним методом, методом самонаблюдения. Современная психология находит, что этого маловато...

Хотя разубедить такого рода психологов трудненько, я все же позволю себе довести до их сведения, что я только по выходе в свет их «кляузы» узнал, кому принадлежит та типография, в которой печатается «Дискуссионный Листок». Вместе с тем я позволю себе отметить (надеюсь, тут уже в полном согласии с редакцией «Голоса»), что со второго с'езда и по сию пору я никогда не был близок, не близок и теперь, ни к одной большевистской организации, ни к одному большевистскому кружку и все время веду борьбу с большевизмом в качестве правоверного меньшевика.

Далее почтенная редакция пишет, что в инциденте из-за статьи Залевского я шел с поляком и большевиком; что образовался из нас троих «прочный комплот» для удушения меньшевизма... Я, меньшевик, вошел в комплот для удушения меньшевизма!! Надо ли говорить, что это вопиющая... неправда? Что же касается того, с кем я шел, то дело было так. Тт. поляк и большевик на всем протяжении инцидента стремились к тому, чтобы «осудить» Залевского; голосовец, а за ним и латыш, все время игнорировали постановления Правления СДЦП и Л и пытались защитить, «оправдать» Залевского. *Я не шел ни с теми, ни с другими.* Я полагал, что вопрос об оценке личности Залевского не подлежит обсуждению редакции; я требовал, чтобы редакция, так сказать, прошла мимо личности Залевского и считалась бы только с официальным постановлением Правления; не считаться же с этим постановлением значило бы игнорировать целую национальную организацию, представитель которой введен в нашу редакцию, разумеется, для защиты интересов этой организации. Я не могу здесь подробно показать, что я не шел ни с большевиком, ни с голосовцем, я это сделаю в недалеком будущем. Но, повторяю: *у меня был свой план, своя дорога.* «Кляузники» торжествуют преждевременно.

Редакция «Голоса социал-демократа» в пылу своего «благородного» гнева именует меня вместе с поляком и большевиком «бессовестным лицемером» за то, что я не высказался в пользу помещения статьи Залевского,

отданного под суд, в то время как я знал, что Ленин, находящийся также под судом, преблагополучно редактирует центральный орган партии. Редакция «Голоса» тут самым *добросовестным образом лицемерит;* она прекрасно знает, от меня слыхала, что в деле Залевского есть специальное постановление Правления СДЦП и Л о запрещении Залевскому всякой партийной работы, тогда как наш ЦК такого постановления относительно Ленина не делал.

Я не могу останавливаться здесь на письме т. Ястребова; им я вынужден буду заняться в другом месте. Но сейчас все-таки отмечу одно не лишенное для товарищей интереса обстоятельство. «Голосовец» Ястребов в своем письме скромно умалчивает о том «террористическом акте», который он совершил на втором заседании редакции, хотя о таковом же товарища-поляка он поведал. На этом втором заседании т. Ястребов внес предложение (мною поддержанное) пересмотреть предыдущее решение об обращении с запросом к Правлению; при этом он счел для себя возможным подкрепить свое предложение ультиматумом; он сказал: «если мое предложение будет отвергнуто, я выйду из состава редакции». Ястребов не сообщил также и о том, что т. Зиновьев, высказываясь против него, немедленно подкрепил и свое предложение ультиматумом. Эта тактика ультиматумов сыграла не последнюю роль в инциденте Залевского; мне она безусловно обнаружила родство фракционных душ поляка, голосовца и большевика; она мне показала так ясно, как я бы не хотел этого видеть, что все эти три товарища с легким сердцем пойдут на разрыв «Дискуссионного Листка». Помахивая ультиматумами, люди стоят с приподнятой ногой и нервно ждут подходящего мало-мальски момента, чтобы «передать корпус вперед» и скрыться за порогом редакции. О, я хорошо запомнил самодовольную улыбку державшего на отлете котелок и удалявшегося из редакции товарища впередовца!.. Нет, так не поступают люди, дорожащие тем делом, к которому они приставлены!

Добросовестные лицемеры по понятным причинам не проронили на этот счет ни звука...

«Дискуссионный Листок» ликвидирован! — восклицают они. Неправда, «Дискуссионный Листок» не ликвидирован, хотя редакция «Голоса» употребляла и употребляет для этого все свои силы. Она упорно бойкотировала «Дискуссионный Листок», ни единой статьи ни от кого из членов ее в редакцию «Дискуссионного Листка» не поступало... Мы знаем: статьи им нужны для «Голоса».

Теперь «долгом всех марксистов, — агитирует ликвидаторская редакция, — явится поддержать «Голос социал-демократа», при отсутствии которого проблемы партийной мысли не найдут себе свободного выражения в нелегальной прессе». «Товарищи теперь будут знать цену, — продолжает она, — той кампании, которая ведется и будет еще вестись этим самым (т.-е. мною) «плехановцем» [1]), и ему подобными в пользу закрытия «Голоса». Думаю, товарищи хорошо уже понимают, почему такой гнев обрушился на мою грешную голову со стороны голосовской редакции. И в самом деле

[1]) Ваши ехидные кавычки — ехидны лишь, увы, для Вас одних. — *Г. П.*

понять не трудно. Дело просто и ясно. По решению пленума ЦК в интересах партии «Голос социал-демократа» должен быть закрыт. По давнишнему решению редакционной коллегии «Голоса» этот орган в интересах легалистов и ликвидаторов нашей партии должен существовать. Но в партии все растет число революционных меньшевиков, противников ликвидаторства; почва под ногами апостолов неоэкономизма делается все более и более непрочной. Что же им остается делать? Надо хвататься за всякий повод, за «всякую соломинку» и, «перепутывая карты», бить тревогу, кричать, что нет места для свободного выражения проблем партийной мысли, кроме страниц «Голоса».

Так просто открывается не совсем чистый ящик голосовской «кляузы».

Я думаю, что уже то немногое, что я сообщил здесь, предостерегает товарищей от поспешного заключения относительно той роли, которую играл член редакции «Дискуссионного Листка», плехановец, в деле Залевского.

С товарищеским приветом *Вален. Ольгин.*

Это письмо т. В. Ольгина не нуждается в комментариях, так как оно достаточно ясно показывает, насколько неосновательны грубые обвинения, выдвинутые против него редакцией «Голоса социал-демократа». Но т. В. Ольгина, как видно, очень волнуют эти обвинения. Тут он неправ. На эти обвинения нужно смотреть с об'ективной точки зрения. С этой же точки зрения оказывается, что наши *неоэкономисты* прибегают к тем самым приемам, с помощью которых некогда «агитировали» против нас *Акимов и другие экономисты старой манеры.* Ну, а в этом нет ничего удивительного: *положение обязывает.* Стало быть, нечего волноваться.

ИЗ «РАБОЧЕЙ ГАЗЕТЫ»

Наше положение

I

Говоря: «наше положение», я хочу сказать: «положение Российской Социал-Демократической Партии». Положение это теперь не из самых завидных. Мы сделали бы себя смешными в глазах всех рассудительных людей, если бы вздумали отрицать это, если бы захотели доказать, что у нас все обстоит благополучно. Нет, надо говорить правду: наша партия очень далека от благополучия. В этом согласны между собой все, — не только нынешние, но и бывшие, — ее члены. Горячие разногласия возникают в их среде только тогда, когда речь заходит о том, как же нам выйти из неблагополучного положения и, по возможности, приблизиться к благополучию. Что нам нужно прежде всего?

Посмотрим, чем вызывается неудовлетворительное положение нашей партии.

Многими причинами. Я должен был бы написать целую брошюру, если бы захотел заняться подробным их рассмотрением. Но этого и не нужно. Для моей цели достаточно ознакомиться с некоторыми из них.

И прежде всего я обращусь к господствующей реакции. Реакция эта, несомненно, плохо отзывается на положении нашей партии. Но есть реакция и реакция. Во времена позорной памяти Плеве мы тоже не мало страдали от реакции. Однако тогда наши силы увеличивались, наши средства умножались, наша организация росла и крепла, наши надежды на близкую победу упрочивались с каждым днем. Теперь не то. Теперь наша организация расшатана, наши силы ослабели, приток средств уменьшился, и некоторые из нас стали думать, что нашей партии вообще не суждена победа. Дело дошло до того, что иные доброжелатели ее, — например, тт. Изгоев, Потресов и им подобные, — прямо отрицают ее существование, как организованного целого.

Откуда же эта разница? Отчего же в эпоху Плеве реакция, стремясь ослабить наши силы, только увеличивала их, между тем как

теперь ей в самом деле удалось поставить нас в затруднительное положение?

Оттого, что в эпоху Плеве она проникала собою одни только «правящие сферы», а теперь ее влиянию подчинилось, можно сказать, все население нашей страны и, между прочим, и пролетариат.

Возьмем пример. Наши профессиональные союзы живут теперь тоже не совсем благополучно. Их силы тоже слабеют; их кассы тоже пустеют; их надежды тоже падают. И это не только потому, что их всеми мерами душит «конституционное» правительство г. П. Столыпина. Правительство правительством, а очень многое зависит здесь от теперешнего настроения нашего рабочего класса, т.-е. от той общей усталости, от того упадка энергии, от того равнодушия к своему собственному делу, на которые так горько жалуются теперь все знатоки нашего профессионального движения. Другим примером могут служить наши рабочие потребительные товарищества. Они тоже далеки от процветания, и тоже не только потому, что их не любит полиция.

Влияние реакции распространилось теперь на все население нашей страны. Иначе и быть не могло после того, что было пережито им в 1905—1907 гг. В истории всегда так бывает: периоды *акции* сменяются периодами *реакции;* периоды *под'ема* общественного настроения — периодами его *упадка.* Охваченные упадочным настроением, даже сознательные рабочие не проявляют теперь и десятой доли той энергии, которая была свойственна им не далее как несколько лет тому назад. Если бы наш пролетариат был настроен иначе, то он с несравненно большей легкостью обходил бы расставленные на его пути полицейские законы и рогатки.

Сказанного достаточно для того, чтобы об'яснить в общих чертах неудовлетворительное состояние нашей партии, т.-е. *политической* организации российского пролетариата. Если наше нынешнее положение характеризуется словом *неблагополучно,* то ясно, что оно станет благополучным только тогда, когда отойдет в область печальных воспоминаний упадочное настроение, овладевшее теперь нашим пролетариатом.

Когда это будет? Мы не знаем и знать не можем. Но мы знаем и не можем не знать, что это непременно будет. Мало того. Есть некоторые серьезные основания думать, что наше общественное настроение, — а прежде всего настроение нашего пролетариата, наиболее интересное для нас, социал-демократов, — *уже* начинает изменяться к лучшему. Мы вряд ли ошибаемся, если скажем, что мы *уже* миновали

самую низшую точку того упадка, который нам суждено было пережить, и теперь опять, — правда, еще очень медленно, — поднимаемся вверх. Если продлится замечаемое теперь экономическое оживление, то настроение рабочего класса станет подниматься более быстро. Продолжительный экономический застой очень сильно способствовал упадку этого настроения [1]).

Как бы то ни было, а несомненно то, что не от нас зависит устранить указанную мною общую причину неудовлетворительного состояния нашей партии: мы не можем ускорить и упрочить экономическое оживление; мы не обладаем таким талисманом, который позволил бы нам прогнать усталость, овладевшую нашим пролетариатом после бурных событий 1905 — 1907 гг. Тут нам остается лишь понять причинную связь явлений и, опираясь на ее понимание, не поддаваться унынию, так легко распространяющему свое вредное влияние в рядах политических деятелей в мрачные периоды упадка общественного настроения. Мы недаром называем себя марксистами, недаром держимся точки зрения *научного* социализма. *Материалистический взгляд* на общественную жизнь должен застраховать нас от *идеалистического «разочарования»*.

II

Но пока мы остаемся в партии, мы принимаем более или менее деятельное участие в ее жизни, а поскольку мы принимаем участие в ее жизни, постольку мы имеем возможность вести борьбу с вредными для нее *последствиями* переживаемого нами общественного упадка. Поэтому здесь наше *теоретическое понимание* должно быть дополнено *практическим действием*.

Между названными последствиями самым вредным является так называемое *ликвидаторство*. Против него и обязаны мы направить свои первые и главные усилия. Борьба с «ликвидаторством» означает борьбу за существование нашей партии. А какая же партия, какая организация не стремится, не должна стремиться отстоять свое существование?

Люди, не расположенные к борьбе с «ликвидаторством», нередко говорят: «да вы сначала определите, что такое ликвидаторство, а потом уже и боритесь с ним». Это напоминает известную басню Хемницера

[1]) Его под'ему сильно поможет и то, что западно-европейский пролетариат переживает теперь не период упадка, а период сильного под'ема. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на Германию, и преимущественно на Пруссию.

«Метафизик». Человек очутился в яме, и когда его отец подает ему веревку, чтоб вытащить его оттуда, он спорит:

Нет, погоди тащить; скажи мне наперед,
Веревка вещь какая?

Отец возражает, что у него нет времени на подобные рассуждения; но метафизик не унимается. Он спрашивает:

А время что?

Тогда выведенный из терпения отец оставляет его на произвол судьбы:

А время вещь такая,
Которую с глупцом не стану я терять.
Сиди — сказал отец — пока приду опять.

Люди, ставящие вопрос о том, что такое ликвидатор, не похожи на метафизика в том смысле, что они пускаются в неуместные рассуждения не по недостатку ума, а по недостатку доброй воли. Но рассуждения их все-таки остаются неуместными, и мы сделали бы огромную ошибку, если бы позволили задержать нас ими. Мы не можем даже последовать примеру отца, оставившего своего великомудрого сына сидеть в яме. Сидя в ней, этот последний вредил *только самому себе*, а наши ликвидаторы вредят на себе, а *социал-демократической партии*. Поэтому мы не можем ограничиться презрительным отказом от неуместных рассуждений о сущности ликвидаторства. Мы обязаны дополнить свой презрительный отказ *энергичной борьбой* с ликвидаторами.

Разумеется, можно сказать, — язык-то ведь без костей, — что надо же нам знать, с кем именно мы должны бороться. Но это и есть софистика.

Если бы метафизик не знал, какие именно представления связываются у людей со словами: «*веревка*» и «*время*», то его вопросы совсем не были бы неуместны. Они были неуместны именно потому, что он надоедал ими отцу, *несмотря на то, что у него были вполне достаточные, по своей определенности, представления и о времени, и о веревке*. Точно так же и люди, упорно вопрошающие нас: «а что такое ликвидатор?», *достаточно осведомлены, о чем идет речь у врагов ликвидаторства*. И если они не перестают вопрошать, то единственно потому, что они совсем не расположены поддерживать направленные против ликвидаторов действия.

С чисто литературной точки зрения слова: «ликвидатор», «ликвидаторство» представляются такими же неудачными и некрасивыми, как и все «хвостизмы», «отзовизмы», «ультиматизмы», «голосизмы», «рабочедельства» и прочие неуклюжие выражения, в таком изобилии уснащающие наш партийный жаргон. Это неоспоримо. Тем не менее, нужно быть совершенным новичком в нашей партийной жизни, чтобы не знать, кого называют у нас ликвидаторами. Да и новички очень скоро и очень хорошо разбираются в этом весьма простом вопросе [1]).

Вполне ясно, что *ликвидатором* должен быть признан тот, кто *ликвидирует* или, по крайней мере, *стремится к ликвидации.* Не менее ясно и то, что человек, оказавший ликвидатору ту или другую, более или менее деятельную, поддержку, тоже может быть назван, в известном смысле, *ликвидатором.* Наконец, нет надобности быть Соломоном премудрым для того, чтобы догадаться, что «*ликвидация*» и *упразднение, уничтожение, сведение на-нет*—в конце концов одно и то же. Все знают, что значит свести на-нет, упразднить, уничтожить. Распространяться об этом бесполезно, но, когда заходит речь о ликвидаторах и ликвидации, полезно и даже необходимо *столковаться насчет того, что собственно ликвидируют или собираются ликвидировать.*

Когда я говорю, что в настоящее время мы обязаны направить свои первые и главные усилия на борьбу с ликвидаторами, я имею в виду совершенно определенный разряд ликвидаторов: *тех,* — и только тех, — *которые хотят ликвидировать нашу партию.* Никакие другие ликвидаторы меня не интересуют и, полагаю, никогда интересовать не будут.

III.

Замечательно, что люди, пристающие к нам с неуместным вопросом: «*а ликвидатор вещь какая?*», всегда забывают спросить: «*о ликвидации чего собственно идет дело?*» Отнюдь не желая читать в сердцах этих людей, я не могу, однако, не видеть, что такая забывчивость очень полезна для наших ликвидаторов. Она помогает им увертываться от тех, от кого им надо увернуться.

---

[1]) Как это видно из брошюры Череванина «Лондонский с'езд РСДРП 1907 г.», слово *ликвидаторство* употреблялось в среде меньшевиков уже в 1907 г. Но тогда никто не спрашивал, что оно значит: все понимали его и без об'яснения. А теперь перестали понимать. Почему? Потому что *ликвидаторство значительно усилилось* у нас со времени нашего Лондонского с'езда

Мне часто приходилось выслушивать такое возражение: «Я не ликвидатор, так как, хотя я и не признаю существования той социал-демократической партии, с которой мы имели дело до сих пор, но я не отрицаю того, что российскому пролетариату нужна социал-демократическая партия».

Это опять софизм. Можно быть ликвидатором по отношению к одной организации, совсем не будучи таковым по отношению к другой. Человек, ликвидирующий дела данной торговой или промышленной компании, — выражение: «ликвидация» заимствовано именно из торгово-промышленного словаря, — конечно, еще не становится от этого ликвидатором вообще, ликвидатором всех компаний, существующих теперь или имеющих возникнуть в будущем. Подобно этому, и человек, стремящийся ликвидировать нынешнюю нашу социал-демократическую партию, еще не становится от этого ликвидатором всех вообще социал-демократических партий настоящего и будущего времени. Однако это ни на волос не изменяет его отношения к той партии, к которой мы имеем честь принадлежать: к Российской Социал-Демократической Рабочей Партии. Ведь по отношению к ней-то он все-таки — ликвидатор. И этого достаточно для того, чтобы против него ополчились все, кому дорого ее существование. Повторяю, какая партия, какая организация не восстает, не должна восставать против людей, пытающихся ее уничтожить?

В нашей партии далеко не все обстоит благополучно. Это так. Мы должны устранить недостатки ее организации, исправить ее тактические ошибки. Этого также никто не оспаривает. Но одно дело устранять недостатки и исправлять ошибки, а иное дело ликвидировать. Кто ликвидирует, тот не исправляет, а уничтожает. А так как мы не можем желать уничтожения своей собственной партии, то мы не можем не бороться с ликвидаторами.

Мир внутри партии прекрасное дело. Но есть пределы и для миролюбия. За этими пределами миролюбие становится вредным для партии и потому достойным осуждения. Если вы хотите *жить,* то вам нельзя оставаться в мире с человеком, поставившим себе целью *убить* вас. И точно так же, если вы хотите, чтобы ваша партия продолжала существовать, вы не можете мириться с людьми, желающими ее ликвидировать. Тут надо выбрать одно из двух: *или* приверженность к партии, *или* мир с ликвидаторами. *Третьего тут быть не может.*

Говорят: события 1905—1907 гг. сделали то, что мы уже не можем вернуться в подполье. Это теперь едва ли не главный довод ликви-

даторов. Но события 1905—1907 гг. пока еще не дали нам возможности выступить в качестве *открытой политической партии*. А пока у нас нет этой возможности, мы *вынуждены* итти в «подполье», если... *если мы не хотим ликвидировать себя, как политических деятелей социал-демократического образа мыслей.*

Маркс прекрасно понимал великое воспитательное значение открытого существования рабочих организаций вообще и политической организации сознательного пролетариата в частности. Но, гениальный диалектик, он никогда не забывает, что все зависит от обстоятельств времени и места. После поражения революции 1848—1849 гг. он писал, что перед пролетарской партией европейского материка остался только один путь — «*путь тайного об'единения*» [1]), *т.-е. путь в подполье.*

Удивительно, как это наши ликвидаторы до сих пор не заклеймили Маркса презрительной, — *по их мнению,* — кличкой «певца подполья!»

В Италии на последнем, только что состоявшемся с'езде социалистической партии самый выдающийся лидер местных оппортюнистов, Л. Биссолати, заявил, что *социалистическая* партия, эта, как он выразился, засохшая ветка, должна перестать существовать и уступить свое место *рабочей* партии, которая должна составиться из широких рабочих организаций (главным образом профессиональных союзов). Биссолати, как видите, тоже ликвидатор. Что же? Неужели и он сделался ликвидатором под влиянием «новых условий», созданных российскими событиями 1905 — 1907 гг.? Конечно же — нет! Дело тут совсем не в «*новых условиях*», а в *старой природе* оппортюнизма. Оппортюнизм — враг всяких широких обобщений. А так как социализм есть, несомненно, самое широкое и самое смелое обобщение нашего времени, то к партии, написавшей его на своем знамени, они рады повернуться спиной везде, где находят подходящий для этого повод. А «новые условия», это — «одна словесность». Бернштейн отказывался от «конечной цели» тоже не под влиянием «новых условий».

В высшей степени достойно замечания то обстоятельство, что в эпоху возникновения нынешней социалистической партии в Италии существовал свой «экономизм», который и воскресает теперь в лице Л. Биссолати, как наш старый «экономизм» воскресает теперь в лице Ст. Новичей, Ежовых, Левицких и Мартовых с братией [2]).

[1]) Подчеркнуто мною.

[2]) Об итальянском экономизме я поговорю в ближайшем номере своего «Дневника».

IV

Не так давно мне пришлось вести довольно горячий спор с одним товарищем, который, будучи во многом согласен с ликвидаторами, еще не решился перейти целиком на их сторону. Этот товарищ напирал преимущественно на то, что «*блок*» противников ликвидаторства до сих пор ничего не дал в смысле разрешения спорных вопросов нашей тактики. Возможно, что и другие товарищи склонны выдвигать этот упрек против этого «блока». Нужно, стало быть, печатно об'ясниться на этот счет.

Начну с «*блока*». *Его нет,* а есть только то, что часть «большевиков» так же энергично отстаивает нашу партию, как и часть «меньшевиков». И тех, и других называют теперь *партийцами*. Было бы до последней степени печально, если бы у нас не оказалось «партийцев» в ту критическую минуту, когда малодушие и оппортюнизм начали угрожать самому существованию нашей партии. И как нельзя более характерно то, что это естественное и отрадное сближение большевиков с меньшевиками для защиты партии вызывает так много недоразумений.

В нем видят плод каких-то тайных махинаций и секретных договоров. У нас так привыкли ко взаимной вражде фракций, что когда одна фракция говорит: «да», считается необходимым, чтобы другая возражала: «нет». И когда некоторые большевики говорят: «нельзя ликвидировать партию», тогда иным меньшевикам кажется, что политический расчет и даже политическая нравственность требует от них защиты ликвидаторов. Дальше этого нельзя итти в области фракционной ограниченности. Нашу партию в самом деле нужно было бы признать «засохшей веткой», если бы все ее члены даже на вопрос об ее существовании, — на роковой, гамлетовский вопрос *быть или не быть*?—не могли посмотреть иначе, как сквозь очки фракционных предубеждений. К счастию, это не так. Взаимное сближение большевиков-партийцев с партийцами-меньшевиками, — представляющееся кружковым дипломатам каким-то злокозненным и опасным «блоком», — показывает, что «ветка» еще не засохла и что у нас еще есть люди, для которых *партийный* интерес выше *фракционного*.

Перехожу к *тактике*. Из того, что ликвидаторы с такой же энергией осуждаются частью меньшевиков, как и частью большевиков, еще не следует, разумеется, что обе эти части согласны между собой по вопросам тактики. Сказав: «не нужно ликвидаторов», я еще не

сказал, каковы мои тактические взгляды. Но что же из этого? Разногласия везде возможны. Они даже необходимы. Знаменитый древний философ справедливо сказал: «Спор — отец всех вещей». Плохо не то, что у нас есть тактические разногласия, а то, что разногласия эти делают из каждой фракции особое «государство в государстве». Это страшное зло. Но против этого зла нет лучшего лекарства, как то взаимное сближение между большевиками и меньшевиками, о котором я говорю и в котором иные кружковые дипломаты видят чуть не заговор.

Сближение это не устраняет *действительных* тактических разногласий. Но оно будет способствовать устранению *мнимых,* выросших на почве взаимной фракционной вражды. А это уже очень хорошо, так как нет ничего вреднее мнимых разногласий. Стало быть, и с этой стороны «блок», вызвавший такую тревогу в некоторых фракционных муравейниках, только полезен для российской социал-демократии. Он представляет собой большой плюс в деле упрочения нашего партийного единства. По какому же случаю шум?

Вот почему я всеми силами отстаиваю этот, так называемый, блок. Я вижу в нем отрадное знамение времени, признак того, что наши старые фракционные перегородки, — принесшие столько вреда российской социал-демократии, — начинают падать. И по той же причине я охотно принял предложение редакции «Рабочей Газеты» писать в этом органе. Кружковые дипломаты закричат: «Плеханов перешел на сторону большевиков!» Это нисколько меня не смущает. Я признаю за собой одно неоспоримое достоинство: глубочайшее презрение к кружковым дипломатам. Я всегда шел «вперед», совсем не примечая их судачеств. Так я поступаю и теперь. Мои тактические взгляды вполне сложились в то время, когда большевиков и меньшевиков еще не было на свете, т.-е. в период возникновения группы «Освобождение Труда». С тех пор в них не происходило никаких существенных изменений. Если я иногда поддерживал большевиков, а иногда, наоборот, меньшевиков, то это происходило по той весьма простой причине, что иногда те, а иногда другие были более правы с *моей точки зрения.* Этого не понимали кружковые дипломаты, упрекавшие меня в *«неустойчивости»;* но это было неизбежно именно потому, что я *устойчиво* держался своих собственных взглядов, не принося их в жертву кружковым соображениям минуты. Так намерен я поступать всегда. И этим твердым намерением достаточно об'ясняется мое участие в «Рабочей Газете».

Читатель может быть уверен, что я сумею остаться самим собой, умея поддерживать в то же время полезные начинания как меньшевиков, так и большевиков. Впрочем, я уже сказал, что самые эти названия теперь уже устарели в весьма значительной степени.

Теперь, когда все более и более планомерные, все более и более настойчивые усилия ликвидаторов грозят разрушить нашу партию, нам следует больше помнить о том, что соединяет, а не о том, что разделяет друг от друга нас, партийцев. Довлеет дневи злоба его!

— Итак, злоба дня, это — охота на ликвидаторов? Только она приведет нас к благополучию?

— Это не совсем так. Вернее, это совсем не так. Нужно не охотиться на ликвидаторов, а мешать им охотиться на нашу партию. Этого еще недостаточно для того, чтобы вывести нас из неблагополучного положения. Но это необходимо, как первое условие нашего движения в направлении к благополучию. Чтобы итти вперед, нужно сначала научиться отстаивать свое существование. В противном случае надо готовиться к смерти. Самозащита есть первая *обязанность* всего того, что имеет *право* на жизнь.

ПРЕДИСЛОВИЕ К БРОШЮРЕ С. Т. АРКОМЕДА

«РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ И СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ НА КАВКАЗЕ»

Наша страна, а с нею и наша партия, — партия сознательного пролетариата, — переживает теперь печальный период *«безвременья»*, весьма обильный падениями всякого рода. Если не далее как несколько лет тому назад многие наши товарищи ослеплены были неосновательными надеждами, толкавшими их на неосновательные поступки, то теперь весьма значительная часть тех же товарищей предается столь же неосновательному унынию, побуждающему их к ошибочным действиям. Не один из этих людей, еще так недавно казавшихся полными энергии, может, под влиянием уныния, овладевшего им, повторить слова Лермонтова:

Гляжу на будущность с боязнью,
Гляжу на прошлое с тоской...

Впрочем, те, которые «глядят на будущность с боязнью», еще не принадлежат к числу наиболее пострадавших жертв «безвременья». Наиболее пострадали те, которых будущее уже не пугает, а, наоборот, утешает приятной перспективой «легальной» деятельности. Российский социал-демократ должен дойти до крайней степени падения для того, чтобы сделаться *легалистом* [1]) в такое время, когда на всех действиях правительства лежит печать *беззакония,* беспримерного даже в России, и когда «права» российских «граждан», более нежели когда бы то ни было прежде, зависят от безграничного и циничного полицейского произвола. А между тем, в нашей среде кажется все более и более растет число «ликвидаторов», презрительно отворачивающихся от опротивевшего им революционного *«подполья»* во имя *«легальной»* деятельности. Нет такого угла в России, где бы не копошились, — и иногда с немалым «успехом», — эти *социал-демократические октябристы.* Проникли они, повидимому, и на Кавказ, где господствовало между нашими товарищами совсем другое настроение и где наши товарищи высоко держали революционное знамя.

---

[1]) Органом легализма сделался в последнее время московский журнал «Возрождение», которому следовало бы назвать себя «Вырождение».

Вот почему я считаю весьма своевременным выход написанного т. С. Т. Аркомедом *очерка истории революционного движения на Кавказе*. Очерк этот возобновит в памяти читателей такие факты, такие идеи и такие приемы борьбы, ввиду которых становится особенно ясной постыдная вздорность «ликвидаторских» рассуждений.

Вот яркий пример. До последнего времени кавказская социал-демократия держалась идеи *гегемонии пролетариата в освободительной борьбе*. Теперь ликвидаторы, — вернее сказать, наиболее откровенные между ними, — оспаривают эту идею, отрекаются от нее. Она кажется им нецелесообразной. И они правы. *Она в самом деле нецелесообразна... с их точки зрения*. А с точки зрения *революционной* социал-демократии дело представляется в совершенно ином свете. Это лучше всего доказывается историей революционного движения на Кавказе.

Тов. С. Т. Аркомед говорит:

«Два резко отличающиеся своим характером периода могут быть констатированы в рабочем движении на Кавказе. Первый период, начиная с 80-х годов прошлого столетия до 1900 г., мы называем периодом стихийно-бессознательного экономического движения, второй же период, охватывающий промежуток времени с 1900 г. по 1905—1906 гг. — периодом сознательного политико-экономического движения. В данном случае термин «сознательного движения» мы употребляем в том смысле, что передовая часть рабочего класса, как бы она немногочисленна ни была, становится руководителем движения, дает тон и направление революционному делу, возбуждает настроение и увлекает за собой более отсталые многочисленные слои рабочего класса».

Этого не станет оспаривать и самый убежденный «ликвидатор». Но спрашивается: не уменьшилась ли сила революционного движения на Кавказе вследствие того обстоятельства, что в роли его руководительницы выступила «передовая часть рабочего класса», т.-е. социал-демократия? На этот вопрос события громко и внятно отвечают: нет, не уменьшилась, и не только *не уменьшилась, но, наоборот, увеличилась* до такой степени, до которой она никогда не дошла бы, если бы им руководила какая-нибудь буржуазная партия. Почему же идея гегемонии пролетариата, оказавшаяся такой плодотворной на практике, беспокоит теперь наших «ликвидаторов»? Почему они так старательно подкапываются под нее? Да именно потому, что, как уже замечено выше, она совсем не целесообразна *с их точки зрения*.

Не трудно понять, что *столь свойственное нашим «ликвидаторам» презрение к «подполью» неизбежно должно сопровождаться, — по*

крайней мере, в головах, не совсем лишенных логики,—отрицанием идеи гегемонии пролетариата.

Здесь опять дело хорошо раз'ясняется историей революционного движения на Кавказе. Тот же т. С. Т. Аркомед пишет:

«Крестьянское движение на Кавказе, с начала возникновения и в дальнейшем своем развитии, является отражением городского пролетарского движения. Много общих черт сходства носило оно с городским социал-демократическим движением. Крестьянство рядом и параллельно с социал-демократией и под ее знаменем боролось не только за экономическое освобождение, но и за политическую свободу. Приемы и формы ее борьбы были почти те же, что и у социал-демократической партии».

Подобное явление могло иметь место лишь при условии сознательного и планомерного воздействия социал-демократической партии на крестьянское население. Это ясно. Но ясно и то, что такое воздействие должно было быть *нелегальным,* должно было исходить *из революционного подполья:* всякий ребенок понимает, что наши *«легальные возможности»* совсем не оставляли для него места. Поэтому тот, кому дорого такое воздействие, являющееся одним из важнейших способов осуществления идеи гегемонии пролетариата, по необходимости будет дорожить и революционным «подпольем». И обратно: тот, кто презрительно фыркает по адресу «подполья», не только не дорожит идеей гегемонии пролетариата, но по необходимости склоняется или к полному ее отрицанию, или хотя бы к такому ее раз'яснению, при котором она утрачивает всякий революционный смысл. Немецкая пословица гласит: кто говорит *А,* тот должен также сказать *Б.* Нам же, в интересующем нас случае, следует помнить, что кто говорит *Б,* тот тем самым показывает, что он уже произнес *А,* если не вслух, то про себя, «мысленно», согласно известному правилу иезуитов насчет «мысленных» ограничений и оговорок.

Легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем «ликвидатору» переварить идею гегемонии пролетариата.

В самом деле, представьте себе «товарища», который, растеряв утопически-революционные надежды, окрылявшие его в течение бурного периода 1905 — 1906 гг. [1]), мирно приютился в какой-нибудь легальной

---

[1]) Разочаровываться способны только утописты. На Западе неудачный исход революционного взрыва 1848—1849 гг. «разочаровал» только тех социалистов, — правда, их было много, — которые еще не разделались с уто-

организации. Вы приходите к этому человеку и предлагаете ему принять участие в организационных и планомерных действиях, имеющих целью способствовать развитию политического сознания крестьянства. Подобные действия просто-напросто обязательны для сознательного пролетариата, хоть немного претендующего на роль руководителя *(гегемона)* в освободительном движении, и мы видели, что, например, сознательные пролетарии Кавказа сумели хорошо выполнить эту свою важную политическую обязанность. Но для ее выполнения им пришлось воспользоваться своей нелегальной, — «*подпольной*», — организацией. Им нельзя было поступить иначе. Ни профессиональные союзы, ни потребительные товарищества рабочих и вообще никакие *легальные* их организации не могут и не должны брать на себя подобные действия. Значит, если бы наш дорогой «товарищ», мирно утоляющий боль своего «разочарования» в одной из организаций этого рода, вздумал одобрить и поддержать указанные политические действия, то ему пришлось бы или самому лезть в «подполье», или, по крайней мере, косвенно помогать «подпольным» людям, войдя с ними в известные организационные отношения, т.-е., говоря проще, *примкнуть к подпольной политической партии*. Но этого-то и не хочет наш «разочарованный» товарищ, этого-то он и избегает пуще всего. Что же ему остается? Ему остается об'явить указанные политические действия *несвоевременными* или, еще лучше, вообще ненужными. А так как они несомненно нужны с точки зрения людей, отстаивающих идею гегемонии пролетариата, то он поневоле обратится и против этой идеи.

Правда, он сделает это только в том случае, если он не лишен логики и умеет сводить концы с концами в своих рассуждениях. И надо также признать, что экземпляров, не утративших способности к логическому мышлению, совсем не много между нашими социал-демократическими октябристами. Потому-то Стива Нович, так хорошо «познавший самого себя», и представляется гигантом логичности между ними. Однако отсутствие логичности — не довод и даже не смягчающее обстоятельство. Неоспоримо все-таки, что последовательно мыслящий социал-демократический октябрист (иначе: «ликвидатор») не может не отбояриваться всеми неправдами от идеи гегемонии пролетариата.

Прошу заметить, что я весьма далек от мысли, будто у «ликвидаторов» *нет других поводов для нерасположения к этой идее*. Как не

пическим взглядом на движение пролетариата. Маркс и Энгельс не «разочаровались» ни в чем именно потому, что они стояли на точке зрения *научного* социализма.

быть? Есть! Но трудно перечислить их все. Да и нет в этом никакой нужды. Читатель находится тут в положении того короля, которому об'яснили, почему при его в'езде в город не стреляли из пушек: «Во-первых, — сказали ему, — потому, что пушек у нас не имеется. Во-вторых...» — «С меня довольно и первой причины», прервал оратора нетерпеливый венценосец. Так и читатель наверно прервал бы меня, если бы я вздумал раз'яснять ему другие причины, побуждающие наших «разочарованных» беглецов из партии отворачиваться от идеи гегемонии пролетариата. Он нашел бы, что указанная мною причина достаточно раз'ясняет вопрос. Тем не менее я отмечу еще вот что.

Как ни смирны наши социал-демократические октябристы, отдыхающие в легальных рабочих организациях от своих недавних «разочарований», но на современное правительство угодить не легко. Оно всюду видит «политику» и свирепо преследует даже самые безобидные рабочие организации. Это напоминает «ликвидаторам», что без политики, в самом деле, обойтись невозможно. Надо обеспечить себе хоть небольшие «легальные возможности». Надо «*бороться за легальность*». А чтобы наша работа не привела к новому поражению, мы должны, — рассуждают «ликвидаторы», — прежде всего подумать о том, чтобы нас поддержала буржуазия. Но идея гегемонии пролетариата не нравится буржуазии. Что же делать? Salus populi — suprema lex (благо народа — высший закон). Принесем эту идею в жертву народным интересам. Это тот же самый тактический прием, которым наделал столько шума Э. Бернштейн лет тринадцать тому назад. Чтобы не пугать буржуазию, он отказался от идеи социалистической революции, заменив ее идеей социальной реформы. Чтобы не пугать буржуазию, он отказался от материализма и перешел на сторону неокантианцев и т. д., и т. д.

Мы все знаем, что ничего, кроме скучнейших пустяков, из этой пресловутой «ревизии» не вышло. Но это мимоходом.

Читатель видит: как все дороги ведут в Рим, так все соображения «ликвидаторов» (сознательно или бессознательно, это все равно) ведут к отрицанию идеи гегемонии пролетариата. В этом нет ничего удивительного. Но странно и горько то, что рассуждения этого рода оказывают влияние даже на таких испытанных и серьезных товарищей, которые, казалось бы, не должны были бы иметь ничего общего с «ликвидаторством».

В № 2 «Дискуссионного Листка» (14/27 июня 1910 г.) напечатана полемика товарища Ан. с товарищем К. Ст. по поводу статей, появив-

шихся в грузинских газетах «Азри» и «Досоцкиси» еще в 1908 г. и принадлежащих тому же т. Ан. Не зная грузинского языка, я могу судить об этих статьях только по выпискам из них, приводимым спорящими сторонами. К сожалению, выписки эти не дают вполне точного понятия о ходе мыслей т. Ан., а пояснения к ним, делаемые этим последним, довольно-таки сбивчивы. Но как бы то ни было, ясно одно: тов. Ан. оспаривает положение, высказанное мною на Парижском международном с'езде 1889 г.: «Революционное движение в России победит как движение рабочих или никогда не победит». Товарищ Ан. справедливо думает, что в этом положении высказана была мною идея гегемонии пролетариата [1]). Но он жестоко ошибается, что идея эта уже отжила свое время. Совсем напротив: она своевременна теперь так же, как была своевременна двадцать лет назад. Но послушаем тов. Ан.

«Из всех обвинений о ликвидации, выдвинутых (т. К. Ст.) в «Письме» против автора грузинских статей (т.-е. против т. Ан.), только одно верно: это — ликвидация идеи гегемонии пролетариата в освободительном движении настоящего и будущего. Главный аргумент, это — не ссылка на Маркса или историю революции, а то изменение соотношения общественных сил, которое последовало за последние три года в связи с усилением экономической и вообще классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией и дифференциацией классов. Конечно, те, которые думают, что обновление России совершится диктатурою пролетариата и крестьянства — этим аргументом не убедятся. Но есть другая половина партии, которая думает иначе, именно для нее может иметь значение это соображение. Не думаю, чтобы эти могли теперь продолжать думать, что в будущем движении буржуазия так же пойдет за пролетариатом, как она пошла до 17 октября. Автор грузинских статей говорит, что во главе революции действительно стоял пролетариат, и если (революция) не победила, то потому, что пролетариат не может стоять во главе буржуазной победоносной революции; ибо если она победоносна, она будет не буржуазная, а социальная».

Это совсем не убедительно. У тов. Ан. выходит, что наше освободительное движение потому оказалось в 1905 — 1906 гг. недостаточно

[1]) Здесь он, как и следовало ожидать, обнаруживает несравненно больше проницательности, чем редакция «Голоса социал-демократа», которая в лице т. А. Мартынова (см. его статью: «Кто ликвидировал идейное наследство», в № 18 «Голоса») слона-то и не примечает.

сильным для победы над полицейским государством, что во главе его стоял пролетариат. Но что же было бы, если бы им руководил вместо пролетариата тот или иной слой буржуазии? На этот вопрос я уже ответил выше. Движение это оказалось бы еще дальше от окончательной победы. Больше того. Можно с уверенностью сказать, что мы не дождались бы и исторического дня 17 октября. Так как во главе нашего освободительного движения стоял пролетариат, то оно обнаружило максимум той силы, которую оно могло обнаружить при данных экономических условиях [1]).

Тов. Ан. рисует такую схему нашего дальнейшего политического развития.

«Итак, пролетариат, шествуя на своем революционном пути к радикальной цели, находит союзников среди недовольной буржуазии и, поддерживая ее оппозиционные требования, лежащие на линии его движения, тем самым облегчает себе дальнейшую борьбу». (Стр. 29.)

Я принимаю эту схему и спрашиваю т. Ан., думает ли он, что у нас, *кроме буржуазии и пролетариата,* нет никаких общественных слоев, заинтересованных в низвержении старого порядка? — Кажется, что он не может так думать. По словам оспариваемого им т. К. Ст., он, — т. Ан., — везде понимает под буржуазией среднюю либеральную буржуазию, идеологами которой являются *кадеты.* Эти слова товарища К. Ст. не вызвали ни малейшего возражения со стороны т. Ан. Притом же он сам замечает, что «борьба со старым режимом не есть монополия пролетариата» (стр. 30). Значит, и он признает, — да, разумеется, и не может не признать, — что у нас есть общественные слои, которых нельзя смешивать ни с пролетариатом, ни со «средней буржуазией» и которые тоже заинтересованы в успехе освободительной борьбы. *За кем пойдут эти слои? За «средней буржуазией» или за пролетариатом?* Само собою понятно, что сознательная буржуазия должна будет стараться повести их за собою, а сознательный пролетариат обязан сделать все, от него зависящее, для того, чтобы подчинить их *своему* руководящему влиянию. Если это ему удастся, то он опять

---

[1]) Это, однако, не значит, что этот максимум силы нашел надлежащее приложение. Было сделано много тактических ошибок, помешавших использовать надлежащим образом имевшуюся налицо силу. Но тут мы переходим уже к другому вопросу, на котором я не могу теперь остановиться. Скажу только, что я никогда не скрывал своего мнения насчет тактических ошибок нашей партии (см. мой «Дневник», «Письма о тактике и бестактности», «Новые письма о тактике и бестактности» и т. д. [Сочинения, том XV.])

окажется во главе освободительного движения, т.-е. в роли гегемона. Политическая логика — то же, что природа: гони ее в дверь, она влетит в окно.

Положим, однако, что российский пролетариат вспомнит совет т. Ан. и вознамерится отклонить от себя руководящую роль. Каким путем может он прийти к осуществлению этого намерения?

Другого пути нет: ему нужно будет сознательно уклоняться от борьбы с буржуазией за влияние на промежуточные общественные слои. Но подобное самоотречение равносильно политическому самоубийству. Захочет ли пролетариат подвергнуть себя такой операции?

Я сильно сомневаюсь в этом. Мало того, я думаю, что операция эта не входит и в расчеты т. Ан. Мне кажется, что он просто не подумал, куда ведет неотразимая логика его «ревизии» социал-демократической тактики.

А если я ошибаюсь, если т. Ан. готов принять все те выводы, которые вытекают из его «ревизии», то пусть же не обижается он на тех товарищей, которые, подобно т. К. Ст., примут его за полного «ликвидатора». Повторяю, кто говорит *А*, тот должен сказать также и *Б*.

«Ликвидаторы» начинают не с того конца, с которого начал т. Ан. Исходной точкой *их* «ревизии» служит пренебрежительное отношение к революционному «подполью» во имя легализма. Но если бы революционное «подполье» приказало долго жить; если бы наши социал-демократы перенесли всю свою деятельность в легальные рабочие организации; если бы в самих этих организациях не нашлось пролетариев, способных восстать против социал-демократического октябризма, то мы пришли бы как раз к тому, о чем мечтает т. Ан.: наш сознательный пролетариат не выступал бы в роли гегемона по той простой причине, что он уже был бы неспособен к ней и недостоин ее. И тогда буржуазии оставалось бы только рукоплескать его политической «мудрости»; она достигла бы, наконец, того, к чему она до сих пор так безуспешно стремилась; под ее руководящее влияние подпали бы все промежуточные общественные слои.

Тов. Ан. не хочет запугивать буржуазию. И не подлежит никакому сомнению, что только политические романтики, опьяневшие от революционных *фраз*, захотели бы пугать ее из любви к искусству. Но пусть вспомнит т. Ан., когда кадеты, — которых он считает идеологами средней буржуазии, — обнаруживали некоторое поползновение заигрывать с революционерами? *Только тогда, когда достигло своей наивысшей точки руководимое пролетариатом освободительное движе-*

ние. Это можно доказать документально. И если бы теперь опять началось широкое революционное движение, то г. Милюков опять высказался бы за созыв Учредительного Собрания; правда, теперь революционное движение должно было бы стать несравненно более глубоким и широким для того, чтобы наученные опытом кадеты поверили в его непобедимость, но это ничуть не изменяет дела.

Политический младенец тот социал-демократ, который во имя ложно понятого «принципа» отказывается использовать для своей великой цели всякое (между прочим и кадетское) движение против существующего порядка. Но, право же, не много политической зрелости обнаружит и тот, который испугается призрака «запуганного» г. Милюкова.

Аксиома. Чтобы поднять до возможно более высокой степени храбрость и решительность «средней буржуазии», представляемой кадетами (или, если хотите, для того, чтобы до крайней степени уменьшить их трусость и нерешительность), необходимо довести до максимума силу революционного движения [1]).

Об эту аксиому разбиваются все доводы т. Ан., основанные на полном ее забвении. И она же лишний раз показывает, как ошибочна тактика «ликвидаторов». Если бы тактика эта восторжествовала у нас надолго, то неизбежным следствием этого явилось бы прекращение революционного движения, *поскольку ход его зависит от сознательных усилий социал-демократов.* А это, в свою очередь, крайне уменьшило бы шансы успеха той *«борьбы за легальность»*, с планами которой наши социал-демократические октябристы носятся теперь, как с новым евангелием.

К счастью, октябризм *социал-демократический* так же несостоятелен, как и октябризм *буржуазный.* Недалеко то время, когда его будут стыдиться многие и многие из его нынешних сторонников и пособников. Вот почему мы, революционные социал-демократы, не имеем повода «смотреть на будущность с боязнью». Мы не знаем, какой именно *вид* примут события нашей внутренней жизни. Но мы хорошо знаем, что какой бы *вид* ни приняли они, *общее направление* их хода будет гораздо благоприятнее для нас, нежели для наших врагов.

Борьба со старым порядком далеко еще не кончена в России. Тот исторический процесс, благодаря которому наш пролетариат вы-

---

[1]) А мы уже знаем, что оно достигает максимума лишь под руководством пролетариата.

ступил на историческую сцену и стал во главе освободительного движения, не прекратился. Экономическое развитие России совершается теперь при условиях, очень замедляющих его; однако, *оно* все-таки совершается. А раз совершается, то все-таки не перестает расти как численность рабочего класса, так и его сознательность и, наконец, об'ективная возможность его политического влияния на промежуточные слои. Все это изменяет соотношение наших общественных сил в нашу пользу.

Чернышевский воскликнул когда-то: «пусть будет, что будет, а будет все-таки на нашей улице праздник!» Я с твердой уверенностью повторяю теперь его бодрые слова, несмотря на всю позорную непривлекательность переживаемого нами безвременья. Только я прибавляю к ним одно «если»: *будет* на нашей улице праздник, *если* мы справимся с нашим собственным октябризмом и возродим нашу партию, которая при всех своих недостатках, погрешностях и ошибках уже оказала колоссальные, незабвенные услуги делу пролетариата и борьбы за политическую свободу.

Книга т. С. Т. Аркомеда воскрешает в памяти читателя лучшие традиции российской социал-демократии. Этого достаточно для того, чтобы от всей души пожелать ей успеха.

Нужно ли прибавлять здесь, что меня глубоко тронули те простые, теплые, дружеские слова, с которыми он обратился ко мне в своем посвящении? Скажу одно: сочувствие, идущее со стороны товарищей, подобных С. Т. Аркомеду, способно вознаградить за многие тяжелые минуты, неизбежные в настоящее время, — время неожиданных измен и постыдных шатаний. Будем надеяться, что это подлое время скоро пройдет и что «восточная социал-демократия», о которой говорит он, скоро оправится от переживаемого ею кризиса.

Женева, август 1910 г.

«ДНЕВНИК СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТА» № 14

АВГУСТ 1911 г.

К вопросу о «возрождении» нашей партии

Передо мной лежат два номера (1-ый и 2-ой) «Листка Голоса социал-демократа». Первому предпослано следующее заявление редакции:

«Ввиду по необходимости редкого выхода «Голоса социал-демократа» мы решили создать особый, непериодический «Листок» для материалов, опубликование которых почему-либо не может быть отложено до выхода очередного номера».

Так как почти весь этот номер посвящен «совещанию деятелей легальных рабочих организаций», то выходит, что опубликование решений этого совещания не могло быть «отложено до выхода очередного номера». Признаюсь, для меня не совсем понятна такая поспешность. Легальные рабочие организации всецело находятся в пределах «досягаемости», и доводить до сведения правительства, — некоторые агенты которого тоже, конечно, прочтут «Листок Голоса социал-демократа», — о том, что в этих организациях принимают участие люди, так или иначе прикосновенные к нелегальщине, по меньшей мере неосторожно. Зачем же торопиться делать неосторожность? Зачем обращать внимание полиции на то, что происходит в нашем легальном рабочем движении? Я не понимаю!

Впрочем, позвольте... я этого не понимаю лишь до тех пор, пока стою на точке зрения интересов наших легальных рабочих организаций; а когда я покидаю эту точку зрения и перехожу на точку зрения того, что называется у нас «междуфракционной склокой», то мое недоумение сейчас же разрешается: решения, принятые «совещанием деятелей легальных рабочих организаций», кажутся доводом в пользу одной из сторон, принимающих участие в «склоке»; поэтому нужно было торопиться их напечатанием, и вот вышел первый номер «Листка Голоса социал-демократа», содержащий в себе эти решения и надлежащим образом комментирующий их. Salus fractiae — suprema lex (благо фракции — высший закон).

Редакция «Голоса социал-демократа» совершила, по моему мнению, большую неосторожность; но печатное слово не воробей: вылетит, — не поймаешь. Нельзя вернуть назад раз сделанную неосторожность. Теперь нам остается только принять к сведению те резолюции, которые сообщила нам неосторожная редакция и вдуматься в те комментарии, которые она сделала по их поводу.

I

В этих последних прежде всего обращают на себя внимание следующие строки:

«Совещанию, часть решений которого мы печатаем в этом листке, повидимому, суждено сыграть важную роль в развитии русской социал-демократии и открытого рабочего движения. Для всякого добросовестного наблюдателя этого движения было уже давно ясно, что социал-демократические деятели его, вопреки травле, которой они подвергались и подвергаются за свое мнимое «ликвидаторство», всегда признавали необходимость возрождения Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, как классовой организации пролетариата, насущнейшей очередной задачей; и не в их злом умысле, а во внешних условиях развития и внутреннем состоянии современного рабочего движения — причина того, что это *принципиальное* признание лишь в крайне недостаточной степени претворялось в практику».

Что совещание, о котором идет тут речь, *может* иметь важные последствия для нашего рабочего движения и для нашей социал-демократии, это неоспоримо; но именно потому, что это неоспоримо, к нему надо было отнестись с полной серьезностью. А редакция «Голоса социал-демократа» отнеслась к нему несерьезно, так как допустила в свой комментарий явную и большую неточность. В самом деле, у нее вышло, что как только человек начинал принимать то или другое участие в легальном рабочем движении, так его немедленно клеймили названием ликвидатора. Но так ли это? Ликвидаторами у нас называли тех, которые стремились «ликвидировать» Российскую Социал-Демократическую Рабочую Партию. Правда, между людьми, имевшими это похвальное намерение, были и такие, которые участвовали в легальном рабочем движении. Но это обстоятельство в данном случае ровно ничего не изменяет: ликвидаторами этих людей называли не за то, что они участвовали в легальном рабочем движении, а именно за то, — и только за то, — что они стремились ликвидировать РСДРП. Им присваивалось

это название в той же самой мере, в какой присваивалось оно господам, не принимавшим в легальном рабочем движении ровно никакого участия, но стремившимся к ликвидации нашей партийной организации. Оно и понятно: участие в легальном рабочем движении есть в данном случае признак совершенно безразличный. Зачем же редакция «Голоса социал-демократа» запутывает этот вопрос?

Дальше. Я сказал, что между людьми, стремившимися ликвидировать нашу партию, были и такие, которые участвовали в легальном рабочем движении. Я считаю это общеизвестным. А вот редакция «Голоса социал-демократа» как будто не знает этого. Она уверяет, что социал-демократические участники легального рабочего движения «всегда признавали необходимость возрождения Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, как классовой организации пролетариата, насущнейшей очередной задачей». Но это опять не соответствует действительности. Вспомним факты.

В № 19—20 «Голос социал-демократа» Стива Нович, в статье «Вокруг ликвидаторства», писал:

«У конспиративной партии теперь нет политических задач. Ей, нелегально-конспиративной, нечего делать как организации массовой пролетарской секции политического характера, нечего делать в условиях огромного экономического застоя и свирепой политической реакции».

Пусть скажет мне редакция «Голоса социал-демократа», «*всегда*» ли признавал Стива Нович необходимость возрождения РСДРП? Если не всегда, то был ли он *социал-демократом?* Если — нет, то зачем она напечатала его письмо в своем органе? Если — да, то ясно, что у нас в недавнее время *были* такие социал-демократы, которые *совсем не признавали* необходимости возрождения РСДРП. Зачем же отрицать их существование? Зачем говорить неправду?

Редакция «Голоса социал-демократа» в свою очередь ответит мне, пожалуй, вопросом: да откуда же вы взяли, что Стива Нович был деятелем легальных рабочих организаций? На такой вопрос я, за неимением несомненных данных, не в состоянии ответить что-нибудь с полной уверенностью. Мне оставалось бы только делать гипотезы, а я этого не желаю. Поэтому, оставаясь в неизвестности насчет Стивы Новича, я перехожу к другим.

В № 11 «Возрождения» за 1910 г. (стр. 32), в статье «Очередные вопросы рабочего движения», В. Ежов писал:

«И больший размах, и большая глубина содержания, и более яркая политическая окраска — все это приложится без особых за-

труднений, *лишь только все активные силы безоговорочно порвут с иллюзиями о возможности «восстановить» отжившее и направятся в «легальное движение»*. (Курсив мой. — *Г. П.*)

Пусть скажет мне редакция «Голоса социал-демократа», «*всегда*» ли признавал В. Ежов необходимость возрождения РСДРП? Если *не всегда*, то был ли он *социал-демократом?* Если — нет, то каким образом, например, Мартов мог работать с ним в одном органе, не делая никаких оговорок относительно его не социал-демократического взгляда насчет возрождения нашей партии, которая (с этим-то ведь должна согласиться редакция «Голоса социал-демократа») при нынешних наших политических условиях не может быть легальной? Если же — да, если В. Ежов *социал-демократ*, то ясно, что у нас в недавнее время *были* такие социал-демократы, которые не признавали необходимости возрождения РСДРП. Зачем же отрицать их существование? Зачем говорить неправду?

Но мне опять слышится ехидный вопрос: да откуда Вы взяли, что В. Ежов был деятелем легальных рабочих организаций? И я опять, за неимением несомненных данных, отказываюсь определенно отвечать на этот вопрос. И опять, не желая делать гипотез, перехожу к другому.

В «Нашей Заре» Е. Маевский, перечисляя недочеты и недостатки нашей организационной практики и утверждая, что партия наша оторвана от жизни и сковывает всякую инициативу, восклицал:

«Естественно, что при таком положении вещей перед наиболее чуткими элементами скоро должен был встать и действительно встал вопрос: кто не желает оказаться совершенно оторванным от жизни вообще и от жизни рабочих в особенности, тот необходимо должен *уйти* и поискать другого, более соответствующего места, где не совсем безнадежно было бы искать ответы на проклятые вопросы... Перефразируя то же самое, можно сказать: кто не желал способствовать *закреплению* той самой ликвидации (уже без кавычек!), которую совершала неумолимая жизнь, тот должен был бежать оттуда, *где скована была всякая инициатива, всякое творчество и всякие искания!*» [1])

Человек, приглашавший членов нашей партии «уйти», «бежать» из нее, вряд ли «*всегда*» признавал необходимость ее возрождения, и по поводу его у меня возникают те же вопросы, которые возникали по поводу Стивы Новича и В. Ежова: был ли Е. Маевский... и т. д. Я не

[1]) «Наша Заря», 1910, № 11 — 12, стр. 58. (Курсив автора.)

хочу утомлять читателя повторением этих неизбежных вопросов. Скажу кратко: насчет Маевского я тоже не могу с полной уверенностью утверждать, что он был деятелем легальных рабочих организаций; поэтому перехожу к В. Левицкому.

Этот последний писал:

«Многие думают, что стоит только восстановить «иерархию» — и все пойдет как по маслу, что достаточно «сочетать» элементы старого с новым или перевести «иерархию» через Вержболово... Сторонники этого взгляда не понимают, что реставрация «иерархии», — если бы она даже и была возможна, — оказалась бы совершенно бесплодной: мертвое стало бы хватать живое и тормозить его развитие вперед, ибо старые формы совершенно не приспособлены для руководства движением, развивающимся в новой обстановке» [1]).

Человек, рассуждающий таким образом о нашей партии, тоже, очевидно, не был расположен работать для ее возрождения. Конечно, при надлежащем запасе доброй воли, можно и тут утверждать противное. Можно сказать, что В. Левицкий хотел устранить из партии все то, что казалось ему мертвым, и тем самым возродить ее. Но в том-то и дело, что он считал мертвой всю нашу партийную организацию [2]).

Когда гоголевский Акакий Акакиевич принес свою старую шинель к портному Петровичу, тот решительно об'явил, что она никуда не годится и что необходимо шить новую. Спрашивается, был ли этот строгий приговор выражением намерения работать над возрождением старой шинели? Кажется, что нет. Кажется, что по отношению

---

[1]) «Наша Заря», 1910 г., № 6, стр. 97.

[2]) Его единомышленник В. Маевский, повторяя известные слова Потресова, категорически утверждал: «Партии, как организованного целого», не существует. В этом они (единомышленники В. Маевского. — *Г. П.*) рознятся от Плеханова только тем, что не ограничиваются констатированием «неблагополучия», а говорят и то, — в чем заключается это «неблагополучие». («Наша Заря», 1910 г., № 11 — 12, стр. 52.) Замечу мимоходом, что редакция «Голоса социал-демократа», в лице Мартова и Дана, тоже признает теперь «неблагополучие», — выразившееся, между прочим, в раскольнических действиях Ленина и его единомышленников, — но отказывается признать нашу партию несуществующей. Напротив, № 2 «Листка Голоса социал-демократа» призывает теперь всех наших социал-демократов энергично ополчиться на защиту партии. Ирония событий вынудила эту редакцию занять такую позицию, которая, по крайней мере по внешности, очень далека от позиции Маевского и очень близка к позиции Плеханова. Только не опоздала ли она с этим?

к старой шинели Петрович показал себя безусловным ликвидатором. Таким же ликвидатором по отношению к нашей партии показал себя и В. Левицкий. Он не обнаружил ни малейшего желания поправлять нашу старую организацию. А Мартов и другие члены редакции «Голоса социал-демократа», работавшие в одном органе с Левицким, все недоумевали и продолжают недоумевать: о каких же это ликвидаторах говорят партийцы?

Ох, глухота — большой порок!

Может быть, меня и тут спросят: да откуда вы знаете, что Левицкий... и т. д., и я снова и снова оговариваюсь: я не имею никакого права утверждать, что Левицкий был так или иначе прикосновенен к легальным рабочим организациям. Но таких оговорок у меня, по необходимости, накопилось так много, что они наводят на следующее размышление.

Если Стива Нович, Ежов, Маевский, Левицкий с tutti frutti показали себя ликвидаторами по отношению к нашей партии, совсем не принимая участия в легальных рабочих организациях, то теперь еще более ясно, что редакция «Голоса социал-демократа» не имела ни малейшего логического основания для отождествления понятия: «ликвидатор» с понятием: «деятель легального рабочего движения». А между тем, она постоянно смешивала эти два понятия и на все голоса кричала, что мы обижаем участников легального рабочего движения, каждый раз, когда мы нападали на ликвидаторов. Эту печальную ошибку она повторила, как мы уже видели, в № 1 своего «Листка», приветствуя решения «совещания деятелей легальных рабочих организаций». Оно, конечно, правду говорят: привычка—вторая натура. Однако есть очень нехорошие привычки, и не следует подчиняться их влиянию там, где речь идет о важных вопросах современного пролетарского движения. Но в том-то и беда, что редакция «Голоса социал-демократа» и на эти вопросы смотрит со своей фракционной точки зрения. А с этой точки зрения ее, только что указанная мною, дурная привычка смешения двух совершенно разнородных понятий должна представляться ей вполне допустимым приемом борьбы за фракционное существование. Salus fractiae — suprema lex.

Интересно, что товарищ, стоявший, повидимому, вне фракций, — Троцкий, — тоже счел возможным утверждать то, чего не было. В известной резолюции, принятой по его предложению венским социал-демократическом клубом, говорится, что «среди всех партийных течений твердо укоренилось убеждение в необходимости восстановления неле-

гальной организации». Если редактор «*Правды*» сказал эту очевидную *неправду*, то ясно, что и он не ушел от влияния той кружковой дипломатии, которая меньше всего церемонится с *правдой* (на этот раз без кавычек)

II

Однако довольно с нас кружковой дипломатии! Посмотрим, что же, собственно, решили деятели легальных рабочих организаций?

Самой важной из всех принятых ими резолюций следует признать резолюцию «О возобновлении политической работы в рабочих массах и о возрождении социал-демократической партии». Это — резолюция принципиальная по преимуществу. Поэтому к ней надо отнестись с особенным вниманием.

В ней говорится, что «заметное пробуждение среди рабочих интереса к общественно-политической жизни властно диктует необходимость возрождения Российской Социал-Демократической Рабочей Партии». Мысль, здесь выраженная, может показаться очень ясной, но на самом деле она далеко не ясна. Разве необходимость возрождения РСДРП обнаружилась только теперь и только вследствие пробуждения среди рабочих интереса к общественно-политической жизни? Разве она не была ясна с тех самых пор, как мы констатировали ослабление нашей партийной организации и наличность в ней некоторых существенных недостатков? Я не знаю, как думаете вы, читатель, а я скажу вот что.

Социал-демократ, не последовавший советам Левицких, Ежовых, Маевских и подобных им «деятелей», т.-е. не бежавший со своего партийного поста [1]) и не закрывший глаз на самые насущные и самые законные партийные интересы, естественно должен был стремиться к возрождению своей партии, не дожидаясь «заметного пробуждения среди рабочих интереса к общественно-политической жизни». Разумеется, ему, — если только он не принадлежит к числу социал-демократических недорослей, — не могло быть чуждо сознание той, весьма простой для взрослого социал-демократа, истины, что названное *пробуждение* будет сильно способствовать названному *возрождению*. Но именно потому, что он остался на своем партийном посту; именно потому, что он не потерял веры в великую политическую миссию своей

[1]) Прошу читателя заметить, что выражение «бежать» принадлежит не мне, а Маевскому.

партии, несмотря на ее временное ослабление, именно по этой причине он должен был питать непоколебимое убеждение в том, что ее возрождение является одним из необходимейших условий ускорения процесса пробуждения российского пролетариата. А при наличности такого убеждения он ни за что не согласился бы откладывать в более или менее долгий ящик работу над возрождением партии. Совсем иначе должен был отнестись к этому вопросу человек, внявший советам Е. Маевского и К°, т.-е. бежавший из рядов партии. Упокоив свое разочарование в недрах той или другой легальной рабочей организации, такой дезертир неизбежно должен был стать равнодушным к дальнейшей судьбе партийной организации. Если он почему-нибудь не присоединялся к хору Маевских и не вопил: «бегите из нее, бегите!», то все-таки разговоры о возрождении партийной организации должны были вызывать на его устах скептическую улыбку. В его сердце не могло быть места для веры в такое возрождение. Но современные наши политические условия ручались за то, что это его настроение не могло быть постоянным.

Кто не верит в возрождение партийной организации, тот, если он не совсем ушел в личную жизнь, верит в легальное рабочее движение. А легальное рабочее движение на каждом шагу наталкивается у нас на полицейские препятствия, «властно» напоминающие о необходимости тайной социал-демократической организации. Поэтому наступает такая минута, когда человек, бежавший из «подполья», снова убеждается в том, что без «подполья» ему обойтись невозможно. Тогда он «совещается» с другими беглецами из партии и вместе с ними решает, что заметное пробуждение среди рабочих интереса к общественно-политической жизни «властно» диктует необходимость возрождения РСДРП, т.-е. принимает как раз такое решение, которое приняли в своем совещании деятели легальных рабочих организаций.

Я вовсе не говорю, что это последнее совещание состояло из беглецов: мне совсем неизвестно, из кого оно состояло. Я только утверждаю, что *если бы* беглецы, образумившиеся и раскаявшиеся, благодаря просветительной и политической деятельности П. А. Столыпина, собрались на «совещание» и решили, что им без подполья обойтись невозможно, то они мотивировали бы свое решение совсем так, как мотивировали свою резолюцию «деятели легальных рабочих организаций». Они дали бы понять, что было время, когда не следовало думать о возрождении нашей партии (то время, когда они оставались нераскаянными беглецами), а теперь (когда они начали каяться) на-

ступило время, делающее это возрождение необходимым. Такая мотивировка совершенно неизбежна под пером кающегося беглеца. Но странно: почему она, как две капли воды, похожа на ту, которую мы встречаем в важнейшей резолюции «совещания деятелей легальных рабочих организаций»? Этот, поистине проклятый, вопрос заставляет нас очень сдержанно отнестись к названному совещанию. Говоря: «нас», я имею в виду всех социал-демократов, не руководствующихся соображениями кружковой дипломатии и не страдающих неисцелимой наивностью.

«Платон мне друг, но истина выше дружбы». Одна из наших заграничных групп содействия РСДРП поспешила умилиться именно тут, где надо не умиляться, а критиковать. Она выразила участникам совещания свое сочувствие за то, что они решили теперь «возродить» нашу партию. Разве же это не верх наивности? Люди, *принадлежащие* к данной партии, благодарят людей, к ней *не принадлежащих,* — или, по крайней мере, не принадлежавших, — за то, что они решили возродить ее. Так могли поступить только те, которые совсем не рассчитывали на самих себя в деле возрождения. Гоголевская унтер-офицерша сама себя высекла, а товарищи, принадлежащие к той группе, которую я имею в виду, сами себе выдали свидетельство о бедности. Нечего сказать, хорошие, надежные и тактичные члены партии! Я не назову их наивность ребяческой, но не назову единственно потому, что не хочу обижать детей, даже и мало одаренных от природы (к этим последним надо относиться с особенной снисходительностью).

III

Идем дальше. Человек, последовавший совету Маевских и Ежовых (эти имена заслуживают того, чтобы стать нарицательными) и махнувший рукою на нашу партийную организацию, тем самым отказался, по крайней мере на время, от всякой политической работы. Ему осталось заниматься или просветительной деятельностью (поскольку она не парализуется просветительной деятельностью П. А. Столыпина), или же работой на пользу экономической организации пролетариата: работой в профессиональных союзах, потребительных обществах и т. п. Эта работа должна приобрести в его глазах главное значение по той простой причине, что просветительная деятельность в среде пролетариата естественно определяется нуждами пролетарских организаций. Но всякая работа имеет свою логику и оказывает свое влияние на работающего. Работа партийного беглеца, посвященная главным образом

экономическим организациям, естественно должна располагать его к тому образу мыслей, который обозначался у нас словом: «экономизм». Отличительная черта «экономизма» состоит в том, что люди, им зараженные, очень плохо разбирались в вопросе об отношении *партии к классу* [1]). Оно и понятно. «Экономисты» тоже работали главным образом в экономических организациях пролетариата и находили, что еще не пришло время для политической агитации. Но может показаться странным, что в важнейшей резолюции, принятой «совещанием деятелей легальных рабочих организаций», ясно виден тот самый недостаток, который так сильно раздражал когда-то членов группы «Освобождение Труда». Вот посмотрите.

Решив приняться за возрождение нашей партии, «деятели» спешат прибавить, что «возрождение это может итти лишь путем вовлечения широких рабочих масс в открытые политические выступления, путем активного и самодеятельного участия рабочего класса в общественно-политической жизни страны».

Тут много правды. Организация, не желающая или не умеющая привлекать рабочий класс к деятельному участию в общественно-политической жизни, есть общество заговорщиков, кружок сектантов, все, что вам угодно, но только не пролетарская партия. Я почувствую себя счастливым в тот день, когда наши товарищи-«большевики» перестанут грешить против этой политической истины первого ранга. Но процесс вовлечения (или привлечения: это все равно), как и всякий другой процесс деятельности, предполагает наличность вовлекающего суб'екта. Кто же должен быть вовлекающим суб'ектом по мнению авторов разбираемой мной резолюции? Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия. Это — очевидно. Но если это очевидно, то у нас выходит, что социал-демократическая партия, в качестве *суб'екта* вовлечения, должна различать себя от его *об'екта,* — т.-е. рабочего класса, — и даже до известной степени противополагать себя ему. «Экономисты» всегда избегали такого различения и опасались такого противопоставления, ошибочно думая, что они помешают партии приобрести классовый характер. Но никакая работа не возможна до тех пор, пока *суб'ект* не различает себя от *об'екта* и не противопоставляет себя ему. Поэтому, кто не хочет указанного различения и указанного противопоставления, тот отвергает всякую работу, поскольку она является сознательным,

---

[1]) Об этом см. в моей статье: «Еще раз социализм и политическая борьба», впервые напечатанной в первой кн. «Зари». [Сочинения, т. XII.]

планомерным воздействием суб'екта на об'ект. Это именно и случилось с нашими «экономистами», которые начали желанием вовлечь пролетариат во все хорошее, а кончили тем, что пошли в его хвосте, т.-е. показали себя никуда не годными *суб'ектами вовлечения*. Повторить теперь их ошибку значило бы возвести ее в квадрат. А потому теперь, когда добрые участники «совещания» приняли похвальное решение «возродить» нашу бедную партию, мы обязаны сделать все зависящее от нас для того, чтобы они не «возродили» в нашей среде «экономических» привычек мысли.

Мы уже знаем, что важнейшая резолюция «совещания» видит, — точнее, обязана видеть, если не хочет противоречить всем требованиям логики, — в РСДРП *суб'екта* вовлечения российского пролетариата в общественно-политическую жизнь. Мы знаем также, что *суб'екта* такого вовлечения необходимо отличать от его *об'екта* и до некоторой степени противополагать ему. Спрашивается, делает ли это интересующая нас резолюция? Нет.

В ней выражается та мысль, что указанная работа вовлечения будет содействовать «сплочению рабочего класса в самостоятельную политическую социал-демократическую партию».

Тут прежде всего приходится заметить, что кто говорит: «социал-демократическая партия», тот тем самым говорит: «политическая партия». Почему же совещание стремится к созданию у нас «политической социал-демократической партии»? Если бы я имел дело с «совещанием» покаявшихся партийных беглецов, то я легко понял бы, в чем тут дело. Я сказал бы себе: когда эти люди ушли из партии и принялись за работу в экономических организациях пролетариата, они сделались столь сугубыми «экономистами», что вообразили, будто возможна неполитическая социал-демократическая партия. А теперь, когда они захотели вернуться в партию и опять сознали, что всякая партия есть политическая организация, они нашли нужным завязать себе на память узелок (как советовал когда-то Фамусов Чацкому) и написали: *наша* социал-демократическая партия должна быть *политической* партией. А так как «совещание», о котором оповестил «Листок Голоса социал-демократа», из таких беглецов, вероятно, не состояло [1]), то и непонятно, почему оно вдруг заговорило о *политической* социал-демократии. Ведь вызван

[1]) По сведениям авторов недавно напечатанной резолюции второй Парижской группы РСДРП, на совещании присутствовали самые разнообразные элементы, но преобладали в нем, как видно, люди не весьма ясного образа мыслей.

же какой-нибудь психологической причиной этот, совершенно неожиданный под пером социал-демократов, смехотворный плеоназм!

Авторы резолюции желают, чтобы их политическая социал-демократия была кроме того *самостоятельной* партией. Это опять было бы вполне понятно, если бы резолюцию приняло «совещание» кающихся партийных беглецов: люди, способные допустить существование *неполитической* социал-демократии, с большой легкостью способны прийти к той мысли, что *их* социал-демократия может и не быть *самостоятельной* партией. Но ведь надо думать, что разбираемая мною резолюция написана вовсе не этими беглецами. Откуда же в ней эти досадные, скажу больше — эти непростительные описки, свидетельствующие по меньшей мере о том, что авторы ее имеют лишь очень смутное представление о природе партии, которую они обещают «возродить?» И почему авторы эти не позаботились прежде всего о том, чтобы хорошенько «возродить» свои собственные социал-демократические понятия? Или, может быть, они и на этот счет составили надлежащую резолюцию, но только она не подлежит опубликованию?

Но это мимоходом: главное вот где. В «самостоятельную политическую социал-демократическую партию» должен сплотиться, по словам резолюции, наш рабочий класс. Как сплотиться? На какой манер? — Неизвестно. Так как рабочий класс, по правильному смыслу резолюции, должен явиться *об'ектом* того воздействия, *суб'ектом* которого будет «возрожденная» РСДРП, то безусловно необходимо было хоть в общих чертах показать, в каком виде представляется авторам резолюции неизбежное различение суб'екта от об'екта и столь же неизбежное противоположение первого второму. Другими словами: необходимо было показать, что авторы резолюции чужды «экономической» боязни такого различения и такого противопоставления. Но мы этого не видим. Резолюция ограничивается тем, что обещает нам, — в придаточном предложении, — сплочение российского рабочего класса в полную сомнительных плеоназмов самостоятельную политическую социал-демократическую партию. Крыловский чудак «слона-то и не приметил», а наши участники «совещания» может быть и видели слона, но «не приметили», что к нему надо отнестись теперь внимательнее, чем когда бы то ни было.

В каком смысле РСДРП должна быть партией рабочего класса? В том ли, что ей надо охватить *весь* рабочий класс? Нет, от этого очень далека даже и немецкая социал-демократия, которую уж, конечно, никто не побоится признать классовой партией, и вообще это вряд ли

возможно когда-нибудь и где-нибудь. Может быть, в нашу партию должны войти по крайней мере все *экономические* организации рабочего класса? Нет, это несбыточно у нас, да и нежелательно: пример Западной Европы показывает, что где *экономические организации* рабочего класса входят в его *политическую* организацию, там эта последняя неизменно (по крайней мере в настоящее время) склоняется к оппортунизму. Классовая партия пролетариата есть не что иное, как организация, охватывающая в целях политической борьбы все сознательные, — т.-е. социал-демократические, — элементы этого класса. Может ли такая организация открыто существовать в современной России? Нет! И это неоспоримое обстоятельство намечает для нее пределы, значительно более узкие, нежели те, которые она приняла бы у нас при наличности политической свободы. РСДРП в настоящее время не может не быть «подпольной». Совсем еще недавно в нашей социал-демократической среде с быстротой эпидемии распространялось отвращение к «подполью». Мне самому пришлось выслушать несколько сердитых окриков и насмешливых замечаний по тому поводу, что я, осадив одного слишком ярого порицателя «подпольной» деятельности, воскликнул: «да здравствует подполье!» Один находчивый полемист окрестил меня «певцом подполья», вообразив, будто бы в этом заключается что-то очень для меня обидное. Теперь к «подполью» опять начинают относиться совсем иначе. Господа, держащие нос по ветру, уверяют даже, что никто и никогда не отворачивался от «подполья» [1]). И если «совещание деятелей легальных рабочих организаций» собирается «возродить» нашу партию, то отсюда видно, как далеко распро-

[1]) Небольшая историческая справка. В конце 70-х годов часть членов народнического тайного общества «Земля и Воля» выработала на Липецком с'езде целый план террористической деятельности. Несмотря на это она, для успокоения революционных противников терроризма, настойчиво твердила, что сторонников систематического террора в названном обществе не было, нет и не будет. Ей верили тогда некоторые простодушные добряки. В 90-х гг. наши социал-демократические «экономисты», в своем органе «Рабочее Дело», — в редакции которого состоял нынешний член редакции «Голоса социал-демократа», А. С. Мартынов, — клялись всеми богами, что «экономизм» есть не более как злонамеренная выдумка Плеханова и других членов группы «Освобождение Труда». Им верили тогда некоторые простодушные добряки. Наконец, теперь редакция «Голоса социал-демократа» доказывает, что «ликвидаторов» выдумали недоброжелатели легального рабочего движения. Ей верят некоторые простодушные добряки. Русский народ прав, утверждая, что нет надобности сеять простодушных добряков, так как они сами родятся.

странилось теперь понимание необходимости революционного «подполья». Но, сознав, — или, лучше: вспомнив, — эту истину, «совещание», как видно, не сумело (или побоялось?) сделать все вытекающие из нее логические выводы. Этим, вероятно, и об'ясняется та, достойная крайнего сожаления, неясность принятой им резолюции, благодаря которой можно подумать, что авторы ее, «возрождая» нашу партию, не прочь возродить также и блаженной памяти «экономизм».

«Совещание» послало приветствие «социал-демократическим легальным органам» и выразило убеждение:

«Что эти органы могут способствовать углублению социал-демократического сознания рабочих, собиранию социал-демократических сил и возрождению партии при том необходимом условии, что они будут отвечать на положительные запросы рабочего движения в России, отнюдь не затушёвывая действительных принципиальных разногласий в Российской Социал-Демократической Рабочей Партии».

Но у нас были социал-демократические органы, отрицавшие существование той самой социал-демократической партии, которую «совещание» обещает «возродить», и доказывавшие в статьях разных Ежовых и Маевских, что наилучший социал-демократ есть тот, который чурается нелегальной деятельности. Неужели «совещание» приветствует и эти органы соц.-демократического октябризма? Если — да, то оно, конечно, обнаруживает большую «широту»; но эта его широта напоминает «широту» «экономистов», некогда приветствовавших критические опыты бернштейнианцев под тем благовидным предлогом, будто опыты эти способствуют углублению социал-демократического сознания рабочих.

Стремление к подобной широте есть большая ошибка. Я понял бы эту ошибку, если бы органы нашего социал-демократического октябризма получили приветствие от «совещания» раскаявшихся партийных беглецов. Тогда вышло бы, что Маевские поздравили Маевских за то, что они были Маевскими. Это в природе... Маевских. Но так как «совещание деятелей легальных рабочих организаций» не имело, вероятно, никакого отношения ни к каким Маевским, то ему можно и должно было воздержаться от «любезного лобызания» с Маевскими.

Неужели редакция «Голоса социал-демократа» не заметила указанных мною и подчас просто-напросто смешных недостатков только что разобранной резолюции? Должно быть, не заметила. Почему? Может быть потому, что ее ослепляет тонкая кружковая дипломатия. А может быть она сама стремится теперь «возродить» у нас «самостоя-

тельную политическую социал-демократическую партию». По нынешнему времени все возможно.

Да не подумает читатель, что я вижу одно дурное в резолюциях, принятых «совещанием». Я с полным сочувствием отношусь к тому, что оно постановило насчет борьбы за право коалиций. В относящейся сюда резолюции мы читаем:

«Совещание рекомендует приступить немедленно к подготовке кампании за свободу коалиций. Первым шагом этой кампании должна быть выработка и проведение среди рабочих *петиций протеста* против преследования профессиональных и других рабочих организаций, арестов их руководителей, преследования рабочих за стачки и т. п. Петиции эти должны подаваться на имя председателя Государственной Думы, при чем в петиции должно быть ясно оговорено, что рабочие на 4-ую Думу не возлагают надежд, а пользуются ею, чтобы огласить свои требования. Необходимо стремиться к тому, чтобы петиции направлялись через социал-демократическую фракцию на имя председателя Государственной Думы; где же это не удастся, необходимо посылать копии, с указанием названия предприятия и количества подписей, членам социал-демократической фракции».

Ополчаться против таких решений может только тот, кто крайне плохо понимает ближайшие задачи и современные условия освободительной борьбы российского пролетариата.

Нельзя не одобрить и третьей резолюции «совещания», — последней из опубликованных в «Листке Голоса социал-демократа», — приглашающей

«к обсуждению на местах вопроса о дне праздничного отдыха, чтобы в возможно скором времени выработать мнение русских рабочих по этому вопросу».

Что правильно — то правильно! Но ведь и «экономистам» случалось принимать правильные решения по некоторым частным вопросам практической деятельности. Однако это не мешало им быть «экономистами». Чтобы не уподобиться им, наши бывшие участники «совещания» должны чуждаться их главного греха — смешения понятия «класс» с понятием «партия». А между тем, важнейшая из резолюций, принятых совещанием, к сожалению, отнюдь не свидетельствует о том, что его участники не видят в этом грехе ничего для себя привлекательного.

Я сказал, что по нынешнему времени у нас все возможно, т.-е. все дурное. В самом деле, взаимная фракционная вражда дошла до такого

обострения, что наша партия, — та самая партия, которая, как мы видели выше, должна быть суб'ектом вовлечения пролетариата в общественно-политическую жизнь, — повидимому, совсем раскололась на две «самостоятельные» части. А это уж совсем плохо для «суб'екта». Ввиду этого, теперь пока трудно ожидать какого-нибудь «вовлечения», кроме полного вовлечения во фракционные дрязги тех членов нашей партии, которые пока еще не очень увлекались ими. Но подобное «вовлечение» нам (т.-е. российской социал-демократии) ничего, кроме страшного вреда, не принесет. Кто виноват? Все. Одни тем, что участвовали во фракционных дрязгах, другие тем, что недостаточно энергично восставали против этих дрязг. Как бы там, однако, ни было, несомненно, что всякий, кто действительно стремится к возрождению партии, *а не той или другой из ее фракций,* нравственно обязан немедленно и энергично возвысить свой голос в пользу восстановления партийного единства. Так как ссорились у нас главным образом «интеллигенты», то слово прежде всего принадлежит теперь сознательным рабочим.

В начале 70-х годов в заграничных кружках русских революционеров происходила жестокая борьба «лавристов» с «бакунистами». Один из наблюдателей этой борьбы, как видно, не одураченный тогдашней кружковой дипломатией и не лишенный юмора, нарисовал такую картинку: два интеллигента усердно таскают друг друга за волосы, а вдали стоит мужичок, восклицающий: «Как нас-то любят, сердешные! Ведь это они все за нас стараются!»

Сознательным рабочим нашего времени не мешает вспомнить об этой карикатуре... Но наш нынешний раскол — такая большая тема, что я посвящу ей особый номер своего «Дневника».

P. S. Статья эта была уже набрана и даже сверстана, когда я получил *Открытое письмо в редакцию «Социал-демократа»,* подписанное «венским партийным клубом». В этом письме, — представляющем собою довольно характерный образчик очень богатой у нас теперь «литературы», от которой в головах читателей не остается ничего, кроме тяжелого кляузного угара,—для меня интересны, собственно, только два места.

Обращаясь к редакции «Социал-демократа» по поводу своей довольно много нашумевшей резолюции, «венский партийный клуб» говорит:

«Вы называете «прямой и вопиющей неправдой» наше утверждение, что «среди партийных течений твердо укоренилось убеждение в необходимости восстановления нелегальной организации», и обвиняете

нашу резолюцию в том, что она открывает двери «антипартийным» элементам».

Я тоже называю неправдой указанное в этих строках «утверждение». Поэтому считаю нужным об'ясниться.

Выше я привел мнение Стивы Новича и разных Маевских о современном значении революционного подполья для освободительной борьбы пролетариата. Эти мнения достаточно ясны: они идут прямехонько вразрез с мыслью о необходимости восстановления нелегальной организации. И этих мнений нельзя, по немецкому выражению, wegschwatzen (отболтать прочь). Я спрашиваю членов венского клуба, известно ли им существование этих мнений? Ну, конечно, известно! Значит...

Или, может быть, венский клуб думает, что Маевские не имеют ничего общего ни с одним из наших партийных течений? Пусть он скажет это. А кстати пусть он прибавит, что нам думать о Мартове, Дане и Мартынове, которые без всяких оговорок печатали свои статьи рядом с произведениями Маевских. Неужели эта единосущная и нераздельная троица тоже не принадлежит ни к одному из партийных течений?

«Наша резолюция ясно и отчетливо говорит, — продолжает «венский партийный клуб»: — самое стремление принять участие в нелегальной партийной конференции есть лучшее свидетельство готовности работать над воссозданием партии».

Это не так. Стремление принять участие в нелегальной партийной конференции могло быть также «лучшим свидетельством готовности работать над»... окончательной ликвидацией революционного подполья. Я не говорю: *было;* я говорю: *могло быть.* Доказательство. Когда террористы выработали для себя на своем Липецком с'езде план систематических действий, они явились на Воронежский с'езд организации «Земли и Воли», бывшей до того времени *народнической* организацией. Я могу уверить членов «венского партийного клуба», что террористы явились на Воронежский с'езд вовсе не для «воссоздания» народнической тактики.

Другое место, интересующее меня в открытом письме венского клуба, гласит так:

«Венский партийный клуб» представляет собой учреждение, об'единяющее на своих собраниях членов всех фракционных и национальных групп РСДРП и редакции «Правды». Доступ на заседания открыт всякому члену партии. Следовательно, о каком бы то ни было фракционном подборе не может быть и речи».

Отсюда, повидимому, надо заключить, что редакция «Правды» сказала неправду, отмеченную редакцией «Социал-демократа» и мною, не одна, а находясь в довольно пестрой компании. На людях и смерть красна, — говорит пословица. Но неправда все-таки остается неправдой.

И то обстоятельство, что редакция «Правды» сказала неправду, хотя и будучи споспешествуема довольно пестрой компанией, дает полное основание утверждать, что она встала на сторону одной из борющихся между собой фракций, вместо того, чтобы отстаивать интересы партии. А это очень жаль. Становиться на сторону одной из борющихся между собой фракций значит раздувать пламя раскола [1]). Кто в самом деле хочет единства партии, тот не пристанет ни к одной из двух фракций, а обратится через их головы к нашему сознательному пролетариату для того, чтобы он, грозно прикрикнув на кружковых дипломатов, заставил их прекратить свою бесконечную, скучную, нелепую и крайне вредную «склоку». Это было бы особенно кстати теперь, когда не только в России, но и во всем цивилизованном мире замечается новый размах пролетарского движения.

---

[1]) Каждая из двух борющихся между собой фракций с усердием, достойным лучшей участи, доказывает, что именно она-то и представляет собой партию. Но чем усерднее доказывает это каждая из них, тем несомненнее становится, что и та, и другая желает не единства, а раскола. Нужна очень большая доза наивности для того, чтобы принимать всерьез доводы наших фракционных крючкотворов.

Зачем же так секретно?

Я получил от тов. Н. Ломова (Н. Рах—ова) следующее письмо, которое считаю себя обязанным напечатать.

Многоуважаемый Г. В.!

Разрешите мне обратиться к содействию Вашего гостеприимства для того, чтобы предать гласности следующие строки. Они касаются личного вопроса, но имеют, как мне кажется, и некоторый общепартийный интерес. Дело вот в чем.

Осенью — приблизительно в сентябре или октябре — *прошлого* (т.-е. 1910) года Центральный Комитет Социал-Демократии Латышского Края разослал заграничным учреждениям нашей партии резолюцию, в которой он, высказывая подозрение насчет моей политической и партийной честности, рекомендовал названным учреждениям прекратить со мной всякие организационные сношения.

Эту резолюцию латышский ЦК принял и разослал *в совершенной тайне от меня.* Больше того: все мои старания узнать ее подлинный текст оказывались безуспешными. Если бы не любезность тов. Н. Троцкого и редакции газеты «Правда», то я по всей вероятности еще долго не подозревал бы о ее существовании.

Но, — как бы там ни было, — раз узнав об этой резолюции, я, разумеется, немедленно предпринял шаги, необходимые для выяснения обвинений, *втихомолку* пред'явленных ко мне латышами. С этой целью я прежде всего обратился к Заграничному Бюро ЦК нашей партии с требованием немедленного назначения надо мной партийного суда. Нетрудно заметить то, что это был единственный путь, способный привести к каким-нибудь положительным результатам. Однако именно на этом пути меня ждали те злоключения, которые, как мне кажется, рисуют моих обвинителей в несколько непривлекательном виде. Судите сами. Вместо того, чтобы — в ответ на мое предложение передать дело в руки третейского суда — сказать ясное и категорическое: «*да*»,

упомянутые обвинители избрали почему-то тактику *отмалчивания.* В течение месяцев они не решались дать согласие на суд. В течение месяцев мне приходилось применять прямо-таки героические меры для того, чтобы *вынудить* подобное согласие. Наконец, — после долгих и утомительных мытарств — это согласие было к моей величайшей радости дано. Но моя радость оказалась преждевременной. Когда назначенный по моему делу суд приступил к исполнению своих обязанностей, то оказалось, что латышский ЦК вовсе не расположен представить в его распоряжение те «материалы», на основании которых была принята упомянутая выше резолюция. Повторилось то же самое, что происходило и тогда, когда речь впервые зашла о назначении *судебного партийного* разбирательства моего дела: обвинители начали отмалчиваться. Латышский ЦК имеет мужество до сегодняшнего дня — *а со времени конституирования суда прошло уже четыре месяца* — под разными предлогами уклоняться *от мотивированного доказательства* своих тяжелых обвинений.

Время от времени я получаю от секретаря суда сообщения о том, что «скоро». «дней через 10 — 12» и т. п., мои обвинители извлекут свои «обвинения», свои «материалы», свои «сведения» на свет божий. Но назначенные сроки проходят, а латышский ЦК попрежнему хранит полное молчание.

Этому невыносимому положению необходимо положить конец. В моих руках находятся документы, неопровержимо подтверждающие справедливость каждой только что написанной мною строчки, и я смело отдаю свое дело на суд общественного мнения моих партийных товарищей. Я спрашиваю их: какие средства нужно применить для того, чтобы заставить заговорить моих обвинителей?

Здесь не место разбирать мое дело по существу. Это сделает суд. Но для того, чтобы суд мог это сделать, необходимо прервать молчание моих обвинителей. В этом пункте я надеюсь на поддержку всех товарищей, которым дороги честь и достоинство российской социал-демократии.

Н. Ломов (Н. Рах—ов).

12 августа 1911 г.

Письмо это не нуждается в длинных комментариях. Одно из двух: обвинение, возводимое на тов. Ломова, справедливо или несправедливо. В первом случае — он должен быть удален из нашей среды, во втором — его честь должна быть восстановлена. Но в обоих случаях дело это

должно быть решено как можно скорее. Откладывать его в долгий ящик — значит относиться с пренебрежением или (первый случай) к интересам партии, или (второй случай) к непререкаемому праву одного из ее членов. Вот почему, не имея права разбирать дело по существу, я считаю своим долгом поставить нашим товарищам-латышам на вид, что поведение их Центрального Комитета здесь совсем непозволительно, и что эта почтенная коллегия должна немедленно взять назад обвинение, выдвинутое ею против тов. Ломова (Рах—ова), *если она не может доказать правильность этого обвинения*. Никто из нас не имеет ни малейшего права играть честью своих товарищей.

«ДНЕВНИК СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТА» № 15

ОКТЯБРЬ 1911 г.

Чрезвычайный с'езд Международного Социалистического Бюро

В субботу, 23/10 сентября, от 2 до 6 час. пополудни, и в воскресенье, 24/11 сентября, от 9 до 12 час. утра, происходили собрания чрезвычайного с'езда Международного Социалистического Бюро, состоявшегося по поводу мароккского вопроса. В них принимали участие представители четырнадцати наций: Францию представляли Лонгэ, Вальян, Анжель, Руссель; Германию—Бебель и Молькенбур; Австрию—В. Адлер; Богемию — Немец и Бруга; Англию — Квельч; Бельгию — Вандервельд, Гюйсманс, Ансель и Фюрнемон; Россию — Ленин и пишущий эти строки; Польшу — Роза Люксембург и Диаманд; Венгрию — Бухингер; Италию— Чиотти; Сербию — Туковић; Турцию — Наум; Голландию — Трульстра; Швейцарию — Карл Моор.

Хотя чрезвычайному с'езду пришлось заняться и некоторыми другими вопросами, но наибольшая часть его времени посвящена была именно Марокко. Вот резолюция, принятая по этому поводу (перевожу с немецкого текста):

«Колониальное столкновение из-за Марокко, самым необдуманным образом вызванное капиталистическим стремлением к захвату земель, на несколько месяцев поставило величайшие страны культурного мира перед опасностью братоубийственной войны со всеми ее ужасными последствиями. Если эта опасность теперь на время уменьшилась, то она вовсе не устранена и является хроническим состоянием капиталистического общества, каждый день могущим снова обостриться, благодаря тем или другим новым событиям. Но организованный пролетариат не хочет войны и всегда будет со всей силой отстаивать мир.

«Международное Социалистическое Бюро с удовольствием признает, что социалистический пролетариат тех стран, которым угрожала опасность войны, особенно Германии, Франции, Англии, Италии [1]) и

[1]) Об Италии см. ниже. — *Г. П.*

Испании, с величайшей энергией восстал против преступного безумия людей, толкавших к войне, и в своих, полных силы и неустрашимости, демонстрациях выступил как деятельный элемент мира между народами.

«Международное Социалистическое Бюро ожидает, что сознательный пролетариат так же и впредь с растущей силой будет исполнять свою обязанность организации пролетарской классовой борьбы и давать доказательства международной солидарности рабочего класса.

«Международное Социалистическое Бюро напоминает всем национальным секциям Интернационала, особенно же секциям тех стран, которые имеют в настоящее время отношение к марокккскому вопросу: Германии, Англии, Франции и Испании, резолюции против войны, принятые на их национальных с'ездах, а также на международных с'ездах в Штуттгарте и Копенгагене; оно особенно отмечает заключительные строки штуттгартской резолюции, гласящие:

«В случае же, если бы все-таки вспыхнула война, рабочий класс и его парламентские представители обязаны настаивать на ее скорейшем окончании и всеми силами стремиться к тому, чтобы использовать вызванный ею хозяйственный и политический кризис для агитации в народе и для более быстрого устранения капиталистического классового господства».

«М. С. Б. рассчитывает, что товарищи, принадлежащие к каждой из названных стран, будут как сами по себе, так и в союзе с товарищами других заинтересованных стран, действовать для предупреждения войны.

«М. С. Б. приглашает также социалистические партии вызвать движение протеста против всякого расширения колониальных владений европейских государств посредством дипломатических сделок, совершающихся теперь за спиною народов и их представителей и тем подготовляющих на будущее время новое обострение международного антагонизма и новые причины войны.

«Бюро постановляет также взять на себя, в согласии с социалистическими партиями, почин международных выступлений против войны и поддерживать движение против нее всеми зависящими от него средствами».

Я знаю, что эта резолюция не удовлетворит некоторых противников войны из буржуазного лагеря. Эти господа не любят приурочивать свои благие пожелания к деятельности международной социал-демократии. Но когда это становится неизбежным, когда обстоятельства

лишний раз и с новой ясностью показывают им, что в современном капиталистическом обществе только сознательный пролетариат является надежным защитником свободы, прогресса и мира, — а в данном случае это не могло не стать очевидным даже для весьма близоруких людей, — тогда от международной социал-демократии ожидают таких решений, каких она не может принять по самой своей природе. Еще в 1893 г., на Международном социалистическом с'езде в Цюрихе, Домела Ньювенгейс предлагал резолюцию, по прямому смыслу которой социалистический пролетариат должен был отвечать на об'явление войны всеобщей военной стачкой. Его предложение было отклонено, несмотря на то, что оно было горячо поддержано анархически настроенной частью некоторых делегаций,—особенно французской [1]). Борьба была так горяча, что докладчик, которым был я, не мог закончить свое заключительное слово благодаря обструкции, устроенной сторонниками Домелы.

Впоследствии Эрве предпринял новое издание проекта Ньювенгейса, который сделался к тому времени анархистом. Сднако он имел еще менее успеха. Международная социал-демократия очень хорошо понимала, что военная стачка,— сводящаяся, в сущности, к массовому уклонению от отбывания воинской повинности, — представляет собою самый худший способ ведения «войны с войной» уже по одному тому, что, подвергая противников войны преследованию со стороны правительств, вооруженных суровыми законами военного времени, он вместе с тем лишает их возможности *вооружиться,* т.-е. в огромной степени увеличить свою силу в борьбе с существующим порядком вещей. Но буржуазным идеологам такие соображения кажутся очень мало убедительными. Больше того, они не нравятся им как раз тем, что приурочивают вопрос о «войне с войною» к вопросу о социальной революции. Идеологам буржуазии хотелось бы, чтобы международная социальная демократия хоть на время позабыла о своей «конечной цели» и взглянула на свою борьбу с войною лишь с точки зрения миролюбия. А с этой точки зрения наилучшей резолюцией против войны представляется именно та, которую предлагали Ньювенгейс и Эрве. Это звучит парадоксом, но это в самом деле так: недаром мы, марксисты, всегда говорили, что анархизм есть лишь доведенный до абсурда буржуазный либерализм. Людям, не имеющим ни понятия о великом революционном

[1]) Французских марксистов и бланкистов не было на этом с'езде, так как во Франции тогда происходили выборы. Поэтому во французской делегации преобладали полу-анархистские элементы.

значении организованного массового действия, ни сочувствия к нему, естественно должно быть чуждо то опасение, что «военная стачка» дезорганизует социал-демократическую массу. Наиболее *действительным* средством «войны с войною» они склонны считать наиболее *громкое* средство. А что может быть громче резолюции, грозящей «военной стачкой», т.-е. тем, что в распоряжении правительств не окажется солдат в такое время, когда без солдат обойтись совершенно невозможно. Буржуазным идеологам (и их близким родственникам — анархистам) кажется, что подобная резолюция придала бы делу оборот, напоминающий то, что происходит в одной из трагедий Корнеля (в «Сиде»): там борьба прекращается за неимением борющихся, а тут она даже не началась бы, потому что не явились бы под знамена те, которые должны были бы бороться. Тому, кто сказал бы, что влияние международной социал-демократии еще не распространяется на всех лиц, обязанных воинской повинностью, буржуазные миролюбы ответили бы: в таком случае не стоит и толковать о ней. И они по-своему были бы правы. Если я продаю душу чорту, то я желаю взять с него такую цену, которая позволила бы мне наверно добиться того, ради чего я к нему обратился; в противном случае мне лучше продолжать молиться богу и его святым угодникам. Но социал-демократия не может смотреть на сознательный пролетариат как на орудие для достижения каких бы то ни было чужих целей [1]).

Она на все смотрит с пролетарской точки зрения, и притом она несравненно лучше знает психологию народной массы, нежели буржуазные идеологи и анархисты. Ей очень хорошо известно из ежедневного опыта, что хотя народная масса, а особенно пролетариат, все больше и больше проникается ее взглядами, но все-таки даже в этом последнем остается еще очень много бессознательных элементов, способных поддаться влиянию шовинистов. Она не может не предвидеть, что даже в самых передовых странах далеко не все население, которое было бы призвано под знамена в случае войны, показало бы себя способным к немедленному революционному действию. Поэтому главная практическая задача военного времени заключалась бы для нее в том, чтобы, опираясь на причиненные войною бедствия, воздействовать на остальные элементы в смысле их революционного воспитания. На это и указы-

[1]) Поэтому-то я и восстал против т. Мартынова, приписавшего мне ту мысль покойного Тихомирова, что рабочий класс очень важен для революции. Бедный т. Мартынов находил эту мысль заслуживающей большого сочувствия.

вают заключительные слова цитированной чрезвычайным с'ездом М. С. Б. штуттгартской резолюции:

«В случае же, если бы все-таки вспыхнула война, рабочий класс и его парламентские представители обязаны настаивать на ее скорейшем окончании и всеми силами стремиться к тому, чтобы использовать вызванный ею хозяйственный и политический кризис для агитации в народе и для более быстрого устранения капиталистического классового господства».

Эти важные строки связывают практическую задачу военного времени с конечной целью социальной демократии, светом которой освещается вся деятельность этой партии. Буржуазные идеологи могут найти это ненужным доктринерством, но на самом деле это мнимое доктринерство имеет огромное практическое значение. Резолюция, принятая на чрезвычайном с'езде Социалистического Бюро в Цюрихе, с полной уверенностью говорит, что сознательный пролетариат уже в мароккском столкновении показал себя могущественным элементом международного мира. И это в самом деле так. Нужно быть слепым, чтобы не видеть, как много сделали для сохранения международного мира, например, колоссальные демонстрации берлинских рабочих. История расскажет со временем, до какой степени страх перед революционным пролетариатом способствовал отрезвлению самых пылких шовинистов. Но страх перед революционным пролетариатом есть не что иное, как опасение за самое существование нынешнего порядка вещей. И чем более развивается классовое самосознание пролетариата, тем больше основания имеют господствующие классы питать такое опасение, т.-е. тем более вынуждаются они к сохранению мира.

Замечу мимоходом, что если освободительное движение пролетариата является теперь самой надежной изо всех гарантий международного мира, то всякая попытка распространения оппортюнизма в рабочей среде является в то же самое время вольной или невольной попыткой ослабить значение этой гарантии. Для примера можно сослаться на то, что происходит теперь в Италии по поводу задуманного итальянским правительством разбойного нападения на Триполи [1]). Сознательный пролетариат протестует против этого нападения, а социалисты, с'ехавшиеся 25 сентября в Болонье на чрезвычайное совещание с представителями Конфедерации Труда, рассуждают по его поводу следующим образом. Довольно известный «критик Маркса»

[1]) Теперь это нападение — уже совершившийся факт.

Грациадеи об'являет себя противником триполитанской авантюры, так как ее экономические последствия будут вредны для Италии. По его словам, ему было бы понятно стремление Италии приобрести укрепленное место в Триполи вроде того, каким является Гибралтар для Англии, но и для такого предприятия еще не настало время. Отсюда ясно, что Грациадеи высказывается только против *несвоевременных* колониальных авантюр. Трапанезе говорит, что он против колониальных войн, но не против военных движений в пользу мировой колониальной политики (sic!). Теоретик итальянского реформизма Иваное Бономи заявляет, что он не принадлежит к числу антиколониальных социалистов и рассматривает вопрос о Триполи, не опираясь ни на какие априорные соображения (senza apriorismi). Турати прежде всего спрашивает: полезно ли нам в настоящий момент отделиться от правительства и высказать свое отвращение от его политики? (См. «Avanti» 27 сентября 1911 г.) Само собою понятно, что поскольку подобное отношение к революционному «априоризму» распространится в среде итальянского пролетариата, постольку этот последний перестанет служить сколько-нибудь серьезным оплотом международного мира. К счастью, сознательный пролетариат Италии начинает показывать итальянским «ликвидаторам» свое недовольство ими. На том же самом совещании они сами признавали, что масса отворачивается от них. В добрый час! Но многолетнее влияние реформистов на итальянскую рабочую массу не могло не принести ей большого вреда. Я пишу эти строки в такое время, когда еще трудно определить, по недостатку точных известий, как силен протест итальянского рабочего класса против триполитанского разбоя. Но если он окажется слабым [1]), то это обстоятельство несомненно нужно будет в значительной степени отнести на счет вредного влияния итальянского ликвидаторства. До какой степени верно, что и в этом вопросе, как и во всех других, только последовательный марксизм может оказаться на высоте призвания!

Штуттгартская резолюция не говорит, какие именно средства должны быть употреблены, чтобы положить конец войне, если таковая начнется. Не говорит этого и резолюция цюрихского с'езда М. С. Б. Оно и понятно: международная социал-демократия не знает единоспасающих приемов борьбы. Она полагает, напротив, что они зависят от обстоятельств времени и места. Однако и та и другая резолюция

[1]) Теперь уже известно, что движение было слабо.

считают нужным и возможным теперь же определить общий характер этих приемов, несмотря на все их возможное разнообразие. Лучше всего характеризуются они словами: «агитация в народе» и, главным образом, в среде пролетариата. Этого нет надобности пояснять после сказанного мною выше о причинной зависимости между революционным настроением пролетариата и миролюбием буржуазии.

Таков общий смысл резолюции, принятой М. С. Б. в Цюрихе. Если она не удовлетворит миролюбивых идеологов буржуазии, то она, тем не менее, будет ярко свидетельствовать о том, как хорошо понимает международная социал-демократия роль представляемого ею класса в современном обществе и свои задачи в революционной борьбе за лучший общественный порядок.

Кроме резолюции о войне, М. С. Б. единогласно приняло еще следующую резолюцию по поводу возрастающей теперь дороговизны припасов.

«Международное Социалистическое Бюро констатирует, что то вздорожание жизненных припасов, которое то в одной, то в другой капиталистической стране толкает голодающие народные массы к протесту посредством насильственных действий, является прежде всего следствием бессовестной таможенной политики, практикуемой в большинстве капиталистических стран, а также преступного покровительства аграрным интересам, с которым ведут систематическую борьбу социалистические партии; что, с другой стороны, это вздорожание причиняется действиями капиталистических картелей, представляющих собою злейших врагов пролетариата и его освободительной борьбы.

«М. С. Б. приглашает работников и работниц всех стран, страдающих от чрезмерного вздорожания предметов первой необходимости, массами вступать в социалистические партии и в профессиональные союзы и тем укреплять армию сознательного пролетариата, который ведет действительную борьбу с дороговизной жизни, нападая на капиталистическое общество, являющееся в сущности последней причиной нынешней дороговизны жизни».

Всем сестрам по серьгам

I

Известно, что *вожаки* двух фракций, борющихся между собою в нашей партии, вплотную *подвели* ее к... расколу. Настоятельная *партийная* потребность в конференции, пройдя через призму фракционных дрязг, разложилась на две *фракционные* потребности, одна из которых окрашена в цвет т. Ленина и сводится к стремлению созвать «большевистскую» конференцию, а другая носит окраску «Голоса социал-демократа» и равносильна нужде в такой конференции, которая доставила бы торжество взглядам этого органа. Каждая из этих двух фракционных потребностей вызвала появление соответственного коллектива, называемого у большевиков «Организационной Комиссией», а у сторонников «Голоса социал-демократа» — «Совещанием при Заграничном Бюро ЦК». Я имел честь получить от каждого из этих *фракционных* коллективов приглашение принять участие в «*партийной*» конференции. На эту любезность я одновременно ответил им обоим следующим письмом.

Женева, 2 августа 1911 г.

«Дорогие товарищи,

В ответ на ваше письмо от 18 июля, я вижу себя вынужденным поставить вам на вид следующее. Положение дел в нашей партии теперь таково, что нам предстоит иметь не одну конференцию, а целых две: одну, созываемую Заграничным Бюро ЦК, а другую — Организационной Комиссией, выработанной совещанием части членов ЦК. Если единая конференция РСДРП могла бы принести ей очень много пользы, то две конференции, созываемые двумя враждующими между собою фракциями, не принесут, по моему твердому убеждению, ничего, кроме вреда, упрочивая и усиливая раскол. Вот почему мне кажется, что участвовать в какой-нибудь из этих двух конференций значит способ-

ствовать окончательному разложению нашей партии, организация которой и без того была значительно ослаблена в последние годы. По этой же причине я полагаю, что центральный коллектив каждой из двух враждующих между собою фракций прежде всего обязан был бы сделать все, от него зависящее, для того, чтобы сговориться с центральным коллективом другой фракции насчет созыва единой конференции в целях восстановления партийной организации и упрочения партийного единства. Я готов всеми силами поддерживать каждую меру каждого центрального коллектива, предпринятую в этом направлении, и я уверен, что мои ближайшие единомышленники, так называемые меньшевики-партийцы, будут в этом случае вполне солидарны со мною. Но у меня нет ни времени, ни охоты для участия в том, что на нашем партийном жаргоне называется междуфракционной склокой.

С социал-демократическим приветом *Г. Плеханов.*

P. S. Если вы примете какие-нибудь меры для действительного восстановления партийного единства, то не откажите сообщить их мне: я буду вам за это чрезвычайно благодарен и поспешу довести о ваших добрых намерениях до сведения наших социал-демократических читателей, которых давно и как нельзя более сильно огорчает бесконечная и уже так много повредившая российской социал-демократии междуфракционная распря.

Г. П.

Как это скоро обнаружилось, не один я отказался от сомнительного удовольствия быть «в числе драки». В таком же смысле высказалась в лице А. Луначарского и группа «Вперед». Немецкая пословица говорит: mitgefangen — mitgehangen (вместе пойман — вместе повешен). Высказавшись одинаково с группой «Вперед»,— чего со мною, признаюсь, никогда прежде не случалось,— я должен был вместе с нею выслушать целую проповедь со стороны одного из главных участников «драки», т.-е. «Совещания при Заграничном Бюро ЦК». Совещание это, как видно, считает свою проповедь довольно убедительной, так как оно напечатало ее в № 1 «Листка Заграничного Бюро Центрального Комитета». Но я с ним в этом случае не могу согласиться. По-моему, главный недостаток проповеди состоит именно в том, что она никак не может убедить ни одного беспристрастного человека, хоть немного знакомого с положением дела в нашей партии.

Начать с того, что приемами своей аргументации проповедь напоминает те зазывания в свою лавочку, с которыми обрушиваются на прохожих мелкие торговцы иных захолустных городишек: у нас товар такой, что лучше не бывает, а конкурент-сосед продает никуда не годную дрянь. Пусть не думает читатель, что я преувеличиваю: это, к величайшему сожалению, в самом деле так. Вот послушайте:

«С одной стороны» перед вами «ОК» [1]), возникшая путем закулисного соглашения и внутрипартийного переворота, определенно фракционная по составу, целям и характеру своих действий: захватив в свои руки функции, права и средства центральных учреждений и обеспечив за собою большинство путем произвольного самоназначения, большевистско-польская «ОК» самовольно ставит себя над партией, навязывая остальным партийным течениям подчиненное и чисто-декоративное участие в созданном и вооруженном против них фракционном учреждении.

«С другой стороны, перед вами Совещание, ставящее себе целью *соглашение* всех партийных течений на равных правах во имя задач, формулированных последним пленумом.

«В лице «ОК» перед вами прямая и открытая попытка фракционного блока — захватить в свои руки контроль над самым составом конференции и тем самым фракционно урезать ее: «ОК» делает попытку созвать конференцию против воли Бунда, Латышской с.-д., Кавказской областной организации, петербургских районов, целого ряда провинциальных организаций и групп и, наконец, против большинства социал-демократических работников легального движения.

«С нашей стороны вы видите действенное стремление: обеспечить за всеми течениями партии возможность полного, неурезанного представительства на общепартийной конференции».

Разве же я не прав? Разве авторы проповеди не говорят тоном мелких торговцев, зазывающих в свою лавочку? А ведь «*тон делает музыку*». Мне в точности не известно, какое впечатление произвел этот тон на представителя группы «Вперед» — о. Анатолия; думаю, впрочем, что ему, как человеку, не чуждому эстетического развития, он очень сильно не понравился. Но о себе скажу, что цитированное место проповеди заставило меня подумать: таким тоном продают только очень плохой товар. И чем более я размышляю о ней, тем яснее вижу, что товар, в самом деле, из рук вон плох.

---

[1]) Т.-е. «Организационная комиссия», созданная «большевиками» для созыва «партийной» конференции.

Я не оспариваю того, что враждебная «Совещанию» «Организационная комиссия» возникла путем «внутрипартийного переворота». Что правда, то правда! И я нимало не одобряю таких переворотов: потому-то я и отказывался войти в названную комиссию. Но когда почтенное «Совещание» хочет уверить меня в том, что вся правда сосредоточилась на его стороне, между тем как вся неправда скопилась на стороне не менее почтенной «ОК», то я спрашиваю:

Чем кумушек считать трудиться,
Не лучше ль на себя, кума, оборотиться?

Совещание состоит *при* Заграничном Бюро ЦК., а в этом Бюро принимает деятельное участие тот самый тов. И., который приобрел себе печальную известность тем, что, по свидетельству товарища Алексея Московского, явившись в первопрестольную по партийному делу, советовал «распустить все», т.-е. разрушить всю партийную организацию. Пусть скажет беспристрастный читатель, могу ли я считать т. И. надежным защитником интересов партии.

Я помню, конечно, что т. И. отказался признать себя виновным в том преступлении против партии, о котором свидетельствовал т. Алексей Московский. Но весьма многие обвиняемые уверяют судей в своей невиновности, откуда, однако, еще не следует, что они невиновны на самом деле. Мне известно также, что у нас найдется немало таких людей, которые по долгу фракционной службы не поверят свидетельству тов. Алексея Московского. Но я ему верю [1]). А раз я верю ему, то я не могу верить т. И.

Положим, что один человек в счет не идет; допустим, кроме того, что некогда разрушительный т. И. теперь исправился и не только не стремится «распустить все», а желает «все» упрочить: каких перемен не бывает на свете! Но беда в том, что «Совещание» создано «*при*» деятельнейшем участии того течения в российской социал-демократии, которое считало себя в праве печатно сомневаться в существовании Российской Социал-Демократической Рабочей *Партии,* а иногда (напомню для примера г. Потресова) и прямо *отрицать* его [2]). Кроткий Иисус говаривал: все простится, но грехи против духа святого не про-

[1]) Тем более, что оно подтвердилось для меня потом свидетельством другого товарища, очень хорошо известного редакции «Голоса Социал-демократа». Это тот самый товарищ, на которого ссылался т. Алексей.

[2]) Это течение и составляет, собственно, русскую часть, группирующуюся вокруг «Совещания» социал-демократических элементов.

стятся. Подобно этому и в нашем движении можно, в интересах единства, забыть очень многое, но нельзя позабыть ликвидаторских подвигов течения, опирающегося теперь на «Совещание *при* Заграничном Бюро ЦК». Кто оспаривал существование нашей партии или хотя бы только сомневался в нем, тот лучше сделает, если воздержится от выступления в роли защитника партийности.

Теперь я спрошу авторов обращенной ко мне проповеди: могут ли они назвать между своими единомышленниками хоть одно лицо, которое в свое время протестовало бы против ликвидаторских подвигов? Они не ответят на этот вопрос, так как, если бы они захотели ответить на него, им пришлось бы сознаться: «нет, не можем», а это было бы крайне невыгодно для защищаемого ими дела. Что же выходит? Выходит, что дело не в одном т. И.: решительно все единомышленники этого знаменитого теперь товарища показали себя такими людьми, которым дорога не партия в ее целом, а только та часть этой партии, к которой они принадлежат. В интересах этой части, т.-е. для укрепления ее позиции в мелочной «склоке» с другой частью, они забывали о той великой борьбе, которую всякий социал-демократ обязан вести с врагами пролетарского дела, и, чтобы выдвинуть лишний довод против своих *противников внутри партии,* они не останавливались перед тем, чтобы дать новое оружие врагам, стоящим *за ее пределами* и существенно заинтересованным в ее уничтожении. Все забудется, а *такие* грехи не забудутся!

Говорят, что от *великого* до *смешного* только один шаг. И это верно. Но расстояние, отделяющее *позорное* от *смешного,* еще того меньше: позорное нередко непосредственно переходит в смешное, как бы сливаясь с ним. Наши товарищи (гм! гм!), выдвинувшие против своих фракционных противников аргумент от несуществования партии, сделались смешными тотчас же, как схватились за этот позорный аргумент. Сами сознавая, как нелепо положение того члена *партии,* который строит свою *внутрипартийную* позицию на том, что его *партия* не существует, эти фракционные дипломаты имели неосторожность апеллировать к диалектике. Они стали говорить в свое оправдание, что слова «партия не существует» употребляются ими только в диалектическом смысле. «*Ее* нет, конечно, — говорили они, — как оформленной иерархии учреждений, но она продолжает существовать как идейное течение». Однако всякий читатель, не совсем лишенный философского и литературного образования, понимает, как жалка эта комическая оговорка, вполне достойная аристофановского Стрепсиада или

Фидиппида [1]). Когда г. Потресов отрицал существование нашей партии, он имел в виду не идейное течение, а именно иерархию учреждений. И если наша партия не существует как иерархия учреждений, то что же мне следует думать о Заграничном Бюро ЦК или об учрежденном при нем Совещании? Ведь оба эти органа имеют смысл только как составные части известной иерархии учреждений.

Авторы обращенной ко мне проповеди видят, как мы знаем, главный недостаток большевистской «Организационной Комиссии» в том, что она возникла путем внутрипартийного переворота. Но понятие *внутрипартийного* переворота предполагает понятие *партии*. Кто говорит, что партия не существует как иерархия учреждений, тот тем самым отрицает возможность каких бы то ни было внутрипартийных переворотов, потому что подобные перевороты могут направляться только против организации, т.-е. против известной иерархии учреждений: *внутри* того, чего нет, ничего происходить не может. Неужели не понимают этой, казалось бы очевидной, истины написавшие проповедь «диалектические» Стрепсиады и Фидиппиды?

Фидиппиды и Стрепсиады не любят внутрипартийных переворотов. Это хорошо. Но я позволю себе сказать им: почтеннейшие, «диалектическое» отрицание существования партии, совершенно бессмысленное с точки зрения *настоящей* диалектики, имело, однако, тот совершенно ясный и практический смысл, что прикрывало собою попытку внутрипартийного переворота, задуманного «ликвидаторами». Сказали ли вы хоть одно слово осуждения по адресу этого «переворота»? Нет. Почему? Потому, что вы сами были его участниками. Как же вы хотите, чтобы я, партиец, признал себя солидарным с вами? Фидиппиды и Стрепсиады, «диалектически» отрицавшие существование нашей партии, на все голоса гремели против известного поступка т. А., положившего начало *формальному* расколу наших заграничных организаций. Я не спорю: поступок этого товарища, — о нем ниже, — заслуживает строжайшего осуждения. Однако во имя чего? Во имя партии. Но если партия не существует как иерархия учреждений, то она не существует как организация. А если она не существует как организация, то ее вовсе нет. А если ее вовсе нет, то во имя ее нельзя осуждать что бы то ни было, т.-е., стало быть, и поступок т. А. О чем же шумели и шумят наши, соскочившие со страниц аристофановской комедии, «диалектические» витии? Или, может быть, т. А. погрешил против известного

[1]) См. комедию «Облака».

«идейного течения»? Но его поступок совершенно несоизмерим с каким бы то ни было идейным течением. Это не то, что, например, поступок т Мартынова, который, под предлогом защиты идейного наследства, оставшегося от группы «Освобождение Труда», исказил ее идеи, приписав ей тихомировский взгляд на общественную роль пролетариата. Против теоретического подвига т. Мартынова, действительно, можно было протестовать во имя названного идейного течения. Но я не слыхал, чтобы против него восстал кто-нибудь из товарищей, группирующихся теперь вокруг того осколка «иерархии учреждений», который называется Заграничным Бюро ЦК. и Совещанием при нем. Может быть, об этом что-нибудь слыхали авторы проповеди?

Фидиппиды и Стрепсиады заграничных «групп содействия» выносили резолюции о том, что т. А. должен быть предан партийному суду. Но если партия существует только «диалектически», то и суд над т. А. может иметь только «диалектический» смысл. А по смыслу придуманной новейшими Стрепсиадами и Фидиппидами «диалектики» это значит, что т. А. пришлось бы ведаться не с судом-учреждением, а с судом идейного течения. Какого же? Не то ли, которое выражается в произведениях Потресовых, Мартыновых, Мартовых и Данов? Но таким судом вряд ли испугаешь т. А., который, насколько я знаю, не имеет к названному течению ни малейшего решпекта.

А если бы он и испугался его, то все-таки мог бы сослаться в свое оправдание на «диалектику» новейших Стрепсиадов и Фидиппидов. Он мог бы сказать: «Товарищи судьи, я начитался статей, в которых очень убедительно доказывалось, что партии не существует как иерархии учреждений. Поверив авторам этих статей, я решил, что то учреждение, в котором я заседал до сих пор (Заграничное Бюро ЦК), есть лишь одна видимость — ein blosser Schein, как говорят немцы, и я покинул его, приняв необходимые меры для охранения имущества той партии, которую я, под влиянием указанных статей, ошибочно счел существующей лишь в «диалектическом» смысле. Принятие таких мер являлось моей прямой обязанностью. Не осудить, а похвалить следует меня за ее исполнение. Если же вы ни за что не хотите простить мою временную слабость, мое несчастное увлечение злонамеренными статьями ликвидаторов, то вы должны, по крайней мере, понять, что моя вина сильно смягчается фактом этого увлечения».

Я не представляю себе, что́ именно мог бы возразить на такую защитительную речь партийный обвинитель, хотя бы в это высокое

звание был возведен сам т. И., столь блистательно доказавший свою непоколебимую преданность нашей «иерархии учреждений».

Когда вы, гг. проповедники, расхваливаете свой товар, уверяя, что вся фракционная скверна сосредоточилась на ленинском полюсе, вы, разумеется, ни одним словом не упоминаете о тех подвигах ваших Стрепсиадов и Фидиппидов, перед которыми сам Аристофан развел бы руками в бессильном смущении. Но ведь я-то помню эти подвиги и, читая ваши рассуждения о необходимости защищать партийность, говорю себе: quis tulerit Gracchos de seditione querentes?

Вы указываете, что на вашей стороне стоят Бунд, Латышская социал-демократия, Кавказская областная организация, петербургские районы, целый ряд провинциальных организаций и групп и, наконец, большинство социал-демократических работников легального движения. Это недурно как довод в пользу вашего фракционного товара. Но не мешает поближе присмотреться к этому доводу.

Большинство социал-демократических работников легального движения... Каких же это работников? Не тех ли, которые стремятся к «возрождению самостоятельной политической социал-демократической партии»? [1]) Я уже показал [2]), как неясны взгляды этих «социал-демократических» деятелей. Но это здесь все-таки частность. Главный вопрос в том, принадлежат ли эти неясные головы к партийной организации? Если — нет, то очевидно, что они не имеют голоса там, где речь идет о «*внутрипартийных*» делах.

Кавказская областная организация... Но она еще не высказалась о вашем споре с «Организационной Комиссией», и я не знаю, пойдет ли она в вашу фракционную лавочку. А что, если она не пойдет ни в одну из фракционных лавочек? Что, если она обратится и к вам, и к вашим конкурентам с чем-нибудь вроде той краткой, но энергичной речи, которую произносит в «Женитьбе» Гоголя невеста по адресу своих женихов? Что, если она, отвернувшись от фракционной склоки, сумеет подняться на высоту интересов целой партии? Нынешняя деятельность Кавказской областной организации дает мне основание думать, что она могла бы и должна была бы поступить именно так [3]).

---

[1]) См. статью «К вопросу о «возрождении» нашей партии» в № 14 моего «Дневника».

[2]) В той же статье

[3]) Эти строки уже набирались, когда появилась, в оттиске из № 2 «Листка Заграничного Бюро ЦК», резолюция Закавказского Областного Комитета, от 17 июля с. г., как будто свидетельствующая о полной солидарности

Латышская социал-демократия... Но в этой социал-демократии борются два течения, одно из которых далеко не сочувствует вам. Какое восторжествует? Это пока еще не известно. А потому лучше было бы повременить со ссылками на латышскую социал-демократию.

Бунд... О сем умолчу. Но известно, что Бунд весьма деятельно поддерживал наших экономистов...

Целый ряд провинциальных организаций и групп... А вы думаете, что на стороне большевистской «Организационной Комиссии» не будет целого ряда провинциальных организаций и групп? Загляните в № 23 «Социал-демократа» — вы увидите, как обстоит дело по этой части.

Петербургские районы... Но, господа, в вашем же «Листке» напечатаны резолюции, принятые на расширенном собрании Васильеостровского Район. Ком. РСДРП, ввиду которых вам следовало бы выражаться много осторожнее. Я уже не говорю о том, что эти резолюции безусловно решают вопрос о существовании партии в том же «метафизическом» смысле, в каком некоторые ваши единомышленники решали его только в известное число каждого месяца. Но обратите внимание на п. 7 той части первой резолюции, где говорится об условиях,

---

его с ЗБЦК. Но эта резолюция совсем не может быть истолкована как выражение окончательного взгляда наших кавказских товарищей на то, как следует вести себя ввиду грозящего нашей партии раскола. Она, как видно, была принята под впечатлением поступка т. А., которого, разумеется, не могут одобрить люди, имеющие понятие о партийной дисциплине. В деле с т. А. право было на стороне ЗБЦК. Этого не мог не признать Закавказский ОК Однако, несмотря на то, что в этом деле право было на стороне ЗБЦК, — которое в других случаях само сильно грешило против него, — de facto этот технический придаток к одному из наших центральных учреждений (ЦК) стал центром одной из борющихся фракций. Закавказский ОК покинул бы партийную точку зрения, если бы и теперь продолжал быть с ним солидарным. Я надеюсь, что он этого не захочет... — В том же оттиске из № 2 «Листка ЗБЦК» напечатана резолюция «группы РСДРП одного южного портового города», повидимому, твердо стоящей на партийной точке зрения. Резолюция эта совершенно права в своем резком отзыве о «заграничных штабистах». Но ее требование предания суду т. А. едва ли уместно, потому что ближайшие единомышленники этого товарища могут ответить на него требованием предания суду т. И., который теперь так торжественно несет в ЗБЦК партийное знамя, но который ведь в самом деле совершил по отношению к партии непростительный поступок, обнаруженный т. Алексеем Московским. Но лучше пока не касаться этих вопросов, предоставив самой конференции поднять их, если это окажется нужным.

могущих обеспечить «полное фракционное беспристрастие заграничного технического бюро» для созыва конференции. В нем говорится:

«Ликвидаторы могут принимать участие в выборах лишь в том случае, если, войдя в местную организацию, они достаточно покажут на деле, в самом процессе ее работы, свой полный отказ от ликвидаторских взглядов, при чем решение последнего вопроса должно быть всецело предоставлено на усмотрение самих местных организаций».

Поверьте, достопочтенные, что этот параграф ничего хорошего вам не сулит, ибо что же такое ликвидаторы, если не те самые джентльмены, покушение которых на жизнь партии и побудило ваших единомышленников придумать знаменитую «диалектику» для оправдания того, что не может быть оправдано? — Может быть, наши васильеостровские товарищи и пойдут временно с вами; но ведь это будет одно недоразумение: они отшатнутся от вас, как только увидят ликвидаторские уши ваших друзей.

Взгляды васильеостровских товарищей не известны мне в своих частностях. Но мне довольно того, что они отстаивают революционное «подполье». А вы, господа хорошие, склонны ли вы к его защите? Не ваши ли друзья третировали его, по известному немецкому выражению, как дохлую собаку? Не они ли писали, что в настоящее время все серьезные деятели рабочего движения должны бежать из него без оглядки [1]). И не ваши ли публицисты обрушились на меня за то, что я, в ответ на нелепые издевательства над ним, закончил одну из своих статей восклицанием: «да здравствует революционное подполье!» Не они ли выдвинули против меня на страницах «Голоса социал-демократа» некоего Соломона Лидова, который, под тем предлогом, что он рабочий, пытался отбить у меня охоту повторять это неуместное, по его мнению, восклицание?

Правда, вы люди гибкие, и если, благодаря новому революционному под'ему, наши действующие на местах «организации и группы» обнаружат сильное неудовольствие против врагов подпольной деятельности, то вы, пожалуй, сами поспешите взять в свои надежные руки знамя борьбы с «ликвидаторством» и устремитесь на защиту революционного «подполья». Зная, как много на свете наивных людей, я допускаю, что подобная изворотливость обеспечит вам сочувствие некоторых искренних революционеров из социал-демократической среды. Но надолго ли?

---

[1]) См. № 14 «Дневника», где мною цитированы некоторые литературные упражнения этих граждан. [См. выше, стр. 302.]

И позволительно ли основывать на таких... недоразумениях возрождение нашей партии?

Авторы письма говорят мне:

«Отстраняясь от той работы, которую мы сейчас предприняли с единственной целью: бороться за общепартийную конференцию против раскола, против двух конференций и двух партий, вы тем самым как бы говорите, что те элементы партии, которые выдвигают метод соглашения, сотрудничества и единства и на этих именно методах хотят строить партийную конференцию и всю партийную работу, столь же повинны в угрожающем партии расколе, как и те, которые все строят на подчинении, захвате и перевороте».

Тут они, довольно неожиданно для меня, проявляют большую проницательность. Именно так! Именно «столь же повинны в угрожающем партии расколе»! Я говорю это, разумеется, не потому, чтобы я был против «метода соглашения, сотрудничества и единства», а потому, что «Совещание», от имени которого написано письмо, в значительной степени опирается на таких людей, — составивших целое течение в российской социал-демократии! — которые в продолжение нескольких лет вели себя, как самые закоренелые раскольники, и не только не стремились к соглашению, сотрудничеству и единству в пределах нашей партии, но вступили в заговор с элементами, стоявшими за ее пределами для ее полного разрушения. Чем это лучше захвата и переворота?

Что думают миролюбивые авторы письма о брошюре Л. Мартова «Спасители или упразднители?», изданной редакцией «Голоса социал-демократа»? Издатели имели несчастную мысль перевести эту брошюру на немецкий язык, вследствие чего с нею могло ознакомиться довольно значительное число западных социал-демократов. И все западные ее читатели единодушны в своих отзывах о ней: все они видят в ней самый постыдный плод фракционной грызни; все они с сожалением смотрят на партию, в которой фракционная грызня приняла такой гнусный вид, и все они понимают, что люди, злоупотребляющие печатным станком для выпуска в свет подобных произведений, совершенно чужды всякой мысли о партийном единстве. В гектографированном русском переводе письма Каутского к о. Анатолию сказано, что «отвратительная брошюра Мартова... являлась бы прямо бессмысленной, если бы не преследовала цели принудить к расколу».

Авторы странной проповеди «призывают» меня и о. А. Луначарского «к охране действительной партийности». Но после всего сказан-

ного мною выше я не удивлю читателя, если замечу, что ополчаться на защиту действительной партийности вместе с закадычными друзьями Потресовых, Маевских, Ежовых, Ст. Новичей и им подобных — это то же самое, что соединиться с лисицей для защиты курятника.

Само собою разумеется, что авторы проповеди вовсе не обязаны быть высокого мнения о моих умственных способностях, но я, надеюсь, не подал им повода считать меня круглым дураком.

Они об'являют мою точку зрения «чисто формальной и внешней». Читатель хорошо понимает, однако, что я не только с чисто формальной и внешней точки зрения считаю их, — т.-е. опять-таки те русские элементы, которые входят в состав их коалиции, — совершенно неподходящими для роли охранителей партийной организации и партийного единства. Нет, они не годны для нее *по существу*.

Проповедники пугают нас с о. Анатолием тем, что с нашей будто бы «формальной и внешней точки зрения те группы, которые отстраняются от участия как в «ОК», так и в... Совещании, представляются лишь *третьей* стороной партийного раскола».

Это опять напоминает логику Стрепсиада и Фидиппида.

Два человека дерутся. Третий возмущается дракой. Тогда один из дерущихся кричит ему: «Если ты не хочешь явиться третьей стороной драки, то ты должен принять участие в ней и притом непременно стать на мою сторону».

И кого они такими благоглупостями благоудивить хотят?

Они продолжают: «Вы предлагаете нам проявить инициативу в направлении единства и обещаете нам свою поддержку. Но ведь именно эту инициативу мы в данный момент и проявляем».

На это я отвечаю: «Ваша «инициатива в направлении единства» могла проявиться только в мирных переговорах с «ОК», созданной большевистским «Совещанием членов ЦК». Что же вы сделали для таких переговоров? Насколько мне известно, вы ограничились принятием резолюции, в которой об'явили названную комиссию, вместе с всем известной теперь Технической Комиссией, результатом «заговора нескольких заграничных большевиков с несколькими поддерживающими их польскими социал-демократами, путем внутрипартийного переворота, грубого попрания всех норм партийной жизни, определенных партийным уставом и последним пленумом, наконец, путем порочащего честь и достоинство партии захвата общепартийных средств».

Выходит совершенно так, как у графа А. Толстого:

Шаромыжник, болван, неученый холоп!
Чтоб тебя в турий рог искривило.
Поросенок, теленок, свинья, эфиоп,
Чортов сын, неумытое рыло! и проч.

Если это переговоры, то во всяком случае не очень *мирные*. Лицам, принявшим эту резолюцию, не иначе хотелось бы об'единиться с большевиками, как голодному человеку хочется об'единиться с куском хлеба: они желают с'есть их. Но кто действительно стремится к партийному единству, тот ни за что не станет содействовать их намерению.

II

Теперь обращаюсь к другой стороне. Тут мне придется иметь дело прежде всего с той «Технической Комиссией», которая противостоит Заграничному Бюро ЦК в качестве фракционного центра большевиков. Известно ее происхождение. Она возникла в процессе организации раскола «совещанием» тех членов нашего ЦК, которые нашли нужным спасти партию посредством прямого нарушения ее устава. Тем не менее, она никак не хочет удовольствоваться ролью нового центра большевиков и сочувствующих им элементов партии, а претендует на роль общепартийного центра. Само собою понятно, что такая неосновательная претензия может быть поддерживаема лишь с помощью совершенно неосновательных доводов. В № 1 своего «Информационного Бюллетеня» названная комиссия рассуждает так:

«Основным условием созыва общепартийной, а не ряда фракционных конференций, мы считали и считаем организационное единство нашей партии. Как бы ни ослабела связь между Россией и заграницей, но вне всякого сомнения, что формальный раскол за границей резко отозвался бы и на российской работе».

Это — поистине золотые слова! И, конечно, ни один партиец, т.-е. ни один из тех наших товарищей, которым интересы партии дороже интересов какой бы то ни было фракции, ни на минуту не усомнится в неоспоримой истине, выраженной этими золотыми словами. Далее Техническая Комиссия прекрасно характеризует положение дел накануне породившего ее «Совещания». Она говорит, что «мы за границей стояли перед угрозой несомненнейшего раскола» и что этот раскол необходимо было предотвратить. Но изо всего этого у нее получается совершенно неожиданные выводы:

«Если использование устава партии, при отсутствии центрального учреждения, — читаем мы у нее, — давало возможность ЗБЦК, подчиненному органу ЦК, «легально» тормозить жизнь партии, то моральной обязанностью членов Центрального Комитета было, ввиду критического положения партии, прибегнуть к средствам, не предусмотренным уставом, для того, чтобы вывести пртию из тупика, в который она попала».

Уже это звучит довольно зловеще. Конечно, в интересах партийного единства не только можно, но и должно было прибегнуть к средствам, даже и не предусмотренным партийным уставом. Это так. Но необходимо было позаботиться о том, чтобы те не предусмотренные партийным уставом средства, к которым прибегало «Совещание», *не нарушали этого устава.* А вот об этом-то оно и позабыло подумать. Больше того: из только что цитированных мною строк «Бюллетеня» видно, что партийный устав был *сознательно* нарушен «Совещанием». Посмотрите: деятельность Заграничного Бюро ЦК, осужденная «Совещанием», характеризуется в этих строках как *легальная,* т.-е. не противоречащая уставу. А если она не противоречила ему, то прибегать для борьбы с нею к средствам, не предусмотренным уставом, значило нарушать этот последний, т.-е. переходить на *нелегальную* почву. Спрашивается, мог ли такой переход обеспечить партийное единство? Ответ ясен: никоим образом. Совершенно наоборот: переходя на нелегальную почву в борьбе с ЗБЦК, стоявшим на почве легальности, «Совещание» тем самым давало своему противнику возможность сохранить, по крайней мере, *внешность правоты.* А это очень выгодное для него обстоятельство отнюдь не способно было принудить его к большой уступчивости. Ясно, стало быть, что «Совещание» прибегло к таким средствам, которые не только не обеспечивали партийного единства, но, напротив, переводили раскол из хронического состояния в острое. Если авторы «Бюллетеня» не заметили этой последовательности, то у них очень мало проницательности; а если они заметили ее, но хотели скрыть от нас, то тем самым обнаружили очень мало искренности.

Впрочем, в разбираемых строках есть одна тонкость, еще не упомянутая мною. Слово: легально, характеризующее деятельность ЗБЦК, заключено ими во вносные знаки. Этим они как бы намекают на то, что деятельность эта была легальной только во мнении ЗБЦК. Если вносные знаки не имеют здесь этого смысла, то они совсем бессмысленны. А если они имеют его, то тем менее уместны были нелегальные средства, принятые «Совещанием»: зачем же было ему нарушать устав, когда он говорил в его пользу и против ЗБЦК, ошибочно считавшего свою деятель-

ность легальной? Как ни верти, а все-таки выходит, что «Совещание», идя в одну комнату, попало в другую: хотело предупредить раскол, а прибегло к средствам, его *организовавшим*. Отчего же это? Чего ему недостало: проницательности или искренности?

Пусть читатель сам ломает голову над этим вопросом. А я, ради выяснения истины, отмечу еще вот что. Описывая положение дел накануне «Совещания», «Бюллетень» повествует, что «часть партии отказалась признать ЗБЦК». Но если это так, то нельзя утверждать, что мы были *накануне* раскола; надо было сказать, употребляя добролюбовское выражение, что «пришел настоящий день», т.-е., что раскол уже *совершился*. Это не придирка к словам. Кто участвовал в «Совещании»? Те самые люди, которые отказались признавать ЗБЦК, т.-е. сделали раскол. Зачем они собрались на совещание? Затем, чтобы *предупредить* раскол, после того, как они же его *совершили*. Поди пойми! Какие же меры приняли они для «*предупреждения*» уже совершенного ими раскола? Выбрали две комиссии, деятельность которых должна заключаться в его упрочении. Это еще менее понятно! И опять возникает вопрос: чего же нехватило членам «Совещания»: проницательности или искренности?

«Бюллетень» уверяет, что Техническая Комиссия «всего менее согласилась бы» быть фракционным центром. Это умилительно. Можно подумать, что ей кто-то предлагает эту роль, а она бежит от нее, подобно тому, как бежал целомудренный Иосиф от развратной жены Пентефрия. Но она напрасно изображает делом возможного будущего то, что является фактом печального настоящего. Техническая Комиссия возникла как фракционный центр; она никогда ничем другим не была; она никогда ничем другим не будет.

«Бюллетень» продолжает:

«Женевские и цюрихские партийные меньшевики глубоко ошибаются, противопоставляя нас, как фракционный центр большевиков-ленинцев, Загр. Бюро ЦК, как фракционному центру голосовцев. Техническая Комиссия так же мало согласилась бы взять на себя ответственность за организационную политику большевиков-ленинцев, как мало, вероятно, согласились бы последние взять на себя ответственность за организационную политику Технической Комиссии».

Я сам принадлежу к числу товарищей, обозначенных здесь словами: женевские и цюрихские партийные меньшевики. И мне кажется, что я имею право повторить от имени этих товарищей, по адресу Технической Комиссии, слова, уже раньше адресованные мною Совещанию при ЗБЦК: вы не обязаны быть высокого мнения о наших умственных спо-

собностях, но мы, надеюсь, не подали вам повода считать нас круглыми дураками.

Техническая Комиссия отказывается признать себя фракционным центром большевиков-ленинцев. Вероятно, у нее для этого есть серьезные основания. Вероятно, та фракция, центром которой служит Техническая Комиссия, в свою очередь, подразделилась на фракции, одной из которых является фракция т. Ленина. В таком случае отказ Технической Комиссии признать себя центром большевиков-ленинцев представляет собою лишь вариацию на ту общеизвестную тему, — что целое больше своей части: служа центром данной фракции, Техническая Комиссия, естественно, не хочет спуститься до роли центра одной из ее же составных частей. Она по-своему права. Но эта ее правота отнюдь не опровергает того мнения женевских и цюрихских партийных меньшевиков, что она теперь есть не более как центр одной фракции: являясь *целым* по отношению к большевикам-ленинцам, течение, создавшее Техническую Комиссию, в свою очередь является *частью, — фракцией,* — по отношению к партии. Вот только и всего. Неужели же так трудно понять это?

«Бюллетень» предполагает, что Техническая Комиссия не согласилась бы взять на себя ответственность за организационную политику большевиков-ленинцев. Если это предположение справедливо, то я очень хвалю Техническую Комиссию. С ее стороны было бы, в самом деле, весьма неосторожно брать на себя такую ответственность. «*Организационная политика*» т. Ленина (а стало быть, и тт. ленинцев), как две капли воды, похожа на *политику дезорганизации.* Я советовал бы названному товарищу почаще перечитывать щедринский устав о свойственном градоправителю добросердечии. Восьмая статья этого устава весьма благоразумно напоминает, что «казнить, расточать или иным образом уничтожать обывателей надлежит с осторожностью, дабы не умалился от таковых расточений российской империи авантаж». А вот т. Ленин слишком часто обнаруживает склонность «казнить, расточать или иным образом уничтожать» тех членов нашей партии, которые не одобряют его направления. В «организационном» отношении это до последней степени неудобно: я уже сказал, что *организационная* деятельность такого рода слишком похожа на *дезорганизационную.*

Напечатанная, с предисловием т. Ленина, длинная резолюция «II Парижской группы РСДРП» показывает, что эта дезорганизующая «организационная политика» имеет в нашей партии горячих сторонников. Я сейчас перейду к названной резолюции. Но прежде, чем сделать это, я поставлю Технической Комиссии на вид, что ее отрицательное отно-

шение к политике т. Ленина еще не оправдывает ее собственной политики. Положим, что Техническая Комиссия стоит за осмотрительность в деле расточения или уничтожения принадлежащих к нашей партии «обывателей». Но, вообще, сообразно ли с партийным «авантажем», позволительно ли «казнить, расточать или иным образом уничтожать» оных, хотя бы и с осмотрительностью? На этот вопрос мы, меньшевики-партийцы, решительно отвечаем: нет, непозволительно. Таким образом у нас получаются три мнения: согласно первому (мнение т. Ленина), казнить, расточать и пр. можно без всякой осмотрительности; согласно второму (мнению Технической Комиссии), полезно соблюдать осмотрительность; согласно третьему (мнение меньшевиков-партийцев), осмотрительность — не оправдание, ибо уничтожение, хотя бы и осмотрительное, членов своей собственной партии умаляет партийный «авантаж» и потому не должно быть терпимо.

Техническая Комиссия скажет, вероятно, что она тоже никого не уничтожает. Но это опять будут... слова, слова, слова... Разве организовать раскол не значит предпринять ряд систематических действий, направленных на уничтожение некоторой части своей собственной партии?

«Бюллетень» намекает, что Техническая Комиссия «не согласится» взять на себя нравственную ответственность за действия т. Ленина и его ближайших единомышленников. Но, во-первых, ей не удастся свалить с себя ответственность, пока она идет вместе с «большевиками-ленинцами»; во-вторых, с нее вполне достаточно нравственной ответственности за совершаемый ею самою тяжкий грех разрушения партийной организации и упрочения партийного раскола.

Теперь послушаем преобладающих во «II Парижской группе» большевиков-ленинцев, как видно имеющих только весьма неясное представление о «свойственном градоправителю добросердечии». Резолюция, вынесенная собранием названной группы, между прочим, гласит:

«В наше время разброда и развала нередко встречаются люди, которые ссылкой на великий принцип единства пролетарской армии оправдывают беспринципные или мизерно-дипломатические попытки «об'единения» или «сближения» с *проводниками буржуазного влияния на пролетариат*. Собрание самым категорическим образом осуждает и отвергает все такие попытки, от кого бы они ни исходили, и заявляет, что великое дело об'единения и укрепления борющейся армии революционного пролетариата не может быть выполнено без полного размежевания, без беспощадной борьбы с теми, кто проводит буржуазное влияние на пролетариат».

Основная мысль этих строк сводится к тому, что «в наше время разброда и развала» великое дело *об'единения и укрепления* борющегося пролетариата требует...*раскола,* а стало быть, и вызываемого расколом *ослабления* названной армии. Это энергично, но совсем не осмотрительно.

Размежевание с теми, «кто проводит буржуазное влияние на пролетариат», безусловно необходимо. Но размежевание размежеванию рознь. Одно дело то размежевание в плоскости идей, которое проповедуем давно мы, меньшевики-партийцы, а иное дело — то размежевание в плоскости организации, которое совершено было породившим Техническую Комиссию «Совещанием членов ЦК» и которое означает не что иное, как раскол. Вообразить, что всякий правоверный социал-демократ обязан стремиться к расколу, значит именно видеть «авантаж» партии в уничтожении и истреблении той или другой ее части.

Н. Михайловский писал когда-то (помню смысл, но не выражения): Дарвин выдвинул понятие борьбы за существование. Дарвиненок выбегает на улицу и, под предлогом такой борьбы, хватает первого встречного за горло. Винить за это надо не Дарвина, а только дарвиненка. Так и у нас с размежеванием. Одни говорят: «размежуемся!, понимая под этим очищение наших тактических и других идей от гнилой мякины, нанесенной в них ветром реакции, а другие, под предлогом идейного очищения, «совещаются», как бы поскорее сделать так, чтобы отсечь от партии целую половину, а может быть и больше. Тут опять надо винить только «дарвиненка».

II Парижская группа терпеть не может ликвидаторов. Хвалю ее за это. Но как же не видит она, что *раскол* есть лишь один из способов ликвидации РСДРП? Как не понимает она, что большевистские рассуждения на тему о будто бы существующих в российской социал-демократии *«двух партиях»,* по своему смыслу, совпадают с заявлением меньшевиков-ликвидаторов о том, что наша партия существует только в «диалектическом» смысле? Если ликвидаторские попытки заслуживают строжайшего осуждения, — а они в самом деле заслуживают его, — то их надо осуждать, «от кого бы они ни исходили». И когда II Парижская группа, энергично призывая к расколу, равносильному «ликвидации», гремит против ликвидаторов, я говорю ей то же, что сказал выше ликвидаторам, группирующимся теперь вокруг Загр. Бюро ЦК:

Чем кумушек считать трудиться,
Не лучше ль на себя, кума, оборотиться?

Одни ликвидаторы стоят других. Правда, II Парижская группа убеждена, что *проповедуемый ею* способ ликвидации необходим для ослабления «буржуазного влияния на пролетариат». Но ликвидаторы, группирующиеся вокруг Загр. Бюро ЦК, тоже могут об'явить своих противников проводниками названного влияния, и не только могут, а уже об'являют: ведь кричали же они о том, что все те товарищи, которые восстают против ликвидации нашей партии, мешают рабочим избавиться от подчинения интеллигенции. Разве это подчинение не «буржуазное влияние»? Но недостаточно бросить своим противникам упрек в распространении буржазного влияния на пролетариат, чтобы этим приобрести право на *упразднение* нашей партийной организации или на совершение в ней *раскола.*

И что значит *об'единение* или *сближение* с проводниками буржуазного влияния на пролетариат? Если от грехов такого сближения или об'единения свободен только тот, кто стремится к расколу, то весь сознательный международный пролетариат погряз в грехах по самую шею, так как он еще на своем Амстердамском с'езде торжественно заявил, что в каждой стране должна быть только одна социал-демократическая партия, подобно тому, как есть в ней только один пролетариат. Амстердамский международный социалистический с'езд отверг, — заметьте это, — тактику Жореса, клонившуюся к политическому сближению пролетариата с буржуазией. Почему отверг? Потому что нашел ее опасной именно в смысле буржуазного влияния на пролетариат. Он отнюдь не хотел такого влияния; он нашел нужным «размежеваться». Но, производя размежевание, он в то же самое время звал французские социалистические организации к единству. Это значит, что, по его мнению, единство совсем не исключалось размежеванием. Что скажет об этом «II Парижская группа»? Ей, вся тактическая мудрость которой может быть выражена известной «формулой» щедринского помпадура: «направляй кишку, направляй!» (ее резолюция целиком написана на мотив «направляй!»), ей остается только обвинить весь сознательный международный пролетариат в беспринципности и в постыдной склонности к мизерно-дипломатическим попыткам сблизиться с проводниками буржуазного влияния.

«*Вся* проповедь наших легалистов и наших голосовцев показывает,— говорит II Парижская группа, — что *на деле* они не только не разделяют, не проводят в жизнь нашей программы, а прямо защищают *реформизм,* — это признали также партийные меньшевики (см. «Дневник социал-демократа» Плеханова и № 3 «Дискуссионного Листка), — прямо отрекаются от революционных ближайших целей РСДРП».

Так. Но решительно во всех социал-демократических партиях Запада существуют реформисты (ревизионисты тож); неужели же во всех этих партиях должен начаться раскол? Неужели же отвращение западных марксистов от расколов есть признак их любви к мизерной дипломатии?

«Партиец тот, — поучает II Парижская группа, — кто действительно помогает *строить* организацию, соответствующую с.-д. принципам».

Правильно. Но в таком случае, партиец ли тот, кто помогает окончательному *разрушению* партийной организации?

II Парижская группа до такой степени увлечена воинственным криком: «направляй кишку, направляй!», что даже верные или почти верные соображения толкают ее на совсем неправильные выводы. Она пишет:

«*Лишь* всесторонняя помощь воссозданию и укреплению *нелегальной* организации есть *партийная* работа, и лишь нелегальная РСДРП может и должна окружать *себя* сетью легальных организаций, *использовать* всевозможные организации, *направлять* в духе наших революционных принципов всю работу таких организаций».

Легко заметить, что группа выражается дубовато. Слово «лишь», которым начинается эта выписка, чересчур суживает заключающуюся в ней правильную мысль. Российский социал-демократ может, в известных случаях, делать партийное дело, и не занимаясь *непосредственно* воссозданием и укреплением нелегальной организации: он может например, работать в легальных обществах и союзах, систематически проводя в них влияние нелегальной партии, к которой он сам принадлежит и которая воссоздается и укрепляется усилиями других его товарищей. Зачем же отвергать разделение труда? Это дико. Но, несмотря на дубоватость выражения, верно то, что лишь нелегальная партия может теперь надлежащим образом, — т.-е. в духе революционной социал-демократии, — использовать всякие «легальные возможности». И все-таки II Парижская группа ухитряется сделать из этой верной мысли следующий удивительный вывод:

«Кто не ведет на деле такой работы, кто участвует в контр-революционном вообще, и либеральном в частности, походе против «подполья», против нелегальной работы — тот *обманывает* рабочих, когда говорит о своей принадлежности к РСДРП».

Позвольте! Как же это? Если данный наш товарищ, *принадлежащий к партийной организации,* начал вести контр-революционную проповедь (скажем, начитавшись Бернштейна), то он обманывает рабочих, говоря

о своей принадлежности к РСДРП, т.-е. к *партийной организации не принадлежит?* Так, что ли? Но тогда выходит, что он принадлежит и не принадлежит к партийной организации в одно и то же время. А это возможно только в такой партии, которая одновременно и существует и не существует. Оказывается, что «диалектика» II Парижской, столь близкой к Ленину, группы, как две капли воды, похожа на «диалектику» Стрепсиадов и Фидиппидов, группирующихся вокруг Загр. Бюро ЦК, весьма близкого к Мартову и Дану. Вы удивлены, читатель? Напрасно! Наши раскольники обоих лагерей вообще очень часто до крайности похожи друг на друга в своих рассуждениях и в своих приемах «партийной... деятельности. Они представляют собою, — чтобы употребить здесь выражение Энгельса, — две стороны одной и той же ограниченности, при чем одна сторона похожа на другую, как левая перчатка похожа на правую, а правая на левую.

Что же предрасположило II Парижскую группу к такой странной диалектике? Следующее соображение, весьма простое само по себе, но едва ли вышедшее у авторов резолюции за порог сознания: если данный товарищ, ведущий антиреволюционную проповедь, обманывает рабочих, говоря им о своей принадлежности к РСДРП, то никакого раскола не учиняет тот, кто об'явит его вне партии. «Диалектика» Стрепсиадов и Фидиппидов, привлекательная для II Парижской группы, не менее, чем для сторонников Загр. Бюро ЦК, в данном случае особенно хороша тем, что позволяет учинить раскол, как бы не учиняя оного. Но ведь известно, что «партиец тот», кто... делает расколы. За это ручается нам II Парижская группа.

Тов. Ленин, снабдивший ее резолюцию вполне сочувственным предисловием, торжественно провозглашает:

«Все большевики должны сплотиться теперь теснее, укрепить свою фракцию, определить точнее и яснее партийную линию этой фракции,— в отличие от фракций, скрывающих так или иначе свое «лицо», — собрать разрозненные силы и итти в бой за РСДРП, очищенную от проводников буржуазного влияния на пролетариат».

В переводе на простой русский язык это значит, что «итти в бой за Российскую Социал-Демократическую Рабочую *Партию*» можно только одним путем: путем тесного сплочения вокруг тов. Ленина всей *фракции* большевиков для выкидывания из партийной организации тех, которых та же фракция об'явит проводниками буржуазного влияния. Это уже совсем «неблагосклонно», как выражается одно лицо у Г. И. Успенского.

Большевики-партийцы, находящие, вопреки Ленину, что истреблять инакомыслящих следует с некоторой осмотрительностью, пишут в своем обращении «Ко всем членам РСДРП»:

«Фракционная политика большевиков-ленинцев принесла тем больший вред, что они имели большинство в главнейших партийных учреждениях, благодаря чему их фракционная политика давала оправдание другим течениям в их собственной организационной обособленности и вооружала их против официальных партийных учреждений. Мы не говорим уже о том, что для нас, как для большевиков, имеет особое значение, что чем фракционнее была политика официальных выразителей большевизма, тем меньше было их идейное влияние на партию, тем меньше могли они ее идейно вести за собой».

С этим нельзя не согласиться: фракционная политика ленинцев в самом деле принесла много вреда, и чем фракционнее была она, тем меньше становилось *положительное* влияние «большевизма» на партийную жизнь. Казалось бы, отсюда следует, что надо решительно восставать против указанной политики. Но большевики-партийцы делают прямо противоположный вывод: они решают, что надо упрочить тот раскол, который является в настоящее время крайним выражением фракционной политики большевиков-ленинцев. Они рассуждают так:

«Мы дорожим формальным единством партии, но еще больше дорожим ее действительным единством, и мы сознаем свою ошибку лишь тогда, если нам укажут на формальный выход из создавшегося положения».

Действительное единство партии противополагается здесь ее *формальному* единству. Но что же значит ее действительное единство в его противоположности с формальным? Оно означает *единство в пределах той фракции,* в рядах которой действовали и будут действовать большевики-партийцы. Но *такое* понятие *действительного единства* совершенно покрывается понятием *действительного раскола.* Выходит, что, начав за здравие, большевики-партийцы кончают за упокой. Отчего же это так? Оттого, что всякое положение имеет свою логику, и в том ложном положении, в каком находятся большевики-партийцы, им ничего не остается, как итти на пристяжке у Ленина. В конце концов и окажется, что если вообще политика большевиков относится к политике редакции «Голоса социал-демократа» и ее сторонников, как левая перчатка к правой, то политика большевиков-партийцев относится к политике большевиков-ленинцев, как один палец данной перчатки (скажем, указательный) к другому (скажем безымянному). Большевики-партийцы

требуют, чтобы им указали на формальный выход из создавшегося положения. Кто же, однако, создал его? Они винят редакцию «Голоса социал-демократа» и ее сторонников. Я нимало не намерен защищать людей этого направления, как это, надеюсь, хорошо видно из первой главы моей статьи; но я спрошу большевиков-партийцев: можно ли, вину за нынешнее положение нашей партии *целиком* отнести на счет названной редакции и ее сторонников? Всякий, мало-мальски беспристрастный человек ответит, что нет. Да и разбираемое мною воззвание косвенно отвечает в том же отрицательном смысле: не сами ли авторы воззвания говорят, что политика большевиков-ленинцев принесла партии много вреда? Ясно, что одна сторона не лучше другой.

Почему большевики-партийцы, так резко осудившие редакцию «Голоса социал-демократа», не сказали ни одного слова осуждения, например, по поводу известного поступка тов. А.? Или они думают, что подобные поступки могут повредить только «формальному единству партии», не нарушая «действительного» ее единства, а укрепляя его?

Большевики-партийцы отказываются иметь дело с Загр. Бюро ЦК ввиду его грехов против партии. С большевиками же ленинцами они не только имеют дело, но, по их собственному признанию, входят в один фракционный центр. Между тем, сами же они говорят, как много ленинцы погрешили своей политикой против партии. Где же справедливость? Где логика?

Увы! Напрасно стали бы мы искать их в этой бесконечной, ожесточенной, вредной, как чума, и скучной, как осенний дождь, грызне двух фракций. Каждая из них считает справедливым лишь то, что помогает ей тузить другую. Возьмем хоть пресловутую брошюру Мартова «Спасители или упразднители?» Она вызвала в лагере большевиков самое искреннее негодование. И, как уже сказано выше, она другого отношения совсем и не заслуживает. Но прошло немного времени, и т. Ю. Каменев выступает с брошюрой «Две партии», значительная часть которой нисколько не лучше постыдного произведения Мартова. Ю. Каменев очень возмущается Л. Мартовым, но ведет себя так же, как этот последний [1]). Он, как видно, не нашел в себе силы справиться с тем движением чувства, которое заставляет одну свидетельницу

[1]) Повторяю, в некоторой части своей брошюры. Но ведь этого достаточно. Притом его брошюра гораздо об'емистее брошюры Мартова.

у Глеба Успенского воскликнуть на суде: «Ну, Дарья! (или как там ее — не помню хорошенько. — *Г. П.*). Ты мне, да уж и я тебе!»

Этим принципом: «Ты мне, да уж и я тебе!», определяется вся «политика» одной фракции в ее борьбе с другой. Неудивительно поэтому, что большевики-партийцы напрасно ломают себе голову над тем, как найти «формальный выход из создавшегося положения».

III

Чтобы найти какой-нибудь предмет, надо искать его. Чтобы найти формальный, — да и не только формальный, — выход из создавшегося теперь положения в нашей партии, необходимо дать себе труд искания. Дают ли себе его большевики-партийцы? Нет. Им лучше всего дышится в атмосфере раскола, и все их усилия направлены на то, чтобы он никогда не прекращался. То же самое приходится сказать, — *да еще курсивом,* если речь идет в печати, — о *большевиках-ленинцах*. Наконец, и *меньшевики,* группирующиеся вокруг ЗБЦК, ведут себя не лучше: они тоже ищут не того, как выйти из нынешнего положения, а того, как упрочить его. Поэтому ясно, как дважды два — четыре, что выход не будет найден ни одними, ни другими, ни третьими. А он необходим. РСДРП должна быть восстановлена в своем единстве. Как же быть? На кого надеяться?

В деле восстановления единства партии остается надеяться только на самую партию, т.-е. на те ее элементы, которых еще не развратила междуфракционная склока. Если такие элементы существуют, — а я хорошо знаю, что они существуют, — то они сумеют решить ту задачу, которую большевики-партийцы об'являют неразрешимой: они найдут, хотя, конечно, и не без труда, выход из нынешнего положения — найдут по той простой причине, что действительно станут искать его.

Я думаю, что уже теперь можно определить то направление, в каком надо искать желанного и безусловно необходимого выхода.

Его надо искать в направлении конференции общепартийной не на словах, а на деле.

Лучше всего было бы, если бы почин ее созыва взяла на себя одна из крупных местных организаций. Та из них, которая возьмет на себя такой почин, окажет колоссальную услугу всему российскому пролетариату. И раз она возьмет его, она сейчас же увидит, что не так страшен чорт, как его рисуют. Междуфракционная склока до тошноты надоела многим и многим членам нашей партии. Ее особенно ненавидит

огромное большинство сознательных рабочих. С их стороны не может не встретить горячей поддержки серьезная попытка созвать такую конференцию, цель которой будет заключаться не в том, чтобы доставить торжество одной фракции посредством вышибания другой, а в том, чтобы действительно возродить нелегальную организацию российской социал-демократии путем прочного об'единения в ней всех ее течений, не отказывающихся от неизбежной при нынешних условиях подпольной работы [1]).

Товарищи, политическая близорукость которых доходит до того, что они не способны представить себе действительное единство партии иначе, как в виде действительного раскола, закричат, что на такую конференцию проникнут ликвидаторы и «отзовисты». Но меня не смутят такие крики. Печатаемая ниже платформа меньшевиков-партийцев, — выработанная за границей и уже одобренная значительной частью наших товарищей, действующих в России, — указывает условия представительства. С решающим голосом могут явиться только организации, входящие в состав партии. Требовать решающего голоса даже для таких групп, которые в партийную организацию не входят, значит стремиться созвать какую угодно другую конференцию, но только не партийную. Интересно было бы выслушать речь, которую произнес бы Бебель, если бы на с'езде немецкой партии в Иене какой-нибудь ревизионист потребовал решающего голоса для организаций, стоящих по ту сторону партийных пределов. Кто не принадлежит к партии, тот не имеет решающего голоса на партийных с'ездах и конференциях. Это само собою понятно. Но не менее понятно и то, что всякий, кто принадлежит к партии, имеет право участвовать на ее конференциях лично или через своего представителя. Это право может быть им утрачено только вместе с правом считаться членом партии. А кто может лишить его этого последнего права, т.-е. исключить из партии? Разумеется, не отдельный товарищ и даже не отдельная фракция. Это может сделать только высшая инстанция партии, т.-е. с'езд или, в крайнем случае, конференция, заменяющая собою, с согласия партийных организаций, с'езд. Высшая партийная инстанция может исключить отдель-

[1]) Статья была набрана, когда в редакцию «Дневника социал-демократа» пришли две резолюции: 1) Ростовской группы и 2) Екатеринославской городской организации РСДРП.

Обе высказываются в нашем смысле. Надо заметить при этом, что Ростовская группа состоит не только из меньшевиков, но и из большевиков-партийцев.

ного члена партии, группу или даже несколько групп. Это ее неоспоримое право, хотя она должна очень осторожно пользоваться им: в противном случае мера, совершенно необходимая подчас для *поддержания* дисциплины, может повести к ее *нарушению* значительной частью партии, т.-е. опять-таки к расколу. Но пока не высказалась высшая партийная инстанция, всякая попытка данной организации или фракции исключить из рядов партии другую организацию или фракцию представляет собою попытку вызвать раскол и потому заслуживает строжайшего осуждения.

Никто не может закрыть дверь конференции перед такими организациями, которые, принадлежа к партии, сочувствовали ликвидаторам или даже запятнали себя ликвидаторскими действиями. У нас нет граждан второго разряда. Утверждать, что сторонников «Голоса социал-демократа» можно пустить на конференцию только в том случае, если кто-нибудь другой возьмет на себя ответственность за их последующее поведение, может только человек, не привыкший вдумываться в логический смысл своих речей. У «Голоса социал-демократа» есть сторонники за пределами партии. Дверь на конференцию может отворить перед ними только сама конференция. Другими словами, *их* право доступа на конференцию может явиться только *делом будущего*. Но у «Голоса социал-демократа» есть сторонники также и в пределах партии. Я очень жалею об этом, но не могу не видеть, что это так. Что касается *этих* его сторонников, то они *уже теперь* имеют такое же право быть представленными на конференции, как и все мы, несогласные с ними, члены партии. Неужели же нужно доказывать эту азбучную истину?

Но они, эти сторонники «Голоса социал-демократа», будут стараться выразить в резолюциях конференции свои тактические взгляды и перестроить нашу партийную организацию сообразно своим понятиям... Еще бы! Они и на это имеют право. А мы, в свою очередь, имеем полное право отстаивать свои взгляды и свои понятия. Будем бороться, будем спорить: спор есть отец всех вещей. И не надо быть слишком самоуверенным, чтобы заранее знать, что победа достанется не им, а нам, противникам ликвидаторства. Почему? Потому, что мы стоим на революционной точке зрения, а в современной России она вернее, чем когда бы и где бы то ни было. Я уже в № 10 своего «Дневника» предсказывал, что редакции «Голоса социал-демократа» придется отступать со своих позиций, так как на них при нынешних русских условиях долго оставаться невозможно. Кто не видит теперь,

что она уже отступает с них? Кто не понимает, что самое появление на «подпольной» конференции людей, возмущавшихся криком: «да здравствует революционное подполье!», будет равносильно фактическому отречению от своей собственной тактики. Им придется перестраиваться под нашим огнем, а это очень неудобно. И мы были бы очень плохи, больше того: просто-напросто жалки, если бы не победили их при таких условиях. Чего же нам бояться?

Об «отзовистах» смешно и говорить. Они советовали «отозвать» нашу думскую фракцию. Это был плохой совет. Но нельзя же за плохой совет лишать людей прав «состояния». На конференции они, может быть, предложат бойкотировать IV Думу. Это предложение следует решительно отвергнуть. Но странно было бы не пустить людей на конференцию за то, что они, *может быть,* сделают на ней нелепое предложение. Во взглядах «отзовистов» очень сильны анархо-синдикалистские тенденции. Это опять нехорошо. Конференция должна строго осудить эти тенденции. Но одно дело осудить известные тенденции, а другое дело исключить из партии их носителей прежде, чем о них высказалась высшая партийная инстанция. Это последнее свидетельствовало бы о слишком уже большом усердии. И неужели мы сделаем раскол из страха перед каким-нибудь о. Анатолием или подобными ему забавниками? Это до такой степени ни с чем не сообразно, что даже и между большевиками-то лишь очень немногие, так сказать наиболее зарвавшиеся, решаются пугнуть нас «отзовистами».

Конференция обязана позаботиться о том, чтобы в ее резолюции не закралась всегда вредная эклектика. Она обязана ясно и последовательно провести через них враждебную оппортюнизму идею революционного марксизма. Той же идеей она должна руководиться и в переделке своей организации, поскольку переделка окажется необходимой. Если люди, грешившие ликвидаторством, не захотят подчиниться этим резолюциям, тем хуже для них. Они сами поставят себя за пределы партии. Но пока они этого не сделали; пока они остаются членами партии, мы, повторяю, не имеем ни малейшего права об'являть их гражданами второго разряда.

В № 23 «Социал-демократа», который, к сожалению, перестал теперь быть центральным органом нашей партии и превратился в орган фракции большевиков, напечатаны, между прочим, резолюции Киевского и Бакинского Комитетов РСДРП по вопросу о конференции. В Киеве и в Баку меньшевики-партийцы давно уже дружно работают с большевиками и давно уже ведут вместе с ними дружную борьбу про-

тив ликвидаторов. Это обстоятельство повело к тому, что киевские и бакинские меньшевики-партийцы решили поддерживать «Организационную Комиссию», независимо от отношения к «формальным вопросам», связанным с ее созданием. Я очень ценю побуждение, подсказавшее нашим киевским и бакинским товарищам их поведение в данном случае, но все-таки нахожу его неосмотрительным. Разумеется, закрыв глаза на «формальные вопросы», связанные с возникновением «ОК», нельзя не прийти к тому выводу, что нам, меньшевикам-партийцам, необходимо ее поддерживать. Но в том-то и дело, что закрывать глаза на эти вопросы мы не имеем ни малейшего права. «Формальные вопросы», связанные с созданием «ОК», суть в то же время вопросы по существу о возникновении в нашей партии формального раскола. Стремятся ли к таковому наши киевские и бакинские товарищи? Если да, то их поведение логично. Но пусть не забывают они, что раскол, поддерживаемый ими, будет одновременно разрывом с большинством меньшевиков-партийцев, восстающих против раскола. Желают ли они и такого разрыва? К чему он приведет? Не к ослаблению ли нашего влияния в партии?

Наконец, — последний, но тоже не маловажный вопрос, — какое положение готовят себе киевские и бакинские меньшевики-партийцы в той «партии», создать которую они помогают большевикам? Я сейчас об'ясню им это.

Мышам всегда надо грызть что-нибудь, потому что иначе у них слишком отрастают зубы. Ленину и его ближайшим единомышленникам всегда надо кого-нибудь отлучать от церкви приблизительно по той же причине: иначе у них слишком отросли бы зубы... которых, очевидно, нельзя назвать зубами политической мудрости. Сегодня Ленин отлучает ликвидаторов и ему помогают в этом киевские и бакинские меньшевики-партийцы. А завтра очередь дойдет до киевских и бакинских меньшевиков-партийцев, при чем Ленин не будет нуждаться даже в чьей-либо помощи, так как его новые противники будут достаточно ослаблены своей собственной ошибкой. И заметьте, что для исключения у него всегда найдется достаточный повод. Вот хоть бы этот. В «Дискуссионном листке» (№ 3) Ленин, а в «Мысли» (№ 2) В. Ильин уподобляли меньшевиков (всех меньшевиков вообще, независимо от их различий в образе мыслей) либералам. Ну, а либералам, конечно, не место в социал-демократической партии. Это ли не повод? Но предположим, что Ленин повременит с об'явлением вне закона меньшевиков-партийцев. Ему выгодно будет повременить, так как ему полезно будет в борьбе

с меньшевиками, идущими за «Голосом социал-демократа», сохранить за собою возможность сослаться на то, что настоящие меньшевики принадлежат к его «партии». Он оставит право на жизнь меньшевистской оппозиции. Но его терпимость не пойдет дальше щедринского принципа: «Оппозиция не вредна, если она не вредит». Вот, например, сознательные рабочие захотят начать петиционную кампанию для защиты таких-то прав рабочего класса, а т. Зиновьев провозгласит, что всякая петиция есть слезница, не достойная революционного пролетариата. Как поступят ввиду этого киевские и бакинские меньшевики-партийцы? Согласятся с т. Зиновьевым? Это будет равносильно полному отказу от их старой тактики, теоретические основы которой были положены еще группой «Освобождение Труда». Восстанут против т. Зиновьева? Но тогда он вспомнит статьи тт. Ленина и В. Ильина и обвинит их в либерализме. А под тяжестью такого обвинения не легко будет им жить и работать в новой, «действительно об'единенной» посредством раскола, «партии».

У большевиков есть то несомненное преимущество, что они — революционеры. Но тактические принципы, проводимые в жизнь этими несомненными революционерами, к сожалению, слишком часто свидетельствуют о чрезвычайно узком, а иногда прямо ребяческом понимании революционного движения пролетариата. Отсюда — многочисленные ошибки, которыми они сами страшно ослабляют свою революционную позицию и усиливают позицию склонных к оппортюнизму ликвидаторов. Кто помогает им совершить раскол, тот прокладывает для них дорогу к политическому самоубийству. А так как меньшевики-партийцы заинтересованы в том, чтобы не слабел революционный элемент в российской социал-демократии, то уже по одному этому они должны энергично восстать против раскола.

Страсти разгорелись теперь так сильно, что меня, осмелившегося поднести по серьгам каждой из воюющих сестер, не захотят спокойно выслушать товарищи, блаженствующие... «в числе драки». Но я считаю своей обязанностью во всеуслышание сказать, что в настоящее время раскол в нашей партии несравненно выгоднее для оппортюнистических ее элементов, нежели для революционных. Пусть подумают об этом те, которые еще не совсем утратили политический смысл под влиянием многолетнего междуфракционного раздора.

Это не все. Всякая организация есть *форма*. Поэтому пренебрежение к «формальным вопросам» равносильно непониманию великого значения организации. Тем менее можно пренебрегать ими у нас, где под

маской предпочтения «существа» дела его «форме» каждая из двух воюющих фракций вот уже в течение восьми лет позволяет себе совершенно непозволительные поступки.

Начиная с 1903 г., фракция, оставшаяся в меньшинстве на данном партийном с'езде, никогда не считала себя нравственно обязанной подчиняться решениям, принятым его большинством. Она всегда оправдывала себя тем, что, по ее убеждению, большинство право только формально, а не по существу дела. И пока такие доводы будут приниматься у нас всерьез, перед нами каждый день будет красоваться отвратительная перспектива «внутрипартийных переворотов», со всей той огромной и совершеннно бесполезной тратой драгоценных сил, которая предполагается ими. Если не отбросить такие рассуждения, как совершенно негодные и по «форме», и по «существу» дела, то лучше не созывать новой конференции, так как она породит только новые интриги и новые внутрипартийные перевороты.

Итак, «формальный вопрос», связанный с возникновением «ОК» и, прибавлю, с ее *строением,* заслуживает величайшего внимания наших товарищей меньшевиков-партийцев. А при внимании, не трудно убедиться, что она работает не для единства, а для раскола. Те меньшевики-партийцы, которые идут за нею, совершают такую же ошибку, какую сделали бы они, сомкнувшись вокруг другого фракционного центра — «Совещания при ЗБЦК». Нам не следует итти ни за теми, ни за другими. Мы должны отстаивать партию в ее целом, а не какую-нибудь из ее фракций. Мы должны, не покладаючи рук, работать для созыва такой конференции, которая способна была бы положить конец междуфракционной свалке и возродить партию. Только такое поведение не противоречит самым насущным и самым очевидным интересам российского пролетариата.

Написав эти строки, я получил октябрьский номер австрийского социал-демократического журнала «Der Kampf» («Борьба») и там с удовольствием прочел статью Р. Гильфердинга, написанную по поводу раскола, внесенного в совокупную австрийскую партию (Gesammtpartei) чехами, и носящую выразительное заглавие: «Die Gesammtpartei ist tot, es lebe die Gesammtpartei. (Совокупная партия умерла, да здравствует совокупная партия!) Наш русский раскол ставит перед нами, меньшевиками-партийцами, ту же самую задачу, которая определяется этим выразительным заглавием. Правда, — и в этом заключается выгодная особенность нашего положения, — наша совокупная партия *еще не*

умерла. Раскол коснулся пока только ее поверхности; но ввиду этого с тем большей энергией должны мы кричать:

Фракционные дипломаты убивают партию!

Долой фракционных дипломатов!

Да здравствует единая Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия!

ПРИЛОЖЕНИЕ ПЕРВОЕ К № 15 «ДНЕВНИКА СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТА»

Заметка по поводу расписки Ф. И. Дана

Я не считаю себя обязанным печатать на страницах «*моего же издания*» подобные обращения. Редакция «Голоса социал-демократа» имеет полную возможность оспаривать на страницах «*своего же издания*» мысли, высказываемые мною по поводу разных «злободневных вопросов». Правда, бывают случаи, когда нельзя отказать своим противникам в напечатании той или иной *фактической поправки*. Но в письме Ф. И. Дана *фактическая поправка* сопровождается *соображениями более или менее полемического свойства,* а мой «Дневник» существует совсем не для того, чтобы печатать на своих столбцах полемическую или иную прозу Федора Ильича. Однако в данном случае проза эта до такой степени интересна, что я очень охотно исполняю желание редакции «Голоса социал-демократа».

Печатая ее письмо, я, конечно, оставляю за собой право противопоставить полемическим соображениям Ф. И. Дана свои собственные рассуждения. Так как я теперь настроен до последней степени мирно, то мой ответ будет отличаться от письма редакции «Голоса социал-демократа» полным отсутствием в нем полемического элемента. Но я надеюсь, что это не ослабит правильности моих рассуждений.

Ф. И. Дан говорит, что в редакции всех заграничных изданий, — в том числе и «Дневника социал-демократа», — послано было редакцией «Голоса» сообщение, из которого видно, что резолюции совещания деятелей легальных рабочих организаций опубликованы этой редакцией «по прямому поручению группы, уполномоченной на то самим совещанием». Отвечаю: редакцией «Дневника социал-демократа» такое сообщение получено не было. Если бы я получил его, то я, разумеется, направил бы по другому адресу то свое замечание, что слово бывает временами серебром, а молчание золотом. Но самое это замечание все-таки было бы сделано мной, а письмо редакции «Голоса социал-демократа» заставляет меня повторить и подчеркнуть его: вредное значение указанной мной неосторожности нимало не ослабляется тем обстоятельством, что она

совершена не этой редакцией, а «деятелями» легального рабочего движения. Больше того: оно *усиливается* этим обстоятельством, так как именно от «деятелей» следует требовать, чтобы они своей болтливостью не мешали и тому *делу*, в котором они участвуют. Ф. И. Дан, повидимому, думает, что раз резолюции напечатаны по прямому поручению «деятелей», то вопрос исчерпан и ни для каких замечаний больше нет места. Если он в самом деле так думает, то я с ним несогласен. По-моему, кроме «деятелей» легальных рабочих организаций существуют сами эти легальные рабочие организации, кроме «героев» есть еще «толпа». И вот в интересах этой «толпы» можно и должно требовать, чтобы «герои» поменьше болтали. Можно подумать, будто Ф. И. Дан (а с ним и вся редакция «Голоса социал-демократа) полагает, что в интересующем нас случае нельзя было не болтать. Он пишет: «Мы вполне разделяем взгляд т. Плеханова относительно неудобства «обращать внимание полиции на то, что́ происходит в нашем легальном рабочем движении». К сожалению, деятели этого движения часто бывают вынуждены к совершению самых несомненных «неосторожностей» той травлей, которая ведется против них в части нашей партийной печати и, не встречая отпора, подчас представляется обоснованной, — если не «фактами», то отсутствием таковых». Но это, по меньшей мере, странно. Допустим, что «деятели легального рабочего движения» подвергались какой-то травле, хотя на самом деле это совсем не так и никакими «фактами» это не подтверждается [1]). Но даже и (мнимая) травля не оправдывает совершенной «деятелями» неосторожности. Если они совершили ее потому, что хотели избавиться от «травли», то это доказывает, что они ставили свой интерес выше интереса легального рабочего движения. А если, кроме того, они совершили эту неосторожность, имея, главным образом, в виду «простодушных добряков», — как это заставляют думать последние строки письма Ф. И. Дана, — то придется признать, что их поступок заслуживает двойного осуждения. Кто же, кроме весьма простодушных

---

[1]) Ф. И. Дан, должно быть, смешивает (но странно: почему смешивает?) здесь «деятелей легального рабочего движения» с так называемыми ликвидаторами. Но, даже будучи применено к этим последним, слово «травля» должно употребляться совсем не в том смысле, какой придан ему Ф. И. Даном. На самом деле травля велась именно ликвидаторами, а предметом ее являлось «революционное подполье», как это хорошо видно из статей гг. Ежова, Левицкого, Маевского, Стивы Новича, Потресова и т. д. Противники ликвидаторов только защищали партию от этих «деятелей» печального образа.

эгоистов, позволит себе жертвовать интересами легального рабочего движения только для того, чтобы склонить на свою сторону простодушных *добряков?*

Не желая ни малейшего зла «деятелям легальных рабочих организаций», несмотря на совершенную ими неосторожность, я спешу напомнить читателю, что мы слышим здесь не их самих, а их защитников. Защитники же бывают иногда плохи, как об этом свидетельствует та басня Крылова, мораль которой гласит:

«Хотя услуга нам при нужде дорога,
Но за нее не всяк умеет взяться» и пр.

Всего удивительнее для меня в письме Ф. И. Дана ссылка на «прямое поручение группы, уполномоченной» и пр. Поручение поручению рознь. Редакция «Голоса социал-демократа», состоящая, если память мне не изменяет, из бородатых и вообще великовозрастных людей, могла бы, кажется, знать, что исполнять следует только умное поручение. Есть ли такая власть в мире, которая имела бы право «уполномочить» названную группу подвинуть названную редакцию на действие, вредное для целого рабочего *класса?* Я не знаю другой такой власти, кроме разве власти... все той же трижды проклятой партийной склоки, но это — «власть тьмы»!

Опять Ф. И. Дан.

Любезнейший Федор Ильич!

В своей полемике с т. Ольгиным Вы задали мне несколько вопросов на которые я *вынужден* ответить.

Тов. Ольгин в листке «К вопросу об оздоровлении партии» привел выписку из моего письма к нему. По этому поводу Вы говорите, что Вам неизвестно, разрешил ли я ему это. Чтобы вывести Вас из недоумения, я скажу Вам, что разрешения я не давал, а т. Ольгин — не просил его. Спешу прибавить, что это последнее обстоятельство нисколько не огорчает меня. Цитированное т. Ольгиным письмо не имело в себе ничего *личного*. А что касается моих *политических* взглядов, то я не придерживаюсь двойной бухгалтерии, согласно которой в письмах можно высказывать одни политические взгляды, а на собраниях и в печати — другие. Разумеется, если бы т. Ольгин процитировал такое письмо, которое относилось бы к какой-нибудь практической «конспирации», — говорю: *практической,* потому что не признаю никакой «конспирации» по части *теории,* — то он совершил бы непозволительный поступок. Но в данном случае этого совсем не было. Что же конспиративного в словах: «переносить ЦК в Россию в расчете на то, что он там провалится — это настоящая измена! И после этого говорят, что у нас нет ликвидаторов?!» Тут скрывать, кажется, нечего.

Вы находите, что выписка из моего письма приобрела в листке т. Ольгина двусмысленно-инсинуаторский характер. «Это дает мне право, — говорите Вы, — публично просить от Плеханова ответа: разрешал ли он Ольгину такое двусмысленно-инсинуаторское пользование своей перепиской?» Отвечаю столь же «публично», что этот вопрос несколько странен. Похоже на то, будто Вы, любезнейший Ф. И., думаете, что дело могло происходить таким образом. В одно прекрасное утро т. Ольгин написал мне: «Т. Плеханов, разрешите мне двусмысленно-инсинуаторское пользование Вашим письмом!» А я ответил: «разрешаю». — Клянусь всеми богами Олимпа, что такой переписки между

нами не было. Прибавлю, — опять совершенно «публично», — что я не вижу ничего «двусмысленно-инсинуаторского» в том способе, каким т. Ольгин использовал мое письмо к нему. Я понимаю, что Вам это представляется в другом свете. Но ведь Вы *одна из сторон,* а не судья в этом деле. — Вы продолжаете спрашивать:

«Или, если его письмо относится прямо ко мне, почему и он, подобно Ольгину, целый год не выступал и теперь не выступает с открытым забралом, с открытым обвинением? Одобряет ли он безответственный и бесшабашный образ действия господина Ольгина? Одобряет ли он этот способ ведения «политической борьбы», до сих пор в тех рядах, в которых мы шесть лет стояли вместе с Плехановым, неслыханный?»

Отвечаю по порядку. Выписанные т. Ольгиным строки моего письма, в самом деле, относились к Вам, т.-е. собственно к тем словам, которыми, по свидетельству т. Ольгина, Вы пояснили свое желание видеть Центральный Комитет перенесенным в Россию. Полагаю, что мне можно было сметь свое суждение иметь даже и в этом печальном случае. Дальше. Если я целый год не выступал и теперь не выступаю с открытым забралом по поводу этих слов, то это произошло по весьма понятной причине: они были произнесены не в моем присутствии. Я считал, что выступить, — и уж разумеется с открытым забралом, — тут следует именно тому, кто их слышал. Мне было неизвестно, почему т. Ольгин не находит нужным выступить. Но я не считал себя в праве спросить его об этом. Так как не я, а он слышал Ваши слова, то не я, а он и должен был, проверив свое впечатление, решить, следует ли на них громко отозваться и в каком именно смысле. *Всякое постороннее давление на его совесть было бы очень неделикатным и даже прямо преступным.* Вы возразите, может быть, что не молчал же я по поводу известного свидетельства т. Алексея Московского о т. И. Но я напомню Вам, что по поводу этого свидетельства я заговорил только тогда, когда т. Алексей выступил с ним публично и *притом без всякого предварительного вмешательства с моей стороны.*

На вопрос о моем отношении к образу действий т. Ольгина я отвечу Вам, что ничего «бесшабашного» я в нем не вижу; а что касается эпитета «безответственный», то я просто не понимаю, при чем он в данном случае.

Наконец, формулируя последний из своих, приведенных мною выше, вопросов, Вы делаете ошибку, называемую в логике petitio principii. Вы принимаете за доказанное то, что еще требуется доказать. Вы исходите из того положения, что т. Ольгин совершил неслыханно-дурной посту-

пок; но Вы ничем не доказали, что его поступок, в самом деле, дурен. Я же думаю, что в этом поступке нет ничего дурного. Названный товарищ слышал, — чтобы употребить здесь выражение христианского катехизиса, — глаголы неизреченные, их же не след человеку глаголати, и, после довольно продолжительного колебания, вступил в публичные об'яснения с Вами на их счет. Где же тут преступление? Поверьте, любезнейший, что если оно есть, то находится не со стороны т. Ольгина. Вы твердите: чего же он молчал целый год? Тов. Ольгин об'ясняет Вам, почему. Вы говорите, что Вас его об'яснение не удовлетворило. Но ведь я не обязан чувствовать именно так, как Вы; мне оно кажется удовлетворительным. И даже прежде, нежели я прочитал его, мне не представлялось возможным сделать какой-нибудь упрек т. Ольгину за его молчание. Слова, которые он напомнил Вам, до такой степени нехороши, что решительно нельзя было упрекнуть товарища, замедлившего с их повторением; может быть, он старался убедить себя в Вашей невиновности; может быть, он искал обстоятельств, смягчавших Вашу вину. Что же тут дурного?

Само собою разумеется, что если бы я считал т. Ольгина лжецом, то я и отнесся бы к нему сообразно с этим. Но я думаю, что он имеет привычку говорить правду. С какой же стати я буду возмущаться им?

Чтобы всесторонне пояснить мое отношение к свидетельству т. Ольгина, я напомню Вам происшествие, случившееся в моей квартире осенью 1903 г. в присутствии т. Ленина. Вы тогда только что бежали из ссылки и, приехав в Женеву, застали здесь начало раскола между большевиками и меньшевиками, так много навредившего с тех пор нашей партии. Я был тогда не на стороне меньшевиков, потому что считал их поведение на II с'езде,—на котором раскол и получил свое начало,— ошибочным. Но я считал разногласие незначительным и употреблял все усилия для восстановления мира в среде еще так недавно единодушных сторонников «Искры». Когда Вы пришли ко мне по приезде в Женеву, я сейчас же дал Вам понять, что готов очень многое сделать в интересах мира. Вы согласились взять на себя роль посредника и, в качестве такового, явились ко мне на квартиру для переговоров со мной и с Лениным. Во время нашей беседы я, обсуждая требования, пред'явленные меньшевиками, выразил ту мысль, что они противоречат духу некоторых постановлений с'езда. В ответ на это Вы спросили меня, неужели я могу говорить об этих постановлениях без улыбки авгура? Вопрос этот так неприятно поразил меня, что я прекратил переговоры с Вами и даже

оставил без ответа Ваше письмо, посвященное тому же вопросу о мире. Повторяю, при нашем разговоре присутствовал т. Ленин.

Человек, неспособный говорить о высшей инстанции нашей партии иначе, как с улыбкой авгура, может наговорить очень многое в своих рассуждениях о партийных делах. Не правда ли? Я поверил бы свидетельству т. Ольгина даже и в том случае, если бы вообще не знал этого товарища за правдивого человека: «улыбка авгура», в своем роде, большое дело.

Не торопитесь кричать «караул» по поводу моей откровенности: Вы принудили меня к ней. Чтобы несколько уменьшить Вашу горячность, я прибавлю, что, может быть, не следует истолковывать слова, произнесенные Вами (как я верю) в присутствии т. Ольгина в их прямом смысле. Я готов допустить, что Вы не составляли маккиавеллиевского плана погубить ЦК нашей партии. Вы не похожи на шекспировского Яго. Вы *сказали* гораздо больше того, что *хотели и способны были бы сделать*. Вы увлеклись и, простите меня, зарапортовались. Правда, зарапортоваться можно на разные лады. Вы совсем нехорошо зарапортовались; оно и не удивительно: Вы уже давно не верили тому, что можно без улыбки авгура говорить о постановлениях наших с'ездов. Но все-таки я допускаю, что Вы только зарапортовались; действительного намерения загубить ЦК у Вас не было.

Ваша беда, любезнейший, заключается в том, что слишком уже усердно Вы занимаетесь междуфракционной склокой. Поверьте, что лучше было бы, если бы Вы занялись чем-нибудь другим...

После всего вышесказанного я могу не останавливаться на Вашем очень многословно формулированном вопросе о том, покрываю ли я «своим авторитетом» поступок т. Ольгина. Нет, не покрываю. Да и нельзя «покрыть». Да и совсем не нуждается в этом т. Ольгин: вот что главное.

Еще раз прошу: не сердитесь за мою откровенность—я был откровенен поневоле.

С сожалением

Г. Плеханов.

Post-scriptum к статье «Всем сестрам по серьгам»

В названной статье я обращал внимание «большевиков-партийцев» на то печальное обстоятельство, что *организаторская* деятельность т. Ленина, как две капли воды, похожа на *дезорганизаторскую*. Когда я написал это, я предположил, что большевики указанного оттенка упрекнут меня в преувеличении. Теперь я чужд всяких опасений с этой стороны, так как у меня в руках были следующие документы: 1) две резолюции группы большевиков-партийцев—о захвате партийной типографии и экспедиции (sic!) и о центральном органе; 2) резолюция Заграничной Организационной Комиссии по поводу извещения об образовании Российской Организационной Комиссии и, наконец, 3) воззвание Заграничной Технической Комиссии ко всем членам партии.

Из этих документов видно, во-первых, что «организационная» деятельность т. Ленина приближается к своему апогею, а, во-вторых, что большевики-партийцы решительно восстают против нее. По этому поводу можно сказать одно: лучше поздно, чем никогда. Но так как смысл опубликованного Технической Комиссией воззвания ко всем членам партии состоит, между прочим, в том, что все наши товарищи должны защитить названную комиссию,—а с ней и «Заграничную Организационную Комиссию», — от «организационных» попыток Ленина, то, естественно, возникает вопрос, что́ именно понимают пострадавшие от нашего «организатора» большевики под словом *партия:* ту ли *часть,* к которой они примкнули после пресловутого Совещания членов ЦК, или же то *целое,* которое было надломлено этим Совещанием? Читатель согласится, надеюсь, что вопрос этот имеет большую важность...

Группа «большевиков-партийцев», вполне солидарная с названными комиссиями, подвергшимися... «организации» со стороны т. Ленина, говорит в своей резолюции:

«Группа большевиков-партийцев предлагает Технической Комиссии и Организационной Комиссии продолжать начатую ими работу по об'еди-

нению партии и указывает им на необходимость более решительных и энергичных шагов для сплочения всех партийных элементов и для борьбы не только с ликвидаторами, но и с дезорганизаторами партии.

«Единство нелегальной РСДРП во что бы то ни стало!!!»

Эти слова, к сожалению, не отвечают на мой вопрос. Если под борьбой с ликвидаторами группа большевиков понимает ту практику, которая придумана была Совещанием, то можно заранее сказать, что далеко не *все* члены партии будут сочувствовать ей. И пока большевики-партийцы не откажутся от этой практики, до тех пор из их нынешних усилий ровно ничего не выйдет, кроме умножения раскола на раскол. Но мне хочется думать, что «организационная» деятельность т. Ленина образумит *большевиков*-партийцев и что они, наконец, об'явят *своею* платформу, публикуемую в этом же добавлении *меньшевиками*-партийцами.

Только принятие этой платформы выведет партию из того тупого переулка, в который *завели* ее *вожди* междуфракционной склоки.

В своей «организационной» деятельности т. Ленин обнаруживает обыкновенно так много энергии, что мы имеем полное право каждый день ждать теперь каких-нибудь новых сюрпризов. Но каждый новый сюрприз послужит новым доводом в пользу правильности позиции, занятой нами, меньшевиками-партийцами. Это очень приятная для нас особенность положения.

Кроме произведений «организованных» Лениным большевиков-партийцев, теперь обращаются в социал-демократической публике «Извещение» и резолюции вновь образовавшейся Российской Организационной Комиссии. Об этих последних произведениях можно сказать одно: они представляют собою отдельный оттиск из № 25 «Социал-Демократа», целиком находящегося теперь в руках Ленина. Это обстоятельство дает повод думать, что Российская Организационная Комиссия возникла как один из многочисленных плодов «организационной» деятельности названного товарища. Sapienti sat.

ПРИЛОЖЕНИЕ ВТОРОЕ К № 15 «ДНЕВНИКА СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТА»

Вечная память

Центральный Комитет Социал-Демократии Латышского Края прислал мне свою резолюцию «*Об об'единении РСДРП*». В письме, сопровождавшем эту посылку, он разрешил мне опубликовать его резолюцию. Я собирался сделать это, когда узнал, что она *уже* опубликована. Поэтому ограничиваюсь небольшим замечанием по ее поводу.

Латышские товарищи наши отозвали своего представителя из Заграничного Бюро ЦК РСДРП.

Таким образом, Гракхи, гремевшие против восстания[1]), вынуждены были положить палец молчания на красноречивые уста свои; Заграничное Бюро ЦК перестало существовать. Вечная память!

Партийное учреждение, сделавшееся орудием в руках господ, стремившихся ликвидировать партию и потому грозившее нанести большой вред делу российской социал-демократии, могло оказать революционному пролетариату только одну услугу: умереть. И оно умерло. Спасибо и на этом!

Когда рушатся «партийные» учреждения, превратившиеся в органы фракционных интриг, люди, дорожащие интересами партии, могут только радоваться. Но радость — радостью, а дело — делом. Восстановление нашей нелегальной партийной организации остается задачей, которая пока еще не решена, но которую решить нужно во что бы то ни стало. Провозглашая вечную память Заграничному Бюро ЦК, я тем самым советую товарищам вечно помнить о том, как вредны для рабочего класса и как недостойны его фракционные интриги, в которых несравненными мастерами были только что отнесенные на партийный погост «Гракхи» из Заграничного Бюро ЦК.

---

[1]) См. статью «Всем сестрам по серьгам» в № 15 «Дневника».

Об улыбке авгура

(Открытое письмо Ф. И. Дану.)

В чернилах ваших, господа,
И желчи едкой даже нету —
А просто грязная вода.

М. Лермонтов

I

Федор Ильич!

Вы поставили мне несколько вопросов по поводу Вашего дела с тов. Ольгиным. Я гласно ответил Вам. Но надо думать, что мой гласный ответ был слишком плохо написан, так что Вы совсем не поняли его содержания. Это вынуждает меня к новым об'яснениям.

Вы говорите обо мне: «Он настолько добр, что не приписывает мне свойств шекспировского Яго (скромность заставляет меня признаться, что это еще не очень большой комплимент Вам. — *Г. П.*). Более того. Он даже «готов допустить», что я не только не хотел, но и не способен сделать то, что приписывал мне Ольгин».

Вот тут-то и находится глубочайшее недоразумение между нами. Тов. Ольгин «приписывал» Вам некоторые слова относительно мотивов, побуждавших Вас высказываться за перенесение нашего ЦК в Россию И я нимало не «готов допустить», что Вы этих слов не произносили. Совершенно напротив: я вполне верю тому, что Вы их произнесли. А Вы «приписываете» мне прямо противоположное заявление. Вижу, что я в своем первом ответе Вам выразился из рук вон плохо. Не знаю, достаточно ли ясно то, что я говорю теперь; на всякий случай повторяю:

Я ве-рю то-му, что сло-ва, «при-пи-сан-ные» Вам т. Оль-ги-ным, бы-ли про-из-не-се-ны Ва-ми.

Прибавлю к этому, что то благородное негодование, с которым вы говорите о т. Ольгине, производит на меня впечатление крайней *искусственности,* а это впечатление еще более убедило бы меня в прав-

дивости названного товарища, если бы я хоть немного в ней сомневался. Кажется, и это прибавление написано достаточно ясно; надеюсь, что мне не придется пояснять его новым письмом.

Я действительно «готов допустить», что слова, произнесенные Вами в присутствии т. Ольгина, шли дальше Вашей собственной мысли, т.-е., что на самом деле у Вас не было того позорного отношения к нашему ЦК, которое характеризуется этими словами. Иначе сказать, я считаю вероятной ту гипотезу, что Вы, в своем качестве слишком усердного кружкового... деятеля, зарапортовались. Но что же следует из этой моей готовности допустить? Единственно то, что я очень любезен по отношению к Вам, а вовсе не то, будто по моему мнению т. Ольгин утверждал неправду.

Чтобы показать, до чего может довести Вас положение кружкового... деятеля, я в своем ответе напомнил Ваши слова об улыбке авгура. Вы «не помните» этих слов, но, припоминая обстоятельства, при которых они могли быть произнесены Вами, Вы утверждаете, что они должны были иметь совсем не тот смысл, который я им придал. У Вас выходит, что Вы «усмотрели «улыбку авгура» на лицах некоторых «вождей» при их патетических ссылках на «партию», «партийность», «с'езды» и проч.». Это опять не соответствует действительности.

Ваше удивление вызвано было тем, что я серьезно говорил о таких вещах, о которых, по Вашему мнению, невозможно было говорить без улыбки авгура. Как же могло оно означать, что Вы усмотрели такую улыбку на моих устах? Тут у Вас выходит «не кругло», — тем менее «кругло», что ведь я тогда же выразил Вам свое негодование по поводу Вашего цинизма, и Вы не сочли возможным утверждать, что я Вас не понял. Это утверждение я слышу впервые теперь, более восьми лет после нашего разговора. Вы, как видно, держитесь правила: лучше поздно, чем никогда. Но нет правила без исключения.

Свою неудачную самозащиту Вы подпираете воспоминаниями о таких фактах, которые, согласно Вашему плану, должны компрометировать меня, но которые на самом деле компрометируют Вас и Ваших присных. Мне тяжело говорить об этих фактах, так как, говоря о них, я невольно, но неизбежно должен буду коснуться огромной и до сих пор непонятной для меня ошибки моих бывших товарищей по группе «Освобождение Труда». Но не моя вина в том, что я вынужден вспоминать об их грехе перед партией. Один из этих товарищей сам виноват в этом: в качестве одного из соредакторов «Голоса социал-демократа», он *мог* остановить Вас, но не счел нужным сделать это.

II

В то время, о котором идет здесь речь, мне было совсем не до улыбок. Мое тогдашнее настроение лучше всего может быть выражено словами: хоть плачь! Это поймет всякий искренний социал-демократ... да что там социал-демократ, — это поймет всякий порядочный человек, не совершенно равнодушный к политике, прочитав следующий документ, напечатанный в начале 1904 года в брошюре «Комментарий к протоколам второго с'езда Заграничной Лиги Русской Революционной Социал-Демократии».

Письмо тов. Старовера к тов. Плеханову.

3 ноября 1903 г.

«Многоуважаемый Г. В.!

Мы принимаем Ваше предложение выработать условия для устранения возникшего в партии конфликта. Вот наши условия:

1) Переговоры ведутся между нынешней редакцией ЦО и ЦК, с одной стороны, и представителями оппозиции, сложившейся в результате решений с'езда партии — с другой.

2) Восстановляется старая редакция «Искры».

3) В состав ЦК вводится определенное количество членов оппозиции; точнее это количество определяется при переговорах. С момента начала переговоров всякая кооптация в ЦК приостанавливается.

4) В Совете два места предоставляется членам оппозиции.

5) С'езд Лиги и его решения признаются законными. В администрацию Лиги кооптируется член ее меньшинства.

Подпись: *Старовер.*

P. S. Мы ставим эти условия, как *единственно обеспечивающие партии* возможность избежать развития возникших между нами разногласий в хронический конфликт, грозящий самому существованию партии».

Письмо это было в свое время передано мною в партийный Совет, членом которого я состоял. Теперь у меня нет его подлинника, и я не знаю, подчеркнуты ли в нем слова, напечатанные в цитируемой брошюре курсивом. Так как в ней никаких оговорок на этот счет нет, то надо полагать, что текст письма воспроизведен решительно без

всяких изменений. Но если бы даже это предположение и было неправильно; если бы слова, напечатанные курсивом, и не были подчеркнуты в подлиннике, то и тогда очень мало побледнело бы трагическое красноречие этой эпистолии. Старовер говорил в ней не только за себя, но также за Л. Мартова, В. Засулич и П. Б. Аксельрода. Из них Л. Мартов был на 2-м с'езде выбран одним из трех редакторов «Искры», тогда же признанной центральным органом партии, а остальные три лица входили в состав старой редакции того же издания. Л. Мартов об'явил, что не войдет в новую редакцию, пока в нее не будут приняты эти лица. Второй пункт ультиматума, заключающегося в письме Старовера, сводился, стало быть, к требованию принять Старовера, Засулич и П. Аксельрода в редакцию ЦО. И это требование об'являлось в том же письме одним из условий, «*единственно обеспечивающих партии* возможность избежать развития возникших между нами разногласий в хронический конфликт, грозящий самому существованию партии». Кто же возводил его в ранг такого важного, можно сказать рокового, условия? Те же Старовер, Засулич и Аксельрод, поддержанные Мартовым. Это значит, что Старовер, Засулич и Аксельрод говорили: «или пусть нас выберут в редакцию ЦО, или мы будем поддерживать конфликт, грозящий самому существованию партии». Излишне доказывать, что такое поведение, вероятно не заслуживающее похвалы даже и с анархической точки зрения, было достойно всякого порицания с точки зрения социал-демократии. Вот почему я и находился тогда, как сказано выше, в таком настроении, которое выражается словами: хоть плачь! С П. Б. Аксельродом и В. И. Засулич нас тесно связывала долголетняя совместная деятельность; мы были с ними, как три коня, запряженные в один плуг и прокладывавшие одну и ту же борозду. Мне было до последней степени тяжело сознавать, что даже эти заслуженные товарищи, поседевшие под революционным знаменем, способны на такое тяжелое нарушение партийной дисциплины. Лица, с которыми я был близок тогда, — например, Л. И. Аксельрод, — могут, надеюсь, засвидетельствовать, как сильно страдал я от этого сознания. Я говорил себе: «если эти заслуженные ветераны способны так страшно грешить против партийной дисциплины, то чего же надо ожидать от неопытных новобранцев? Какую будущность готовят нашей молодой партии такие анархические склонности?» Повторяю, мне было совсем не до улыбок.

С этими товарищами, ломившимися теперь в редакцию «Искры», я не только работал вместе до нашего II с'езда. Я был совершенно

солидарен с ними, — или, если угодно, они были совершенно солидарны со мной, — на этом с'езде по всем вопросам программы. Мы разошлись лишь во время споров о первом параграфе партийного устава. Я отстаивал с Лениным ту его редакцию, которая гласила, что членом партии является всякий, принадлежащий к ее организации. Мне до сих пор кажется, что иного определения и быть не может... поскольку не нарушаются права логики. Они находили эту редакцию слишком «узкой». Никакой компромисс между нами не был мыслим по этому пункту. Но в компромиссах не было и надобности: благодаря бундистам, вскоре после того ушедшим со с'езда, принята была «широкая» резолюция наших противников. Нам оставалось подчиниться, и мы подчинились. Когда же стали обсуждаться в последние дни с'езда вопросы тактики, мы опять оказались солидарными с теми товарищами, с которыми мы только что расходились по вопросу о первом параграфе устава. Предложенные ими тактические резолюции были приняты нами без прений. Все это убеждало меня в том, что для серьезного конфликта нет никакого основания, и что, стало быть, надо как можно скорее уладить хотя и возникший, но неосновательный конфликт. Так как с'езд предоставил мне и Ленину право пополнения редакции новыми членами (кооптация), то я предложил немедленно же кооптировать двоих из тех четырех товарищей, которые, как выше сказано, ломились в редакцию «Искры». Ленин готов был принять это предложение, но наша «оппозиция» отклонила его: она находила, что 4 больше 2, и что для нее удобнее будет, если она войдет в редакцию в своем полном числе. Исполнить ее желание значило сообщить редакции ЦО такой состав, которого вряд ли ожидало и желало большинство с'езда, уполномочившее нас на кооптацию: в редакции оказалось бы тогда два члена, выбранных большинством, и четыре члена оппозиции. *Буква* решения, вынесенного с'ездом по вопросу о кооптации, давала нам право принять в редакцию любое число новых членов. Но Ленин и слышать не хотел о принятии всех четырех оппозиционных кандидатов, а я некоторое время стоял в нерешительности перед таким шагом, спрашивая себя, не противоречил ли бы он *духу* принятого с'ездом решения. Этот-то вопрос я и выдвинул в переговорах с Вами, почтеннейший. В ответ на него-то Вы и пригласили меня взглянуть на решения с'езда с известной улыбкой. Пусть судят читатели, кто из нас больше похож на авгура!

III

Прекратив переговоры с Вами, я не прекратил, однако, своих попыток уладить возникший на с'езде крайне опасный конфликт. Так как уступок нельзя было ждать ни со стороны т. Ленина, который, что называется, закусил удила, ни со стороны оппозиционной четверки, — каждый из членов которой был настолько хорошим товарищем, что непременно хотел наградить редакторским званием всех остальных, — то у меня возник новый план. Я сказал себе: у нас не было на с'езде разногласий с оппозицией ни по программным, ни по тактическим вопросам. Споры о первом пункте устава показали, что мы неодинаково смотрим на организацию партии. Но разногласия по этому предмету не так важны, чтобы стоило ввиду их поддерживать конфликт, грозящий самому существованию едва сложившейся партийной организации. Если бы в редакцию ЦО и в другие центральные партийные учреждения были приняты нами решительно все кандидаты оппозиции, то начавшийся на с'езде конфликт все-таки не сразу уладился бы по той простой причине, что он успел уже вызвать много взаимных неудовольствий. Поэтому предложим оппозиции целиком составить новое «министерство», т.-е. совершенно заполнить своими представителями все центральные учреждения. Очевидно, что они будут бойкотировать назначенные учреждения до тех пор, пока те останутся в наших руках [1]). Но что мешает нам, передав в их руки все центральные учреждения, поддерживать их всеми зависящими от нас средствами? Такая поддержка убедила бы наших противников в нашей доброй воле и тем значительно ускорила бы улажение конфликта. Но этому плану, — существование которого я могу доказать документально, впрочем, как и все, что я говорю здесь, — не суждено было осуществиться, так как

---

[1]) Незадолго до того мы получили заявление, подписанное теми из бывших сотрудников «Искры», которые принадлежали теперь к оппозиции. Все они категорически отказывались от дальнейшего участия в ЦО. Даже т. Кольцов, напечатавший в «Искре» вряд ли более 50 строк, возвещал urbi et orbi, что он лишает отныне ЦО российской социал-демократии своих lumières. Эта последняя потеря была бы, поистине, невелика, но и она способствовала бы увеличению шума, вызванного конфликтом. Следует помнить, что подписавшиеся требовали напечатания их заявления в «Искре». Я убеждал их повременить с его опубликованием, которое, конечно, принесло бы много радостей врагам «Искры».

его отвергли Ленин и находившийся тогда за границей представитель ЦК [1]). А, между тем, конфликт все более и более обострялся. Состоявшийся в ноябре 1903 г. с'езд Заграничной Лиги Русской Революционной Социал-Демократии довел дело до того, что мы стояли перед открытым расколом. Приходилось из двух зол выбирать меньшее. Я нашел, что меньшим злом будет исполнение требований нашей оппозиции. Ленин и тут не согласился со мной. Результатом нашего разногласия был его выход из редакции «Искры» [2]). Этим выходом он затруднял мое положение в том смысле, что заставлял меня безраздельно нести ответственность за уступки «мартовцам». В таком затруднительном положении моей прямой обязанностью являлось совещание с ЦК, до сведения которого я и довел все, происходившее за границей. Я полагал, что мне надо будет выйти в отставку в том случае, если ЦК тоже выскажется против уступок. В ожидании приезда в Женеву нового делегата ЦК я сделал все зависевшее от меня, чтобы помешать конфлику перейти из скрытого состояния в явное [3]). Тем временем

---

[1]) Последний писал мне: «Теперь ясно... что вся эта крикливая «оппозиция» имеет основной своей причиной именно генеральские эполеты: ведь их условия, которые нужно рассматривать, конечно, как максимальные, не содержат ни единого словечка о «принципиальных» разногласиях: помпадурство, бюрократизм, автоматизм und wie das da noch wieter» и т. д. Подобные отзывы, конечно, не свидетельствовали о большой склонности к примирению.

[2]) Я когда-то печатно сообщил, как мотивировал он свой выход в разговоре со мной. Он, также печатно, отрицал правильность этого сообщения. Не буду возвращаться к этому, хотя еще раз уверяю читателя, что я рассказал чистую правду.

[3]) В письме от 25 октября 1903 г. нетерпеливый Старовер писал мне, между прочим: «Мы еще раз напоминаем Вам, что мы считали бы желательным восстановление старой редакции с предоставлением членам меньшинства ее, в лице Вашем и Ленина, полной свободы в изложении своих взглядов. Мы надеемся, что восстановление того органа, в котором мы столько времени работали вместе, совершится рано или поздно и что Ваши благожелательные попытки достигнуть об'единения завершатся успехом. От имени четырех членов бывшей редакции — Старовер». Последние строки показывают, что оппозиция не сомневалась в искренности моих намерений или сама была не искренна. Прибавляю к этому, что искренность моих намерений признавалась также и ЦК, состоявшим из противников «оппозиции». В одном из своих писем ЦК заявляет о своем «чрезвычайном сочувствии к попыткам Г. В. Плеханова восстановить добрый мир в партии». Но каково могло быть при тогдашних обстоятельствах положение человека, искренно стремившегося к партийному миру, показывают остальные строки приведенного мною отрывка из письма Старовера. Товарищи из оппозиции, хвалившие мои бла-

Л. Мартов, В. И. Засулич, П. Б. Аксельрод и, кажется, Старовер, пригласив меня на свидание в Café Lyrique, настоятельно убеждали меня ни в каком случае не выходить в отставку, а провести кооптацию. Я не давал им решительного ответа до тех пор, пока не выяснил себе намерений ЦК. Вопреки моим ожиданиям, намерения эти оказались слишком неопределенными. Сначала новый делегат ЦК уверял, что стоит целиком на моей точке зрения, но потом он стал обнаруживать такую уступчивость по отношению к непримиримым элементам едва сложившегося «большевизма», что у меня явилось основание опасаться настоящего coup d'état, а стало быть, и полного раскола в партии [1]). Тогда я, наконец, решил поставить твердокаменных перед совершившимся фактом , т.-е. произвести кооптацию всех четырех членов литературной оппозиции. Чтобы поскорее покончить с тяжелой для всех и вредной неопределенностью, я поспешил довести о своем решении до сведения оппозиции, несмотря на то, что все обстоятельства дела выяснились для меня довольно поздно вечером [2]). Я отправился в Café de la Servette, откуда послал членам оппозиции, жившим вблизи от этого кафе, приглашение прийти для переговоров со мной. Пришел, если не ошибаюсь, Старовер, за которым следовали Вы, Федор Ильич, — петушком, как выражается Петр Иванович Бобчинский. Вы пригласили меня пойти к Вам. Я ответил, что не могу сделать это, пока не будет покончен вопрос о кооптации. И только, когда дело с кооптацией

гожелательные усилия, повторяли, что они непременно хотят составить большинство в редакции ЦО, — при неисполнении этого требования они намеревались, как мы уже знаем, поддерживать тот конфликт, который, по их собственным словам, грозил самому существованию партии, — но уверяли при этом, что, раз составив такое большинство, они покажут себя великодушными и дадут нам, добровольно поставившим себя в положение меньшинства, право свободно высказывать наши мысли. Надо сознаться, что дальше этого великодушие итти не может, и точно так же вряд ли может пойти дальше сознание своего долга перед партией. Только подобным гранитным, как выразился бы император Николай I, сознанием своего долга и об'ясняются наши беспрерывные внутренние перевороты и наша беспрерывная склока.

[1]) Выйдя из редакции «Искры», буй-тур Ленин был немедленно принят в ЦК, что, разумеется, отнюдь не ручалось за миролюбие этой коллегии ни в настоящем, ни в будущем...

[2]) Числа не помню, но могу восстановить по документам, которых у меня теперь, к сожалению, нет под рукой, так как они находятся в Женеве. Во всяком случае решение о кооптации принято было мной в последних числах ноября 1903 года.

было окончено, я пошел к Вам из простой вежливости, желая, между прочим, показать, что я готов, наконец, возобновить личные сношения с Вами, прерваные мною под впечатлением Вашего циничного совета насчет улыбки авгура. В Вашем изложении же выходит, будто я *прибежал к Вам*. Вы сообщаете также, вероятно желая дискредитировать меня в глазах читателя, что я резко отзывался о своих недавних союзниках-«большевиках». Вы ограничиваетесь неопределенными указаниями; но я вполне готов признать, что, находясь под впечатлением их непримиримости, грозившей, как я сказал, настоящим coup d'état, я говорил об этом их твердокаменном (мое же выражение) свойстве не менее резко, чем, например, недавно в № 15 «Дневника» (см [выше] статью «Всем сестрам по серьгам»). Должен ли я стыдиться своей резкости? Всякий социал-демократ, не всуе носящий это название, скажет, что нет.

Вы повествуете еще, — очень рассердило Вас мое воспоминание об улыбке авгура! — будто я издевался над тем большинством, которое оказалось за мной и Лениным на II с'езде нашей партии. По этому поводу я скажу, — не Вам, так как Вы и без того должны прекрасно знать это, а читателю, — следующее:

На II с'езде, после ухода бундистов, за мною и Лениным оказалось большинство одного голоса. Это очень немного. И именно потому, что это очень немного, я считал себя нравственно обязанным быть уступчивым по отношению к оппозиции. Я говорил Ленину: «Если мы при данных обстоятельствах ухитримся своей неуступчивостью вызвать раскол в партии, то мы будем заслуживать того, чтобы нас побили бамбуковыми палками по пяткам, как бьют китайских мандаринов, когда возникают бунты во вверенных им провинциях. Положим, за нами было большинство, и только анархически настроенные люди могут отказать в повиновении большинству, хотя бы оно и было лишь большинством одного голоса. Но ведь и мы не должны забывать, что один голос есть только один голос и что присутствовавшие на с'езде делегаты разделились на две почти равные части». Иногда, раздраженный упорным повторением ссылок на волю большинства, я напоминал им анекдот о том французском депутате, завистники которого говорили: «он был выбран большинством одного голоса, да и этот голос принадлежал глухонемому». Об этом напоминании я сообщил потом и Вам. Что же постыдного в подобных напоминаниях? Кажется, ничего. Скажу больше. Если бы русские социал-демократы были побольше расположены к ним, то наши конфликты утратили бы огромнейшую долю своей

остроты и вредоносности. Вы этого не понимаете, но ведь Вы — человек особой породы. Вы — кружковой дипломат. Когда Вы говорите о моей роли в наших партийных конфликтах, у Вас получается, вместо меня, антропос собственной фабрики (как выражается в одном месте Грибоедов), но Ваша фабрика изготовляет «антропосов» по Вашему образу и подобию, а я, смею думать, совсем не похож на Вас.

IV

Вы не понимаете моего поведения. Мне вполне понятно это Ваше непонимание: не понимаете именно потому, что между нами нет никакого сходства. Все дело в том, что я не имею ни склонности, ни способности к кружковой дипломатии, в которой Вы являетесь несравненным мастером и великим авторитетом. Совершенно очевидно, что, с точки зрения кружкового дипломата, роль, которую мне не раз приходится играть в наших внутрипартийных конфликтах, просто-напросто нелепа. Кружок дипломат следует правилу крыловской крысы:

Все это знаю я сама,
Да эта крыса — мне кума.

А я много раз как будто нарочно задавался целью рассерчить всех тех крыс, которые могли бы и хотели бы стать в данное время моими кумами, родственницами или свойственницами. Это неблагоразумно, это нерасчетливо... с точки зрения таких благоразумных и расчетливых кружковых дипломатов, как Вы. Само собой разумеется, что, находясь на моем месте, Вы никогда не произвели бы кооптации. Вы сказали бы себе: «зачем же я буду раздражать тех, которые поддерживали меня до сих пор?» Вы больше всего на свете избегаете таких поступков, которые могли бы «изолировать» Вас. Я отлично понимаю и это: «изолировав» себя от своего кружка, Вы теряете сами по себе всякое значение, как теряет значение нуль, «изолированный» от единицы. Кружковщина — Ваша сила и Ваша стихия. От Вас мало пользы для партии; но Вы совершенно незаменимы в том кружке, который называют теперь на нашем партийном жаргоне «голосовцами» [1]). Как же Вам не считаться с кружковщиной?

[1]) У Байрона, в «Дон-Жуане», лорд Эмондвиль гордился тем, что знал много придворных интриг; Вы вполне можете гордиться тем, что знаете величайшее множество кружковых интриг. Но это единственная область знания, в которой Вы сильны.

А у меня нет ни нужды, ни охоты считаться с нею. Если я что-нибудь сделал для русской социал-демократии, то я сделал это не как член той или иной фракции или факции, а как человек, выработавший себе определенный образ мыслей и очень настойчиво, — притом не без успеха, — старавшийся распространить его в России. Я не раз повторял и теперь скажу, что я был убежденным и последовательным марксистом в такое время, когда многие наши большевики и меньшевики еще не родились на свет. Я не могу и не хочу *принижать* свою точку зрения до уровня «большевизма» или «меньшевизма»; я смотрю на каждый данный конфликт под углом интересов нашего социал-демократического движения *в его целом* и, когда эти интересы требуют от меня известного поступка, я совершаю его, нимало не заботясь о том, что он может быть невыгоден той нашей фракции, с которой я близок в данное время. Вот почему мое поведение всегда казалось непонятным кружковым дипломатам обеих сторон, т.-е. как «большевизма», так и «меньшевизма».

Заметьте, почтеннейший, что, производя кооптацию, я хотя и нападал на непримиримость «большевиков», но в то же время совсем не скрывал от «меньшевиков» своего взгляда на их поведение: я резко и определенно говорил им, что считаю его непростительным нарушением партийной дисциплины.

Мое положение в среде кооптированных редакторов «Искры» было не сладко, но в течение некоторого времени я не мог не поддерживать их потому, что Ленин и все «большевики» со временем совершенно уклонились от тех тактических взглядов, которые высказаны были мною еще в первых изданиях группы «Освобождение Труда», между тем как «меньшевики», в общем, лучше понимали эти взгляды и стремились быть верными им. Правда, и они понимали их дубовато; *на этот счет в нашей литературе есть чрезвычайно интересные свидетельства П. Б. Аксельрода.* Но их дубоватое понимание было все-таки лучше полного непонимания. Поэтому мы и шли с ними вместе, хотя, впрочем, и тут бывали некоторые, так сказать, антракты. На нашем партийном с'езде 1906 г в Стокгольме они показали себя более понятливыми учениками (хотя Аксельрод там же публично заявил, что он не очень верит в их понятливость). Тогда я еще теснее сблизился с ними. Потом задумали издавать «пятитомник», долженствовавший об'яснить исторические условия, ход и последствия нашей революции. Говоря об условиях, подготовивших эту последнюю, позабыли безделицу: развитие революционной мысли. Я запротестовал; мои тогдашние ближайшие товарищи, —

П. Аксельрод, Мартов, Мартынов и Вы, Федор Ильич, которого склока уже возвысила на степень редактора, — нашли, что в указанном забвении нет ничего предосудительного. Правда, они не одобряли умолчания, но и не возмущались им. Они, как выражается наш летописец по одному интересному поводу, умолчаша и воздремаша и уснуша. А я не хотел ни спать, ни дремать, ни молчать. Мы разошлись. Меня провозгласили беспокойным человеком дурного характера, и я опять признак, что мое поведение противоречило всем правилам кружковой дипломатии. Но я горжусь тем, что оно всегда беспокоит кружковых дипломатов.

Вы изволите с сожалением говорить о «бедном родоначальнике русской социал-демократии».

Похоже на то, как будто Вы стали с сожалением смотреть на меня еще с тех пор, как происходило выше рассказанное мною дело кооптации. Но у меня сохранились письма, в которых Вы величаете меня самым авторитетным товарищем в партии. Иное дело — бедный, а иное дело — самый авторитетный. Скажите, какой из этих двух противоположных отзывов надо считать искренним и какой лицемерным?

Я отвечу за Вас, г. кружковой дипломат. Вы готовы были признавать меня самым авторитетным товарищем в партии до тех пор, пока надеялись, что будете в состоянии использовать мой авторитет в интересах своей кружковой дипломатии; и Вы стали с сожалением смотреть на меня с тех пор, как убедились, что мой авторитет противоречит жалким кружковым расчетам Вашего жалкого муравейника. Вы искренни были тогда; Вы искренни теперь. Благо Вашего муравейника, так прочно сросшееся с Вашим собственным благом, для Вас закон, и соображениями о нем целиком определяются Ваши чувства. Вы по-своему цельный человек.

Но в данном случае Вы сделали большой промах даже с точки зрения все той же кружковой дипломатии. Все вы кричите теперь, что если в поведении «ликвидаторов» и есть что-нибудь неправильное по отношению к партии, то виноваты в этом Ленин и его сторонники, своими крайностями вызвавшие бегство из партийной организации многих заслуженных товарищей. Но история кооптации, вспомнить которую Вы заставили меня, ясно показывает, что это плохое оправдание. Из нее видно, что Ваши нынешние ближайшие товарищи уже в самое первое время существования нашей партии готовы были разрушить ее, добиваясь для себя известного положения в ее центральных учреждениях. Вам выгоднее было не нарушать моего молчания об этом

«Большевики» — также периодически — то величали меня самым авторитетным товарищем в партии, то с сожалением смотрели на «бедного родоначальника русской социал-демократии», как на человека, о мнениях которого теперь «уже не спорят». Передо мной лежит письмо Ленина, в котором он называет меня «лучшей силой русских социал-демократов» и приглашает соединиться с «большевиками» для того, чтобы я мог принять «руководящее» участие в работе (т.-е., очевидно, в «большевистской» работе). Письмо это было написано в ноябре того самого 1905 года, в течение которого Ленин разделывал меня в заграничных органах «большевизма», как говорится, на все корки. Немного времени спустя после того, как я отклонил лестное предложение принять руководящее участие в работе товарищей-большевиков, кто-то из них, кажется, т. Степанов, написал приведенный выше отзыв обо мне, как о человеке ,мнение которого не вызывает теперь даже и споров. Это не помешало, конечно, большевикам продолжать оспаривать меня с большой энергией. Последние годы, — после того, как я разошелся с редакцией «Голоса социал-демократа»,—большевики сделались очень любезными со мной. Теперь они, вероятно, начнут поносить меня «при всем честном собраньи басурманской разной бранью».

Тут своего рода ритм: за комплиментом следует поношение. И когда большевики говорят мне комплименты, меньшевики поносят меня, и наоборот. Предоставляю сообразительному читателю догадаться, отчего это происходит, а сам скажу, что меня так же мало трогают комплименты, как и поношения. Впрочем, нет, это не совсем так. Я всегда думал, что как Плюшкин был, по выражению Гоголя, прорехой на человечестве, так кружковые дипломаты были прорехой на нашем социал-демократическом движении. Поэтому их похвалы смущали меня, а к поношениям я оставался совершенно равнодушным.

Я очень хорошо знаю, что Вы, Федор Ильич, не отказались бы многажды печатно повторить Ваш отзыв обо мне как о самом авторитетном товарище в партии, если бы я согласился играть роль d'un roi fainéant (короля-бездельника) в Вашем муравейнике, но похвал Ваших мне не нужно, а указанная роль не по мне. К тому же ее прекрасно исполняет теперь один мой старый товарищ.

Прося принять Вас уверение в тех чувствах, которые я естественно должен питать к Вам как к выдающемуся кружковому дипломату, остаюсь всегда готовый сказать Вам в глаза горькую правду

Г. Плеханов.

Правда в маске

Но что такое ложь?
Лишь правда в маске.

Байрон.

В статье «Всем сестрам по серьгам» я высказал ту мысль, что смешно и странно видеть защитником партийности товарища И., который, по свидетельству т. Алексея Московского, приехав в Москву, советовал «*распустить все*», т.-е. всю партийную организацию. Я прибавил, что свидетельство Алексея Московского подтверждается свидетельством другого товарища, очень хорошо известного редакции «Голоса социал-демократа». Это вызвало следующее заявление Ф. Дана и Л. Мартова:

«По поводу этой ссылки Г. В. Плеханова на новое «свидетельство», мы имеем заявить следующее:

«Упоминаемый в цитированном месте «другой товарищ» по собственной инициативе выразил желание видеться с нами нынешним летом. Так как Г. В. Плеханов еще в июле на реферате в Цюрихе ссылался на «свидетельство» этого «другого товарища», то, при свидании с ним, прежде всяких других разговоров, мы поставили ему в упор вопрос о «случае» тов. И. В ответ на нашу просьбу передать нам в точной и недвусмысленной форме то именно, что говорил в Москве тов. И., а также ответить ясно и определенно, советовал ли тов. И. «распустить все», нам было «другим товарищем» категорически заявлено, что *слов «распустить все» тов. И. не говорил, что он просил лишь москвичей «развязать нам руки»*.

«Развязать нам (т.-е. меньшевикам-цекистам) руки»,— это, по категорическому показанию «другого товарища», *буквальные* слова т. И. Но это, как без труда заметят читатели, есть *буква в букву* повторение той версии о цели поездки т. И. в Москву, которую излагал он сам. Он приехал в Москву затем, чтобы побудить местных меньшевиков

либо активно поддерживать своих уполномоченных в ЦК, либо «развязать им руки», т.-е. освободить их от выполнения обязанности, выполнять которую без такой активной поддержки т. И. считал невозможным. Прав или неправ был т. И. в этом своем мнении, это вопрос особый. Но факт таков, что он просил *московскую организацию* «развязть руки *нам*», т.-е. цекистам, а Алексей Московский и «верящий» ему Г. В. Плеханов превращают эти слова в совет *наш*, т.-е. цекиста И., «распустить все», т.-е. *московскую организацию*. Так пишется история «на вере».

Остается еще добавить, что, по словам «другого товарища», он просил и *получил* от Г. В. Плеханова *обещание* никогда впредь — ни устно, ни печатно — на его свидетельство *не ссылаться*.

«Вере» Г. В. Плеханова мы можем противопоставить лишь оглашение этого разговора нашего с «другим товарищем», что и выполняем настоящим заявлением.

Ф. Дан, Л. Мартов.

«Голос социал-демократа» № 25.

Тут я прежде всего обращу внимание читателя на одно, не лишенное пикантности обстоятельство: мои слова о том, что я верю тов. Алексею, поставлены во вносные знаки. Почему же это? Может быть, Дан и Мартов знают, что я не верю названному товарищу, а принимают доверчивый вид лишь по каким-нибудь дипломатическим соображениям? Если так, то пусть они об'яснят, откуда им известно это. Или, может быть, тут дело не столько во мне, сколько в тов. Алексее. Может быть, товарищ этот, по мнению названных лиц, до того не заслуживает никакого доверия, что нельзя принимать всерьез слова других товарищей, говорящих о своей вере в его показания? Может быть, вносные знаки выражают здесь именно эту психологическую невозможность веры в правдивость т. Алексея Московского? Если так, то пусть Ф. Дан и Л. Мартов прямо скажут это и пусть об'яснят, на чем основывается такое их отношение к т. Алексею. А в ожидании их об'яснений я, с своей стороны, прямо скажу им, что, по-моему, слова т. Алексея заслуживают бесконечно большего доверия, нежели их собственные. Вот одно из тех доказательств, которыми я могу подтвердить основательность этого своего мнения.

Товариц, на разговор с которым они ссылаются в своем заявлении, прислал мне копию следующего письма своего к Л. Мартову:

«Дорогой Юлий Осипович! Крайне изумлен был той редакцией, которую Вы придали моему разговору с Вами по поводу московского инцидента. Возможно, что произошло какое-нибудь недоразумение, так как, напротив, я утверждал, что фраза «развязать руки» относилась не только к ЦК. Вы, вероятно, не забыли и следующей фразы, на которую Вы почему-то не ссылаетесь, но которая была сказана тем же членом ЦК: «Мы не эс-эры и, если партии, как таковой, у нас в действительности нет, то мы открыто должны об этом заявить». Что касается обещания, данного мне Г. В., то если бы я нашел нужным, разумеется, сам бы об этом мог заявить; без моего согласия помещать такую заметку считаю больше чем неудобным. Глубоко жалею, что против моего желания мне приходится еще раз повторить все уже сказанное мною, тем более, что, как Вам известно, я считаю, что весь этот вопрос в настоящее время в России мало кого интересует.

Всего лучшего. С уважением *(? — Г. П.)*
Икс».

Теперь, когда мне придется воспроизводить слова какого-нибудь товарища, который скажет, что он верит Ф. Дану и Л. Мартову, я буду ставить глагол «верить» во вносные знаки. Ибо, очевидно, что *нельзя верить такой вере,* так как эти люди имеют явную склонность надевать на правду маску, которая превращает ее в ее прямую противоположность.

Мартов заявляет в том же № «Голоса социал-демократа», что мы с ним варвары друг для друга там, где речь идет о вопросах чести. От души благодарю его за неожиданный комплимент: в указанном им отношении мы в самом деле варвары друг для друга.

Читатель видит, что у меня нет никакого основания сожалеть об этом.

Что касается обещания, будто бы данного мною товарищу Иксу, то, к сожалению, товарищ этот говорит о нем слишком неопределенно. Из его слов нельзя даже понять, считает ли он, что оно было мною дано. Я же утверждаю, что оно не было и не могло быть дано. Дать его значило бы нравственно обязаться замалчивать истину, наперед зная, что ее замалчивание поставит в тяжелое положение одного из моих товарищей. Подумайте-ка! Т. Алексей Московский упрекнул одного из представителей нашего партийного начальства в том, что он дал такой совет, который по содержанию своему равносилен измене. Представитель отпирается от своих слов, а его кумовья обвиняют

т. Алексея в клевете. Другой товарищ, — на него, кстати сказать, сослался т. Алексей, как на такого, которому все поверят, — сообщил мне, что указанный представитель партийного начальства действительно произнес приписанные ему слова. А я молчу, предоставляя говорить несправедливым обвинителям т. Алексея. Почему молчу? Потому что дал обещание утаить правду. С чем же это сообразно? Подобные обещания могут давать друг другу только те члены черной сотни, которые обвиняют теперь наших товарищей в Государственной Думе в клевете на Гололобова и К°.

По своей нравственной близорукости Дан и Мартов даже не подозревают, как обидно для т. Икса то их утверждение, что он способен был взять с меня указанное обещание. Ну, как же не прав т. Ольгин, поднявший вопрос об «оздоровлении партии»?!

«ДНЕВНИК СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТА» № 16

АПРЕЛЬ 1912 г.

К вопросу о созвании конференции РСДРП

Положение меньшевиков-партийцев делается все более и более затруднительным только потому, что они последовательно защищают интересы партии в ее целом, не считаясь с какими бы то ни было интересами какой бы то ни было фракции. Ими недоволен т. Ленин за то, что они не признают общепартийной конференцией тот небольшой с'езд представителей некоторой части партии, который недавно состоялся под его верховным руководительством. Теперь они рискуют навлечь на себя столь же сильное неудовольствие «другой», — и притом гораздо более значительной, — части партии тем, что не могут усвоить себе логики одного из решений, принятых на совещании ее делегатов. Есть от чего в отчаяние прийти, как говорит Чацкий. Но отчаяние — отчаянием, а дело — делом, в деле же главное — здравый смысл, во имя которого мы и апеллируем здесь к читателю.

Чтобы читатель мог судить о правильности или неправильности нашего поведения, мы представляем ему кое-какие документы. 7 марта редакция «Дневника социал-демократа» получила следующее письмо от т. Игрека.

5 — III — 1912 г.

Глубокоуважаемый Георгий Валентинович!

Вам уже наверно сообщили Ваши парижские товарищи о моих переговорах с ними относительно присоединения «меньшевиков-партийцев» к образовавшемуся недавно в России Организационному Комитету. Я обращаюсь теперь по их указанию к Вам с просьбой дать окончательный ответ на предложение ОК, уполномочившего меня (я выбран в ОК на недавно состоявшемся в России Совещании) вступить в непосредственные переговоры с заграничными представителями всех наших партийных течений. Если Ваша группа, по крайней мере в общем и целом, солидарна с позицией, занятой, по вопросу о способе созыва и характере предстоящей конференции, Совещанием

Социал-демократии Латышского Края, Бунда и Кавказского Областного Комитета, — Ваше присоединение к ОК имело бы для нас огромное моральное значение. Уже из опубликованных резолюций Совещания для Вас, надеюсь, вполне ясен истинно партийный, явно внефракционный характер того ОК, к участию в котором мы убедительно приглашаем тт. «меньшевиков-партийцев» (на равных правах со всеми остальными партийными течениями и группами). До сих пор присоединились к ОК группы «Вперед», «Правда», «Голос социал-демократа» и почти наверно «большевики-примиренцы» (окончательного ответа жду завтра). Дело не терпит никакого отлагательства особенно ввиду той новой смуты, которую вносит в наши партийные дела образование ленинского «центрального комитета». Поэтому будьте любезны немедленно ответить на настоящее мое письмо.

С товарищеским приветом уполномоченный ОК *Игрек*.

По поводу этого письма редакция «Дневника социал-демократа» выразила т. Игреку некоторые сомнения. Он пытался рассеять их в новом письме. Вот оно.

9 — III — 1912 г.

Редакции «Дневника социал-демократа».

Уважаемые товарищи!

Я только что получил ваше письмо от 8/III и спешу вам ответить. Вы просите у меня раз'яснений по двум пунктам: а) о причинах ухода делегата Польской Социал-демократии, б) об отношении Совещания и ОК к так называемым «инициативным социал-демократическим группам». По мере сил я оба эти обстоятельства выяснил в докладе вашим парижским товарищам; поскольку это возможно сделать в кратком письме, я постараюсь вам ответить на оба пункта.

а) Для всех нас, участников Совещания, не подлежит сомнению, что *делегат Польской Социал-демократии ушел с Совещания,* когда, при более близком ознакомлении с составом его, он *убедился в невозможности организовать там блок одних течений против других,* очевидно, главное правление Польской Социал-демократии имело совершенно ложное представление о действительных взглядах и намерениях Центрального Комитета Социал-демократии Латышского Края и надеялось на поддержку тт. латышами их планов. Только этим

можно об'яснить тот факт, что делегат голосовал *за* принципиальную резолюцию о характере и составе конференции; к этому моменту, как он сам потом заявил, он еще не успел ознакомиться с действительными, решительными намерениями Совещания. И только потом, в явном противоречии с своим прежним голосованием, он настаивал на удалении из резолюции об ОК той же формулировки, которая имеется в принятой им резолюции о конференции. Делегат тут же на Совещании выразил свое горькое разочарование по поводу поведения тт. латышей, поведения, обманувшего все надежды на возможность новой кружковой комбинации. Это его заявление встретило со стороны латышских товарищей резкую отповедь. Таким образом *основная причина ухода делегата Польской Социал-демократии* заключается *в резком разногласии* между ним и всеми остальными участниками Совещания по вопросу *о характере и задачах созываемой конференции;* тут решительно столкнулись две позиции: стремление заключить *блок одних течений против других* с стремлением путем соглашения достигнуть максимального *об'единения в с е х течений, групп, организаций, принадлежащих к РСДРП.* Всякие уступки в этом принципиальном вопросе Совещание считало абсолютно недопустимыми.

б) Ответ на ваш второй вопрос уже вам в значительной мере ясен из предшествующего. Никакого специального вопроса об отношении к так называемым «инициативным группам» в порядке дня Совещания не было. Но попутно этим вопросом Совещанию заниматься приходилось, и некоторый свет на позицию Совещания в этом вопросе бросает резолюция о «нормах представительства на конференции». В этой резолюции, во-первых, указано, что к участию в конференции должны быть привлечены и такие социал-демократические группы, которые сосредоточили свою социал-демократическую деятельность в области открытого рабочего движения, *поскольку они признают себя принадлежащими к РСДРП,* и, во-вторых, что касается способа участия этих групп в конференции, то Совещание «находит наиболее желательным участие этих групп в специально созываемых для выборов *общегородских* конференциях данного города, *представляющих все области местной* социал-демократической работы».

Совещание исходило из того, что при теперешнем положении дел в нашей партии единственным критерием для определения прав той или иной группы на участие в общепартийной конференции является ее собственное заявление о принадлежности ее к РСДРП и, следовательно, обязанности подчиняться всем законным постановлениям законных

общепартийных учреждений. Оставляя уже в стороне вопрос о целесообразности устранения тех или иных групп, даже чисто формально нет в настоящее время в партии той авторитетной инстанции, которая имела бы какое-либо право об'являть вне партии те или иные группы или течения. И Совещание в этом вопросе должно было стать и действительно стало на единственно допустимую, чисто формальную точку зрения о равно и полноправии всех течений и групп в нашей партии. Если бы Совещание даже пожелало (а оно было очень далеко от этого) устранить от участия в конференции те или иные группы, оно практически оказалось бы в совершенно безвыходном положении. Где найти об'ективный критерий? Так, вы, товарищи, считаете антипартийными «инициативные группы», но с такой оценкой вашей не согласятся ни Бунд, ни «Правда», ни «Голос», а с практическими выводами, которые вы делаете из этой оценки, не согласятся ни латыши, ни «впередовцы». Далее, как быть с новоявленной ленинской партией, которая, будучи более последовательной, уже всех нас вместе с вами исключила из своей партии? Ясно, что нет ни малейшей возможности установить в этой области сколько-нибудь об'ективный критерий.

Я надеюсь, вам ясно, что позиция, занятая по этому вопросу Совещанием, является формально единственно допустимой и вместе с тем наиболее целесообразной. Что теперешнюю взаимную отчужденность и часто враждебность так называемых «старых» партийных организаций и «инициативных групп» Совещание считало вредным и ненормальным, видно по вышеприведенной резолюции. На созываемую конференцию Совещание и смотрело как на один из лучших способов борьбы с этим злом. ОК с своей стороны будет всячески стремиться к тому, чтобы уже и в процессе подготовки этой конференции сближать между собой эти группы и ослаблять вред их параллельного и независимого сосуществования. И именно в этих-то видах Совещание считало необходимым привлечь в ОК *одного* представителя *от всех* «инициативных групп»; уже одна наличность в ОК такого представителя будет ко многому эти группы морально обязывать. Если такого представителя эти группы (все вместе) пошлют, то «Голос социал-демократа» воздержится от посылки в ОК своего собственного представителя. Уже из этого вы можете видеть, насколько далеки те или иные группы ОК от того, чтобы кого бы то ни было майоризировать.

В заключение считаю нужным подчеркнуть, что право всякой группы, примыкающей к ОК, развивать свои собственные взгляды по всем вопросам партийной жизни есть нечто само собой разумею-

щееся. Так, группа «Вперед», примкнувшая к ОК, в вынесенной по этому поводу резолюции уже подчеркнула свой особый взгляд на порядок дня и задачи предстоящей конференции.

Жду, уважаемые товарищи, вашего немедленного и окончательного ответа. Поддержите ОК в его работе по восстановлению партийного единства!

С товарищеским приветом уполномоченный ОК *Игрек*.

К величайшему нашему сожалению, это письмо не только не рассеяло наших сомнений, но еще более увеличило их. Мы писали ему:

Сан-Ремо, 12 — III — 1912 г.

Уважаемый товарищ!

Мы очень рады, что Вы согласны с нами относительно права всякой группы, входящей в ОК, без всякого ограничения развивать свои взгляды. Но Ваш ответ заставляет нас опасаться, что, воспользовавшись этим правом, мы вынуждены будем заявить в ОК и на самой конференции приблизительно следующее.

За той формальной точкой зрения, на которую Вы становитесь в вопросе об инициативных группах, кроется определенное содержание Содержание это ликвидаторское, ибо созываемая Вами конференция по существу является учредительной. А всякое учредительное собрание предполагает уничтожение, ликвидацию старых учреждений. Против подобной постановки вопроса мы можем только протестовать.

На свою формально-ликвидаторскую точку зрения Вы, по словам Вашего письма, становитесь потому, что нет критерия для различения, как Вы их называете, «старых», партийных, групп от «инициативных», непартийных. Но Вы же указываете далее на существующий между теми и другими антагонизм, а, стало быть, и на возможность их различения. И, действительно, такая возможность существует, и только «старые» партийные организации в праве разбираться в том, какую из новых групп они допустят и какую не допустят на свою конференцию, конференцию этой самой «старой» РСДРП.

Ваш же принцип — типично анархический. Позволяя каждой группе самостоятельно решать вопрос не только о своем отношении к социал-демократической партии, но и о своей принадлежности к ней, этот принцип открывает доступ в партию как самым от'явленным ее врагам и ликвидаторам, так и любому кружку провокаторов. Это до

такой степени невероятно, что невольно возникает вопрос: как же это возможно? А на этот вопрос мыслим только один ответ: товарищи, принявшие это невероятное решение, не боятся появления провокаторских групп именно потому, что достаточно осведомлены о природе различных партийных и непартийных групп, существующих в настоящее время. И эта осведомленность, повторяем, сводит на-нет все Ваши соображения о том, что осведомленным быть нельзя.

С товарищеским приветом за редакцию «Дневника социал-демократа» *П. Дневницкий.*

Вот это-то наше письмо и грозит поставить нас в затруднительное положение. Оно уже навлекло на нас неудовольствие т. Игрека. Он отвечал нам очень неблагосклонно.

15 — III — 1912 г.

Уважаемые товарищи!

Я получил ваше письмо от 12/III. Мне остается выразить только самое глубокое сожаление по поводу того, что вся серьезность переживаемого нашей партией кризиса все-таки не заставила вас отнестись к предложению ОК без тех специфических приемов заподазриваний и необоснованных обвинений, которые уже получили права гражданства в нашей «литературе» заграничного производства. Мне остается только констатировать: 1) никакой «учредительной» конференции ОК не созывает; это ясно для всякого, который счел себя обязанным хотя бы поверхностно ознакомиться с резолюциями Совещания; 2) никакой «ликвидацией старых учреждений» (?!) ОК не думает заниматься: его задача сводится к созданию, путем созыва конференции, таких условий, которые обеспечили бы возможность существования какого-нибудь центрального учреждения, «старого» или «нового», как вам ни будет угодно его назвать. А бросить по адресу старейших и крупнейших партийных организаций (Социал-демократии Латышского Края, Бунда, Кавказского Областного Комитета) обвинение в «ликвидаторстве» — это значит не только подтвердить отсутствие какого бы то ни было об'ективного критерия для отделения «волков» от «агнцев», но и обнаружить то же стремление исключить из «старой» партийной организации все остальные организации и течения, кроме своего собственного — стремление, которым уже достаточно прославилась ленинская конференция...

3) на упреки в «анархизме» и в легкомысленном отношении к возможности проникновения на конференцию провокаторских групп — отвечать не приходится.

Самым же печальным итогом нашей переписки является то обстоятельство, что вы уклонились от *категорического ответа* на самый существенный *вопрос: войдет ли намечаемый вами представитель вашего течения в Организационный Комитет по созыву конференции?*

Этого ответа и ждет от вас Организационный Комитет.

С товарищеским приветом уполномоченный ОК *Игрек.*

С своей стороны мы отправили ему следующее кроткое послание:

19 — III — 1912.

Уважаемый товарищ!

Прежде чем дать Вам окончательный ответ, мы хотели, чтоб ОК выяснил возникшие у нас на его счет сомнения. Обращаясь к Вам с письмом, мы льстили себя надеждой, что Ваши об'яснения удовлетворят нас. Ваш ответ, как это ни печально, показал нам только одно: что Вы очень раздражены. И это еще более увеличило наши сомнения. Поэтому теперь мы не решаемся сказать окончательно, войдет ли наш представитель в ОК, или нет, до тех пор, пока не снесемся с своими товарищами, главным образом работающими на местах в России.

С товарищеским приветом за редакцию «Дневника социал-демократа» *П. Дневницкий.*

Неизвестно, успокоит ли это послание несправедливо раздраженного против нас т. Игрека. Боимся, что нет. И, перечитывая теперь это послание, мы сами видим, что оно страдает, по крайней мере, одним недостатком: излишней краткостью. Этот очевидный недостаток необходимо как можно скорее исправить. Но так как мы переписываемся с т. Игреком не по какому-нибудь личному делу, то мы хотим подробно об'ясниться с ним при открытых дверях.

Прежде всего мы обратим внимание читателя на то обстоятельство, что т. Игрек увидел заподазривания там, где их совсем не было. Мы ни в чем не подозревали ни самого т. Игрека, ни того учреждения (ОК), от имени которого он говорит; мы только утверждали, что одна из резолюций, принятых Совещанием, не выдерживает критики. Един-

ственное подозрение, которое могло бы в этом случае иметь место, сводится к тому, что члены Совещания невнимательно отнеслись к требованию логики. Но мы совсем не *подозреваем* их в этом. Подозрение есть состояние неуверенности, допущение двух противоположных возможностей. А у нас никакой неуверенности нет, и двух возможностей мы отнюдь не допускаем. Мы прямо говорим: *решение, принятое Совещанием, нелогично:* Совещание хотело держаться партийной точки зрения, — что для нас несомненно, — а приняло ликвидаторскую резолюцию, — что для нас (да и для одних ли нас?) очевидно.

Если, говоря это, мы совершаем грех, то это грех значительно больший, нежели простое заподазривание в невнимании к логике. Но грех ли это? Мы не думаем!

Сам т. Игрек писал нам (см. письмо № 2): «Считаю нужным подчеркнуть, что право всякой группы, примыкающей к ОК, развивать свои собственные взгляды по всем вопросам партийной жизни есть нечто само собой разумеющееся». А теперь он, должно быть, не находит, что само собой разумеется наше право разбирать решения Совещания с точки зрения логики. Видно, недаром скептики говорят, что одно дело — теория, а другое дело — практика!

Или, может быть, его следовало понимать в том смысле, что подобное право подразумевается лишь для тех, которые *уже* примкнули к ОК; тем же, которые пока еще не примкнули к нему, остается молчать и не рассуждать. И это было бы просто-напросто смешно.

Обвинение, выдвинутое нами против «Совещания», конечно, могло быть неосновательным. Мы, конечно, могли бы ошибиться, об'явив нелогичным принятое им решение. Кто же не ошибается? Но в таком случае т. Игрек должен был обнаружить нашу ошибку, показав, что грех против логики сделан не Совещанием, а нами. Вместо этого он принялся распекать нас. Его новое письмо вышло горячо, но неубедительно.

Он говорит, что «никакой учредительной конференции ОК не созывает». Как же он доказывает это? «Это ясно, — пишет он, — для всякого, который счел себя обязанным хотя бы поверхностно ознакомиться с резолюциями Совещания». Вот и все! Но этого слишком мало. Тут признается доказанным то, что еще надо доказать. В логике эта ошибка носит название petitio principii.

А дальше — еще хуже. Товарищ Игрек продолжает: «2) Никакой «ликвидацией старых партийных учреждений» (?!) (оба эти знака поставлены нашим корреспондентом. — *Ред.)* ОК не думает заниматься; его

задача сводится к созданию, путем созыва конференции, таких условий, которые обеспечили бы возможность существования какого-нибудь центрального учреждения, «старого» или «нового», как вам ни будет угодно его назвать». По поводу этого, несколько неожиданного *«во-вторых»*, мы заметим, что, *«во-первых»*, речь идет вовсе не о том, как нам, — или какой-нибудь другой группе, — угодно будет назвать новое центральное учреждение партии, а о том, насколько законно будет оно с точки зрения партийного устава. Мы утверждали, что оно вместе со всеми другими учреждениями, которые могла бы создать конференция, будет незаконно, *если* в его создании примут участие не только члены партии, но и «деятели», до сих пор по тем или иным обстоятельствам стоявшие за ее пределами. Почему незаконно? Это яснее ясного: по той простой причине, что в создании или переделке того или другого партийного учреждения имеют право принять участие *только представители партии*. Конечно, представители партии, — собравшись на с'езд или на конференцию, — могут приглашать к участию в своей работе и тех или других деятелей, до тех пор к партии почему-либо не принадлежавших. Бессмысленно было бы пытаться отнять у них такое *право*. Но пока они не пригласили того или другого деятеля на свою конференцию (или на свой с'езд), до тех пор он остается для партии человеком посторонним, и не нужно быть очень смешливым, чтобы громко расхохотаться, если он об'явит, что его *обязаны* допустить на конференцию (или на с'езд) на равных правах с ее членами.

Существует наша старая партия или нет? Г-н Потресов во всеуслышание заявил, что не существует. Если он прав, то нам не остается ничего другого, как признать ее «ликвидированной», — по вине или не по вине известных групп, это все равно, — и приняться за учреждение *новой*. Для этого нам нужно будет созвать конференцию (или с'езд), которая (или который) по необходимости будет иметь учредительный характер. На *такую* конференцию (или *такой* с'езд) могут с одинаковым правом явиться как члены старой, «ликвидированной», партии, так и деятели, к ней не принадлежавшие (инициативные группы или что-нибудь подобное): старое партийное право умерло вместе с старой партией; на него уже невозможно ссылаться; конференции (или с'езду) еще только предстоит выработать нормы нового права, новой партии. Это верно. Но это верно *только* в том случае, если верно заявление г. Потресова, что старая партия перестала существовать.

А если это заявление неверно?

Тогда конференция (или с'езд) не имеет учредительного характера, и тогда на нее (или на него) можно приглашать только членов старой партии. Неужели же это не ясно, как день? Неужели мы дожили до того, что нужно разжевывать таким, можно сказать, не совсем уже юным товарищам, как раздражительный т. Игрек, подобные азбучные истины? И неужели, наконец, этот товарищ имеет основание сердиться, услышав от нас, что дважды два — четыре, а дважды три — шесть?

Как же отнеслось «Совещание» к вышеупомянутому заявлению г. Потресова? Оно могло найти его или правильным, или неправильным. В первом случае оно должно было стремиться созвать *учредительную* конференцию; во втором — оно должно было признать, что о такой конференции *не может быть и речи*. И само собою понятно, что в первом случае оно должно было выработать одни нормы представительства на конференции, а во втором — другие. Какие же оно выработало? Товарищ Игрек отвечает:

«Совещание исходило из того, что при *теперешнем* положении дел в нашей партии единственным критерием для определения прав той или иной группы на участие в общепартийной конференции является ее собственное заявление о принадлежности ее к РСДРП».

Из этого как будто следует, что хотя, по мнению Совещания, организация нашей партии до последней степени расстроена, но все-таки одни только ее члены могут участвовать в партийной конференции. Другими словами: конференция не должна иметь учредительного характера. Это как будто придает решению анти-ликвидаторский оттенок.

Но дальше т. Игрек поясняет, что Совещание «считало вредным (он хочет сказать: вредной) и ненормальным (ой) теперешнюю взаимную отчужденность и часто враждебность так называемых «старых» партийных организаций и «инициативных групп», и прибавляет, что поэтому «на созываемую конференцию Совещание и смотрит как на один из лучших способов борьбы с этим злом». Но если это так, то даже и «*при теперешнем положении дел в нашей партии*» есть возможность отличить «старые» партийные организации от «инициативных» групп, к их числу не принадлежащих. Значит, нет нужды считать собственное заявление данной группы единственным возможным критерием для определения прав ее на участие в общепартийной конференции. Иными словами, одна часть пояснения, даваемого Игреком, разрушает другую. Но это еще не все. Совещание было совершенно право, находя вредной «взаимную отчужденность» «инициативных»

групп и «старых» партийных организаций и считая, что ей должен быть положен конец. Но какое же средство придумало оно для достижения хорошей *цели,* т.-е. для устранения отчужденности? Оно признало, что хотя «инициативные» группы не принадлежат к числу «старых» партийных организаций, но все-таки они должны считаться партийными (вероятно, в качестве новых?) группами. На каком же основании? По-видимому только на том, что отчужденность есть зло. Но этого недостаточно. Из того, что она есть зло, еще не следует, что «инициативные» группы представляют собой какие-то новые группы в партии. Стало быть, и для ее устранения нужно найти какое-нибудь другое средство, а не то pronuntiamento, которое сообщило инициативным группам до сих пор не принадлежавшее им звание новых партийных групп. И если лучшим способом устранения отчужденности является конференция, которой предшествует такое pronuntiamento, то не подлежит никакому сомнению, что конференция эта имеет учредительный характер. Нужно быть большим простяком или... большим дипломатом (иногда это одно и то же), чтобы не видеть этого. За что же сердится на нас т. Игрек?

Но и это еще не все. Совещание начинает признанием того, что в партийной конференции имеют право участвовать только партийные группы, а кончает тем, что признает партийной всякую группу, пожелавшую об'явить себя таковой. Немцы говорят: «Ende gut, alles gut» (хорошо все, что хорошо кончается). Здесь же приходится сказать: «Ende schlecht, alles schlecht» (плохо все, что плохо кончается). Анти-ликвидаторский оттенок, который Совещание придало первоначально своему решению, совершенно стирается тем ликвидаторским постановлением, что достаточно первой встречной группе признать себя принадлежащей к РСДРП и взять на себя известные обязательства, чтобы получить право участия в конференции. Такое постановление могли принять только люди, убежденные в том, что наша старая партия уже не существует, как это провозгласил г. Потресов. Пусть эти люди отличаются самыми выдающимися достоинствами, пусть они близки к совершенству, но все-таки несомненно, что эти достойные и близкие к совершенству люди смотрят на нашу старую партию как на уже ликвидированную, т.-е. что конференция созывается ликвидаторами.

Наконец, имеет свои права и «конспирация». Если первая встречная группа может участвовать в конференции, то не прорубает ли это постановление новой и самой широкой двери для провокаторов? Когда

мы скромно поставили т. Игреку этот вопрос (см. письмо № 3), его раздражение достигло, повидимому, своей высочайшей точки. Отчего? Надо думать, он уверен, что наши опасения насчет двери неосновательны. А отчего уверен? Да, должно быть, оттого, что ему, как и всему Совещанию, известны все те группы, которые могут претендовать на звание «старых» партийных организаций или на звание «инициативных групп». Раз это так, то постановление, в самом деле, двери провокаторам не отворяет. Но может ли это быть так? Нет, не может, если правду говорит т. Игрек, по словам которого, «при теперешнем положении дел в нашей партии единственным критерием для определения прав той или иной группы на участие в общепартийной конференции является собственное заявление о принадлежности ее к РСДРП». Что же это за путаница? И как же могло не бояться провокаторов Совещание, которое, как уверяет тот же товарищ, «*исходило*» из этой, будто бы бесспорной, истины?

Товарищ Игрек упрекает нас в оскорблении старейших партийных организаций. Тут он немножко напоминает нам ту чиновницу у Г. И Успенского, которая, споря с дворником, принимает наречие: *подле* за прилагательное: *подлая* и кричит, что дворник «не смеет», что он «ответит», так как у нее сын — офицер, служит в Польше и проч. Но эту лирику можно оставить без внимания. Мы никого не хотим оскорблять; но мы хотели бы, чтобы конференция, созываемая теперь в противовес недавно состоявшейся конференции Ленина, была созвана, в противность ей, на законном основании. А этого не будет, *если* войдет в силу ликвидаторское постановление, принятое Совещанием. Мы понимаем, что та удивительная логическая путаница, которой несет от этого постановления, могла быть вызвана соображениями «целесообразности». Товарищи, его принявшие, могли опасаться того, что, например, «голосовцы» не пойдут на конференцию, лишенную учредительного характера, а это ослабит возрожденную партийную организацию в ее борьбе с ленинской схизмой. Но целесообразность целесообразности рознь. Да и может ли итти речь о целесообразности, когда мы имеем дело с таким средством, которое не приближает нас к цели, а удаляет от нее? И как удаляет! На бесконечное расстояние. Вы, уважаемые товарищи, громко и согласно вопиете против Ленина; вы провозглашаете его автором coup d'état, нарушителем партийной конституции; а сами не находите ничего лучшего, как молчаливо положить в основу своего постановления о созыве конференции признание нашей партии «ликвидированной». Можно ли представить себе более

вопиющее нарушение партийной конституции? Можно ли совершить более тяжкий грех против партийной дисциплины?

Еще раз: Где же здравый смысл? И что скажет Ленин? Не оправдываете ли вы его своим неразумным постановлением? Вполне оправдываете: если *ваша* конференция будет носит *ликвидаторский* характер, то это обстоятельство сообщит *его* конференции недостающий ей теперь характер *законности*. Он скажет: «Я старался собрать на конференцию все элементы, оставшиеся верными знамени *нашей старой партии*. И если со мной разошлись партийцы (большевики и меньшевики), то единственно потому, что не предвидели той капитуляции перед ликвидаторами, которая имела место на Совещании». Что возразите ему *вы*, в самом деле совершив такую капитуляцию?

Товарищи! Одумайтесь, пока еще не поздно!

СТАТЬИ ИЗ ГАЗЕТЫ «ЗА ПАРТИЮ»

Предисловие к отчету е—ского делегата на конференции представителей некоторой части русских организаций РСДРП

Последнее время на партийных собраниях и в листках, исходящих с самых различных сторон, все чаще повторяются жалобы и сожаления по поводу бедных, обманутых партийных меньшевиков, будто бы поддержавших Ленина и своим поведением давших последнему возможность прикрывать раскольнические поступки комедией об'единения большевиков и меньшевиков на недавно состоявшейся конференции одной части русских организаций, присвоившей себе, впрочем, наименование «всероссийской». Печатаемый отчет е-ского делегата покажет читателю, насколько неосновательны все эти упреки и сетования, имеющие целью дискредитировать нас в глазах широких социал-демократических кругов.

Еще более странно слышать ссылки на нашу поддержку со стороны авторов недавно выпущенного большевистского отчета. Им-то уж, без сомнения, должно быть известно, как относимся мы к их конференции и как вел себя на ней товарищ, принадлежащий к нашему течению. Правда, скромно умалчивая об этом в отчете, они пытаются на собраниях и в письмах противопоставить нам тех партийных меньшевиков, работающих на местах, которые будто бы с нами не солидарны, а идут за Лениным.

Назовите петуха карасем — от этого он не станет рыбой; выдайте большевика за партийного меньшевика — он не перестанет быть большевиком. По этому поводу нам писал на днях один товарищ: «Каюсь, грешный, прислушиваясь к словам N, я все время думал,—не со специальной ли миссией втиснули его ленинцы в нашу группу, чтобы создать впечатление, что во всех группах, и даже у плехановцев, есть свои ленинцы. Так мало меньшевистского и партийного было в словах этого товарища». В том же роде характеризовал т. Вассиан делегата из К.

Для всякого мало-мальски беспристрастного человека должно быть совершенно ясно, что хотя то или другое отдельное лицо, либо группа лиц, могут оказаться непоследовательными в своих мнениях и поступках, более или менее сочувствуя или приближаясь к нам, но вообще не существует никакого другого партийного меньшевизма, кроме того, теоретическими выразителями которого являлись товарищи, сгруппировавшиеся вокруг «Дневника социал-демократа». Нет такого течения в партии, не исключая ленинцев, которое, желая официально иметь дело с меньшевиками-партийцами, не обращалось бы к нам. И на состоявшемся уже после конференции прощальном собрании, как и неоднократно в печати, сами же большевики называли Г. В. Плеханова основателем партийного меньшевизма.

Позиция этого течения достаточно ясно определилась за два года в статьях и выступлениях его сторонников, чтобы теперь ее можно было формулировать очень сжато.

Наши тактические взгляды — те самые, которые были положены в основу деятельности российской социал-демократии еще группой «Освобождение Труда», которые применительно к современным русским условиям (выборная система, открытые формы рабочего движения и т. д.) не переставал защищать Г. В. Плеханов с 1905 г., к которым склонялись,—правда, не всегда отчетливо представляя себе их содержание,—так называемые меньшевики. Поэтому и мы считаемся меньшевиками. Но в противоположность очень многим из них, мы стояли и стоим на точке зрения старой партии. Мы не можем не видеть, что наши партийные организации, частью разбитые, ослабленные, частью оторванные друг от друга, несмотря на самые дикие преследования и на тысячи враждебных обстоятельств все же не прекращали своего существования и своей деятельности за все эти семь тяжелых лет.

Что партия существует, это вынуждены признать теперь даже те люди, которые готовы были вместе с Потресовым отрицать ее существование и тем поддерживали ликвидаторов и оппортюнистов всех рангов и оттенков. И они признали это, утверждая, что на ленинской конференции, которая собрала кое-что и как-никак об'единила одну часть партии, к сожалению, поставив ее против целого, были делегаты не более как от одной четверти местных организаций.

Признавая факт наличности наших партийных ячеек; признавая, что везде, где усилия администрации и бегство прежних работников, главным образом выходцев из интеллигенции, не могли их окончательно уничтожить, там пролетарские массы успешнее и с большим достоин-

ством сопротивлялись посягательствам реакции; видя об'ективную необходимость бытия этих ячеек уже в постоянном и самопроизвольном, помимо всяких воздействий из центров, возникновении их, — мы считали и считаем самой серьезной, основной задачей передовых рабочих России возрождение партийных ячеек в самом широком масштабе, укрепление их и восстановление постоянных связей между ними. Оттого мы и называемся партийцами. И насколько мы оказались правы в определении основных задач сознательного пролетариата, ясно уже из того, что сейчас даже весьма значительная часть ликвидаторов, провозвестников lose Organisationen, говорит о неизбежности для социал-демократических его элементов намеченного нами пути, который Маркс обозначил термином: «путь тайного об'единения». Тут мы сходились со всеми большевиками, не исключая и Ленина, по крайней мере до тех пор, пока своеобразная партийность этого товарища не встала угрозой партийному единству, а фракционный пыл не заставил его сделать шаги, направленные к ликвидации восьми девятых партии.

Все ли это? Нет, еще не все. В противность сторонникам Ленина, нам чужда боязнь масс. Мы признаем громадную важность массового движения и открытых организаций рабочего класса. И в той степени, в какой ликвидаторы, подобно «экономистам», стоят на массовой почве, мы видим в их взглядах здоровое зерно. Но мы коренным образом расходимся с ними в определении задач социал-демократии по отношению к широким (неполитическим) рабочим организациям и в оценке их роли.

Там, где рабочие непосредственно сталкиваются с предпринимателем, где на первый план выступают их групповые, профессиональные интересы, там среди них растет солидарность, развивается умение действовать сообща, там зарождается классовый протест и классовая борьба. Но сознание отстает от бытия, и зарождение классовой борьбы еще не есть развитая ее форма. На месте ее зарождения массы более всего восприимчивы к социал-демократической пропаганде, сюда обязана направить партия свои силы, тут ждет ее успех. Но жестокую ошибку совершила бы партия, если бы пыталась основать фундамент своей постоянной деятельности на почве этих неполитических союзов или даже случайно возникших ad hoc организаций политического характера. А именно этого хотели те из ликвидаторов, которые не отрицали начисто необходимости для настоящего времени какой бы то ни было постоянной политической организации рабочего класса. Противники осуждали их преклонение перед «массовой организацией», их стре-

мление раствориться в Ахероне. И ведь противники их были не совсем неправы, ибо ликвидаторы повторяют в новом виде старую ошибку «экономистов», которую детально разобрала еще «Заря». Политическая партия, не имеющая самостоятельной организационно-политической базы, неизбежно должна утратить ту принципиальность, которая только и обеспечивает ее влияние во всех этих «широких организациях» и «открытых выступлениях» пролетариата, а стало быть, задержать развитие классовой борьбы из зародышевого состояния к полному расцвету. Бельгия, Венгрия, Дания, служат тому живым примером. Но если для социал-демократической партии вообще ошибочно базироваться организационно на неполитических массовых рабочих союзах, то прямо грехом это явилось бы в современной России, где нет в наличности даже обычных преимуществ указанных союзов — большей устойчивости и широты состава. Поэтому мы и утверждаем, что в интересах как неполитического, так и политического движения нашего рабочего класса, т.-е. в интересах всего движения в целом, было, есть и будет скорейшее укрепление и приведение в полную боевую готовность самостоятельного, не подсобного, но руководящего политического партийного аппарата, т.-е. организаций нашей старой РСДРП.

Правда, это чрезвычайно серьезное и необходимое дело тормозится теперь крайними фракционерами, преступно забывающими общие задачи во имя частных интересов отдельных групп. И как бы для симметрии с фракционной конференцией Ленина некоторые национальные и окраинные организации приступили к созыву своей конференции, на которую они приглашают с полными и равными правами всех желающих, если те *сами об'явят себя принадлежащими к РСДРП*. Успех конференции с подобным составом, очевидно, был бы успехом окончательной партийной ликвидации. В только что вышедшем № 16 «Дневника Социал-демократа» дана подробная критика той изумительной логической нелепости, которая заключается в приведенной формуле Организационного Комитета: призыв людей, стоящих *вне* партии, для решения ее *внутренних* дел. Здесь же ответим на один вопрос, который задают нам многие товарищи. Раскол так ревностно организуется обеими сторонами, что остается все менее вероятия предотвратить его каким бы то ни было способом. Очень скоро — увы! — перед нами могут оказаться две совершенно самостоятельно существующие партии, лозунг Ленина станет фактом. За кем или с кем пойдем тогда мы, партийцы?

Ответ ясен. Мы не пойдем ни с теми, ни с другими. И не идя ни с теми, ни с другими, мы попрежнему будем критиковать каждое

действие, направленное против единства, и поддерживать всякий шаг, кто бы его ни делал, способствующий об'единению социал-демократических сил и не нарушающий принципиальных положений нашей тактики [1]). Из двух или нескольких зол, мы, меньшевики-партийцы, всегда будем выбирать наименьшее.

Мы стоим на выдержанной марксистской точке зрения и должны иметь мужество оставаться самими собой. Правда, с точки зрения кружковой, которая обычно является преобладающей, может показаться, что таким образом мы рискуем остаться в одиночестве. Но это неверно. Благодаря своим распрям кружки все более удаляются от пролетариата, точнее, действительность все более и более удаляет их от него.

Удаляясь от кружковщины, мы приближаемся к сознательному пролетариату!

---

[1]) И, как бы ни удивлялись неосведомленные люди нашему непостоянству, мы будем «хвалить» сегодня одних, а завтра других, ибо мы служим не лицам, но делу.

Письмо секретарю Международного Социалистического Бюро т. Гюисмансу

Сан-Ремо, 27 марта 1912 г.

Дорогой товарищ!

Я получил присланную мне Вами копию принятой в Париже русской резолюции.

Так как авторы этой резолюции ссылаются на меня, то я считаю своей обязанностью сказать Вам откровенно то, что мне известно о затронутом в ней предмете.

Не касаясь некоторых подробностей, которые мне кажутся не совсем точными, и слога этой резолюции, свидетельствующего о крайнем раздражении, надо признать, что ее содержание, к сожалению, соответствует истине.

Факт тот, что конференция, о которой говорится в резолюции, об'единила делегатов лишь одного, — довольно сильного, — направления нашей партии. Точно так же неоспоримо, что, присвоив себе власть, принадлежащую целой партии, конференция эта совершила действие, весьма значительно приблизившее нас к расколу, который, разумеется, был бы очень вреден. Раскол тем более вероятен, что все организации, не принявшие участия в названной конференции, — а они составляют значительное большинство, — приготовляют другую. Когда она состоится, раскол сделается фактом.

Я уверен, что Международное Социалистическое Бюро не может одобрить этого способа осуществления амстердамской резолюции о социалистическом единстве, и я спрашиваю себя, не могло ли бы оно своим вмешательством предотвратить угрожающее нам зло. Оно могло бы, например, письменно обратиться к Центральному Комитету ленинской фракции, равно как и к комитету, организующему ту конференцию, которая должна об'единить остальную часть партии, и при-

гласить оба эти комитета сделать шаги, необходимые для восстановления единства нашей организации.

Социал-демократические рабочие в России враждебны всякому разделению; поэтому Ваше вмешательство вызвало бы восторженный отклик с их стороны.

Примите, дорогой товарищ, уверение в моем уважении.

Г. Плеханов.

P. S. Прошу Вас заметить, дорогой гражданин, что речь идет не о том, чтобы найти виноватого, а лишь о том, чтобы не склонять весов ни в ту, ни в другую сторону, беспристрастно бороться с разделением.

Г. П.

Ко всем течениям, существующим внутри РСДРП

Ввиду нарушения партийного единства, причиненного взаимной враждой фракций, и ввиду того, что необходимо единство политического действия на предстоящих в ближайшее время выборах в 4-ю Государственную Думу —

Мы предлагаем всем существующим в нашей партии течениям и национальным организациям принять меры к об'единению агитационной деятельности на время избирательной кампании. Такое об'единение могло бы выразиться в создании центральной и местных избирательных комиссий, в состав которых вошли бы представители всех названных течений и национальных организаций.

А так как пример германской партии показывает, до какой степени важна согласованность действий партийной организации и организаций профессиональных, мы считали бы полезным, чтобы эти комиссии включили в свой состав представителей неполитических рабочих организаций, способных поддержать политическое выступление социал-демократов.

Мы не видим решительно никакого другого средства избежать двойных социал-демократических кандидатур, которые весь сознательный западный пролетариат рассматривает как величайший скандал в международной социал-демократии.

P. S. Вы понимаете, товарищи, что мы не можем входить в рассмотрение таких предложений, которые были бы равносильны приглашению пристать к одной из враждующих между собой фракций, потому что, приняв такое предложение, мы повернулись бы спиною к той цели, которую мы преследуем настоящим своим обращением: избежать двойных социал-демократических кандидатур.

Редакция «Дневника социал-демократа».

Женева, 22 июля 1912 г.

Товарищам, собравшимся на конференцию, созванную Организационным Комитетом

Уважаемые товарищи!

Вам, вероятно, известно, что по соображениям, изложенным в 16-м номере моего «Дневника», я и мои ближайшие единомышленники считали невозможным принять участие в вашей конференции. Во всяком случае, я послал в ОК письмо, не оставляющее никаких сомнений насчет нашего официального решения по этому вопросу. Тем не менее, ОК был так любезен, что, в лице одного из своих членов, еще раз пригласил меня принять участие в конференции. Я опять отказался, прибавив при этом, что один из нас мог бы присутствовать на конференции лишь в качестве представителя печати, т.-е. не участвовать в ее работе, а только принимать результаты этой работы к собственному сведению и к осведомлению читателей, поскольку, разумеется, это не противоречит требованиям «конспирации». ОК простер свою любезность до того, что разрешил нам и такое участие. Мы очень благодарны ему за это; но, взвесив еще раз все обстоятельства дела, находим, что мы не должны пользоваться любезностью ОК.

Если бы я, — или кто-нибудь другой от имени редакции «Дневника социал-демократа», — явился на конференцию хотя бы просто в качестве журнального корреспондента, то это могло бы подать повод к недоразумениям. Товарищи, не присутствовавшие на конференции, могли бы подумать, что мы изменили свое, высказанное в 16-м номере «Дневника», отношение к способу ее созыва. А этого не было, да и быть не могло.

Теперь, как и прежде, способ созыва конференции представляется нам огромной ошибкой. В партийной конференции могут участвовать только партийные элементы. В вашей конференции участвуют, — по крайней мере, должны были участвовать, по несчастному решению известного вам Совещания, — также и элементы, не принадлежащие

к РСДРП: мы имеем в виду так называемые «инициативные» группы. Это обстоятельство показывает, что ваша конференция имеет учредительный характер, т.-е. учреждает новую партию. Но учредить новую партию значит сделать новый раскол [1]). А новый раскол есть новый грех перед российским социал-демократическим рабочим движением. И мы не только не хотим участвовать в этом новом грехе, но не хотим, чтобы присутствие на конференции представителя редакции «Дневника социал-демократа» дало повод какому-нибудь мало осведомленному товарищу ошибочно подумать, будто представитель этот участвовал в ней.

Мы, т.-е. я и мои ближайшие единомышленники, явимся лишь на такую конференцию, которая в самом деле будет партийной, т.-е. об'единит *все* партийные элементы, а не только *некоторые* из них. Такая конференция неизбежна: сознательный российский пролетариат не может обойтись без действительного об'единения его сил. Он сумеет положить конец расколам. Правда, такая конференция сама, к сожалению, явится учредительной по той простой причине, что наша старая Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия, — имевшая так много важных заслуг, несмотря на некоторые свои серьезные ошибки,— окажется теперь окончательно разорванной, т.-е. убитой соединенными усилиями Ленина, с одной стороны, и вашими — с другой. Но эта будущая учредительная конференция, в которой примут участие *все* течения нашей партии, а не только течения, более или менее сознательно «устремляющиеся» направо, *учредит единство,* между тем как вы *учреждаете раскол,* подобно тому, как Ленин постарался учредить его раньше вас. Вы обвиняете Ленина в целом ряде незаконных, — с точки зрения нашей партии, — раскольнических действий, а сами совершаете не менее длинный ряд действий, столько же незаконных и столько же раскольнических. Разница лишь в том, что вы направляете действия ваши в пользу вашего течения, а Ленин свои — в пользу своего; но эта неизбежная разница ровно ничего не поправляет. У нас все-таки продолжается теперь *раскол,* между тем как нам нужно *единство.* Не считая возможным примкнуть ни к ленинской «партии», ни к вашей (которая тоже явится «партией» только в кавычках), мы можем лишь повторить вам совет, данный нами ленинской конференции, тоже весьма любезно приглашавшей нас к участию в ее работах: не вводите проле-

[1]) Мы уже не говорим о том, что некоторые из этих групп были инициативными единственно в том смысле, что им принадлежала инициатива борьбы с нашей партией.

тариат в заблуждение, не называйте партией ту организацию, которая явится в результате ваших работ, а сознав ее односторонность, предпишите ее центру немедленно принять меры к созданию действительного партийного единства. Теперь, когда вы организовали свои силы, как сторонники Ленина организовали свои раньше вас, братоубийственная война в среде российской социал-демократии станет еще более жестокой и потому еще более вредной, чем прежде. А это значит, что теперь более, чем когда-либо прежде, нам необходимо *неподдельное* единство.

Готовый к услугам
Г. Плеханов.

Женева, 23 августа 1912 г.

Письмо к сознательным русским рабочим

Товарищи! Меня просили высказаться о том зле, которое грозит всей русской социал-демократии, то-есть, о двойных кандидатурах на предстоящих выборах. Я боюсь, что когда дойдет до вас мое письмо, то зло будет уже совершенно непоправимым. Но как бы то ни было, я, разумеется, не могу, да и не хочу уклониться от выражения своего взгляда на указанный вопрос.

Что двойные кандидатуры — большое зло, это не нужно доказывать. Можно заметить только одно: зло значительно больше, чем это может показаться с первого взгляда. Даже наши заграничные товарищи начинают с беспокойством смотреть на возможность таких кандидатур в России. Они представляются им настоящим скандалом в международной социал-демократии. И каждый из них с величайшим одобрением отнесется к той деятельности, которая будет направлена на предупреждение этого международного скандала.

Как предупредить его? Вообще говоря, чтобы устранить следствие, надо устранить причину. Причиной, сделавшею возможными двойные кандидатуры, является крайне обострившаяся фракционная борьба в нашей партии. Поэтому двойные кандидатуры сделаются невозможными только тогда, когда фракционная борьба перестанет доходить у нас до обычных теперь уродливых крайностей. И давно уже пора сознательному русскому пролетариату бросить свое «я вас!» по адресу героев междуфракционной свары. Однако устранение коренной причины указанного зла требует времени, между тем как зло уже стучится в дверь. Стало быть, надо подумать о том, чтобы, по крайней мере, ослабить его проявления. А для этого нужно одно.

Каждый сознательный русский рабочий, какой бы фракции он ни сочувствовал, должен поддерживать того социал-демократического кандидата, который уже раньше был членом Государственной Думы. Вот, например, теперь говорят, что в Петербурге против Полетаева выставляют кандидатуру товарища, сочувствующего так называемым

ликвидаторам. Если это правда, то товарищи, поступающие таким образом, совершают настоящее преступление против социал-демократии. И вам следует помешать ему во что бы то ни стало.

Каждый социал-демократ, независимо от своих фракционных сочувствий, должен голосовать за каждого данного кандидата большевика, если он был членом Думы и почему-либо сам не снимет своей кандидатуры.

Точно так же каждый социал-демократ, независимо от своих фракционных сочувствий, должен голосовать за всякого данного кандидата меньшевика, если он уже был членом Думы и если он сам не отказывается от кандидатуры.

Твердо держась этого правила, вы значительно уменьшите зло, которое может нанести нашей социальной демократии ожесточенная взаимная вражда ее фракций во время выборов. Но надо именно *твердо* его держаться, не отклоняясь от него никогда и нигде и не уступая никаким софизмам.

Правило это, конечно, не применимо к тем случаям, в которых речь пошла бы о новых кандидатурах. В таких случаях необходимо соглашение. Вы все должны настаивать на том, чтобы каждая из двух борющихся фракций отказывалась от своей кандидатуры там, где у нее меньше сторонников. Конечно, каждая из них нередко будет утверждать, что она-то и имеет наибольшее влияние в данной местности. Но тут решающий голос должен принадлежать вашей опытности, вашему здравому смыслу.

Позвольте мне от всего сердца пожелать самого большого успеха всем тем из вас, которые станут действовать в указанном направлении. Пусть знают они, что от них зависит очень много и что на них смотрит социалистический пролетариат всего мира.

Еще одна раскольничья конференция

Читатель! Вы сильны в географии? Если — да, то скажите, где находится гора, родившая мышь. Не знаете? Это показывает, что есть весьма важный пробел в ваших географических сведениях.

Я не имею права сообщить вам, где именно находится названная гора: это было бы «неконспиративно». Но, кажется, я не обязан скрывать, что на горе, родившей мышь, только что имела место конференция русских ликвидаторов и некоторых национальных социал-демократических организаций, до сих пор входивших в состав нашей партии. Эта конференция должна была составить противовес той конференции, которая была созвана Лениным и его последователями в начале нынешнего года. Противники Ленина со всех крыш возвещали, что их конференция будет не то, что ленинская: она-де положит начало столь желанному для всех нас единству, сплотив огромное большинство наших партийных сил, и наметит новые пути для российского социал-демократического движения, чем и посрамит стародумов, до сих пор довольствующихся тактическими понятиями, выработанными группой «Освобождение Труда». Словом, синица наделала чрезвычайно много славы. Но вышло так, что моря она не зажгла: результаты только что состоявшейся конференции оказываются прямо-таки жалкими во всех отношениях. Вероятно, это об'ясняется вредным влиянием географической среды.

В конференции приняли участие: 1) Социал-демократия Латышского Края, 2) Кавказский Областной Союз, 3) Бунд. Латышская социал демократия и Бунд принадлежали к тем организациям нашей партии, которые назывались национальными. Что касается Кавказского Облостного Союза, то он до сих пор не имел национального характера, но по этнографическим условиям в нем, естественно, преобладали нерусские элементы. Ввиду этого возникает вопрос: как же была представлена на конференции собственно русская часть РСДРП? Петербургская инициативная группа, Московская инициативная группа (большевистская),

Московская группа (меньшевистская), Севастопольская социал-демократическая военная организация, Красноярская организация, социал-демократические элементы Союза черноморских судовых команд. Это, как видите, совсем-совсем жидко. Надо еще иметь в виду, что под инициативными группами у нас по большей части понимались группы деятелей, по тем или другим причинам ушедших из партии и работавших независимо от нее, а очень нередко и против нее. Именно из этих групп выходили молодцы, возвещавшие, что партия наша уже ликвидирована самою жизнью, вследствие чего нелепо было бы стремиться к ее ликвидации. К тем же группам принадлежали борзописцы, строчившие, что подполье отжило свой век, что из него следует бежать без оглядки и что необходимо раз навсегда и безоговорочно порвать со всеми попытками его восстановления. Если теперь все эти джентльмены в лице своих представителей приняли участие в заседаниях, происходивших на горе, родившей мышь, то по этому поводу, конечно, можно сказать: всякий имеет право быть нелогичным. Я с этим согласен. Но я полагаю, что не следует злоупотреблять даже и этим драгоценным правом. А им жестоко злоупотребил бы всякий тот, кто вообразил бы, что представители указанных джентльменов могут быть признаны представителями той или иной организации Российской Социал-Демократической Рабочей Партии. Покойный Чацкий говорил: «Послушай! Ври, да знай же меру». И нельзя не сознаться, что он был прав. Не мешает соблюдать меру даже и в случаях умышленного отклонения от истины. И, точно так же, людям, не окончательно восставшим против требований логики, полезно относиться с недоверием к тем господам, которым приходит в голову блажь величать себя представителями Российской Социал-Демократической Рабочей Партии на том единственном основании, что им не удалось оную разрушить.

Итак, джентльмены-ликвидаторы в счет не идут (да и их-то было на конференции, что называется, как кот наплакал). А если вычесть ликвидаторов, то кто же останется? Останется Севастопольская военная организация, Красноярская организация и «социал-демократические элементы Союза черноморских судовых команд». Ах, господа, господа! Вольно же вам было собираться на горе, родившей мышь!

Что скажет теперь Ленин? Он закричит во всю силу своих легких, что за вами нет никого по той простой, но вполне достаточной причине, что представители всей социал-демократической Руси были собраны на его конференции. Он будет неправ. Но только отчасти. Ведь за вами, в самом деле, нет русских организаций. Ведь эта Краснояр-

ская организация, составляющая в вашем бедном меню что-то вроде pièce de résistance, является пока еще весьма неопределенной величиной. Я не хочу хулить ее, но я совсем не уверен в том, что и она не идет на буксире у ликвидаторов. А если это действительно так, то...

Неудача неудаче рознь. Та неудача, которую потерпел «Организационный Комитет», имеет смешной и жалкий характер.

В продолжение нескольких лет вы, господа, устно и письменно издевались над подпольем, доказывая его полную ненужность. Люди, осмелившиеся заметить, что нельзя обойтись без подполья в нынешней России, изображались вами как слепцы, неспособные увидеть новые задачи новой эпохи. Некоторые из вас доходили до того, что об'являли чуть не преступлением против пролетариата самый крик: «Да здравствует подполье!» (см. статью Соломона Немудрого в «Голосе социал-демократа»); а потом вдруг, по соображениям кружковой дипломатии, вы решили, что вам надо с'ехаться на подпольную конференцию. Легко понять, что́ именно могло у вас при этом получиться. Что посеешь, то и пожнешь!

Составители «Извещения» о конференции сами чувствуют, что им приходится «извещать» своих читателей о жалкой неудаче. Это — неприятная обязанность. К счастью, представляется возможность позолотить горькую пилюлю. «Извещение» говорит:

«Апрельская стачечная волна и первомайское движение создали более благоприятную атмосферу для политической работы партии. Но вместе с тем политическое оживление другой своей стороной ударило по конференции. На оживление в рабочей среде администрация ответила массовыми арестами, выхватывая, с одной стороны, всех людей «с прошлым», а с другой — всех передовых рабочих, так или иначе выдвинувшихся во время апрельско-майских выступлений. Таким образом, непосредственным результатом политического под'ема явилось разрушение, — разумеется, лишь временное и притом поверхностное, — ряда местных организаций: в Николаеве, Одессе, Екатеринославе, Севастополе, Харькове, Киеве, отчасти в Петербурге и в других местах».

Допустим, что это, в самом деле, так, т.-е., что аресты были непосредственным, — точнее сказать: посредственным, — результатом оживления в рабочей среде. Спорить об этом не стоит, так как с нас достаточно того, что аресты имели место. Можно было бы спросить о том, осторожно ли поступили составители «Извещения», перечислив пострадавшие местности; но теперь уже поздно говорить об этом: когда слово вылетит, тогда его не поймаешь; а когда его напишешь пером,

то, как известно, не вырубишь топором. Но вот о чем полезно потолковать и теперь. Из приведенных строк видно, что у нас до последнего времени был «целый ряд местных организаций» и что если эти организации разрушились, то, «разумеется, лишь временно и притом поверхностно». Очень приятно слышать! Тем более приятно, что некий г. Потресов уверял, — за что его похваливала редакция некоего «Голоса социал-демократа», — что нашей партии совсем не существует. Как почувствует себя сей достопочтенный гражданин, прочитав указанные строки «Извещения»?

Правда, редакция только что названного органа, защищая этого господина, утверждала, что, по его словам, партия наша не существует лишь как оформленная иерархия учреждений, но это был простонапросто неловкий софизм. По какому поводу заговорил г. Потресов о несуществовании нашей партии? По тому, что некоторых его единомышленников обвиняли в стремлении к ее ликвидации. По его словам, нельзя было стремиться ликвидировать то, что уже не существовало. Стало быть, в каком же смысле говорил он о несуществовании партии? В том самом, в котором можно говорить о несуществовании умершего человека. Другими словами, в том смысле, которому резко и прямо противоречит сообщение о недавнем существовании целого ряда местных организаций. Повторяю, очень приятно даже от людей, некогда защищавших г. Потресова, услыхать косвенное подтверждение того, что он сказал нехорошую неправду.

Кстати. В «Извещении» нет ни слова о том, что конференция осудила поступок г. Потресова (говорю: поступок, потому что есть слова, равносильные поступкам). Чем была вызвана такая молчаливость?

Ни слова нет и о тех джентльменах, которые вопияли гласом велиим, что подполье нам теперь уже совсем не нужно. А между тем конференция высказала то убеждение, что нам теперь без революционного подполья обойтись совершенно невозможно [1]). Почему же она не нашла нужным опровергнуть или хотя бы только отвергнуть мнение джентльменов, глумившихся над ним? Вспомните, как говорится у дедушки Крылова:

Молчи, все это знаю я сама,
Да эта крыса — мне кума.

---

[1]) «Социал-демократическая партия уже в настоящее время, когда ее организация в целом вынуждена оставаться нелегальной и т. д.» (См. «Извещение», стр. 28, резолюция «Об организационных формах партийного строительства».)

Дальше. Когда Организационный Комитет постановил пригласить с решающим голосом на партийную конференцию «инициативные» группы, в огромном большинстве случаев состоявшие из людей, *ушедших из партии,* тогда он мотивировал это свое постановление тем, что в настоящее время невозможно разобрать, какая местная организация принадлежит к партии и какая не принадлежит. Так, по крайней мере, говорил в одном из писем ко мне его представитель. Но теперь выходит, что наше положение вовсе не было до такой степени хаотично, как это можно было предположить на основании указанного довода Организационного Комитета. Теперь оказывается, что у нас был целый ряд местных организаций. Надо думать, что это были все партийные организации [1]). Но в таком случае довод Организационного Комитета выходит несостоятельным, и его постановление лишенным достаточного основания.

Но это постановление наделало очень много вреда. Оно оттолкнуло от конференции польскую социал-демократию и русских партийцев обеих фракций (т.-е. как меньшевиков, так и большевиков). Зачем же понадобилось это злосчастное постановление? Оно было принято по соображениям кружковой дипломатии.

Составители «Извещения» пишут, — прости им бог, — довольно таки тяжелым слогом. Но их слог становится легким и даже проникновенным, когда они заговаривают о партийном единстве. Они любят единство тою же горячею любовью, которою пылает к нему тов. Ленин. Не думайте, что я шучу. Ленин очень любит единство. Только он всегда хочет, чтобы в об'единенной партийной организации ему было обеспечено большинство. Это у него «влеченье — род недуга» и conditio sine qua non. Чтобы обеспечить себе большинство, он готов проглотить даже столь дорогое ему партийное единство. Но я недаром говорил, что его противники из ликвидаторского лагеря так же подобны ему, как подобна правая перчатка левой. Хотя ликвидаторы — в некотором роде меньшевики, но они страдают тем же недугом, что и Ленин: они тоже непременно хотят, чтобы в об'единенной партийной организации за ними было большинство. Для обеспечения себе такового они готовы пожертвовать тем самым партийным единством, мысль о котором имеет дар делать их тяжеловесный слог легким и проникновенным. Допущение на

[1]) Я думаю так потому, что само «Извещение» говорит сейчас же после указания на аресты: «Разумеется, тот же под'ем создавал условия для воссоздания партийных организаций на несравненно более широком фундаменте». Ясно, что и разрушенные были партийными.

партийную конференцию с решающим голосом инициативных групп, составленных из ликвидаторов extra muros, нужно было затем, чтобы ликвидаторы intra muros не оказались в безнадежном меньшинстве. Только для этого Организационный Комитет взял на себя непростительный грех превращения той конференции, которая могла бы быть в самом деле общепартийной, в такую, которая вышла безобразным ублюдком, об'единив часть партийных элементов с частью элементов, ушедших из партии и враждовавших с нею. Организационный Комитет тем самым показал, что ему не по росту было браться за дело партийного об'единения.

Но напрасно составители «Извещения» дают понять, что если бы не аресты, то на их конференции из русских организаций присутствовала бы не одна только Красноярская группа и не одни только черноморские «элементы». Аресты, разумеется, очень неприятная вещь. И вполне возможно, что они коснулись, между прочим, и таких организаций, которые сочувствовали ликвидаторам. Но были (и продолжают существовать) и такие организации РСДРП, которые отказались участвовать в конференции только по той причине, что ясно увидели, кому и зачем понадобилось совершенно неправомерное приглашение на нее инициативных групп. И таких несговорчивых организаций значительно больше, нежели сговорчивых. Почему больше? Да очень просто! *Подпольные* организации не могут смотреть, как на своих товарищей, на господ, возвещавших *упразднение подполья*. Это ясно, как дважды два — четыре. Ясно даже для составителей «Извещения». И не менее ясно, что люди, бежавшие из подполья, никаких подпольных организаций не составляют. Что же остается делать этим людям, когда им вздумается созвать «партийную» конференцию? Им остается только утверждать, что на их зов восторженно откликнулось множество партийцев, продолжавших оставаться в подпольных организациях. Составители «Извещения» так и делают. Они чрезвычайно охотно распространяются теперь о меньшевиках-партийцах, будто бы только и ждавших того, чтобы их созвала на «партийную» конференцию труба ликвидаторского Организационного Комитета. Мне приятно слышать о том, что партийцы существуют в таком большом количестве. Хотя и не безусловно. Приятно потому, что в прежнее время, совсем-совсем недалекое от нас, публицисты того оттенка, к которому принадлежат составители «Извещения», показывали себя большими скептиками по части существования меньшевиков-партийцев. Кто поверил бы этим публицистам, тот подумал бы, что меньшевик-партиец — вполне ничтожная величина

в Российской Социал-Демократической Рабочей Партии. А кто прочтет «Извещение», тот составит себе противоположный взгляд на этот предмет. Он увидит, что Организационному Комитету иметь дело с меньшевиками-партийцами приходилось, по меньшей мере, так же часто, как и с ликвидаторами. Как же не сказать: «приятно слышать!» Но, сказав это, необходимо оговориться. Некоторые из меньшевиков-партийцев, имевших дело с Организационным Комитетом, производят странное впечатление людей, не понимающих своих собственных задач. Но о таком недостатке слышать совсем уже неприятно.

Что такое меньшевик-партиец? Это — такой меньшевик, который отстаивает единство партии и партийную дисциплину, точно так же, как большевик-партиец, это — такой большевик, который отстаивает то же единство и ту же дисциплину. Но можно ли отстаивать партийную дисциплину, мирясь в то же время с тем неслыханным нарушением партийного устава, каким является приглашение на партийную конференцию людей, покинувших партию и провозгласивших необходимость ее разрушения? Нет! Поэтому, будучи очень доволен тем, что на свете есть много меньшевиков-партийцев, я не могу не чувствовать себя огорченным, слыша, что некоторые меньшевики-партийцы сочувственно откликнулись на призыв Организационного Комитета.

Впрочем, ведь еще вопрос, точно ли велико было их сочувствие. Весьма возможно, что между ними и Организационным Комитетом было большое недоразумение. Очень нестрогий по части терминологии, Организационный Комитет называл *общепартийной* изумительную конференцию, сшиваемую им из некоторых окраинных организаций, из групп, которым принадлежала инициатива борьбы с партией и которые поэтому весьма резонно называли себя «инициативными», и, наконец, из знаменитой отныне Красноярской организации, а меньшевики-партийцы, доверчиво полагая, что он употребляет слова в их настоящем значении, радостно приветствовали *его* почин [1]). Если дело происходило так, — а мне кажется весьма вероятным, что очень часто оно происхо-

---

[1]) Неточность замечается и в названии самого Комитета. Какой же он Организационный Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии? Неточно и название конференции. Она не есть конференция организаций РСДРП. Она есть конференция некоторых партийных организаций, пожелавших об'единиться с некоторыми антипартийными организациями. Я уже заметил выше, что и этих последних было очень мало. Оно и понятно: раз бежав из подполья, *последовательные* ликвидаторы не могли иметь желания вернуться в него.

дило как раз так, — то нельзя обвинять меньшевиков-партийцев в нарушении правил логики. Можно пожалеть только о том, что они были слишком доверчивы. Кроме того, надо сказать еще и вот что. С тех пор, как началась эра конференций, неожиданно появилась какая-то особенная и очень странная разновидность меньшевиков-партийцев. Она присутствует на всех конференциях. И не затем, чтобы, присутствуя на них, разоблачать... терминологические ошибки людей, сшивающих эти конференции в интересах своих котерий. Против такого присутствия возразить ничего не возможно. Напротив, меньшевики-партийцы еще летом прошлого года решили, что они пойдут на каждую из раскольничьих конференций, чтобы разоблачить их раскольничий характер. И некоторые из организаций Европейской России так и поступали: вспомним т. Вассиана, участвовавшего на конференции Ленина и своими постоянными протестами порядочно-таки испортившего ленинскую обедню. Я знаю, что другие организации того же оттенка собирались пойти с тою же целью на ту же конференцию, о которой я имею удовольствие беседовать теперь с читателем [1]). Но есть, т.-е., собственно, фигурируют в отчетах о раскольничьих конференциях, такие «меньшевики-партийцы», главная отличительная черта которых состоит в том, что они ведут себя прямо противоположно обязанностям партийцев. На ленинской конференции они соглашаются с Лениным, на ликвидаторской — с ликвидаторами. А это значит, что они сами не знают, чего они хотят. Ясно, что у меня не может быть основания радоваться многочисленности таких меньшевиков-партийцев. Но, говоря откровенно, мне сдается, что они не очень многочисленны. Когда я думаю о них, мне припоминается мнение Вольтера о боге: если бы бога не было, то его следовало бы выдумать. Я полагаю, что если бы меньшевиков-партийцев этой разновидности не существовало, то их непременно выдумали бы в переживаемую нами эпоху раскольничих конференций. Они

[1]) Мне известны организации, которым только аресты помешали исполнить это свое намерение. Но на аресты меньшевики-партийцы смотрят не как на непосредственный результат недавнего политического оживления. По крайней мере, одна из организаций этого оттенка русской социал-демократии видит в аресте плод провокации, созревшей на почве недостаточно серьезного отношения к делу созыва «общепартийной» конференции. Она просит меня предать гласности это ее убеждение. Эта организация к тому же была одной из тех, которые вовсе не собирались итти на конференцию. Ее резолюция была напечатана в № 2 «За Партию». Не утверждая, с своей стороны, относительно провалов ничего за верное, я говорю одно: *необходимо назначить расследование по этому поводу.*

безусловно необходимы для официальных отчетов: чем больше меньшевиков и большевиков-партийцев участвует в данной конференции, тем больше похожа она на общепартийную. И если можно выдумать бога, то почему нельзя выдумать меньшевика или большевика-партийца? Можно сказать накануне последней раскольничьей конференции один из членов ее Организационного Комитета уверял меня, что ее подготовке способствуют много плехановцев. Я рассмеялся и спросил, кто же эти чудаки. Тогда он назвал мне, между прочим, одно из 16 лиц, подписавшихся под известным манифестом, направленным против меня в защиту редакции «Голоса социал-демократа». Об этих лицах я тогда же печатно сказал, что они, естественно, шипят против меня, как и все кислые щи ликвидаторства. *Таких* «плехановцев», пожалуй, не мало, но о них можно говорить с серьезным видом только в тех случаях крайней нужды, когда даже бога выдумаешь, подобно Вольтеру.

Конференция окраинных организаций и Красноярской группы производит тем более тяжелое впечатление, что она состоялась в ту пору, когда сознательный пролетариат всего мира находился под сильным впечатлением с'езда Германской партии в Хемнице, еще раз показавшего, как должны вести себя с.-д., не на словах только преданные партийному единству и партийной дисциплине. Неужели мы никогда не последуем примеру наших германских товарищей? Неужели сознательный пролетариат не сумеет положить конец жалким и вредным происках фракционных гешефтмахеров?

Применительно к конференции Красноярской группы и пр., Хемницкий с'езд германской социал-демократии поучителен также вот чем. В прениях о так называемом геппингенском столкновении выяснилось, что один из его участников, небезызвестный Радек, перестал быть членом партии. Тогда с'езд единогласно решил, что Радек не имеет права голоса в ее внутренних делах. Для немецких социал-демократов это само собою разумеется. А нам эта аксиома остается столь непонятной, что мы до сих пор недоумеваем, имеют ли голос во внутренних делах нашей партии господа, urbi et orbi возвещавшие о прекращении ее существования или советовавшие бежать из нее как можно скорее.

Германские партейтаги относятся к нашим раскольничьим конференциям приблизительно так, как Ахилл или Гектор — к презренному Терситу. Пора русским рабочим понять это и положить начало новому порядку вещей.

А что сказать о резолюциях, принятых на последней раскольничьей конференции? Как и следовало ожидать, от них на десять верст несет духом дипломатии. Я уже отметил выше, что конференция не нашла нужным проронить хотя бы одно слово осуждения по поводу ликвидаторских бесчинств, ознаменовавших собою последние годы нашей партийной жизни. Можно ли! Это было бы против «инициативных» групп.

Ради бога, осторожность,
Осторожность, господа!

Не проронила раскольничья конференция ни одного слова осуждения и по поводу того общеизвестного факта, что в Польше Бунд вошел в соглашение с ППС, не принадлежащей к нашей партийной организации, против ПСД, принадлежащей к ней. Протестовать против действия Бунда! Можно ли!

Ради бога, осторожность,
Осторожность, господа!

Осторожные участники конференции, которая заседала на горе, родившей мышь, даже похвалили Бунд за его явное нарушение партийной дисциплины. Их резолюция гласит:

«Приветствуя заключение избирательных соглашений между Бундом, с одной стороны, Польской Социалистической Партии и Социал-демократической Партией Литвы — с другой, конференция выражает надежду на то, что товарищи из Социал-Демократии Польши и Литвы также присоединятся к этому соглашению ввиду того, что, помимо общих вредных последствий раскола рабочей партии в избирательной кампании, такой раскол в Польше является особенно пагубным в атмосфере царящей в Польше национальной вражды» [1]).

Вот оно как! Раскол вреден. *Поэтому* Бунд делает раскол. А потом читает мораль Польской Социал-Демократии, по отношению к которой он самым очевидным образом нарушил свою партийную обязанность. Тут нельзя говорить ни о логике, ни о справедливости, а можно заметить только одно: большие дипломаты заседали на горе, родившей мышь! И большими дураками считают они читателей «Извещения» об их конференции!

---

[1]) См. резолюцию «Об единстве избирательной кампании», «Извещение», стр. 27.

Может, пожалуй, показаться удивительной сговорчивость Красноярской группы, представлявшей на этой конференции социал-демократическую Русь. Но что же делать? Исключительность положения обязывает. Своей скромностью Красноярская группа напоминает мне блаженной памяти «экономистов». Те тоже шли за Бундом, как теленок за маткой, и тоже кстати и некстати говорили о национальном вопросе. С своей стороны, Бунд всеми силами поддерживал «экономистов», чем и вписал славную страницу в историю своих отношений к русскому рабочему движению. Но не спасла сговорчивых «экономистов» поддержка со стороны Бунда. Боюсь, что не будет счастливее их и сговорчивая Красноярская группа.

Не так давно наши кавказские товарищи, в лице одного из самых видных своих представителей, взялись за пересмотр («ревизию») революционных традиций российской социал-демократии. Тов. Ан. утверждал, что теперь нам следует отказаться от мысли о гегемонии пролетариата. Социал-демократы Кавказа отнеслись без надлежащей суровости к этому оттенку ревизионизма. Они как будто сами разделяли «критический» взгляд товарища Ан. Это была большая ошибка. Теперь они наказаны за нее. Отказавшись от мысли о гегемонии пролетариата, они подчиняются гегемонии Бунда.

До того подчиняются, что даже и на национальный вопрос смотрят через очки, приготовляемые бундовскими сих дел мастерами. Они говорят о культурной автономии для Кавказа [1]). Но требование такой автономии имеет, — *поскольку имеет,* — смысл в устах Бунда, представляющего ремесленное население, лишенное территории. Что же касается Кавказа, то, требуя автономии для него, надо требовать вообще самоуправления, — иначе, политической автономии, — для этой вполне определенной территории, не ограничиваясь весьма туманной автономией культуры. Польская Социалистическая Партия (левица) так и делает. Она хочет широкой политической автономии для Польши [2]), и она, по-своему, совершенно права. А кавказские товарищи, заговорившие о культурной автономии вместо автономии политической, только засвидетельствовали о факторе своего неразумного подчинения гегемонии Бунда

Национальный вопрос стал очередным на Кавказе. Это — плод реакции. Прежде даже националистические элементы приспособлялись

[1]) См. резолюции по вопросу о культурно-национальной автономии, «Извещение», стр. 42.

[2]) См. «Извещение», стр. 32, прим.

там к социалистическим. Теперь — социалистические стремятся приспособиться к националистическим. И — первое слово принадлежит, конечно, Бунду. Мне думается, что кавказские товарищи потому и решились принять участие в ликвидаторской конференции, что сочли необходимым произвести приспособление социализма к национализму. Они сознавали или, по крайней мере, чувствовали, что господа ликвидаторы готовы приспособить все, что угодно, решительно к чему угодно, лишь бы только оказали им поддержку в их хитроумных дипломатических комбинациях. Жаль, жаль мне кавказских товарищей. За ними есть в прошлом большие заслуги. Но правду говорил глубокий эфесский мыслитель: все течет, все изменяется...

Summa summarum: новая раскольничья конференция представляет нечто, в полном смысле слова, невероятное как по своему составу, так и по жалкому ничтожеству своих результатов. Но и эта невероятная конференция, совершив несколько вопиющих нарушений партийного права, явится новым препятствием к восстановлению партийного единства. А между тем партийное единство необходимо. И чем больше препятствий для него воздвигают своими происками и интригами раскольники разных направлений, тем теснее должны сближаться между собою партийцы, как меньшевики, так и большевики. Сколько там ни интригуй, сколько ни дипломатничай, а будущее все-таки принадлежит единству. Его, как суженого, конем не об'едешь!

Пятнадцатилетие РСДРП

На Западе, сколько я знаю, не празднуют пятнадцатилетних юбилеев. Для юбилеев выбираются круглые числа, а 15 — число не только не круглое, но какое-то угловатое. Однако это несущественно. Легко помириться и с 15-летним юбилеем. Вероятно, опираясь именно на это соображение, наши товарищи, разноязычные социал-демократы России, решили отпраздновать такой юбилей РСДРП. Будем праздновать и мы.

Враги и недоброжелатели этой партии заметят, пожалуй, что всякий юбилей предполагает более или менее праздничное настроение, российские же социал-демократы теперь, по известному народному выражению, совсем не у праздника. Их, как и всех обывателей России, душит реакция. Но это не все. Их, кроме того, раздирают расколы. Трудно вызвать в себе праздничное настроение при таких условиях.

С этим надо отчасти согласиться. У нас есть много весьма серьезных оснований для того, чтобы сожалеть о нынешнем положении дел как вообще в нашей стране, так, в частности, и в нашей партии. И мы, конечно, не позабудем об этих основаниях. Мы, партийцы, давно уже и, если я не ошибаюсь, не без энергии, указываем всем остальным товарищам нашим, российским социал-демократам, на огромное зло, причиняемое расколами. В настоящей статье я тоже совсем не намерен замалчивать его.

Враги и недоброжелатели российской социал-демократии немало злорадствовали по поводу наших междоусобий. Но едва ли кому-нибудь из них причина этих междоусобий представлялась когда-нибудь столь глубоко сидящей, какой издавна уже представляется она мне. По-моему, раскол у нас был не преходящим, хотя бы и повторяющимся, явлением, а хронической болезнью, почти ни на одну минуту не оставлявшей нас в течение последних 15 лет, т.-е. с тех самых пор, как возникла наша партия. В самом деле, сейчас же после того, как она была основана, у нас начался раскол в связи с так называемым

«экономизмом». Через несколько лет жестокой междоусобной борьбы, очень сильно помешавшей нашим успехам и не менее сильно способствовавшей росту только что возникавших тогда организаций социалистов-революционеров, «экономизм» был разбит на-голову марксизмом. Но конец «экономизма» совсем не означал конца междоусобий. На том самом с'езде нашей партии, — втором по счету, — на котором был подведен окончательный итог победе марксистов над «экономистами», началась междоусобная война в лагере победителей. Война эта, постепенно разгораясь, привела к формальному расколу нашей партии весной 1905 г. Одиннадцать месяцев у нас существовало две взаимно враждебных социал-демократических организаций: меньшевиков — с одной стороны, большевиков — с другой. Революционный взрыв конца 1905 г. принудил этих враждовавших между собой сестер к об'единению на Стокгольмском с'езде. Но об'единение сделало только то, что междоусобие из явного превратилось в скрытое. В этом виде оно терзало внутренности нашей партии вплоть до прошлого года, когда оно опять стало явным: в этом году у нас снова произошел формальный раскол. В настоящее время в нашей стране опять насчитываются, по крайней мере, две враждующие между собой русские социал-демократические группировки, и мы оказываемся как будто в том самом положении, в котором находились около 15 лет тому назад, вскоре после основания нашей партии. Расколом мы начали тогда, расколом продолжаем мы теперь. Когда я думаю об этом, я невольно вспоминаю, как в рассказе Гоголя «Заколдованное место» плясал перед чумаками старый малоросс-бакчевник. Плясать-то он плясал хорошо, «так что хоть бы и с гетманьшей», но каждый раз сбивался, доходя до определенного места. Совсем как мы! Перечитайте у Гоголя относящиеся сюда строки. Вы увидите, что я ничуть не преувеличиваю.

«Только что дошел однакож (старый бакчевник. — *Г. П.*) до половины и хотел разгуляться и выметнуть ногами на вихорь какую-то свою штуку, — не поднимаются ноги, да и только! Что за пропасть! Разогнался снова, дошел до середины! — не берет! Что хочь делай — не берет! Ноги, как деревянные стали! «Вишь дьявольское место! вишь сатанинское наваждение! впутается же Ирод, враг рода человеческого! Ну, как наделать сраму перед чумаками?» Пустился снова и начал чесать дробно, мелко, любо глядеть; до середины — нет! не вытанцовывается, да и полно! «А, шельмовский сатана! чтоб ты подавился гнилой дыней! чтоб еще маленьким издохнул, собачий сын! вот на старости наделал стыда какого!..» И в самом деле сзади кто-то засмеялся».

Не правда ли, это чрезвычайно напоминает наше положение? Мы ведь тоже танцуем подчас так, что не стыдно было бы протанцовать с самой гетманьшей. Мы тоже умеем «чесать дробно, мелко, любо глядеть». Об этом у меня будет еще речь ниже. Но и у нас, как только мы дойдем до середины, — до единой организованной партии, — не вытанцовывается, да и полно. И над нами сзади, — да и не только сзади, — смеются. Разница только в том, что старый бакчевник мог, не изменяя себе, об'яснять свою неудачу вмешательством «шельмовского сатаны». А мы не имеем никакого права винить «врага рода человеческого» по той вполне достаточной причине, что не верим в его существование: недаром же мы «сознательные». Но ведь эта разница ничего не улучшает. Напротив, выходит, пожалуй, еще хуже: сознательные-то сознательные, а все-таки не можем перешагнуть через заколдованное место.

Если мы не выходили из состояния раскола во все продолжение существования нашей партии, то я имел полное право сказать, что раскол у нас хроническая болезнь, а не преходящее явление. И теперь, когда мы празднуем 15-летний партийный юбилей, нам вполне уместно будет спросить себя: неужели же эта страшная болезнь неизлечима?

Взглянем на ее причины, и прежде всего на причины психологические.

В настоящее время в социал-демократической партии каждой западной страны есть два течения: марксистское и ревизионистское. Кое-где, — например, во Франции, — в большинстве оказываются ревизионисты, кое-где, — например, в Германии, — марксисты. Всегда и всюду между марксистами и ревизионистами происходит немало столкновений. Но до последней степени редко и лишь там, где рабочее движение еще не очень сильно развито, — например, в Голландии и отчасти в Италии, — столкновения эти обостряются до того, что приводят к расколу. На Западе раскол — не хроническая болезнь, а лишь временное и редкое недомогание. Почему же это? Потому, что там течение, оказавшееся в меньшинстве, продолжая всеми силами отстаивать свое существование, умеет, однако, уважать решения большинства. Если бы на Западе меньшинство, — все равно какое именно: марксистское или ревизионистское, — не считало себя обязанным исполнять решения, принятые большинством голосов, то и там раскол немедленно сделался бы хронической болезнью. В таком случае мы в каждой западной стране увидели бы, по крайней мере, две социал-демократических партии: марксистскую и ревизионистскую (реформистскую или оппортюни-

стическую тож). Но этого нет и, повторяю, нет потому, что течение, оставшееся в меньшинстве, продолжает уважать партийную дисциплину. У нас наоборот. Хотя принципиальные разногласия между фракциями до сих пор были не так велики, как, например, разногласия между марксистами и ревизионистами в Германии [1]), однако течение, оставшееся в меньшинстве, всякий раз считало себя обязанным нарушать дисциплину

Как возник у нас тот раскол, который я назвал выше расколом среди марксистов, только что одержавших победу над «экономистами»? Между победителями не было разногласий ни по вопросам программы, ни по вопросам тактики. Было, правда, значительное разногласие по организационному вопросу, именно по вопросу о том, кого надо считать членом нашей партии. Но по обстоятельствам, о которых нет нужды здесь распространяться, спор был решен согласно мнению товарищей, получивших впоследствии название «меньшевиков». И все-таки эти товарищи не только немедленно организовались в особую фракцию, — это было бы еще пол-беды, — но отказались поддерживать партийную работу «большевиков» и пред'явили этим последним такие требования, которые имели совершенно очевидный раскольничий характер. На мою попытку положить конец разгоравшемуся междоусобию они ответили следующим, уже воспроизведенным мною однажды, письмом от 3 ноября 1903 года [2]).

Многоуважаемый Г. В!

Мы принимаем Ваше предложение выработать условия для устранения возникшего в партии конфликта. Вот наши условия:

1) Переговоры ведутся между нынешней редакцией Центрального Органа и Центральным Комитетом, с одной стороны, и представителями оппозиции, сложившейся в результате решений с'езда партии — с другой.

2) Восстановляется старая редакция «Искры».

3) В состав ЦК вводится определенное количество членов оппозиции; точнее это количество определяется при переговорах. С момента начала переговоров всякая кооптация в ЦК приостанавливается.

4) В Совете [3]) два места предоставляются членам оппозиции.

---

[1]) Говоря это, я имею в виду собственно последнее десятилетие.

[2]) См. второе приложение к № 15 «Дневника». [См. выше, стр. 378.]

[3]) Т.-е. в существовавшем тогда Совете партии.

5) С'езд Лиги [1]) и его решения признаются законными. В администрацию Лиги кооптируется член ее меньшинства.

Подпись: *Старовер.*

P. S. Мы ставим эти условия, как *единственно обеспечивающие партии* возможность избежать развития возникших между нами разногласий в хронический конфликт, грозящий самому существованию партии.

Письмо это было написано Старовером от своего имени и от имени Л. Мартова, В. И. Засулич, П. Б. Аксельрода. Его содержание так же характерно, как и его тон. «Товарищ» Старовер говорил в нем тем языком, каким говорит представитель одной из воюющих держав с представителем другой воюющей державы, запросившим его об условиях мира. Что же касается самих условий, то между ними особенно интересно то, которое стоит в письме на втором месте. Наш второй партийный с'езд выбрал в редакцию трех членов: Л. Мартова, Н. Ленина и меня. В своем письме Старовер настаивал на том, чтобы в редакцию вошли еще П. Б. Аксельрод, В. И. Засулич и, наконец, он, Старовер. Осуществление этого требования привело бы к тому, что, — по крайней мере в пределах Центрального Органа партии, — меньшевики стали бы большевиками. Это, бесспорно, было бы очень удобно для меньшевиков Но может ли человек, уважающий свою партию, пред'являть ее высшему учреждению [2]) подобные требования под угрозой раскола? Конечно, нет [3]). В Германии, Австрии и даже в нынешней Франции они вызвали бы единодушное негодование во всех членах партийной организации, независимо от оттенков в их образе мыслей. В России было не так. Меньшевики одобряли и поддерживали эти требования. Больше-

[1]) Перед этим только что произошел с'езд Заграничной Лиги РСДРП, незначительным большинством склонившийся на сторону меньшевиков.

[2]) Я переговаривался со Старовером как представитель партийного Совета.

[3]) Как в романтической драме, трагизм отнюдь не исключал в этой истории комизма. Авторы письма не довольствовались требованием такого изменения в составе редакции, которое, по крайней мере в пределах этой последней, превратило бы их из меньшевиков в большевиков. Они хотели, чтобы в редакцию были приняты именно они, лица, грозившие расколом. Требование принимало, таким образом, совсем уже... своеобразный характер: или прими меня в редакцию, или я сделаю раскол... Некоторые герои Г. И. Успенского характеризуют подобное настроение словами: «на команду потянуло».

виков они раздражали, но раздражали не тем, что свидетельствовали о неуважении к партийной дисциплине со стороны значительной части их товарищей, а единственно тем, что обещали в будущем неприятную возню с оппозицией. Надо говорить прямо: уважение к партийной дисциплине было у большевиков не сильнее, чем у меньшевиков. При случае они отмачивали подобные же штуки. Правда, никто из большевиков не опозорил себя проповедью ухода из партии, никто из них не опустился до уровня г. Потресова, в тяжелую для партии годину провозгласившего urbi et orbi, что она перестала существовать как организованное целое. В пассиве большевиков, может быть, не числится таких тяжелых преступлений против партийной дисциплины, каким изобилует пассив меньшевиков. Однако если и не числится, то не надо забывать, что большевики чаще стояли у власти, — т.-е. чаще составляли действительное большинство в партии, — нежели меньшевики. В том-то и заключается ужас и позор нашего положения, что партийная дисциплина уважается у нас только той фракцией, которая в данное время стоит у власти [1]). Это старая песнь:

Der König absolut,
Wenn er unsern Willen tut! [2])

Социал-демократам петь такие песни не пристало. Но как же быть? Раз возникла подобная психология, ее не переделаешь проповедями. Чтобы проповедь партийной дисциплины принесла свои плоды, необходимо, чтобы предварительно уже начала складываться другая, более совершенная психология, отличительной чертой которой была бы готовность уважать как партийный устав, так и решения, принятые большинством голосов. Можем ли мы надеяться на то, что у нас когда-нибудь сложится такая психология?

Конечно, да! Мы ничем не хуже других. В западных странах первая молодость социалистического движения тоже ознаменовалась сектантскими междоусобиями. А теперь представители западно-европейского социализма с презрительным сожалением посматривают на наши расколы. Теперь для них непонятна и в их глазах совершенно неизвинительна наша раскольничья психология. Что же изменилось на Западе? Изменился состав социалистических организаций.

---

[1]) Т.-е. держит в своих руках пресловутую «дирижерскую палочку».

[2]) «Мы стоим за абсолютную королевскую власть, если король исполняет нашу волю».

Прежде на Западе, как и у нас, в социалистических организациях преобладала *интеллигенция.* Но по мере того, как в них вовлекалась рабочая *масса,* изменялась и та психология, которая определяет собою внутреннюю жизнь социалистических партий: психология «интеллигентов» все более и более отступала на задний план перед психологией рабочих. Не сознание определяет собою бытие, а бытие определяет собою сознание. Потому-то *психологические* причины и не могут считаться наиболее глубокими причинами исторического развития. Они сами являются следствием *социальных* причин. Рабочий живет и действует совсем не в тех условиях, в каких живет и действует «интеллигент». Рабочий, — я имею в виду пролетария современных капиталистических стран, — заранее был бы осужден на поражение в своей борьбе с предпринимателем, если бы не умел действовать заодно со своими товарищами. Сама жизнь учит его дисциплине.

Это до такой степени верно, что даже рабочие, находящиеся под влиянием анархической теории, которая гласит, как известно: «делай, что хочешь!», научаются уважать дисциплину, — т.-е. делать то, чего требуют интересы большинства — становясь членами профессиональных союзов. В этом легко убедиться, наблюдая, например, французских синдикалистов. Иное дело «интеллигент». Чаще всего он работает в одиночку, и люди одной с ним специальности являются для него не товарищами в борьбе с предпринимателем за лучшие условия труда, а конкурентами в борьбе с ним самим за потребителя его продукта. Если условия жизни делают рабочего, по известному выражению Аристотеля, «общественным животным», то они делают «интеллигента» индивидуалистом по преимуществу. Индивидуалистом «интеллигент» выступает в литературе [1]). Индивидуалистом же является он и в социалистическом движении. Я уже весной 1905 г., по поводу тогдашнего раскола, состряпанного по случаю так называемого третьего с'езда, писал, что попытка построить из «интеллигентов» прочную пар-

---

[1]) «Солидарность и прочие штуки я понимаю на бирже, в политике, в делах религиозных (секта) и т. п., солидарность молодых литераторов невозможна и ненужна... Думать и чувствовать одинаково мы не можем, цели у нас различны или их вовсе нет, знаем мы друг друга мало или вовсе не знаем, и, стало быть, нет ничего такого, к чему могла бы прочно прицепиться солидарность...» (Письма А. П. Чехова, т. II, стр. 81.)

Это, разумеется, крайность, но в данном случае сама эта крайность очень хорошо оттеняет психологические особенности «людей умственного труда»

тию так же утопична, как намерение построить из песку высокую башню. Тогда же я прибавлял, что преобладание «интеллигенции» в партии характеризует тот ее период, который может быть назван ее *предварительной историей,* и что теперь уже не долго хозяйничать в ней «интеллигентным» сверхчеловекам, так как теперь пролетариат идет [1]).

В настоящее время я могу сказать, что так или иначе, а пролетариат уже пришел. Отныне внутренняя жизнь партии все в большей и большей степени будет определяться психологией пролетариата, а не психологией интеллигенции. Это значит, что наша предварительная история очень близка к своему окончанию. Отныне мы имеем право видеть в наших расколах, — как ни жестоко свирепствуют они пока у нас, — лишь плод старого времени, осужденный на исчезновение условиями новой, *наступающей* эпохи.

Если сознательная часть рабочего класса, идущая под знаменем РСДРП, уже весной 1906 г. настойчиво требовала об'единения, то теперь это требование выражается ею еще с большей настойчивостью. Оно приводит подчас к довольно неожиданным и поистине парадоксальным результатам. Так, некоторые рабочие недовольны мною за то, что я на страницах «Правды» предпринял литературный поход против ликвидаторов, проповедывавших разрушение нашей партии. Эти рабочие опасаются, что мой поход помешает нашему партийному об'единению. Нет надобности доказывать, что удалить людей, поднимавших руку на партийную организацию, значит содействовать созданию условий, обеспечивающих прочность будущего партийного единства, точно так же, как подвергнуть дезинфекции жилище значит содействовать созданию условий, обеспечивающих здоровье жильца. Однако самая

---

[1]) «Движение, ограниченное тесными пределами интеллигенции, — говорил я еще в 1889 г., — ни в каком случае не может быть названо социалистическим. Оно способно служить только преддверием и предвестником настоящего социалистического движения, т.-е. *движения рабочих.* Забывши эту простую истину, наша революционная интеллигенция, какими бы кличками она ни тешила свое самолюбие, на деле тотчас же перестала бы быть социалистической и превратилась бы в левое крыло либеральной буржуазии» (см. брошюру «На два фронта», стр. 140). Отсюда видно, как хорошо знает историю нашей социал-демократической мысли г. Потресов, утверждавший, что в своих рассуждениях о партии группа «Освобождение Труда» никогда не шла дальше представления о «профессионально-революционном (т.-е. преимущественно интеллигентском — *Г. П.*) коллективе». (См. «Этюды о русской интеллигенции», стр. 295.)

ошибка этих рабочих знаменательна. Она свидетельствует об их сильнейшем отвращении от раскола.

Вот почему мы, партийцы, можем с уверенностью смотреть в будущее, не смущаясь весьма существенными недочетами настоящего.

Над нами смеются люди, зараженные фракционным изуверством, на нас показывают пальцами; от нас сторонятся. Существование партийцев охотно замалчивается как большевиками, так и меньшевиками. Оно и понятно. Мы являемся для них бельмом на глазу, подобно тому, как бельмом на глазу является рабочая партия для старых, буржуазных партий Англии. Но это нисколько не смущает нас. Мы задались целью вырвать больные зубы, — зубы «склоки», а не зубы мудрости, — у нашей партийной интеллигенции. И мы вырвем их, хотя бы она до крови искусала нам пальцы. Мы представляем собою нечто вроде гегелевского отрицания отрицания. Раскол, приведший к отрицанию партии, выдвинул нас как отрицание раскола. Наш девиз: *партийное единство прежде всего!* В нашей среде далеко нет полного единомыслия по многим тактическим вопросам. Но все мы непоколебимо убеждены в том, что невозможна прочная партия там, где не уважается партийная дисциплина. Нас пока еще не много. Но, во-первых, нас теперь уже гораздо больше, чем было во время раскола 1905 г., когда мы считались единицами; во-вторых, наше убеждение в безусловной необходимости партийной дисциплины разделяется, как я только что сказал, всем сознательным пролетариатом России. Это значит, что будущее принадлежит именно нам, партийцам, т.-е., — это необходимо оговорить ввиду уродств фракционной психологии, — принадлежит нам не в том смысле, что «наши люди» займут руководящие места в партии, а в том, что скоро огромное большинство ее членов *вынуждено будет стать на нашу точку зрения.*

А когда это совершится, тогда российской социал-демократии будет «вытанцовываться» даже и там, где совсем не вытанцовывалось до сих пор. Российская социал-демократия, несмотря ни на что, не топчется на одном месте. Она поднимается вверх, хотя, к сожалению, и не по прямой линии, а по спирали. «Склока» принесла ей страшно много вреда. Но и склока не остановила ее движения.

«А все-таки она движется!»

«Движется» потому, что неправы господа Изгоевы, старающиеся уверить своих читателей в том, что у русской социал-демократии не было ничего, кроме недостатков. Совсем неправы! Недостатков у нее, в самом деле, было много: склонность к «склоке», неумение

усвоить себе гибкую и в то же время революционную тактику и пр Что же касается заслуг, то у нее есть только одна заслуга: российская социал-демократия внесла факел классового самосознания в среду пролетариата. Но эта единственная заслуга так огромна, что ею искупаются все многочисленные грехи и промахи социал-демократии. Она делает ее самым культурным фактором русской общественной жизни. Именно на эту заслугу намекал я, когда говорил выше, что мы умеем танцовать так, «что хоть бы и с гетманьшей».

Экономическое развитие России чрезвычайно сильно способствует развитию того класса, который представляется нашей социал-демократией в политике. Русский пролетариат, оплот и надежда российской революции, растет не по дням, а по часам. Его силы не сломит никакая реакция. Кто вздумал бы усомниться в этом, тому я напомню, что в нынешнем году в одном Петербурге 1 мая праздновалось более, чем 200 тысячами рабочих. С таким рабочим классом смертным грехом было бы уныние под влиянием реакции. Торжество ее не может не быть временным. Мы, русские социал-демократы, более, чем кто-нибудь, имеем право повторить полные отрадной веры в свое дело слова Чернышевского:

«Пусть будет, что будет, а будет все-таки на нашей улице праздник!»

Да здравствует российская социал-демократия!

Да здравствует социал-демократический рабочий интернационал!

Новый под'ем

«Движение, которое возобновляется теперь..., вызывая новые надежды, дает, вместе с этим, торжественное предостережение против старых ошибок и заставляет стремиться к об'единению всех, пока еще разрозненных, усилий».

Из устава Международного Товарищества Рабочих.

I

Реакция, свирепствовавшая в течение последних лет, поддерживалась не только солдатскими штыками и казацкими нагайками. Она коренилась в настроении огромной части обывателей. Если бы это было иначе; если бы силу реакции составляли не только штыки и нагайки, то она не распространилась бы на философию, литературу и искусство. Нельзя угрозами заставить людей изменить свои эстетические, литературные или философские взгляды, а в течение последних лет русская интеллигенция систематически «переоценивала» всякие духовные «ценности», при чем результатом «переоценки» было неудержимое попятное движение во всех областях идеологии. Это значит, что к реакции склонялись не только «правящие сферы», но и все те общественные классы и слои, настроение которых выражается в идеологической работе большинства нашей интеллигенции. Еще Гёте сказал, что все реакционные эпохи суб'ективны, в последнее же время мы наблюдали именно торжество суб'ективизма, приведшее, между прочим, к тому, что искусство стало все более решительно отворачиваться от «быта».

Реакционное настроение целых общественных классов и слоев, вызвавшее это попятное движение в области идеологий, было в высшей степени благоприятно для правительства, всеми зависевшими от него способами преследовавшего реакционные цели в социально-политиче-

ской области. Но теперь это в высшей степени благоприятное для правительства реакционное настроение быстро уступает место общественному недовольству. Даже октябристы заговаривают языком оппозиции. Мы присутствуем при начале нового политического под'ема. И этот под'ем будет так же неудержим, как неудержимо было недавнее попятное движение нашего «общества». За это ручается то простое обстоятельство, что наш современный политический порядок представляет собою сильнейшее препятствие для развития производительных сил страны. Правительство «черной сотни» может, — да и то с грехом попалам, — удовлетворять лишь дворянским интересам. Но в экономическом отношении дворянство есть падающий класс. Размеры дворянского землевладения постоянно и быстро уменьшаются.

Реакционное бешенство, овладевшее благородным российским сословием, само есть не более, как плод растущего сознания им своего экономического упадка. Однако реакционное бешенство — плохой советник даже с точки зрения реакции. Повинуясь требованиям отживающего дворянства, правительство невольно загораживает дорогу укрепляющейся буржуазии и тем вызывает неудовольствие в ее среде. Чтобы удовлетворить буржуазию, правительству нужно было бы отказаться от политики, диктуемой дворянскими интересами, и сделать ряд уступок в духе умеренного либерализма. Но оно совершенно не способно на это. Его судьба неразрывно связана с судьбою падающего дворянства. Поэтому для него, как и для дворянства, не остается ничего, кроме гибели.

Конечно, не буржуазия нанесет смертельный удар этому правительству. Наши буржуа никогда не пойдут дальше более или менее, — и скорее менее, нежели более, — последовательной оппозиции. Вступить с правительством в решительный бой может только трудящаяся масса, гегемоном (руководителем) которой выступит сознательный пролетариат. Но единоборство трудящейся массы с реакционным правительством будет косвенно облегчено оппозиционным настроением буржуазии. Говорю: косвенно — потому, что в данном случае важно не столько настроение предпринимателей в собственном смысле слова, — этого ядра капиталистического класса, — сколько того «общества», которое стоит между классом предпринимателей, с одной стороны, и классом рабочих — с другой, и, не принимая прямого участия в процессе производства, все-таки имеет большое влияние на ход общественной жизни. Это «общество» теперь почти целиком подпало влиянию буржуазии. Несоответствие современного политического порядка потребностям развивающегося капитализма сознается и, — главное, — ощущается им

даже лучше, нежели самими предпринимателями. Это, может быть, странно, но это верно. И об'ясняется это, на первый взгляд странное явление тем, что, как «люди дела», господа предприниматели не видят ничего, кроме практических нужд нынешнего дня, равнодушно предоставляя политическую заботу о будущем времени идеологам своего класса, принадлежащим к «обществу». В деле оппозиции правительству мыслящий слой «общества» по необходимости опережает главных руководителей предпринимательского слоя. Вследствие этого наши «интеллигентные» идеологи буржуазии нередко оказываются непонятыми ее промышленно-финансовой частью [1]). Но дальнейший ход развития постепенно устранит эти недоразумения, нисколько не мешающие буржуазной интеллигенции сохранять свою буржуазную природу. И вот эта-то буржуазная интеллигенция опять начинает проникаться политическим недовольством. И ее растущее недовольство будет затруднять борьбу реакционного правительства с революционным движением в массе.

Выше я сказал, что вступить в решительный бой с правительством может только трудящаяся масса, руководимая сознательным пролетариатом. Огромную часть этой массы составляет крестьянство. Оно принимало участие в общественном движении бурных 1905 и 1906 гг., однако в политическом отношении его участие было почти бессознательно. За незначительными исключениями крестьяне сохранили те политические взгляды, которые сложились еще в течение любезного славянофилам московского периода нашей истории. Этим об'ясняется то, что́ называют теперь неудачей нашей революции. Последовавшая за этой неудачей реакция, крайне мучительная для крестьянства во многих отношениях, приносит ему, по крайней мере, ту пользу, что сильно расшатывает его старые политические предрассудки, вследствие чего оно становится более способным, нежели раньше, к сознательному участию в освободительном движении.

Итак, положение дел в России опять постепенно принимает благоприятный оборот для революционеров. Весь вопрос в том, сумеют ли они его использовать.

II

Рассудительные политики, вроде г. Милюкова, издавна упрекают революционеров в том, что они своим неразумным усердием и догматизмом мешают борьбе с реакцией. И надо сказать правду: в годы

[1]) Напомним не вполне удачные попытки гг. Струве и К° столковаться с московскими капиталистами.

под'ема революционеры обнаружили не мало догматизма и неразумного усердия. А так как на войне ошибки одной из сторон часто идут на пользу стороне противоположной, то нельзя не признать, что своими ошибками революционеры оказывали частые, хотя и невольные, услуги своим злейшим врагам. Мерой политической зрелости, достигнутой крайними партиями в годы реакции, явится их способность критически отнестись к своим прежним ошибкам. Лично я никогда не склонен был замалчивать промахи своей партии. Но не следует быть односторонним. Благоразумным политикам, вроде г. Милюкова, тоже не мешало бы подумать об ошибках, сделанных ими в «годы реакции». Ведь и их политическая зрелость будет измеряться теперь способностью критически отнестись к своей прежней тактике.

До сих пор благоразумные политики не любили отмечать свои заблуждения. Видя даже мельчайшие соломинки в глазах левых партий, они как будто считали, что глаза их собственной партии совершенно чисты. Но это не так.

В заседании Государственной Думы 27 ноября прошлого года г. Родичев в речи по поводу запроса о выборах сказал, между прочим, следующее:

«Наша обязанность раскрывать глаза населению. Запрос, это — один из актов борьбы, которая не сегодня началась, не сегодня кончится» [1]). Это верно. Не сегодня кончится борьба с правительством. Но ее окончание, — т.-е. решительный успех освободительного движения, — предполагает готовность населения вступить в открытую революционную борьбу с реакционной шайкой, держащей власть в своих руках.

«Оружие критики» — прекрасная вещь. Но оно никогда не заменит собою «критики посредством оружия». А гг. кадеты и слышать не хотят о критике последнего рода. Этим притупляется их «оружие критики». В самом деле, страшны ли для правительства те противники, которые, возвещая ему, например, устами кадетского Мирабо — г. Родичева — «идем на тя», в то же время торопятся прибавить: «впрочем, идем так, чтобы никогда не дойти до решительного боя»? И не только торопятся прибавить это, но, надевая на себя личину глубочайшей политической мудрости, усердно читают крайним партиям поучения на ту тему, что самая мысль о решительном бое с реакцией есть политиче-

[1]) Цитирую по отчету, напечатанному в № 329 «Киевской Мысли» (28 ноября 1913 г.)

ская нелепость. Легко понять, что то «оружие критики», которым размахивают эти мнимые политические мудрецы, никого не путает, и та борьба, в которой одна из сторон пользовалась бы только этим оружием, имела бы все шансы остаться неоконченной вплоть до второго пришествия. Да и это — только в том случае, если бы реакционеры поняли, наконец, поистине глубокомысленное правило одного из щедринских администраторов: оппозиция не вредна, если она не вредит. При отсутствии же этого выгодного для гг. «критиков» условия, «борьба» очень скоро кончилась бы тем, что от них осталось бы одно смешное и жалкое воспоминание.

Мне возразят, пожалуй: «Вы сами когда-то понимали, что нельзя звать население к вооруженному восстанию в такое время, когда оно к нему не готово». Я и теперь превосходно понимаю это. Еще в годы моей юности, будучи народником, я никогда не разделял того бунтарского убеждения, что «народ всегда готов» к вооруженному восстанию. Однако вопрос совсем не в том, позволительно ли, умно ли стараться толкнуть на восстание народ, к восстанию не готовый. Вопрос в том, следует ли считать восстание последним доводом (ultimo ratio) угнетенного народа. Другими словами: отвергая *преждевременное* восстание, как наносящее сильный вред освободительному движению, должны ли мы стараться своей деятельностью приблизить тот момент, когда восстание народа против своих угнетателей сделается *своевременным?* Крайние партии утверждают, что — да, так как великие политические и социальные вопросы решаются в последнем счете только силой. А рассудительные политики, вроде г. Милюкова, думают, что — нет, повидимому, держась того убеждения, что указанные вопросы с успехом могут быть решены либеральной «словесностью».

Вспомним последнее слово С. Муромцева в заседании петербургской судебной палаты по делу о выборгском воззвании. Он говорил, что после разгона Государственной Думы все считали неизбежным народное восстание, если не в Петербурге, то в селах и деревнях. Но ему и его единомышленникам такое восстание представлялось политическим несчастьем. Из его об'яснений явствует, что выборгский манифест продиктован был желанием избежать этого несчастья.«Когда идет могучий горный поток, — говорил он, — то, чтобы спасти деревню, лежащую на пути потока, бросаются строить плотины, чтобы поток остановить; но кто думает, что поток нельзя остановить — тот ищет другие средства: он стремится прорыть каналы и отвести поток по этим каналам от

угрожаемых им жилищ. Члены Государственной Думы думали, что правительство отнесется именно так к акту воззвания» [1]).

Что может быть умилительнее? Члены Государственной Думы, — кадетского образа мыслей, — поехали в Выборг затем, чтобы прорыть каналы, которые помогли бы им отвести поток народного гнева «от угрожаемых им жилищ». Неясно, о каких именно «жилищах» говорил С. Муромцев. Но смысл всей предшествующей части его речи не оставляет места ни для каких других политических «жилищ», кроме тех, в которых обитает наша реакция. Зачем же понадобилось членам Государственной Думы—кадетского образа мыслей—спасать эти «жилища» от угрожавшего им потока народного гнева? Сколько-нибудь толковый ответ на этот вопрос возможен лишь при том предположении, что благоразумные политики кадетского направления сами побаиваются этого потока.

Заметьте еще вот что. В статье, написанной по поводу выборов во 2-ю Государственную Думу, Муромцев, характеризуя поведение наших бюрократов, говорил: «Они хотят сохранить свое властвующее положение. Политическое положение страны, таким образом, нисколько не изменилось по сравнению с тем, что было перед началом освободительного периода. Это — все те же завоеватели перед лицом чуждой им страны» [2]). Что же у нас получается? С одной стороны — «*завоеватели*», решившиеся во что бы то ни стало отстаивать свое господствующее положение; а с другой — просвещенные политики, говорящие от имени *завоеванных* и ни в коем случае не желающие, чтобы эти последние разрушали «жилища» завоевателей. Только что приведенные мною строки из статьи С. Муромцева сопровождаются словами: «но изменился характер момента»... Эти слова заканчивают статью, как бы заключая в себе ее главную мысль. Но в чем же изменился «характер момента», если у нас только и есть, что завоеватели, *желающие* сохранить свое положение, и *завоеванные*, не желающие лишить их его? Ведь именно так было в течение долгого и долгого времени перед началом освободительного периода. «Характер момента», в самом деле, изменился уже к началу нынешнего столетия. Но он изменился только в том смысле, что значительная часть завоеванных серьезно захотела сбросить иго завоевателей, т.-е. совершить тот политический акт, помешать которому старался покойный Муромцев своими выборгскими

---

[1]) *Сергей Муромцев*, Статьи и речи, вып. V, Москва 1910, стр. 119.

[2]) Там же, стр. 98.

«каналами». Стало быть, изменение «характера момента» равносильно отрицанию кадетской тактики самим ходом русского исторического развития. Говорите после этого о политическом глубокомыслии благоразумных политиков кадетского *образа мыслей!*

III

Политический под'ем, который начался теперь, вызывая новые надежды, дает, вместе с тем, торжественное предостережение против старых ошибок. Но между старыми ошибками нет и не может быть более крупной, нежели та, которая заключается в том убеждении, что кот Васька откажется от куренка под влиянием укоризненных восклицаний. Пора всем истинным друзьям народной свободы на стенке зарубить, что иго «завоевателей» свергается только силой.

Различие между кадетами и крайними партиями заключается в том, что первые отвергают революционный способ действий, а вторые признают его. Но если это так, то лишаются всякого серьезного основания упреки, посылавшиеся большевиками и социалистами-революционерами по адресу меньшевиков и состоявшие в том, что меньшевики, будто бы, держались кадетской тактики. До появления ликвидаторов тактика меньшевиков, несомненно, была революционной. Все разногласие между ними и большевиками (а также социалистами-революционерами) сводилось к вопросу о том, можно ли полагать, что народ уже готов к восстанию. На Стокгольмском с'езде 1906 г. тов П. Орловский говорил: «Плеханов отрицал близость восстания и доказывал необходимость органической подготовительной работы. Для нас же восстание—вопрос месяцев» [1]). Читатель понимает, что, доказывая необходимость органической подготовительной работы в интересах революции, я был как нельзя более далек от кадетских политиков, именно такой-то работы и не желающих. А между тем меня упрекали в склонности к кадетской тактике. Но кто старое помянет, тому глаз вон. Я говорю об этом не затем, чтобы сообщать, какие неосновательные упреки приходилось мне выслушивать на своем веку, а затем, чтобы показать, как легко, в сущности, было бы столковаться большевикам с меньшевиками, не поддавшимися влиянию ликвидаторского политического разврата. По отношению к вопросу о революционной деятельности мы принимаем

[1]) «Протоколы», стр. 323.

одну и ту же алгебраическую формулу. Споры между нами начинаются только тогда, когда на место алгебраических знаков приходится подставлять определенные арифметические величины. Но, ведя такие споры, мы не должны забывать, что мы одинаково стремимся к усилению того потока, который хотели отвести своими каналами единомышленники покойного Муромцева [1]).

Раз усвоив себе это убеждение, не трудно будет усвоить себе еще и то, что у нас нет никаких оснований для крупных ссор из-за единомышленников Муромцева. Поскольку эти люди не желают усвоить себе революционный способ действий, постольку они не могут быть опасными для правительства. Но в той же самой мере эти люди безопасны и для российской социал-демократии. Они решительно не способны сделаться гегемонами нашего революционного движения, которое одно только и может вырвать нашу страну из когтей «завоевателей». Гегемония революционной освободительной борьбы принадлежит и может принадлежать, — что бы ни говорили об этом некоторые кавказские товарищи, к сожалению, прокисшие в эпоху реакции, — только партии сознательного пролетариата. Партия эта работает над углублением и расширением революционного потока. Ее работа приближает время последнего решительного столкновения завоевателей с завоеванными. Когда это революционное время, наконец, наступит, тогда нечего будет и толковать о либеральной *оппозиции*. Но пока это время не наступило, либеральная оппозиция будет находиться на политической сцене. А пока она находится на сцене, нет ничего преступного, с революционной точки зрения, в желании воспользоваться ее наличностью для создания лишних затруднений нынешнему правительству. Конечно, можно спорить о том, в какой степени годится она для создания подобных затруднений. Но я и тут скажу: ведя такие споры, мы должны помнить, что мы все, — за исключением ликвидаторов,

---

[1]) Я прекрасно знаю, что, занимаясь практическим делом, нельзя довольствоваться алгебраическими формулами: отвлеченные алгебраические знаки непременно должны быть заменены определенными арифметическими величинами. Подставляя арифметические величины на место алгебраических знаков, мы, меньшевики-партийцы, и теперь не раз будем несогласны со многими большевиками, — особенно ленинского оттенка. Но, во-первых, иное дело разногласие, а иное дело разрыв; во-вторых, не мало важнейших недоразумений между нами будет устранено, когда и ими, и нами будет сознано, что мы сходимся, — и *должны* сходиться, — между собою в признании самого главного принципа социал-демократической тактики, который и находит свое выражение в общей алгебраической формуле.

пока они остаются таковыми, — держимся одной тактики: тактики революционной по своей внутренней природе.

Когда я пишу эти строки, мне улыбается та надежда, что со мной согласятся не только многие из большевиков, но также некоторые из социалистов-революционеров...

«Движение, которое возобновляется теперь..., вызывая новые надежды, дает, вместе с тем, торжественное предостережение против старых ошибок и заставляет стремиться к об'единению всех, пока еще разрозненных, усилий».

СТАТЬИ ИЗ «ПРАВДЫ»

К вопросу о расколе в социал-демократической фракции 4-й Государственной Думы

Раскола в нашей фракции, конечно, никто не хотел, кроме наших врагов. Но первый и очень значительный шаг к нему, несомненно, уже сделан: шесть депутатов из числа входящих в эту фракцию отмежевались от остальных семи. Есть полное основание ожидать новых шагов в том же направлении. Другими словами, есть полное основание думать, что раскол дойдет до своего логического конца. Сознательные русские рабочие должны знать это и считаться с этим.

Только они, только сознательные русские рабочие могут положить конец расколу. Но, чтобы положить ему конец, они должны хорошенько понять современное положение дела.

Кто виноват в расколе? Этого вопроса не разрешили бы и десять Соломонов. Но его не надо и ставить. Вопрос не в том, кто виноват в действиях, совершенных, например, пять или восемь лет тому назад, — известно, что в нынешнем году нашему расколу исполнится десять лет, — а в том, где лежит в настоящее время главнейшее препятствие для устранения раскола.

Это — совсем другой вопрос. Ответить на него очень не трудно.

Газета «Луч» хочет навязать нашим партийным элементам об'единение с такими господами, которые в тяжелую для нашей партии годину, в то время, когда она истекала кровью, подвергаясь ударам на время восторжествовавших реакционеров, изменили ей, кричали, что ее не только не надо защищать, но надо бежать из нее без оглядки (так писал г. Маевский [1]), словом, отнеслись к ней несравненно хуже, нежели библейский Хам к своему ослабевшему отцу. Эти почтенные господа были меньшевиками. Это обстоятельство вызвало новый раскол: раскол в рядах меньшевиков. Часть их восстала против Маевских, об'явив

---

[1]) См. фельетон П. Дневницкого в 30-х №№ «Правды».

их поведение совершенно недостойным социал-демократов. Другая часть меньшевиков, из-за фракционных соображений, — главным образом, из ненависти к товарищу Ленину, — сочла нужным поддержать господ Маевских. Вот эта-то последняя, одаренная столь широкой «терпимостью», часть меньшевистской фракции и возмущается теперь теми «нетерпимыми» товарищами, которые полагают, что интерес партии заключается не в том, чтобы об'единять ее с людьми, посягавшими на самое ее существование. Любвеобильный Иисус говорил: все прощается, но грех против духа святого не простится. Каждый преданный член нашей партийной организации должен сказать теперь, несколько видоизменяя только что приведенные слова: все может быть прощено, кроме покушения на жизнь нашей партии. И, чтобы сказать это, вовсе не надо быть большевиком. Мы, меньшевики-партийцы, думаем совершенно так же. И мы уверены, что скоро будет думать так весь сознательный российский пролетариат. Ведь легко же понять, что одно дело — об'единение пролетарских сил, а другое дело — об'единение (в газете «Луч») с такими джентльменами, об'единение с которыми нравственно невозможно для людей, понимающих, что такое верность своему партийному знамени.

Для об'единения пролетарских сил необходимо, чтобы оставались на своем нынешнем месте, т.-е. за пределами партии, те рыцари печального образа, которые, будучи об'единены фракционной склокой, волочили в грязи свое партийное знамя.

Пролетариат скоро поймет это, потому что легко понять это каждому сознательному рабочему Жизнь — хороший учитель. Она учит пролетария понимать, что такое партийная дисциплина.

Я знаю, что за эти строки адвокаты гг. Маевских, — Л. Мартов и другие,—обрушатся на меня с самой отборной бранью. Пусть бранятся: эти «теоретики» ни к чему другому и не способны. А я все-таки считал своим долгом сказать сознательным русским рабочим то, что я думаю по поводу раскола, начинающегося теперь в социал-демократической фракции Государственной Думы.

Здесь стою я, и не могу иначе.

Под градом пуль

(Беглые заметки)

Заметка № 1

Не пугайтесь, читатель: пули, о которых я говорю, не убивают и даже не ранят, а только забавляют. Они принадлежат к числу тех, которые «отливают» чудаки, шутники, а подчас и вообще люди, попавшие в затруднительное положение. Я потому и обращаю на них ваше внимание, что, как видно, очень затруднительно положение тех товарищей и тех «товарищей», которые отливают теперь в «Луче» пули по поводу моей заметки «К вопросу о расколе в социал-демократической фракции 4-й Государственной Думы».

В качестве «сих дел мастера» укажу прежде всего на т. Вано, напечатавшего в № 65 «Луча» статейку «Прискорбное явление».

Прискорбное явление, это — я, как автор только что названной заметки в «Правде». Чем же, собственно, я для него прискорбен? А вот послушайте.

По его словам, моя «трибуна» среди пролетариата гораздо выше, нежели «трибуна» Толстого среди буржуазии. Но огорчает его не это обстоятельство, а то, что человек, стоящий на столь высокой «трибуне», не всегда считается со своим положением. А этот грех уже издавна числится за высоко стоящим человеком. Для доказательства т. Вано делает экскурсию в область прошлого.

«Он (т.-е. я. — *Г. П.)* пересаливал в борьбе с большевиками (вспомним хотя бы Лондонский с'езд, где он категорически заявлял, что существующие две дороги никогда не сойдутся, вследствие чего многие меньшевики и большевики — рабочие теряли надежду на организационное единство)».

Что значит: существующие две дороги? Я знаю не только две, а очень много дорог, которые никогда не сойдутся. Однако я отнюдь не теряю вследствие этого надежды на организационное единство и «ка-

тегорически» приглашаю товарищей-рабочих (все равно, большевиков или меньшевиков) верить, что это единство, наконец, осуществится.

Пусть т. Вано даст себе труд прочитать хотя бы брошюру ликвидатора Череванина о Лондонском с'езде. Он увидит из нее, до какой степени «категорически» отстаивал я там организационное единство. Я уже тогда разоблачал ликвидаторов, стремившихся нарушить его. Когда большевики начали истолковывать идею рабочего с'езда в смысле противопоставления массового движения партийной организации, я «категорически» заявил, что пойду против всякого, кто позволит себе подобное противопоставление. И я, как известно, сдержал свое обещание.

Как же мог т. Вано, слушая или читая мои лондонские речи, утратить надежду на организационное единство? Непостижимо!

«Но, — продолжает утративший надежду товарищ, — последний призыв его превосходит всякие ожидания. Он призывает оставить за пределами партии ее добрых две трети. Да, две трети, ибо заодно с бывшими ликвидаторами теперь стоят не менее двух третей, если не вся партия».

Это «да, две трети, если не... и т. д.» нисколько не убедительно по той простой причине, что совершенно голословно. Тов. Вано напоминает мне того ленивого школьника, который на вопрос, как он докажет, что земля вертится, отвечал: «ей-богу, это так». Божба — не доказательство.

Я держался бы слишком плохого мнения о сознательном пролетариате России, если бы допустил, что две трети его могут быть в настоящее время «заодно с бывшими ликвидаторами». Но, во всяком случае, я не божусь и ничего не утверждаю голословно, а обращаюсь к сознательному пролетариату и приглашаю его подумать о том, *может ли он, не изменяя своей задаче, оправдывать поведение господ ликвидаторов?* До сих пор я не слыхал сколько-нибудь внушительного ответа в положительном смысле. Напечатанные в «Луче» письма отдельных рабочих и некоторых рабочих групп (т. Вано ссылается на эти письма) доказывают только то, что заодно с ликвидаторами идут *некоторые* рабочие группы и *некоторые* отдельные рабочие. Мне неизвестно прошлое этих групп и этих отдельных рабочих, но я сильно подозреваю, что все они сами, как говорится, были мыты в семи водах ликвидаторства.

Если это в самом деле так, то надо сознаться, что они — плохой авторитет и что тот, кто на них ссылается, стремится ввести в обман

сознательный пролетариат России. А это уж совсем «прискорбное явление».

Тов. Вано говорит о партии. О какой? Как понимает он отношение к партии ее членов? Вот как.

Он пишет:

«Плеханов, как и большевики, не совсем прав в своих обвинениях: *ликвидаторы отрицали не политическую партию пролетариата, а старую организацию этой партии,* доказывая, что партию надо организовать заново при помощи легальных организаций и легальной работы, ибо *старая* нелегальная *организация* уже труп и оживить ее нет возможности».

Эти слова т. Вано, так неосторожно им самим подчеркнутые, неопровержимо доказывают, во-первых, что я совершенно прав в своих обвинениях против ликвидаторов, а во-вторых, что он, т. Вано, не имеет ровно никакого понятия о том, как обязан относиться к своей партии всякий порядочный политический деятель. А это уж, конечно, еще более «прискорбное явление».

Ликвидаторы отрицали старую организацию нашей партии; они доказывали, что она «уже труп и оживить ее нет никакой возможности». Именно это я и говорил. Кто утверждает, что партия, к которой он принадлежал, уже умерла («уже труп»), тот сам умер для партии. А те, которые умерли для нее, те не имеют в ней никаких прав. А если они не имеют в ней никаких прав, то можно ли упрекать тех людей, — например, меня грешного и моих ближайших единомышленников, — которые отказываются признавать их своими товарищами? И можно ли кричать о расколе, если те, которые хотят об'единить партийные силы, отказываются протянуть руку этим господам, так усердно рывшим могилу своей собственной матери, которая была жива, но сильно ранена и окружена превосходными силами временно восторжествовавшего неприятеля?

Если бы ликвидаторы «отрицали политическую партию пролетариата», то это значило бы, что они делают *только* теоретическую ошибку, т.-е. подпадают под идейное влияние синдикалистов. Но в данном случае мы обвиняем ликвидаторов вовсе не в теоретической ошибке, а в преступлении против той партийной организации, к которой они принадлежали. Тов. Вано называет эту организацию старой и думает, что, назвав ее старой, он тем оправдывает ликвидаторов. Но этим он лишь показывает, как много «прискорбной» путаницы в его голове.

Возьмем пример. Меня обвиняют в том, что я сделал покушение на жизнь человека. Тогда мой защитник становится в красивую позу и с жаром восклицает: «Господа присяжные! Обвиняемый хотел убить не человека вообще, а только этого старого человека». Допустим, что человек, от меня пострадавший, в самом деле дожил уже до весьма преклонного возраста. Но это ровно ничего не изменяет. Всякий, несмотря на это, все-таки скажет, что мой защитник не орел, со-о-о-всем не орел.

Тов. Вано, увы! — тоже не орел. Он сам не знает, что говорит. Нельзя разрушить партию вообще. Можно разрушить только данную партию. И когда данную партию разрушает человек, сам к ней принадлежащий, тогда его называют *изменником*. И если бы целые стада товарищей Вано восстали против такого названия и завопили, что оно слишком резко, то мы все-таки не могли бы ради них переиначить русский язык: смысл слова *изменник* все-таки остался бы совершенно определенным, и это слово как раз подходило бы для характеристики человека, попытавшегося разрушить свою собственную партию. Изменник есть изменник. Маевский есть Маевский. Ежов есть Ежов. Потресов есть Потресов. Это все, конечно, весьма «прискорбные явления», но я в них совершенно не виноват.

Господа, стремившиеся разрушить нашу партию, пытаются оправдать свой поступок, утверждая, что она, все равно, уже не существовала. По этому поводу я приглашаю сознательный русский пролетариат принять во внимание следующее.

Тов. Вано считает этот довод убедительным. И он же утверждает, что «заодно с бывшими ликвидаторами» стоят две трети партии. Но ведь *новой* партии мы не основывали. Стало быть, он говорит о *старой*. Стало быть, ликвидаторы лгали. Стало быть, он мирится с ложью. Еще и еще раз: это — весьма «прискорбное явление».

Я уже признал, что, когда ликвидаторы поднимали свою преступную руку на нашу партию, она находилась в очень тяжелом положении. Но чем тяжелее в данное время положение данной партии, тем энергичнее обязан отстаивать ее существование каждый преданный ее член. Кто поступает иначе, кто сам старается нанести ей удар ножом в спину, тот позорно изменяет своему партийному долгу, и того не оправдают никакие адвокаты — даже несравненно более искусные, нежели совсем не искусный т. Вано.

Возьмем еще пример. Рабочие данного завода об'являют стачку. Стачка идет неудачно. Дело принимает такой оборот, что скоро ста-

чечникам придется взяться за работу. Однако они продолжают самоотверженно бороться. Но в их среде находятся бойкие молодцы, которые кричат во всеуслышание, что средства стачечников уже истощились, что стачка уже умерла. Их, конечно, очень хвалят за это гг. Изгоевы... виноват, я хотел сказать: гг. предприниматели. Но как называют их сами стачечники? Сознательным рабочим известно, как надо называть таких молодцов. И они легко поймут, что совершенно так же надо называть Маевских, Ежовых, Потресовых и им подобных.

Продолжаю тот же пример. Стачка кончилась. Но обстоятельства начинают меняться в пользу рабочих. Поднимаются толки о необходимости единения рабочих сил. И вот приходят «товарищи», доводившие до сведения фабрикантов, что стачка умерла, и говорят: «Если уж об'единяться, так об'единяйтесь и с нами». Что ответят им сознательные рабочие? Неужели не поймут они, что именно в интересах об'единения нужно прежде всего «попросить вон» этих недавних могильщиков стачки?

Товарищи рабочие! Я превосходно понимаю, что в единении сила. Я постоянно твержу это. Но я спрашиваю вас: когда лучше об'единена была апостольская община: тогда ли, когда в ней еще находился Иуда-предатель, или же тогда, когда он повесился?

Тов. Вано величает «бывших ликвидаторов» стойкими работниками. Но их «стойкость» проявилась исключительно в деле разрушения партии. И чем больше «стойкости» проявили они, тем невозможнее об'единение с ними. Да и что́ это за название «бывшие ликвидаторы»? Оно напоминает щедринское «бывый профос». Звание профоса пользовалось в России XVII века такой печальной известностью, что население терпеть не могло даже и «бывых профосов». Сознательный пролетариат России очень хорошо сделает, если будет сторониться даже и от «бывых» ликвидаторов.

Тот, кто навязывает нам единение с ними, продолжает стоять на точке зрения фракционной склоки. Он защищает их ради фракционного кумовства. Но соображения фракционного кумовства могут быть убедительны лишь для некоторых отдельных лиц и для некоторых отдельных групп лиц. Они не могут существовать для пролетариата. Пролетариат не захочет поддерживать раскол ради тех, которые копали могилу нашей партии. Он не забудет, что, если наша партия не лежит в сырой земле, если она отстояла свое существование в тяжелую годину, то это произошло *вопреки усилиям «бывых» ликвидаторов*. Этого для него вполне достаточно, чтобы знать, с кем итти и от кого сторониться.

Заметка № 2

Письмо к одиннадцати «передовым» рабочим

Уважаемые товарищи! Вас огорчила моя статья: «К вопросу о расколе в социал-демократической фракции 4-й Государственной Думы». Это очень жаль. Я не хотел огорчать вас. Да и огорчаться-то было нечем.

Вы пишете:

«Во-первых, отмежеваться от «Луча» и пойти за «Правдой» мы не можем потому, что тактические взгляды «Правды» настолько расходятся с нашими, что мы во всем последовать за «Правдой» не можем, ибо считаем борьбу за частичные требования самой насущнейшей социал-демократической работой, отказываться от которой мы не намерены, а «Луч» и является тем органом, который ведет эту повседневную борьбу за очередные требования».

Этот довод не может быть признан сколько-нибудь удовлетворительным возражением на то, что я сказал в своей статье.

Моя мысль сводится вот к чему. В «Луче» сотрудничают некоторые лица, навсегда опозорившие себя изменой партии. Ввиду этого в нем отказываются писать некоторые товарищи, не только не опозорившие себя изменой, но и достойные всякого уважения. Этому их отказу сторонники «Луча» придают такое значение, что в нашей думской фракции начинается раскол. Но раскол очень вреден. Поэтому редакция «Луча» хорошо сделала бы, если бы затворила свои двери для «товарищей», виновных в измене. Стоит ли делать раскол из-за таких господ? Это было бы еще более нелепо, нежели воевать в течение десяти лет из-за прекрасной Елены.

Вот эта-то моя мысль и огорчила вас. Но какое же соображение противопоставляете вы ей? Прежде всего, то, что ваши тактические взгляды расходятся с тактическими взглядами «Правды». Это называется ударить мимо Сидора в стену. Можно очень сильно расходиться с редакцией «Правды» в вопросах тактики и в то же время признавать, что нелепо делать раскол из-за людей, изменивших партии.

Кроме того, вы ставите мне на вид, что считаете борьбу за частичные требования «самой насущнейшей», — правильнее было бы выразиться: самой насущной, — социал-демократической работой. Тут ваш удар опять направляется мимо Сидора. Речь идет вовсе не о борьбе за частичные требования. Вопрос о ней был теоретически исчерпан

еще в то время, когда мы боролись с блаженной памяти «экономистами». В моей статье речь шла о том, и только о том, что лучше расстаться с несколькими, более чем сомнительными, «товарищами», нежели делать раскол. А вы предлагаете мне молотить давно уже вымолоченную солому. Этим я сейчас не намерен заниматься, хотя ваше явное незнание азов социал-демократической тактики, может быть, и принудит меня об'яснить вам со временем, что буки-аз читается: ба. Теперь я настоятельно приглашаю вас не уклоняться от предмета нашего спора. Теперь я спрашиваю вас, думаете ли вы, что можно поднимать руку на свою собственную партию?

Заметьте, что, ответив мне: «нет, нельзя», вы этим еще не поставите себя в необходимость во всем следовать за «Правдой». Этого от вас никто не требует. Во всякой партии могут быть разногласия по теоретическим и практическим вопросам. Но горе той партии, члены которой не понимают, что они никогда и ни при каких условиях не имеют права посягать на ее существование!

Во-вторых, вы ссылаетесь на то, что

«в «Луче» сотрудничает большинство социал-демократической фракции, которое является представителем большинства российского пролетариата, и еще сотрудничают такие славные ветераны рабочего движения, как П. Б. Аксельрод, В. Засулич и др., и отмежеваться от них значит отмежеваться от самих себя».

Я не читал статей, напечатанных в «Луче» моими бывшими товарищами по группе «Освобождение Труда», В. И. Засулич и П. Б. Аксельродом. Настоятельно прошу вас: не позабудьте назвать мне эти статьи в вашем ответе. Охотно допускаю, что они недурны. Но как сам бог не уверил бы нас, по словам Вольтера, что земля сделана из стекла, так же точно ни одна, даже хорошая, статья не убедит меня в том, что стоит делать раскол из-за людей, не сумевших сохранить свою верность нашей партии. Повторяю, мне остались неизвестными напечатанные в «Луче» сочинения П. Б. Аксельрода и В. И. Засулич. Но очевидно, что они написаны вовсе не на ту тему, которая нас здесь занимает. Зачем же ссылаться на эти, может быть и недурные, сочинения?

Не понимаю, почему отмежеваться от людей, изменивших партии, значит отмежеваться от В. И. Засулич и П. Б. Аксельрода. Разве они изменяли партии? Правда, они обнаружили большую, — скажу прямо: непростительную, — слабость по отношению к людям, провинившимся в измене. Этим они показали, что и их коснулся зловредный дух

фракционного кумовства. Но все-таки нет достаточного основания для отождествления их с Потресовым, Ежовым и Маевским. А если бы они сами захотели отождествить себя с этими рыцарями печального образа, то тем хуже для них. Пролетариат вовсе не обязан следовать примеру хороших людей там, где они поступают дурно. Напротив, он обязан напомнить им, что им следует вести себя иначе.

Приблизительно то же надо сказать и о тех членах нашей социал-демократической думской фракции, которые сотрудничают в «Луче». Они поступают очень дурно, не чуждаясь людей, изменивших партии. Пролетариат должен остановить своих избранников, а не увлекаться их, на этот раз весьма дурным, примером. Или вы, может быть, думаете, что пролетариат должен слепо следовать за ними? Или вы полагаете, что депутаты, сотрудничающие в «Луче», не способны ошибаться? Эх, вы... «передовые»!

«А в-третьих, и самое главное, — продолжаете вы, — это то, что «Луч» является не группой литераторов, стоящих одиноко, а это есть целое течение в социал-демократии».

Постойте же, однако! Куда — «течение»? В сторону измены партии? Если да, то о нем вообще не стоит говорить там, где речь идет о партийных задачах. А если нет, то о нем неуместно говорить в данном случае, ибо тут,—еще раз повторяю,—речь идет о том, и только о том, стоит ли делать раскол ради прекрасных глаз изменников.

Посмотрите же, что выходит у вас, мои почтенные критики. Вы написали довольно много и расположили свой материал, можно сказать, не без системы: «во-первых, во-вторых, в-третьих». Но ни во-первых, ни во-вторых, ни в-третьих вы не сказали ни одного слова, которое относилось бы к делу. Что же это за чудасия? Отчего произошла она? Оттого ли, что вы не *умеете* отнестись серьезно к предмету спора, или же оттого, что *вам не хочется* толковать о нем серьезно?

Дальше в вашем письме следуют жалкие слова. Вы пишете:

«Это есть большинство сознательного русского пролетариата, которое идет за «Лучом», и вокруг «Луча» группируются все социал-демократические элементы, которые расходятся в тактике с «Правдой».

Тут позвольте мне позаимствоваться у вас систематичностью.

Во-первых. За «Лучом» вовсе не идет «большинство сознательного русского пролетариата».

Во-вторых. Если бы оно, в самом деле, шло за ним, то это значило бы, что его называют сознательным только по недоразумению. Сознательный пролетариат легко поймет, что люди, один раз поднявшие

шие руку на свою собственную партию, не могут считаться надежными. Ведь завтра они опять попытаются задушить ее по каким-нибудь новым фракционным соображениям. Какие же это товарищи?

И вот, когда мы клеймим поведение этих несчастных; когда мы кричим, что им не место в той политической организации, которую они пытались разрушить, повинуясь постыдным внушениям фракционного фанатизма, — нам говорят, что мы идем наперекор партийному единству, нас об'являют раскольниками! Где же справедливость? Где здравый смысл? Неужели так трудно понять, что единство станет возможным и расколы прекратятся у нас только тогда, когда сознательный пролетариат сумеет отодвинуть на надлежащее место тех господ, которые в своем раскольничьем ослеплении доходили до того, что руководствовались правилом: пусть погибнет партия, лишь бы только восторжествовал наш кружок.

Я вижу, — с болью в сердце вижу, поверьте, — что все это пока еще недоступно вашему пониманию. Но это происходит оттого, что в действительности вы вовсе не передовые, какими себя так самонадеянно об'являете. Вы отстали, страшно отстали, очевидно, благодаря тому, что слишком усердно занимались фракционной батрахомиомахией (войной мышей и лягушек). И если теперь вы беретесь об'яснять пролетариату условия возможности партийного об'единения, то это — совершенно неосновательная претензия. Не вам говорить об этих условиях, потому что вы не понимаете самого главного из них.

Пока до свиданья. Жду от вас скорого ответа, от всей души желая, чтобы он был гораздо удачнее, нежели ваше, только что разобранное здесь, письмо ко мне. А в ожидании удачного ответа я, обращаясь к рабочим, передовым не в собственном воображении, а на деле, скажу, как я уже говорил на страницах «Правды»:

Товарищи! Помните, что *иное дело — брататься с людьми, изменившими партии, а иное дело — об'единять живые силы пролетариата.*

Заметка № 3

Под суд!

В № 84 (170) газеты «Луч» г. Потресов написал статью «Я обвиняю Плеханова». Это название звучало бы грозно, если бы не свидетельствовало о подражании Эмилю Золя с его знаменитым «J'accuse!» (я обвиняю!). Но дело не в названии. Посмотрим, в чем, собственно, обви-

няет меня этот господин, который, будучи обвинен мною в измене партии, решил, что роль обвиняемого имеет много неудобств и что поэтому гораздо выгоднее выступить в роли обвинителя.

На это, в самом деле, стоит обратить внимание, потому что свойственная г. Потресову манера спорить дает весьма точное представление как о глубокомыслии господ ликвидаторов, так и об их правдолюбии.

Г-н Потресов «обвиняет» меня в клевете. «Плеханов меня оклеветал, — гремит он, — приписав мне ту мысль, будто пролетариату не нужно иметь своей партии».

Так ли это? Нет!

В настоящее время я обвиняю г. Потресова и ему подобных, — т.-е. Ежова, Маевского и Левицкого, — *вовсе не в том, что они отрицали идею политической партии пролетариата.*

В доказательство сошлюсь на факт, который относится к самому последнему времени и *который никак не мог остаться неизвестным нашему Золя.*

Когда тов. Вано, в своей статье «Прискорбное явление», напечатанной в 65 номере «Луча», сказал в защиту ликвидаторов, что «они отрицали не политическую партию пролетариата, а старую организацию этой партии», я категорически ответил ему, что мы обвиняем этих господ именно в том, что они хотели разрушить «старую организацию нашей партии», а вовсе не в том, будто «они отрицали политическую партию пролетариата». И я прибавил, что, если бы ликвидаторы ограничились отрицанием политической партии пролетариата, то они сделали бы *только теоретическую ошибку,* подчинившись идейному влиянию «революционных» синдикалистов, между тем как на самом деле они погрешили действием, восстав против той партийной организации, к которой они принадлежали. Господин Потресов читал эту статью: он на нее же и возражает. Как же мог он вложить в мои уста то обвинение, которое я отвергал как смешное и нелепое при данных обстоятельствах? [1]).

---

[1]) Я, между прочим, привел следующий пример: «Меня обвиняют в том, что я сделал покушение на жизнь человека. Тогда мой защитник становится в красивую позу и с жаром восклицает: — Господа присяжные! Обвиняемый хотел убить не человека вообще, а только этого старого человека. — Допустим, что человек, от меня пострадавший, в самом деле, дожил до весьма преклонного возраста. Но это ровно ничего не изменяет. Всякий, несмотря на это, все-таки скажет, что мой защитник не орел, со-о-овсем не орел».

Если бы я склонен был читать в сердцах своих противников и говорить жалкие слова, — т.-е., если бы я был похож на г. Потресова, — то я закричал бы, что он говорит заведомую ложь, что он умышленно искажает мои слова и проч., и проч., и проч. Но я смею думать, что к числу моих недостатков не принадлежит сходство с г. Потресовым. Жалкие слова всегда вызывали во мне брезгливое чувство. Своим противникам я всегда готов был приписать почти все добродетели. Я твердо держался того убеждения, что их единственный грех заключался в том, что природа несколько обделила их по части умственных способностей. Поэтому я не стану об'яснять... ошибку моего противника его нравственной испорченностью, а ограничусь тем кратким замечанием, что не всякий подходит для роли автора «J'accuse!» (я обвиняю!) Еще римляне справедливо утверждали: quod licet jovi non licet bovi (вольный перевод: куда идет конь с копытом, туда не следует соваться раку с клешней).

Повторяю, обвинение, выдвигаемое мною теперь против г. Потресова, состоит вовсе не в том, будто он утверждает, что пролетариату не нужно иметь своей партии. В этом я, вообще, никогда не обвинял его. Правда, было время, когда я упрекал его в том, что он противопоставлял идею рабочего с'езда идее «нашей партии, как таковой». Это до известной степени похоже на то, о чем грезит теперь, «обвиняя» меня, г. Потресов. Но похоже только до известной степени и — заметьте это, читатель! — только по внешности, а отнюдь не по существу. Одно дело сказать, что пролетариату вообще не нужно иметь своей партии, а другое дело противопоставить идею рабочего с'езда идее данной партии. В первом случае человек совершает, как сказано мной выше, только *теоретическую ошибку,* во втором он становится в известное *практическое отношение* к той партии, о которой идет у него речь, т.-е., — так как г. Потресов принадлежал к РСДРП, — к своей собственной партийной организации. Это совсем не одно и то же. Теоретические ошибки *обнаруживают* и, если нужно, *осмеивают*. За них не судят. Что же касается возможных практических отношений к своей собственной партии, то совершенно ясно, что между ними бывают такие, которые заслуживают самого строгого осуждения. Упрекал я г. Потресова в противопоставлении идеи рабочего с'езда идее *нашей* партии на основании одного разговора с ним в Маннгейме осенью 1906 г. (см. мою брошюру «О моем секрете», Женева 1910 г., стр. 14—15). Он отрекся от этого разговора, наговорив, по своему обыкновению, жалких слов о клевете, заведомой лжи и проч. Я предвидел это его отречение,

упоминая в печати о нашем маннгеймском разговоре [1]). Несмотря на это, я по обстоятельствам времени счел нужным упомянуть о нем, спокойно предоставляя читателям решать вопрос о том, кто заслуживает большего доверия: я или г. Потресов. Но все это дело минувших дней. Дни эти безвозвратно миновали, когда г. Потресов в одном из своих «Критических набросков» [2]) заявил, что наша партия «уже не подлежит ликвидации, так как ее на самом деле уже нет как организованного целого» [3]). Теперь практическое отношение г. Потресова к партии приняло характер до такой степени недопустимый с партийной точки зрения, что мне пришлось высказаться уже гораздо более определенно и резко, чем по поводу маннгеймского разговора. Поэтому к маннгеймскому разговору я уже более не возвращался, т.-е. уже не поднимал вопроса о том, как относится г. Потресов к *идее* нашей партии. Теперь передо мною было уже совершенно определенное преступление против партийной организации.

Что такое партия? Это есть организованное целое. Сказать, что партия не существует как организованное целое, значит сказать, что партии нет. Если партии нет, то само собою разумеется, что ее нельзя и ликвидировать, как нельзя убить мертвого человека. Именно это и говорил г. Потресов только что указанными мною словами; именно это повторяли за ним некоторые, более других откровенные, ликвидаторы (г. Маевский). Это было возмутительно. Но я и тут не позволил себе прибегать к жалким словам. Я ограничился тем выводом из слов г. Потресова и его ближайших единомышленников, который следовал из них по всем правилам самой строгой логики. Я сказал: люди, для которых наша партия не существует, сами не существуют для нашей партии.

Пусть вопит по поводу этого вывода г. Потресов; пусть подвывают ему другие ликвидаторы; пусть загораживаются они какими угодно «чудотворными иконами» [4]), — сделанный мною вывод останется неоспоримым, как дважды два четыре. Люди, для которых наша партия не

---

[1]) Я писал: «У меня нет свидетелей. Но я тем не менее не боюсь прямо спросить нашего «историка журнальной (легальной!) публицистики»: правду ли я говорю? Пусть он скажет, что нет. Отрекшись от своих слов, он тем самым будет достаточно наказан...»

[2]) Известно, что дальше набросков г. Потресов никогда и нигде не шел. Он сам есть не более как незаконченный «набросок» марксиста.

[3]) «Наша Заря», 1910 г., № 2, стр. 61.

[4]) О чудотворной иконе в одной из следующих заметок.

существует, сами не существуют для нашей партии. И когда джентльмены, не существующие для партии, обнаруживают желание играть в ней известную (даже руководящую) роль; когда они величают себя такими же равноправными членами, как и те, которые не переставали служить ей верой и правдой, — тогда мы говорим, что они издеваются и над логикой, и над сознательным, политически развитым пролетариатом России. Тогда мы говорим: вы для партии не более как непогребенные мертвецы. Вы утверждали, что партии нет. Как же вы можете быть составною частью того, что не существует? Другие из вас твердили, что если и осталось кое-что от партии, то надо бежать из ее зараженных развалин. Оставайтесь же верны себе: бегите от нас как можно дальше! Мы просим вас об одном: не вздумайте вернуться назад. Такие «лукавые рабы» могут быть только вредны для партии [1]).

Прочитав это, иной читатель скажет, пожалуй: «А что, если эти люди говорили правду? А что, если партия в самом деле не существовала в интересующее нас время как организованное целое?» На это я отвечу примером.

Когда итальянцы напали на Триполи, турецкая армия, несомненно, не существовала там как организованное целое. Как же вели себя «вожди» того, что так или иначе составляло военную силу Турции в названной провинции? [2]) Они сделали все, что могли, для превращения в организованное целое разрозненных частей турецкого войска. Притом, они, конечно, всеми силами старались скрыть от неприятеля печальное состояние своей военной организации.

Это было их долгом, долгом солдат, обязанных бороться до последнего издыхания. А если бы кто-нибудь из них, — скажем, Энвер-бей, — во всеуслышание признал, что турецкая армия в Триполи не может быть уничтожена итальянцами, так как она не существует; если бы он, прикрываясь правдолюбием, доставил врагам своей страны такую огромную радость, то всякий назвал бы его правдолюбие лицемерным

[1]) Кстати. Представим себе такой случай. Я утверждаю, что данный суб'ект в разговоре со мной грозил поджечь дом такого-то лица. Суб'ект с негодованием кричит, что я его оклеветал, потом все-таки совершает поджог, но продолжает возмущаться моей «клеветой». Как вы думаете, читатель, не делается ли *факт угрозы* вероятным вследствие *факта поджога*. Вы находите, что да? Этим самым вы осуждаете г. Потресова с его криком о клевете по поводу моего с ним разговора в Маннгейме.

[2]) Известно, что некоторые, по наивности, относят полудекадента и полумарксиста г. Потресова к числу «вождей» российской социал-демократии.

и всякий имел бы право спросить себя, сколько именно итальянского золота попало в его турецкий карман. И я, — заметьте это, добродушный читатель, — не касаюсь искренности г. Потресова и К° и уже совсем не подозреваю этих господ в продажности. Я повторяю одно: *люди, для которых наша партия не существует, сами не существуют для нашей партии.* Мой вывод холоден, как лед, но зато он тверд, как гранит. Пусть попробует оспорить его кто-нибудь из защитников г. Потресова. Я утверждаю, что это можно было бы сделать только при одном условии: ниспровергнув все правила логики.

Я на минуту предположил, что в то время, когда г. Потресов и его соучастники вели себя так, как не могут себя вести люди, сохранившие понятие о верности своему знамени, наша партия в самом деле не существовала как организованное целое. Но это — неосновательное предположение. Читатель сам сейчас убедится в этом.

Совсем незадолго до того времени, когда г. Потресов неожиданно обнаружил свое изумительное правдолюбие, высшая инстанция нашей партии опубликовала резолюцию, содержавшую в себе характеристику тогдашнего положения партийной организации. Резолюция эта выработана была при участии самых близких единомышленников (не говорю: соучастников) г. Потресова. И она не только признавала существование партии как организованного целого, но утверждала, что ее отрицание есть не более как проявление буржуазного влияния на пролетариат. Что же сказать ввиду этого? То ли, что лгали единомышленники,— повторяю: самые близкие единомышленники, — г. Потресова? Или то, что правдолюбие г. Потресова... заставляло его противоречить об'ективному положению дела? Я выбираю это последнее предположение. Я утверждаю, что, когда г. Потресов писал, будто наша партия не существует как организованное целое, он сам выступал перед нами как литературный плод «буржуазного влияния на пролетариат».

И вот я спрашиваю сознательных рабочих: Товарищи! зачем вам это влияние? зачем вам Потресов? зачем Маевский? зачем Левицкий? зачем Ежов?

Г-н Потресов заговаривает теперь, — правда, не совсем внятно, — о каком-то суде. Я тоже думаю, что в данном случае суд был бы вполне уместен. Если господа, кричавшие, что наша партия не существует, а если и существует, то из нее надо бежать, теперь нашли нужным вернуться в наши партийные ряды, то совершенно ясно, что их преступное поведение не должно оставаться безнаказанным.

Под суд их!

Мой бедный «обвинитель», громкий крик которого нимало не скрывает его растерянности, вопит теперь, что я совершил против партии такое же преступление, как и он. Это высоко комично: обвинитель прячется за спину обвиняемого! Поневоле воскликнешь со Щедриным: «И кого они этими благоглупостями благоудивить хотят!» Но недаром говорит русский народ, что для компании монах женился. Я готов сесть на скамью подсудимых, если только на нее посадят гг. Потресова, Маевского, Ежова и Левицкого. Товарищи, которые выступят нашими судьями, без труда решат, было ли в моем поведении хоть что-нибудь похожее на поведение этих бегунов из партии... и «правдолюбов».

Но так как самое предположение о том, что я в чем-нибудь похож на этих господ, является для меня кровной обидой, то в следующей статье я напечатаю «набросок» той речи, с которою я обращусь к своим будущим судьям. Заранее сознаюсь, что моя защитительная речь будет иметь некоторое сходство с обвинительным актом. Но с этим ничего не поделаешь. Таково совсем не зависящее от меня положение вещей.

P. S. А горячие наступили, однако, времена! На защиту провинившихся ликвидаторов выступил, не считая 12 «передовых» товарищей Вано и одного столь же «передового» Степана Полтавского, даже ликвидаторский «запас». Дошло до того, что против меня ополчилась давно уже молчавшая В. И. Засулич. Теперь остается только т. Чарскому написать статью «П. Б. Аксельрод о Г. В. Плеханове», да т. Мартову загнуть десятка два тех крепких словечек, на которые он такой неподражаемый мастер, чтобы ликвидаторская армия явилась на поле брани в полном комплекте. Ну, да бог не выдаст, никто не с'ест!

Заметка № 4

Господин Потресов в роли моего обвинителя

Теперь начинаю свою защитительную речь.

Обвинительный акт гласит:

«*Плеханов говорил, что социал-демократической рабочей партии,* как организации, *в России нет,* а есть только социал-демократическая интеллигенция».

Неправда, — возражаю я, — Плеханов говорил совсем не то. В той самой статье, на основании которой построен обвинительный акт, Плеханов писал следующее:

«Российская социал-демократия называет себя *рабочей* партией И это не самозванство с ее стороны. Она, несомненно, — рабочая партия в том смысле, что она стоит на точке зрения интересов рабочего класса и защищает эти интересы, как может и как умеет. Но если бы нас спросили, какую роль играют *рабочие* в ее внутренней жизни, то мы, не желая скрывать истину, ответили бы: *почти никакой*. Главным вершителем ее судеб являлась до сих пор так называемая *интеллигенция*».

Кажется, ясно: я вовсе не говорил, что социал-демократической рабочей партии, как организации, в России нет, а есть только интеллигенция. Я говорил, что оттесненные на задний план интеллигенцией, рабочие, к сожалению, не играют почти никакой роли во внутренней жизни партии, т.-е. *именно в ее организации*. Что это было верно, неоспоримо доказывается следующим фактом. На меньшевистской, — заметьте, читатель: на меньшевистской, — конференции, состоявшейся, весной 1905 г., я выразил сожаление о том, что рабочие почти никогда не входят в состав наших партийных комитетов. На это большинство участвовавших в конференции меньшевиков-практиков возражало мне, что иначе и быть не может, так как рабочие пока еще недостаточно развиты. С этим я никак не мог согласиться. *Я давно был убежден, что рабочие уже переросли «интеллигентов»*. Это убеждение и выразилось в моей цитируемой г. Потресовым статье [1]). Пусть скажет российский пролетариат, было ли оно преступно.

Однако обвинительный акт еще не кончен. Прокурор гремит:

«Плеханов *рекомендовал,* в случае продолжения раскола, *уходить из партийной организации*».

Этим шутить нельзя. Это — дело серьезное. Если я, в самом деле, рекомендовал уходить из партийной организации, то я, разумеется, такой же преступник, как господа Ежовы, Маевские и Левицкие: подобно им, я виновен в измене. А если я виновен в измене, то нечего щадить меня. Напротив, меня надо наказать даже строже, чем кого бы то ни было другого:

Старый солдат! Для примера
Должно меня расстрелять.

Вопрос лишь в том, виновен ли я на самом деле, т.-е. можно ли мне приписать позорное сходство с Маевскими, Ежовыми и Левицкими

---

[1]) «Враждующие между собой братья» в № 2 «Дневника», август 1905 г. [Сочинения, т. XIII.]

В этом вопросе разобраться не трудно. Я рекомендовал уходить из партии в случае продолжения раскола. Так гласит обвинение. Стало быть, в то время, когда были написаны мною страницы, положенные в основу обвинительного акта, у нас был раскол? Да, был. До какой же степени дошел он? Он дошел до того, что наша партийная организация распалась на две организации: большевиков — с одной стороны, меньшевиков — с другой. Это всем известно. А если это так, то каким же образом мог я рекомендовать уход из партийной организации, временно разрушенной дружными усилиями раскольников? Совершенно очевидно, что мой обвинитель, — этот неудачный Золя, — вносит большую путаницу, которая, пожалуй, дает мне право усомниться в его добросовестности. Но я не желаю пользоваться этим правом. Я не стану утверждать, что мой обвинитель согрешил против нравственности. С меня достаточно того, что слишком очевиден его грех против исторической истины.

Единственное, в чем меня можно было бы упрекнуть, это разве в том, что я говорил о нашей партии, как о существующей, даже в то время, когда раскольники разделили ее на две части. Но я позволял себе эту вольность, непоколебимо надеясь на то, что рабочий класс скоро положит конец расколу. Я говорил, что уже слышится мерный шаг рабочих батальонов, активное вмешательство которых в нашу партийную жизнь образумит самих закоснелых раскольников. И мой слух не обманул меня. Весной 1906 г. общественное мнение нашего рабочего класса принудило раскольников к об'единению.

Я похож на Маевского, на Ежова, на Левицкого? Еще никто в жизни не оскорблял меня так жестоко! Мое поведение было прямо противоположно тому, которым опозорили себя эти... человеки.

И так же противоположно было оно тому поведению, которым опозорил себя г. Потресов. Я говорил о нашей партии, как о существующей, даже тогда, когда на время она перестала существовать как целое; господин же Потресов об'явил ее несуществующей тогда, когда она существовала, опять-таки как целое, что печатно признавали, между прочим, его друзья, «лидеры» меньшевизма, участвовавшие в известном пленарном заседании и подписавшие не менее известную резолюцию, об'явившую сомнение в существовании партии плодом буржуазного влияния на пролетариат.

Я не рекомендовал уходить из партийной организации ни тогда, когда эта организация существовала, ни тогда, когда она была временно разрушена дружными усилиями раскольников, между которыми г. По-

тресову принадлежала не весьма лестная роль одного из лидеров. Пока организация существовала, я всеми силами стремился предупредить раскол; и когда меня спрашивали, за кого я стою: за большевиков или меньшевиков, я неизменно отвечал, что стою я за российский пролетариат и за российскую социал-демократическую рабочую партию. А когда весной 1905 г. наша партийная организация была разрушена совокупными усилиями раскольников, между которыми г. Потресов играл, как сейчас сказано, большую роль, я, указав, что теперь у нас вместо одной существуют уже две социал-демократические организации, писал:

«Как между «большевиками», так и между «меньшевиками» есть «товарищи», которые будут всеми неправдами поддерживать и подогревать существующую вражду между организациями. Но и там, и тут есть люди другого нравственного закала, люди неравнодушные к нашим партийным несчастьям и с горестью видящие, как низко падают наши акции благодаря расколу. Эти люди, — единственные, имеющие право называть себя социал-демократами, — должны высказаться громко и повелительно в пользу сближения. Теперь их молчание было бы непозволительной слабостью».

Таким ли языком говорят люди, идущие против партийной организации? Так ли выражаются Ежовы, Маевские, Левицкие, Потресовы и все те несчастные, которых фракционный кретинизм довел до преступного и совершенно непростительного забвения своих обязанностей перед партией? Еще раз: нет и не может быть более вопиющей неправды, чем то утверждение, что я хоть немного похож на этих социал-демократических недорослей.

Я всегда был партийцем. Я остался им до настоящей минуты. Я всегда был против раскола. Платформа, выпущенная мной и моими ближайшими единомышленниками в сентябре 1911 г., предупреждая товарищей, ставила им на вид, что фракционная вражда привела уже за границей к образованию двух фракционных центров и что раскол грозит вторжением в пределы России. А когда раскол уже вторгся в эти пределы, на вопрос, с кем пойдем, — мы, партийцы, отвечали:

«Мы не пойдем ни с теми, ни с другими. И, не идя ни с теми, ни с другими, мы попрежнему будем критиковать каждое действие, направленное против единства, и поддерживать всякий шаг, — кто бы его ни делал, — способствующий об'единению социал-демократических сил и не нарушающий принципиальных положений нашей тактики. Из двух или нескольких зол мы, меньшевики-партийцы, всегда будем выбирать наименьшее».

Я прекрасно знаю: некоторых наивных читателей удивят мои слова. Они скажут мне: «можно ли работать на пользу об'единения, ведя такую энергичную кампанию против Маевского, Ежова, Потресова и им подобных?»

Отвечаю: вполне. Никакое сближение не бывает безусловным. Необходимым условием прочного сближения, а вслед за ним и об'единения, является уважение к партийной дисциплине. А там нет уважения к партийной дисциплине, там есть лишь полное, беспредельное и бесстыдное пренебрежение к ней, где смотрят, как на безупречных товарищей, на таких людей, которые кричали, что надо бежать из партии или что она совсем не существует. Уважение к дисциплине есть только там, где на таких людей смотрят, как на преступников.

Обвинение, состряпанное нашим неудавшимся Золя, до такой степени противоречит самым неоспоримым фактам, оно до такой степени невероятно, что невольно возникает вопрос: да неужели Юпитер, решив погубить г. Потресова, окончательно лишил его рассудка? Вероятно, это не совсем так.

Когда г. Потресов говорит, что я советовал уходить из *партийной* организации, то на его языке это по всей вероятности значит, что я советовал не входить ни в один из двух враждовавших между собой партийных осколков. Поле зрения г. Потресова ограничено пределами *фракции*. Точка зрения партийная является в его глазах преступной. Но мы, стоящие на партийной точке зрения, смотрим на дело совершенно иначе. В наших глазах восстание против фракционности есть начало партийной премудрости. И этот наш взгляд разделяют, — и не могут не разделить, — все сознательные рабочие, ибо мерой сознательности в делах организационных является отрицательное отношение к фракционному фанатизму.

Возвращаюсь к обвинительному акту.

«*Плеханов рассматривал старые формы* партийной организации, т.-е. *старое подполье, как игрушки, непригодные для политической работы взрослых людей*». Да, рассматривал! Почему? Это уже об'яснено мною выше. Преимущественно потому, что рабочие оттеснялись в этих формах на задний план «интеллигентами», пользовавшимися своим привилегированным положением в партии для того, чтобы вести бесконечные фракционные распри. Из этого положения я видел только один выход: ослабление влияния «интеллигентов», усиление влияния рабочих на внутреннюю жизнь партии. И тогдашние обстоятельства давали мне основания надеяться на то, что мы уже недалеки от этого

желанного выхода. Вот почему я с отрадной уверенностью говорил: «Теперь уж недолго хозяйничать интеллигентским сверхчеловекам, теперь пролетариат идет» [1])...

Разве это не было правдой? И каким образом, говоря эту правду, я мог уподобиться г. Потресову и К°? Где найти Эдипа, способного разрешить эту загадку?

Эдип здесь! Он сидит на прокурорском кресле! Он выступает под псевдонимом: А. Н. Потресов. И он обнаруживает удивительное стремление к софистике, хотя и не обладает гибкостью ума, необходимой для того, чтобы сделаться ловким софистом. Его софистические приемы сводятся к подстановке, совершаемой с помощью двух очень простых и очень коротеньких словечек: «*то-есть*».

Изволите ли видеть: я был недоволен старыми формами нашей партийной организации. Указав на это, г. Потресов немедленно прибегает к методу подстановки. Он говорит: «то-есть» Плеханов был недоволен «старым подпольем». А раз явилось на сцену «подполье», г. Потресову кажется, что ему уже легко обнаружить тождество моих организационных взглядов со взглядами Ежова, Левицкого, Маевского и, наконец, его самого, г. Потресова.

Но подобный софизм простителен только для детей не свыше десятилетнего возраста. От взрослого человека необходимо требовать большего. Во-первых, о «подполье» у меня не было и речи. Во-вторых, иное дело быть недовольным «старым подпольем», а иное дело кричать: не надо подполья, бегите из него вон! Неужели г. Потресов надеялся, что его читатели не заметят этой разницы?

Прокурор продолжает: «*Плеханов видел спасение социал-демократии в «открытых союзах»*, т.-е. в борьбе за открытое существование партии».

Опять «то-есть»! Опять метод подстановки, и опять крайне неудачное пользование этим методом.

Господа Маевские оправдали свое преступное выступление против «подполья» тем соображением, что партия должна существовать открыто. В 1905 г. Плеханов видел спасение социал-демократии в открытых союзах. «То-есть» Маевские говорят теперь то, что говорил Плеханов в 1905 году.

Жалкий софист! Негодный прокурор!

---

[1]) См. все в той же статье «Враждующие между собою братья», на которую опирается мой обвинитель. [Сочинения, т. XIII.]

Похоже ли нынешнее положение на то, которое все более и более намечалось весной 1905 г.? Нет, вовсе не похоже. Тогда можно было надеяться, что «открытое существование партии» будет действительностью завтрашнего дня. Теперь на это надеяться *невозможно*. И если господа Маевские говорят теперь то, что я говорил при совершенно других обстоятельствах, то они тем самым показывают свое полное несходство со мною. Иван приходит на свадьбу и, увлеченный общим весельем, начинает плясать. А Сидор пускается в присядку на похоронах. Похож ли Сидор на Ивана? Нет, не похож. Сидор — несомненный дурак, а про Ивана этого сказать нельзя.

Социал-демократия везде и всюду стремится стать открытой партией. Весь вопрос в том, как проявляет она свое стремление там, где стать открытой партией она пока еще не может. А по этому вопросу я никогда не говорил того, что говорили единомышленники г. Потресова, эти социал-демократические октябристы, как я их называю.

Весной 1905 г., когда раскольникам, и между ними г. Потресову, удалось разделить на две враждующие между собою части нашу партийную организацию, я, в ожидании восстановления ее единства, советовал обеим, созданным расколом, организациям вступить между собою в федеративную связь. Другими словами, радостно приветствуя *будущую* возможность открытого существования партии, я понимал, что такая возможность еще не есть действительность и что для превращения ее в действительность необходимо бережно и заботливо относиться к «подполью». Тем бережнее и тем заботливее нужно было, по моему твердому убеждению, отнестись к нему в эпоху реакции, начавшейся в 1907 году. Именно за это ближайшие единомышленники г. Потресова называли меня «певцом подполья». С своей стороны, они не находили достаточно сильных слов для выражений той мысли, что от подполья нельзя уже ждать никакой пользы. Г-н Ежов твердил: «И больший размах, и бо́льшая глубина содержания, и более яркая политическая окраска — все это приложится, и приложится без особых затруднений, лишь только все активные силы безоговорочно порвут с иллюзиями о возможности «восстановить» отжившее и направятся в легальное движение» [1]).

Это прямо противоположно тому, что было писано мною. Пусть же судит сам читатель об основательности выдвинутого против меня обви-

---

[1]) См. его статью: «Очередные вопросы рабочего движения». «Возрождение», № 11, стр. 32. Москва 1910.

нения. Пусть сам он решит, что ответить на следующую тираду моего «обвинителя».

«*И тот же Плеханов клеймит изменниками,* Иудами-предателями, *и об'являет* стоящими *вне социал-демократии* людей, которые *повторяют теперь то самое, что когда-то говорил Плеханов!*» [1])

По-моему, на это не надо и возражать: так очевидно, что я говорил как раз обратное тому, что приписывает мне наш неудачный подражатель Эмилю Золя. Прибавлю разве только вот что.

Я не говорил, что г. Потресов и его ближайшие единомышленники стоят вне социал-демократии. Я утверждал, что они стоят вне той партии, которую один из них об'явил несуществующей, а другие пытались разрушить, приглашая ее членов покидать ее ряды. Такое отношение к своей собственной партии я называю изменой. Это обижает некоторых товарищей, почему-то вообразивших себя «передовыми» [2]).

Но я решительно не умею найти в русском языке другого слова, которым можно было бы заменить это неприятное для «передовых» товарищей выражение. Еще ни в одной армии не награждали орденами дезертиров и не считали надежными солдатами тех, которые проповедывали дезертирство.

Далее, я не называл г. Потресова и К° Иудами-предателями. Это было бы неизящно. Я только сказал, что апостольская община была лучше об'единена не тогда, когда к ней еще принадлежал Иуда-предатель, а тогда, когда он уже повесился. Не моя вина, если это мое неоспоримо справедливое замечание навело г. Потресова на мысль о некоторой обидной для него аналогии.

Читатель видел: обвинительный акт, написанный против меня г. Потресовым, решительно не выдерживает критики, опираясь на самые жалкие, поистине ребяческие, софизмы. Но наш Золя не только плохой логик. Он, кроме того — грубый человек. Он утверждает, что я бью себя сам в лицо, резко осуждая те мысли, которые я будто бы высказал гораздо раньше, чем стал повторять их он, г. Потресов, и его единомышленники. Я только что показал, как мало похожи «мысли» г Пот-

---

[1]) Курсив г. Потресова.

[2]) Один из них наивно спрашивает меня, в чем же состоит преступление ликвидаторов? Пользуюсь случаем ответить: да именно в том, что они хотели ликвидировать свою собственную партию. Надеюсь, что это без труда поймут даже те берлинские лошади, о которых недавно сообщалось в газетах, что они умеют производить элементарные арифметические действия. А ведь лошадь, даже и самая умная, все-таки не человек!

ресова и К° на то, что я писал когда бы то ни было. Теперь прибавлю следующее.

Я очень люблю горячие полемические схватки. Но в самой горячей полемике мне никогда не приходило в голову бить своих противников по лицу ни своей, ни их собственной рукой. Смею думать, что я умел соблюдать литературное приличие. Я понимаю, впрочем, что не всякому дано соблюдать его...

Обвинительный акт, с которым выступил против меня г. Потресов, был в своей значительной части написан им уже несколько лет тому назад. Мой «обвинитель» удивляется, почему я до сих пор не возразил ему. Он думает, что мне нечего было возразить. Я показал теперь, как вздорны, как смешны все основы обвинения. И если иной читатель не без удивления спросит меня: «Почему же вы раньше не сделали этого?», то я отвечу: именно потому и только потому, что мой «обвинитель» говорил чистейший вздор. Опровергать подобный вздор никому не приятно. Мне же просто-напросто невозможно. У меня не осталось бы времени для научной и публицистической работы, если бы я вздумал оспаривать все те пустяки, с которыми выступают против меня многие противники. Чтобы я стал полемизировать с тем или другим лицом, нужно, чтобы его литературное произведение было не ниже известного уровня. Обвинительный акт, сочиненный г. Потресовым, не удовлетворял этому, совершенно понятному условию, и я молчал. Точно так же молчал я, когда Кричевский и Теплов напечатали сердито-нелепую брошюру в ответ на мой «Vademecum», некогда начавший собой нашу победоносную кампанию против «экономистов». Замечу мимоходом, что сам г. Потресов в одном из своих писем ко мне из России находил, что лучшим ответом на брошюру Теплова и Кричевского явится мое молчание.

Если я в настоящей заметке отступил от своего правила не отвечать на произведения подобного рода, то это произошло по двум причинам. Во-первых, я увидел, что мое молчание вызывает у г. Потресова преувеличенное представление о своих публицистических способностях, а во-вторых, — и это, конечно, главное, — потому, что массовый читатель, перед которым мы ведем теперь свой спор, вероятно, незнаком с тем, что я писал в 1905 г. и вследствие этого мог бы быть введен в обман смелыми, хотя безусловно неосновательными, утверждениями моего смешного «обвинителя».

Но я и теперь отвечу далеко не всем тем, которые идут на меня, например, в «Луче». На это у меня опять нет ни возможности, ни охоты.

Я знаю, что вследствие этого какой-нибудь Семен Черниговский или Иван Воронежский с гордостью об'явит года через 3 — 4: «Плеханов не сумел возразить мне». Но ведь я не обязан заботиться о приведении к рассудку всех тех лягушек, которые надуваются, желая превзойти свои естественные размеры. Мне остается лишь надеяться, что эти лягушки не кончат своих дней так печально, как кончила героиня одной басни.

В заключение еще два слова вот о чем. Господа ликвидаторы, защищаясь от моих упреков, уже не раз заявляли, будто они лишь повторяют то, что я сам писал когда-то. Каждое подобное заявление сопровождалось ссылкой, подчас и не одной, ясно свидетельствовавшей о том, что господа ликвидаторы не понимали меня даже и тогда. Юпитер еще не лишил их рассудка. Это обстоятельство позволяет мне отдать им справедливость, об'яснив вздорные заявления моих бывших товарищей не их злою волей, а просто-напросто промахами незрелой мысли. Возможно, что у многих из них в самом деле нет своих идей, а есть лишь более или менее неправильное понимание тех идей, которые высказывались мною в то или иное время моей литературной деятельности. Этому горю я помочь совсем неспособен. Не моя вина в том, что их плохо одарила мать-природа.

Заметка № 5

В. И. Засулич, ликвидаторы и раскольничий фанатизм

В № 88 (174) «Луча» В. И. Засулич сделала «заявление», которое я не могу оставить без ответа.

В. И. Засулич пишет:

«В своей последней статье Г. В. Плеханов сводит почему-то число «изменников» к трем вышеупомянутым товарищам. На самом деле, число людей, неустанно работавших на пользу с.-д. партии в самые тяжкие годы реакции и тем самым заслуживших от Плеханова, Ленина и проч. имя «ликвидаторов», а затем «изменников», было гораздо больше».

Вдумайтесь, читатель, в логический смысл этих строк. «Плеханов, Ленин и проч.» окрестили ликвидаторами, а затем изменниками, — «людей, неустанно работавших на пользу социал-демократической партии (заметьте: *партии! — Г. П.)* в самые тяжкие годы реакции». Что сказать по этому поводу? Тут можно сказать только одно: если В. И. Засулич правильно излагает факты, то «Плеханов, Ленин и

проч.» — совершенно вздорные люди, на крики которых не следует обращать внимания. Да и этого мало. Чтобы назвать изменниками товарищей, неустанно работавших на пользу партии, надо самому быть изменником, а в лучшем случае — сумасшедшим. Спрашивается, что же представляют собою «Плеханов, Ленин и проч.» — сумасшедших или изменников?

В. И. Засулич имеет репутацию очень мягкого человека. И эта репутация в значительной мере заслужена ею. Москвичи звали когда-то царя Алексея Михайловича тишайшим. В. И. Засулич можно назвать тишайшей, по крайней мере, с таким же правом. Она очень не любит больших резкостей. Вероятно, лишь вследствие этого она не называет меня, Ленина «и проч.» ни сумасшедшими, ни изменниками. Она об'ясняет нашу огромную ошибку, — потому что ведь огромная, беспредельная ошибка совершенно очевидна... если только правду написал человек, носящий славное имя В. И. Засулич, — ослеплением, которое, в свою очередь, вызвано раскольничьим фанатизмом. Кроме того, она, как будто опасаясь, что и это, сравнительно мягкое, об'яснение выйдет слишком обидным для меня, еще более золотит пилюлю. Она выражает надежду, что мой «злобный раскольничий фанатизм» подействует отрезвляющим образом на рабочих-большевиков и тем вызовет в них «непритворное стремление к единству». «Если моя надежда оправдается,— заканчивает она, — то Г. В. Плеханов опять окажет — на этот раз против собственной воли — значительную услугу российской социал-демократической рабочей партии».

Это, пожалуй, уж ирония. И даже наверно так. Но ведь и тишайший писатель не может обойтись без иронии и отчасти без резких выражений в тех крайних случаях, когда ему приходится иметь дело с лицами вроде «Плеханова, Ленина и проч.», которых по настоящему-то надо было бы, как мы видели, признать изменниками или посадить в желтый дом. В таких случаях ирония и даже некоторая резкость вполне понятны. Еще более понятно, что тишайшая В. И. Засулич выражает свое сочувствие не «Плеханову, Ленину и проч.», а тем людям, которые «неустанно работали на пользу социал-демократической партии в самые тяжкие годы реакции» и *за это* были жестоко оскорблены «Плехановым, Лениным и проч.». Можно ли не сочувствовать этим обиженным и униженным? Если гг. ликвидаторы умиляются, читая разбираемое мною «заявление», то это происходит единственно оттого, что по части чувствительности они не уступают самому автору «Писем русского путешественника» На самом же деле, тут нечем и умиляться: сочувствие

к лицам, обиженным «Плехановым, Лениным и проч.», обязательно для всякого неиспорченного гражданина... если только не взвел на нас напраслины, если только не покривил душой человек, носящий славное имя В. И. Засулич.

Но, — увы, увы! — человек, носящий это славное имя, покривил душою, взвел напраслину. Мне тяжело утверждать это, хотя я никогда не считался тишайшим. Но делать нечего. Обстоятельства заставляют меня говорить.

Я никогда не называл ликвидаторами, а еще менее изменниками, таких людей, которые работали на пользу партии в тяжелые годы реакции [1]).

В моих статьях ликвидаторами назывались люди, стремившиеся ликвидировать свою собственную партию.

Разве ликвидировать свою собственную партию значит работать на ее пользу?

Я покорнейше прошу тишайшую В. И. Засулич категорически ответить мне на этот вопрос.

Далее. Некоторые из людей, стремившихся ликвидировать свою собственную партию, доходили до того, что приглашали своих товарищей покидать ее ряды.

Разве поступать так по отношению к своей собственной партии значит работать на ее пользу?

Я покорнейше прошу тишайшую В. И. Засулич категорически ответить мне также и на этот вопрос.

Наконец. Один из людей, стремившихся ликвидировать свою собственную партию, позволил себе печатно заявить, что она не существует как организованное целое.

Делать перед лицом неприятеля подобное заявление о своей собственной партии — значит ли работать на ее пользу?

Я не буду настаивать на том, чтобы В. И. Засулич ответила мне, между прочим, на этот последний вопрос. Мне кажется, что ответ на него содержится в ее «заявлении». Там я нахожу следующие строки.

«Я не работала в их рядах (т.-е. в рядах людей, которых я называл ликвидаторами и проч. — *Г. П.*). Но если бы я работала, то, несо-

---

[1]) Не называли их так, конечно, и «Ленин и проч.». Но, не желая осложнять свой ответ, я предоставляю «Ленину и проч.» отвечать самим за себя. Это тем более удобно, что мое отношение к ликвидаторам отличается от отношения к ним Ленина, а также, может быть, и от отношения к ним *некоторой части* «и проч.»

мненно, так же, как и они, работала бы вне той партийной организации, которой не существовало в России, и без всякого руководства несуществовавших здесь центров».

Если это, в самом деле, ответ, то он как нельзя более странен. В первом — приведенном мною выше — отрывке из «заявления» В. И. Засулич говорилось, что люди, защищаемые ею от несправедливых обвинений со стороны «Плеханова, Ленина и проч.», работали на пользу партии в тяжелые годы реакции. Теперь оказывается, что в эти годы партии не существовало. Как же могли клиенты В. И. Засулич работать на пользу несуществовавшей партии?

Ища ответа на этот проклятый вопрос, предположим, что люди, защищаемые В. И. Засулич, работали на пользу партии в том смысле, что стремились вновь создать ее в то время, когда она не существовала. Это предположение — наиболее выгодное как для самой В. И. Засулич, так и для ее клиентов. Но посмотрите, что получается у нас при этом, наиболее выгодном для моих противников, предположении.

Клиенты В. И. Засулич старались вновь создать РСДРП. Это превосходно.

Но зачем один из них, — г. Потресов, — во всеуслышание возвестил, что партия разрушена? У В. И. Засулич ответ готов: «Для успешности работы часто бывает необходимо высказать то, что есть». Пусть «*бывает*». Но почему же именно *было* в данном случае? Другими словами, зачем надо было г. Потресову именно в этом случае кричать, что ликвидаторов нет, так как ликвидировать нечего, ибо партия уже не существует? Нужно ли было для успеха новой, созидаемой клиентами В. И. Засулич, партии доводить до сведения наших врагов то обстоятельство, что старая партия разрушена? Этого никто не скажет. Сама В. И. Засулич должна будет признать, что подобное осведомление врагов являлось *невыгодной* стороной поступка г. Потресова. Но тогда в чем же могла состоять его *выгодная сторона,* будто бы перевесившая невыгодную? Очевидно, только в одном. Деяние это, т.-е. констатирование того факта, что старая партия уже не существует, должно было служить доводом в защиту людей, строивших новую партию. От кого же нужно было защищать их? Ясно, от кого: от тех их товарищей, которые, не соглашаясь с тем, что старая организация уже разрушена, настаивали на необходимости ее упрочения, т.-е. от тех, которые впоследствии получили очень подходящее название партийцев.

Отсюда следует, что сама В. И. Засулич ограничивает смысл того утверждения, что старой партии уже не существовало. Теперь утвер-

ждение это надо понимать так, что хотя партия была разрушена, но все-таки продолжали существовать ее остатки.

Для борьбы с этими остатками и важно было клиентам В. И. Засулич во всеуслышание возвестить о разрушении старой партии.

Что же происходит тогда, когда одни, — в данном случае партийцы, — доказывают, что надо упрочивать старую организацию, а другие, — в данном случае В. И. Засулич, — кричат, что следует заводить новую? Происходит раскол. Кому же принадлежит здесь почин раскола? — Клиентам В. И. Засулич. Но если это так, то можно ли удивляться, что партийцы возмущались поступками этих клиентов? Что они называли их раскольниками? Ведь иначе их и назвать нельзя было.

Заключалось ли какое-либо преувеличение в словах партийцев, когда они говорили, что клиенты В. И. Засулич совершают измену? Ни малейшего! Когда люди, принадлежавшие к данной организации, решаются покинуть ее в трудных обстоятельствах, поколебавших самое существование ее как целое; когда они кричат, что ее уже нет, стараясь в то же время разрушить ее остатки, тогда они являются изменниками по отношению к старой организации.

Что же у нас вышло? Вышло то, что, опираясь на собственные слова тишайшей В. И. Засулич, я показал, как дважды два — четыре, что ее клиентов невозможно назвать иначе, как раскольниками и изменниками. Поздравляю защитницу ликвидаторов с большим успехом.

Скажут, пожалуй: «бывают случаи, когда без раскола обойтись невозможно». Я знаю, бывают. Но пусть же тишайшая В. И. Засулич признает, что в рассматриваемую нами эпоху раскол был необходим. Пусть она имеет мужество назвать своих клиентов раскольниками! Пусть она не валит с больной головы на здоровую! Пусть она не обвиняет в злобном раскольничьем фанатизме таких людей, которые, подобно мне, виновны только в том, что строго осуждают дорогих ей раскольников!

Мы видим, что «Плеханов, Ленин и проч.» — вовсе не такие безумцы, какими выступали они под пером моей мягкой оппонентки. Запомним этот неизбежный вывод.

До сих пор я, по свойственной мне любезности, держался того, наиболее выгодного для В. И. Засулич, предположения, что партия не существовала как целое. А что будет, если я приму другое предположение? Что будет, если я предположу, что партия существовала? Тогда у меня получатся выводы, еще менее благоприятные для клиентов В. И. Засулич. Тогда они предстанут преступниками, не заслуживаю-

щими ни малейшего снисхождения. И тогда «Плеханов, Ленин и проч.» будут еще более правы.

Как же решить, существовала или не существовала партия в ту эпоху, когда ликвидаторы предавались своим «художествам»?

Решая этот вопрос, я сошлюсь не на противников В. И. Засулич, идущих вместе с «Плехановым, Лениным и проч.», а на ее друзей, т.-е. на тех, которые сами лобызались с любезными ей ликвидаторами.

Как я уже говорил в одной из предыдущих заметок, в интересующий нас период времени была принята одним, хорошо известным В. И. Засулич, пленарным заседанием резолюция, категорически утверждавшая, что партия существует как целое, и прибавлявшая, что отрицание ее существования свидетельствует о буржуазном влиянии на пролетариат Резолюция эта была принята единогласно собранием, в котором участвовало несколько очень видных единомышленников В. И. Засулич [1]. Если сказала правду резолюция, то говорит неправду В. И. Засулич, утверждая, что партии не существовало. А если правду говорит В. И. Засулич, то неправда сказана лицами, принявшими резолюцию, т.-е., между прочим, несколькими видными единомышленниками моей оппонентки.

Как разобраться в этой путанице? Я утверждаю, что правду сказали лица, принявшие резолюцию, т.-е., между прочим, и некоторые видные единомышленники В. И. Засулич, верные друзья г. Потресова и К°. Пусть опровергает моя оппонентка.

Значит...

Но читатель и без меня поймет, что означает все это.

В. И. Засулич утверждает, что она не работала в рядах ликвидаторов, а если бы работала, то поступала бы так же, как они. В логике это называется тавтологией: нельзя было работать в рядах ликвидаторов, не поступая так же, как они. Но у В. И. Засулич эта тавтология обозначает простое уверение в том, что, если бы она работала в указанное время, то она сама вела бы себя так же, как и ее клиенты. Чувствуя себя солидарной со своими клиентами, она выражает удивление по

---

[1]) Для точности вот отрывок из резолюции: «Историческая обстановка социал-демократического движения в эпоху буржуазной контр-революции неизбежно порождает, как проявление буржуазного влияния на пролетариат, с одной стороны, отрицание нелегальной социал-демократической партии, принижение ее роли и значения и т. д.». Обвиняемые мной и защищаемые В. И. Засулич господа: Ежов, Левицкий, Маевский и проч. (В. И. Засулич думает, что их только три, но их больше) грешили именно теми грехами, на которые указывает этот отрывок.

поводу того, что я нашел нужным отмежевать ее от них. Удобнее всего будет ответить ей примером.

На скамье подсудимых сидит несколько интендантов. На их защиту поднимается старый, заслуженный генерал и заявляет, что он не «работал в их рядах», но если бы работал, то обращался бы с казенным добром так же бесцеремонно, как они. Что возразили бы судьи этому чудаку? Приблизительно следующее:

«Очень жаль, Ваше Высокопревосходительство, что Вы на старости лет так дурно себя аттестуете. Но, глубоко сожалея об этом, мы все-таки не посадим Вас рядом с подсудимыми. Нашему суду подлежат только уже совершенные деяния, а не те, которые могли бы быть совершены».

Больше тут сказать нечего. Поэтому и я больше ничего не скажу.

В. И. Засулич не понимает того обвинения, которое было выдвинуто мною против ее клиентов. По ее мнению, оно сводится к тому, что они работали вне партийной организации. Но это не так. Выдвинутое мною обвинение шире, как шире те преступные деяния, которые были совершены ее клиентами. Эти господа не только работали вне партийной организации, они старались разрушить ее и даже отрицали самую идею «подполья», они приглашали наших социал-демократов «безоговорочно порвать» с преданиями прошлого и направить все свои силы на путь легального движения (В. Ежов). Я спрашиваю В. И. Засулич, одобряет ли она все это? Сказала ли бы она то же самое, что говорили эти господа, если бы ей пришлось работать в интересующее нас время? Если сказала бы, то я все-таки не перестану отмежевывать ее от них, так как, повторяю, никого нельзя судить за те деяния, которые могли бы быть им совершены. Но мне будет очень жаль, что один из бывших членов группы «Освобождение Труда» дошел до такой печальной возможности: одобрить то, что я назвал социал-демократическим октябризмом.

В. И. Засулич усматривает злобный раскольничий фанатизм в том, что я резко осуждаю действия людей, поднявших руку на собственную партийную организацию. Это показывает, как мало развито понятие о партийной дисциплине даже у таких людей, которые, несмотря ни ни что, все-таки должны быть отнесены к числу наилучших представителей российской социал-демократии. Пока это понятие останется у наших товарищей в том зачаточном состоянии, в каком мы наблюдаем его в В. И. Засулич, до тех пор расколы будут повторяться у нас с правильностью астрономических явлений. К счастью, плохим пониманием обя-

занностей, налагаемых дисциплиной на каждого члена партии, страдают, главным образом, «интеллигенты». Сознательные рабочие могут много сделать для устранения этого, преимущественно «интеллигентского» недостатка. А так как надо когда-нибудь начать, то я предлагаю им начать теперь же, строго и нелицеприятно высказавшись по делу Потресова, Ежова, Левицкого, Маевского.

Да, да, вот оно как! Долго молчала В. И. Засулич, а когда выступила, то написала нечто совсем неудачное. Как жаль, что она упустила превосходный случай помолчать еще немножко! Что за охота ей играть в руках ликвидаторов роль иконы, которой стараются иногда оградиться от стихийных бедствий? Еще покойный Драгоманов говорил когда-то, что подобная роль ей не к лицу. Помнится, в этом она с ним соглашалась.

СТАТЬИ ИЗ ГАЗЕТЫ «ЕДИНСТВО» ЗА 1914 ГОД

Кто же собственно равнодушен?

(К исключению социал-демократов и трудовиков из Государственной Думы 22 апреля)

Представители пролетариата были военной рукой удалены из залы думских заседаний за то, что защищали свободу депутатского слова.

Некоторые органы русской печати утверждают, что страна ответила на их насильственное удаление полным равнодушием.

«Равнодушие это так велико, — писал г. Баян в № 98 «Русского Слова», — что, вероятно, власть почтет свою победу достаточно полной и даст сигнал к затушению дела Чхеидзе».

Далее тот же публицист поясняет, почему власть может теперь считать себя удовлетворенной. По его словам, «22 апреля друзья Чхеидзе и г. Родзянко сделали для торжества реакции больше, чем может сделать первый департамент Государственного Совета».

Смысл этого довода ясен: г. Баян думает, что, защищая свободу депутатского слова, «друзья Чхеидзе» прибегли к такому приему борьбы, который отодвинет страну далеко назад по пути реакции.

Тот же публицист издевается над «блестящей» речью, произнесенной г. Шингаревым после удаления социал-демократических депутатов. Г-н Баян убежден, что она будет так же бесплодна, как и все прежние выступления кадетского Златоуста.

«Шингаревскими выступлениями оппозиция официально открывает критику существующего строя, но строй после этой критики становится еще круче. Семь лет г. Шингарев это подчеркивает, семь лет «блестяще» разбивает бюджет, а жить становится все труднее, и бюджет все пухнет».

Итак, действия «друзей Чхеидзе», равно как и г. Родзянко, заслуживают порицания потому, что приносят большую пользу реакции, а «блестящие» речи г. Шингарева заслуживают насмешки потому, что не приносят никакой пользы прогрессу. Чего же требует г. Баян? Это

остается его тайной. Мы не будем стараться раскрыть ее. В рассуждениях этого публициста так мало логики, что мы, наверно, не добьемся от него никаких серьезных указаний на практические задачи настоящего момента. Но хотя и очень мало логичен г. Баян, однако он затронул очень важный вопрос.

Равнодушна ли страна к тому, что произошло в Думе? И если равнодушна, то в лице каких именно классов и слоев своего населения?

Как относятся, как могут относиться к попыткам еще более ограничить права народного представительства те наши землевладельцы, которые до сих пор не оправились от испуга, причиненного им крестьянским аграрным движением 1902—1905 годов?

Они могут только одобрить эти попытки. Им совершенно ясна связь между экономикой и политикой. Если они не остались равнодушными к тому, что случилось с «друзьями Чхеидзе», то разве лишь в том смысле, что испытали большую радость, услышав о насильственном удалении из думской залы этих беспокойных людей. А ведь среди землевладельцев испуганные зубры составляют огромнейшее большинство.

Как относятся, как могут относиться к попыткам еще более ограничить права народного представительства те наши предприниматели, которые привыкли всегда опираться на помощь сверху и которым сознательность рабочего класса внушает несравненно больше опасений, нежели произвол бюрократии?

Они могут только одобрить эти попытки. Им не менее, чем землевладельцам, ясна связь между экономикой и политикой. Они понимают, что для *отсталых* промышленников совершенно нестерпимо существование в стране передового пролетариата. И они, вероятно, тоже были неравнодушны к изгнанию «друзей Чхеидзе» лишь в смысле удовольствия, испытанного ими при вести об этом изгнании. А ведь среди промышленников они до сих пор составляют, к сожалению, большинство.

Как относятся, как могут относиться к попыткам еще более ограничить права народного представительства те слои населения, которые находятся в промежутке между «высшими» классами и трудящейся массой и на которые, главным образом, опираются *«друзья г. Шингарева»*?

Промежуточное положение этих слоев сообщает их политическим стремлениям характер неясности и непоследовательности. Они до известной степени дорожат правами народного представительства [1]). Но,

---

[1]) Говорю — до известной степени, потому что, когда в 1906 г. я предложил в качестве избирательной платформы формулу: «полновластная Дума»,

когда реакция попирает ногами эти права, они... «воздерживаются». Они «воздержались», когда друзья г. Родзянко призывали солдат для удаления «друзей Чхеидзе». И это было не в первый раз. Как вели они себя в то время, когда решалась судьба представителей пролетариата во второй Думе? Они «воздержались».

«Воздержание», это — тоже своего рода равнодушие. И если господа кадеты выйдут из состояния свойственного им своеобразного равнодушия, то вряд ли затем, чтобы огорчить реакцию. В том же номере «Русского Слова», в котором г. Баян говорил о равнодушии страны к изгнанию «друзей Чхеидзе», напечатано было, что «В. А. Маклаков высказался за усиление дисциплинарной ответственности депутатов за злоупотребление свободой слова».

Такие защитники народной свободы не могут быть страшными для ее врагов.

И если бы в России не было других классов и слоев населения, кроме только что перечисленных мною, то мы в самом деле принуждены были бы признать полное равнодушие страны к тому, что пришлось пережить «друзьям Чхеидзе». Больше того. И хуже того. Мы совсем не могли бы надеяться на то, что когда-либо в будущем население России перестанет быть равнодушным к судьбам своих политических представителей.

Но кроме вышеуказанных классов и слоев в России есть трудящаяся масса. Во главе этой массы стоит пролетариат. Пролетариат уже доказал, что он не равнодушен к тому, что происходит с «друзьями Чхеидзе». Неужели же возможно какое-либо сомнение на этот счет?

Г-н Баян говорит, что от протеста «друзей Чхеидзе» «не только не дрогнули стены Таврического дворца, но не дрогнул и престарелый премьер».

Что касается «престарелого премьера», то он мог задрожать лишь от восторга при виде того, как усердствуют друзья г. Родзянко и как «воздерживаются» друзья г. Шингарева. Протест «друзей Чхеидзе», очевидно, рассчитан был вовсе не на то, чтобы приводить в трепет г. Горемыкина. Цель его состояла совсем не в том, чтобы произвести известное впечатление на известное лицо или на группу лиц. Представители пролетариата держатся классовой точки зрения, и, когда им при-

---

наиболее авторитетные политические представители этих промежуточных слоев решительно отвергли ее на том основании, что она есть синоним Учредительного Собрания. В свою очередь я на том же основании и тогда же печатно сделал тот вывод, что партия *народной свободы* в действительности оказывается партией *народной полусвободы*.

ходится обсуждать тот или другой прием политической борьбы, они спрашивают себя прежде всего о том, в какой мере способен он содействовать развитию классового самосознания рабочих.

Кто хочет критиковать поведение «друзей Чхеидзе», должен перенести вопрос именно в эту плоскость. Но, — замечательная вещь! — те, которые осуждали поступок указанных лиц, как будто даже не подозревали, что такая плоскость может существовать.

От протеста «друзей Чхеидзе» не задрожали стены Таврического дворца... Нет!—и не могли задрожать. «Компактного большинства, заседающего в стенах Таврического дворца, не разогреешь такими протестами, которые направляются на защиту народных прав».

Но от того, что произошло в этом дворце, задрожали негодованием сотни тысяч, чтобы не сказать миллионы, тех, на широкой спине которых держится весь существующий строй.

Для многих и многих из них изгнание «друзей Чхеидзе» сделало более ясной связь между бедственным экономическим положением трудящейся массы, с одной стороны, и политическими задачами — с другой.

Это уже превосходный результат. Развивать политическое самосознание рабочего класса значит служить делу прогресса, а не реакции. Не смущаясь нападками, идущими со стороны мелко-буржуазных Баянов, «друзья Чхеидзе» имеют право гордиться полученным ими превосходным результатом. Правда, можно и должно спросить себя, будут ли они в состоянии вполне использовать его при наличности междоусобий в их собственной среде. Но это вопрос другой, о котором мы не будем говорить с публицистами, отказывающимися стать на точку зрения рабочего класса.

Снявши голову, по волосам не плачут

Заявление

Статья «К уходу Малиновского», напечатанная в № 8 «Нашей Рабочей Газеты», возбудила неудовольствие в многочисленных кругах читателей. Еще большее, — если это психологически возможно, — неудовольствие возбудила она в той фракции, которую автор названной статьи назвал фракцией Малиновского, т.-е. в социал-демократической рабочей фракции. Как известно, фракция эта решила даже обратиться к международному суду, а мне предложить представительство ее на суде.

До сих пор лично я не получил такого предложения. Но все-таки, во избежание недоразумений, я нахожу нужным заранее сделать нижеследующее заявление. Надеюсь, что редакция «Единства» не откажет дать ему место.

Что статья «К уходу Малиновского» возмутительна, это не подлежит сомнению, но, снявши голову, по волосам не плачут.

Раскол, раз'едающий нашу среду, вызывал, вызывает и будет вызывать много столь же возмутительных явлений. Бороться с ними и можно, и должно.

Но, борясь со следствиями, противодействуя их вредному влиянию, необходимо в то же самое время стараться устранить причину, их порождающую. Иначе наша борьба с ними уподобится борьбе медведя с бревном, подвешенным на дереве перед ульем.

Мишка оттолкнет бревно, а оно раскачнется, да и хватит его по лбу. Он рассердится и еще сильнее оттолкнет его; а оно еще сильнее раскачнется и еще крепче его хлопнет. Медведь опять отталкивает: бревно опять бьет. Кончается дело тем, что сердитый, но мало сообразительный зверь в изнеможении падает на землю.

Отвратительные явления, подобные статье «К уходу Малиновского», порождаются расколом. Выступая против них, необходимо, однако, направить главные усилия против раскола.

Но единомышленники фракции, обиженной названной статьей, хотят именно продолжать раскол.

Это ясно видно из статьи «Об единстве», появившейся в № 92 «Пути Правды». Не место разбирать ее здесь. Я подробно разберу ее в своем четвертом письме-фельетоне. Тут я только скажу, что если обиженная фракция и ее единомышленники намерены продолжать раскол, *то их обращение к международному суду утрачивает всякий человеческий смысл, сохраняя разве лишь один — медвежий.*

Ввиду этого, если бы мне действительно предложили принять участие в суде, то я, поблагодарив за честь, ответил бы отказом.

Думается мне, что отказом же ответит и Международное Бюро, так как и ему хорошо известна истина, выразившаяся в русской пословице —

Снявши голову, по волосам не плачут.

Письма к сознательным рабочим

Письмо первое

Что нужно для того, чтобы стало возможным об'единение наших сил.

Самолюбие и самомнение у нас европейские; а развитие и поступки — азиатские.

А. П. Чехов.

Сознательным рабочим я называю не такого, который понимает, что в основе капиталистического способа производства лежит эксплоатация наемного труда капиталом. Разумеется, пролетарию необходимо понять, в чем состоит эта основа. Но этого мало. Чтобы сделаться *сознательным*, пролетарий должен дать себе отчет еще и в том, какие условия нужны для устранения капиталистического способа производства. Да и это еще не все. Сознательный пролетарий должен выяснить себе главнейшие особенности той социально-политической обстановки, в которой совершается движение его класса на его родине. Наконец, он обязан не оставаться в неизвестности насчет того, в каком именно состоянии находится это движение в данное время.

Я убежден, что на Руси есть уже не мало рабочих, удовлетворяющих всем указанным мною требованиям, т.-е. сознательных в полном смысле слова. Вот к таким-то рабочим я и обращаюсь в этих письмах.

У меня давно была нравственная потребность поговорить с ними о некоторых важнейших вопросах нашего движения. Но я не имел практической возможности сделать это. Великий итальянский поэт-изгнанник XIII века, Данте, заметил однажды, что тяжело подниматься по чужим лестницам. Точно так же и нашему брату-писателю тяжело, а иногда и прямо невозможно, нести свою рукопись в чужой орган, т.-е. в такое издание, направление которого не совпадает с его собственным. Его статью, может быть, напечатают, а, может быть, вернут

назад. Напечатают, — если высказанный в ней взгляд сойдется со взглядом редакции, вернут назад, если он разойдется с ним. Значит, даже в благоприятном случае, — а таким я называю тот, когда примут, и даже, пожалуй, охотно примут, некоторые его статьи, — он выскажется только отчасти. Это очень неудобно. Я сам испытал это. До сих пор я мог высказываться именно *только отчасти,* и это породило много недоразумений. Некоторые читатели утверждали даже, что мне лучше было бы совсем не высказываться. С этим я, по совести, не могу согласиться. Но само собой разумеется, что мне вовсе нежелательно сеять недоразумения, и я пользуюсь первой представляющейся мне возможностью, чтобы выразить полностью все, что я думаю о нынешнем положении дел в нашей собственной среде.

Итак, я обращаюсь к сознательным русским рабочим. При этом я прошу их только об одном: пусть они внимательно вдумываются в то, что будет сказано мною в этих письмах. Я уверен, что, относясь со вниманием к моим словам, они согласятся со мной. Уверен же в этом я вовсе не потому, чтобы приписывал себе какую-нибудь исключительную способность убеждать своих читателей, а единственно по той причине, что собираюсь высказывать неоспоримые истины, давно уже признанные всеми толковыми участниками рабочего движения во всем цивилизованном мире.

Наша беда, — большая, трудно поправимая беда, — в том, что истины эти забыты нашими собственными «руководящими сферами». А может быть, надо выразиться резче. Может быть, надо сказать, что еще слишком мало в этих «сферах» таких людей, которые доросли до понимания некоторых истин, общепризнанных во всем цивилизованном мире, и что именно наше развитие и наши поступки заслуживают названия азиатских (см. эпиграф). Но дело не в выражениях. Если истины, о которых идет у меня речь, забыты, то о них следует напомнить. Если же у нас пока еще слишком мало людей, доросших до их понимания, то надо позаботиться о том, чтобы увеличилось число таких людей. И то, и другое есть дело литературы, дело публицистики.

Но какие же это истины? Первая, самая очевидная и самая важная из них, состоит в том, что организация невозможна без дисциплины, а дисциплина предполагает подчинение меньшинства большинству.

Иной читатель скажет, пожалуй, что эту истину у нас все знают и все помнят и что поэтому о ней не стоит распространяться.

Но я спрошу: кто знает? И кто помнит?

Знают и помнят те, которые принадлежат к фракции (к течению), составляющей большинство в данное время. Знают и помнят до тех пор, пока остаются в большинстве. А как только окажутся в меньшинстве, ведут себя так, как будто никогда и не слыхали о ней.

Рассказывают, будто какой-то дикарь на вопрос: «что такое добро?», ответил: «добро, это — когда я с'ем чужую жену». — А когда его спросили: «что такое зло?», он будто бы сказал: «зло, это — когда с'едят мою жену».

С точки зрения современной этнологии рассказ этот совсем невероятен. Мы знаем теперь, что такого понятия о добре и зле у дикарей нет, хотя их нравственность, несомненно, очень мало похожа на нравственность нынешних европейцев. Но обе наши фракции, как две капли воды, похожи на дикаря, фигурирующего в этом неудачно придуманном рассказе.

Каждая из них считает дисциплину добром, когда ей выгодно соблюдение требований дисциплины. И, наоборот, каждая из них считает ее злом, когда соблюдение ее требований противоречит ее интересам.

В подтверждение своих слов я приведу пример, который, наверно, живо сохранился в памяти у всех моих читателей.

Когда социал-демократические члены Думы разделились на два враждебных лагеря, тогда те из них, которые были в большинстве, требовали от меньшинства подчинения, повторяя: «семь больше шести». И это, конечно, правда. Семь больше шести! Кто этого не знает? Но если мы вспомним, как вели себя прежде, — и, заметьте, совсем незадолго до разделения в Думе, — единомышленники тех, которые требовали подчинения от своих братьев-противников, опираясь на ту общеизвестную арифметическую истину, что шесть меньше семи, то в нашем воображении встанет вышеупомянутый дикарь.

В самом деле, они, — единомышленники думской «семерки», — находились в меньшинстве. Как же вели они себя при этом? Помнили ли они о том, что большее число превосходит меньшее. Они об этом и не думали. Подчинялись ли они большинству? Нет. И не только не подчинялись, но в своей борьбе с большинством считали позволительным прибегать к таким приемам, которые наносили большой вред целому. Они дошли до того, что стали стремиться к ликвидации этого целого, а некоторые из них, — в своем роде самые крайние, — во всеуслышание заявили, что сама жизнь уже ликвидировала это целое. И никто из будущих думских фанатиков арифметики не призвал их к порядку; никто не сказал им, что большее число превосходит меньшее, что мень-

шинство обязано подчиняться большинству. Будущие думские фанатики арифметики обнаружили психологию дикаря. Добро, это — когда наши единомышленники нарушают дисциплину в интересах своей фракции; зло, это — когда дисциплина будет нарушена нашими противниками.

Вспоминая об этом, я вовсе не хочу внушить вам, читатели, держащиеся в стороне от междуфракционной распри, то убеждение, что на «дикаря» похожи, собственно, только те, которые составляли пресловутую «семерку» и которые повторяли арифметику в такое время, когда их долг перед целым настоятельно требовал от них серьезного внимания к политике. Конечно, они сделали большую ошибку. Но их противники не лучше их. Они такие же «дикари», потому что они тоже видят в дисциплине лишь орудие достижения своих фракционных целей.

Одни так же мало помнят о целом, так же пренебрегают его интересами, как и другие.

Одни хотели «ликвидировать» целое или, по крайней мере, защищали и защищают, покрывали и покрывают несчастных, стремившихся ликвидировать его. Другие возмущались этим.

Но какое средство придумали они для борьбы с ликвидаторами?

Они придумали *узурпацию* [1]).

Они об'явили, что их фракция (их часть) и есть целое, а кто не входит в состав их фракции, тот находится за пределами целого.

Ответив на ликвидацию узурпацией, они, единомышленники «шестерки», еще более углубили раскол и почти совсем упразднили то целое, которое, как и всякое настоящее целое, никогда не может равняться своей части и которое они обещали защищать.

Ликвидация — преступное дело. Это необходимо признать. Но разве не преступна узурпация? Хороши обе фракции, обе враждующие между собой сестры!

Они так нежно любили свою маменьку — партию, что задавили ее в своей драке и отправили на тот свет, где нет ни большевиков, ни меньшевиков, ни фракций, ни партий, ни печали, ни воздыханий, а есть только жизнь бесконечная.

Печальная особенность нынешнего нашего положения, его огромная затруднительность, именно в том и заключается, что невозможно поправить его, перейдя на какую-нибудь одну сторону.

---

[1]) Незаконный захват.

Перейти на одну сторону вовсе не значит взяться за дело об'единения наших сил. Перейти на одну сторону — значит работать против об'единения с этой, а не с другой стороны. И только!

Возьмем первый попавшийся пример.

Собирают средства на рабочую печать. Вы даете, что можете. Но теперь у нас, можно сказать, имеется не одна рабочая печать, а целых две. И они ожесточенно борются одна с другой. На какую же именно печать вы даете?

На какую бы ни дали, вы своим взносом будете способствовать увеличению средств междоусобной войны, а стало быть и ее обострению, а стало быть и усилению того зла, от которого мы больше всего страдаем и которому давно пора было бы положить конец.

Таких примеров можно привести множество. Смысл их один и тот же. Он совершенно ясен.

Пока не прекратилась междоусобная война, до тех пор все, даже наиболее самоотверженные поступки ваши будут в известной, иногда в весьма значительной мере приносить вред вашему делу.

Сознательные рабочие нравственно обязаны подумать об этом. Обязаны перед самими собой, перед своим классом, наконец, перед всей Россией.

История отвела нашему сознательному пролетариату чрезвычайно почетную роль. Он должен явиться руководителем всех тех слоев населения, которые борются с реакцией и застоем. В нашей среде это отрицается только немногими неврастениками, растерявшими свой политический багаж под влиянием тяжелых переживаний последних лет.

Но кто руководит, тот об'единяет. Кто об'единяет других, тот должен уметь сплотить воедино свои собственные силы, сделать свой собственный дом недоступным для позорной драки между частями одного и того же целого.

Давно уже сказано: всякое царство, разделившееся на ся погибает. А я скажу: всякий руководитель, разделившийся на ся, перестает быть руководителем.

В цивилизованном мире между мыслящими представителями рабочего класса существуют оттенки мнений, особенно по вопросам тактики. Оттенки мнений, в самом деле, существуют везде. Но нигде меньшинство не считает себя в праве нарушать постановления, принятые большинством, и везде уважается партийная дисциплина.

В Германии большинство составляют теперь последовательные марксисты. Ревизионисты во многом расходятся с ними; они методиче-

ски критикуют их тактику. Но когда, на партийных с'ездах, тактика эта одобряется и принимается большинством голосов, ревизионисты, в конце концов, подчиняются принятому решению.

Германские ревизионисты во многом и сильно ошибаются. Одобрить их направление невозможно. Но и за ними надо признать ту большую заслугу, что они все-таки уважают партийную дисциплину, понимают великое значение единства, избегают раскола, не делаются ликвидаторами.

Во Франции, наоборот, в большинстве не марксисты (гэдисты), а ревизионисты (жоресисты). Марксисты часто расходятся с ними и критикуют их взгляды. Но когда, на с'ездах французской партии, принимаются решения, по духу своему более близкие к образу мыслей жоресистов, нежели гэдистов, эти последние подчиняются им. Они уважают партийную дисциплину, понимают великое значение единства, избегают раскола, не делаются узурпаторами.

И так как и те и другие, и гэдисты и жоресисты, уважают дисциплину и избегают раскола, то, несмотря на все их разногласия и на все их полемические стычки, между ними установилось известное доверие, благодаря которому стала, в конце концов, возможной работа на пользу великого целого. Это взаимное доверие ведет за собой то, что происходящие на с'ездах жестокие споры не мешают делегатам разных направлений сообща обдумывать меры, упрочивающие существование и процветание целого. Оно же позволяет им быстро подвигать работу комиссий и общих с'ездовых заседаний.

А у нас, — я говорю это на основании многочисленных «ума холодных наблюдений» и не менее многочисленных «сердца горестных замет», — у нас делегаты едут на с'езд исключительно затем, чтобы «разнести», «обойти», «подсидеть» своих инакомыслящих товарищей. Совершенно естественно, что, при таком взаимном отношении частей, плодотворная работа на пользу целого сводится к нулю. Более или менее плодотворная работа совершается не в комиссиях, а в тех собраниях представителей отдельных фракций, которые происходят, так сказать, нелегально, за с'ездовыми кулисами. На этих собраниях дает себя чувствовать совсем другое настроение. На этих собраниях тоже, конечно, бывает, что при обсуждении тех или других вопросов участники не соглашаются между собой и возникает *свое* большинство и *свое* меньшинство; но здесь меньшинство умеет уважать дисциплину, здесь оно подчиняется большинству. Поэтому с'езды служат обыкновенно средством лучшей организации фракций и более точного определения их част-

ных, — т.-е. фракционных, — целей. Но чем точнее определяются *частные* цели *фракции* и чем более упрочивается их организация, тем более дезорганизуется *целое* и тем более каждая отдельная фракция теряет из виду общую партийную цель.

Таким образом, каждый новый с'езд является лишь новым этапом на пути к полному расколу.

А между тем, наши с'езды стоят нам страшно дорого. И не могут не стоит дорого уже по одному тому, что взаимная борьба фракций, с ее усовершенствованным крючкотворством, до крайности затрудняет ход прений, делает с'езды невероятно продолжительными [1]).

Партия тратила значительную часть своих сил и своих средств на свое собственное разложение. Возможно ли что-нибудь более нелепое? Однако члены партии не замечали этой нелепости. По отношению к ней они были похожи на идолов: имели очи и не видели; имели уши и не слышали.

Это тоже было неизбежно при указанных условиях. Всякая борьба общими силами, как и всякая совместная работа, совершаясь в течение долгого времени, ведет к возникновению известных правил нравственности, соблюдение которых считается обязательным для лиц, участвующих в борьбе (или в работе). Взаимная борьба фракций вызвала появление особой фракционной нравственности, которой охотно подчинялись участники этой борьбы. Но всякая организация, стремясь отстоять свое существование, считает хорошим то, что поддерживает ее существование; дурным — то, что угрожает ему. *Самоотвержение* отдельных лиц, жертвующих своим временем, своими силами и даже, может быть, своею жизнью ради данной организации, не исключает *эгоизма* этой последней. Больше того. Самоотвержение отдельных лиц предполагает эгоизм организации и поддерживается им. Тут очевидное противоречие. Оно разрешается самим ходом действия; но разрешается весьма различно. Все зависит от того, *какова* данная организация по своей природе. Если она представляет в данное время высший исторический интерес человечества, то ее *эгоизм* (любовь к себе) совпадает с альтруизмом (любовью к другому), и тогда самоотвержение отдельных лиц, приносящих себя в жертву для такой организации, дает результаты, полезные

---

[1]) Продолжительными — до смешного. Я помню, как громко рассмеялся покойный Зингер, услыхав от меня, что наш с'езд 1903 г. тянулся целых три недели.

в практическом смысле и безупречные в нравственном [1]). Но когда организация, для которой работают данные лица, преследует какие-нибудь частные, — классовые [2]), групповые, кружковые, — цели, тогда в соответственной мере суживается поле зрения ее участников и тогда их самоотверженная деятельность дает, быть может, к самому искреннему их удивлению, плоды, вредные на практике и весьма некрасивые в нравственном отношении.

Это мы видим, между прочим, на примере наших фракций. Лица, к ним примыкающие, работают не для себя, а для своей организации. Но каждая из тех двух организаций, к которым они принадлежат, представляет собой не целое, а часть [3]). Поэтому каждая из них преследует свою частную цель. Поэтому поле зрения каждой из них так узко, что не в состоянии вместить интересы целого. Поэтому деятельность каждой из них вредит целому. И по той же самой причине нравственность каждой из них, — политическая нравственность группы, кружка, муравейника... чтобы не сказать болота, — становится, как сказано выше, нравственностью дикаря, наивно говорящего: добро это — когда я с'ем *чужую* жену; зло, это — когда будет с'едена *моя* жена.

Одичание фракций так велико, что теперь у нас с удивлением, а порой и с негодованием, смотрят на лиц, не желающих пристать ни к той, ни к другой. Таких лиц называют дикими, примиренцами, всем, чем хотите, только не людьми, исполняющими свой партийный долг. Еще совсем недавно А. Ф. Бурьянов выслушал множество упреков единственно за то, что перестал быть деятельным участником раскола думской фракции. Его осуждали за то, за что он заслуживал полного и решительного одобрения.

По этому поводу я позволю себе рассказать своим читателям один швейцарский анекдот.

Известно, что у жителей некоторых долин Швейцарии вырастают *зобы* — болезненные наросты на шее, вызванные чрезмерным увеличением зобной железы. Так вот рассказывают, что в одной швейцарской

---

[1]) Великое счастье пролетариата заключается в том, что его классовый интерес (эгоизм) совпадает с высшим интересом всего человечества (альтруизмом.)

[2]) Интересы всех классов, кроме пролетариата, только отчасти, только иногда более или менее совпадают с общечеловеческим интересом. Интересы же реакционных классов и вовсе противоречат ему.

[3]) Хотя одна из них неправильно об'явила себя целым, присвоив себе название партии.

деревушке решительно все жители были украшены зобами. Однажды в праздничный день зобатые обитатели деревни молились в местной церкви, как вдруг туда вошел какой-то путешествовавший иностранец. У него, — о удивление! — не оказалось зоба. Зобатые жители деревни были так поражены этой странностью, что стали насмехаться над бедным «*уродом*», и насмехались так усердно, что священник нашел нужным сказать проповедь, в которой доказывал, что не надо осуждать своих ближних за их физические недостатки.

Я нахожу, что глубокомысленные фракционные политиканы, резко и, как им казалось, едко осуждавшие выход А. Ф. Бурьянова из «семерки», сильно смахивают на украшенных зобом обитателей швейцарской деревушки: подобно им, они считают необходимым условием совершенства ту свою особенность, которая, на самом деле, жестоко уродует их.

А мало ли у нас фракционных политиканов? Много, слишком много!.. Так много, что даже люди, не принимающие деятельного участия в междуфракционной свалке, подчиняются их влиянию и считают себя обязанными *иметь* зоб, т.-е. примыкать к той или другой фракции. Они даже не представляют себе, как это можно быть вне фракции. Они не понимают, что *чем большее число сознательных представителей пролетариата оказалось бы за пределами фракций, тем более возможным стало бы об'единение наших сил.* Это потому, что действительное об'единение наших сил остается невозможным до тех пор, пока его судьба будет находиться в руках фракционных политиканов.

Привычка — вторая природа. Фракционные политиканы привыкли гнуть в одну сторону,— в сторону фракционных междоусобий. Ждать от них об'единения, это то же самое, как ждать упрочения международного мира от *милитаристов.* Милитаристы не могут желать мира. Фракционные политики не могут желать об'единения.

Что нужно для того, чтобы международные милитаристы не нарушали международного мира?

Нужно развитие международного общественного мнения в направлении, противном милитаризму.

Что нужно для того, чтобы фракционные политики не препятствовали об'единению наших сил?

Нужно развитие общественного мнения нашей среды в направлении, противном фракционности.

Это — совершенно необходимое условие. Лишь в той мере, в какой оно будет находиться налицо, будем мы приближаться к единству.

Поэтому каждый из вас, сознательные пролетарии, должен сделать все зависящее для того, чтобы оказалось налицо это необходимое условие.

Когда к вам приходит фракционный политикан и, под предлогом борьбы с ликвидаторами, рекомендует признать его *фракцию* той *партией,* к которой должен принадлежать каждый толковый рабочий, — поворачивайтесь к нему спиной: это — *узурпатор,* приносящий страшный вред вашему делу.

Когда к вам приходит другой фракционный политикан и, под предлогом борьбы с узурпаторами, советует вам закрыть глаза на жесточайшие нарушения партийной дисциплины, — поворачивайтесь к нему спиной: это — *ликвидатор,* приносящий страшный вред вашему делу.

Отвергайте и тех и других, и узурпаторов и ликвидаторов, требуйте единства, единства и единства, поддерживайте только его сторонников.

И не смущайтесь, если вас, способных усвоить себе такую решительную тактику борьбы с расколом, будет сначала очень немного.

Ни одно значительное историческое дело не начиналось сразу *многими* людьми. Почин всякого значительного исторического дела принадлежит тем немногим людям, которые умеют плыть против течения и которых известный английский писатель Карлейль назвал *начинателями.*

Умейте быть начинателями. Гребите против течения!

Ваш *Г. Плеханов.*

Письмо второе

«Открытое письмо» и «Гласный ответ»

Товарищи!

В первом письме я говорил о том, как много вреда приносит нам наш раскол. Теперь мне хочется пояснить свою мысль на отдельном примере

Реакционное безумие дошло у нас до того, что невольно вспоминаешь латинскую пословицу: «Кого Юпитер захочет погубить, того он лишает разума». На последнем с'езде промышленников раздавались такие речи, каких, сколько я помню, никогда еще не произносили российские предприниматели. Разумеется, сами господа предприниматели не станут у нас сколько-нибудь опасными противниками правительства. Они легко пойдут на мировую сделку с ним. Но если уже

они заговорили «митинговым» языком, то это значит, что общее недовольство в стране достигло огромной степени. Такое положение дел, весьма неблагоприятное для крайней партии *реакции*, в то же время очень благоприятно для крайней партии *прогресса*. Как самая последовательная и решительная изо всех левых партий, партия пролетариата могла бы собрать вокруг себя все другие демократические элементы населения и нанести много жестоких ударов реакционерам. История, можно сказать, *навязывает* ей роль гегемона (руководителя) только что указанных мною элементов. Это — почетная, завидная роль! Но...

Но мы, по своей собственной вине, оказываемся не на высоте своего почетного, завидного исторического призвания.

Вся Россия, да и не только Россия,—весь цивилизованный мир смотрит на наших думских представителей. На них направлены главные удары наших врагов. Они смело отражают вражеские удары и тем привлекают к себе горячее сочувствие всех искренних друзей свободы. Кто из нас не радуется этому? Кто не гордится энергией и смелостью наших представителей? Однако скажите, товарищи: не отравляются ли в вашем сердце эти отрадные чувства горьким сознанием того, что наши энергичные и смелые представители борются *не только* с реакционерами, что *одна часть их ведет борьбу с другой?*

Это—ужасно в полном смысле слова! Их небольшая кучка. Но в этой небольшой кучке—два враждебных один другому лагеря не только не спешат заключить перемирие, но как будто нарочно спешат подлить масла в огонь братоубийственного междоусобия. Что же это такое?

Рассказывают, что, когда брали Константинополь, между византийцами было не мало таких людей, которые, не обращая внимания на неприятельские приступы, вели между собою ожесточенные богословские споры. Неужели же нам суждено хоть отчасти уподобиться этим жалким детям растленной Византии? Неужели же сознательные рабочие России всех оттенков мысли не потребуют перемирия громко, повелительно и единодушно? Мне не хочется верить этому. Мне хочется, наоборот, верить тому, что наши сознательные рабочие России напомнят своим представителям об их долге перед рабочим классом, перед страною, перед организованным пролетариатом всего цивилизованного мира.

Мне хочется верить, что сознательные рабочие России скажут, наконец, своим представителям:

«Вы прекрасно исполняете свою обязанность, когда стоите лицом к лицу с врагом; но вы из рук вон плохо исполняете ее, когда дело касается сплочения своих собственных сил. Вы поддерживаете раскол, когда надо об'единяться».

Что рабочие депутаты действительно плохо исполняют ее в указанном случае, это, к сожалению, ясно доказывается недавним взаимным об'яснением тех двух частей, на которые раскололась наша думская фракция, т.-е., с одной стороны, напечатанным в «Пути Правды» (№ 63) «Открытым письмом депутатам: Чхеидзе, Чхенкели, Скобелеву, Хаустову, Манькову и Тулякову», а, с другой — фельетоном, напечатанным во втором номере «Нашей Рабочей Газеты» под заглавием: «От социал-демократической думской фракции. Гласный ответ».

Надо говорить правду, товарищи: это—плохая публицистика.

«Открытое письмо» написано таким тоном, каким говорят победители с побежденными: вы, мол, немедленно исполните такие-то и такие-то наши требования; иначе слово опять будет предоставлено артиллерии, коннице и пехоте. — Тон этот был, при нынешних наших обстоятельствах, совсем неуместен. Прибегать к нему значило желать не прекращения раскола, а его *продолжения и даже усиления*. А это как раз то, чего никак не следует желать теперь.

В свою очередь, те наши представители, которым было адресовано «Открытое письмо», отвечая на него, заговорили языком людей, совсем не расположенных к серьезному, деловому об'яснению со своими противниками.

Мне заметят, пожалуй, что как аукнется, так и откликнется, т.-е., что тон «Гласного ответа» был предопределен тоном «Открытого письма». Но это не так. Авторы «Гласного ответа»—серьезные люди, а серьезных людей нельзя заставить говорить таким тоном, какой они находят несоответствующим условиям данной минуты. Они—господа своего собственного тона.

К тому же под словом: «тон» я понимаю не то, что обыкновенно обозначается им у нас. Осуждая тон данного полемического произведения, у нас чаще всего имеют в виду его резкость. Но мне здесь нет дела до его резкости. Да и надо признать, что «Гласный ответ» вовсе не отличается резкостью.

Чем же грешит он?

Читатель сам ответит на этот вопрос, если даст себе труд критически вдуматься в его *содержание*.

Рассмотрим это содержание с разных сторон.

В своей известной резолюции об условиях восстановления единства социал-демократической фракции латышские марксисты говорят, между прочим, что «примиренцы», принявшие участие в августовской конференции 1912 г., попали в идейную политическую зависимость от ликвидаторов. Эта зависимость порицается латышскими марксистами. И вот, ссылаясь на их резолюцию, наша думская «шестерка» потребовала от *бывшей* «семерки» прямого ответа на вопрос, угодно ли и ей, — т.-е. товарищам Чхеидзе, Чхенкели и проч., — осудить названную зависимость от ликвидаторов.

Вопрос этот, подобно всем другим вопросам, заключающимся в «Открытом письме», написан тоном, напоминающим, как я сказал выше, тон победителей. Этого, повторяю, хвалить нельзя. Но как же отозвались на этот вопрос авторы «Гласного ответа»?

Ссылаясь, в свою очередь, на некоторые решения, закономерно принятые в 1910 г., они пишут: «Совершенно неверно утверждение, будто «ликвидаторство» признано в 1910 г. проявлением буржуазного влияния на пролетариат. *Даже слова «ликвидаторство» в решениях 1910 г. нет.* Выражение «буржуазного влияния» эти решения видят не в каком-либо целом течении русского марксизма, а в *определенных* конкретных явлениях, проникших в той или иной мере во все течения: в полном отрицании нелегальной работы, с одной стороны, в господстве фразы и бойкотистского настроения — с другой.

Остановимся пока на этом и заметим, что под словами: «все течения» здесь надо понимать собственно два: «большевистское» и «меньшевистское». Склонность к бойкоту и господство фразы обнаруживалось тогда большевиками; отрицание же нелегальной работы исходило из среды *меньшевиков.*

Здесь не место разбираться, в какой именно мере распространено было указанное отрицание между меньшевиками. Да и невозможно разобрать это. Далеко не все отрицатели были последовательны и тверды. Многие из них колебались, сегодня отрицая ту самую работу, которую завтра они же признавали неизбежной при нынешних условиях, а послезавтра опять об'являли отжившим способом действия. Кроме того, было между ними много кружковых дипломатов, исподтишка поддерживавших откровенных отрицателей, а в то же время уверявших, что отрицатели — выдумка Ленина и Плеханова и что они, кружковые дипломаты, сами ополчились бы против отрицания, если бы оно действительно имело место. В нашей печати можно найти много данных для суждения обо всех этих шатаниях и об этой кружковой диплома-

тии. Но предоставим судить о них будущим историкам нашего движения, а сами остановим свое внимание лишь на том, на чем необходимо остановить его в интересах об'единения.

Решения 1910 г. не называют *ликвидаторами товарищей,* отрицавших нелегальную работу. Но разве в названии дело? Шекспир сказал где-то, что как бы мы ни называли розу, она сохранит свой запах. Это верно. И точно так же, как бы мы ни называли товарищей, отрицающих нелегальную работу, от них всегда будет пахнуть ликвидацией по той простой, очевидной и вполне достаточной причине, что их отрицание и было призывом к ликвидации.

Не все меньшевики грешили отрицанием. Это святая истина. Правда и то, что нельзя делать ни одно течение, — *в его целом,* — ответственным за ошибки отдельных его представителей. Но спрашивается: должно или не должно всякое данное течение открыто и прямо, без недомолвок и обиняков, *высказываться по поводу этих ошибок, определять свое к ним отношение?*

На этот вопрос не может быть двух ответов. Всякий непредубежденный человек скажет: «*да, должно; в противном случае оно делается участником этих ошибок и несет ответственность за них*».

Кто уважает решения 1910 г., тот обязан категорически сказать, что думает он об «определенных конкретных явлениях», осужденных этими решениями.

Авторы «Открытого письма», как видно, вполне согласны с этим. И если бы мы спросили их, например, что думают они о «бойкотистском настроении», то они, вероятно, ответили бы: мы осуждаем его. А вот в «Гласном ответе» мы не встретили осуждения тем, которые отрицают или отрицали нелегальную работу.

Они говорят об «определенном, конкретном» и совершенно неоспоримом факте такого отрицания весьма уклончиво, а потому и весьма сбивчиво, неясно. Они не смеют ни похвалить, ни осудить. Правда, есть и нечто совершенно ясное в их отзыве об этом печальном факте. Но *это* ясное производит безотрадное впечатление, свидетельствуя о том, что авторы «Гласного ответа» сильно пропитаны духом фракционной исключительности.

Судите сами, непредубежденные читатели. Авторы «Гласного ответа» выражаются следующим образом:

«Не станем говорить сейчас о том, как обстоит дело с бойкотистским настроением и увлечением фразой. Но какой добросовестный человек сможет утверждать, что среди разнообразных марксистских течений

есть хоть одно, которое подходило бы под первый из указанных признаков «буржуазного влияния» (отрицание нелегальной работы)? Поэтому мы не видим основания как-нибудь определять наше отношение к одному из марксистских органов — «Нашей Заре»; что же касается марксистской «Северной Рабочей Газеты», только что, в день рабочей печати, горячо поддержанной сотнями рабочих групп со всех концов страны, то наше отношение к ней определяется нашею полною солидарностью с ее направлением и тем, что она является органом всех сторонников единства».

Обратите внимание, товарищи, на то утверждение, что «Северная Рабочая Газета» была органом *всех* сторонников единства. Это неправильно. Есть довольно много сторонников единства, не считавших «Северную Рабочую Газету» своим органом. Но авторы «Гласного ответа» не нашли возможным признать их существование. Почему же? Очень просто!

Они рассуждают так: те товарищи, которые не смотрели на «Северную Рабочую Газету», как на свой орган, может быть, и желают единства, но они желают его не по-нашему. А кто желает единства не по-нашему, тот не желает его. Вывод: «Северная Рабочая Газета» была органом *всех* сторонников единства.

Я еще совсем недавно получил с одной из далеких окраин России письмо, подписанное рабочим. Автор письма тоже хочет единства. Но он утверждает, что настоящего единства хотят только сторонники «Северной Рабочей Газеты». Он слышал о том, что, например, и я, грешный, говорю об единстве. Но он убежден, — и он, не обинуясь, высказывает это убеждение в своем письме, — что единство, к которому стремлюсь я, есть не более, как единство в кавычках (его подлинное выражение), т.-е. — не настоящее. А это показывает, что он рассуждает именно по только что указанной мною формуле: кто желает единства не по-нашему, тот не желает его.

Как же следует понимать тот факт, что товарищ-рабочий, заброшенный судьбою на далекую окраину, рассуждает совершенно так, как рассуждают заседающие в Таврическом дворце авторы «Гласного ответа»?

Для этого есть только одно об'яснение: он стоит на той же точке зрения, на которой стоят они. Но какая же это точка зрения? *Это — точка зрения одной из тех частей, на которые, к сожалению, расколо-*

лось наше марксистское целое. Это — фракционная точка зрения. Стало быть, как автор письма с далекой окраины, так и авторы «Гласного ответа» смотрят на вопрос об единстве с точки зрения известной фракции.

Но кто смотрит на вопрос об единстве с точки зрения известной фракции, тот решает его, принимая в соображение не интересы *целого,* а лишь интересы *одной его части.*

Теперь я попрошу вас, читатели-рабочие, ответить мне, положив, по французскому выражению, руку на совесть:

Желают ли настоящего единства те, которые обсуждают вопрос о нем с точки зрения интересов части, вместо того, чтобы рассматривать этот вопрос с точки зрения интересов целого?

Кто смотрит на вопрос об единстве не с точки зрения интересов *целого,* тот просто-напросто желает, чтобы его фракция покорила под свои «нози» всех своих партийных противников. Другими словами, он вовсе не желает единства или, если хотите, он желает единства «в кавычках».

Вот к какому печальному выводу приводит меня то утверждение «Гласного ответа», что «Северная Рабочая Газета» была органом *всех* сторонников единства!

Но это еще не конец. Авторы «Гласного ответа» отказываются определить свое отношение к «Нашей Заре» на том основании, что среди разнообразных марксистских течений нет ни одного такого, которое отрицало бы нелегальную работу. Не желая высказываться здесь о том, как следует относиться именно к «Нашей Заре», — это вопрос, не имеющий сколько-нибудь важного значения, — я замечу, однако, что не следует играть словами там, где речь идет о таком важном для всего рабочего класса вопросе, как об'единение.

Если данное *течение,* взятое в его целом, не может считаться ответственным за ошибки примыкающих к нему отдельных лиц, то из этого отнюдь не следует, что нужно уклоняться от гласного суждения по поводу этих ошибок.

И меньше всего оно может уклоняться от такого суждения в том случае, когда ошибки, сделанные лицами, к нему примыкающими, являются источником смуты, служат препятствием для об'единения.

На Кавказе, где сильно влияние ближайших друзей Чхеидзе и Чхенкели, повидимому, никогда не было отрицания много раз названной мною выше работы. Но собственно в России оно, несомненно, имело место. Ни один добросовестный человек не станет отрицать, что названная работа отрицалась Ежовым, Стивой Новичем и некоторыми другими.

Авторы «Гласного ответа» прекрасно знают это. Зачем же они, отвечая на вопрос «шестерки», — ныне, к сожалению, сделавшейся «пятеркой», — выражаются так, как будто они ничего не слыхали о публицистических подвигах Ежова и компании?

Очень возможно, что Ежов и компания уже сознали свою ошибку. Но что же из этого? Раз ошибка была сделана, раз она внесла огромную смуту в нашу среду, — ее нельзя замалчивать; о ней необходимо высказаться с той прямотой, которая прямо-таки обязательна для политических представителей пролетариата.

Великое дело рабочего класса не может подвигаться вперед с помощью политиканства. Пусть к политиканству прибегают, в своих взаимных сношениях, политические представители «высших» классов. Нам оно ничего, кроме огромного вреда, не приносило и не принесет.

Пока авторы «*Гласного ответа*» не перестанут уклоняться от *гласного же* об'яснения по поводу названных ошибок, до тех пор их братья-противники будут иметь повод подозревать их в том, что они сами сочувствовали этим ошибкам и что они не дадут должного отпора Ежовым, если те примутся за старое. И все враги единства будут эксплоатировать это естественное подозрение в целях раскола. Хорошо ли это?

Разумеется, с точки зрения той фракции, к которой принадлежит компания Ежова, в *гласном об'яснении* нет никакой надобности. С точки зрения этой фракции лучше *келейно вымыть головы* отрицателям известной читателю работы.

Но что хорошо с точки зрения *части,* вредно с точки зрения *целого.* А бывшая семерка обязана держаться именно точки зрения целого, если желает единства без кавычек, т.-е. если она вообще желает его. Закулисным сделкам и тайным соглашениям надо положить конец!

Перехожу к другому пункту неудавшегося об'яснения бывшей «шестерки» с бывшей «семеркой».

Одним из самых важных условий возможности об'единения наших сил является бережное отношение к нашей программе. Этим я не хочу сказать, что она должна оставаться неизменной. Когда мы об'единимся, мы будем пересматривать ее, если этого потребует от нас ход общественного развития. Но до об'единения мы не должны ее касаться. Если бы одна из тех частей, на которые разбилось наше целое, позволила себе изменить нашу программу, то тем самым она создала бы новое препятствие для об'единения. Легко понять это.

В своем «Открытом письме» бывшая «шестерка» говорит, что наша программа отвергает культурно-национальную автономию, а ме-

жду тем автономия эта была признана августовским соглашением 1912 г. и вошла в декларацию социал-демократической фракции. Поэтому, ссылаясь на резолюцию латышей, бывшая «шестерка» требует, чтобы Чхеидзе и его товарищи по фракции осудили нарушение программы и взяли назад культурно-национальную автономию.

Нельзя не признать, что это требование справедливо. Как же ответили на него Чхеидзе и его товарищи? Вот как:

«Одним из самых ходячих обвинений является наше отношение к *культурно-национальной автономии*.

«Программа 1903 г. не заключает в себе этого требования. Но что оно не *противоречит* программе, видно из того, что в состав организованного марксистского целого в 1906 г. приняты еврейские рабочие с правом это требование отстаивать».

Это совсем плохой довод.

Во-первых, если каждая из наших фракций станет позволять себе делать такие добавления к нашей программе, которые не противоречат духу этой программы, то это очень затруднит об'единение наших сил. Ясно — почему. Потому что добавления будут делаться на основании взгляда одной части, а взгляд этой части может разойтись со взглядом остальных и тем умножить разногласия, существующие в нашей среде. Это мы видим в интересующем нас случае: бывшая «семерка» находит, что культурно-национальная автономия не противоречит ей.

Во-вторых, из того, что в 1906 г. еврейские рабочие приняты были в состав марксистского целого с правом отстаивать названную автономию, не следует, что автономия не противоречит программе 1903 г.

Наше марксистское целое могло находить, что противоречие есть, но при этом надеяться, что еврейские рабочие сами убедятся в его существовании и со временем откажутся от культурно-национальной автономии. Иначе сказать: оно могло рассчитывать, что ему со временем удастся ассимилировать еврейских рабочих в указанном отношении; но при этом оно могло совсем не желать быть, — в том же отношении, — ассимилированным еврейскими рабочими.

Возьмем пример. К данному *земледельческому* государству присоединяется область, населенная *кочевыми скотоводами*.

Земледельческое государство обеспечивает скотоводам право оставаться кочевниками. Следует ли из этого, что его земледельческое население само должно вернуться к кочевому быту? И следует ли из этого, что такой возврат не был бы попятным шагом на пути общественного развития?

Авторы «Гласного ответа» сами чувствуют, что их довод слабоват. Они усиливаются подпереть его следующим соображением:

«Но сейчас важнее, наконец, указать, что совершенно неверно утверждение, будто в декларации социал-демократической фракции формулировано требование культурно-национальной автономии. Ничего подобного! Наша декларация требует «создания учреждений, необходимых для свободного развития каждой национальности».

Итак, декларация не требует культурно-национальной автономии. Надо надеяться, что ее не требуют и авторы «Гласного ответа»: иначе они не ссылались бы на ее отсутствие в декларации, как на довод в защиту своей позиции. Прекрасно, — мы так и запишем: у нас пока никто не требует культурно-национальной автономии, кроме упомянутых еврейских рабочих, находящихся в исключительных культурных и правовых условиях. Может быть, со временем, когда будет восстановлено наше марксистское целое, в нашей среде поднимется речь о ней. Возможно, что большинство признает тогда ее необходимость. Оставим будущему все его возможности и ограничимся пока настоящим. А в настоящем, как уже сказано, не следует поднимать вопрос о культурно-национальной автономии, чтобы не мешать об'единению.

Очень хорошо. Но что же это за учреждения, необходимые для свободного развития каждой национальности? Не скрывается ли тут культурно-национальная автономия?

Авторы «Гласного ответа» говорят: такими учреждениями могут быть не только культурно-национальные, но и всякие *местные* политические и административные органы самоуправления, ничего общего с разделением граждан на национальные союзы не имеющие.

Тут логика изменяет авторам «Гласного ответа».

Если «такими учреждениями» могут быть *не только* культурно-национальные, то совершенно ясно, что ими могут быть *также* и культурно-национальные. Стало быть, требование, выставленное в декларации, заключает в себе в *возможности* ту самую культурно-национальную автономию, которой мы только что вежливенько сказали в интересах единства: «Наведывайтесь в другой раз!» Стало быть, декларация имеет в себе существенный недостаток, по поводу которого обязаны высказаться перед лицом всего сознательного пролетариата авторы «Гласного ответа». Они и высказываются. Но как?

«Данная формула, — поясняют они, — не затрогивает даже вопроса, какие именно учреждения для той или другой национальности нужны, —

а лишь требует учреждений *вообще,* необходимых для свободного развития каждой национальности».

Вот в том-то и беда, что декларация «даже не затрогивает» того вопроса, который она непременно должна была не только затронуть, но и решить! Вот в том-то и беда, что она напустила тумана в такую область, где безусловно необходима полнейшая ясность!

«Понимаемая в этом единственном правильном смысле, — заканчивают авторы «Гласного ответа», — формула эта не содержит решительно ничего такого, от чего социал-демократической фракции следовало бы отказываться».

Совсем напротив! Она в изобилии содержит в себе как раз то, от чего всем нам следует отказываться с тою энергией, с какой верующие люди отрекаются от сатаны и от всех дел его. Она содержит в себе неопределенность, совершенно непозволительную в заявлениях политических представителей пролетариата.

Учреждения *вообще,* необходимые для свободного развития каждой национальности! Спросите любого кадета: желает ли он таких «учреждений вообще»? Он ответит: «очень желаю». Поговорите с прогрессистом или даже с левым октябристом, — каждый из них согласится с вами, пока вы будете говорить вообще. Но тот из них, который обладает политическим смыслом и не думает, — как думал покойный Талейран — что язык должен служить нам орудием скрывания наших мыслей, поспешит прибавить: «Однако подобные заявления «вообще» лишены всякого значения; если вы желаете говорить серьезно, то потрудитесь определить, каких именно учреждений вы требуете».

Если авторы «Гласного ответа» находят, что программа 1903 г. слишком ясна и что нужно внести в нее побольше неопределенности, то они правы: от разбираемой декларации они не должны отказываться, так как она неопределенна до последней степени, — до того, что не знаешь, кто собственно говорит о развитии таких «учреждений вообще», марксист или левый октябрист. Но могут ли они находить это? Кажется, что не должны бы...

Теперь мы видим, что грешит «Гласный ответ», чего недостает ему. Он грешит не *резкостью* тона, а его крайней *дипломатичностью.* В нем не видно готовности подойти к вопросу об об'единении путем откровенного об'яснения с противниками перед лицом сознательного пролетариата. В нем слишком слышна традиция кружковой дипломатии.

Кружковая дипломатия помешала его авторам высказать ясное мнение об ошибках лиц, отрицавших нелегальную работу. И она же заста-

вила их напустить тумана в вопросе о культурно-национальной автономии. Они как будто даже не подозревают, каким огромным злом является кружковая дипломатия в настоящее время, когда нам нужно единство, единство и еще раз единство.

Они не решились смело подойти к вопросу о культурно-национальной автономии, потому что им, — с точки зрения их фракции, — необходимо заручиться сочувствием тех «еврейских рабочих», которые в 1906 г. получили право отстаивать культурно-национальную автономию. Если бы их перестали поддерживать эти рабочие, — точнее: ремесленники, — то им труднее было бы бороться с их противниками, авторами «Открытого письма».

Но это не все. Авторы «Гласного ответа» не осмелились прямо подойти к вопросу о культурно-национальной автономии, боясь, кроме того, ослабить свое влияние на Кавказе, где так сильно распространяется теперь национализм. Они видят себя вынужденными считаться с национализмом, делать ему уступки.

Наши кавказские единомышленники не видят, какая большая опасность грозит с этой стороны стройности их взглядов и последовательности их действий. Они не замечают, что, желая быть практичными, они становятся оппортюнистами.

Чтоб не быть голословным, я подробно разовью эту мою мысль в следующем письме, где коснусь также других пунктов об'яснения бывшей «семерки» и бывшей «шестерки». Теперь же, заканчивая это письмо, я повторю, что отказ от всех традиций кружковой дипломатии составляет одно из необходимых условий об'единения наших сил. К этому я прибавлю, что для такого отказа необходимо сильное движение общественного мнения нашей сознательной *периферии* (как выражаются у нас иногда). К сожалению, совсем не похоже на то, чтобы центры, по собственному почину, отказались от кружковой дипломатии...

Письмо третье

От национализма к оппортюнизму

Товарищи!

Согласно своему обещанию, я возвращаюсь к об'яснению бывшей «семерки» с бывшей «шестеркой».

Тут мне надо, прежде всего прочего, рассмотреть то, что происходит теперь в области некоторых политических переживаний на Кавказе.

Начну издалека. У нашего знаменитого критика-публициста Добролюбова, — одного из самых передовых и даровитых «людей шестидесятых годов», — есть статья: «Когда же придет настоящий день?», написанная по поводу повести Тургенева «Накануне». Это — поистине блестящее произведение. Вы согласитесь со мной, если доставите себе удовольствие перечитать его. Но здесь я не буду распространяться о достоинствах этой статьи. Я только напомню вам, как определяет Добролюбов выгоду положения болгарина Инсарова, — героя повести «Накануне», — борющегося за освобождение своей родины от турецкого ига.

«Инсаров с молоком матери всасывает ненависть к поработителям, недовольство настоящим порядком вещей, — пишет Добролюбов, — ему не нужно напрягать себя, не нужно доходить долгим рядом силлогизмов до того, чтобы определить направление своей деятельности; как скоро он не ленив и не трус, он уже знает, что ему делать и как вести себя: разбрасываться ему некуда. Да и задача-то у него *удобопонятная,* как говорит Шубин [1]): «стоит только турок вытурить — велика штука». И Инсаров знает притом, что он прав в своей деятельности не только перед собственною совестью, но и перед людским судом: его замыслы найдут сочувствие во всяком порядочном человеке».

Сравнивая с положением Инсарова положение тех русских людей, которые захотели бы поработать для блага своей родины, Добролюбов находит, что их задача несравненно труднее. «Болгария порабощена, она страдает под турецким игом, — пишет он. — Мы, слава богу, никем не порабощены, мы свободны, мы — великий народ, не раз решавший своим оружием судьбы царств и народов; мы владеем другими, а нами никто не владеет»...

Добролюбову приходилось выражаться иносказательными намеками: в его время наша многострадальная печать тоже не была свободна. Но он умел выражаться ярко; его намеки были понятны, а сравнения очень удачны. Желая наглядно изобразить затруднительное положение русских людей, ставящих перед собою освободительную задачу, он говорит: «Подите-ка сядьте в пустой ящик, да и попробуйте его перевернуть вместе с собою. Каких усилий это потребует от вас! — между тем как, подойдя со стороны, вы одним толчком могли бы справиться с этим ящиком».

Все это означает, что те, которые борются за освобождение своей страны от чужеземного ига, находятся в гораздо более легком положении, нежели те, которые ведут освободительную борьбу в стране, угне-

[1]) Другое лицо, действующее в повести «Накануне».

таемой доморощенными поработителями. Добролюбов был совершенно прав, утверждая это. Но, вполне принимая высказанное им общее правило, я считаю нужным несколько дополнить его.

В стране, подчиненной чужеземному игу, могут быть *также* и свои доморощенные угнетатели. Иначе сказать, население страны, подчиненной иноземной власти, может быть разделено на классы, находящиеся во взаимной борьбе. Каково будет в такой стране положение наших единомышленников, т.-е. людей, стоящих на точке зрения интересов пролетариата?

В самом начале их деятельности, оно, вопреки сказанному Добролюбовым, будет затруднительнее, чем в тех странах, которые не подчинены чужеземцам. Чужеземное иго будит национальное чувство и обостряет его. В стремлении избавиться от этого ига об'единяются все общественные классы. Добролюбов приводит слова Инсарова, который говорит: «В Болгарии последний мужик, последний нищий и я — мы желаем одного и того же, у всех одна цель». Но когда у всех одна цель, тогда считаются изменниками общему делу те, которые указывают одной части населения, — рабочему классу, — на ее особую классовую цель и приглашают ее направить сообразно этой цели всю свою деятельность. Сама эта часть, — рабочий класс, эксплоатируемый своими домашними поработителями, — будет относиться подозрительно к людям, не берущим национальный вопрос за точку исхода в своих социально-политических рассуждениях. Чужеземное иго воспитывает в эксплоатируемых чувство солидарности с эксплоататорами своей национальности. Но если идеологам эксплоатируемого класса удастся так или иначе заручиться его доверием, то их положение может стать исключительно благоприятным.

Защищая интересы эксплоатируемых, они тем самым приходят в столкновение с представителями чужеземной власти, которые по необходимости защищают интересы эксплоататоров. Будучи представителями самого передового общественного класса, идеологи пролетариата везде являются обыкновенно самыми последовательными и энергичными борцами. Энергия привлекает. В стране, подчиненной чужеземной власти, к энергичным представителям интересов сознательного пролетариата начнет мало-по-малу обращаться сочувствие даже тех классов и слоев населения, которые не сочувствуют конечной цели пролетарского движения, а заботятся лишь об устранении каких-нибудь второстепенных недостатков общественного строя, — например, пережитков феодального быта, — и об ослаблении, если не полном свержении, чужеземного ига.

Идеологи пролетариата утверждают, что когда прекратится эксплоатация наемного труда капиталом, прекратится также и подчинение одного народа другому. Непролетарские элементы населения применяют их слова к своим собственным понятиям и привыкают смотреть на пролетариат, как на передовой отряд армии национального освобождения. Принимая на себя главные удары чужеземных угнетателей и, в свою очередь, нанося им сильнейшие удары, сознательный пролетариат является в глазах непролетарских элементов освободителем по преимуществу. Такое положение и само по себе очень благоприятно для него. А если при этом чужеземная власть, вызывающая общее недовольство в *данной* стране, надломится и зашатается у себя дома, — там, откуда она распространяется, — вследствие чего у всех ее противников явится не лишенная основания и отрадная надежда раз навсегда покончить с нею, — тогда сознательный пролетариат, и прежде находившийся в исключительно благоприятном положении, станет огромной общественной силой.

Такою силою стали сознательные пролетарии Кавказа лет десять-восемь тому назад. И они очень хорошо сумели воспользоваться на редкость выгодным для них стечением обстоятельств. Они, в самом деле, были тогда освободителями по преимуществу. В тактическом отношении наибольшей заслугой их является то обстоятельство, что они не поддались искушению доктринерства, подчиняясь которому представители самого передового класса говорят подчас представителям всех других недовольных классов: «мы не будем иметь с вами никакого дела, если вы целиком не перейдете на нашу точку зрения». Так как полный переход непролетарских классов на пролетарскую точку зрения невозможен, то, поддавшись искушению доктринерства, представители сознательного пролетариата тем самым рискуют поставить себя и его в изолированное положение. Другими словами: они лишают его той, — иногда не только важной, но прямо необходимой для успеха дела, — поддержки, которую могли бы оказать ему непролетарские элементы населения. Наши кавказские единомышленники избежали этой ошибки, обыкновенно приносящей большую радость охранителям, с своей стороны всеми силами стремящимся изолировать сознательный пролетариат. Честь и слава нашим кавказским единомышленникам!

Но если, как говорят, нет худа без добра, то нет и добра без худа. Очень хорошо поступает тот, кто не отказывается от поддержки непролетарских элементов. Но, принимая их поддержку в интересах своего дела, необходимо уметь и отказаться от нее, когда этого требуют

ге же интересы. Кто добивается ее во что бы то ни стало, тот, миновав Сциллу, попадает в Харибду; устояв перед искушением *доктринерства,* уступает соображениям *оппортюнизма.*

Я не раз печатно высказывал восторженное одобрение деятельности наших кавказских единомышленников в ее лучшую пору. Смею думать, что это дает мне право с такою же откровенностью отметить огромную ошибку, сделанную ими в ту пору, когда обстоятельства времени приняли оборот, неблагоприятный для российского движения вообще и для кавказского движения в частности.

Бебель говорил, что ради дела он готов итти вместе с чортом и и даже с его бабушкой. К этому кто-то остроумно прибавил: однако, отправляясь в путь вместе с чортом и его бабушкой, вы должны хорошенько выяснить себе, кто кого поведет, — вы их или они вас. Это и остроумно, и как нельзя более верно. Если не вы ведете чорта и его бабушку, а они вас, то вы напрасно будете ждать пользы для своего дела от сношений с ними; наоборот, вы должны опасаться, что сношения эти повредят ему. В действительности, никогда не оправдывающей безусловных решений, сношения с чортом и его бабушкой бывают порой полезны для пролетарского дела и потому *обязательны,* а порой вредны для него и потому *непозволительны.* Все зависит от обстоятельств времени и места. Это старая истина. «В ней Гегель, в ней книжная мудрость, в ней смысл философии всей». И в ней же вся тайна хорошей тактики. Представители пролетариата должны уметь разбираться в обстоятельствах времени и места. Они должны держать ухо востро. Если в течение некоторого времени они, благодаря обстоятельствам, ведут чорта, то они должны знать и помнить, что обстоятельства могут измениться и что, вследствие изменения обстоятельств, чорт поведет их. Заметив перемену обстоятельств, они обязаны немедленно прервать сношения со своим адским попутчиком. Иначе им придется сыграть весьма незавидную роль.

Наши кавказские товарищи не показали себя безупречными тактиками. Когда, с наступлением реакции, обстоятельства изменились, они не только не разорвали сношений с чортом, но сочли себя обязанными непременно продолжать их.

Это совершенно понятно в психологическом отношении. Они слишком привыкли к роли, — без сомнения, крайне выигрышной, — освободителей по преимуществу. В течение нескольких лет они пользовались поддержкой непролетарских элементов кавказского населения и почувствовали себя нехорошо, когда эти элементы отвернулись от них. Они побоялись остаться в меньшинстве. А между тем, остаться в *меньшин-*

стве подчас безусловно необходимо именно для того, чтобы подготовить себе в будущем влияние на *большинство.*

Непролетарским элементам кавказского населения не было никакого дела до *конечной цели* сознательного пролетариата. Они шли за ним, лет восемь-десять тому назад, не потому, что стремились к *его конечной цели,* а потому, что надеялись скоро прийти с его помощью к *своим собственным, несравненно более близким целям.* Они верили в его силу. Но они верили и могли верить в нее лишь до тех пор, пока он не потерпел решительного поражения. Но решительное поражение было неизбежно. Пролетариату, вообще, нельзя миновать таких поражений в своем освободительном движении. Замедляя на время это движение, они, однако, несообны остановить его. Больше того. Мы знаем такие примеры, когда поражение пролетариата, давая новый толчок росту его классового сознания, тем самым подготовляло новый и несравненно более широкий размах его движения. Вот почему плохи те сторонники пролетариата, которые способны прийти в уныние, когда ему приходится потерпеть более или менее сильное поражение. Кто понимает историческую роль рабочего класса, тот знает, что он, в общем, непобедим. Но непролетарские элементы населения не понимают этой исторической роли. Поэтому они отворачиваются от пролетариата, когда он терпит поражение. Так бывает везде. Так было и на Кавказе.

Но, — я уже сказал это выше, — наши кавказские товарищи так привыкли пользоваться поддержкой непролетарских элементов населения, что уже не умели обходиться без нее. Видя, что непролетарские элементы отворачиваются от пролетариата, они сочли себя обязанными придумать новые меры для того, чтобы вернуть к себе сочувствие своих бывших «попутчиков». Они оказались в положении того французского политика, который, указывая на своих сторонников, говорил: «Je suis leur chef, donc je dois les suivre». (Я их *вождь,* стало быть, я должен за ними *следовать.*)

Но куда же могли последовать за своими бывшими попутчиками наши кавказские единомышленники? Отвернувшись от пролетариата, непролетарские элементы населения обратились к националистам, которые и стали с пафосом фигурировать теперь в очень выигрышной роли освободителей по преимуществу. Наши кавказские единомышленники всеми силами старались опять приобрести былое влияние на непролетарские элементы. Они ни за что не хотели сесть, по выражению Добролюбова, в ящик; они были убеждены, что ящик всегда следует толкать извне. И вот они вступили в соперничество с националистами...

Вступить в соперничество с националистами значило выставить, подобно им, националистические требования. Таким образом, те, которые вели черта, теперь сами покорно пошли за ним. Националистические требования отсутствовали в программе 1903 г. Нужно было прибавить их к ней. Это мог сделать только с'езд.

Поэтому, в ожидании с'езда, надо было найти такую формулу, которая, с одной стороны, ничего не изменяла бы в программе, а с другой, заключала бы в себе серьезные уступки националистическим стремлениям, так страшно усилившимся теперь в непролетарских элементах кавказского населения. Такая формула и дана была в хитроумной декларации, о которой спорили авторы «Открытого письма» с авторами «Гласного ответа» и о которой я высказал свое мнение во втором письме. Читатель помнит, надеюсь, какой непозволительной, чисто либеральной неопределенностью грешит эта формула.

Приблизительно с 1908 г. кавказские «*практики*» в разговорах со мною настойчиво отмечали рост националистических стремлений на Кавказе и, ссылаясь на него, выражали желание, чтобы наши теоретики усиленно занялись национальным вопросом. Я понимал это желание в том смысле, что наши *теоретики* должны выступить с систематической критикой националистической аргументации. Оказалось, что я понял его неправильно. Наши теоретики должны были *не критиковать* националистическую аргументацию, а *приладить к ней — свою собственную.* Нелегко сделать это. Но что можно было сделать, — сделано в полной мере.

В чем состоит отличительная черта национализма? Он старается об'единить в одном чувстве, — чувстве недовольства иноземным гнетом, — все классы населения данной страны. Добролюбов недаром приводил слова Инсарова: «В Болгарии последний мужик, последний нищий и я — мы желаем одного и того же, у всех одна цель». Когда у всех одна цель, то не следует вспоминать о борьбе классов. Конечно, борьба классов при этом не прекращается: она прекратится только тогда, когда прекратится разделение общества на классы. Но о ней можно говорить, а можно и молчать. Националисты предпочитают молчание. И им вынуждены подражать те представители пролетариата, которые соперничают с националистами.

Вспомним рассуждения авторов «Гласного ответа». Эти авторы защищают декларацию, которая требует создания учреждений, необходимых для свободного развития каждой национальности. У того, кто не

покинул точки зрения пролетарских интересов, неизбежно возникает при этом вопрос:

Как относятся учреждения, необходимые для свободного развития каждой национальности, к тем учреждениям, которые необходимы для защиты классовых интересов пролетариата?

Нет ничего естественнее такого вопроса. Иное дело точка зрения эксплоатируемого класса, а иное дело точка зрения национальности. Учреждения, защищающие интересы пролетариата, предполагают *классовую борьбу*, тогда как учреждения, необходимые для свободного развития национальностей, предполагают *сотрудничество классов, примирение между ними.*

Но авторы «Гласного ответа» ровно ничего не отвечают на этот естественный вопрос. Они как будто даже не подозревают его возможности. Они не видят противоречия, настоятельно требующего его разрешения. Они следуют за чортом и любезничают с его старой бабушкой.

Прошу вас заметить, читатели, что я не считаю только что указанное мною противоречие неразрешимым. Нисколько. Будучи правильно понят, наш метод, — могучий научный метод Маркса и Энгельса, — дает нам теоретическую возможность справляться и с гораздо более запутанными противоречиями. Я прекрасно понимаю, что указанный мною вопрос нельзя решать по метафизической схеме, так едко осмеянной Энгельсом: *или* классовая борьба, *или* борьба за право угнетенных национальностей. Я глубоко убежден, что в процессе движения к своей великой цели пролетариат выступит, между прочим, и защитником угнетенных национальностей. Международная социал-демократия освободит все народы. Такого же убеждения держались и люди, принявшие программу 1903 г. Кстати сказать, между ними находилось довольно много кавказцев... тогда еще не вступавших в соперничество с националистами.

Но как бы там ни было, ясно одно: чтобы разрешить противоречие между борьбой классов,—неизбежной при защите наемным трудом своих интересов, — и сотрудничеством классов, неизбежным при создании «учреждений, необходимых для свободного развития каждой национальности», мы должны взять за точку исхода интересы наемного труда, а не интересы той или другой национальности или «национальности» вообще. Декларация так не поступила. Не поступил так и «Гласный ответ». Это была ошибка. И в обоих случаях ошибка должна быть приписана влиянию кавказских представителей, подчинившихся внушениям чорта, сделавших непозволительные уступки духу национализма, овладевшему теперь непролетарскими элементами кавказского населения.

Эта ошибка не есть только ошибка против теории. Она очень вредна в практическом смысле, так как очень затрудняет сплочение наших сил. Чтобы сплотить их, необходимо открыто об'ясниться перед лицом сознательного пролетариата России по поводу волнующих нас спорных вопросов. Но возможно ли открытое об'яснение там, где об'ясняющиеся между собою стороны вынуждены прибегать к недомолвкам и «экивокам»? Конечно, нет! А между тем нашей бывшей «семерке», — иначе: авторам «Гласного ответа», — нельзя будет теперь не прибегать к «экивокам» и недомолвкам. Положение обязывает. Большая ошибка, сделанная «семеркой» в постановке вопроса о свободном развитии национальностей, логически ведет за собой другие ошибки, нужные для военного прикрытия первых. Только сильный напор общественного мнения, — мнения сознательной пролетарской среды, — может заставить кружковых дипломатов отказаться от тех приемов аргументации, которые не устраняют недоразумений, а все более и более плодят их. Только напор этого мнения приведет «семерку» к сознанию и, — *главное*, — к откровенному признанию той очевидной истины, что, позволив себе дополнить программу 1903 г. в пункте, имеющем отношение к свободному развитию национальностей, она совершила поступок, совершить который не имела никакого права, так как дополнять эту программу можно будет только тогда, когда силы наши будут об'единены и прекратится братоубийственная война между бывшей «семеркой» и бывшей «шестеркой».

Точно так же только напор общественного мнения может принудить авторов «Гласного ответа» к откровенному высказыванию своего взгляда насчет определенных конкретных явлений, связанных с отрицанием нелегальной работы. Если в «Гласном ответе» мы не находим ничего ясного на этот счет, то и тут виновата кружковая дипломатия.

Когда наши кавказские единомышленники нашли нужным заняться национальным вопросом, т.-е. придумать или отыскать в литературе (например у Отто Бауэра) такие доводы, которые позволили бы им с более или менее спокойной совестью сделать уступки националистам, тогда они тотчас сообразили, что у нас, собственно в России, им не могут сочувствовать люди, дорожащие принципами. Они поняли, что им гораздо удобнее будет иметь дело с людьми, так или иначе склоняющимися к оппортюнизму. Сделавшись оппортюнистами в национальном вопросе, они естественно стали искать помощи со стороны оппортюнистов. Пословица говорит: рыбак рыбака видит издалека. Такою же дальнозоркостью отличаются и оппортюнисты. Они издалека видят друг друга. Кавказцы,

ставшие оппортюнистами в национальном вопросе, очень кстати вспомнили, что собственно в России есть оппортунисты, отрицающие известного рода работу и в силу этого отрицания совершающие тяжелые грехи против дисциплины. Когда-то они сурово осуждали этих людей. В 1907 г. они, довольно торжественно и в памятной обстановке, выразили мне свою горячую благодарность за то, что я давал отпор этим русским оппортюнистам, которых Череванин и другие тогда же прозвали *ликвидаторами*. Но 1907 г. канул в вечность, а с ним и тогдашнее настроение наших кавказских единомышленников. Последующие годы вызвали в них совсем другое настроение. Теперь кавказцы почувствовали, что русские ликвидаторы заранее готовы на всякие оппортюнистические дополнения к программе 1903 г., и решились сблизиться с ними. Чтобы приобрести право требовать услуги с их стороны, они поспешили сами услужить им. Первая их, — весьма немаловажная при тогдашнем положении наших дел, — услуга состояла в резолюциях, которые, вопреки тому, на что указывали и чем возмущались сами кавказцы в 1907 г., отрицали самое существование на Руси ликвидаторов. Вторая услуга, оказанная кавказскими ликвидаторами, заключалась в том, что они своим влиянием обеспечили им участие в августовском совещании 1912 г. Так как долг платежом красен, то ликвидаторы помогли им добиться того, чтоб названное совещание одобрило кавказский оппортюнизм по части национального вопроса.

Так сплелась та цепь взаимных услуг, благодаря которой наши кавказские единомышленники не смеют сделать резкий отзыв по адресу ликвидаторов, а сами ликвидаторы и люди, почему либо их отстаивающие, не решаются осудить оппортюнизм в национальном вопросе. Вот откуда происходят указанные мною неясность и сбивчивость об'яснений, даваемых авторами «Гласного ответа» по поводу двух мною только что указанных пунктов. Кружковая дипломатия никогда не научит прямоте. Чтобы взаимные об'яснения наших фракций приобрели характер прямоты, необходимо, чтобы кружковая дипломатия была резко и решительно осуждена нашими сознательными рабочими.

Пора кончать. Я далеко не исчерпал того, что нахожу нужным сказать по поводу об'яснений бывшей «шестерки» с бывшей «семеркой». Постараюсь вполне высказаться в следующих письмах. Теперь же попрошу вас, читатели, запомнить вот что.

До сих пор чаще всего бывало так, что когда я критиковал действия или взгляды одной фракции, то меня понимали в том смысле, что я склонен сойтись с другой. Не впадайте в это заблуждение. Из того, что

я критически отношусь к авторам «Гласного ответа», еще не следует, что я одобряю их, враждующих с ними, братьев. Как вы могли увидеть из моего первого письма, я убежден, что неправы и те и другие. И я считаю себя обязанным подробно развить перед вами это свое убеждение именно затем, чтобы подготовить путь к об'единению наших сил. Как нелепо истолковываются мои намерения, показывают, например, следующие строки, выписываемые мною из № 134 «Киевской Мысли»:

«Вышедший из социал-демократической фракции депутат Бурьянов предпринимает издание газеты «Единство» при участии Плеханова. Рабочие рассматривают это, как намерение организовать третью социал-демократическую фракцию».

Мне хочется думать, что корреспондент «Киевской Мысли» наклеветал на петербургских рабочих. Странно приписывать стремление создать новую фракцию тому, кто видит в существовании фракций величайшее несчастье, мешающее нам подняться на высоту нашей великой, благородной исторической задачи. Приписать мне такое намерение могли только закоренелые кружковые дипломаты, привыкшие всех мерить на свой аршин [1]). Но рабочие кружковой дипломатией не занимаются. Им, чуждым этой страшной заразы, я напомню слова Фейербаха: «Meine Religion — keine Religion». (Моя религия — никакой религии!) Подражая великому немецкому мыслителю, я скажу:

— Моя фракция — никаких фракций!

Письмо четвертое

Товарищи!

Немного времени прошло с тех пор, как я заговорил с вами об единстве, а как много неудовольствия навлек я на себя с разных сторон! На меня сердятся и «правдисты» и «лучисты» (простите, что я употребляю эти варварские выражения, но не я их придумал). Из лагеря «лучистов» ко мне пришло письмо, подписанное: «Гласная буква». Товарищ «Гласная буква» хочет, чтобы его письмо было напечатано в «Единстве». Он прибавляет, что копию с письма он, на «*всякий случай*» (курсив мой), послал в «Нашу Рабочую Газету». Я не знаю, что понимает он под «всяким случаем». Думаю, однако, что он имеет в виду тот случай, когда редакция «Единства» отказалась бы напечатать его произведение. Тогда

[1]) «Киевская Мысль» могла бы, кажется, позволить себе роскошь иметь более беспристрастного, — или я должен сказать: толкового? — корреспондента в столице.

произведение это появилось бы в «Нашей Рабочей Газете». Если мое предположение справедливо, то слова «на всякий случай» заключают в себе как бы некую угрозу. Но, признаюсь, угроза эта меня не пугает. Я даже думаю, что редакция «Единства», — которой принадлежит право решения вопроса о напечатании посылаемых ей рукописей, — сделает лучше, если откажется напечатать письмо «Гласной буквы»: она вряд ли обладает большими средствами: у нее нет «фракционной» кассы, и если она станет печатать возражения, сыплющиеся по адресу ее сотрудников, то для ее тощего кошелька это будет, пожалуй, хуже штрафов, налагаемых администрацией. Пусть совершится то, чем грозит мне «Гласная буква», — пусть его письмо появится на столбцах «Нашей Рабочей Газеты»: ему именно там место.

Но, пока что, я не отказываюсь считаться с теми доводами, которые выдвигает против меня автор письма, как не отказываюсь считаться и с возражениями, приводимыми В. Ильиным в газете «Рабочий». Эти доводы и возражения важны для меня как данные, свидетельствующие о настроении наших «фракционеров», и я вижу себя вынужденным немедленно взяться за характеристику этого настроения, отказавшись от плана, первоначально выработанного мною для этих писем.

Жаль только, — очень, очень жаль! — что ничего отрадного для сторонника единства наших пролетарских сил не заключает в себе названное настроение! Тов. В. Ильин и товарищ, выступающий в виде «Гласной буквы», — оба насквозь пропитаны фракционными предрассудками. Они до такой степени пропитаны ими, что не видят, — или, может быть, *не хотят* видеть, — вещей самых очевидных. По этой, весьма достойной сожаления, причине то, что они говорят, очень сильно расходится с тем, что есть на самом деле.

Издавна так повелось, что когда та или другая фракция считает, что я *«иду за нею»*, она делает мне большие комплименты. А когда она убеждается, что я «разошелся с нею», она начинает укорять меня. Но теперь обстоятельства сложились так, что стало совершенно ясно, до какой степени я несогласен *с обеими фракциями*. Поэтому меня укоряют теперь они обе. По-моему, это лучше: больше равновесия.

На чисто личную брань не следует обращать внимания. Но есть такие укоризны, на которые нельзя не ответить! Это именно те укоризны, которые относятся к общественной деятельности данного лица. И как ни противно мне говорить о самом себе, но я *вынужден* ответить, хотя в немногих словах, на то, в чем обвиняют меня т. В. Ильин и т. «Гласная буква».

Приведя то место из моего первого письма-фельетона, где я говорю о том, как страшно затрудняется работа наших с'ездов междуфракционной грызней, т. «Гласная буква» говорит от себя:

«Это нехорошо, конечно. Но молодые товарищи не знают, что на Лондонском с'езде Г. В. являлся деятельным участником фракционных собраний меньшевиков и видным оратором этой фракции на пленуме с'езда. И никто больше нас, рабочих, не протестовал против такого положения вещей, как и против превращения с'езда в турнир, в поединок «генералов». Г. В. скажет, может быть, что он и не думает скрывать, что и он был фракционером. Но тогда это надо было сказать. Не то получается неверное представление, будто фракционностью заедены «они», а не я, Г. В.! — Надо было сказать: «и азм (?) Г. В. грешен был». И есть — прибавил бы я. И это верно».

Видите, как строго! Вы согласитесь, однако, читатели, что если строгость хороша в *известных случаях*, то истина хороша *всегда*. А «Гласная буква», к сожалению, разошлась с истиной. Молодые товарищи *не могут* знать, что я был в Лондоне деятельным участником фракционных собраний. Не могут — потому, что *я таким участником совсем не был*. Я был сильно болен в те годы и с величайшим трудом мог присутствовать на пленарных заседаниях с'езда. На заседаниях фракции меньшевиков я появился только два или — *самое большее* — три раза. И каждый раз я брал слово затем, чтобы указывать меньшевикам на необходимость *единства* и подчинения *дисциплине*. Многие помнят вероятно, как ополчился я против т. Фридриха, вздумавшего проповедывать то, что впоследствии получило название *ликвидаторства*. А кто не помнит или никогда не знал, тот пусть прочтет об этом в брошюре Череванина.

На пленарных заседаниях мне, действительно, приходилось тогда,— хотя и через силу, — выступать очень часто, но на пленарных заседаниях мы спорили о *тактических* и вообще о таких вопросах, спорить о которых не только можно, но и должно.

«Гласную букву» огорчало то, что, — благодаря, между прочим, и моим выступлениям,— с'езд превращался в поединок «генералов». Но ораторы, говорившие от имени фракции меньшевиков, были каждый раз выбираемы ею. Очень может быть, что меня выбирали чаще, нежели «Гласную букву». Я готов огорчаться этим. Но вины моей тут нет и быть не могло.

Одним из моих выступлений в пленуме с'езда я воспользовался, между прочим, для того, чтобы заявить, что я первый решительно

выступлю против всякого, кто воспользуется идеей рабочего с'езда для борьбы с партией. Я сдержал свое обещание.

Если я выступал в качестве оратора по выбору меньшевиков, то это вовсе не значит, что я когда-нибудь грешил «фракционностью». Ведь я оттого и разошелся с теми, которые группируются теперь вокруг «Нашей Рабочей Газеты», что «фракционность» подвинула некоторых из них на некоторые тяжкие грехи против дисциплины. Кто этого не знает?

И вообще было бы просто-напросто смешно, если бы я сделался большевиком или меньшевиком. Как я сказал печатно (в своих «Заметках публициста»), я был вполне последовательным марксистом уже в то, отдаленное теперь время, когда папеньки многих из нынешних наших большевиков и меньшевиков только начинали ухаживать за их маменьками. Я всегда уверенно шел своей дорогой, направление которой определялось мыслью, высказанной мной еще в июле 1889 г. на международном с'езде в Париже: *наше освободительное движение восторжествует как движение рабочего класса или совсем не восторжествует.* Когда, — много лет спустя после моих первых политических выступлений, — у нас явились большевики и меньшевики, я крайне сожалел об этом, потому что их появление было равносильно *началу раскола,* а я видел в расколе огромное препятствие для торжества той идеи рабочего класса, о которой я, при только что указанных мною обстоятельствах, говорил в 1889 году в Париже. И я сделал все, зависевшее от меня, для того, чтоб ослабить этот вред. С точки зрения фракционеров мои усилия представлялись слабостью, если не капризом. Тов. В. Ильин презрительно отмечает, что я выступал в роли «*примиренца*». Но, во-первых, я не знаю, почему достойно презрения старание *примирить* между собой тех, которые, по самому своему общественному положению и по историческому призванию, *обязаны жить в мире,* т.-е. различные фракции пролетариата. Во-вторых, я старался собственно не примирить между собой эти фракции, а показать их идеологам, до какой степени противоречит междуфракционная «склока» великим задачам рабочего движения и до какой степени психология этой «склоки» коренится в старых навыках *интеллигентской кружковщины.* Я надеялся, что эти идеологи поймут правильность моих указаний и сами поспешат не то, чтобы помириться, а установить между собой такие отношения, которые позволят им направлять главную часть своих сил не на борьбу друг с другом (как это происходит теперь), а на борьбу с общим врагом. Я надеялся... До сих пор моя надежда оставалась тщетной. Идеологи не только не признавали правильность моих указаний; они не только не

стремились прекратить свою жалкую и постыдную взаимную грызню, но все более и более усиливали ее, а на мои указания смотрели, как на какое-то чудачество, при чем наиболее «проницательные» из них, — с'евшие собаку во фракционной дипломатии, — глубокомысленно рассуждали о том, какие именно личные мотивы побуждают меня становиться вне фракций. О стыд! О стыд!

Я видел, что эти люди остаются политическими младенцами, несмотря на то, что многие из них носят довольно большие бороды. И уже по одному этому я не мог тесно примкнуть ни к одной фракции. Мне оставалось, — чтобы употребить здесь выражение одного французского писателя, — брать мое добро там, где я его находил, т.-е. поддерживать в данное время ту фракцию, которая поступает, как следует, оставляя за собой право немедленно ополчиться против нее, когда она понесет вздор. Я всегда следовал этому правилу, которое одно и достойно человека, стоящего на точке зрения целого. Но с точки зрения частей (т.-е. фракций) правило это остается совершенно непонятным, а потому непонятным делается и поведение. Вот почему т. В. Ильин с удивлением говорит, что я, — *до* 1903 г. написавший массу превосходных сочинений (это его слова), — стал обнаруживать смешную непоследовательность *после* этого года, т.-е. тогда, когда началась так называемая мною война мышей и лягушек, борьба между большевиками и меньшевиками. *Хмельному* непонятно поведение *трезвого*. *Раскольнику* непонятен человек, осуждающий раскол.

Товарищи рабочие! Психология наших вождей насквозь пропитана духом междуфракционной склоки. Они уже не могут смотреть на рабочее движение иначе, как через очки фракционности.

Те, которые не носят таких очков, кажутся им уродами. В своем первом письме я сравнил наших фракционеров с теми зобатыми людьми, часто встречающимися в швейцарских долинах, которые считают уродами людей, зобов не имеющих [1]). И что же?

По поводу этого сравнения на меня посыпались упреки в том, что я рассказываю «анекдоты» в то время, когда надо говорить о деле. «Гласная буква» очень огорчается моими «анекдотами»; по некоторым другим письмам я вижу, что они смутили не одну «Гласную букву», а чуть не всю азбуку. Пусть извинят меня смущенные «анекдотами» товарищи. Но я скажу им, что их смущение свидетельствует

---

[1]) Русские путешественники XVII столетия, например Толстой, называет зобы «желваками на шее». Может быть такое выражение точнее и понятнее.

о... недоразумении. Нельзя противопоставлять *«анекдот» делу* в том случае, когда он освещает истинную сущность дела. А это именно наш случай. Сущность дела, — страшно печальная сущность его! — заключается в том, что «лидеры» наших фракций так же сильно изуродованы своей фракционностью, как некоторые жители швейцарских долин изуродованы болезнью, вызывающей зобы. Мой «анекдот» есть не более, как *сравнение*. С каких же пор непозволительны сравнения? И кому придет в голову осуждать их? Я скажу вам — кому: тому, кто чувствует, что сравнение разоблачает его собственную слабую сторону.

Но если на сравнение сердится тот, чью слабую сторону оно разоблачает, то это значит, что оно *удачно*. И так как т. «Гласная буква» огорчается моим анекдотом, то я скажу ему:

«Товарищ, хотя вы, может быть, и не принадлежите к «лидерам» вашей фракции, но и у вас вырос зоб. Посмотритесь хорошенько в зеркало: вы его увидите. Спешите лечить. Зоб *фракционности* излечивается повторными вспрыскиваниями *партийности*. Если у вас нет другого врача, то я к вашим услугам».

Но зоб т. «Гласной буквы» есть лишь небольшая бородавка в сравнении с колоссальным желваком, выросшим на шее т. В. Ильина. Благодаря желваку, все истинные отношения между явлениями представляются т. Ильину в искаженном виде. Этот товарищ уверяет, например, что и он стремится к единству. Но я уже в первом своем письме сказал, что у нас есть товарищи, которые стремятся об'единиться с другими совершенно так, как голодный человек стремится об'единить себя с куском хлеба: они стремятся *с'есть* тех, которые в том или другом отношении расходятся с ними. Тов. В. Ильин, несомненно, стоит во главе этих людей, обладающих ненасытным фракционным аппетитом.

Дело об'единения представляется ему так: по его мнению, оно будет закончено, когда его фракция *поглотит,* — а стало быть и *подчинит* себе, — все остальные элементы российской социал-демократии. Но представлять себе дело об'единения таким образом значит стремиться не к об'единению, а к *увековечению раскола*. Никогда фракция тов. В. Ильина не поглотит всех элементов российской социал-демократии. Мечтать об этом может только *утопист,* политическое зрение которого в конец испорчено выросшим у него на шее желваком фракционности.

Это я говорю теперь. Это я говорил (хотя и другими словами) и в предыдущих письмах. Судите же сами, мои читатели, неужели, говоря это, я не отмечал одного из самых важных, самых существенных условий

об'единения наших сил? Кажется, что — отмечал. А, между тем, т. В. Ильин упрекает меня в том, что я будто бы неспособен сказать двух ясных слов по вопросу об условиях об'единения. Он пристает ко мне: кого с кем хотите вы об'единять? Пусть извинит меня т. «Гласная буква», но я сделаю новое сравнение. Тов. В. Ильин напоминает мне человека, которому сказали, что у Ноя было три сына: Сим, Хам и Яфет, а он с удивлением таращит глаза и спрашивает: кто же был их отец? Ведь ясно, что отец их был Ной. Так и тут. Ведь совершенно ясно, что когда заходит речь об об'единении, то имеется в виду прежде всего об'единение двух наших больших фракций. Когда они об'единятся между собой, тогда к ним немедленно примкнут все остальные социал-демократические элементы. Для примера укажу хотя бы на нас, «партийцев». Мы не пристаем ни к «правдистам», ни к «лучистам», потому что пристать к одним — значит принять на себя нравственную ответственность за ту преступную и позорную борьбу, которую они, — *во вред пролетариату,* — ведут с другими. Мы этого не можем, мы этого не хотим. Но когда они об'единятся между собой; когда они перестанут каждый день и каждый час совершать страшное, всем рабочим интернационалом осужденное, преступление междоусобия, тогда мы немедленно примкнем к ним и вполне охотно подчинимся решениям, принятым большинством голосов *об'единенного целого.* Так, наверно, поступят и все остальные социал-демократические группы России.

Это ясно, как божий день. Почему же т. В. Ильин недоуменно спрашивает: кого с кем об'единять? Неужели он в самом деле не понимает?

Пусть опять извинит меня деловитый т. «Гласная буква» Но я опять употреблю нечто вроде сравнения или, если ему угодно, «анекдота». Я скажу, что мне вспоминаются слова Крылова:

Умысел другой тут был,
Хозяин музыку любил...

Какую музыку? *Фракционную!* Ту фракционную музыку, которую т. В. Ильин старается выдать нам за *партийную.*

Я говорю о необходимости единства. Тов. В. Ильин называет это *новым* моим «колебанием», «новым поворотом к ликвидаторам». Но, не говоря уже о том, что никакого *старого* поворота к ликвидаторам у меня никогда не бывало, я спрашиваю вас, товарищи рабочие: неужели же позволительно для человека, пережившего ребяческий возраст, сводить все *политические* вопросы на *личную* почву? А ведь Ленин выступает именно так. Он с ехидным видом спрашивает меня: почему стало воз-

можно об'единение с *господином* Потресовым? Как будто я предлагаю об'единение какой-нибудь фракции с каким-нибудь отдельным лицом или с отдельными лицами!

Фракционный зоб душит наших фракционеров. Он препятствует правильной работе мозга. Вопросы внутренней жизни партии становятся для них *личными* вопросами. Ниже упасть невозможно.

И заметьте, что не только В. Ильин грешит тяжким грехом этого чудовищного смешения совершенно разнородных вопросов. Тов. «Гласная буква» горько упрекает меня в том, что я до сих пор не поставил точек над i. Но и для него поставить точку над i в вопросе об единстве — значит высказаться о некоторых отдельных личностях: фракционная склока задушила всякий политический смысл у этих товарищей.

Не подлежит сомнению, что некоторые отдельные лица, под развращающим влиянием застоя последних лет, много погрешили против *целого*. Я своевременно и резко высказался против них. Я воздал «всем сестрам по серьгам». И я вовсе не говорю теперь, что об'единение целого должно будет обойти грехи, против него совершенные, более или менее благосклонным молчанием. Но сводить к вопросу об этих грехах весь великий и важный вопрос единства может только тот, кто единства не желает.

Совершенно чуждый преступного стремления увековечить раскол, я считаю не только излишним, но прямо-таки вредным заниматься теперь, — в том или другом смысле, — «*господами* Потресовыми». У нашего пролетариата не только света в окошке, что такие «господа»!

Вопросы о *личностях* важны с *кружковой* точки зрения, а не с точки зрения *целого*. С точки зрения целого несравненно важнее те вопросы, о которых я говорил в предыдущих письмах и на которые не счел нужным обратить внимание ни т. Ильин, ни т. «Гласная буква».

Кто говорит о единстве, тот *обязан* прежде всего указать на то основное условие, без которого существование единства невозможно. Это основное условие состоит в *подчинении меньшинства решениям, принятым большинством организованного целого (а не той фракции, которая считает себя наиболее влиятельной в данное время в рабочей среде).*

До сих пор у нас было так, что меньшинство никогда не подчинялось большинству, и это было самое большое наше зло. На это зло я указал в первом же своем письме, приглашая сознательный пролетариат решительно высказаться против него.

А мне говорят, что я ничего не сказал об условиях об'единения. Что же это такое?

Да все то же самое: фракционное ослепление, фракционная злая воля. В чем состоит разница между *сектантским* движением, с одной стороны, и *классовым* — с другой? Маркс сказал на этот счет следующие золотые слова:

«Секта ищет оправдания своего бытия не в том, что у нее есть общего с классовым движением, а в том, что отделяет ее от него».

Именно так поступает т. В. Ильин. Он выдвигает на первый план не то, что есть общего у его фракции с другой фракцией, — которая ведь тоже имеет корни в рабочем движении, — а то, что отделяет ее от нее. Поэтому он хватается даже за *«господ* Потресовых». Он — сектант: неисправимый сектант; сектант до конца ногтей. Он не дорос до точки зрения *классового* движения. В этом смысле он останется недорослем до гроба.

Товарищи рабочие! Ваше движение уже переросло детскую куртку сектантства. Эта детская куртка трещит по всем швам. Но в то же время она жестоко теснит вас. Пора, давно пора снять ее и повесить в шкаф, на память историкам. Именно это я и приглашаю вас сделать. Неисправимый сектант В. Ильин величает меня за это авантюристом. Это было бы, пожалуй, хлестко, если бы не было до крайности комично. Подумайте маленько: ведь если я — авантюрист, то авантюрист и весь рабочий интернационал, который тоже зовет вас к единству. Зарапортовался бедный т. В. Ильин, фракционный зоб окончательно спутал его мысли.

Товарищи, не смущайтесь фракционной софистикой и помните, что вопрос об условиях единства решается просто.

Трудность дела заключается не в выяснении этих условий, а в *преодолении злой воли фракционеров.*

Об'единиться можно и должно на основе нашей *программы.*

В тактике меньшинство будет обязано подчиняться большинству *(организованного целого).*

Грехи *отдельных лиц* подлежат суду того же целого.

Вот три необходимых и достаточных условия единства. Мы предлагаем вам их. Они же, вероятно, будут предложены вам интернационалом.

Тем, как отнесетесь вы к мысли о необходимости об'единить ваши, уже не малые теперь, но, к величайшему вреду для вас, разрозненные силы, определится мера вашего политического развития.

Но в конце концов вы все-таки об'единитесь. От единства, как от судьбы, вам не уйти!

ПРИЛОЖЕНИЯ

Речи на международном с'езде в Копенгагене

Речь на массовом митинге в Зондермаркенском парке в день открытия Копенгагенского международного социалистического с'езда [1])

Плеханов заявляет, что русская социал-демократия никогда не забудет сочувствия, выказанного товарищами-датчанами во время русской революции. Капиталисты всех стран с одинаковой ненавистью относятся к революции. Армия царских палачей могла держаться только с помощью золота реакционных буржуа французской республики. Мы обращаемся к конгрессу с просьбой устроить манифестацию против смертной казни. В каждом городе России похоронено множество убитых товарищей. Это работа палачей, поддерживаемых золотом всей Европы. Но русский народ просыпается; у солдат уже начинает пробуждаться сознание; они обеспечат победу революции.

Речь в комиссии по профессиональному движению [2])

Русская социал-демократическая партия представлена в этой комисси двумя делегатами: мною, русским, и товарищем латышем. Мы с ним говорим на разных языках, но мы будем оба единодушно поддерживать австрийскую резолюцию в интересах единства профессионального движения, которое является условием sine qua non борьбы за политическое освобождение. Именно в тех странах, где, как у нас в России, партия еще разделена, профессиональное движение должно помочь нам восстановить единство социал-демократии. У нас в России национальный вопрос имеет более актуальное значение, чем у вас в Австрии. Если бы

---

[1]) По французскому протоколу.

[2]) По французскому протоколу.

мне пришлось перечислить все различные народности, населяющие огромную Российскую империю, мне нехватило бы для этого всего сегодняшнего дня. Мы не можем подготовлять почву для искусственного расщепления пролетарского движения в Австрии. Я теперь прекрасно понимаю точку зрения чешских товарищей. Они говорят, что деньги имеются только у их профессиональных союзов и что только в случае сепаратного существования чешские профессиональные союзы смогут предоставить бо́льшие суммы в распоряжение чешской социал-демократии. Деньги, конечно, прекрасная вещь как для буржуазии, так и для пролетариата. *(Смех.)* Но деньги, приобретенные ценой сепаратизма, должны разрушить все политическое и профессиональное движение [1]). Единство рабочего движения доставит вам даже больше средств, чем вы могли бы получить путем разделения и разрыва. Требование единства профессионального движения — не догма, а повелительная практическая необходимость. Да здравствует же пролетарское единство! *(Аплодисменты.)*

Содоклад на третьем пленарном заседании от большинства комиссии по профессиональному движению

В комиссии имеются две точки зрения: одна, чехословацкая, и другая — точка зрения всех остальных членов комиссии. Суть разногласий в следующем: чехословаки требуют полной автономии для своих собственных профессиональных союзов... Пользование своими правами затрудняется для них тем, что их политическая организация есть организация национальная и автономная, между тем как профессиональная организация — интернациональна. Чехи отстаивают ту точку зрения, что их партия не в состоянии воспользоваться своей автономией по отношению к их профессиональным организациям, и поэтому они видят себя вынужденными организоваться самостоятельно, как это уже происходило с их политической организацией.

Другую точку зрения отстаивают австрийцы. Они указывают на то, что Австрия об'единяет восемь больших наций, не считая малых. Если

---

[1]) [Вот как передает сам Плеханов это место своей речи:]

«Мы знаем... что, как выражается немецкий экономист, цитируемый Марксом в I т. «Капитала», деньги — приятный товар. Но мы должны знать также, что социалисты не имеют права делать свои деньги из того металла, который носит название: дезорганизация». [См. т. XVI, стр. 373: «Во второй комиссии Копенгагенского с'езда».]

бы решено было организовать профессиональные союзы по национальному принципу, то необходимо было бы создать по крайней мере восемь отдельных профессиональных союзов для каждой отрасли промышленности. К тому же дело не ограничилось бы только определенными районами, так как австрийское население представляет собою чрезвычайно разнообразную смесь различных национальностей и в составе рабочего населения различных национальностей происходят постоянные и значительные колебания. Поэтому в каждом промышленном районе надо было бы образовать восемь различных национальных профессиональных союзов. Если бы идее чехов суждено было осуществиться, это было бы равносильно немедленной гибели профессиональных организаций. Исходя из этих соображений, товарищи австрийцы полагают, что профессиональные союзы должны быть интернациональны, что они должны строиться не по национальному признаку, а быть организациями, охватывающими всю страну и применяющими единство профессионального действия. Это тем более необходимо, что профессиональные рабочие организации сплачиваются все теснее, а обостряющаяся с каждым днем борьба требует от рабочих все большего единства.

Особенное положение создано было тем, что обе стороны ссылались на штуттгартскую резолюцию: чехи потому, что они проповедуют тесную взаимную связь между партиями и профессиональными союзами и поэтому полагают, что профессиональные союзы должны быть так же автономны, как и партии; австрийцы опирались на нее потому, что она определенно и решительно заявляла, что тесная связь между партиями и профессиональными союзами не должна быть во вред единству профессионального движения. Штуттгартская резолюция действительно имеет этот смысл, как это подтвердил товарищ Беер, приводивший это место. Австрийские товарищи придавали, далее, значение тому, что дело идет здесь не о конфликте между частью чехо-словаков и интернациональными профессиональными союзами.

Во время дебатов в комиссии один польский делегат от профессиональных союзов заявил, что другие австрийские нации, входящие в состав австрийских профессиональных союзов, совершенно согласны с немецкими товарищами и стоят за интернациональный характер профессиональных союзов, так же как и имперская комиссия австрийских профессиональных союзов.

Вокруг этой точки зрения принципиально об'единились представители всех наций. Французы сделали несколько оговорок, не имеющих никакого отношения к спорному вопросу и относящихся только к тому,

что французы хотят подтверждения штуттгартской резолюции, требующей единства между партиями и профессиональными союзами.

Вся комиссия была единодушна в самом основном вопросе; пример подобного единодушия трудно встретить в Интернационале.

Комиссия тщательно и добросовестно исследовала этот вопрос, принимая во внимание интересы рабочего движения разных стран. Общее мнение комиссии было таково, что деление профессиональных союзов по национальному признаку равносильно их гибели. В Германии тоже необходимо было бы при этих условиях создать на-ряду с германскими профессиональными союзами польские, датские, французские, итальянские и русинские профессиональные союзы, а в России существовало бы уже не пять или восемь национальных профессиональных союзов, а несколько дюжин. Такое положение было бы нестерпимо. Проведение этой резолюции самым неблагоприятным образом отразилось бы на всей Западной Европе. Это особенно важно потому, что, подобно перемещению капиталов с запада на восток, происходит такое же постоянное передвижение рабочей силы с востока на запад, и чехи, таким образом, внесли бы раздробление в профессиональные союзы всех стран. Это был бы настоящий первобытный хаос; профессиональные союзы неспособны были бы продолжать работу, которую они ведут. Нация, как основа рабочего движения, должна применяться не как этнологическое понятие, а как понятие политическое. Тогда выйдет не то, чего хотят чешские товарищи, а опять-таки то, что предлагает имперская комиссия: единство профессиональных союзов всего государства. *(Аплодисменты.)*

Чтобы судить о спорах в комиссии, необходимо еще раз напомнить, что всеми, за исключением чехов, было заявлено, что основой профессиональных организаций является не расовое единство, а территориальное единство данного государства. В этом смысле и была принята резолюция имперской комиссии, и я обращаюсь к конгрессу с просьбой принять ее с тем же единодушием. *(Аплодисменты.)*

Заключительное слово

Немец был неправ, говоря о тенденции осудить чехов и утверждая, что поправка бельгийцев была внесена только с целью смягчить эту тенденцию. Это утверждение неверно. Поправка подписана де-Брукэром, Карским, Плехановым и Адлером и принята единодушно. Мы думаем, что чешские товарищи заблуждаются и хотим их переубедить. Попытка решить спорный вопрос при помощи игры слов, путем употребления

понятия «нация», как это сделал товарищ Сасэк, по-нашему неуместна. Ясно, что в резолюциях конгрессов Интернационала понятия «нация» и «государство» покрывают друг друга. Тот же оратор полагает, что с моральной точки зрения правы чехи. Если чехи ни за что не хотят сойти с избранного ими пути, мы не можем помешать им в этом. Мы не имеем ни пушек, ни штыков, но мы зато располагаем гораздо более внушительной силой. Эта моральная сила, которой не может противостоять никакая другая, — мнение Интернационала. (*Продолжительные аплодисменты.*) Если чехи хотят восстать против него, чешский пролетариат сам выступит против этой тактики. Мы с удовольствием услышали здесь от одного чешского рабочего, что большая часть его соотечественников не сочувствует сепаратистскому движению и что эти товарищи, составляющие здесь, в чешской секции, меньшинство, имеют за собой в стране большинство чешских рабочих. С этой частью чехов Интернационал находится в полном согласии; если вы восстанете против него и будете попирать ногами его решения, то эта часть чешских рабочих, не желающая ничего слышать об автономных профессиональных союзах, начнет приобретать все более важное значение. Эта эволюция неизбежна, так как классовое сознание растет вместе с экономическим развитием.

«Случай Биссолати»

Жизнь итальянской социалистической партии ознаменовалась в нынешнем году тем, что один из самых выдающихся и самых уважаемых членов этой партии, Леонид Биссолати, едва не вошел в состав министерства Джиолитти. Случай этот привлек к себе внимание социалистов всех стран. Поэтому я считаю не лишним сказать о нем здесь несколько слов.

Многие итальянские товарищи держались того мнения, что Биссолати должен принять предложение, сделанное ему Джиолитти. Они сожалели, что Биссолати, в конце концов, отклонил это предложение. Я иначе смотрю на это; я решительный противник социалистического министериализма. Мой взгляд наверное не понравится тем итальянским товарищам, которые сожалеют о том, что Биссолати отказался от предложенного ему портфеля.

И они заметят, может быть, что я, как иностранец, не должен был бы брать на себя смелость судить о факте, относящемся ко внутренней жизни итальянской социалистической партии.

Подобное замечание было бы неосновательно. Конечно, «случай Биссолати» прежде всего затрагивает интересы итальянской социалистической партии. Это очевидно. Но интересы сознательного рабочего движения всего цивилизованного мира так тесно переплелись между собой в настоящее время, что социалистическая партия каждой данной страны существенно заинтересована в том, что делают социалистические партии всех других стран. В начале 1848 г. авторы «Манифеста Коммунистической Партии» Маркс и Энгельс бросили клич: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Теперь это *пожелание* стало *действительностью.* Теперь сознательные пролетарии всех стран в самом деле об'единились между собой в социалистическом Интернационале.

Ежегодная демонстрация 1 мая служит одним из многих выражений международной солидарности рабочих. Французская партия недаром называет себя французской секцией рабочего интернационала. И недаром

та же партия считает себя обязанной следовать в своей тактике знаменитой резолюции Международного амстердамского конгресса 1904 г. Правда, не все партии в одинаковой мере считаются с решениями международных социалистических с'ездов. Известно, например, что так называемые чешские сепаратисты [1]) очень энергично отстаивали свою позицию на Международном с'езде в Копенгагене, а когда этот с'езд высказался против них, они не подчинились его решению. Социалистическая партия любой страны может, пожалуй, в подходящем случае последовать примеру чешских сепаратистов. Социалистический интернационал никого не может *принудить* к повиновению. Да он и не хочет принуждения. Его сила — чисто нравственная.

Но так как эта нравственная сила уже теперь очень велика и так как она все более и более увеличивается по мере того, как развивается классовое самосознание пролетариата [2]), то нужно думать, что пример чешских сепаратистов останется исключением, не опровергающим общее правило, а лишь подтверждающим его. У них не много найдется подражателей, да и сами они, вероятно, скоро увидят себя в нравственной необходимости сделать весьма серьезные уступки общественному мнению социалистического мира.

Рассматривая «случай Биссолати» с международной точки зрения, надо прежде всего отметить, что, принимая министерский портфель, названный товарищ очень сильно содействовал бы обострению той борьбы между социалистическим оппортюнизмом (реформизмом) и социалистическим радикализмом, которая более или менее интенсивно ведется теперь во всем цивилизованном мире. Амстердамский международный с'езд высказался против участия социалистов в буржуазных министерствах, усмотрев в таком участии один из видов *сотрудничества* классов, несовместимого с революционной тактикой *классовой борьбы*. Пока амстердамская резолюция оставалась *простым проектом* [3]), она вызывала против себя жестокую оппозицию реформистов всех стран. Когда она

[1]) Т.-е. те социалисты, которые кладут в основу профессиональной организации рабочих *национальный* принцип, восставая, тем самым, против до сих пор существующей в Австрии *интернациональной* организации этих союзов.

[2]) § 41 устава французской социалистической партии требует от выставляемых ею кандидатов обязательства подчиняться решениям социалистических с'ездов, французских и международных.

[3]) В этом своем виде она носила название дрезденской резолюции, так как уже была в своей существенной части принята на Дрезденском с'езде германской партии.

была принята, реформисты, — и прежде всего французские реформисты, против тактики которых она непосредственно направлялась, — сочли себя обязанными подчиниться ей. Но, подчинившись ей в интересах пролетарской дисциплины, они продолжали считать свою прежнюю тактику правильной, а тактику революционеров ошибочной.

И совершенно так же продолжали смотреть на спорный вопрос реформисты других стран. Это весьма ясно сказалось, например, в некоторых резолюциях бельгийской партии и в некоторых заявлениях наших датских товарищей. Что же произошло бы, если бы Биссолати принял предложенный ему министерский портфель? Произошло бы, вероятно, вот что. Некоторые, наиболее нетерпеливые из реформистов других стран, поспешили бы заявить, что Биссолати не сделал никакого греха, нарушив постановление Международного амстердамского с'езда.

Мне кажется, что именно так поступили бы некоторые бельгийские, датские и английские товарищи. Другие, более сдержанные и более дипломатичные, не решились бы оправдывать поступок Биссолати, поскольку он представлял бы собой нарушение социалистом постановления одного из международных социалистических с'ездов, но тем настойчивее доказывали бы, что нарушенное постановление (резолюция Амстердамского с'езда) перестало удовлетворять требованиям жизни и потому сильно нуждается в пересмотре. В этом смысле высказались бы некоторые наши австрийский друзья. Таким образом, важный тактический вопрос, уже решенный однажды международной социал-демократией, снова стал бы на очередь, а неизбежным следствием этого явилось бы, как я сказал выше, повсеместное обострение борьбы между реформистами и революционерами, так как эти последние теперь больше, чем когда-либо, убеждены в правильности амстердамской резолюции. Вообще говоря, в подобном обострении нет ничего страшного. Великий эфесский философ вполне прав: «спор есть отец всех вещей». Однако есть споры и споры. Бесполезные споры не ведут ни к чему, кроме напрасной траты времени и сил. А к числу таких бесполезных споров непременно нужно было бы отнести возобновленный спор о том — может или не может социалист без ущерба для своего дела принять участие в буржуазном министерстве. Опыт уже очень ясно показал, что — не может.

Говорят, что вопрос об участии социалистов в буржуазном министерстве есть вопрос целесообразности и тактики, а не догмы и принципа. Так совсем еще на днях выразилась одна русская буржуазная га-

зета [1]), — горячо отстаивающая поведение итальянских реформистов. Но это противопоставление целесообразности догме не выдерживает теоретической критики и свидетельствует лишь о том, что мышление нынешних идеологов буржуазии отличается, к сожалению, до крайности догматическим характером. Ход наших идей выражает собою ход вещей. Все наши «догмы» основаны на изучении об'ективной действительности. До какой степени это справедливо, видно хотя бы из того, что каждый новый серьезный труд по статистике приносит новые доказательства в пользу «догм», лежащих в основе нашей программы, и против старых буржуазных догм, лежащих в основе предпринятой когда-то Бернштейном так называемой «критики Маркса».

Что же касается наших тактических «догм» вообще, и в частности тех, на которые опирается амстердамская резолюция, то они насквозь пропитаны именно духом практической целесообразности.

В самом деле, опыт, тяжелый опыт наших французских товарищей, ясно показал, что участие социалистов в буржуазном министерстве не имеет ровно ничего общего с тем завоеванием политической власти, к которому непременно должен стремиться, в интересах своего освобождения, сознательный пролетариат всякой страны. Такое участие представляет собой не завоевание политической власти, а, наоборот, завоевание социалистов политической властью... буржуазии. Целесообразно ли завоевание *этого рода?* Оно целесообразно с точки зрения сознательной буржуазии и вовсе не целесообразно с точки зрения сознательного пролетариата. Мне сдается, что это различение не ускользнуло от внимания буржуазных газет, рукоплескавших итальянским реформистам. Но они сочли более целесообразным не упомянуть о нем, а изобразить дело так, как будто бы участие социалистов в буржуазном министерстве было целесообразно вообще, совершенно независимо от какой бы то ни было классовой точки зрения. Но такой целесообразности вообще никогда нигде не было и никогда нигде не будет. Она есть самая нелепая изо всех догм.

Опыт наших французских товарищей показал, что участие социалистов в буржуазном министерстве вносит большую дезорганизацию в социалистическую среду. Но деморализация социалистической среды вполне целесообразная с точки зрения сознательной буржуазии, совершенно нецелесообразна с точки зрения сознательного пролетариата.

Далее. Опыт наших французских товарищей показал, что деморализация социалистической среды, неизбежно сопровождающая участие

[1]) «Речь», № 93, от 5 марта 1911 г.

социалистов в буржуазном министерстве, вызывает недоверие к социализму в широкой массе пролетариата и толкает более деятельные элементы этой массы в ряды так называемых революционных синдикалистов, представляющих собою новейшую анархическую разновидность. Но распространение недоверия к социализму в широкой массе пролетариата, а равно и усиление новейшей анархической разновидности, вполне целесообразное с точки зрения врагов всемирной социалистической партии, совершенно нецелесообразно с точки зрения этой партии.

Все это известно всем и каждому. Но когда мы, основываясь на этом, восстаем против участия социалистов в буржуазных министерствах, нам возражают, что, ослепленные догмой, мы упускаем из виду соображения целесообразности. Это просто-напросто плохой каламбур.

Буржуазная русская газета, мнение которой цитировано мною выше, говорит: «В Италии не будет министров социал-демократов, но будут социал-демократы, бескорыстно вотирующие за «буржуазных» министров, принимающие «капиталистический» бюджет и содержащие постоянную армию. Если это все — не та «политика уступок существующему порядку вещей», которая была проклята для Германии в Дрездене и воспрещена для всего мира в Амстердаме, то что же еще значат всем известные радикальные резолюции национальных и интернациональных конгрессов?»

Здесь буржуазная газета отчасти права не только со своей буржуазной точки зрения. Действительно, социалистическая партия всякой данной страны может, даже не участвуя в буржуазном министерстве, усвоить себе тактику, отвергнутую Международным социалистическим с'ездом в Амстердаме. Но это теперь совсем не ново; ведь на это указала та же амстердамская резолюция. Возможно, что, отказавшись, в лице Биссолати, от участия в буржуазном министерстве, итальянские реформисты все-таки не удовлетворяют или не удовлетворят своим поведением тем требованиям, которые пред'являются амстердамской резолюцией социалистам всех стран. Но если это так (или если это будет так), то это нужно (или нужно будет) рассматривать как довод против итальянских реформистов, а вовсе не как довод против амстердамской резолюции. И я уверен, что в таком случае против тактики итальянских реформистов решительно восстанет левое крыло итальянской социалистической партии.

Я уже сказал: говоря вообще, нам, непримиримым, не следует бояться обострения борьбы между реформистами и революционерами. Но в современном цивилизованном мире никакая борьба не возможна без

помощи теории. Итальянские реформисты имеют свою более или менее стройную теорию. Она изложена, например, в книге Иваное Бономи «Le vie nuove del socialismo»». Этой реформистской теории левое крыло итальянской партии может с успехом противопоставить только теорию революционного марксизма. И пусть не боится оно обвинения в догматизме.

Обвинение это совершенно нелепо. Единственная «догма» революционного марксизма состоит в том, что современный социалист должен оставаться последовательным, т.-е., значит, и непримиримым в своей критике теории и практики буржуазных партий. В такой «догме» нет ровно ничего опасного: она выражает собой интересы движения, а не интересы застоя. И притом она порождена не каким-нибудь отвлеченным принципом, а об'ективным ходом развития современного общества. Все существенные результаты современного общественного развития все более и более противоречат теории и практике всех буржуазных партий.

Интервью с сотрудником газеты «Юг»

— В чем вы видите главнейшие причины неудачи русской революции 1905—1906 гг.?

— Что касается событий 1905 — 1906 гг., то прежде всего мы условимся насчет терминологии. Обыкновенно их об'единяют под общим названием революции. Это не совсем точно, ибо революцией мы привыкли называть такое общественное движение, которое приводит к свержению данной политической системы и, в частности, правительства. События 1905 — 1906 гг. к свержению правительства не привели, поэтому и революцию, происшедшую у нас тогда, приходится признать не совсем полной. Точнее было бы сказать, что это был очень сильный под'ем революционного движения, вызвавший глубокую трещину в здании старого порядка, но не поваливший этого здания. Его низвержение остается до сих пор делом будущего.

Теперь принято говорить, что события 1905 — 1906 гг. не оправдали тогдашних ожиданий передовой части населения. Но мне кажется, что и это можно признать только с известной оговоркой. Правда, события ожиданий не оправдали, но это произошло только потому, что ожидания были слишком преувеличены, а следовательно и неосновательны. Я всегда считал, что самой главной, чтобы не сказать единственной, движущей силой русского революционного движения является пролетариат. В этом смысле я высказался, как вы знаете, еще на Международном Социалистическом Конгрессе 1889 г. Это не значит, что я отрицал существование в России других недовольных элементов. Мне, конечно, было прекрасно известно, что такие элементы существуют. Достаточно вспомнить о крестьянах. Их положение так тяжело, что они не могли быть им довольны. Но я не считал их *революционной* силой в настоящем смысле этого слова. Несомненно, крестьянин, страдающий от малоземелья, давно уже стремится к экспроприации помещиков. На этом его стремлении основана была когда-то программа нашей организации «Черный Передел». Но в моих глазах оно не яв-

ляется революционным по своему существу. По-моему, оно есть не что иное, как пережиток тех воззрений, которые сложились в Великороссии под влиянием аграрной политики Московского государства. Политика эта основывалась на том, что земля считалась государевой, а крестьяне прикреплялись к государевой земле. Так как они составляли главную платежную силу государства, то насущный интерес последнего заключался в том, чтобы они были обеспечены достаточным земельным наделом. Ряд мер, принимавшихся в течение целых столетий, привел, наконец, к тому, что крестьяне переживали нечто вроде «черного передела» во время каждой ревизии, так как каждая ревизия приводила к своеобразному земельному «равнению». Потом ревизии прекратились. Земельное равнение не имело больше места, между тем как малоземелье все более и более давало себя чувствовать, и крестьянин нетерпеливее, чем когда-либо прежде, ждал «равнения». В 80-х годах, в эпоху существования нашей организации «Черный Передел», он в большинстве случаев ограничивался только «*ожиданием*» нового равнения, а в начале 900-х годов он, не дождавшись равнения свыше, *стал осуществлять его собственными средствами*. Как только он принялся за это, его действия получили революционный характер, так как грозили крайне чувствительно нарушить существующий у нас экономический порядок. Это его движение совпало с революционным движением городского населения. Потому-то и получился сильный революционный под'ем, который, как я сказал, создал глубокую трещину в здании существующего у нас политического порядка. Но, оказав чрезвычайно сильную поддержку революционным элементам городского населения, крестьянин не сумел поддержать их до конца. Не сумел именно потому, что его психология оставалась в огромном большинстве случаев психологией старого времени, возникшей на почве общественных отношений до-Петровской Руси. Благодаря этому вышло то, что одетые в солдатский мундир дети тех людей, которые в деревнях самовольно делали земельное равнение,—и по этому самому выступали революционерами,—расстреливали революционеров в городе и тем спасали наш старый порядок. Тут заключается вся тайна того, что называют неудачей революции 1905—1906 гг. Для того, кто не отдавал себе отчета в характере старозаветной психологии русского крестьянина, эта так называемая неудача по необходимости представлялась неожиданной. Но я не принадлежал к числу людей, обманывавшихся на этот счет. В самый разгар наших революционных событий я в своем «Дневнике» указывал на то, что крестьянин, самовольно производящий земельное равнение, считает

бунтовщиком не себя, а того помещика, который ему противится, и что именно по этой причине крестьянин этот может только до известной степени, а не всецело сочувствовать истинно революционным элементам нашего населения. Я предупреждал своих товарищей против тех преувеличенных ожиданий, которые приурочивались, например, большевиками, к крестьянскому движению. Мне указывали на то, что крестьяне охотно подписываются под самыми революционными резолюциями. На это я возражал, что, по свидетельству одного из наших историков, казанские татары в Смутное время, принимая на себя обязательство итти вместе с русским населением против «литовских людей» и казаков, обещались, между прочим, поддержать «Дом Пресвятые Богородицы». Для них важно было избавиться от «литовских людей» и от казаков, а в выражение «Дом Пресвятые Богородицы» они совершенно не вдумывались, очевидно, считая его не более, как приличным случаю риторическим украшением. Приблизительно то же было и с нашими крестьянами в 1905 — 1906 гг. Революционные резолюции нравились им тем, что в них говорилось, правда, не всегда по-русски, о необходимости перехода помещичьих земель в крестьянские руки. Они голосовали за эти резолюции именно потому, и только потому, что в них, хотя и не совсем по-русски, («конфискация» и т. п.) говорилось о так страстно желанном земельном равнении. А на остальное они не обращали внимания. Я всегда подозревал, что, например к Учредительному Собранию они относились именно так, как татары к «Дому Пресвятые Богородицы», считая его риторическим украшением, требуемым литературными приличиями данного времени. Зато я не мало претерпел от своих же собственных единомышленников. Последующие события показали, как мне кажется, что потерпел-то я совершенно напрасно. Но дело не в этом. Дело в том, что, как это бывает всегда, вслед за преувеличенными ожиданиями является преувеличенное разочарование. Годы 1907 — 1912 и были годами преувеличенных разочарований. Тогда возникло «ликвидаторство», возникли «лиги свободной любви» и так дальше. А по-моему, как в 1905—1906 гг. не следовало предаваться слишком розовым надеждам, так в 1907 — 1912 гг. не следовало унывать. Во время революционного взрыва не все было так хорошо, как этого хотелось нашим *революционерам,* а в эпоху застоя не все было так плохо, как этого желали наши *реакционеры. Tout compte fait* я думаю, что мы, после всех наших так называемых неудач, имеем полное право повторить слова Чернышевского: «Пусть будет, что будет, а будет все-таки на нашей улице праздник!»

— Сколько мы можем припомнить, вы выразили высказанный вами сейчас взгляд на положение дел уже в вашей телеграмме на имя Петербургского Совета Рабочих Депутатов?

— Телеграммы в Совет Рабочих Депутатов я не посылал, но взгляд свой, по существу тождественный с тем, который я высказал вам теперь, я выражал как в «Дневнике социал-демократа», так, между прочим, и в письме в редакцию «Начала». Это письмо, вероятно, и подало повод говорить о телеграмме. В нем я именно предостерегал своих товарищей от преувеличенных ожиданий и указывал на то, что, пока значительная часть армии не перешла на сторону революции, мы не имеем никаких шансов победить в генеральном сражении. Прибавлю еще, что моим взглядом на движущие силы русской революции определялось и мое понятие о тех *тактических приемах,* которых нам следовало держаться. Те социал-демократы, которые полагали, что весь народ сознательно требует Учредительного Собрания, естественно приходили к тому заключению, что настало время подготовлять вооруженное восстание. А я говорил, что это время еще, к сожалению, не пришло, так как огромная часть народа совершенно не понимает политических задач настоящего периода. Товарищи, спорившие со мной, сокрушенно качали головами, находя, что я «уже не тот», что я изменился. А я отвечал им, что если уж говорить об изменении, то надо признать, что *еще недостаточно изменилась та народная масса, на которую мы должны опираться.* Наша главная тактическая задача заключалась, по-моему, в том, чтобы привести народ к отказу от тех старых политических понятий, которые он, как я уже сказал, получил по наследству от Московской Руси. Иначе сказать, важнейшая революционная задача того времени состояла, как и прежде, в политическом воспитании масс. Только пределы возможного для нас политического воздействия на народ стали несравненно шире. Политическое воспитание масса могла в 1905—1906 гг., как и во всякое другое время, получить лишь путем наглядных уроков, т.-е. путем постоянных политических столкновений с существующей властью. Я думал, что поводом к таким столкновениям могло послужить, между прочим, участие в выборах в Думу. Поэтому я твердо стоял за участие, между тем как большевики проповедывали бойкот, а меньшевики придумали то, что я назвал полубойкотом, т.-е. участие в первых стадиях выборов и отказ на последних. Это было уже совсем бог знает что. Наш Стокгольмский с'езд признал в апреле 1906 г., что участие в выборах полезно для успеха дальнейшего революционного движения и потому

обязательно для нашей партии. Таким образом, с этой стороны я был оправдан.

— Как вы смотрите на современное положение дел?

— Современное положение дел может быть охарактеризовано одним словом: застой или упадок. Застой, как вы помните, обнаружился в 1907 г. Во время застоя и созрели лиги свободной любви, ликвидаторство и прочие столь же вкусные фрукты, но теперь застой уже близится к концу. По крайней мере в том общественном классе, который я считаю единственно революционным в России, т.-е. в пролетариате, мы опять видим самые несомненные признаки революционного пробуждения. Уже в прошлом году я имел право написать в одном из своих писем в Международное Социалистическое Бюро, что в С.-Петербурге, по случаю 1 мая, оставило свои фабрики более 100 тысяч рабочих, и что, таким образом, в столице России международный рабочий праздник был отпразднован едва ли не торжественнее, чем в какой-либо другой европейской столице. В нынешнем году, как вы знаете, в С.-Петербурге в майском празднике участвовало до 200 тысяч рабочих. Это ли не пробуждение? И ввиду его уныние является просто-напросто лишенным всякого смысла. Теперь общественно-политическое положение России опять таково, что революционных *дел* больше, чем *революционных* деятелей. Стало быть, тут можно сказать словами Некрасова: «Знай работай, да не трусь!» Но заметьте, что революционное настроение пробуждается теперь прежде всего в том общественном классе, который я считаю единственным действительно революционным в России. Прошу вас отметить, что этим я вовсе не хочу сказать, будто пролетариат должен отворачиваться от всех других классов нашего населения, изолировать себя. Это было бы величайшей тактической ошибкой. Еще Манифест Коммунистической Партии говорил, что коммунисты, — т.-е. сознательные представители пролетариата, — должны поддерживать всякое поступательное общественное движение, направленное против существующего порядка вещей. Забвение этого правила несет за собой чрезвычайно вредные последствия. Но, всегда поддерживая всякое поступательное общественное движение, направленное против существующего порядка вещей, никогда не следует, по-моему, упускать из виду, что единственно общественной силой, революционной в полном смысле этого слова, является в настоящее время пролетариат. Именно пролетариат должен быть, как я выразился на Лондонском с'езде 1907 г., демиургом русской революции, пользующимся другими революционными

и оппозиционными общественными элементами как орудиями для своего революционного действия.

— Как вы относитесь к указу 9 ноября?

— Нечего и говорить, что мера, предписанная этим указом, осуществляется при условиях, наименее выгодных для крестьян, а следовательно и для всей России. Условия эти так страшно невыгодны, что еще очень долго нашей стране придется страдать от них. Но мера эта неоспоримо имеет ту выгодную сторону, что окончательно разрушает все пережитки общественной психологии, возникшей некогда благодаря аграрной политике Московского государства. Наши реакционеры отстаивали указ 9 ноября как контр-революционную меру. На самом деле она принесет в конечном счете *революционный результат*. В нашей литературе об этом вопросе есть брошюра Лосицкого. Я принимаю все выводы этого весьма серьезного исследователя.

— Ввиду указанного вами под'ема в пролетариате, какие, по вашему мнению, позволены надежды на будущее?

— Если бы вы меня спросили, думаю ли я, что мы находимся *накануне* нового революционного *взрыва,* то я ответил бы, что я вообще не склонен выступать в роли пророка, но что все-таки у нас едва ли есть основание думать, будто революционный взрыв *очень близок*. Близок не взрыв. Близко, и чрезвычайно близко, то огромное обострение процесса революционизирования России, благодаря которому может найти для себя чрезвычайно плодотворное дело всякий тот, кто хотел бы послужить русской революции. А этого совершенно достаточно для революционера. Вообще обязанность революционера заключается не в том, чтобы в каждую *данную минуту* быть убежденным, что революция — дело *следующей минуты,* а в том, чтобы не оказаться в положении тех неразумных евангельских дев, которые не сумели приготовиться ко встрече жениха.

— Думаете ли вы, что в числе подготовительных мер должно быть и об'единение социалистических партий?

— Да! Я убежден в этом. Я полагаю, что об'единение очень нужно и что недаром нам, представителям России, напоминают о нем представители западных стран в каждом заседании Международного Социалистического Бюро. (Эти мои слова вам, наверное, подтвердит и И. А. Рубанович.) Повидимому странно ставить на очередь об'единение социалистических сил России в такое время, когда эти силы раздроблены

более, чем когда-нибудь. Я не хочу говорить о партии социалистов-революционеров. Но что касается нас, социал-демократов, то мы, в самом деле, еще никогда не переживали такого организационного разброда, какой переживаем теперь. Но мне сдается, что это крайнее раз'единение сулит нам единство. Прежде наши тактические и организационные разногласия находили свое выражение в двух больших фракциях — большевиков и меньшевиков. Их взаимная борьба сильно вредила нам. Но пока их было только две, каждая из них представлялась такой организацией, которая, на худой конец, могла бы собственными силами делать наше социал-демократическое дело. Теперь, когда эти две большие фракции сами начинают разлагаться на свои составные части, все более и более становится очевидным, что делать социал-демократическое дело нельзя иначе, как оставив старую «склоку» и об'единившись. Вот почему я и думаю, что тут может, по библейскому выражению, из горького выйти сладкое, из крайнего раздробления — движение в сторону единства. К тому же и пролетариат, как русский, так и западный, не позволит нам долго пребывать в состоянии раздробления. Он *принудит нас* об'единиться. Вы знаете, что аппетит приходит во время еды. Раз мы начнем об'единяться, то нам естественно будет спросить себя, что именно препятствует нам об'единиться с социалистами-революционерами? Самой важной из причин, мешавших нам итти вместе с ними, был их взгляд на значение капитализма в процессе русского общественного развития. Подобно народникам 70-х годов, социалисты-революционеры думали, — или, по крайней мере, нам *казалось,* будто они думали, — что развитие капитализма представляет собой такое отрицательное явление в русской общественной жизни, с которым надо бороться, всячески задерживая его дальнейшее развитие. Мы же были убеждены, что задерживать развитие капитализма значит задерживать развитие производительных сил страны, а задерживать развитие производительных сил страны значит задерживать все вообще ее культурное развитие, а, между прочим, и развитие революционных тенденций в ее населении. Эти два взгляда взаимно противоположны и совершенно несовместимы между собой. Но мне думается, что в настоящее время эта теоретическая антиномия перестала или, по крайней мере, перестает существовать. События последнего десятилетия воочию показали, что развитие капитализма в самом деле создает в стране новые и совершенно незаменимые революционные элементы. Можно ли представить себе события 1905—1906 гг. в такой стране, где нет пролетариата? Социалисты-революционеры не слепы. Они видят,

что это так. А видя, что это так, они должны будут отказаться от той крайности, которая делала их, при совершенно несомненной искренности их *революционных* стремлений, *консерваторами* по отношению к экономической стороне нашего быта. Я позволяю себе говорить: делала, имея в виду, например, покойного Н. К. Михайловского, писавшего, что социальный вопрос на Западе есть вопрос революционный, а у нас консервативный. Теперь вряд ли кто решится повторить это, особенно ввиду тех экономических последствий, которые каждый день несет за собой упомянутый вами выше и ставший законом указ 9 ноября. С другой стороны, и социал-демократы теперь не совсем те, что были прежде; они гораздо лучше понимают свое собственное учение. В 1892 г я написал для нашего трехмесячника «Социал-демократ» статью «Всероссийское разорение». Там я утверждал, что наши товарищи должны вести агитацию, требуя серьезной помощи голодающему крестьянству. Встретив в моей статье эту мысль, некоторые мои товарищи решили, что я уже не тот, что я отказался от марксизма. Они, изволите ли видеть, вообразили, что если бы было накормлено голодающее крестьянство, то это остановило бы развитие капитализма, а потому замедлило бы торжество русской революции. С этим диким взглядом я полемизировал в брошюре «О задачах социалистов в борьбе с голодом в России». В частных разговорах с товарищами я говорил, что люди, держащиеся подобных взглядов, напоминают мне того щедринского помпадура, который находил, что во вверенной ему губернии следует одних заточить, а других истребить, и тогда она несомненно процветет. Но это — tempi passati. Теперь уже никто из нас не только не доходит, но прямо-таки не может дойти до таких нелепых крайностей. Мои товарищи тоже очень многому научились, особенно начиная с 1902 г., т.-е. с того времени, когда крестьянство энергично приступило к самовольному земельному равнению. Они несравненно лучше поняли свою обязанность «поддерживать все поступательные общественные движения, направленные против существующего порядка». Сама жизнь строит мост для нашего сближения. Нам нужно только не бояться вступить на этот мост. В международном социализме наших дней существуют очень различные оттенки, но, несмотря на существование этих очень различных оттенков, по природе своей современный социализм один. А так как он один, то в каждой стране должна существовать только одна, единая, социалистическая партия. Я думаю, что скоро мы все согласимся в этом, что, конечно, не помешает нам, по издавна установившемуся обычаю, наговорить друг другу разных крепких слов в процессе соглашения.

Письмо в Международное Социалистическое Бюро

Сан-Ремо, 9 — XII — 1913 г.

Дорогой товарищ!

На сей раз Международное Социалистическое Бюро собирается в Лондоне, чтобы своим воздействием облегчить окончательное об'единение английских социалистов.

Сожалею очень о том, что должен следующим сообщением ослабить то чувство удовлетворения, которое вы будете испытывать при виде осуществившегося единства английских социалистов.

Разногласия, существовавшие в течение этих последних лет в Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, привели к расколу нашей думской фракции на две соперничающие между собой группы.

Это, во всяком случае, — последний удар, нанесенный нашему единству, и мне, являвшемуся среди вас представителем *партии*, не остается ничего больше, как подать в отставку.

Я это и делаю путем настоящего письма.

Но, тем не менее, позвольте вам сказать, что социалистический пролетариат России твердо стоит за единство партии и что он с величайшим сочувствием поддержит всякую попытку представителей международного пролетариата помочь новому об'единению наших сил.

Всякое ваше действие в этом направлении будет облегчаться еще благодаря тому, что среди наших организованных товарищей существует течение, называющее себя «партийцами» (имеющее своим органом выходящую в Париже газету «За партию»), всегда протестовавшее против всяких попыток раскола, из какой бы фракции они ни исходили — «большевиков» ли ленинской окраски, или «ликвидаторов».

К этому течению принадлежат как «большевики», так и «меньшевики», которые одинаково убеждены в том, что в настоящее время единство является нашей главной практической задачей.

Обращаю ваше внимание на существование этого течения для того, чтобы вы о нем знали в тот момент, когда вам придется решать вопрос, как должны быть представлены в настоящее время русские социал-демократические силы в Международном Социалистическом Бюро.

Преданный Вам
Плеханов.

P. S. Письмо мое было уже написано, когда я получил копию предложения Центрального Комитета Социал-Демократии Польши и Литвы. Я полагаю, что вы окажете большую услугу, поставив в порядок дня Венского конгресса вопрос об об'единении Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

Г. П.

Письма в ред. «Невской Звезды» и «Правды»

Сан-Ремо — 30 (17) — V — 1912 г.

В редакцию газеты «Невская Звезда».

Уважаемые товарищи,

Вслед за вашей просьбой посылать статьи на политические темы, отсюда была отправлена статья П. Дневницкого «Первомайские уроки». Статья эта, выражающая наши взгляды на современное положение дел и на задачи рабочей демократии, до сих пор не напечатана, хотя мы имели право надеяться на это в силу нашего договора.

Мы думаем, что печатание статей, в которых излагаются наши взгляды, для вас невозможно, а потому просим вас вычеркнуть наши имена из списка сотрудников «Невской Звезды».

Конечно, это может вызвать недоумения среди читателей, но мы постараемся так или иначе рассеять их.

С приветом *Г. Плеханов.*
П. Дневницкий.

Сан-Ремо 30 (17) — V — 1912 г.

В редакцию газеты «Правда».

Уважаемые товарищи,

Помещая наши имена в списке своих сотрудников, вы не просили на это нашего согласия. Из этого мы заключаем, что вы приняли те условия, на которых мы только и согласились работать в родственном вам издании, т.-е. в «Звезде».

Условия эти таковы: 1) мы сотрудничаем как целое течение, а не в качестве отдельных литераторов; 2) наши статьи не редактируются в Петербурге (ни где-либо еще), и редакция за нас не ответственна (что

она и в праве оговорить вообще или в каждом отдельном случае), как и мы не ответственны за статьи представителей другого течения; мы получаем право писать о тех вопросах, осветить которые считаем важным, и то, что сказать по их поводу находим нужным, хотя бы редакция не была с нами солидарна: мы мотивировали свои №№ — принятые редакцией «Звезды») требования тем, что по тактическим вопросам у нас уже возникали и всегда могут возникнуть весьма существенные разногласия. Участвовать же в органе, в котором ему не дозволяют высказывать свои *политические* взгляды, очевидно, не будет ни одно уважающее себя политическое течение.

Но первая же политическая статья (ст. П. Дневницкого — «Где самый опасный враг?»), посланная отсюда в ваше издание и выражающая наши взгляды на самые важные сейчас вопросы русской общественной жизни, до сих пор почему-то не напечатана.

Непоявление этой статьи мы об'ясняем случайностью, так как хотим думать, что редакция рабочей газеты в настоящий серьезный момент не пожелает встать на узко-фракционный и раскольнический путь, чтобы не губить того дела, во имя которого ей самой приходится приносить столько жертв.

Мы просим *немедленно* сообщить: согласны ли вы дать место на страницах «Правды» для выражения тех взглядов, которые развиты в названной статье, или же вы на это не согласны? В последнем случае мы просим из'ять наши имена из списка ваших сотрудников и довести до сведения читателей причины нашего отказа.

Отсутствие ответа мы будем рассматривать как отрицательный ответ.

С приветом *Г. Плеханов.*
П. Дневницкий.

Письмо организаторам митинга протеста против преступления 1907 г.

...Правительство, называющее себя конституционным тогда, когда нужно заключать займы за границей, совершает настоящий государственный переворот, когда ему надо наложить свою тяжелую длань на социал-демократических депутатов, осмеливающихся быть по отношению к нему в оппозиции.

Дума распускается, личность депутатов не является более неприкосновенной, они арестовываются и, под предлогом обвинения в заговоре, приговариваются к каторжным работам.

Агенты-провокаторы, от начала до конца сфабриковавшие весь этот мнимый заговор, своими разоблачениями раскрыли, что весь он высосан из пальца.

На этом основании наши товарищи, входящие в третью Думу, требуют освобождения осужденных.

Но достойная наследница государственного переворота, эта Дума не дает им говорить. И старые испытанные представители русского пролетариата обречены попрежнему на страдания в каторжных тюрьмах. Вот каково пока положение вещей.

За это дело должен теперь взяться международный пролетариат. К нему мы и обращаемся с призывом. Мы обращаемся в то же время и к тем представителям буржуазии, которые сохраняют чувство справедливости даже по отношению к социалистам.

Мы надеемся, что те, которые умели защищать сосланного на Чортов Остров, сумеют также защитить и наших осужденных из второй Думы!

С братским приветом

Г. Плеханов.

5001.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Предисловие редактора V

БОРЬБА С ЛИКВИДАТОРСТВОМ (1909—1914 гг.)

«Дневник социал-демократа» № 9
(Август 1909 г.)

О возобновлении моего «Дневника» 3
Оппортюнизм, раскол или борьба за влияние в партии? 5
Нечто о выгодах «генерального межевания» 21
Необходимая поправка 25

«Дневник социал-демократа» № 10
(Февраль 1910 г.)

От редакции 29
Шила в мешке не утаишь! 31
Комедия ошибок 38
Два слова к читателю 66
Post-scriptum 69

Приложение к № 10 «Дневника социал-демократа»
(Женева, 1910 г.)

О моем «секрете» 73

«Дневник социал-демократа» № 11
(Март 1910 г.)

Последнее пленарное собрание нашего Центрального Комитета 99
Август Бебель 122
Запутанное об'яснение 123

Статьи из газеты «Социал-демократ»

В защиту «подполья» 129
(№ 12 от 23 марта/5 апреля 1910 г.)
Новое письмо к тов. Мартынову 137
(№ 12 от 23 марта/5 апреля 1910 г.)
О пустяках и особенно о г. Потресове 139
(№ 13 от 26 марта/9 мая 1910 г.)

О том, что полезно уметь связывать свои мысли 155
(№ 15 — 16 от 30 августа/12 сентября 1910 г.)
Несколько слов в ответ т. С. Лидову 166
(№ 18 от 16/29 ноября 1910 г.)

«Дневник социал-демократа» № 12
(Июнь 1910 г.)

Легальные рабочие организации и Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия 173
Об изучении философии 202
Вниманию Центрального Комитета 206

«Дневник социал-демократа» № 13
(Июль 1910 г.)

Полемическая беспомощность, или сердит, да не силен 213
О письме т. В. Ольгина 268

Из «Рабочей Газеты»

Наше положение 275
(№ 1 от 12 ноября 1910 г.)

Предисловие к брошюре С. Т. Аркомеда

«Рабочее движение и социал-демократия на Кавказе» 287
(Женева, 1910 г.)

«Дневник социал-демократа» № 14
(Август 1911 г.)

К вопросу о «возрождении» нашей партии 299
Зачем же так секретно? 317

«Дневник социал-демократа» № 15
(Октябрь 1911 г.)

Чрезвычайный с'езд Международного Социалистического Бюро 323
Всем сестрам по серьгам 330

Приложение первое к № 15 «Дневника социал-демократа»
Заметка по поводу расписки Ф. И. Дана 363
Опять Ф. И. Дан 366
Post-scriptum к статье «Всем сестрам по серьгам» 370

Приложение второе к № 15 «Дневника социал-демократа»

Вечная память! 375
Об улыбке авгура 376
Правда в маске 389

«Дневник социал-демократа» № 16
(Апрель 1912 г.)

К вопросу о созывании конференции РСДРП 395

Статьи из газеты «За партию»

Предисловие к отчету е-ского делегата на конференции некоторой части русских организаций РСДРП 411
(№ 1 от 16/29 апреля 1912 г.)
Письмо секретарю Международного Социалистического Бюро т. Гюисмансу 416
(№ 1 от 16/29 апреля 1912 г.)
Ко всем течениям, существующим внутри РСДРП 418
(№ 2 от 26 сентября/9 октября 1912 г.)
Товарищам, собравшимся на конференцию, созванную Организационным Комитетом 419
(№ 2 от 26 сентября/9 октября 1912 г.)
Письмо к сознательным русским рабочим 422
(№ 2 от 26 сентября/9 октября 1912 г.)
Еще одна раскольничья конференция 424
(№ 3 от 15/2 октября 1912 г.)
Пятнадцатилетие РСДРП 436
(№ 4 от 30/17 июня 1913 г.)
Новый под'ем 446
(№ 5, февраль 1914 г.)

Статьи из «Правды»

К вопросу о расколе в с.-д. фракции 4-й Государственной Думы 457
(№ 56 от 8/III 1913 г.)
Под градом пуль (Беглые заметки).
Заметка № 1 459
(№ 78 от 3 апреля 1913 г.)
Заметка № 2. Письмо к одиннадцати «передовым» рабочим 464
(№ 83 от 10 апреля 1913 г.)
Заметка № 3. Под суд! 467
(№ 101 от 4 мая 1913 г.)
Заметка № 4. Господин Потресов в роли моего обвинителя 473
(№ № 112 и 114 от 17 и 19 мая 1913 г.)
Заметка № 5. В. И. Засулич, ликвидаторы и раскольничий фанатизм . . 482
(№ № 129 и 130 от 7 и 8 июня 1913 г)

Статьи из «Единства» за 1914 г.

Кто же собственно равнодушен? 493
(№ 1 от 18 мая 1914 г.)
Снявши голову, по волосам не плачут 497
(№ 2 от 1 июня 1914 г.)
Письма к сознательным рабочим 497
Письмо I. Что нужно для того, чтобы стало возможным об'единение наших сил? 499
(№ 1 от 18 мая 1914 г.)
Письмо II. «Открытое письмо» и «Гласный Ответ» 508
(№ 2 от 1 июня 1914 г.)

Письмо III. От национализма к оппортюнизму 519
(№ 3 от 15 июня 1914 г.)
Письмо IV. (№ 4 от 29 июня 1914 г.) 529

Приложения.

Речи на Международном социалистическом конгрессе в Копенгагене 541
«Случай Биссолати» 546
(«Звезда», № 18 от 16 апреля 1911 г.)
Интервью с сотрудником газеты «Юг» 552
(«Юг», № 1, за июнь 1913 г. Ницца)
Письмо в Международное социалистическое Бюро от 9/XII 1913 г. 560
(Прилож. к период. бюлл. Межд. Соц. Бюро, № 11 за 1913 г.)
Письма в ред. «Невской Звезды» и «Правды» 564
(«Невский Голос» № 6 от 5/VII 1912 г.)
Письмо организаторам митинга протеста против преступления 1907 г. . . . 564
(«Будущее» № 14 от 21 января 1912 г.